А.П.Беклемишев
(лит. псевд. Касьян Прошин).

Воспоминания

«Потонувшая Атлантида» - неопубликованные воспоминания Анатолия Петровича Беклемишева (Касьяна Прошина).

Предисловие публикатора

Впервые я столкнулся со сведениями о своем двоюродном прадеде Анатолии Петровиче Беклемишеве в коротком отрывке воспоминаний Алены Дмитриевны Регель (урожденной Белинг), опубликованном в книге о моем деде, академике Анатолии Петровиче Александрове. Речь шла о семье его жены Марьяны Александровны Балашовой и в частности о ее матери Надежде Петровне Беклемишевой:

«Мать Марьяны Александровны , Надежда Петровна Балашова (урожденная Беклемишева) была моей первой и единственной учительницей рисования, лепки, выжигания по дереву и другим прикладным искусствам. Она вела занятия на дому. Наш кружок состоял из детей от 8 до 14 лет и бывало нас там до 10 человек. Сама Н.П. работала тоже дома. Она расписывала керамические вазы, блюда, миски, выжигала по дереву различные панно, выпиливала лобзиком фигурные рамки, полочки, раскрашивала их и т.д. По- видимому, этим Н.П. и жила, когда переехала в Киев с Кавказа (когда именно не знаю). Муж ее Александр Балашов был врачом терапевтом и работал в туберкулезном санатории Гульрипш на Кавказе. Там моя мама, Аделаида Максимилиановна Белинг , тогда еще незамужняя, три года (1911 - 1913) лечилась от туберкулеза и была хорошо знакома с семьей Балашовых.

В то время у Н.П. родились двойняшки - две девочки Марьяна и Татьяна . Когда началась эпидемия тифа, муж Н.П. был призван на борьбу с тифом, заразился и умер. Дочка Татьяна тоже умерла. Н.П. осталась на Кавказе без средств к существованию. Она решила переехать в Киев, вероятно потому, что там жили ее родной брат Анатолий Петрович Беклемишев , сестра Ольга Петровна Беклемишева и семья моей мамы.

Надежда Петровна была очень талантливым организатором и руководителем детских спектаклей. Она сама писала оригинальные сценарии сказочных и романтичных спектаклей в прозе и в стихах. При этом Надежда Петровна была строгим, требовательным и властным режиссером. Вообще, Надежду Петровну можно характеризовать как талантливую, весьма своеобразную натуру. Она была красива, спокойно-величественна, никогда не повышала голос, но ослушаться ее было невозможно. Одевалась она своеобразно, в платья свободного покроя. На голове часто носила что-то вроде тюрбанов - повязок из красивых тканей. У нее были необыкновенно красивые руки, которые могли создать красоту из чего угодно! Тратить время на домашнее хозяйство ей, по-видимому, было жаль, и поэтому все домашние дела лежали на 13-ти летней Марьяне .

Летом 1924 года Н.П. с Марой поселились с нами в Староселье на Днепре. Тогда там размещалась биостанция Академии Наук Украины , в которой работал мой отец, Дмитрий Евстафьевич Белинг . К сожалению, лето 1924 года для Н.П. и Мары закончилось неудачно. Мара заболела скарлатиной и болезнь протекала с осложнениями. Порок сердца, приобретенный тогда, давал о себе знать всю жизнь. В Киеве Н.П. с Марой жили в небольшой 2-х комнатной квартире в одноэтажном мезонине во дворе большого дома по Фундуклеевской улице. Одна комната служила кухней и там же за занавеской стояла Марина кровать. Другая комната была "царством" Н.П. - это была и гостиная, и спальня, и студия, и учебная комната (для кружковцев). Там же устраивались наши отчетные выставки и застолья».

Дальнейшие сведения обнаружились в короткой справке на сайте http://www.tez-rus.net/ViewGood33654.html :

Источник:Русские в Северной Америке. Е.А. Александров. Хэмден (США)-Сан-Франциско (США)-Санкт-Петербург (Россия), 2005

БЕКЛЕМИШЕВ Анатолий Петрович [литературный псевдоним Касьян Прошин]

(10 июня 1890 - 25 мая 1959, Бостон)

Инженер, профессор, журналист.

Родился в имении отца в Рязанской губернии в семье, ведущей свой род от Ивана Никитича Берсеня-Беклемишева, жившего при Василии III и бывшего к нему в оппозиции. Образование получил в 4-й гимназии и в 1917 окончил Политехнический институт в Киеве. После окончания института работал в качестве инженера в Киеве и преподавал вплоть до заведования кафедрой в том же Политехническом институте. В 1939 защитил диссертацию на соискание степени кандидата технических наук. Во время немецкой оккупации 1941—1943 продолжал работать на водном транспорте и преподавать, стараясь, как и в советское время, держаться подальше от властей. Понимая, что этим от советских репрессий не спастись, А.П. Беклемишев. с женой, перед сдачей немцами Киева, решил уйти на Запад и стал беженцем.

Сначала Беклемишевы жили короткое время в Польше, но потом переехали в Германию, где жили на положении «перемещенных лиц».

В 1949 переселились на постоянное жительство в США. Не владея английским язы-

ком, смог устроиться только чертежником в строительной фирме, но вскоре хозяева фирмы, оценив его выдающиеся способности и знания, назначили А.П. Беклемишева на ответственную, а с принятием американского гражданства и на засекреченную работу по обороне. По расчетам А.П. Беклемишева строились радарные установки. Состоял действительным членом Общества русских инженеров в США. Свободное время посвящал русской общественности и литературе. Его блестящие, остроумные статьи, посвященные критике советского строя, регулярно появлялись в русской прессе, в частности, на страницах ежедневной газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Подписывал статьи псевдонимом Касьян Прошин. А.П. Беклемишев также сотрудничал в журнале «Российский антикоммунист». Давая оценку роли эмиграции в истории, А.П. Беклемишев писал: «У эмиграции одна неоспоримая заслуга, она не захотела поклониться зверю».

Родственники: жена Лидия Августиновна и сестра, Н.П. Вакар.

Источник.
Беклемишев А. Письмо секретарю Общества русских инженеров в США. 1949. 4 декабря.

Литература.
А.П. Беклемишев // НРС [Новое русское слово (Нью-Йорк)]. 1959. 28 мая;
Камышников Л. Касьян Прошин // НРС. 1959. 5 июня.

Упоминание о сестре Н.П. Вакар, возможно, является результатом ошибки, у А.П. Беклемишева такой сестры не было. Вероятно имеется в виду двоюродный брат Н.П. Вакар, также живший в США. Где находится упомянутое письмо секретарю Общества русских инженеров в США, мне, к сожалению, выяснить не удалось. Зато всплыло упоминание об архивных материалах, хранящихся в библиотеке Колумбийского университета в США:

http://clio.cul.columbia.edu:7018/vwebv/holdingsInfo?bibId=4077474

Бахметьевский архив.

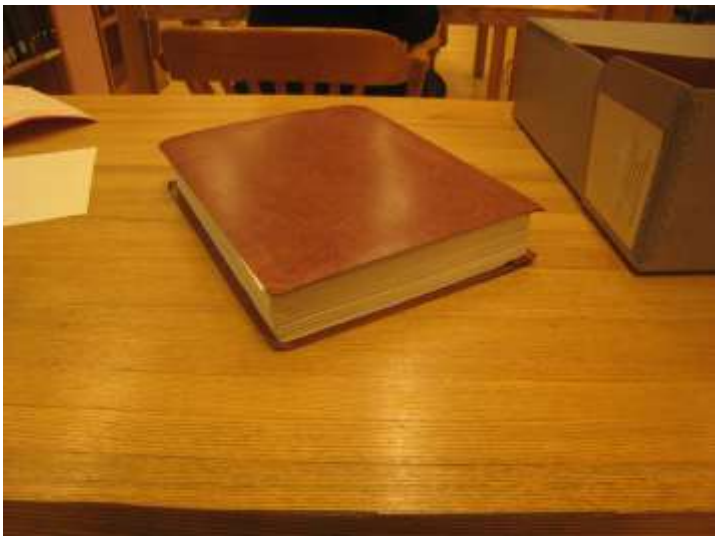
Бумаги Анатолия Петровича Беклемишева (Прошина).

Примерно 300 предметов, 3 коробки и одна папка большого размера.

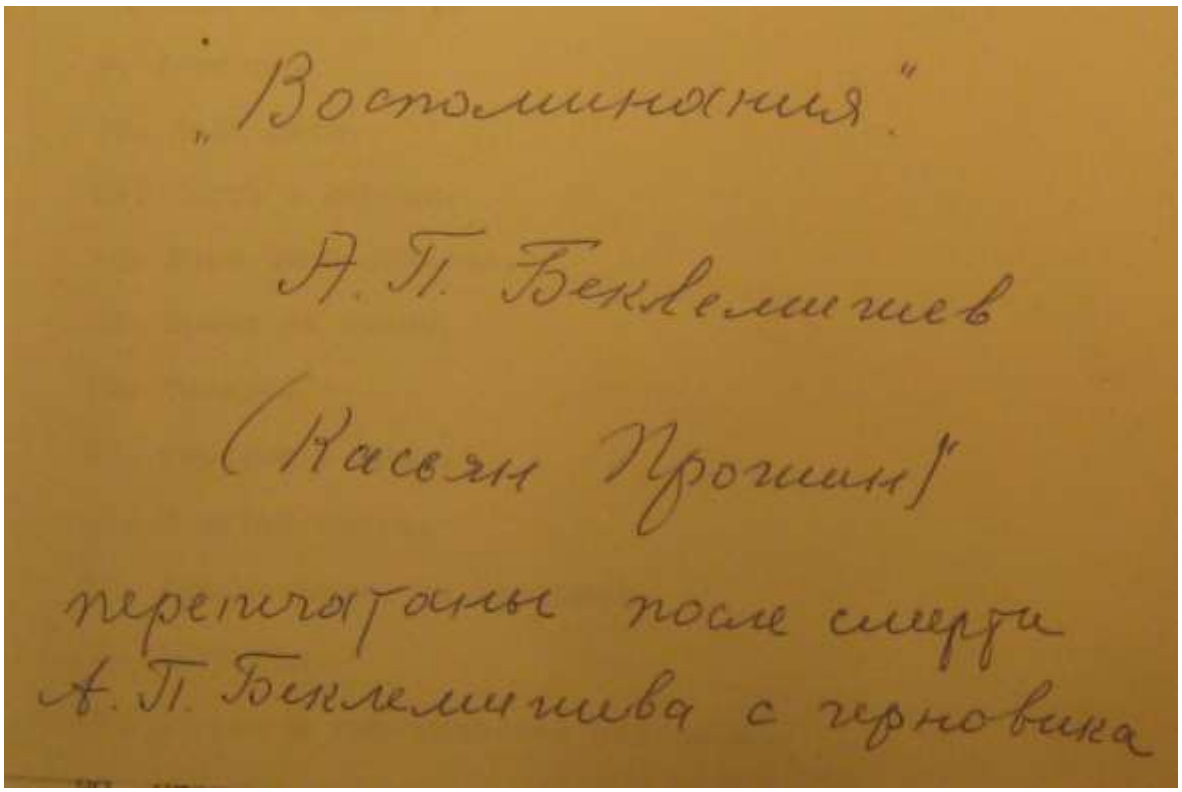
Корреспонденция, манускрипты, документы, фотографии и печатные материалы. Корреспонденция состоит из писем, написанных Беклемишеву и его жене в 1950-х. Рукописи включают обширные беллетризированные воспоминания «Потонувшая Атлантида», статьи, по-видимому, написанные для эмигрантской печати и доклад Институту исследования СССР «Из практики изобретательства в Советском Союзе». Печатные материалы состоят в основном из газетных вырезок с публикациями Беклемишева. (Переведено с английского.)

В 2011 году я поехал в Нью-Йорк и познакомился с этими материалами в Бахметьевском архиве. Туда их поместила жена Беклемишева, Лидия Августиновна после его смерти. Большая мемуарная повесть представляла собой увесистый том машинописи, снабженный рукописной заметкой, вероятно рукой Лидии Августиновны. Кроме всего уже упомянутого, там есть масса текстов-заготовок для опубликованных и неопубликованных газетных статей, несколько фотографий Беклемишева разного возраста (примерно от 1917 до 1955 гг.), метрическая запись о его рождении (крещен в Киеве, восприемники

дворянин Анатолий Викторович Вакар и жена губернского секретаря Анна Эразмовна Вакар), оригинал его диплома об окончании Киевского политехнического института (большая папка), выписка из решения Ученого совета Киевского индустриального института о защите кандидатской диссертации и сертификат о натурализации в США в 1955 году. Еще в архиве есть записная книжка с рукописными текстами нескольких автобиографических рассказов, озаглавленных: Хамелеон, Семейство Янушевых (настоящая фамилия Янушевские), Черный друг, Встреча, Приключения Джима, Тени прошлого, Злой волк, Песня репатриантов, Женщины, За проволокой и История повторяется. Отдельно в бумагах имеется рукопись, по-видимому, неопубликованного рассказа «Пять поколений», излагающего историю семьи Вакар. Сюжеты этих рассказов в основном, включены в «Атлантиду», машинописный текст которой был перефотографирован, оцифрован и ниже предлагается вниманию читателя.



Рукопись Воспоминаний А.П. Беклемишева в Бахметьевском архиве.


„Воспоминания"

А. П. Беклемишев

(Касьян Прокин)

перепечатаны после смерти
А. П. Беклемишева с черновика

Перепечатала текст с черновика, вероятно сама Лидия Августиновна, или по-крайней мере она сама его выправила (поверх машинописи имеется некоторая рукописная правка). Поскольку рукописный черновик в архиве отсутствует, моя догадка, что Лидия Августиновна скорее всего его уничтожила. Кэтрин Чвани, дочь Николая Платоновича Вакара, двоюродного брата Беклемишева, с которым они поддерживали тесные отношения в Бостоне, сообщила мне, что через 6 лет после смерти Анатолия Петровича, его жена покончила жизнь самоубийством. Беклемишевы похоронены на кладбище Маунт Аубурн (Mount Auburn cemetery) в Бостоне, рядом с Николаем Платоновичем Вакаром и его женой Гертрудой Павловной. Часть бумаг Николая Платоновича Вакара также находится в Бахметьевском архиве.

Могила Беклемишевых и Вакаров на Mount Auburn cemetery в Бостоне.

Название «Потонувшая Атлантида» относится к первой части воспоминаний Беклемишева, повествующей о событиях до начала Первой мировой войны. Однако мне кажется, его правомерно распространить на всю повесть. Насколько можно судить, все события жизни героя описаны точно как ему помнится. Все, что можно было проверить, довольно точно соответствует действительности. Однако, фамилии основных персонажей в рукописи были заменены следующим образом: Беклемишевы – Бешметовы, Вакары – Егоровы, Янушевские – Ярошевские, Белинг – Беринг, Кригер-Войновские в нескольких случаях именовались Войновыми. Кроме Беклемишевых имена персонажей во всех этих случаях настоящие. Анатолий Петрович Беклемишев именуется Глебом Петровичем Бешметовым, его жена Лидия – Ольгой. В семействе последней, по-видимому, изменена не только фамилия (они названы Лепешинскими, их настоящую фамилию установить не удалось), но и имена. Отец Лидии Августиновны именуется Алексеем Петровичем, брат Олимпием, мать Марией Георгиевной, их настоящие имена не известны. В то же время, их биографические сведения вероятно верные: отец работал на железной дороге, мать - акушерка, брат учился вместе с повествователем и умер от тифа молодым человеком. От Кэтрин Чвани известно, что Лидия действительно оставила свою мать при смерти во время бегства из Киева, воспоминание об этом мучило ее всю жизнь и возможно сыграло роль в ее самоубийстве. После оцифровки рукописи во всех указанных случаях, кроме Лепешинских, фамилии были изменены на настоящие. Остальные имена и фамилии оставлены без изменения, по большей части они настоящие (ссылки на сведения о соот-

ветствующих персонажах даются в сносках), однако фамилии некоторых из тех лиц, реальность которых подтвердить не удалось, могут быть и вымышленными. С целью сохранения литературных свойств текста имена главных героев – Глеба и Ольги были оставлены без изменений. При подготовке текста были исправлены некоторые случаи устаревшей орфографии, резавшие глаз при прочтении. Большая часть архаизмов и «эмигрантизмов» оставлена без изменения.

Отдельный интерес представляет семья героя по отцовской линии, о которой в книге он не дает никаких сведений. Сообщается только, что его отец Петр Александрович Беклемишев работал на строительстве Транссибирской магистрали, его смерть в Томске в 1896 году, в момент возвращения в Киев к семье, описана в «Атлантиде». В каком качестве он работал на строительстве, неизвестно, сведений о его образовании нет. В метрике дочери, Надежды Петровны Беклемишевой, в 1882 году, он упоминается как имеющий звание домашнего учителя, а в единственном, известном нам упоминании о нем в интернете, в качестве свидетеля при бракосочетании Любови Дмитриевны Сесаревской в Покровской церкви с. Екатерининское Зарайского у. в 1877 году, как канцелярский чиновник. В приведенном выше письме А.П. Беклемишева и в воспоминаниях Юлии Павловны Вакар он называется рязанским помещиком, хотя в «Атлантиде» рязанское имение не упоминается, видимо, к тому времени оно уже было продано. Надо отметить, что по метрикам, копии которых имеются в нашем распоряжении, Надежда Петровна Беклемишева родилась и крещена в Рязанской губернии, а Анатолий Петрович, 8 лет спустя, крещен уже в Киеве примерно две недели после рождения, хотя местом своего рождения он сам называет рязанское имение своего отца. В Википедии, в статьях о Вакарах, приводится мнение, что Петр Александрович является братом известного скульптора Владимира Александровича Беклемишева. Подтвердить это документально нам пока не удалось. Известно, что жена Владимира Александровича, Екатерина Ивановна, происходила из семьи известных текстильных фабрикантов Прохоровых, владельцев Трехгорной мануфактуры. Можно добавить, что Ирина Анатольевна Вакар указала, что Малевич в своих воспоминаниях (или письмах) говорит о том, что в молодости его или его семью поддерживал материально брат скульптора Беклемишева – железнодорожник. К сожалению, имя его не называется. Ссылка на это содержится в фундаментальном труде о Малевиче и его окружении («Малевич о себе, Современники о Малевиче: письма, документы, воспоминания, критика», составители И.А. Вакар и Т.Н. Михиенко). В родословной Беклемишева, ссылка на которую дается ниже, Петр Александрович и Владимир Александрович Беклемишевы указаны как братья, однако это пока следует воспринимать как рабочую гипотезу. Отец Владимира Александровича известен. Это гусарский полковник и впоследствии театральный декоратор, известный под именем Александра Николаевича Реджио. Он был замешан в известном деле о подделке ценных бумаг («дело серий») и осужден к ссылке в Сибирь. Выйдя на волю, он сменил фамилию и прожил сначала в Италии, а потом в России до 1908 года. У Владимира Александровича также было две дочери, Клеопатра и Екатерина. Обе после революции эмигрировали и жили в Париже. Клеопатра стала известным скульптором. Был также сын, «Патя» Беклемишев, о его судьбе после революции нам ничего не известно.

Если Вы знаете что-либо о предках или потомках Владимира Александровича Беклемишева и особенно его братьях или сестрах, пожалуйста, напишите И.А. Александрову по адресу ivanalx@hotmail.com.

Для справки о родственных взаимоотношениях персонажей отсылаю читателя к составленным в интернете родословным:

Гротены-Кригер-Войновские-Янушевские-Белинги
http://www.geni.com/people/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D0%BD-%D0%93%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BD/6000000018976290757

Вакары
http://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B9-%D0%92%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D1%80/6000000012769887662

Кистяковские
http://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%9A%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/6000000018972375013

Гиршманы-Айзенштаты
http://www.geni.com/people/%D0%9C%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%93%D0%B8%D1%80%D1%88%D0%BC%D0%B0%D0%BD/6000000019171911999

Режабеки
http://www.geni.com/people/%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81-%D0%A0%D0%B5%D0%B6%D0%B0%D0%B1%D0%B5%D0%BA/6000000019479182513

Петровы-Шмальгаузены
http://www.geni.com/people/%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9-%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2/6000000019596124195

Беклемишевы
http://www.geni.com/people/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B9-%D0%91%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%88%D0%B5%D0%B2/6000000012795983926

В заключение, хочется выразить глубокую благодарность всем, участвовавшим в подготовке рукописи к размещению в интернете:
Александру Александровичу Томилову, оцифровавшему машинописный оригинал и сделавшему первый раунд вычитывания цифрового текста;
Михаилу Ивановичу Классону, написавшему комментарии и подобравшему большую часть иллюстраций;
Марии Анатольевне Александровой, предоставившей фотографии для иллюстраций;
Виктору Васильевичу Минахину, предоставившему ценные сведения о Янушевских, Гротенах и Кригер-Войновских, а также фотографии для иллюстраций;
Борису Георгиевичу Режабеку, предоставившему ценные сведения о своей семье;
Ирине Анатольевне Вакар, предоставившей ценные сведения о своей семье и фотографии для иллюстраций;
Бахметьевскому архиву, сохранившему рукопись и давшему разрешение на публикацию.

24.03.2013

И.А.Александров

Оглавление

1. Предисловие

ПОТОНУВШАЯ АТЛАНТИДА
2. Глеб
3. Бабушка
4. Сёстры
5. Отсутствовавшие члены семьи
6. Дарья, Евгения и няня
7. Ночь в детской
8. Отец не приедет [1896]
9. Деревня
10. Дядя Витя
11. Опять в городе [1897]
12. Брат Саша приехал
13. Время не стоит [1899]
14. Самара [1900]
15. Обратно в Киев
16. В чужой семье. [1904]
17. Демонстрация на кладбище
18. 1905 год
19. Погром и гимназическая революция
20. Старшие классы
21. Весна и грусть
22. Владимир Викторович
23. Первый урок и первая кондиция. [1907]
24. Среди богемы
25. Опять брат Саша
26. Университет [1909]
27. Лето на Ирпене и экзамен. [1910]
28. Студенческие волнения
29. Кондиция
30. Лауреат Берлинской Консерватории
31. Экскурсия на Кавказ. [1912]
32. Ростов на Дону [Рождество 1913]
33. Жизнь студента
34. На практике [лето 1913]
35. Последний год перед катастрофой [1914]
36. На "Тихоходе" [лето 1914]
37. Станция "Кавказская"

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА
37а. Мобилизация
38. Экскурсия в Петроград [Рождество 1915]
39. Эгоизм молодости
40. 1915-й год
41. Год 1916-й
42. Год 1917-й
43. Октябрь 1917 года
44. Наташа покупает жениха
45. Немцы и Гетман
46. Петлюра осаждает Киев
47. Гражданская война продолжается
48. Военный коммунизм – всерьёз и надолго

49. Обнаруживается Надежда Петровна
50. Бандитизм
51. Горсовет
52. "Лишние люди"
53. Поездка в Москву [1922]
54. На антирелигиозном фронте
55. Поездка в Кисловодск
56. Гость из Парижа [1922]
57. Н.Э.П.
58. Инженеры
59. Смерть Владимира Вакара [1926]
60. "Цветы жизни"
61. Техникум и Институт
62. Ликвидация НЭП'а
63. Укрупнение и разукрупнение
64. Закавказье
65. Чёрный друг
66. Уход со службы
67. Экскурсия в Ленинград
68. Гагры
69. Смерть стариков [1930]
70. Чета Линно
71. Институт
72. Золотая комната
73. Остёр
74. Гарун Аль Рашид и выборы
75. Новый Афон
76. Голод [1932-33]
76а. Санаторий в Ялте
77. Укрупнённый Институт
78. Борьба с троцкизмом
79. Харьков
80. Военная переподготовка
81. Смерть Надежды Петровны [1936]
82. Радио
83. В Щучинку по Днепру [1935]
84. Ереськи [1938]
85. Разрыв с Институтом
86. Командировка в Ленинград. [~1937]
87. Теберда
88. Роман директора
89. Диссертация [1939]
90. Дом Вакаров
91. Рассказ инж. Зорина об его тюремном опыте
92. Опять Алупка
93. "Ежовщина"
94. Ирпень [1939]
95. Захват Польши
96. Начало мировой войны и Финская война
97. Одесса – Мама

ВОЙНА
98. Начало советско-германской войны
99. Враг у ворот
100. Немцы в городе
101. Бабий Яр. Семейство Брифов
102. Люди тыкаются в стены

103. Люди живут как моль
104. Зорин возвращается, работа
105. Воздушный налёт
106. Заготовка дров
107. Капитан уходит к партизанам
108. Рыба спасает от смерти
109. Иван Фёдорович
110. Немецкий суд
111. Фронт по реке

ГЕРМАНИЯ
112. В неизвестность
113. Вена. Шретерсбург
114. На Рейне. [1944]
115. Бланкенбург
116. Последний день войны
117. Немцы кладут оружие
118. Ауслендеры сводят счёты
119. Белинги в Кведленбурге
120. Дальше на Запад
121. Беженская идиллия. Квакеры. Комиссия
122. Жизнь в лесу
123. Люди возникают из небытия
124. Галичане
125. Кооперация. Прикладное искусство
126. Литературный кружок
127. Письма
128. Аффидевит
129. Лагерная революция
130. Украинская гимназия
131. Уроки английского языка
132. Брауншвейг. "Розалие казерне"
133. Лагерь Венторф
134. Прощай, Европа! [1949]

АМЕРИКА
135. Без языка
136. Первый "Джаб" (работа)
137. Тяга в Америку
138. Квебек
139. Арборитум
140. Нантакет и Йорк-бич
141. Возвращенец с того света
142. Шеффели. Марбельхэднэк
143. Флорида
144. Прошлое отодвигается
145. Магнолия
146. Письмо Фёдору Романовичу
147. Второе письмо

Предисловие

Это не повесть и не роман. Все люди в рассказе не выдуманы, они действовали в реальной жизни. Они описаны так, как были видны со стороны. Таким образом, повествование это ближе всего к мемуарам, но мемуарист не ведёт рассказ от первого лица. Оправдан был бы вопрос о том, какой смысл излагать свой жизненный опыт человеку, который сам не был политическим

деятелем и не сталкивался с министрами или знаменитыми писателями. Можно писать не о выдающихся людях, а об эпохе, об общих потрясениях и катастрофах, как они отражались на рядовом человеке. Когда Герберт Уэльс писал свою "Войну в воздухе", он выбрал в качестве наблюдателя событий простого лондонского механика. Механик случайно улетел из Англии на воздушном шаре и вместе с флотом германских цеппелинов попадает в Америку. События выдуманной мировой войны отражаются в мозгу лондонского механика. Правда, Уэльс писал не мемуары, он писал грозное пророчество.

На настоящих страницах описано прошлое, описано бурное море так, как оно видно не с самолёта, а с утлой ладьи одинокого пловца. Описано прошлое не так, как видел его властный министр, или могущественный диктатор, или революционер, готовивший покушения, а как видел его человек, которым распоряжался министр, диктатор или революционер-фанатик. Повествование затрагивает судьбы многих людей и часто судьба их кончается трагически. По большей части трагизм их судьбы связан с грандиозной катастрофой, происходившей на востоке Европы в первой половине двадцатого столетия. Грандиозные силы поднимали маленького человека в воздух и бросали его наземь. Обыкновенно человек этот вставал на ноги, как легендарный Антей, получая новые силы от матери-земли. Иногда враждебные силы душили его в воздухе. Другим, упавшим на землю далеко, в Америке, Канаде, Австралии или Аргентине, удавалось встать на ноги и избежать этих враждебных человеку сил.

Об этом и идёт рассказ в сих "мемуарах". Жизнь прожить – не поле перейти, говорит пословица. В жизни много жестокого и грубого. Избежать его и жить в розовом замке невозможно. Однако, оглядываясь назад, приходится подытожить; как сказала одна английская леди, дожившая до ста лет: "А всё же жить было интересно".

Борис Пастернак в своём автобиографическом повествовании, дойдя до советских лет, остановился. По его мнению, о дальнейшем надо либо писать так, чтобы волосы на голове вставали дыбом, либо совсем не писать.* Я не верю, чтобы у человека двадцатого века от прочитанного волосы могли встать дыбом, даже если он и не совсем лысый.

В начале двадцатого века мы читали у Иосифа Флавия, как римляне распинали на крестах защитников восставшего Иерусалима, и у Генрика Сенкевича, как христиан бросали львам и зажигали в виде факелов. Волосы у нас не вставали дыбом, потому что это было давно, и мы не верили в повторение зверств в наш "культурный век". Потом мы читали о польско-казацких войнах и как людей зажаривали в железных быках. Ещё читали о храбрых марсельцах, рубивших головы швейцарцам, которые защищали королевский дворец, и о святой гильотине. Волосы опять не поднимались на голове, ведь это происходило в Великую революцию и кроме того это было больше века тому назад.

Наконец и в наш век пришли массовые расстрелы в подвалах, концентрационные лагеря и газовые камеры. Они стали настолько обычны, что волосы на голове опять не подымались.

---

* *<…>Здесь кончается мой биографический очерк. Продолжать его дальше было бы непомерно трудно. Соблюдая последовательность, дальше пришлось бы говорить о годах, обстоятельствах, людях и судьбах, охваченных рамою революции. О мире ранее неведомых целей и стремлений, задач и подвигов, новой сдержанности, новой строгости и новых испытаний, которые ставил этот мир человеческой личности, чести и гордости, трудолюбию и выносливости человека. Вот он отступил в даль воспоминаний, этот единственный и подобия не имеющий мир, и высится на горизонте, как горы, видимые с поля, или как дымящийся в ночном зареве далекий большой город. Писать о нем надо так, чтобы замирало сердце и подымались дыбом волосы. Писать о нем затверженно и привычно, писать не ошеломляюще, писать бледнее, чем изображали Петербург Гоголь и Достоевский, – не только бессмысленно и бесцельно, писать так – низко и бессовестно. Мы далеки еще от этого идеала.* – ***Борис Пастернак. Люди и положения. Автобиографический очерк. Весна 1956, ноябрь 1957***

Ирина Сабурова писала: "Мы сейчас каждую минуту ждали смерти, привыкли к ней, к тысячам смертей, и никакие ужасы, никакие трупы не волновали больше нас"[*].

Поэтому незачем писать так, чтобы волосы подымались дыбом. Прочтя «Сивцев Вражек» Осоргина убийцу будут сажать за дружескую трапезу, и женщины станут целовать палача[**].

Поэтому будем писать обо всём просто, так, как привратник бойни описывал бы свой рабочий день.

---

[*] Ирина Евгеньевна Сабурова (1907-79) – русская писательница, журналистка, поэтесса, переводчица (настоящее имя Ирина Евгеньевна Кутитонская; в первом браке Перфильева, во втором баронесса фон Розенберг). Дебютировала в рижской газете "Сегодня" в 1922. Стихи, сказки, рождественские рассказы, переводы зарубежных прозаиков печатала в "Сегодня", в журналах "Наш Огонек", "Для Вас", других рижских изданиях, в парижском "Иллюстрированная Россия", в "Балтийском Альманахе", "Журнале Содружества" и других зарубежных русских изданиях. Пользовалась псевдонимами *Ирина Раэр*, *И. Ильнев*, подписывалась инициалами *И.С.* После 1945 г. жила в Германии. Работала в Мюнхене на радиостанции "Свобода" (с 1953). Сотрудничала в газете "Новое Русское Слово", была секретарем редакции ежеквартального журнала "Голос Зарубежья". Издавала стихи первого мужа А.М. Перфильева. Выпустила сборники сказок и рассказов "Тень синего марта" (Рига, 1938), "Копилка времени" (Мюнхен, 1958), "Счастливое зеркало" (Мюнхен, 1966), "Королевство" (Мюнхен, 1976), сборник стихотворений "Разговор молча" (Мюнхен, 1956), "Корабли Старого города. Роман из жизни русской Балтики. 1924-1944" (Мюнхен, 1963), повесть "После... " (Мюнхен, 1961), беллетризованные мемуары "О нас" (Мюнхен, 1972). ***– Из Интернета***

К сожалению, приведенную в воспоминаниях А.П. Беклемишева цитату разыскать в произведениях И.Е. Сабуровой не удалось. Предположительно она была взята из упомянутых мемуаров "О нас".

[**] Михаил Андреевич Осорги́н, настоящая фамилия Ильин (1878-1942), русский писатель, журналист, эссеист. Писатель Осоргин стал известен еще в России, но слава пришла к нему в эмиграции, где были опубликованы его лучшие книги: "Сивцев Вражек" (1928), "Повесть о сестре" (1931), "Свидетель истории" (1932), "Книга о концах" (1935), "Вольный каменщик" (1937), "Повесть о некоей девице" (1938), сборники рассказов "Там, где был счастлив" (1928), "Чудо на озере" (1931), "Происшествия Зеленого мира" (1938), воспоминания "Времена" (1955). В 1928 году Осоргин создал свой самый знаменитый роман-хронику "Сивцев Вражек". В центре произведения – история старого отставного профессора орнитологии Ивана Александровича и его внучки Татьяны, превращающейся из маленькой девочки в девушку-невесту. Хроникальный характер повествования проявляется в том, что события не выстроены в одну сюжетную линию, а просто следуют друг за другом. ***– Из Интернета***

Ходит птичка весело
По тропинке бедствий...*

ПОТОНУВШАЯ АТЛАНТИДА

1. Глеб**

Глеб начал помнить себя с пяти лет. Впрочем, он помнил и более ранние эпизоды, но они были как бы отдельными просветами в общей тьме первобытного хаоса. Он помнил, как на улице в руки ему дали нитку от красного воздушного шара, и этот шар улетел. Качаясь, он поднялся над деревьями и скрылся за крышами домов. Ему было обидно. Может быть это было первое горе Глеба. Он помнил ещё, что долго лежал в постели, пока срослась ключица, сломанная при падении с лестницы. Потом в памяти опять был провал.

С пятилетнего возраста начиналась непрерывная цепь событий в его жизни. Его мир был очень ограничен: деревянный дом, на втором этаже которого он жил с матерью, бабушкой и сёстрами, двор, на котором сёстры играли в крокет, помойная яма в дальнем углу двора, которой он почему-то боялся. Постепенно этот мир расширился и включил в себя гористую улицу, упиравшуюся верхним концом в Ботанический сад, а другим концом уходившую в неизвестность после пересечения с большой чужой улицей.

На этой последней стояла церковь, куда брала его бабушка, ходившая на костылях. По этой улице ходила конка, настоящая конка с парой лошадей. Дома на этой улице были одноэтажные и двухэтажные. Два, самые большие, были в три этажа, кирпичные. Они казались Глебу огромными. Фонари на улицах были невысокие, керосиновые, мостовые булыжные, тротуары кирпичные.

Когда Глебу минуло пять лет, его взяли в театр. Шла "Снегурочка". Всё было необыкновенно в этом большом здании. В последнем действии Снегурочка растаяла, а потом, как ни в чём не бывало, вышла к рампе и стала раскланиваться. Глеб не видал ещё такого чуда, с каждым днём маленький мир Глеба расширялся. Это было интересно, он узнавал всё новые и новые вещи. Потом, много лет спустя, он узнал, что чем мир становился шире, тем он становился менее уютным.

---

* *Птичка скачет весело по тропинке бедствий{,} /Не предвидя оттого никаких последствий* (иноск.) — о беззаботном. Ср. Но мы так полны были радостей, что ничего не опасались, и, ходя по тропинке бедствий, не ожидали последствий. – Лесков. Рассказы кстати.

Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т.Т. 1-2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. СПб., тип. Ак. наук.. М.И. Михельсон. 1896-1912.

Приведенное М.И. Михельсоном сравнение взято из произведения Николая Лескова "Загон", который был впервые опубликован в 1893-м с подзаголовком "Рассказы кстати. A propos".

** Под Глебом, как мы уже поясняли, автор сего повествования выводит собственную персону, а именно – Анатолия Петровича Беклемишева (1890-1959).

2. Мать*

Мария Модестовна Беклемишева (Вакар)

Самым близким существом для Глеба стала мать. Марии Модестовне было около сорока лет. Она была ещё красива и всё своё время посвящала детям, больше всего Глебу. Чтобы повести его гулять, она одевала Глеба сообразно времени года, погоде и своему вкусу. Летом Глеб щеголял в русской вышитой косоворотке, синих шароварах и сапогах. Но у него был также и украинский (или, как тогда говорили, малороссийский) костюм: белая рубашка с вышитой грудью и с красной ленточкой у ворота, широкие синие шаровары и высокая барашковая серая шапка.

Осенью или весной Мария Модестовна одевала Глеба по-разному, или в бархатную безрукавку и кучерскую шляпу с павлиньими перьями, или в белый черкесский бешмет, в талию, с деревянными патронами на груди, и в белую мохнатую шапку. Зимой Глеба одевали в романовский полушубок, подпоясанный красным поясом. Понятно, сам Глеб относился к своим костюмам довольно безразлично. Переодевания его доставляли удовольствие самой Марии Модестовне. Когда мать укладывала Глеба спать, она должна была сидеть рядом с его кроваткой, а он держался всей пятернёй за ее большой палец, пока не засыпал.

Мария Модестовна в жизни была непрактична. С ней часто случались комические происшествия благодаря ее доброму сердцу, рассеянности и ненаблюдательности. Однажды в холодный зимний вечер Мария Модестовна увидела на улице босяка. Он стоял, одетый совсем не по сезону, с фиолетовым носом, и продавал маленькую белую болонку. Люди проходили мимо, не обращая на него внимания. Снег, кружась, медленно опускался на тротуар. Хотя у Марии

* Мария Модестовна Беклемишева, урожденная Вакар (1855-1904).

Модестовны был старый мопс, Бобик, но ей стало жаль и босяка, и болонку. Она купила болонку за пять рублей, завернула её в ротонду и принесла домой[**].

Однако болонка оказалась странного поведения. Пущенная на пол, она стала толкаться носом во все углы, как бы отыскивая дыру, куда можно было бы спрятаться. К ужасу Марии Модестовны болонка оказалась крысой, искусно зашитой в шкуру болонки.

3. Бабушка[*]

Бабушка Глеба была, конечно, старенькой. Ей было уже за семьдесят лет. Она ходила на костылях. Обычно она сидела в глубоком кресле и читала Евангелие. Портрет молодой бабушки, в бальном платье и с румянцем на щеках, в золоченой раме, висел в гостиной у дяди Глеба. Там же висел и портрет дедушки, которого Глеб никогда не видел, в эполетах. Портрет бабушки никогда у Глеба не ассоциировался с самой бабушкой. Бабушка ходила на костылях в церковь и брала с собой Глеба. В церкви служил высокий священник с чёрной бородой, по фамилии Вишневский. Ставши с трудом на колени, бабушка так долго молилась, что Глеб начинал ныть: "Бабушка, пойдём уже домой".

Дома бабушка пробовала учить Глеба французскому языку, но дело не пошло дальше нескольких заученных фраз. Иногда бабушка приглашала Глеба играть с ней в карты. Он знал такие игры, как "пьяница", "дурак" и "подкидной дурак". Впрочем, играли они не долго. Бабушка возмущалась, если Глеб в дурака ходил под неё тремя или пятью картами, хотя это и было согласно правилам игры.

– Ты зачем мне пять карт пошёл?– говорила бабушка, – ты значит мне зла желаешь?

– Так ведь это же по правилам игры.

– Мало ли, что по правилам. Смотри, вот я тоже могла пойти тебе пять карт, а пошла только одну карту, потому что я тебе зла не желаю.

– Но ведь играют для того, чтобы выиграть.

Но бабушку переубедить было нельзя. Она и в карты хотела играть по Евангелию: не желай ближнему твоему того, чего себе не желаешь.

4. Сёстры

Обе сестры были значительно старше Глеба. Ольга (её все звали Лялей) была старше его на одиннадцать лет, Надя – на восемь[**]. Таким образом, когда Глебу было пять лет, Ляле было шестнадцать, а Наде – тринадцать. Обе учились в гимназии. Ляля носила длинную косу, глаза у неё – большие серые, характер скорее серьёзный, задумчивый. Надя была смуглой, темноволосой с карими глазами, с родинкой на верхней губе, весёлая, неусидчивая, с мальчишескими замашками.

[**] Ротонда, здесь – длинная женская накидка без рукавов.

[*] Надежда Платоновна Вакар, урожденная Скоробогатова (1820-1899), дочь смоленского помещика и вдова генерал-майора Модеста Алексеевича Вакара. Модест Алексеевич был дружен с семьей Чайковских — с Ильей Петровичем и его супругой Александрой Андреевной. В 1852 году, когда они привезли своего сына Петра для поступления в учебное заведение, было решено отдать его в Императорское училище правоведения. Родители Петра остаться в Петербурге не могли, поэтому все заботы о нём взяли на себя Модест Алексеевич и Надежда Платоновна. Это подробно описано в книге Нины Берберовой о Чайковском.

[**] Ольга Петровна Вакар, урожденная Беклемишева, (1879-1942) и Надежда Петровна (1882-1936), выйдет в 1908-м за Александра Ивановича Балашова.

Ольга (Ляля)	Надя

Глеб имел с сёстрами конфликты на почве непризнания им "частной собственности". Как только он замечал на столе у одной из сестёр перламутровый ножичек или красивую картинку, он тотчас же забирал их себе и прятал в один из ящиков своего игрушечного стола. Сёстры сейчас же обнаруживали пропажу и безошибочно находили её в столе Глеба. Надя иногда приглашала Глеба играть с ней в куклы. Глеб обычно был польщён вниманием, но из игры ничего не выходило. Надя отводила Глебу роль "барыни", а себе роль "няни". Оказывалось, что няня всё время занята с куклами, то переодевала их, то кормила, то водила гулять, барыня же всё время должна была спать. Так как Глеб спать не хотел, а требовал для себя более деятельной роли, то сестра изгоняла его из игры за строптивый характер.

5. Отсутствовавшие члены семьи

Из разговоров старших Глеб знал, что имеются ещё папа и брат Саша*. Отца Глеб не помнил. Отец уехал в Сибирь на постройку сибирского железнодорожного пути, когда Глебу было только три года. Глеб постоянно слышал фразу: вот, когда вернётся папа... Отец должен был вернуться в этом же году.

Брат Саша был на десять лет старше Глеба. Глеб его тоже помнил.

Брата Сашу сначала очень баловали. Надо сказать, что Мария Модестовна, прочитав много книг о воспитании детей, решила, что своих детей она будет воспитывать без физических наказаний, в своих разговорах со знакомыми дамами она часто поминала имя Фребеля**. Она даже пошла на пари на 30 рублей со своим младшим братом Анатолием, тогда московским студентом, что никогда не ударит ребёнка. Пари она проиграла. Она не вытерпела и, шлёпнув Сашу, немедленно послала проигрыш брату в Москву. Анатолий был беден, и эти деньги упали на него, как манна небесная с неба***.

Саша рос капризным и эксцентричным ребёнком. Когда на Рождество ему подарили большую фарфоровую куклу, он спросил, есть ли у неё мозги. Получив утвердительный ответ, он удалился в детскую и разбил молотком кукле голову. Обнаружив отсутствие у куклы мозгов, он заревел.

---

* Отец – Петр Александрович Беклемишев (?-1896), из рязанских помещиков, железнодорожный инженер, умер в Томске, во время строительства Транссибирской магистрали.

Брат – Александр Петрович Беклемишев (~1880-1936).

** Фридрих Вильгельм Август Фрёбель (1782-1852), немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания, создатель понятия "детский сад".

*** Анатолий Модестович Вакар (1856-1911), русский государственный и общественный деятель, статский советник. С 1890 назначен судебным следователем Сердобского участка Самарского окружного суда. С 1893 – судебным следователем по важным делам. С 1895 был назначен помощником прокурора Самарского окружного суда, с 1896 – постоянным членом Самарского окружного суда. С 1900 будет назначен прокурором Томской губернии, с 1903 – членом Варшавской судебной палаты, с 1905– помощником прокурора Варшавской губернии, с 1907 – председателем Прокуратории Царства Польского.

Однажды Мария Модестовна увидела через окно, что к ней идёт Настасья Егоровна, известная сплетница и дама во многих отношениях неприятная. Не заметив присутствия Саши, Мария Модестовна сказала в полголоса:

– Ах! Настасью Егоровну чёрт несёт!

Не успели открыть дверь перед гостьей, как Саша спросил её:

– А где же чёрт?

– Какой чёрт?

– Да тот, что вас принёс.

Другой раз, когда Саше было уже шесть лет, его взяли в цирк. На сцене разговаривали два клоуна. У первого яблоко, второй предлагает яблоко спрятать, чтобы первый его искал. Первый клоун отворачивается, второй прячет яблоко подмышку. Когда первый клоун добирается до яблока, второй уверяет, что боится щекотки, а затем заявляет, что хочет яблоко перепрятать. Тут он поворачивается к публике и начинает есть яблоко.

Тогда Саша, сидевший с матерью в ложе, выскочил в середину круга, с криком: "Он тебя обманывает!", что вызвало аплодисменты публики и крики: "Браво, мальчик!".

Однако дома Саша проявил скоро такой "норов", что никто кроме отца не мог с ним справиться. Отец был вспыльчив и однажды выбросил Сашу зимой в одной рубашке на снег. Отданный в девять лет в гимназию Саша наотрез отказался говорить директору "вы" и вскоре был уволен за тихие успехи и громкое поведение. Тогда его отдали в закрытое земледельческое училище, где учащиеся жили в пансионе. Там Саша "со товарищи" стал удирать ночью из дортуаров. Для этого пансионеры связывали простыни и по ним спускались во двор из верхнего этажа через окна.

Тут настал конец терпения отца, и он отдал Сашу в частное исправительное заведение Маляревского в Петербурге. Там он и находился в описываемое время.*

6. Дарья, Евгения и няня

В семье Марии Модестовны жили ещё кухарка Дарья и горничная Евгения. Дарья была своим человеком в семье, где она прожила 22 года. Она была неграмотной, но очень умной и рассудительной женщиной. В молодости она застала ещё крепостное право. По словам Марии Модестовны, Дарья была красавицей. Жизнь ее сложилась неудачно. Дарья любила Степана, а выдали её замуж насильно за другого. Потом она овдовела. Степана же Глеб видел. Степан был небольшого роста старичёк, чистенький, прилично одетый. Он служил швейцаром в Киеве, на Крещатике в конторе нотариуса Шибанова.

Горничная Евгения жила в семье только несколько лет. Характер у неё был весёлый и легкомысленный. Глебу запомнилось, что у неё не хватало двух передних зубов. Дарья называла её щербатой.

Няня Глеба уже больше не служила у Марии Модестовны, но часто приходила в гости попить чайку и поболтать. Она была небольшого роста, с бородавкой на лице, и любила, чтобы её называли "пани жандармова", так как была вдовой станционного жандарма.

---

* В 1882 г. врач-психиатр И.В. Маляревский открыл первое в С.-Петербурге частное детское "Врачебно-воспитательное заведение". Мотивом для его создания послужило следующее обстоятельство. "*В означенное время вопроса о воспитании детей, не подходящих к общему школьному режиму, не существовало не только в России, но и в Западной Европе*". Поэтому создание приюта имело целью "*обучение и воспитание болезненных и неуспевающих детей, которых невозможно содержать в семье и школе, рациональное воспитание, обучение и приспособление к жизни настолько, чтобы сделать их безвредными членами общества*". – ***Маляревский И.В. Врачебно-воспитательное заведение в С.-Петербурге, основанное в 1882 г. Ив. Маляревским. Краткие сведения из истории заведения за 20-летний период его существования. СПб, 1903***

7. Ночь в детской

Глеб не мог заснуть иначе, чем в присутствии матери. Она давала ему свою руку, а он держался за палец и засыпал что-то бормоча. Так как это походило на повторяющийся звук "ху-ху", то Мария Модестовна говорила, что он "хухукает". Иногда ночью Глеб просыпался. Он боялся тёмных комнат, но в детской было не совсем темно. У иконы в углу горела лампадка. Иконы Глеб не видел, он видел только светлое пятно и ему казалось, что это открытые ворота, из которых льётся свет. Из ворот выбегали лошади, одна, вторая, третья... всего семь. Это было занимательно. Они падали, рассыпались, из них вываливалось сено. Затем выбегали другие лошади и начинали есть сено. "Семь тощих съедят семь тучных", – так читала бабушка. Кажется речь шла там о коровах, а не о лошадях... Глеб опять засыпал. Просыпался он уже тогда, когда солнечный луч весело врывался в комнату. Перед его глазами плавали какие-то разноцветные кружочки. Он старался поймать их рукой.

– Что ты делаешь?– спросила вошедшая в комнату мать.

– Я ловлю инфузории.

– Хорошее занятие. Откуда ты взял это слово?

– Это Ляля вчера рассказывала об инфузориях, – закричала из другой комнаты Надя.

8. Отец не приедет [1896]

Приближался день приезда отца из Сибири. Только и разговору было о том, что, вот, приедет папа. Потом пришла телеграмма. Отец умер в Томске в гостинице. Лёг перед тем, чтобы ехать к поезду, и не встал. Умер один, без близких. Глеб чувствовал, что дом пришёл в волнение. Мария Модестовна плакала.

Неделю спустя в дом приехали дяди. Их было четыре: старший – дядя Витя, мировой судья, потом дядя Платоша, дядя Вася и младший, дядя Толя*. Двое первых жили здесь же, в Киеве. Дядя Вася был председателем окружного суда в Умани, а дядя Толя – прокурором в Самаре.

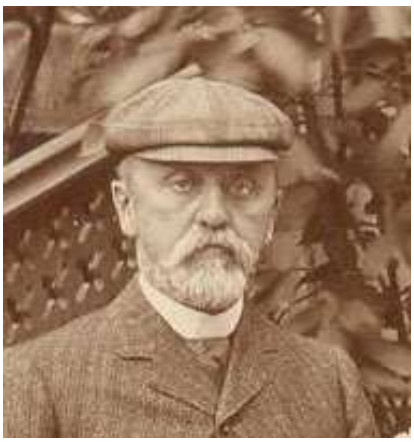
---

* Виктор Модестович Вакар (1853-1930), действительный статский советник, почетный мировой судья, член Киевского Съезда мировых судей, член Совета Киевского благотворительного общества. Был женат на Анне Эразмовне Стоговой (см. ниже). Ее отец Эразм Иванович имел пять дочерей и выдал всех их за соседей-помещиков по своему имению Снитовка Летичевского уезда в Подольской губернии Малороссии (теперь Винницкая обл.), с неплохим приданым.

Платон Модестович Вакар (1853-1928), окончил Николаевское кавалерийское училище (СПб), служил в Белорусском гусарском полку, затем в Киевском земстве как мировой посредник по крестьянским делам и далее по этой же стезе. Действительный статский советник.

Василий Модестович Вакар (3 ноября 1853-1914), русский государственный и общественный деятель, действительный статский советник, член Государственной думы Российской Империи IV созыва, товарищ председателя Прогрессивной партии, товарищ председателя комитета по судебной реформе, член комиссий: по местному самоуправлению, по выработке законопроекта о собраниях, почетный мировой судья, председатель ряда окружных судов.

Рождение троих сыновей в один год вполне возможно, первые роды могли произойти в самом начале 1853-го (например, в январе), а вторые – в его конце (3 ноября), при этом в первом или втором случае на свет появилось двое близнецов!



Дядя Вася – Василий Модестович Вакар

В столовой устроили торжественный обед, а потом все дяди совещались с Марией Модестовной. Она осталась без всяких средств, а на её руках было четверо детей и бабушка – мать всех четырёх дядей. Решено было, что помогать сестре и матери будут дядя Витя и дядя Вася. Это Глеб узнал значительно позже.

Дядя Платоша и дядя Толя были сами обременены большими семьями и жили только на жалованье. У дяди Вити был небольшой капитал и имение, купленное на деньги жены. Дядя Вася был женат на купеческой дочке и у него было имение в Тамбовской губернии.

Теперь Марии Модестовне надо было сокращать расходы. Она наняла одноэтажный дом подешевле, на той же Тарасовской улице, принадлежавший профессору Тритшелю, но изолированный от двора и сада профессора*. Во дворе Мария Модестовна завела кур, красивого петуха и розовую свинку, которую назвали "девочкой". Петух невзлюбил Глеба, взлетал ему на плечи и клевал в голову, так что Глеб его боялся. "Девочку" вскоре украли из сарая. Ветви больших лип тянулись над крышей дома. Ляля и Надя любили забираться весной на крышу и читать там в тени веток с молодой листвой.

Надя постоянно подбирала на улице брошенных котят и щенят. Бобик к этому времени уже умер от старости. С питомцами Нади иногда получался конфуз. Так одной подобранной собачке она дала прозвище "доктор". На беду заболела лихорадкой Ляля. Пригласили доктора, а Надя свистит во дворе и кричит: "Доктор! Доктор!". Мария Модестовна строго-настрого приказала переменить собачью кличку. Что делать?! Надя назвала собачку Витей. Тут, как раз, пришёл дядя Витя, и опять Надя зовёт собачку: "Витя! Витя! Поди сюда!".

9. Деревня

Ехать на дачу Марии Модестовне было не по средствам и дядя Витя пригласил её со всей семьёй в его имение в Шелеховской Слободке в Подольской губернии. Туда же должны были приехать из Самары трое мальчиков дяди Толи, у

---

* Тарасовская улица, дом №5. В 1841 г. после открытия медицинского факультета Киевского университета и до 1847 г. здесь размещался анатомический театр. С 1870 г. усадьба принадлежала заслуженному профессору по кафедре акушерства и ректору Киевского университета Альфреду Павловичу Матвееву. <…>После смерти Матвеева в 1882 г. усадьбу с деревянным домом приобрёл председатель Общества Киевских врачей, проф. Карл Генрихович Тритшель (1842-1914). Члены Общества киевских врачей должны были заниматься благотворительностью, участвовать в акциях по борьбе с болезнями. Пожертвованные ими деньги шли на лекарства для неимущих больных и бесплатные койки в больницах. Тритшель в 1894 г. организовал и возглавил общество по борьбе с туберкулёзом. Он строит на участке 6-этажный дом и 2-этажный флигель во дворе, в котором принимал больных чахоткой. С 1904 г. Тритшель заведовал больницей на Б. Васильковской, с 1907 г. – военным госпиталем на Печерске. После его смерти в 1914 г. дом унаследовала жена Анна Сигизмундовна – владелица более 100 десятин земли в Киевской губернии и сын – врач Владимир Карлович Тритшель. Понятно, что после революции дом национализировали. – ***Неспешные прогулки по Киеву. Ведёт Анна Борисовна Островская (сайт Pandia.ru)***

которого недавно умерла жена. У самого дяди Вити было двое уже взрослых сыновей, Толя и Володя, оба студенты. Ехали по железной дороге до Жмеринки, а потом, после пересадки, несколько пролётов в направлении Волочиска, что был на австрийской границе. На маленькой железнодорожной станции ожидал их экипаж, запряженный парой лошадей. Ехать надо было двенадцать вёрст через село Яблоновку, где был крутой подъем на гору. По дороге были видны остатки времён польского владычества, то при дороге стояло католическое распятие, то встречался помещик-поляк в экипаже, запряженном шестёркой лошадей цугом.

Имение Виктора Модестовича Вакара не было имением в полном смысле слова, в нём не имелось пахотной земли. Оно состояло из усадьбы с домом и хозяйственными постройками, из фруктового сада площадью в 12 десятин, из аллей и двух больших кругов с розами, из вишнёвых и черешневых посадок, Филипповского леса и дубины (дубового леса); большого, заросшего камышём и кувшинками, пруда с мельницей, которая сдавалась в аренду; огорода, спускавшегося к речушке Ровец. За садом и лесом круглый год следил садовник, Дмитрий Капитанчук, который имел свою пасеку и коров.

В деревне Глебу очень понравилось. Во-первых он ел вдоволь вишен, черешен, малины, крыжовника и земляники, во-вторых, у него была большая компания в виде сыновей дяди Толи и детворы Капитанчука.

Впрочем, свобода его была ограничена, он не мог без разрешения уходить за пределы усадьбы. Из двоюродных братьев, детей дяди Толи, Володя был старше Глеба, Боря – его ровесник, с ним-то он обыкновенно и дрался, Мише было всего три года. Старшие двоюродные братья, студенты Толя и Володя Большой (он так назывался в отличие от самарского Володи) жили своей особой жизнью. У них были охотничьи собаки, и они ходили охотиться на уток, перепелов и куропаток.

У Глеба получались иногда конфликты с дядей Витей, если Глеб портил деревья-саженцы. Так однажды Глеб отломал ветку у посаженной берёзки и Виктор Модестович пожаловался Марии Модестовне. Мария Модестовна пришла в такое волнение, что совсем сломала эту же берёзку и наказала ею Глеба. Надо заметить, что Мария Модестовна, будучи недовольна результатами воспитания старших детей по Фребелю, отказалась от прежних убеждений относительно неприменимости к детям физических методов воздействия.

Надо думать, что Мария Модестовна чувствовала себя в семье брата неуютно. Состояние Виктора Модестовича было принесено в его семью женой, Анной Эразмовной, тётей Анной. Тётя Анна имела всегда скорбное или даже недовольное выражение. Она всегда была озабочена экономией. В деревне экономия осуществлялась легко, овощи были свои, за цыплятами посылали кучера Маньковского и он покупал их по 15 копеек за штуку. В городе сама тётя Анна отправлялась из Липок (район города Киева) не на ближайший базар – Бессарабку, а на Подол, потому что там четверть молока стоила на копейку или на две дешевле.

Зато Виктор Модестович производил иногда крупные расходы: покупал три тысячи серебристых ёлок и обсаживал ими Филипповский лес, рыл в лесу пруды-сажалки для королевских карпов. Фруктовый сад сдавался в аренду, часто ещё в цвету. У арендатора Шимана выговаривалось право оставить за собой сорок пудов яблок и груш. Летние сорта обычно покупались у арендатора, а в счёт договорных сорока пудов забирались зимние сорта, яблоки золотой ранет и груши бер-александр. Для детей в деревне было раздолье. Надя, переодевшись в костюм Володи Большого, скакала верхом или ездила на челне по большому пруду. Глеб имел собственный огород, где росли морковь, редиска, огурцы.

Однажды Глебу удалось попасть с деревенскими ребятишками на выгон, лежавший ниже плотины большого пруда. Перед этим шли дожди. Вода шла через плотину и ею были затоплены ямы на выгоне. Когда вода спала, в ямах накопилось немало рыбы и мальчишки ловили её корзинками (котиками) и просто руками. Глеб принял в этом деятельное участие. По случаю воскресенья Мария Модестовна надела на него чистую рубашку с вышитой грудью и синие шаровары. По ходу рыбной ловли Глеб погрузился сначала по колено, потом по пояс и,

наконец, по грудь. Маленький Александр, сын садовника Капитанчука, совсем погрузился в яму, где не мог достать дна. Глеб помог ему выбраться, но сам влез в воду по шею. Зато у него было теперь хорошее оправдание. Когда он вернулся домой, вид его был достоин сожаления. Он был совершенно мокрый, и к вышитой рубашке прилипли водоросли. Такой изображают утонувшую Офелию.

– Где это ты так разукрасился? – воскликнула Мария Модестовна.

– Я вытаскивал Александра из воды, – парировал Глеб неприятные разговоры.

Глебу шёл седьмой год. В этом возрасте каждый день приносит новые открытия. То открывается старое кладбище за деревянной деревенской церковью, то замечательная опушка берёзового молодняка, где почему-то растёт лесная земляника, то глубокий глинистый овраг, по дну которого бежит ручей. Овраг этот представляется детскому глазу величественным каньоном. И каждая мелочь, мимо которой невозмутимо проходят взрослые, привлекает внимание: майские жуки, маленькие букашки-солдатики с чёрно-красным рисунком на спине, ночные бабочки-бражники, висящие вечером над левкоем или другими цветами. Каждый день мир расширяется, пока он через много лет не расширится до того, что станет бесконечной неуютной пустыней бесконечного пространства, в котором затерялся человек-однодневка.

У Глеба свой маленький огород. Для огорода пришлось расчистить место в зарослях крапивы высотой в человеческий рост, перекопать землю, сделать грядки. Зато как интересно наблюдать пробивающиеся из земли ростки. Быстрее всего растёт редиска, уже видна красненькая головка. Горох надо подпереть палками, бобы стоят, как свечи, огурцы стелятся по земле, опадают жёлтые лепестки цветов. Как приятно обнаружить под листом зелёный огурец. Если его не заметить, он превратится в большой, рыжий. Чернозём лежит на глине. Если забить в эту землю кол из ольхи или вербы, на нём появляются почки, потом молодые, тонкие ветви и кол превращается в дерево.

Одно время Глеб увлекался поджогами. Он собирал в качестве зрителей всю детвору Капитанчука, Мишку, Гельку, Юльку, Левоньку и Александра и торжественно поджигал какой-нибудь крытый соломой шалаш, которым в прошлом году пользовались сторожа яблок, нанятые арендатором сада. Конечно, за это его наказывали. Но трудно было удержаться, так весело было, когда появлялись языки пламени, потом они охватывали всю солому. Огонь плясал и чёрные стебли летели вверх.

Глеб понимал, что ему говорили дети садовника и другие деревенские мальчики, он только находил их язык странным. Он не понимал, что они говорили на украинском языке, и думал, что они просто говорят неправильно на русском языке. Такие выражения, как "ая" вместо "да", "навищо?" вместо "для чего?", он быстро усваивал. С другой стороны его удивляло, когда Марина, жена садовника, кричала своему сыну: "А, трясця твоей маме!", т.е. сама себе желала лихорадку. Глебу так же было неясно его собственное положение. Ясно, что он принадлежал к горожанам, то есть по крестьянским понятиям к "панам". Его называли – "панич". С другой стороны он чувствовал разницу между семьёй матери и семьёй дяди Вити. Дядя Витя был, по его мнению, богатым. У него есть дом, лес, сад, деньги, значит он и есть настоящий "пан" или "барин". Мать Глеба, напротив, бедная, у неё ничего нет, значит в принадлежности её к "панам" есть какая то ложь. Ему казалось, что мать, вместе с ним и сёстрами, принадлежит к "панам" только по второстепенным признакам, по платью и по языку.

10. Дядя Витя

Дядя Витя - Виктор Модестович Вакар

Виктор Модестович был человек среднего роста с бородкой. В лице у него имелась какая-то асимметрия. В то время ему было лет пятьдесят. Одевался он аккуратно, в выглаженный серый костюм и в чёрные полуботинки, которые служили ему не меньше пяти лет. Летом он выходил из дома утром и собирал спелые абрикосы, упавшие с деревьев, посаженных у южной стены дома. Он обходил розы, чайные, пунцовые, белые, жёлтые и нежно-розовые, посаженные по большому кругу перед домом. Сидя на веранде, читал иногда французские романы в подлиннике.

Был он интересным рассказчиком о прошлых временах, когда из города в город ездили на лошадях и зимой отстреливались от волков. Рассказывал, что в его молодости была только одна железная дорога, Николаевская, между Петербургом и Москвой, и вначале поезда её обслуживались кондукторской бригадой из студентов-путейцев, носивших тогда особую форму с кортиками. Паровоз после свистка долго раскачивал вагоны прежде чем взять их с места. Если какой-нибудь генерал пил на станции кофе, поезд ожидал с отправлением.

Рассказывал Виктор Модестович, как в его детстве император Александр 2-ой свободно ходил по улицам Петербурга. Раз он остановил няньку, с которой шёл дядя, и спросил чей это мальчик, потрепав его по щеке. Любил Виктор Модестович ходить в ту часть Филипповского леса, которая называлась "Старый запуст", собирать там белые грибы. Будучи дальнозорким, он не видел грибов, которые стояли у его ног, а замечал дальний гриб, спешил к нему и, очистив его от упавших листьев, осторожно срезал его ножом у корня. В лесу было полутемно. Он оттого и назывался "Старым запустом", что был запущен, никогда не прочищался.

С корзинкой, наполненной грибами, с коричневыми головками и пузатыми белыми ножками, шёл он по тропинке через поруб, где росла земляника, через молодняк и через старую берёзовую рощу и выгон к своей усадьбе. Иногда на тропинке через молодняк вспоминал он прошлое. Сейчас живёт он тихо и спокойно. Дом – полная чаша. Два сына-студента, один будет доктором, другой юристом. Анна держит дом в порядке. Сам он, правда, вспыльчив, кипятится из-за пустяков, но отходчив, скоро успокаивается.

В молодости он учился в лицее, но за год до окончания лицей пришлось оставить. Когда неожиданно умер отец, у него оказалось много долгов, главным образом карточных, и мать, чтобы расплатиться с долгами (вопрос чести), всё продала. Мать и его братья остались без средств. Сам он оставил лицей, брат Платон должен был бросить гвардейский полк. В то время в таких полках на офицерское жалованье нельзя было прожить. В это время были учреждены должности мировых посредников в юго-западных губерниях. И он и Платон поступили в мировые посредники, он в Литин, Платон в Васильков. Всё это было не так просто, у него имелась невеста, подруга сестры Маши, француженка. Она была без средств, он стал тоже беден. Все планы переменились.

Вскоре он женился на одной из дочерей в большом и состоятельном семействе. Потом купил имение, пахотную землю продал, оставил усадьбу, лес,

пруд. В пяти верстах было имение одной сестры Анны, Гоголи, в двенадцати верстах – имение другой сестры Анны, Литки.* Сам он был уважаемым мировым судьёй и помещиком. Всё было правильно, хотя могло быть иначе.

Он вернулся домой к ужину. Старший сын, Анатолий, медик, похожий на мать, был уже дома. Младший, Владимир, высокий и с открытым красивым лицом, тоже вскоре вернулся с охоты, увешенный куропатками и перепёлками. Лягавая собака Канис бежала за ним с высунутым языком. Пока накрывали на стол, Виктор Модестович сидел на веранде. За речкой Ровец виднелись прямоугольники полей, на которые ложились уже вечерние тени. Где-то в унисон пели деревенские девушки.

11. Опять в городе [1897]

Глеб с неохотой покидал деревню. Он обежал все любимые места, чтобы попрощаться с ними: "тёмную аллею" из подстриженного граба, "холодец" – тенистое место, образованное деревьями, посаженными в круг в несколько рядов, "берёзки", где стол и скамейки стояли под развесистыми берёзами. Попрощался он и с ребятами Капитанчука. Его пригласили за общий стол и угостили варёной кукурузой и чёрным хлебом с головкой чеснока.

– Где это ты так начесночился?– спросила мать.

Глеб долго не мог заснуть. В последний раз слушал хор лягушек.

В городе опять наступили перемены. Мария Модестовна решила нанять большую квартиру напротив, сдавать комнаты студентам и давать домашние обеды. Студенты менялись. Дольше всех жил сын помещика, студент Петя Яневский. Постоянных столовников было только двое: кончавший университет студент-медик Михайловский, вежливый и застенчивый молодой человек со свежим румянцем на щеках, и Леонила Владимировна, барышня, служившая в управлении Юго-западных железных дорог.

Домашние обеды у Марии Модестовны оказались судьбоносными для Леонилы Владимировны и студента Михайловского. Окончив университет, Михайловский женился на Леониле Владимировне. Мария Модестовна поддерживала знакомство с этим милым семейством несколько лет. У них была дочка Наташа и сын Витя, похожий на отца. Через пять лет доктор Михайловский порезал палец при вскрытии трупа и умер от заражения крови.

Сестра Ляля окончила гимназию и уехала с подругой Верой Мельниковой в Петербург на Бестужевские курсы. Впрочем, пробыли они там всего полгода. После очередных студенческих беспорядков обеих выслали из Петербурга.

Надя всё больше увлекалась живописью и, окончив шесть классов гимназии, бросила гимназию и поступила в художественную школу. В ней она пробыла не больше года и, покинув ее, стала вольной художницей, что пока не приносило ей ни славы, ни денег.

Ляля много читала и иногда огорошивала Глеба новыми для него рассуждениями. Однажды она дала ему биологию Лункевича и затем дополнила прочитанное рассуждениями о дарвинизме. Другой раз, заметив, что Глеб учит басню Крылова "Стрекоза и муравей", сказала, что мораль басни ложная, надо было, наоборот, показать, что благородный муравей не оставил стрекозу на гибель, а накормил её и дал ей просуществовать до "вешних дней". По поводу "Фауста" она говорила, что Фауст и Мефистофель это один и тот же человек, в них отражены две стороны души человека – добрая и злая.

Надя была совсем другого склада. Она не ломала голову над разными проблемами. Она рисовала и веселилась, окружённая подругами и молодыми людьми. Однако, пока ещё у обеих сестёр компания была общая. Часто по вечерам к ним вваливалась целая ватага студентов и лево-настроенных девиц.

---

* На дочери Э.И. Стогова Ие (сестре Анны) женился отставной ротмистр Александр Григорьевич Змунчилла, владелец имения Литки Подольской губернии, Деражнянской волости, Летичевского уезда. А на Зое Эразмовне – Лев Демьяновский, владелец имения Гоголи в том же Летичевском уезде.

Среди них был Носарь, будущий председатель совета рабочих депутатов в 1906 году (Носарь-Хрусталёв, впоследствии расстрелянный большевиками) и прыщеватый молодой человек по фамилии Угренович. О приходе их кухарка Дарья обычно докладывала: "Опять там к вам пришли эти – Носатый и Угреватый".

В это время произошли студенческие беспорядки, так называемая Ветровская история, когда часть студентов была арестована, одних выслали из города, других отдали в солдаты*. Из компании Ольги и Надежды Беклемишевых студент-медик Балашов был отдан в солдаты.

Александр Балашов, студент-медик,
отданный в солдаты в 1897 г.

Сыновья Виктора Модестовича, Анатолий и Владимир, сидели сначала в Лукьяновской тюрьме, а потом их выслали в Чернигов. В тюрьме они чувствовали себя неплохо. Студентов было много. Они невзлюбили одного из надзирателей, имя которого было Гаврило, и встречали его хоровым пением: "Здравствуй, здравствуй, кум Гаврило, рыло, рыло, гав, гав, гав"…

Когда Вакаров выслали в Чернигов, им, разумеется, было запрещено появляться в Киеве. Анатолий приехал в Киев нелегально и остановился на ночь у тёти Маши (Марии Модестовны). В эту же ночь полиция, наблюдавшая за появлением в квартире Носаря, Угреновича и компании, устроила обыск. Глеб увидел, как через его комнату пробежал Анатолий и прыгнул в окно. Удивившись он спросил: "Что, пожар?" На него зашипели: "Ш-ш-ш", через парадную дверь уже входила полиция и понятые. Обыск не дал никаких результатов.

Вскоре после этого Ляля, Надя и Вера Мельникова съездили в Берлин. Поездка за границу тогда стоила сравнительно недорого, а формальности с заграничным паспортом не были сложны. Все они немецкого языка почти не знали и часто попадали впросак. Ляля купила в каком-то магазине Берлина одеяло для подарка. Когда она показала покупку и сказала цену своей квартирной хозяйке, то фрау Шлиц воскликнула: "Да ведь с вас содрали вдвое! Видят что иностранка". Ляля не смутилась. Она взяла русско-немецкий словарь, пошла в магазин, нашла приказчика, который продал ей одеяло, поставила его перед собой и начала листать словарь. Найдя слово "мошенник", она перевела его на немецкий язык, показала приказчику, ткнув в него пальцем, и, удовлетворённая, удалилась.

---

* 4 марта 1897 г. у Казанского собора прошла антиправительственная демонстрация, вызванная известием о самосожжении в тюрьме Трубецкого бастиона Петропавловской крепости члена Группы народовольцев, курсистки М.Ф. Ветровой (1870-1897). Ветровская демонстрация проходила в форме панихиды. Около 6 тыс. участников (главным образом студенты и курсистки) при выходе из собора были окружены полицией и отконвоированы в Казанскую полицейскую часть (большинству удалось скрыться, около 1200 человек переписаны полицией). История получила большой общественный резонанс, демонстрации солидарности прошли в Москве и Киеве. – ***Из Интернета***

Надя с Верой Мельниковой ехали, тем временем, по воздушной дороге (то, что в Америке называется "элевэйтед"). Против них сидел толстый немец с сигарой в зубах. Обе девицы пользовались русским языком и выражали свои, нелестные для немцев, впечатления. Они находили, что немцы в массе глупы и неэлегантны.

– Как бы нам не проехать нашу остановку на Унтер дер Линден, – забеспокоилась Вера Мельникова.

– Это будет вторая остановка, фрауляйн, – сказал немец по-русски.

– Вы говорите по-русски?

– О, да. Я был в России. Я люблю русский язык.

Обе девицы почувствовали себя сконфуженными.

Жизнь на Тарасовской улице шла своим чередом. Бабушка, Надежда Платоновна, не могла уже ходить даже с костылями. Она весь день сидела в своём кресле на колёсах и читала Евангелие. Изредка навестить мать и сестру приходил Виктор Модестович. В этот раз он рассказал случай, который с ним произошёл. Был он в оперном театре. Окончилась опера, и он с номерком пошёл взять своё пальто.

– Смотрю, капельдинер даёт мне какое-то старое пальто. – "Не моё пальто, – говорю,– старое какое то". Он мне отвечает: "Подождите". Жду. Все берут пальто и уходят. Остаётся одно это старое, поношенное, пальто. Я, понятно, требую директора театра. Так и так, исчезло моё пальто. Директор, понятно, извиняется, обещает компенсировать потерю. Я, возмущённый таким случаем, беру извозчика. Приезжаю домой и первым делом говорю Анечке: "Смотри, какое безобразие, в театре подменили мне пальто". А Анечка говорит: "Господь с вами (Анна Эразмовна всегда говорила мужу "вы"), да ведь это ваше же пальто". И в самом деле, я не заметил, как пальто состарилось. На следующий день пришлось ехать к директору театра с извинениями.

Виктор Модестович рассказывал всю эту историю, сильно жестикулируя, а на шкафу сидел большой чёрный кот. Это был не простой кот. В Тамбове разводили тогда особый сорт кошек – помесь кошки с куницей. Такую кошку прислал Марии Модестовне её брат Василий Модестович. Кошку звали Бобкой. Она была обычного кошачьего сложения, может быть, немного длиннее, но мастью совершенно походила на куницу. Она одна давила крысу, на что идёт не каждый кот.

Чёрный кот на шкафу был её сыном и отличался особой дикостью. Он долго следил за жестикуляцией Виктора Модестовича и наконец изловчился и прыгнул ему на голову. Виктор Модестович был очень испуган и сказал, что больше не придёт, пока этот проклятый кот здесь живёт.

Героем следующего события был Глеб. Неизвестно по каким причинам, но он решил бежать в Америку. Где она находится, и как в неё попасть, он не знал, но было ясно, что надо прежде всего выйти из дому, а там расспрашивать и "язык до Америки доведёт". Глеб предпринял два предварительных шага: он стянул полкурицы и французскую булку и спрятал их "на дорогу" в свой шкафчик. Во-вторых, он рассказал всем, кроме мамы, по секрету под честным словом о своём проектируемом бегстве. В числе его доверенных были и бабушка, и Дарья. Бабушка отнеслась к данному честному слову серьёзно и целый день плакала.

– Отчего вы, мамаша, всё плачете? – спрашивала Мария Модестовна.

– Не могу, Маша, сказать.

Вечером, когда Дарья пришла спрашивать, что готовить завтра на обед, а Глеб случайно открыл свой шкафчик, мать заметила курицу и булку.

– Что это за запасы?

– А это, барыня, он в Америку бежать собрался.

– Дарья, ты же слово дала, – укоризненно сказал Глеб.

– Вот, Маша, ты спрашивала давеча, отчего я плачу. Я плакала от того, что Глебушка из дому уходит, а сказать тебе я не могла. Я слово ему дала.

– Видишь, какой ты негодный мальчишка, – сказала Мария Модестовна,– бабушку плакать заставил.

Бегство так и не состоялось.

В это время центр интересов Глеба переместился. Кто-то подарил ему "Книгу Чудес". В ней были записаны мифы древних греков. Геройские подвиги Геркулеса, Тезея, Персея, Беллерофонта были не только описаны, но сопровождались ещё иллюстрациями. Царь Эгей стоял на скале, ожидая рассеянного Тезея, который забыл заменить чёрные паруса белыми. Тезей шёл по лабиринту, держась за нить Ариадны. Минотавр бежал на свою жертву, наклонив бычачью голову. Теперь все чудища, Горгона-Медуза, Немейский лев, разбойник Прокруст, снились Глебу каждую ночь. Он боялся идти спать. Вылечился он самовнушением.

– Буду помнить, что это только сон.

И действительно: снится ему Минотавр, бежит он прямо на Глеба и прокалывает его рогами, а Глеб смеётся: "Шалишь брат, это только сон, я тебя не боюсь". И страшные сны исчезли.

12. Брат Саша приехал

Мария Модестовна собралась ехать в Петербург, проведать старшего сына. Она пришла в ужас от того, что там увидела. В исправительном заведении Маляревского держали кого угодно, лишь бы платили деньги, и преступников, и сумасшедших. Мария Модестовна сейчас же забрала Сашу и привезла его с собой. Это был юноша семнадцати лет. Мать нашла ему учителя, который должен был подготовить его к экзамену экстерном за шесть классов гимназии. Оказалось, что Саша имеет полное отвращение к наукам, но в короткий срок может перевернуть всё в доме. Мать он ни во что не ставил. Сестёр он колотил.

В семье были старинные иконы. "Вот эта, – говорила Мария Модестовна,– будет Лялиной, а эта для Нади, когда она выйдет замуж". Однажды, когда никого не было дома, иконы с серебряными ризами исчезли. Много времени спустя выяснилось, что Саша заложил их в ломбарде. Когда Глеб проходил через гостиную, где расположился Саша, последний крикнул: "Проходи скорей!". Когда Глеб прошёл недостаточно скоро, Саша захлопнул дверь и прищемил дверью Глебу голову.

Глеба продолжала навещать его прежняя няня. Саша говорил о ней что-то неодобрительное. Глеб за чайным столом, за которым сидела и няня, начал говорить: "А Саша сказал, что няня"... "Молчи", – закричал Саша. Глеб продолжал начатую фразу. Тогда Саша бросил ему в лицо стакан с чаем. Прицел был неверен и стакан разбился о грудь Глеба. Мать не могла справиться со старшим сыном, но Ляля и Надя заявили, что не будут сидеть с ним за одним столом. Саше пришлось обедать в кухне. А там его кормила Дарья, та самая, которая его вынянчила.

– Будешь таким хулиганом, шерамыжником, – говорила она, – я тебе не дам над матерью измываться.

– А что ты мне можешь сделать?

– Всё могу сделать.

– Ну, что, например?

– Вот готовлю обед, будешь всех бить, возьму и отравлю тебя.

Саша схватил ведро с водой и бросил Дарье в голову. Потом видели, как он бежал, а она за ним гналась. На голове ребром ведра была рассечена кожа, так что пришлось позвать медика Михайловского. Жить с Сашей становилось невозможно.

Но тут случились два обстоятельства: во-первых Саша срезался на экзамене, во-вторых, ему понравилась форма астраханских казаков – жёлтые лампасы и жёлтый верх папахи. В это время в Астрахани служил дядя Вася и он соглашался принять участие в судьбе своего племянника. Саша выехал в Астрахань, приписался к астраханскому казачеству и поступил в простые казаки. Он занимался вольтижировкой и готовился к экзамену на офицерский чин. Не обошлось и там без приключений: обидевшись на своего командира, Саша верхом

на коне изрубил шашкой командирскую коляску. Затем он срезался на экзамене на офицерский чин.

– Ну, брат, ничего из тебя не выйдет, – сказал Василий Модестович, – поезжай обратно к своей маме.

Неудавшийся казак отправился на вокзал, а к Василию Модестовичу пришёл председатель окружного суда.

– Неудача у меня с племянником. Такой балбес, экзамена на офицерский чин не мог выдержать. Я его отправил в Киев.

– Жаль, – сказал председатель суда, – можно было бы попробовать сделать из него нотариуса.

Тут в прихожей зазвонил звонок. Это вернулся Саша, опоздавший к поезду.

– Ну, брат, оставайся, может быть сделаем из тебя нотариуса.

На этот раз дело пошло удачнее. Саша сдал экзамен за шесть классов гимназии, а затем и специальный экзамен на нотариуса. Первое назначение он получил в город Чимкент около Ташкента.

Саша Беклемишев, нотариус в Чимкенте.

13. Время не стоит [1899]

Мария Модестовна сама подготовила Глеба в приготовительный класс и отвела его в Первую гимназию. Это было жёлтое здание, по архитектуре типичное для времён Николая 1-го. Экзаменовал Глеба Афанасий Иванович Назаренко, воспитатель приготовительного класса, не старый ещё человек с красивой чёрной раздвоенной бородой, по прозвищу Навуходоносор. Это странное прозвище он получил ещё в университете, где ему дали "в ухо", а он на это "донёс", отсюда и вышло на-в-ухо-доносор.

Одновременно в семье случилось и другое событие – Ольга Петровна, или Ляля, вышла замуж за своего двоюродного брата Анатолия Викторовича. Такой брак между близкими родственниками требовал специального архиерейского разрешения. Они обошли его, поехав в какой-то захудалый приход под Одессой, где священник, не без благодарности, исполнил обряд бракосочетания. В третьих, Надя поселилась отдельно, а Мария Модестовна с Глебом и бабушкой переехала в квартиру Виктора Модестовича.

Бабушка стала совсем плоха и не подымалась с постели. Она умерла весной, немного не дождавшись правнука, который родился у Ляли и Анатолия Викторовича и был назван Володей.

Для новой семьи Виктор Модестович построил в своём имении новый дом в Филипповском лесу недалеко от прудов-сажалок и у нового фруктового сада в 18 десятин, который он насадил на вырубе и окружил аллеей из серебристых ёлок. Там же была построена и хата для лесника. Лесником стал бывший кучер Маньковский. Горничную Марии Модестовны, Евгению, соблазнил сын няни Глеба, "пани жандармовой", и бросил её с родившимся мальчиком Васей. Лесник Маньковский женился на Евгении, усыновил Васю и имел теперь с Евгенией сына Колю. Коля производил впечатление идиотика. Любимые его слова были: "Как бабахну з леворвента в голову!".

Глеб теперь имел в деревне больше свободы, то он ездил с семьёй садовника Капитанчука жать (Капитанчук имел своё поле), то отправлялся с пастушками на выгон печь в золе "бараболю" (картошку), то ловить с мальчиками рыбу в речке. Для этого пользовались орудиями, которые назывались "сак и болт". Один из рыболовов опускал в речку сак, представлявший из себя вилы, к которым прикреплена сеть, поддерживаемая изнутри обручами. Второй рыболов гонит рыбу в сак ударами "болта" (длинный шест с деревянной грушей на конце) по водорослям. Улов состоял из окуней, щупаков (щук), карасей, плотвы, лещей, вьюнов, которых было немало в речке Ровец. В прудах Глеб ловил рыбу при помощи ятеря, или верши. Ловились в пруде и раки, но самым примитивным образом. Вечером на берегу разводился костёр. К колышкам на нитках прикреплялось тухлое мясо или тухлая рыба. Пришедший на приманку рак осторожно подтягивался ближе, вместе с мясом. Хватать его приходилось рукой. Иногда рак сам больно хватал за палец.

Подходила осень. Созревали сливы, яблоки, груши. Надо было ехать в город. А в деревне было так свободно. Кругом так красиво. Глеб привык ездить с Капитанчуком на сенокос, с его семьёй жать пшеницу, с мальчишками-пастушками печь картошку и кукурузу на выгоне за речкой.

14. Самара. 1900 год

У Марии Модестовны в Киеве были два брата Виктор Модестович и Платон Модестович. С женой Виктора Модестовича, Анной Эразмовной, у Марии Модестовны не было близких отношений. Ещё когда Анна Эразмовна была невестой и Виктор Модестович показал ей портрет сестры, Анна Эразмовна сказала: "Красива, но мне не нравится". Теперь Мария Модестовна была в материальной зависимости от брата и его жены. Анна Эразмовна умела подчеркнуть эту зависимость. Мария Модестовна страдала болезнью печени, пила Виши и Боржом и должна была соблюдать диэту.

– Ах, какая вы счастливая, вы можете есть куриные котлеты, – воскликнула Анна Эразмовна, увидев, что Мария Модестовна ест диэтную котлету, сама Анна Эразмовна соблюдала строжайшую экономию.

Последний год жизни бабушки Мария Модестовна жила в квартире Виктора Модестовича с Глебом и бабушкой. Бабушка уже не вставала с постели. Глеб учился в приготовительном классе 1-ой гимназии. Мир приготовишек имел свои особенности. Приготовишки выменивали друг у друга перочинные ножи и марки. Разменной монетой служили перья. В большую перемену приготовишки дрались с первоклассниками. Первоклассники обычно наступали, а приготовишки защищали дверь своего класса. Впереди стояли стеной испытанные силачи. Глеб обычно не принимал участия в этих боях.

Но однажды, когда произошёл "прорыв фронта" и в класс ворвалось несколько первоклассников, Глеб оказался лицом к лицу с длинным первоклассником и столь успешно поставил ему под глазом "фонарь", что имел об этом специальное собеседование с классным наставником Афанасием Ивановичем Назаренко.

Миру приготовишек мешал жить главным образом тот же Афанасий Иванович, который преподавал все предметы за исключением Закона Божия. Он ставил иногда в журнал двойки. Журнал раз в неделю полагалось отнести родителям, которые и ставили в нём свою подпись, подтверждавшую, что они в курсе успехов своего ребёнка.

Глебу, конечно, не хотелось огорчать двойками Марию Модестовну. Другие приготовишки научили его, что надо делать. Журнал расшивался и из него вынималась страничка с двойкой. Вместо неё вшивалась другая страница, уже без двойки, на которой гимназист и ставил подпись Назаренки. Когда родители подписали эту страницу, она опять вынималась из дневника и подлинная страница с двойкой ставилась на место. Она подписывалась гимназистом за отца или за мать. Таким образом родители оставались в счастливом неведении об "успехах" сына, пока он не приносил "четверть" с двойками.

– Как же так, – удивлялся родитель, – три месяца отметки были удовлетворительные, а за квартал получились двойки?

Приготовишка рассуждал иначе. Двойки представлялись ему как бы неизбежным явлением природы, как дождь, гроза или град. Избежать их нельзя, но можно сократить число неприятных переживаний, связанных с двойками. Лучше иметь неприятное объяснение с мамой раз в три месяца, чем объяснение из-за каждой двойки. Семь бед – один ответ. Так поступал и Глеб. Подделать подпись матери и классного наставника не считалось преступлением.

Пока жива была бабушка, за которой Мария Модестовна ухаживала, её существование в доме брата было оправдано. Но бабушка умерла. Из всех братьев Мария Модестовна любила больше всего младшего, Анатолия, служившего в Самаре. Она решила ехать в Самару и поселиться вблизи любимого брата. Анатолий Модестович был женат, овдовел и остался с тремя сыновьями, Володей, Борей и Мишей, теми самими, которые упоминались в связи с приездом их в Шелеховскую Слободку. Затем Анатолий Модестович женился второй раз на Анне Ивановне, акушерке по специальности, и имел от неё детей Надю и Алёшу. Позже у них родилась ещё Маша.

Анна Ивановна, в девичестве Мушкина, жена Анатолия Модестовича Вакара, и его дети от второго брака Алеша, Надя и Маша. Фото самого Анатолия Модестовича, к сожалению отыскать не удалось.

Теперь Мария Модестовна ехала к ним с Глебом. Дорога показалась длинной. После Сызрани поезд медленно пополз по мосту через Волгу и все стали

креститься и Глеб подумал, не провалится ли в самом деле мост. Но ничего, мост выдержал. Глеба определили в первый класс самарской гимназии. Он был в одном классе с Борей, Володя был уже в третьем классе, а Миша ещё не дорос до гимназии. Мария Модестовна наняла комнату в трёхэтажном доме в шести кварталах от дома, где жила семья Анатолия Модестовича, но обедала она и Глеб вместе с семьёй Анатолия Модестовича. Старшие дети не слушались мачеху, которая относилась к ним хорошо.

Нравы в гимназии были провинциально-патриархальные. Монументального инспектора гимназисты звали каланчёй. Когда зимой мороз достигал 25 градусов Цельсия, сторож вывешивал на крыше красную рубашку – знак, что занятия в гимназии отменены. Мальчишек в Самаре было почему-то очень много и весь день они проводили на улице. Они играли в "козны" (в бабки). Хорошие битки, налитые свинцом, очень ценились. Другое занятие, которым был наполнен досуг мальчишек, это – запускание змея. Над Самарой постоянно висели в воздухе разноцветные змеи, некоторые с трещотками. К ним по суровой нитке посылались "телеграммы". Тут же процветало воздушное пиратство. Чтобы захватить чужой змей, надо залезть на крышу, привязать к суровой нитке камень и, перекинув его через нитку змея, притянуть его к себе. Тем временем собственники змея, заметив грабёж, уже бегут, чтобы с боем взять его обратно.

Летом Самара покрывается пылью. Весной Волга и река Самарка разливаются в месте слияния как море, за Волгой синеют Жигули. Зимой вдоль улиц тянутся ледяные дорожки, по которым скользят на коньках не только мальчишки, но и взрослые. Есть и каток, вход на который стоит пять копеек. Маленький Миша отличается особой скупостью. Он бережно собирает и хранит медные пятаки, завернув их в бумажки.

Однажды он приглашает Глеба:

– Пойдём на каток.

– У меня денег нет.

– Я за тебя заплачу.

Глеб и Миша отправляются на каток. Немедленно на Мишу нападают маленькие враги. Глеб разбрасывает их. Теперь щедрость Миши понятна. На катке его били мальчишки. Он затратил пятак, чтобы иметь телохранителя.

15. Обратно в Киев

Самара не могла заменить Марии Модестовне Киева. Тем более, что в Самаре Мария Модестовна оказалась вдали от обеих дочерей. Она решила ехать обратно. В Киеве Мария Модестовна наняла две комнаты во флигеле на Тарасовской улице. Глеба она отдала во второй класс Четвертой гимназии. Чтобы немножко заработать, брала переписку судебных дел из камеры мирового судьи (Виктора Модестовича), за переписку листа получала одну копейку. Дома было тоскливо.

Вечером во двор заходил либо татарин, кричавший "стары вещи, стары вещи", либо шарманщик. Солнце садилось, мотив шарманки наводил грусть. Из редких окон шарманщику бросали гроши. Пёстрый попугай или мартышка вытаскивали билетики, предсказывавшие судьбу, или картинку, изображавшую "жизнь человека". Мария Модестовна часто недомогала, продолжала пить Боржом, по необходимости во всём экономила.

Гимназия, в которую Глеб поступил новичком, ему не нравилась. Была она на "Новом строении", а новостроенцы пользовались нехорошей славой*. Гимназисты были жестоки. Во время переменок возникали поединки, в которых соперники дрались, окружённые толпой зрителей. Иногда гимназиста затаскивали в чужой

---

* Из книги "Памятная записка о Киевской 4-й гимназии": *Заканчивая настоящую записку, невольно приходится вспомнить ту оживленную борьбу, которую вели между собою думские гласные из двух окраин гор. Киева, Лукьяновки и Нового строения, из-за обладания Киевской 4-й гимназией. Новостроенцам стоило хлопотать, так как в настоящее время гимназия со своим красивым зданием [(строилось в 1897-99 годах)]– лучшее во всех отношениях украшение этой убогой в былое время части г. Киева.*

класс, клали его на доску, и, раскачивая её, вытирали мел курткой и штанами жертвы. Считалось шуткой подставить гимназисту ножку на лестнице, чтобы он летел вниз и стукнулся бы о каменную ступеньку головой в то время, как ранец ударит его по затылку.

Здание 4-й гимназии в переулке от Большой Васильковской ул.[**]

Среди преподавателей были ископаемые экземпляры вроде учителя рисования Кушнира. Он происходил из румын. Всё его преподавание сводилось к тому, что он вешал на доску орнаменты и предоставлял гимназистам их срисовывать. Когда те начинали шалить, он кричал: "Эй ты, зверина, тигра лютая, чего ты ржёшь, пошёл к стенке". Шалунов у стены собиралось пять-шесть. Они продолжали кривляться: "Михаил Савич, извините. Нахал Савич, позвоните". Делали вид, что плачут и прячут слёзы в карман куртки. Тогда Михаил Савич выгонял их в коридор, где их переписывал инспектор и оставлял "на после обеда".[*]

На следующий год Мария Модестовна переехала поближе к гимназии на Предславинскую улицу. Там, сзади нового костёла, она наняла квартирку из двух комнат с кухней и с садиком, завела породистых кур, чёрных с хохлами и больших серых, и рыжего кота Нарзана. Глеб стал учиться плохо. Особенно ненавидел он латинскую грамматику. Когда он готовил уроки, то клал грамматику на стол, а в ящик стола "Приключения Пинкертона" или "Пещеру Лихтвайса" и, приоткрыв ящик, читал эти заманчивые приключения.

Однажды Мария Модестовна решила отправить Глеба на Пасху к своему брату, дяде Васе. Глебу шёл тринадцатый год. Он благополучно добрался до Умани, где Василий Модестович был председателем окружного суда. Жена его,

---

[**] Фото из книги "Памятная записка о Киевской 4-й гимназии". Киев, 1899.

[*] Это – Михаил Саввич Кушнер, по окончании курса в Императорской академии художеств он был назначен в сентябре 1884 г. учителем чистописания и рисования Киевской 4-й гимназии. Из неупомянутых Глебом преподавателей можно отметить, например, учителя математики Ивана Онисифоровича Чехлатова, в 1879 г. окончившего курс по отделу математических наук физико-математического факультета университета св. Владимира с правом на степень кандидата, в 1892 г. перемещенного из Полтавской в Киевскую 4-ю гимназию. И.С. Чехлатов мог преподавать и в начале 1900-х (хотя когда в 7-м классе, то есть в 1905/06 учебном году, "*Глеб стал уделять больше внимания наукам, особенно математическим*", "*появились новые преподаватели: математики – Оглоблин и Подолянский, физик Остроменский, психолог Александр Брониславович Селиханович. Они значительно отличались от старых педагогов, умели заинтересовать класс*" – см. ниже).

Елизавета Сергеевна, родом была из купеческой тамбовской семьи, у них было трое детей, Коля – года на два старше Глеба, Надя – его ровесница, и Серёжа, моложе Глеба на пять лет. В семье поддерживалась дисциплина мерами, Глебу незнакомыми. Так, за какое-то непослушание, мать ударила Колю по щеке.

Жена Василия Модестовича Вакара Елизавета Сергеевна Гусева.

На Пасху Елизавета Сергеевна пошла с визитом к надзирателю Уманской гимназии и взяла с собой Глеба. Надзиратель гимназии, Корольков, был женат на сестре Евгении Давыдовны, жены Платона Модестовича Вакара.

Возвращаясь домой после визита, Елизавета Сергеевна стала объяснять Глебу, что она никогда не пошла бы с визитом к Корольковым (разное социальное положение), но сделала это исключительно для Платона Модестовича. Это объяснение плюс публичная пощёчина Коле совсем настроили Глеба против дядиного семейства.

– Распустила павлиньи перья, – подумал он про себя и тут же решил, что больше сюда никогда не поедет.

В Киеве потянулись гимназические будни. Между тем Киев за последние два года изменился. Конку, а затем вагоны с маленькими паровозиками, заменил электрический трамвай, вместо керосиновых и газовых фонарей на главных улицах зажглись дуговые электрические фонари, мальчишки бежали посмотреть на коляску, которая едет без лошадей (появились первые автомобили).

Мария Модестовна считала, что Глебу следует время от времени показываться в семье дяди Вити, которому она была обязана помощью.

– Пойди завтра туда к обеду, тебя пригласили, – сказала она, – только не опаздывай.

2-й трамвай сворачивал с Крещатика на Фундуклеевскую и шел к вокзалу

Такой визит был Глебу не по сердцу. Он не знал, как там себя держать. Он чувствовал себя просто только с Володей Большим, который выписал ему как-то "Журнал для всех", "Всходы", а в другой раз подарил ему "Дети капитана Гранта" Жюля Верна. Тётушка ему явно не симпатизировала, а у дяди был вспыльчивый и раздражительный характер. Пришел он вовремя. Анна Эразмовна сказала ему хорошо вытереть ботинки, показав на блестящий паркет. Она сама натирала его после горничной. Сели за стол. В конце стола сидел дядя Витя, с одной стороны – Глеб, напротив – тётя Анна. Володя немного запоздал, он сел рядом с Глебом. Владимир Викторович был помощником присяжного поверенного и пришёл прямо из суда, во фраке и накрахмаленной манишке.

– Передай тарелку Володе, – сказала Анна Эразмовна.

Глеб употреблял все усилия, чтобы не оскандалиться, но всё-таки вылил суп на манишку Володе.

– Эта тарелка тебе.

Глеб, совсем сконфуженный, вылил суп на себя. Обед проходил в мрачном молчании. Подали второе. Это было жаркое с солёным огурцом. Огурец был мягкий и Глеб пилил его обратной стороной ножа. Огурец лопнул и тонкая струйка рассола брызнула прямо на Виктора Модестовича.

– Это чёрт знает, что такое, – вскричал дядя Витя, вскакивая из-за стола и вытираясь салфеткой.

Глеб шёл домой оскандаленным и опозоренным. Он думал, как ему не везёт, и как это будет неприятно маме. В гимназии тоже случилась неприятность. Однажды два гимназиста жестоко подрались в присутствии Глеба. Надзиратель записал их, и за компанию – Глеба.

Все трое были оставлены после уроков "без обеда". Оставленных обходил инспектор, надзиратель докладывал о причинах наказания.

– Эти за что?

– Дрались, Иван Моисеевич.

– А Беклемишев за что?

– Стоял и подмигивал.*

Глеб не верил в справедливость этого странного мира. Идя в гимназию или из гимназии домой, Глеб думал о чём-то своём, не замечая окружавшего. Ещё в Самаре был случай, когда извозчик въехал ему оглоблей в ранец, болтавшийся на спине. Иногда зимой Глеб сосредоточенно гнал ногой перед собой ледяшку, стараясь догнать её до самой гимназии, это не мешало ему думать.

Здоровье Марии Модестовны ухудшилось. Её красивое раньше лицо пожелтело, она испытывала постоянные боли от камней в печени. Решено было делать операцию. Ложась в больницу, она отдала Глеба Михайловским, т.е. тому доктору Михайловскому и Леониле Владимировне, которые встретились за её обеденным столом и поженились. Теперь у них было двое детей – Ната и Витя. Жили они на углу Безаковской и Мариино-Благовещенской. Глеб слабо соображал, какой опасности подвергается его мать. После операции Мария Модестовна пролежала довольно долго в частной лечебнице, что была на углу Владимирской улицы и Андреевского спуска, прямо напротив Андреевской церкви, построенной Растрелли.

Когда Глеб перешёл в четвёртый класс, Мария Модестовна отправила его на лето к Ляле. Анатолий Викторович Вакар был теперь хирургом. Так как первый год в университете он был на юридическом факультете и записался вольноопределяющимся, то ему пришлось отбывать воинскую повинность.

Благодаря тому, что он имел законченное медицинское образование, его сделали военным врачём и послали в крепость Осовец в Гродненской губернии. Вот в эту крепость Осовец и приехал Глеб на лето. У Ольги Петровны (Ляли) было двое детей, Володя четырёх лет и Наташа – двух. Ольга Петровна совсем не подходила к обществу офицерских дам. Она ходила стриженой, но самым нелепым образом, как бы высоким ёжиком. Общий вид её был типичен для курсистки. С офицерскими дамами она знакомств не заводила. У неё был дамский велосипед, который и поступил в распоряжение Глеба. На нём он гонял по окрестностям. В офицерском собрании Глеб завёл знакомства со сверстниками. Там он играл в крокет, а иногда участвовал в хулиганских выходках. Так однажды компания мальчишек забралась внутрь кегельбана и играла шарами по [керосиновым] лампам, заменявшим собою кегли.

Мальчик постарше Глеба уговаривал его, чтобы он стал тонуть, а он его спасёт и получит медаль за спасение утопающего, но Глеб отказался от этого предприятия, считая такое спасение ненадёжным. Однажды, бродя по полю в районе крепости, Глеб увидел воздушный шар.

Он был привязан к канату, который солдаты то наматывали на катушку, то сматывали с неё, отпуская шар. Офицер, командовавший подъёмом, взял несколько человек из публики в корзину. Глеб подошёл.

– Можно и мне влезть?

– Можно было бы, да в корзине уже четверо, много будет.

– Да я совсем лёгкий, – сказал Глеб, поднимая себя за волосы и подпрыгивая.

– Ну ладно, полезай.

Глеб перекинул ногу через борт корзины. Шар поплыл вверх. Горизонт расширился. Внизу зелень полей и лесов. Под шаром видна группа людей. Они не больше муравьёв. Глеб вернулся домой в большом возбуждении. Каково? Он поднимался на воздушном шаре! Правда, шар был на канате, но всё же...

Анатолий Викторович взял Глеба на маневры. Ему, как врачу, полагалась линейка с лошадьми. На маневрах шла пальба по доскам, изображавшим противника и его орудия. Стреляли из винтовок и недавно изобретенных пулемётов, напоминавших своим видом умывальники. При возвращении назад на

---

* По-видимому, речь идет об инспекторе Моисее Николаевиче Пантелееве, который по окончании в 1874 г. физико-математического факультета Харьковского университета со степенью кандидата в октябре того же года был назначен учителем математики и физики в Киевскую прогимназию, а в декабре 1896-го – исполняющим обязанности инспектора Киевской 4-й гимназии.

линейку доктора присели два пожилых ротных командира. Глеб бежал по полю, запуская в небо с палки найденные картофелины. Увы, одна из них, описав дугу, разбилась о голову одного из ротных командиров, сидевших на линейке.

Вернувшись в Киев, Глеб поехал ещё на несколько дней к Платону Модестовичу, семья которого жила летом в его небольшом имении Белый Берег, на речке Ирше. Здесь Глеб чуть не утонул. Он пошёл купаться на Иршу со своим двоюродным братом Николаем, которому едва минуло десять. Николай рассказал, как он здорово плавает, и хотел показать своё искусство. Не найдя дна под ногами, он испугался и стал тонуть.

Когда Глеб подплыл к нему, он схватил Глеба за руки, взобрался на него и Глеб стал пить воду. У него мелькнуло сознание, что всё кончено, он тонет, но в последний момент он вырвался, из горла его фонтаном забила вода, и он в три взмаха оказался на берегу. Макушка Николая то показывалась на поверхности, то исчезала. Глеб поплыл к нему, решив его оглушить, а тогда тащить к берегу. Глушить его не пришлось, так как он совсем ослабел. Глеб помог ему одеться. Дома заметили, что случилось что-то неладное.

– Что вы, подрались что ли? – спросила Евгения Давыдовна.

Но они сначала скрыли всю историю. Только, когда Глеб уехал, Николай рассказал, как они тонули.

Глеб весело проводил лето, не сознавая, что скоро он останется круглым сиротой. В этом году Марии Модестовне стало совсем плохо. Через свищ, оставленный после операции, выходили камни, что сопровождалось сильной болью. Марию Модестовну взяли в больницу для второй операции. Настал день, когда Ляля повела Глеба в больницу попрощаться с матерью.

Она лежала в большой палате и с трудом дышала. Близко к ней не подходили. Она была без сознания. Глаза её были полузакрыты. Видны были только белки – совершенно жёлтые. Глеб видел мать в последний раз.

На похороны его не взяли. Ему было четырнадцать лет. Он остался круглым сиротой. На Байковом кладбище на памятнике с надписью "здесь покоится Надежда Платоновна Вакар" добавили: "и её дочь Мария Модестовна Беклемишева". Светило солнце, цветы украшали могилу, зелень деревьев нависала над склепами, кончалась жизнь одних людей, начиналась жизнь нового поколения. Для Глеба начиналась жизнь в чужой семье.

16. В чужой семье. [1904]

Судьба Глеба была определена без него. Решили, что он будет жить у старшей сестры – Ольги Петровны. Деньги же на его содержание будут давать два дяди: Виктор Модестович – 25 рублей в месяц и Василий Модестович – двенадцать с полтиной в месяц.

За эти деньги сестра будет его кормить, давать комнату и одевать. Мужа Ольги Петровны, хирурга Анатолия Викторовича, в это время, как военного врача, послали в Манчжурию, где тогда шла война с японцами.

Ольга Петровна была не совсем обыкновенным человеком. Она вся состояла из принципов, убеждений и долга. Она никогда не проявляла ласковости даже к своим собственным детям. Она внушала им исполнение обязанностей. Когда она с мужем жила ещё в крепости Осовце, их на зиму перевели в офицерское здание, имевшее несколько этажей.

Однажды, когда она была одна с детьми, в квартире над нею раздались крики. Она поднялась наверх и застала там пьяного офицера, избивавшего проститутку.

– Немедленно прекратите дебош, – потребовала она.

Пьяный офицер её выгнал. Тогда Ольга Петровна взяла две бутылки с водой и поднялась снова наверх.

– Здесь, – заявила она, – две бутылки с серной кислотой. Если вы не прекратите избиения, я разобью их на вашей физиономии.

Пьяный протрезвел и притих.

Взгляды Ольги Петровны были довольно определённые. Она живёт в отсталой стране, которая должна быть спасена революцией. Революционеры борются с самодержавием и, как каждая армия, несут урон убитыми, ранеными и пленными. Каждая армия должна иметь свою санитарно-медицинскую часть. Такою частью революционной армии является нелегальный Красный крест помощи политическим ссыльным и заключённым. Ольга Петровна и была членом комитета Красного креста. Председателем его был студент Богумил.

В связи со сбором денег и снабжением ссыльных и заключённых Ольга Петровна имела много знакомых. Но все эти знакомства были деловые, ей и в голову не могло бы придти пойти к ним в гости или принимать гостей у себя. Могли быть только деловые посещения. У неё у самой стал авторитетный тон. Когда болел кто-нибудь из детей, и Анатолий Викторович приглашал своего коллегу, врача по детским болезням, Ольга Петровна так авторитетно ставила диагноз, что Анатолий Викторович говорил потом: "Если ты всё сама знаешь, так я лучше и доктора не буду приглашать".

Так как она имела основное занятие в жизни (Красный крест), то она не очень заботилась о домашнем уюте и не любила, чтобы её перебивали в ее занятиях. Анна Эразмовна, понятно, смотрела на неё, как на мужнюю жену. Ольга Петровна занимается с детьми. Входит Анна Эразмовна и начинает с порога: "Вот я нашла тут носки, правда с небольшими дырками. Если их заштопать, то как раз Толе пригодятся...” Ольга Петровна меряет её холодным взглядом: “Разве ты не видишь, что я занимаюсь с детьми?”

Анатолий Викторович уже отошёл от революционных увлечений студенческих лет. Он занимался своей хирургией. И его тянуло к обыкновенному, может быть даже мещанскому, уюту, которого в доме не было.

17. Демонстрация на кладбище

Вечером пришёл Владимир Викторович (Володя Большой).

– Завтра будут похороны присяжного поверенного Куперника, левого общественного деятеля*. Вынос с Театральной площади на Аскольдову могилу. Ты бы пошёл, – сказал он Глебу.

Почему не пойти? Толпа стала собираться у дома, выходившего одной стороной на Театральную площадь, а другой на Владимирскую улицу. Похороны как похороны. Провожающие мирно идут за катафалком на кладбище «Аскольдова могила», здесь толпа как будто бы увеличивается. Глеб видит в толпе Надю. Он, как и другие мальчишки, влезает на дерево. Гроб опускают в могилу. Начинаются речи.

---

* "Лебединой песней" Куперника-адвоката стало его смелое выступление в защиту матросов миноносца "Прут", присоединившегося к восставшему броненосцу «Потемкин». То был очень громкий процесс "44-х" 21-30 июля 1905 г. в Севастополе. Популярность Куперника как юриста была так велика, что на двух последних при его жизни всероссийских съездах криминалистов в Петербурге и Киеве он избирался почетным председателем. Многолюдные похороны Куперника 1 октября 1905 г. (Лев Абрамович умер от воспаления легких 29 сентября) вылились в политическую демонстрацию. По пути следования погребальной процессии толпа пела Марсельезу, а на кладбище были произнесены революционные речи. – ***Из Интернета***

Кладбище «Аскольдова могила»

Сначала говорят адвокаты. Они одеты во фраки или сюртуки, в крахмальные воротнички. Они отдают долг покойному как присяжному поверенному и общественному деятелю, но даже фразы их, несущие укор правительству, легальны, закруглены, не содержат ничего, за что можно было бы привлечь к ответственности.

За адвокатами подымаются студенты. Тужурки с голубыми петлицами. Они вскользь упоминают о покойнике и обрушиваются на правительство, за студентами говорят рабочие в чёрных бундовских рубашках. Они вообще не упоминают Куперника. Они кричат: "Довольно молчать, товарищи! К оружию, товарищи!". Глеб первый раз на такой демонстрации. Раз кричат – к оружию, значит сейчас начнут стрелять. Легче всего перестрелять мальчишек на деревьях. Глеб скатывается с дерева и направляется к обрыву, ведущему к Днепру, но тут он вспоминает о Наде, возвращается, хватает её за руку и они двигаются к воротам. Однако и вся толпа двигается за ними и поёт "Вы жертвою пали борьбы роковой". ...За воротами стоят конные городовые и пешие солдаты. Когда голова толпы показывается в воротах, кто-то в толпе стреляет. Глеб оглядывается. Видно, как солдаты работают прикладами.

На земле остаётся девушка, убитая выстрелом. Почему-то Глеб запоминает её фамилию – Довбыш. Она пошла на похороны, может быть, так же случайно, как он, Глеб, и этот день оказался последним днём её жизни. Чей выстрел её убил? Может быть провокатора?

18. 1905 год

Газеты приносят известия о забастовках, о покушениях, о броненосце "Потёмкин", о Спиридоновой. Для гимназистов четырнадцати лет всё это замечательно. Гимназист Гуревич рассуждает:

– Вот бы изобрести такое вещество, бросил его и нет человека. Один дымок. Подходишь к городовым и говоришь: "А ну-ка разойдитесь, даю три минуты".

Глеб сидит на уроке немецкого языка. Немец, бывший прусский офицер ещё в войну 1870 года, Карл Августович, не докучает гимназистам. На задних партах можно играть в шашки. Только накануне какого-нибудь праздника на доске пишут: «Карл Августович! Весь класс просит вас подарить нам этот час". Тогда Карл Августович рассказывает что-нибудь из своей жизни.

– Да, это было в 1870 году. Мы взяли в плен французского герцога. Его должны были расстрелять. Я взял взвод солдат и повёл его, ну понимаете, повёл его на... ну... расстрелять. И герцог сказал мне: “Я знаю, это ваш долг. Вы есть честный офицер”, – и он дал мне этот перстень.

Карл Августович Лянге показывал огромный перстень на своём пальце.*

Другой раз он рассказывал, как работал в немецкой колонии на Волге:

– О, это был всё простой народ. Мы много работали и потом ели из один общий большой котёл. И тут приехал из Германии один мой компатриот. Он сказал: “Фуй, вы кушайт из один котёл”. Я не мог это терпеть. Я взял этот мой компатриот и бросил его в котёл.

Но в этот день был нормальный урок. Один из гимназистов переводил заданный текст, тайно пользуясь подстрочником, другие играли в шашки, в крестики или читали под партой приключения Ника Картера.

В коридоре раздался шум. Двери распахнулись. Это забастовавшие гимназисты и реалисты пришли "снимать" гимназию Глеба. Ура – всеобщая забастовка! Карл Августович становится в дверях и говорит: "Господа, вы переступите только через мой труп”. Но на него напирают сзади. Четвёртая гимназия присоединяется к забастовщикам и идёт в университет. Здесь уже много народу. Из коридора – двери в аудиторию. На дверях надписи: "митинг железнодорожников", "митинг вагоновожатых", "митинг среднеучебников".

– Среднеучебники это мы, – говорит длинный гимназист, – вам сюда, ребята.

Это большая физическая аудитория. Митинг давно уже начался. Председатель звонит звонком, снятым с трамвая, служившим ещё на конке. Вихрастый оратор яростно нападает на эс-эров.

– Кто это?

– Это от большевиков.

Потом говорит эс-эр, затем меньшевик. Правительству достаётся сравнительно мало, ораторы ругают друг друга.

19. Погром и гимназическая революция

Объявлен манифест 17 октября. Толпа запрудила площадь около Думы. С балкона говорят ораторы. Потом кто-то говорит сидя на лошади.

– Кто это?

– Это Шлихтер**.

Всё очень интересно, но Глебу хочется есть и он отправляется домой обедать. Выходит опять из дому около пяти часов. На углу Большой Васильковской и Жилянской с третьего этажа через окна выбрасывают мебель.

– Что такое, пожар?

– Нет, начался еврейский погром. А у Думы что творится! Чёрная сотня всех бьёт.

Зияют окна и двери разбитых магазинов. Быстро проходят серые чуйки. Одна из них ругается:

– Ах разбойники, ах христопродавцы!

Ишь, открыто громил ругает, думает Глеб. Но чуйка продолжает:

– Заскочил я в магазин, что взять? Вижу, остались одни только калоши, схватил я две пары и ходу. Что ж ты думаешь, одну пару так из рук и вырвали.

Уже темнеет и Глеб шагает домой по пустынной улице. На другой стороне идёт человек в кожаной куртке и стонет.

– Что с вами?

---

* Это Карл Августович Ланг, который в 1879 г. выдержал испытание на звание учителя немецкого языка, в 1889 г. он был перемещен из Киевской 1-й гимназии в Киевскую 4-ю.

** Шлихтер Александр Григорьевич (1868-1940), член РСДРП с 1891. С 1891 вёл социал-демократическую работу на Украине, Урале, в Самаре. С 1895 в ссылке в Вологодской губернии. В 1905-07 один из руководителей революционной борьбы в Киеве, Петербурге, Финляндии. Делегат 5-го съезда РСДРП. В 1909 будет сослан в Восточную Сибирь. – ***Из Интернета***

Оказывается – еврей, рабочий с бойни. Его стащили с трамвая, повалили и подкованным каблуком сорвали кожу с виска. Глеб привёл его домой. Ольга Петровна сделала ему перевязку, предложила остаться, но он отказался и по тихой Предславянской улице пошёл домой.

У Ольги Петровны в квартире скрывались уже двое "нелегальных". Один был взрослый рабочий, скрывавшийся от полиции, другой – младенец 10 месяцев, ребёнок Шлихтера. Сам Шлихтер и его жена скрывались в других местах. Рабочий был донельзя распропагандирован и напичкан революционными фразами. "Пролетариат" не сходил с его уст. Даже Ольга Петровна не выдержала и как-то сказала: "Он говорит так, как будто в нём самом воплотился мировой пролетариат".

Она опасалась нападения чёрной сотни и отправила Глеба в сад сзади дома оторвать две доски от забора, чтобы в случае чего можно было уйти на территорию выставки 1903 года.

Вскоре из Манчжурии вернулся Анатолий Викторович. Он привёз картинки китайских демонов на папиросной бумаге и цикаду в маленькой клетке.

Глеб прочитал в это время "Красный смех" Леонида Андреева и все наблюдал, не начнёт ли Анатолий Викторович сходить с ума. Но ничего ненормального за ним не замечалось.*

Было известно, что в старших классах организовалась по случаю погрома боевая дружина. В одном из классов шёл митинг. Гимназисты, не спрашивая разрешения у учителей, уходили на митинг. Затем на митинг пришёл директор Н.В. Стороженко**. Председательствовал восьмиклассник Шерентис. Он всё время держал правую руку за бортом куртки. Это очень импонировало гимназистам, полагавшим, что он держит там браунинг. Этот Шерентис прославился на выпускном экзамене. Директор просил словесника В.С. Александровича дать такую тему сочинения, чтобы к ней нельзя было прилепить чего-нибудь политического.*** Александрович дал рассуждение на тему: "Излишняя самоуверенность и неуверенность в своих силах приводят к одинаково отрицательным результатам". Шерентис, будучи эс-эром, написал полемическую статью, в которой доказывал, что социал-демократов погубит их излишняя самоуверенность. За сочинение он получил двойку и окончил экстерном только на следующий год.

---

* В "оглушившей читателя" повести "Красный смех" Леонид Андреев изобразил русско-японскую войну. Произведение представляет собой отрывки из дневников двух братьев: офицера, воевавшего и вернувшегося искалеченным домой, и человека, находившегося вдали от военных действий, не видевшего войны. "…Безумие и ужас"– так начинается первый "отрывок повести", определяющий настроение всего произведения. В нем рассказывается о том, как преследуемая неприятелем армия идет одной колонной под палящим солнцем. Тяжесть обстановки очень ярко показывает представленный звуковой ряд: это и "топот ног", и "скрежет колес", и "тяжелое, неровное дыхание", и "сухое чмяканье запёкшихся губ". Вся эта "армия немых" двигается как будто в никуда. Падают люди, но никто не обращает на них внимания, все истощены и обессилены. Но "армия бесплотных теней" продолжала идти, как бы выполняя какое-то высшее предназначение и не понимая всего абсурда своих действий. И внезапно герой повести будто прозревает. Он понимает, "…что эти люди, молчаливо шагающие в солнечном блеске, омертвевшие от усталости и зноя, качающиеся и падающие, – что это безумие". Так в повести возникает тема безумия и сумасшествия. – ***Из Интернета***

** Николай Владимирович Стороженко (1862-1944) окончил в 1881 г. 2-ю Киевскую гимназию с золотой медалью, в 1886 – историко-филологический факультет Университета Святого Владимира со степенью кандидата. В 1886-88 гг. состоял стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории. По выдержании испытания на степень магистра получил в С.-Петербургском университете звание приват-доцента. В 1895-1909 занимал пост директора 4-й Киевской гимназии (будучи перемещен на этот пост с должности инспектора 4-го района Киевской губ.), в 1909-19 – директора 1-й Киевской гимназии. В 1919 г. эмигрирует через Одессу и Константинополь в Европу и посему останется жив.

*** Учитель русского языка и словесности Владимир Степанович Александрович окончил в 1888 г. курс по историко-филологическому факультету со степенью кандидата университета св. Владимира и был сначала определен в Киевскую министерскую женскую гимназию, а в апреле 1895 г. – перемещен в Киевскую 4-ю гимназию.

Директор Четвертой гимназии (1895-1909) Н.В. Стороженко

Лет через пять Глеб встретил Шерентиса лишённым одного глаза. Впадину закрывала чёрная повязка. Все думали, что он пострадал за революцию, но дело было прозаичнее – глаз ему выбили хлопушкой на студенческом балу...

Теперь же, в 1905 году, Шерентис обладал обоими глазами и ставил на голосование вопрос, можно ли оставить Николая Владимировича Стороженко на митинге. Все дружно голоснули против.

– Господа, – сказал Н.В. Стороженко, – я остаюсь здесь как частное лицо. Если вас смущает мой мундир, то я его сниму.

Он снял свой форменный мундир и эффектный жестом бросил его на парту.

– Можете и штаны сбросить, – раздался бас из задних рядов.

На следующий день митинг продолжался. Теперь уже за Стороженко послали.

– Николай Владимирович, – обратился к нему председатель, – мы хотели бы выяснить у вас три вопроса: относительно ваших слов в Городской Думе, относительно вашего поведения в родительском комитете и в инциденте с товарищем Дизенгофом.

– Господа, вы не судьи, а я не подсудимый, но я охотно объясню вам, чем я руководствовался в названных вами случаях. В родительском комитете я...

– Вы уклоняетесь от истины...

– В таком случае я отказываюсь отвечать, вы не судьи...

Директор выбежал из аудитории под дружный свист. После его ухода приняли длинную резолюцию. Среди принятых пунктов были и такие: уменьшение платы за право учения, а в дальнейшем полная отмена платы для демократизации гимназии. Плата в то время была 25 рублей в полугодие.

– Ты кто теперь, – спросил Глеба Всеволод, – меньшевик или большевик? Я склоняюсь к большевикам.

Гм, подумал Глеб, неловко этак быть никем. Надо полагать, что меньшевиков меньше, а следовательно их обижают, их то надо и поддержать.

– А я, знаешь, меньшевик, – отвечал Глеб.

Восьмиклассники решили бойкотировать директора, преподававшего у них историю. Вышли ему навстречу три представителя класса, когда он шёл в класс по коридору и заявили, что по принципиальным мотивам слушать его не могут. Стороженко повернулся и ушёл.

На другой день к Глебу подошёл Шерентис:

– Вот что, нам необходимо устроить завтра заседание комитета среднеучебников, не знаете ли вы достаточно большой комнаты, где такое собрание можно безопасно провести?

– Это проще всего, я могу предоставить свою комнату.

Наступил уже вечер. Падали хлопья мягкого снега, когда на улице показались гимназисты, реалисты, гимназистки и ученики коммерческого училища. Они подходили небольшими группами по два, по три человека. В комнате они курили и кричали так громко, что было слышно во всей квартире. На повестке стоял всего один вопрос: о применении террора в средних учебных заведениях. Если бы вопрос был решён положительно, то две жертвы террора были уже намечены. Это были – директор 4-ой гимназии Стороженко и инспектор реального училища Матченко*.

Спорили долго, но вопрос должен был быть решён голосованием. Социал-демократы были против террора, эс-эры стояли за террор. У социал-демократов было на два голоса больше. Террор провалили. Стороженко и Матченко могли продолжать жить.

20. Старшие классы

После декабрьского восстания в Москве революционная волна пошла на убыль. Наиболее боевые восьмиклассники окончили гимназию, и гимназическая жизнь вернулась к норме.

Глеб продолжал жить у Ольги Петровны, семья которой переселилась на Пироговскую улицу, как раз напротив Скорой Медицинской Помощи, где служил теперь Анатолий Викторович. В этом же доме жила и его кузина, Мария Александровна Змунчилла, смуглая брюнетка, с приятной улыбкой и большими кольцами в ушах**.

---

* Иван Павлович Матченко (1850-1919), с 1886 преподавал в Киевском реальном училище историю и географию, где занимал также ряд административных должностей, параллельно преподавал в старших классах министерской женской гимназии. Уйдя в 1911 в отставку, Матченко занялся литературной деятельностью и не раз выступал с лекциями в Киевском религиозно-просветительском обществе. На собственные средства приобрел дом в три этажа на Львовской ул. в Киеве, который, видимо, и привлечет чекистов в 1919. Матченко будет арестован и на допросе покажет: "*Я имею дом на Львовской улице и военный заем на 15 тыс. руб. Я в данное время никаким капиталом не обладаю, живу слишком бедно. Зарабатывал литературным трудом. Своим трудом купил себе дом*". Особо подчеркнул: "*Никогда не притеснял дворника и сам занимаю его должность, т.к. он ходит на работу*". Его супруга в прошении об освобождении мужа так же укажет на то, что он не принадлежит к "нетрудовым элементам": "*Муж уже 10 лет в отставке после 35-летней учительской деятельности. Занимался учеными трудами и домашним хозяйством*". Несмотря на отсутствие каких-либо причин для вынесения приговора, Матченко расстреляют. – ***Из Интернета***

** М.А. Змунчилла (?-1939) – будущая жена Андрея Андреевича Горенка, старшего брата Анны Ахматовой, и одновременно кузина обоих. А.А. Горенко женится в 1915 на своей двоюродной сестре (по линии матери) – художнице Марии Александровне Змунчилла (другое написание Зумунчилла), по-домашнему Наничке, в семье которой, в Киеве, Анна Горенко (Ахматова) неоднократно жила с 1906, когда оканчивала Фундуклеевскую гимназию. Мария была наиболее близким Анне человеком в киевский период ее жизни, у них были общие вкусы и интересы. В письме к С.В. Штейну от 13 марта 1907 г. Аня писала: "*Сестра вышивает ковер, а я читаю ей вслух французские романы или Ал. Блока. У нее к нему какая-то особенная нежность. Она прямо боготворит его и говорит, что у нее вторая половинка его души*". Марии Ахматова посвятила цикл стихов "Обман" из первого сборника "Вечер". Во время учебы Ахматовой на Киевских Высших женских курсах (1908-1909) А.А. Горенко учился в киевском высшем учебном заведении, снимал квартиру на улице Пироговской, 7, недалеко от Высших женских курсов.

В 1919 Горенки эмигрируют из Одессы через Константинополь в Грецию. В 1920, когда они жили в Афинах, от малярии умрет их единственный ребенок Кирилл. Не в силах пережить случившееся Андрей Андреевич и его супруга Мария решат покончить жизнь самоубийством. Они отравятся морфием: Андрей умрет, а жена выживет, ее спасут. После этого обнаружится, что она беременна. По-видимому, в честь отца Мария Александровна назовет своего спасенного сына Андреем. – ***Из Интернета.***

В Скорой Помощи у Анатолия Викторовича бывали разные случаи. Раз Ольга Петровна застала его сидящим на полу и показывающим детям человеческий палец. Палец, оказывается, жена откусила у мужа. Ну, понятно, хирургу за такую демонстрацию попало от Ольги Петровны.

Глеб стал уделять больше внимания наукам, особенно математическим. Кроме того он явился организатором гимназической и в то же время внегимназической библиотеки. Она была составлена на взносы гимназистов и хранилась у Глеба, куда приходили за книгами. Тут были Салтыков-Щедрин, Андреев, Арцыбашев, Ибсен, Пшибышевский, Мережковский и многие другие*.

В свободные вечера Глеб ходил к Наде. Она жила свободной художницей и в то же время преподавала рисование в детском саду, учреждённом "Обществом народных детских садов", где учились и дети Ольги Петровны. Большую роль в обществе играла г-жа Кистяковская, Соловейчик до замужества**. У Нади постоянно толклась студенческая публика, богемных нравов. Тут завсегдатаями были Вера Мельникова, две барышни, сокращённо называвшиеся Юс Малый и Юс Большой (обе они были Нюси), Нина и Лиза Окуловы – сибирячки, студент-филолог Перлатов, студент-медик Балашов, отданный одно время в солдаты, окончивший медик Василий Михайлов и его брат Николай Михайлов, Николай Васильевич Луначарский (брат большевика Анатолия Луначарского) и много случайного народа. Здесь и пели хором, и играли в карты, и устраивались ужины, к которым сама Надя никакого отношения не имела. Закуска и питьё покупались в складчину. Кто-нибудь шёл в винно-гастрономический магазин Воробьёва, а если он уже был закрыт, то хозяин, живший во дворе, тихонько его открывал и в темноте наполнял корзинку товарами. Посуды у Нади не было, поэтому для питья использовались приборы с письменного стола.

Такой свободный характер этих собраний Глебу очень нравился по контрасту с аскетизмом в доме старшей сестры и чопорностью дома Виктора Модестовича.

С переходом в седьмой класс у Глеба появились новые товарищи. Сергей Жекулин, болезненный юноша, сын начальницы частной гимназии и общественной деятельницы Жекулиной***, Бронэк Новицкий, переведшийся из Острожской гимназии, и Олимпий Лепешинский, перешедший из Уманской гимназии. С Жекулиным Глеб позже объединился на почве общей подготовки к Политехническому институту. Бронэк Новицкий был таинственной личностью. Во-первых, он жил не в семье, а нанимал отдельную комнату. О себе он рассказывал, что был удалён из Острожской гимназии "за политику". Здесь ему разрешили учиться в гимназии, но он должен был периодически ходить на явку в полицию. Он рассказывал, что в Остроге были богачи Зусманы и он, Бронэк, лазил к ним в сад красть яблоки, а сами Зусманы крали в кондитерской конфеты. Требовали пирожные, и когда продавщица шла за ними в другую комнату, тут-то они и экспроприировали конфеты.

---

* Стани́слав Фе́ликс Пшибыше́вский (1868-1927) – польский писатель. Испытывал влияние взглядов Ф. Ницше, пропагандировал крайний модернистский эстетизм и эротизм. В драматургии ориентировался на Ибсена, Метерлинка, Стриндберга. Его романы "Синагога сатаны" и "Дети сатаны" предвосхищают поиски Джеймса Джойса и Марселя Пруста. – ***Из Интернета***

** Вера Альбертовна Кистяковская, урожденная Соловейчик, выйдет замуж за Юлия Александровича Кистяковского (1872-1920), преподавателя математики Фундуклеевской женской гимназии Киева (где училась Анна Ахматова), деятеля гетманского правительства (о муже – см. ниже) и в 1906-м у них появится первый ребенок – Марианна.

*** Аделаида Владимировна Жекулина, урожденная Евреинова (1866-1950). Окончила историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов в Санкт-Петербурге. Основала в Киеве частную гимназию и Высшие женские курсы. Жекулина ориентировалась не на барышень, желающих получить какое-никакое образование и выскочить замуж, а на девушек, рассчитывающих в жизни на собственные силы. В итоге с 1906 года в ее гимназии – одной на весь Киев – была принята программа мужских средних учебных заведений. Аделаида Владимировна останется верна своему призванию и в послереволюционные годы, в эмиграции она будет руководить гимназией в Константинополе, а потом в Праге... – ***Из Интернета***

Олимпий Лепешинский был совсем другого характера*. Он обладал замечательным умением всё сделать руками и притом очень аккуратно: сделать кушетку, стул, чертёж. Производил он очень солидное впечатление, за что его прозвали в гимназии "дядей". Он обладал большой физической силой и занимался тяжёлой атлетикой, а физическая сила очень ценилась гимназистами. До появления "дяди" силачом в классе считался Торичнев, парень ограниченный, с бородавкой и казацким чубом. Он привык командовать в классе, связываться с ним никто не хотел, и вот, когда он однажды что-то потребовал от Олимпия, тот не подчинился. Класс замер, ожидая столкновения, но Торичнев смолчал. Он видел, что столкновение ему не по силам.

В седьмом классе появились новые преподаватели: математики – Оглоблин и Подолянский, физик Остроменский, психолог Александр Брониславович Селиханович**. Они значительно отличались от старых педагогов, умели заинтересовать класс.

---

* Под Олимпием Лепешинским зашифрован брат будущей жены нашего главного героя Глеба (Анатолия Петровича Беклемишева) – Лидии Августиновны. Их оригинальную фамилию и имена членов семьи установить, к сожалению, не удалось.

** К сожалению, после выхода в 1899-м книги "Памятная записка о Киевской 4-й гимназии" следующих изданий не последовало, а посему упомянутые Глебом новые преподаватели в "гимназическую историю не попали.

Зато в Интернете есть следующее circulum vitae Оглоблина:

ОГЛОБЛИН Николай Васильевич (1881-1935 гг.) – математик , физик, заведующий кафедрой математики Крымского педагогического института, профессор, педагог, ученый. Родился в г. Житомире, в семье мелкого чиновника Губернского правления. <…>В 1899 г. Николай Васильевич поступил на математическое отделение Киевского университета, окончил курс в 1904 г. с дипломом 1-й степени и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре механики, причем работал под руководством профессоров Г.К. Суслова и П.И. Воронца. Одновременно с научной работой он приобретал опыт и в педагогической деятельности, преподавая в различных учебных заведениях г. Киева. Оглоблин начал свою педагогическую работу в Киевском кадетском корпусе, но так как замкнутость и специфический характер этого учебного заведения его тяготили, то его потянуло к работе в школах, которые имели большую связь с жизнью, и он через три года оставил Кадетский корпус. С этого времени начинается увлечение педагогической деятельностью. Руководясь исключительно интересом к делу и не имея недостатка в предложениях, Оглоблин стал работать в целом ряде школ, которые привлекали либо оборудованием кабинетов (Киевская 1-я гимназия), либо прогрессивными идеями и организацией (Коммерческое училище общества преподавателей), либо ценным подбором преподавателей (частная женская гимназия Дучинской), либо новизной предмета (анализ бесконечно-малых в Реальном училище). <…>По окончании университета Оглоблин стал деятельным членом Киевского физико-математического общества и с 1906 г. стал делать по несколько докладов в год. В 1912 г. он был избран секретарем этого общества и оставался им до отъезда в Симферополь в 1919 году.

Было опубликовано, правда посмертно, и собственное circulum vitae Николая Васильевича*:* Оглоблин Н.В. Автобиография. – Известия Крымского педагогического института, 1936, № 4.

И об А.Б. Селихановиче:

Селиханович Александр Брониславович (1880-1968), педагог, историк педагогики, профессор (1920). С 1906 преподавал русскую словесность и философскую пропедевтику в гимназиях Киева (его учениками были К.Г. Паустовский, М.А. Булгаков, А.Н. Вертинский, С.М. Лифарь), в 1908 был приглашен по совместительству в 4-ю Киевскую гимназию. в 1909 г. – в Коллегию Павла Галагана. В 1911 г. начинает преподавать историю педагогики в Киевской женской гимназии Аделаиды Жекулиной, а в 1912 г. – теоретическую педагогику слушательницам Киевского женского Фребелевского педагогического института. С 1913 по 1916 гг. одновременно читал курсы лекций и вёл семинары в Киевском университете.

Старательно изучая психологию, логику и педагогику, в 1912 г. выдержал магистерский экзамен, а с декабря 1912 г. после прочтения и публикации испытательной лекции на тему «Психология нравственных переживаний» становится приват-доцентом Университета Св. Владимира, преподавателем этики, а также курса современной философии. Автор книг: "Очерки общей педагогики" (1912; для женских гимназий, учительских институтов и семинарий), "Философская пропедевтика в средней школе" (1913), "Психология нравственных переживаний" (1913), "История педагогики на Западе и в России" (1917) и др.

Плита на могиле А.Б. Селихановича в Пятигорске

Некоторые особенности имел Селиханович, он не произносил звука "р" и иногда, сидя на кафедре, уносился духом из класса. Бывали в классе и комические случаи. Это было, правда, позже, когда он преподавал не психологию, а логику. Был в классе гимназист Немеровский, довольно туго соображавший.

Вызывает его Селиханович и говорит:

– Неме-овский, п-иведите п-име- общего и частного понятия.

Немеровский молчит. Ему подсказывают:

– Ну скажи что-нибудь. Скажи – рыба.

– Рыба.

– Ну хо-ошо, Неме-овский, общее -ыба, ну, а частное?

– Рак, – выпаливает Немеровский.

Весь класс хохочет.

– Ну, как же, Неме-овский, да вы -ака то видели?

– Видел, такой красный.

Затем разговор идёт о клетке, как о части живой ткани. Селиханович приходит в отчаяние:

– Неме-овский, да вы знаете, что такое клетка?

– Знаю, в ней обезьян возят.

21. Весна и грусть

Глеб уже пользовался большой свободой. У Бронэка Новицкого собиралась компания, играли в банчёк, девятку, девятый вал, трынку. Там же устраивались и товарищеские выпивки. Весной, когда разливался Днепр, катались на лодках. Чаще всего брали полутригеры на спасательной станции или на предмостной Слободке, где они стоили дешевле, иногда 15 копеек в час.

Весенний воздух кружил голову и в то же время наводил грусть. Тут Глеб чувствовал, что он растёт сиротой. Никому он не нужен. Для дядюшек он обуза. У старшей сестры свои цели и обязанности. Он даже не имеет карманных денег...

Глеб возвращался после лодочной прогулки со Слободки на пароходике, спустилась ночь, на берегу зажглись огни. Пароход шлёпал плицами по воде. Два оборванных певца пели на палубе:

Носятся чайки над морем,
Криком тревожат покой,
Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской.

И дальше:

И вымпелы вьются, и цепи гремят,
Последний парад наступает,
Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг",
Пощады никто не желает...

Песня, порождённая Японской войной... Певцы обходят пассажиров с фуражкой, собирают медные пятаки. Глебу становится совсем грустно. С чем он вступает в жизнь? Что он знает? Что его ждёт?..

В Умани жила семья железнодорожного служащего Алексея Петровича Лепешинского. Жена его, Мария Георгиевна, имела собственную профессию. Она была акушеркой и имела свой постоянный круг дам, который обеспечивал её практикой. У неё было двое детей: сын Олимпий и дочь Оля*. Оля была ещё совсем маленькой и Мария Георгиевна брала её к своей пациентке, помещице Надежде Александровне Мирасхеджи. Оля, увидев Надежду Александровну в постели и желая выразить больной сочувствие, сказала, качая головкой: "Так можно и умерти".

У Марии Георгиевны завязались добрые отношения с пациенткой и потому она тяжело переживала трагедию, которая началась в этой семье. Надежда Александровна поехала однажды в Швейцарию. Там она встретилась с молодым русским хирургом, проходившим специальную практику под руководством широко известного тогда швейцарского хирурга Ру.

У Надежды Александровны начался роман с доктором Гофенбергом. Роман продолжался и в Киеве. Муж Надежды Александровны просил Марию Георгиевну повлиять на жену. С другой стороны доктор Гофенберг обращался к ней, чтобы она помогла ему встретиться с Надеждой Александровной. В конце концов Надежда Александровна бросила мужа и троих детей и ушла к Гофенбергу. У Гофенберга была жена, которая сошла с ума.

Так возникла новая семья. Тем временем Алексея Петровича перевели в Киев. Олимпий попал в седьмой класс той же гимназии, где учился Глеб Беклемишев. Оля тоже перевелась в киевскую женскую гимназию. Гофенберг и Надежда Александровна изредка бывали у Лепешинских.

Оле было уже семнадцать лет, когда Гофенберг шутя спросил её: "Ну, Оля, вышли бы вы за меня замуж или нет?" – "Подумала бы", – сказала Оля. – "Уже хорошо, не прямой отказ", – засмеялся Гофенберг.

---

* Это Лидия Августиновна (1895-1965), будущая жена нашего главного героя Глеба (Анатолия Петровича Беклемишева). Остальные подлинные имена членов семьи установить, как мы уже отмечали, не удалось. Как и не удалось установить, в какой все же гимназии "Оля Лепешинская" училась – например, в Киево-Фундуклеевской или же в Киево-Подольской. Их заканчивало такое большое число учениц, что в книге Г.В. Александровского "Историческая записка о состоянии Киево-Фундуклеевской женской гимназии в течение первого 50-летия ее существования (1860-1910)" указывались лишь общие цифры: например, в 1909 г. поступило 135, окончило полный класс 86, педагогический класс – 22, а всего учились 644 барышни. Аналогичная картина наблюдалась согласно труду В.П. Родникова "Историческая записка о состоянии Киево-Подольской женской гимназии в течение первого 50-летия ее существования (1861-1911)" и в оном учебном заведении: в 1910 г. поступило 123, окончило полный класс 53, педагогический класс – 35, а всего училось 649 девиц.

22. Владимир Викторович*

Владимир Викторович имел много козырей в жизни: красивая внешность, честный открытый характер, специальность – он был уже присяжным поверенным, он имел отца и мать, а они, в свою очередь, имели имение и некоторый капитал в банке. Владимир Викторович брал на себя бесплатно защиту в политических процессах. С 1903 года он принадлежал к фракции большевиков в социал-демократической партии. Он написал брошюру "Забастовка 1903 года в Киеве", которую рецензировал Ленин.

Владимир Викторович обладал мягким и увлекающимся сердцем. Однажды он взял на себя защиту одного рабочего, покушавшегося на губернатора. При аресте рабочего избили и ему выбили глаз. Владимир Викторович знал, что при переводе террориста в другую тюрьму будет сделана попытка его освободить. Было бы важно, если бы он сам был вооружён.

И вот, повинуясь внезапному чувству, он передал террористу свой браунинг. Потом он обдумал свой поступок и нашёл его крайне неосторожным. Браунинг имел номер и при покупке был записан на его, Владимира Викторовича, имя. Передача оружия адвокатом подзащитному преступнику – это верное исключение из адвокатского сословия. Он всё время ожидал последствий своего поступка. Рабочий положил браунинг в камере на печку. Потом его перевели в другую камеру, так что он не имел возможности взять револьвер. Последствий не было. Видимо браунинг остался на печке на долгие времена, может быть до революции.

Владимиру Викторовичу исполнилось уже 28 лет. У него были небольшие увлечения, мимолётные ухаживания. Теперь у него появилось определённое намерение жениться.

---

* Владимир Викторович Вакар (партийный псевдоним "Антон", литературный – "В. Правдин"), дворянин Могилевск. губ., адвокат. Род. в 1878 г. в Тамбове в семье мирового судьи, учился в 1-й Киевск. гимназии и на юридич. фак-те Киевск. ун-та. В гимназии в первой половине 1890-х г.г. входил в кружок (с Луначарским, Неточаевым и др.), принадлежавший к сети киевских ученических марксистских кружков. В ун-те принимал активное и руководящее участие в студенческом движении, в связи с чем в 1899 г. подвергся аресту. Ок. того же времени стал членом РСДРП и в 1902 г. вошел в состав Киевск. ком-та, в котором работал с Исувом, Шлихтером, Френкелем и др. Являлся одной из главных литературных сил ком-та, был автором многих нелегальных листовок, корреспондировал в "Искру". Участвовал в проведении июльской стачки 1903 г. в Киеве, после которой командирован ком-том за границу для доклада о событиях редакции "Искры" и составления на основании вывезенных им материалов брошюры о стачке, которая и была затем напечатана в Женеве ("Революц. дни в Киеве").

После раскола РСДРП примкнул к большевикам, составляя вместе со Шлихтером большевистское меньшинство внутри Киевск. ком-та РСДРП; вынужден был впоследствии (конец 1904 г.) выйти вслед за Шлихтером из ком-та, ставшего целиком меньшевистским, и явился одним из основателей самостоятельной. киевск. большевистской группы, в рядах которой активно работал во время революции 1905 г. В сент. – дек. 1905 г. участвовал в первой местной легальной с.-д. газете "Киевское Слово", в 1907 г. был фактическим редактором легального с.-д. еженедельника "Друг Народа" в Киеве же. За напечатанную в "Киевском Слове" статью был присужден 13 дек. 1906 г. Киевск. суд. палатой по 2 и 3 п.п. 129 ст. угол. улож. к 1 году крепости. Приговор был обращен к исполнению 19 июня 1907 г. после оставления сенатом без последствий кассационной жалобы В. По освобождении отошел от работы в партии, принимая только участие в проф. орг-циях в качестве юрисконсульта и выступая как защитник в политических процессах. После революции стоял во главе примирительной камеры при проф. союзе рабочих сахарной промышленности. С 1922 г. работал как юрисконсульт при райкоме водников в Киеве, вел культурно-пропагандистскую работу, оставаясь беспартийным. Умер в Киеве [от заражения крови] в ночь на 21 июня 1926 г. – ***Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма [в 5 т.]. — М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927-1934***

Владимир Викторович Вакар

В судебной камере Виктора Модестовича служила барышня из Лубён. Она приехала в Киев со старшей сестрой. Внешний вид её отвечал представлению о современной курсистке. Она была стрижена и курила, но она выглядела свежо, было ей не больше двадцати лет. Владимир Викторович остановил на ней свой выбор. Ей улыбнулся случай. Он был красив, имел мягкий характер и приличное состояние и профессию. Родители Анна Эразмовна и Виктор Модестович не обрадовались. Они считали, что Вова заслуживает лучшей партии. Говорят, что Виктор Модестович даже плакал.

Но брак состоялся. Мария Антоновна, так звали жену Владимира Викторовича, приехала в имение, как в рай. Через год у них родился сын. Тут произошло одно осложнение в их жизни. В 1905 году Владимир Викторович написал статью в газете "Киевские Отклики"[*]. Он был старый сотрудник газеты, во время русско-японской войны писал военные обозрения с приложением схем позиций и с рассуждениями о том, куда сунутся Того, Ноги и Камимура или куда отступит Куропаткин или Линевич под Ляояном или Мукденом.

Но упомянутая статья 1905 года была другого характера, и в ней усмотрели призыв к ниспровержению существующего строя. Делу дан был законный ход, но ход медленный, и в 1907 году, когда можно было ожидать приговора, Владимир Викторович уехал за границу с женой и маленьким сыном Гогой. Они побывали в Париже, в Швейцарии и осели в Германии. Они сняли две комнаты у фрау Штумфе в курортном городке Бланкенбурге, недалеко от города Хальберштадта.

Вблизи дома фрау Штумфе начинался буковый лес с дорожками, скамейками и "аугенбликами"[**]. На ближайшей горе стоял замок герцога Брауншвейского, в пяти километрах, на другой горе, рядом со старинными развалинами, был ресторан Регенштейн. Марии Антоновне жизнь за границей очень нравилась, но Владимир Викторович нервничал. Особенно после того, как он узнал, что его приговорили заочно к году крепости, он не находил себе покоя.

---

[*] Как мы уже видели – это "Киевское Слово".

Киевские газеты освещали ход сего процесса, см., например, Вакар В.В. "Киевлянин". 1906, № 332 (Отложенные дела), № 345 (Литературно-политическое дело); «Киевская Мысль» 1907, № 120 (Хроника: Дело В. Вакара).

[**] Возможно, автор имел в виду Augenblickseingebung – внезапно пришедшую в голову мысль, вдохновение, наитие.

Что же делать? Навсегда превратиться в политического эмигранта? Влачить жизнь за границей, не видеть отца с матерью, брата? Фрау Штумфе не очень жаловала русских, но это были, кажется, приличные. Впрочем странно, что герр Вакар купил портреты Бебеля и Вильгельма Либкнехта.

Владимир Викторович всё думал о том, что ему делать. В бытность свою в Швейцарии он посетил Ленина и встретился с Анатолием Луначарским. Владимир Викторович немного знал его по Киеву, бывал в доме Луначарских на Трёхсвятительской улице.

Ленин знал Владимира Викторовича по его брошюре о забастовке 1903 года в Киеве. Ленин считал, что оставаться Правдину (это был псевдоним Владимира Викторовича по брошюре) за границей не стоит. Люди нужны на месте. Ленин произвёл на мягкого характером Владимира Викторовича странное впечатление своими резкими суждениями и командным тоном. Луначарский был болтлив и говорил больше о литературе.

Осенью 1907 года в Бланкенбурге Владимир Викторович решил окончательно возвращаться в Россию и отбыть наказание в крепости. По прибытии из-за границы он был посажен в одиночку, знакомой ему по студенческим временам Лукьяновской тюрьмы, в Киеве, которая засчитывалась в качестве "крепости". Режим был не слишком строгий: он имел свидания и ему разрешалось получать книги. Анна Эразмовна, Виктор Модестович и Мария Антоновна остались на лето в Киеве, чтобы навещать Владимира Викторовича в тюрьме.

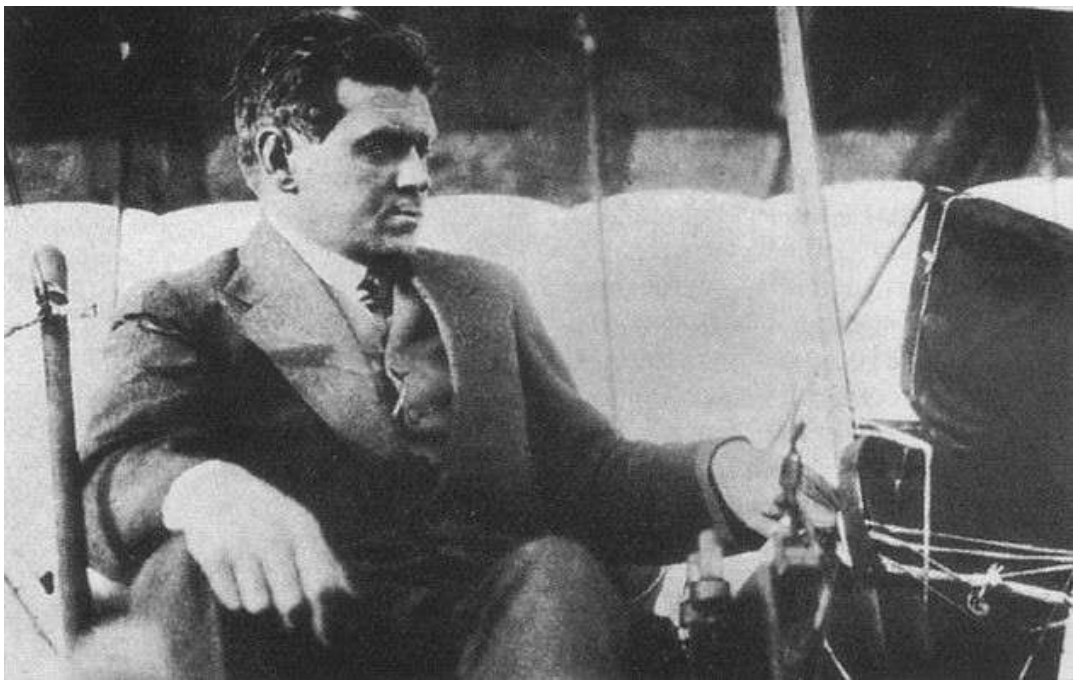
Николай Морозов, как известно, высидел в Шлиссельбурге 22 года, но он имел, вероятно, крепкие нервы. Другой шлиссельбуржец, сын священника в Шелиховской Слободке, Стародворский, просидев двадцать лет, поступил после 1905 года на службу в охранное отделение и был секретным информатором среди эмиграции в Париже*. Владимир Викторович был человеком очень тонкой нервной системы. Он много передумал за год "крепости" и, войдя в камеру социал-демократом большевиком, вышел из неё христианским социалистом.

23. Первый урок и первая кондиция. [1907]

Шёл 1907 год. Это был год первых шагов авиации. Спортсмен Уточкин собирался летать на моноплане над ипподромом на Шулявке. На зрелище продавались билеты. Казалось, весь Киев двинулся на Шулявку. Ехали на трамваях (Киев был первый город в России с электрическим трамваем Бельгийского общества), на извозчиках, на подводах ломовиков, шли пешком. Безбилетная публика сидела на заборе ипподрома. Забор повалился на большом протяжении. Таким образом Глеб оказался внутри. Уточкин возился около аппарата, сделанного из жёрдочек и холста и оборудованного мотоциклетным мотором. В воздухе Уточкин продержался минут пять и пролетел так низко над забором, что боялся сбить с него публику. Рыжий Уточкин был заикой и с трудом кричал: – "С за-бо-ра, с за-бо-ра!... А через год над Киевом парил Габер Влынский...

---

* Николай Петрович Стародворский (1863-1918). Родился в семье священника. Во время обучения в гимназии г. Каменец-Подольска увлёкся народническими идеями и вступил в организацию «Народная воля». По заданию партии вместе с В.П. Конашевичем, был направлен в Санкт Петербург с целью убийства Судейкина. После убийства Судейкина 16 декабря 1883 года благополучно скрылся. 16 марта 1884 года был задержан полицией в Москве с фальшивым паспортом. При опознании свидетелем, сознался в убийстве. В результате судебного "процесса двадцати одного" члена "Народной воли" приговорен в 1887 г. к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Освобожден в 1905 г. по амнистии после опубликования Манифеста от 17 октября. После освобождения проживал в Париже (Франция), где примкнул к партии социалистов-революционеров. Разоблачён В. Бурцевым, как платный агент царской охранки. – ***Из Интернета***



Летчик Сергей Исаевич Уточкин, 1911 г.

В это время Глеб получил свой первый урок в семье инженера Янушевского[*]. Он давал уроки рисования старшему сыну Янушевского – Володе. Само собой разумеется Глеб не имел никакого "художественного" образования и обучение рисованию сводилось к цели занять мальчика. Во время урока приходили все остальные дети Янушевских – Лёля, Люда и Игорь и, раскрыв рот, смотрели на художественные успехи своего брата. С ними приходила и сестра Янушевской, гимназистка Адя, и так же стояла с раскрытым ртом.

Оба Янушевские, и Павел Степанович, и Мария Максимилиановна, понравились Глебу[**]. В их обращении не было ни аскетизма сестры Ляли, ни чопорности чиновничьей семьи Виктора Модестовича и Анны Эразмовны.

На лето Глеб, перешедший в восьмой класс гимназии, получил приглашение на кондицию в интеллигентную еврейскую семью учёного агронома Соломона Франкфурта[***].

---

[*] Павел Степанович Янушевский (1870-1934) – инженер-технолог. В 1917–1920 гг. начальник службы тяги, заместитель начальника и начальник Владикавказской железной дороги, начальник Азербайджанской железной дороги, затем председатель Кавказского окружного комитета по перевозкам. С 1921 г. член совета и заместитель председателя Высшего технического комитета, член совета Научно-технического комитета НКПС, член финансово-экономической секции Трансплана НКПС.– ***Из Интернета***

[**] Мария Максимилиановна Янушевская, урожденная Гротен (1875-1944). Попадет на Арбате под автомобиль и, не приходя в сознание, умрет в госпитале.

[***] Соломон Франкфурт родился в Вильно, изучал агрономию в университете Цюриха. После возвращения в Россию работал агрономом. В 1900-х годах жил в Киеве, был членом партии кадетов. В 1917 году займет пост уполномоченного министерства земледелия на Украине, будет товарищем министра в Центральной Раде. После эмиграции в Германию – член Центрального правления и руководитель Закупочного общества Всемирного союза общества распространения труда (ОРТ). Будет директором учрежденной ОРТом в Лондоне в 1924 году Кооперативной корпорации по снабжению инструментами, которая обеспечивала еврейских ремесленников и земледельцев машинами, инструментами и сырьем на основе кредитных отношений. В 1940 году эмигрирует в США. ОРТ было организовано в 1880-м в Петербурге, полное первоначальное название – Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России – ***Из Интернета***

Соломон Франкфурт, ученый-агроном

Отец семейства был всё время в разъездах. Семья его жила летом на даче в Боярке. Она состояла из матери семейства, добрейшей женщины Деборы Натановны, и детей Марка, Лиды и Бори. В обязанности Глеба входило не столько обучать Марка, сколько оказывать на него воспитательное влияние. Вскоре Глеб увидел, что убеждением подействовать на Марка чрезвычайно трудно. Дача была разделена на две половины, и за стеной жила чужая семья. Именно около этой стены стояла кровать Марка. Когда он начинал утром стучать в эту стену ногами, Глеб пускался в длинные рассуждения о правилах общежития. Марк их внимательно выслушивал, а затем продолжал стучать в стену.

Глеб убедился, что получался больший эффект, когда он коротко говорил:

– Марк, ещё минута и я выкину тебя из комнаты!

Марк, как старший и более сильный, бил сестру и брата. Когда он бывало смажет Борю по физиономии, Дебора Натановна всплескивала руками и говорила: "Марк, сын мой, что ты делаешь, зачем ты бьёшь Бориса"? Марк вторично ударял Бориса по физиономии. Тогда Глеб брал Марка за руку и сжимал её.

– Глеб Петрович, мне больно!

– Я именно и хочу сделать тебе больно, а то ты не можешь себе представить, как больно Борису.

Возможно, что Глеб, если и не сделался бы Песталоцци, то всё же изобрёл бы особую систему воспитания, но ему очень хотелось поехать в Шелеховскую Слободку. Дело в том, что дом Вакаров, оставшийся пустым (Владимир Викторович сидел в Лукьяновке, а вся семья оставалась в Киеве), был сдан на лето Янушевским.

В августе Глеб оставил семью Франкфуртов и уехал в Шелеховскую Слободку. Он жил в лесном доме Ольги Петровны, но каждый день ходил к Янушевским в старую усадьбу.

Биолог Дмитрий Евстафьевич Белинг

Янушевские приехали не одни, с ними приехал студент-биолог Дмитрий Евстафьевич Белинг и доцент Казановский с женой и двумя детьми, и ещё вечный студент Карагичев*.

Днепр, 1914 г., слева направо: студент Александр Яворский, брат Виктора Ивановича, его сын, неустановленный господин, сам В.И. Казановский и его жена

---

* Дмитрий Евстафьевич Белинг (1882-1949), известный украинский ихтиолог и гидробиолог. Работал на Днепровской биологической станции, будет ее директором в 1922-37 годах. В 1932 г. во Всеукраинской Академии наук (ВУАН) начнутся идеологические чистки. На одном из заседаний партийной фракции ВУАН запишут в резолюцию: "Полный оппортунизм и гнилой либерализм в амнистировании открыто реакционных буржуазных ученых в Академии, как великодержавных, так и украинских национал-фашистов, например: Кащенко, Шарлемань, Шмальгаузен, Белинг и др. …". В октябре 1937 г. Д.Е. Белинга арестуют по обвинению в "участии в контрреволюционной организации и занятии шпионажем". После нескольких допросов он признается, что еще до революции состоял в масонской ложе "Заря". В декабре 1937 г. Д.Е. Белинга отпустят домой, взяв подписку о невыезде, а в марте 1938-го его «дело» будет прекращено, так как "в последнее время преступная деятельность Белинга следствием не установлена". В июне 1941 г. профессор Д.Е. Белинг станет первым директором недавно созданного Гидробиологического института АН УССР.

При эвакуации Киевского университета в начале войны 1941-45 гг. профессор Д.Е. Белинг по какому-то недоразумению не получит эвакуационный талон и поэтому останется в Киеве. Должность директора Гидробиологического института он будет занимать и во время оккупации Киева немецкими войсками. В 1943 г. при отступлении будет эвакуирован с несколькими сотрудниками и частью имущества института в Познань. Затем переедет в Германию, где вскоре станет работать профессором Геттингенского университета в ФРГ. – ***Из Интернета***

Виктор Иванович Казановский (?-1919) – приват-доцент Университета святого Владимира, член аграрного отдела Киевской губернской земской управы. Из воспоминаний бывшего студента Александра Яворского за 1913 г.: *Химия, кажется, была неплохая, но меня не тянуло к ней и я больше всего тяготел к грибам, из университета уходил на службу на станцию и под руководством Виктора Ивановича Казановского занимался всякими грибами. Полное название станции, на которой я служил практикантом по фитопатологии, было такое — "Киевская станция по борьбе с вредителями растений Южнорусского общества поощрения земледелия и сельской промышленности". Особенно ее поддерживали, видимо, сахарозаводчики. Практикантами была молодежь.* В дневнике имеется немало живописных эпизодов об учебе. – ***Из Интернета***

За стол садилось человек 12-13. Дети были живые, весёлые и воспитанные. Карагичев и Казановский распевали с ними детские песни вроде:

Пчёлка златая, что ты жужжишь,
Всё вокруг летая, прочь не летишь?..

Или не детские:

Где прежде процветала Троянская столица,
Там в наши времена посеяна пшеница,
Где прежде в Капитолии венчалися цари,
Там в наши времена поют пономари...

Больше всего Глеб любил, когда, уложив детей спать, взрослые после ужина отправлялись на прогулку. Украинская ночь всех настраивала на особый лад. В небе стояла полная луна. Из лесу доносился крик "пугача" (филина)... На субботу и воскресенье приезжал Павел Степанович. Он был запевалой. Пели Мария Максимилиановна, Адя, Белинг, Казановский, Карагичев.

Казак уезжае, дивчинонька плаче,
Куда йидешь казаче? – начинал Павел Степанович.

Или:

Засвистали козаченьки в похид с полуночи,
Заплакала Марусенька свои ясны очи...

Иногда пели "жартовливу" песню:

Ой що ж там за шум учинывся,
То комарик та на муси оженився,
Взяв соби жинку невеличку,
Що не вмие шиты, прясты чоловичку...

Семья Янушевских произвела на Глеба большое впечатление. Казалось, что они с радушием, охотно втягивали в свою орбиту посторонних людей. И за столом велись всегда интересные разговоры. У дяди Виктора Модестовича разговоры за столом шли всегда на две темы: сам Виктор Модестович вспоминал далёкое прошлое, хотя и умел подать его интересно, но Анна Эразмовна всегда вела разговоры о материальных вещах, такие-то вещи подорожали или кто-нибудь что-то в хозяйстве испортил. Если Глеб попадал в поле её зрения, она сейчас же думала к чему его пристроить или куда его послать.

24. Среди богемы

Глеб вернулся в город. В гимназии ему оставался ещё один год – восьмой класс. Материально он зависел только от Виктора Модестовича. Другой дядя прекратил выдавать ему свою помощь – двенадцать с полтиной в месяц ещё год тому назад. Случилось это так: Василий Модестович приехал в Киев, остановился в гостинице и передал Глебу, чтобы он пришёл в гостиницу представиться ему и Елизавете Сергеевне. Глеб был у них в Умани только один раз, когда учился во втором классе. Порядок в доме ему крайне не понравился. Елизавета Сергеевна за какое то мелкое ослушание ударила по лицу своего старшего сына при Глебе.

В назначенный день приёма в гостинице у дяди Глеб собрался ехать на лодке с компанией по Днепру. Представление дяде с тётей ему отнюдь не улыбалось и он в гостиницу не явился. Тогда же в наказание он и был лишён денежной субсидии.

Теперь с переходом в восьмой класс было решено, что жить больше у Ольги Петровны Глеб не может, так как Анатолию Викторовичу, как врачу, нужен кабинет для приёма больных. Судьба Глеба была решена Виктором Модестовичем: Глеб будет жить на Лютеранской улице у профессора Великого, знакомого

Виктора Модестовича, у которого была свободная комната в мезонине, а ходить обедать будет к самому Виктору Модестовичу на Круглую Университетскую улицу.

У самого Глеба был другой план. Его другая сестра, Надежда Петровна, выходила в этом году замуж за тогда кончавшего Университет Александра Ивановича Балашова и у них в квартире была свободная комната, которую и мог занять Глеб. По этому поводу между Глебом и Виктором Модестовичем произошёл разговор. Позиция дяди была ясна – он даёт Глебу деньги на жизнь, следовательно он и определяет, как ему жить. Он должен быть поставлен под контроль профессора Великого и его собственный.

Глеб находил себя достаточно взрослым, чтобы решать вопрос, где ему жить. Его привлекала свободная жизнь у Балашовых, жизнь богемы свободных художников, установленная Надеждой Петровной. Перспективы обедать каждый день у Виктора Модестовича, довольно раздражительного, с необходимостью наблюдать огорчённо-недовольное лицо Анны Эразмовны, никак не улыбалась Глебу. На замечание Виктора Модестовича в категорической форме: «Ты будешь жить у профессора Великого», он отвечал так же определённо: «Я полагаю, что я буду жить у Нади».

Надо сказать, что Надежда Петровна, как непочтительная племянница, не пользовалась никаким респектом в семье Виктора Модестовича.

– Ты, конечно, можешь жить, как хочешь и где хочешь, но тогда ты не можешь рассчитывать на мою помощь.

На этом и расстались. Глеб переехал к Надежде Петровне и тем самым сжёг за собой корабли. Балашов и Надежда Петровна были сами бедны, как церковные мыши. Глеб должен был не только сам учиться, но и раздобыть себе уроки математики. С этой целью он навестил своих бывших учителей и, по мере того, как у них в младших классах появлялись двоечники, они рекомендовали Глеба в качестве репетитора. Уроки гимназиста, понятно, оплачивались дёшево. Он начал с полтинника в час, но уже два урока давали ему возможность существовать. Бюджет его был очень скромен.

В богеме Балашовых ему было весело. Надежда Петровна то лепила, то писала красками, то выжигала шкатулки или точёные из липы вещи тульских кустарей, которые кустари продавали прямо на улице. В свободное время рисовал при ней и Глеб. Иногда по-прежнему устраивались вечеринки. Собирались студенты, курсистки, художники, молодые врачи. Если и бывала какая-нибудь программа, то она вся шла за счёт самодеятельности. И пели, и декламировали. Надежда Петровна украшала виньеткой программу, вывешенную на стене.

В программе значилось, что в антрактах играет балалаечный ансамбль "зашкапников". Дверь в соседнюю квартиру была заставлена шкафом. За дверью жили студенты-политехники и один студент университета. Они обычно играли на гитаре, на мандолине и балалайке и пели. Однажды шкаф был отодвинут, и две компании объединились. Это объединение имело и другие последствия: две сестры-сибирячки вышли замуж за студентов-политехников "зашкапников", Лиза – за Костю Кирияцкого, а старшая – Нина– за Сашу Раткова.

Год пролетел удивительно быстро. Гимназическая куртка Глеба износилась. Шить новый гимназический костюм не имело смысла. Носить его осталось бы два-три месяца. Поэтому Глеб заказал студенческую куртку, но украсил её гимназическими белыми кантами и петлицами. Так и ходил весной, выломав на фуражке из герба цифру четыре.

Надежда Петровна и Александр Иванович Балашовы

Подошли экзамены на аттестат зрелости. Между экзаменами готовиться уже было поздно. Свободные дни проводились или в товарищеской пирушке, или на Днепре, на лодке. Тут Глебу не повезло, его арестовали. Случилось это так: Глеб шёл по улице в своей новой тужурке с гимназическими кантами, когда встретил на Владимирской улице надзирателя Первой гимназии. Он шёл в плаще-накидке, в форменной фуражке, имел козлиную бородку.

– Ваш гимназический билет, – остановил он Глеба.

– Какой билет? Я не гимназист.

Надзиратель кликнул городового, и Глеба повели в Лыбедской участок. Там от него потребовали удостоверения личности.

– У меня его с собой нет.

– Тогда придётся вас задержать до выяснения личности...

А у Глеба завтра экзамен, который нельзя пропустить.

– Ладно, вот мой билет.

– Ага, – вскричал надзиратель, – я знал, что это гимназист...

Глеб молчал. Эх, повстречать бы тебя на тёмной улице, думал он.

О задержании гимназиста, одетого не по форме, пришла бумага в гимназию, но последствий она не имела, Глеб сдавал последние экзамены.

Вот он и расстался с гимназией. В руках аттестат, но тут выясняется трагическое обстоятельство – у него нет документа о звании. Хлопоты требуют времени, а приём прошений в Политехнический Институт, в который надо держать конкурсные экзамены, заканчивается рано. В университет можно подавать прошения до осени.

Глеб не знает, что делать: поступать в Университет или может быть отбыть воинскую повинность вольноопределяющимся. Но последнее означает дисциплину, муштру. Тут он встречает инженера Янушевского.

– Не хотите ли провести с нами лето? – спрашивает Павел Степанович.

– Конечно хочу, – говорит Глеб.

Оказывается, и Надя приглашена ехать с Янушевскими. Они наняли на лето дом в имении Юлия Александровича Кистяковского "Великий Букрин" верстах в двух от Днепра ниже пристани Ходорово.

Пароход шлёпает лопастями по жёлтой днепровской воде. Матрос на носу парохода меряет глубину. "Полнамётка", – кричит он*. Дышится легко, впереди целое лето. Янушевские уже в Букрине.

Глеб идёт налегке пешком от Ходорова до Букрина. Компания здесь почти та же, что была и в Шелеховской Слободке. Прибавились Надя и Глеб. Они живут в отдельной хате, сейчас же за оградой усадьбы. Надя по утрам ходит в усадьбу с кувшином за водой.

Павел Степанович, приезжающий на субботу и воскресенье, завидя её, кричит: – "С кувшином охтенка спешит!"**. Так за ней и утвердилась кличка "Охтенка", с ударением на среднем слоге. Александр Иванович Балашов тоже приезжает на субботу и воскресенье.

Белинг преподаёт на Высших Женских Курсах. Он придумал Глебу занятие: рисовать большие таблицы по зоологии для Курсов, по два рубля за таблицу. Во всём нужен опыт, первую таблицу Глеб рисовал три дня, потом он мог нарисовать две таблицы в день.

Больше всего Глеб любил вечера. После ужина он играет в шахматы с вечным студентом Карагачевым. Или все идут гулять. Безлунная ночь. На холме машут крыльями ветряные мельницы. Они напоминают собой враждебных великанов. Недаром с ними сражался Дон Кихот Ламанчский. В доме было пианино. Иногда в такой вечер Белинг садился за пианино, Павел Степанович брал альт, а Карагичев пел:

Между небом и землёй песня раздаётся,
Над подруженькой своей жаворонок вьётся...

Глебу всё нравилось у Янушевских, и взрослые, и дети. Ему казалось только, что студент Карагичев здесь как-то не ко двору, он был резонёром, лодырем и циником. Однажды он рассказывал, что к нему в комнату повадился ходить чужой кот. Он, якобы, поймал его в мешок и колол через мешок студенческой шпагой. Нет, он Глебу положительно не нравился.

Устраивались прогулки и днём. В одну из прогулок дети попали в трясину. Глеб прыгнул за ними и вытащил Валю, приехавшую погостить из Киева, за ней Люду с двумя косичками и носиком пуговкой и при этом сам погрузился по колена.

25. Опять брат Саша

Александр Петрович Беклемишев открыл нотариальную контору в городе Чимкенте ещё при жизни матери своей, Марии Модестовны. Он купил себе несколько персидских ковров, два ружья и двух ирландских сеттеров. Ему и в голову не приходило помогать больной матери, которая переписывала судебные дела по копейке за лист. Он прислал матери только фотографию, где был снят с дамой.

Мария Модестовна стала уже строить матримониальные планы: вот, Саша женится, остепенится... Впрочем, дама эта уже была замужем. Александр Петрович добивался перевода в Центральную Россию. Это ему удалось. Он переехал в маленький городок Горки в Могилёвской губернии, но заработок в нём оказался хуже, чем в Чимкенте. Для обзаведения на новом месте Александру Петровичу требовались деньги. Он написал просьбу Виктору Модестовичу.

Виктор Модестович созвал целый семейный совет, после которого выслал Александру Петровичу двести рублей. Александр Петрович денег не возвращал, но прислал Виктору Модестовичу свою карточку в новой, важной шубе.

---

* Наметок, наметка – шест с делениями, употреблявшийся на речных судах для измерения глубины реки.

** *Встает купец, идет разносчик, /На биржу тянется извозчик, /С кувшином охтенка спешит, /Под ней снег утренний хрустит.* – Александр Пушкин. Евгений Онегин. Все-таки в поэме, для созвучия, охтенку следует *"ударять" на первом слоге.*

Вообще переписку он поддерживал только с дядей и с матерью, пока она была жива. Сёстры, и Ольга Петровна, и Надежда Петровна, от него отреклись и не поддерживали с ним никаких отношений.

Александр Петрович Беклемишев (в центре) с детьми Василия Модестовича Вакара Колей, Сережей и Надей (слева направо). Подпись на обороте: Я – первый класс, Надя – 4й класс, Коля – 5й класс, Саша – нотариус.

Затем в Горках произошла трагедия. Александр Петрович случайно застрелил даму, с которой он снимался на карточке. Суд признал его невиновным и назначил ему три месяца церковного покаяния. Затем, два года спустя, уже после смерти матери, Александр Петрович показался в Киеве. Он приехал с двумя сеттерами и с женой мирового судьи из Горок, которая с ним сбежала. Глеб встретил их в Николаевском парке. По разговору жена судьи показалась Глебу умнее брата Саши. Больше он её не видел.

Александр Петрович уехал в Нерчинск и там где-то с женой судьи расстался. Потом Глеб получил от брата Саши письмо из Уссурийского края, где он охотился на тигров. Ему нужны были какие-то особенные патроны. Ещё до отъезда в Сибирь Александр Петрович жил некоторое время в селе Белый Берег у дяди Платона Модестовича. В селе была красивая девушка по имени Марыся. Эта Марыся [Мурга] получила от Александра Петровича письмо и деньги на дорогу и немедленно, простясь с родителями, выехала в Сибирь. Александр Петрович женился на Марысе и впоследствии жил с ней и многочисленными детьми в её хате.

26. Университет [1909]

Глеб поступил на первый курс физико-математического факультета. Со странным чувством какого-то перелома в жизни входил он в университет по ступенькам широкой лестницы между колоннами. Высокий вестибюль, чугунные стёртые плиты. Он вспоминает, он раз уже был здесь в 1905 году, на митинге

среднеучебников. Теперь он здесь по праву, как студент. При входе он предъявляет педелю билет с фотографической карточкой.

Первые лекции. Введение в высшую математику читает профессор Букреев, аналитическую геометрию – профессор Гравэ, бритый как актёр, начертательную геометрию – профессор Рекашёв, имеющий репутацию крайнего правого, физику – профессор Де Метц. У медиков физику читал профессор Косоногов. Глеб посетил и его лекцию.*

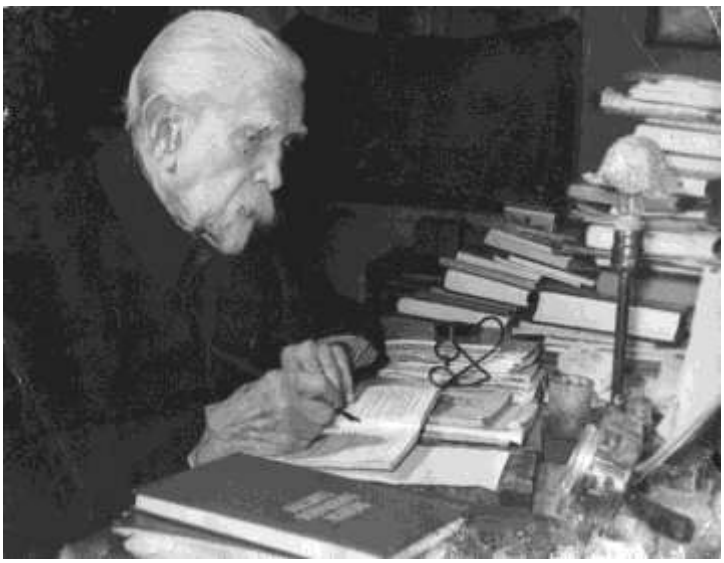
Университет св. Владимира

* Борис Яковлевич Букреев (1859-1962), советский математик, член АН УССР, профессор Киевского университета, создатель школы киевских геометров, внёс большой вклад в развитие теорий эллиптических функций, рядов и детерминант, интегрирования дифференциальных уравнений, дифференциальной геометрии, вариационного исчисления.

Дмитрий Александрович Граве (1863-1939),советский математик, акад. АН УССР (1919).Окончил Петерб. ун-т (1885). Проф. Харьковского (1897), а затем Киевского(1899) ун-тов, создатель первой крупной отечеств. (в Киеве) алгебраич. школы. Его ученики: Б.Н. Делоне, Н.Г. Чеботарёв, О.Ю. Шмидт и др.

Георгий Николаевич Де-Метц (1861-1947), физик, доктор физики (с 1891), заслуженный ординарный профессор (с 1913), декан физико-математического факультета (1913-1917), ректор (1917) университета Св. Владимира, один из организаторов и ректор Киевского политехнического института (1919), ректор Кубанского государственного университета (1921).

Иосиф Иосифович Косоногов (1866-1922), физик. В 1889 году окончил университет святого Владимира в Киеве, по окончании университета остался в нём работать. С 1903 года – профессор, заведующий физической лабораторией, кафедрой физической географии.



Профессор Б.Я. Букреев

Профессор Д.А. Граве

Профессор Г.Н. Де-Метц

Профессор И.И. Косоногов

Глеб познакомился с несколькими студентами своего курса. Все обращаются друг к другу – "коллега". На курсе есть только одна студентка – математичка Абрамович. Все студенты – молодёжь восемнадцати-девятнадцати лет. Исключение представляет Николай Васильевич Луначарский, ему лет около тридцати.

Глеб по-прежнему живёт в квартире Балашовых, только переменил комнату. Тут у него собирается несколько коллег прорабатывать лекции по аналитике и детерминантам, среди них и Борис Режабек, его товарищ ещё по гимназии*.

В зимний экзаменационный период Глеб сдал только "Введение в высшую математику" у профессора Букреева, считавшегося грозой первокурсников.

Этой же зимой исчез Николай Луначарский, случилось это так.

Однажды в Киеве появился человек, якобы приехавший нелегально из-за границы. Прежде всего он явился к Владимиру Викторовичу Вакару. Сославшись на рекомендацию Анатолия Васильевича Луначарского, он просил Владимира Викторовича ввести его в киевские партийные круги и помочь ему устроиться на нелегальном положении. На Владимира Викторовича он произвёл впечатление определённого провокатора. Он объяснил посетителю, что теперь он никакого контакта с нелегальными кругами не имеет, из партии давно вышел и помочь ему ничем не может.

Тогда таинственный посетитель пошёл на Трёхсвятительскую улицу к Николаю Васильевичу Луначарскому. Николай Васильевич был типичным интеллигентом, в пенсне и с русой бородкой. Он не имел никакого отношения к политике, а по своим взглядам сочувствовал конституционным демократам. Но как не помочь нелегальному человеку, преследуемому правительством и явившемуся с рекомендацией брата. Н.В. Луначарский немедленно принялся за его устройство и познакомил его с некоторыми полезными представителями социал-демократов. Таинственный человек оказался провокатором, Н.В. Луначарский был арестован, увезен в Шлиссельбург и появился в Киеве только через год.

---

* Борис Режабек родился в семье врача Ярослава Вячеславовича и Марии Михайловны Натансон. Благодаря царской стипендии от Александра II (для одаренных детей в многодетных семьях из "угнетенных" славянских стран) сыновья чешского крестьянина Карла Режабека – Франц и Ярослав в 1876 г. были направлены в Одесскую гимназию, а после ее окончания поступили в Новороссийский университет в Одессе. Борис Ярославович Режабек женится, по окончании университета в 1914 г. и занятии места преподавателя математики в частном реальном училище Попова в Ростове, на Ксении Владимировне Животовской.

27. Лето на Ирпене и экзамен. 1910

На лето 1910 года Глеба опять пригласили к себе Янушевские. На этот раз они обосновались в Млынке, деревне в несколько хат на речке Ирпень. Ближайшее большое село было Дидовщина, а железно-дорожная станция Фастов находилась в двенадцати верстах. С Янушевскими, как всегда, приехала сестра Марии Максимилиановны – Адя, Карагичев, Балашовы. Белинг отбывал воинскую повинность вольноопределяющимся и приезжал только в отпускные дни.

В той же усадьбе, но в другой даче, жил профессор-медик Николай Александрович Свенсон с женой и сыном Колей*. Евгения Фёдоровна Свенсон, урождённая Леш, была подругой Ольги Петровны Беклемишевой по гимназии. В соседней усадьбе жило семейство Александровых**.

Доктор Н.А. Свенсон (фото из журнала "Летопись войны")

Глебу собственно полагалось готовиться к конкурсному экзамену в Политехнический институт, но заниматься в Млынке было невозможно. Прогулки в лес, купанье в Ирпене, поездки на велосипеде, завтрак, обед, поздний ужин и пятичасовый чай занимали весь день. Выяснилось однако, что велосипедные поездки небезопасны. Крестьянки считали, что женщинам ездить на велосипеде крайне неприлично, и поэтому осыпали Надежду Петровну и Адю руганью, как только они появлялись на улице на велосипедах.

Это лето в маленькой деревне, среди густых лесов, на чистой речке, осталось Глебу особенно памятным. Он уже вошёл во вкус студенческой жизни и приобрёл некоторую самоуверенность. Он мог уже зарабатывать уроками, а студент был принят в интеллигентном обществе, как равный, независимо от того, что было у него в кармане. Таким образом сознание своего сиротства и отверженности в мире, которое посещало Глеба в гимназические годы, оставило его.

Он с удивлением заметил, что отношение к студентам среди крестьян было иным. Оно проявилось после 1905 года. Так, он слышал такой разговор между крестьянами:

– Чув, в Женишковцах церкву обикрали?

– Хто?

– Не знаю, якись студенты...

Таким образом, студенты приравнивались в их сознании к ворам, во всяком случае считались каким-то опасным элементом.

---

* Доктор Н.А. Свенсон погибнет летом 1915-го. – ***"Летопись войны 1914-15 гг.", №42, 6 июня 1915 г.***

** Семейство Петра Павловича и Эллы Эдуардовны Александровых.

Глеб съездил на неделю в Шелеховскую Слободку в лесной дом Ольги Петровны. От станции железной дороги он решил идти пешком. Там было всего двенадцать вёрст. Чтобы сократить дорогу, он решил идти через лес, заблудился и обрадовался, выйдя к хате лесника. Попросил воды напиться. Лесник вынес кружку воды. У Глеба была студенческая фуражка с синим выцветшим околышем. Лесник принял его за солдата.

– Со службы идёте?

– Нет, я студент.

Глеб заметил, что лесник особенно на него посмотрел, как если бы Глеб сказал, что он специалист по изготовлению фальшивых сторублёвок.

Ольга Петровна жила в лесном доме со своими тремя детьми, с Ольгой Карловной, или фрауляйн Ольгой, воспитанницей немецкого детского дома, которая была приглашена в качестве бонны и учительницы немецкого языка. У Ольги Петровны гостил мальчик Витя, сын Леонилы Владимировны Михайловской, недавно овдовевшей. Доктор Михайловский заразился трупным ядом, вскрывая труп, и в два дня скончался.

Глебу показалось здесь после Млынка скучно. Дети ложились спать рано. Медная луна висела над лесом. Никто не устраивал вечерних прогулок. В лесу ухал филин. Далеко в деревне лаяли собаки...

Через неделю Глеб поехал в Млынок. Поезд приходил в Фастов в четыре часа утра, Глеб пришёл в Млынок рано, когда все ещё спали, пошёл купаться в Ирпене. Вдруг раздался выстрел, и дробь ударила в доски купальни. Глеб увидел раннего охотника в челне. Это он выпалил по утке.

– Эй, вы, полегче! – закричал Глеб.

Млынок понемногу просыпался. Начиналась беспечальная дачная жизнь.

В августе Глеб поехал в Киев держать конкурсные экзамены [в Политехнический Институт]. Приходилось держать экзамены по четырём предметам: алгебра, геометрия с тригонометрией, физика и сочинение. Максимум оценок мог быть 5 х 4 = 20. Глеб получил девятнадцать с половиной. Он был в числе принятых на механическое отделение. После экзаменов Глеб поехал провести последние дни в Млынке.

Киевский Политехнический институт

28. Студенческие волнения

Балашовы наняли большую квартиру на Жилянской улице напротив пивоваренного завода. Это имело одно удобство – бочёнок "извозчичьего" пива в сорок бутылок стоил 1 р. 80 коп. В случае большой компании его ставили на шкаф, опускали в него резиновую трубку с зажимом и, пользуясь таким сифоном, наполняли стаканы.

Александр Иванович, как молодой врач, зарабатывал очень мало, Балашовы сдавали студентам четыре комнаты. В одной комнате жили медик Мишка Гальчинский и математик Всеволод Метельский, в проходной рядом с ними – Глеб, в третьей комнате – две курсистки, одна из которых получила кличку Полтавская Галушка (она была полная и из Полтавы), в четвёртой – курсистка по прозвищу Крокодил (она была некрасива). Горничная из деревни принимала эту кличку за настоящее имя и, обращаясь к Надежде Петровне, говорила:

– Барыня, барышня Крокодил просили самовар.

Иногда у Надежды Петровны собирались художницы. Глеб то присоединялся к ним, то сам изображал натуру, намотав на голову чалму или шляпу с пером.

Институт ему понравился больше чем университет. Кроме лекций были практические и лабораторные занятия. Первокурсники работали так же в чертёжках. Такие занятия сближали больше чем лекции. Седьмого (двадцатого по новому стилю) ноября 1910 года умер Лев Толстой. Его смерть была отмечена демонстрацией студентов. Сборный пункт был назначен у оперного театра. Политехники пришли последними. В Политехническом институте сначала была сходка в большой физической аудитории, затем пошли колонной с Шулявки в город. По росту Глеб шёл в первом ряду с краю. У памятника Бобринскому стояла телега, на ней сидела крестьянка, а около стоял крестьянин.*

– Хто це таки йдуть? – спросила она.

– Та це сами хулиганы йдуть, – ответил он.

* Памятник основателю сахарной промышленности на Украине и железнодорожного транспорта в России графу Алексею Бобринскому был установлен в 1872 г. на Бибиковском бульваре (ныне бульвар Тараса Шевченко) в Киеве. Демонтирован в 1926 году, сейчас на этом месте – памятник Николаю Щорсу.

Памятник графу Алексею Бобринскому

У театра стояла толпа студентов университета, Коммерческого института и курсисток, их сторожили казаки и конные городовые. Появление политехников было встречено громкими криками. Они влились в толпу, казаки несколько раз атаковали студентов, стоявших на возвышении против театра. Наконец их загнали в столовую Баринова, арестовали и повели по Театральной улице к Старокиевскому участку.

Оперный театр

Бросившейся за ними толпе казаки преградили дорогу. Тогда толпа побежала по Владимирской улице. Опять казаки поскакали за толпой и перерезали её пополам. Передняя часть толпы добежала до Софиевской площади и здесь встретилась с арестованными. Произошло смешение, часть толпы, прорвав кордон городовых, бросилась внутрь окружения, часть арестованных вырвалась наружу. Обновлённый таким образом состав арестованных был введен в Старокиевский участок. Казаки въехали на тротуар, разгоняя толпу нагайками.

Прижатый к стене Глеб полетел в двери подвального этажа, но затем выбрался оттуда и стал между рельсами, приготовленными для ремонта трамвайного пути, около памятника Богдану Хмельницкому, куда не могли заехать казаки. Оля Лепешинская, гимназистка четвёртого класса и сестра "Дяди", политехника второго курса, шла в это время из гимназии домой по Владимирской улице. Разгон студентов нагайками так её напугал, что она пришла домой в слезах.

В начале 1911 года почти во всех университетских городах России начались студенческие забастовки. Формально забастовки проводились с целью моральной поддержки студентов Петербургской Военно-Медицинской Академии, которых правительство заставило отдавать честь офицерам.

Забастовали и студенты Киевского Политехнического института. Объявление забастовки произошло таким образом: студенты толпой ходили по коридору главного здания, среди них находился в этот момент и директор института. Вдруг на скамейку вскочил студент. Голова его была покрыта чёрным капюшоном с

прорезанными для глаз отверстиями. Он громко прочитал прокламацию эс-эров с призывом к забастовке.

Памятник Богдану Хмельницкому на Софийской площади

Директор моментально ушёл из коридора, а из вестибюля вбежал околоточный надзиратель, бросившийся ловить студента, читавшего прокламацию. Но околоточного сдавили со всех сторон и "маска" исчезла... Забастовка началась. Студенты ходили по коридорам, на лекциях почти никого не было.

В аудитории, где лекция всё же состоялась, произвели "химическую обструкцию"*. В чертёжках работало несколько студентов, им порезали чертежи ножом.

Когда в институте состоялась сходка, входы и выходы были заняты полицией и все студенты, находившиеся в здании, были переписаны. Они должны были уплатить три рубля штрафа, а не уплатившие – отсидеть три дня в полицейском участке. В это время медик Мишка Гальчинский жил с политехником Бронэком Новицким на Керосинной улице, на Шулявке. Новицкий проводил большую часть ночи в биллиардных, возвращался домой поздно и вставал около двух часов дня. Поэтому, когда за штрафом пришёл городовой с понятыми, то Бронэк был ещё в постели.

– Вы Новицкий? – спросил городовой.

– Я? Нет. Мишка ты не Новицкий?

– Нет, я Гальчинский.

– Значит такого здесь нет.

Сначала городовой уходит, затем возвращается с хозяйкой, которая удостоверяет, что Бронэк и есть Новицкий.

– Что же вы шуткуете? – говорит городовой, – платите три рубля.

– У меня нет ни копейки, вчера проигрался.

– Тогда идём в участок.

---

* По-видимому, аудиторию облили кислотой.

– Ну, в участок я не пойду. Хотите, несите на кровати.
– Когда же у вас будут три рубля?
– Когда?
Бронек считает по пальцам, – в четверг.
Городовой приходит в пятницу.
– Ну, давайте три рубля.
– Да у меня их нет.
– Вы ж казали, що у вас они будут в четверг.
– В четверг они были, а сегодня – пятница и их уже нету.
– Так идём в участок.
– Если хотите, несите на кровати.

Студенты, не уплатившие трёх рублей и сидевшие в участке, слышали как околоточный разносил городового, который и не приносил трёх рублей, и не доставил Новицкого.

Когда Бронэк сильно проигрывался, он изобретал решительные средства, чтобы достать денег. У "Дяди" Лепешинского он занял готовальню, у Глеба – часы. Когда Бронэк заболел и "Дядя" пришёл его навестить, Бронэк попросил его что-то взять в корзинке. При этом "Дядя" наткнулся на ломбардную квитанцию на собственную готовальню. Он молча положил квитанцию в карман и выкупил свою готовальню. Глебу не повезло, он не видел квитанции на свои часы и они пропали...

В начале забастовки в Киевском Политехническом институте три декана института – профессора С.П. Тимошенко, Шиндлер и Нечаев послали в Петербург, в Министерство Торговли и Промышленности, в ведении которого находился институт, телеграмму с протестом против действий полиции в институте. Приказом министра эти три декана были уволены. Из солидарности с ними семь профессоров Киевского Политехнического Института подали в отставку.

Профессор С.П. Тимошенко,
основатель американской школы прикладной механики

Институт лишился десяти лучших своих профессоров, это была очень большая потеря.*

---

* <…>Киевский политехнический институт приглашает перспективного специалиста занять должность профессора на кафедре сопротивления материалов, и в конце 1906 г. Степан Прокофьевич Тимошенко переезжает в столицу Украины. В 1909 г. его избирают деканом инженерно-строительного факультета. В 1911 г. он вместе с группой профессоров подписал резкий протест против действий министра просвещения Л. Кассо, окончательно лишавших вузы автономии. Правительств незамедлительно уволило деканов А.Н. Нечаева, Тимошенко и К.Г. Шиндлера. В конце лета 1911 г. опальный профессор возвращается в Петербург, к альма-матер, учителям и однокашникам. В январе 1913 г. приходит конец опале: Тимошенко утвержден в должности профессора сразу в двух институтах — Путейском и Электротехническом. Начинается первая мировая война, Россия вступает в череду потрясений. Занятия в институтах пока еще продолжаются. В Петрограде разворачиваются революционные события. В августе 1917 г. Тимошенко отвозит семью в Киев к родителям, а сам возвращается, читает лекции.

<…>1919-й год оказался последним в российском периоде жизни Тимошенко. Какое-то время он читал лекции в Киевском политехническом институте , где хорошо помнили его мужественное выступление против реакции. Но в конце августа в Киев вошла армия Деникина. Занятия в институте осенью 1919 г. даже не начинались. Тимошенко вместе с семьей выбирается в Крым, а далее в Константинополь. В марте 1920 г. он добирается до Белграда. Узнав, что в Загребе недавно открылся Политехнический институт, Степан Прокофьевич отправляется в столицу Хорватии. В апреле 1920 г. он, наконец, становится профессором кафедры сопротивления материалов Загребского политехнического института. <…> – ***Из Интернета***

<…>5 февраля 1911 г. в КПИ пришла телеграмма министра торговли и промышленности об увольнении трех профессоров института: декана химического отделения А. Нечаева, декана механического отделения Камилла Гавриловича Шиндлера и декана инженерного отделения С. Тимошенко. Поводом для увольнения формально послужил незначительный конфликт между деканами — членами правления и директором института по организационно-хозяйственному вопросу, в который было втянуто и министерство. В действительности увольнение прогрессивно настроенных профессоров готовилось на протяжении ряда предшествующих лет. Как пишет профессор С. Тимошенко в своей книге «Воспоминания», изданной в Париже в 1963 г. и в Киеве в 1993 г., поводом к спору института с министерством было превышение ограничительной нормы приема в институт евреев (15% от общего количества принятых студентов). Начиная с 1906 г. эта норма постоянно не выполнялась, а в 1910 г. было принято значительное количество евреев. Министр настаивал на исключении принятых свыше установленной нормы, но это требование руководство КПИ не выполнило. На просьбу совета КПИ о восстановлении на работе уволенных деканов министерство ответило отказом. Тогда в знак солидарности с уволенными коллегами подали в отставку семь профессоров. В результате этого институт лишился 40% своего профессорского состава, что практически привело к параличу всего учебного процесса. А курс лекций по сельскохозяйственным машинам и сельскохозяйственному машиностроению в КПИ много лет вообще не читался: невозможно было найти адекватную замену К. Шиндлеру.<…> – ***Из Интернета***

Ординарный профессор по кафедре минералогии и геологии, а затем декан химического факультета КПИ Алексей Васильевич Нечаев

Экзаменационная комиссия на выпуске студентов КПИ в 1903 г., слева направо: Е. Вотчал, О. Ключарев, П. Слёзкин, Д. Менделеев, Н. Чирвинский, К. Шиндлер крайний слева – экзаменуемый студент

Забастовка кончилась весной, так что весенние экзамены состоялись. По предметной системе можно было получить у декана разрешение на сдачу любого предмета, считавшегося прослушанным.

Бронэк Новицкий сдавал экзамен у преподавателя Шенберга. Ему попались трудные дифференциальные уравнения и он долго и бесплодно над ними сидел. Шенберг сам был завсегдатаем биллиардных и нередко видел там Бронэка.

– Ну что, господин Новицкий, как дела?

– Я совсем выбился из удара, – ответил Бронэк на биллиардном жаргоне.

– А вы не пугайтесь чужой кладки, – предложил Шенберг.

Глеб пошёл посмотреть, как держат экзамены по архитектуре и строительному искусству, сам он не собирался держать и к нему не готовился, экзамен происходил в большой аудитории, в которой находилось шесть экзаменаторов и много студентов, обдумывавших полученные билеты. Шесть студентов стояли у трёх досок, разделенных пополам, и вырисовывали на них своды, кладки, фундаменты, врубы, готовясь к ответу. В аудитории не было никакого порядка, входил, кто хотел. Глеб заметил у доски Бронэка и подошёл к нему.

– Как дела?

– Да вот, выучил двадцать билетов, а вытянул двадцать четвёртый. Постойка за меня.

С этими словами он сунул Глебу билет, программу и мел и ушёл из аудитории. Глеб был сильно перепуган, тем более, что один из экзаменаторов подошёл к нему и стал сзади. Глеб послюнил палец и стёр несколько линий в чертеже кладки. Беда была в том, что Глеб был в форме, без бороды и высок ростом, Бронэк был в штатском, с рыжеватой бородкой и низкого роста. Минут через десять Бронэк, прочитав в коридоре ответы на вопросы своего билета, вернулся. Глеб вылетел пулей из аудитории и из института: конечно заметили, выгонят из института, думал он.

Вечером поехал к Бронэку на Керосинную:

– Ну как?

– Ничего, получил четыре с половиной.

Глеб по крайней мере раз в неделю бывал у Янушевских. Они приглашали его так же, когда Павел Степанович устраивал квартеты, в которых принимали участие он сам (альт), Карагичев (скрипка), студент Туржанский (виолончель) и ещё один студент (вторая скрипка).

После квартета был ужин, за которым Глеб всегда страдал. Разговор обычно шёл о Шуберте, Шумане, Григе, Римском-Корсакове и других композиторах, и Глеб должен был молчать, скрывая своё полное невежество в этих вопросах.

29. Кондиция

Подошло лето, у Глеба оказалось совсем пусто в кармане и он должен был принять предложенную ему кондицию в семье инженера Алексеева, сына которого надо было подготовить к переэкзаменовке. Ехать нужно было до станции Мироновка, а затем на лошадях до Богуслава, местечка, расположенного в верховьях реки Рось.

Случилось так, что Глеб приехал на три дня раньше хозяев. На даче были только горничная и кухарка. Эти три дня в пустой даче подействовали на Глеба так удручающе, что он стал уже подумывать, не удрать ли отсюда, затем приехала сама Варвара Васильевна Алексеева, одна её сестра – артистка Московского Художественного Театра*, с дочкой и бонной, француженкой, при ней, другая сестра Халютина с женихом-студентом петербургского Электротехнического института, дедушка и бабушка Халютины, племянница Алексеевой – Милица Сапожникова, сын Алексеевой – он же ученик Глеба, Алёша, и сестра его гимназистка Ната.

За стол садилась большая компания. Занимался с Алёшей Глеб только один час в день, на свои занятия тратил два часа. Остальное время уходило на купанье и прогулки. Купались в каменистой в этом месте Роси. Однажды дамы пришли с купанья возмущённые: около их места купания остановился крестьянин, когда они попросили его уйти, он пожал плечами и сказал: "Та що я? Хиба голых баб не бачив?".

---

* Речь идет об актрисе МХТ Софье Васильевне Халютиной (1875-1960).

С.В. Халютина в роли Тильтиль (справа) и А.Г. Коонен – Митиль, в спектакле по М. Метерлинку «Синяя птица»

Прогулки устраивались большей частью пешком, иногда за 8-10 вёрст. В одну из таких прогулок посетили село, жители которого занимались исключительно гончарным делом.

Среди них были и настоящие художники, получившие образование в специальных школах и работавшие на магазины кустарных изделий в Петербурге, Москве и Киеве. Гончарные станки везде были простейшего устройства (нижний круг вращали босыми ногами). Печи для обжига состояли из двух ям, соединённых ходом под землёй. Большинство гончаров работали на ярмарки и базары.

– Неужели здесь никто не обрабатывает землю?

– Да земли то нема.

– А це що? – спросил Глеб.

– Це не наша земля, це земля графов...

За лето Глеб отдохнул, провёл его весело и вернулся в Киев со ста рублями в кармане.

Стояли ещё тёплые осенние дни. Глеба принимали как своего в семье доктора Режабека. Борис Режабек, студент математического факультета, был товарищем Глеба по гимназии. У него имелся младший брат, гимназист Юра, и хорошенькая сестра, гимназистка Лёля, и две двоюродные сестры, курсистки.

Ранним вечером Глеб и Борис Режабек играли в шахматы у раскрытого окна, выходившего на двор. Было тихо, поскольку может быть тихо в городе. Вдруг двор огласился криками. Через двор пробежала женщина, лицо в крови.

– Опять дворник жену бьёт, – сказал доктор.

– Пойдём, утихомирим его, – предложил Глеб.

Глеб и Борис спустились во двор и направились к дворницкой. Пьяный дворник, избивший жену в кровь, не оказал сопротивления. Борис и Глеб уложили его на стол, причём Глеб, ожидая сопротивления, легонько придерживал его за горло. Тут вернулась и дворничиха, она старалась оттянуть руку Глеба от горла мужа. Видно было, что боевой дух дворника испарился. Оба студента вернулись к шахматам.

– Ты заметил, как дворничиха защищала избившего её мужа? – спросил Борис.

– Как же, – ответил Глеб, – я даже боялся, чтобы не повторилась сцена, описанная Джером К. Джеромом. У него один англичанин, увидевший на окраине Лондона мужчину, избивавшего женщину, выступил в её защиту. Оказалось, что это муж бил жену. Они немедленно объединились и вдвоём накинулись на непрошенного защитника.

– Н-да, – протянул Борис, – вот ты видел сегодня представителя народа – богоносца. Дай-ка возможность десятку таких дворников-Никит разойтись без препятствий – сколько физиономий они раскровянят...

30. Лауреат Берлинской Консерватории

Вернувшись в город, Глеб прежде всего хотел найти уроки. Не проживать же сразу отложенные за лето деньги. Но уроков не было. Гимназисты ещё не успели нахватать двоек. В это время в глаза ему бросилось большое объявление в газете "Копейка": "Требуются студенты-политехники. Заработать можно до 60 руб. в месяц. Специальных знаний не требуется".

Что может быть лучше? Надо спешить. Редакция "Копейки" помещалась в здании газеты "Киевлянин", на Караваевской улице. Глеб застал в редакции уже не менее пятидесяти политехников и одного студента университета. Среди них расхаживал молодой человек, прилично одетый, отрекомендовавшийся лауреатом Берлинской Консерватории Зунделевичем*. В данный момент "лауреат консерватории" наметил следующее предприятие: он будет закупать мешками сахар, развешивать его и доставлять хозяйкам, которые у него абонируются, на дом.

Примерно такая система существовала уже по доставке на дом керосина "кристалл". Была однако и разница. Покупая керосин в лавке, надо было пачкать руки о грязную бутылку. Покупка сахару не представляла никаких затруднений. Сахар-песок стоил 11 копеек фунт, и лавочка всегда была близко. Было ещё одно обстоятельство. Непрошенный человек, позвонивший к хозяйке в квартиру с предложением сахара, всегда вызовет подозрение. Больше всего доверия к студенческой форме.

Поэтому "лауреат консерватории" Зунделевич и выбрал студентов, почему именно политехников – это его тайна. Он разбил город на районы. Каждому студенту поручается определённый район. За доставленный адрес хозяйки, согласившейся получать сахар от Зунделевича, студент получает двадцать копеек. Десять адресов в день даёт уже два рубля. Во второй месяц студент доставляет новых хозяек, но если хозяйка, завербованная в первый месяц, продолжает брать сахар, она приносит студенту 10 копеек в месяц. Таким образом заработок студента может повышаться в некоторой прогрессии.

Зунделевич куда-то вышел, и немедленно среди студентов началась "антикапиталистическая пропаганда".

– Товарищи, – сказал студент университета, – чего ради мы будем работать на этого эксплуататора? Разве мы не можем сами закупать сахар и развозить его по квартирам?

Это предложение имело успех у части студентов. Но кто-то уже донёс об этом Зунделевичу. Он снова появился в толпе.

– Чего вы тут агитируете? – спросил Зунделевич студента университета. – Кстати я вас не приглашал, я приглашал студентов политехников.

– Какая же разница?

– Это моё дело. Может быть мне больше нравится политехническая форма.

---

* По-видимому, речь идет о пианисте Илье Павловиче Зунделевиче, выходце из богатой еврейской семьи (Киев), который умер в 1960-х. Установить его "лауреатство" по линии Берлинской консерватории не удалось.

Часть студентов осталась, часть ушла со студентом университета. В последней группе студентов вышли затруднения, потому что у них не нашлось основного и оборотного капитала. Надо было купить не только сахар, но и тележки для доставки его. Кажется дело не пошло и у "лауреата консерватории".

Позже Глеб увидел раз "лауреата" на выставке 1913 года*. Он сидел за механическим пианино, которое играло, будучи приводимым широкой лентой с отверстиями.

31. Экскурсия на Кавказ. [1912]

Первыми из Киева уехали Балашовы, у Александра Ивановича был туберкулёз, и киевский климат весной и зимой ему был вреден. Кроме того зарабатывал в Киеве он мало, а семья его увеличилась. У Надежды Петровны родилась двойня – Таня и Марьяна**. Балашов принял предложение места врача в санатории Смецкого под Сухумом, где до того он сам был пациентом***.

Доктор Балашов с дочками, Марой (слева) и Таней (справа).

Вскоре за Балашовыми уехали и Янушевские. Павел Степанович поступил помощником начальника службы тяги на частную Владикавказскую железную

---

* Торжественное открытие Всероссийской сельскохозяйственной, фабрично-заводской, торгово-промышленной и научно-художественной выставки в Киеве состоялось 29 мая 1913 года.

** Татьяна умрет ребенком (в 1921), а Марианна Александровна (1911-1987) станет второй женой будущего академика АН СССР Анатолия Петровича Александрова.

*** В путеводителе по Кавказу за 1910 год писали: «*В 1902 г. в 12 верстах от Сухума открыт грандиозный санаторий Смецкого "Гульрипш". Это в высшей степени симпатичное учреждение сооружено на средства и на земле г. Смецкого, поставившего себе задачу прийти на помощь легочным больным, обладающим ограниченными материальными средствами. Санаторий рассчитан на 100 кроватей. Под санаторий отведено 50 десятин земли, на которых разбит обширный парк, устроен водопровод, проведена канализация и пр. Принимаются больные лишь с начальными формами туберкулеза, так как климатические условия Сухума не считаются благоприятными для дальнейших стадий развития болезни. Санаторий функционирует с 15 сентября до 15 мая. Заведует санаторием доктор С.С. Емельянов*». Строительство зданий санатория Смецкой начал в 1890 г. В 1902 г. было закончено Белое здание на 120 человек, а в 1903-м – Красное. На эти стройки Николай Николаевич не получил ни копейки от государства. Он лично израсходовал 5 млн. руб. – ***Н.И. Малых. [Костромской помещик и лесопромышленник] Николай Смецкой в Абхазии. «Природа», №6, 2007***

дорогу, где председателем правления был Эдуард Брониславович Кригер-Войновский, а начальником службы тяги инженер Правосудович*.

В апреле в Институте была организована экскурсия на Кавказ. На Пасху много политехников-кавказцев стремились побывать дома. Для этого они устраивали экскурсию, так как экскурсантов везли за четверть стоимости нормального проезда. На этот раз была устроена соединённая экскурсия политехников и курсисток с двумя руководителями, от Института и от Высших Женских Курсов. Экскурсии должны были двигаться по маршруту: Киев – Одесса – Ялта – Новороссийск – Сухум – Батум и обратно, но уже от Новороссийска – через Ростов и Екатеринослав на Киев.

Стоит Ольга Петровна Вакар, сидят – Анатолий Викторович Вакар (предположительно), А.П. Беклемишев, няня Вакаров (фрауляйн Ольга?), Надежда Петровна Балашова, няня Балашовых (тоже Ольга). Дети: Володя Вакар, Таня Балашова (на руках), Катя Вакар, Наташа Вакар с Марьяной Балашовой на руках. Вероятно в Шелеховой Слободке в 1912 году.

Глеб собирался отстать от экскурсии в Сухуме, посетить санаторию Смецкого и поймать экскурсию на обратном пути. До тех пор Глеб почти не выезжал из Киева, кроме как на лето в Киевскую и Подольскую губернии. Первый новый город был Одесса, и здесь поразила его ширь моря, уходившего за горизонт. Экскурсия села на пароход "Цесаревич Алексей". Заработали краны, [послышались] крики "майна" и "вира помалу". Наконец пароход покинул Одессу.

---

* Эдуард Брониславович Кригер-Войновский (1864-1933), российский государственный деятель, инженер, последний министр путей сообщения Российской империи. В июне 1918-го в качестве председателя Владикавказской железной дороги выедет в Новороссийск, а затем – за границу. В 1920-м будет сотрудничать с властями генерала П.Н. Врангеля в Крыму, в том же году окончательно покинет Россию. – ***Из Интернета***

Михаил Елевферьевич Правосудович (1865-1929), инженер путей сообщения, конструктор паровозов. После октябрьского переворота 1917 г. останется в советской России. Будет служить в Наркомате путей сообщения, с 1925 г. займет пост председателя Научно-технического комитета НКПС, будет первым заведующим кафедрой «Локомотивы и локомотивное хозяйство», организованной в 1926 г. в Ленинградском институте инженеров путей сообщения. Однако в 1929 г. он вместе с большой группой других старых специалистов-железнодорожников будет арестован по обвинению во вредительстве и осуждён, попадет в Соловецкий лагерь особого назначения, где в октябре того же года его расстреляют вместе с другими заключёнными. Причиной послужит обвинение в подготовке побега. В 1989 г. по протесту прокурора уголовное дело М.Е. Правосудовича будет пересмотрено судом и прекращено за отсутствием состава преступления. – ***Из Интернета***

Скрылись берега. За пароходом летели чайки, из воды показывались горбатые спины дельфинов.

Показались крымские берега. Руководители называли незнакомые Глебу имена: Алупка, Мисхор, Ливадия. Перед Ялтой попали в качку. Обед был указан на обе экскурсии, обедали только Глеб и ещё один студент. Курсистки просили довести их до бортов и беспомощно повисали на них. В Ялте стояли недолго. Пошли пить турецкое кофе, сладкое и густое. Волнение не утихало, волны перекатывались через мол.

Пароход держал путь дальше. Под Новороссийском было ещё хуже. Глебу объяснили, что это мёртвая зыбь. Он и ещё несколько студентов спасались в буфете, выпивая то рюмку водки, то рюмку коньяку и закусывая икрой. Глеб не заболел морской болезнью, но удивился, увидев своё лицо в зеркале. Оно было почему-то зелёного цвета. Дальше море пошло спокойнее. В Сухуме Глеб сошёл на берег и остановился на ночь в гостинице. Экскурсии поехали в Батум. Номер в гостинице стоил один рубль. Утром Глеб нашёл экипаж. До санатории Смецкого было 12 вёрст. Дорога шла параллельно берегу моря. Всё было незнакомо: агавы, бамбуковые заросли.

В санатории Глеб остановился в докторском домике Балашовых. Среди проходивших курс лечения он встретил сестру [Марии Максимилиановны] Янушевской – Адю Гротен. Глеб пробыл в санатории три дня, перезнакомился с больными, играл с ними в крокет. Они, принимая Глеба за больного, спрашивали: до какого ребра дошёл у него процесс.

Санаторные здания стояли на возвышенности. Оттуда открывалась чудная панорама синего моря. На горизонте полз пароход. В ясную погоду видны были Трапезундские горы в Турции.

При девочках была няня, так что у Надежды Петровны было много свободного времени. Она много писала пастелью и красками.

Три дня пролетели быстро. Адя проводила Глеба на дилижансе до Сухума, и там он нашёл экскурсию. Экскурсанты проехали 22 версты на линейках до Нового Афона. Там предполагалось пробыть три дня. Но Глеб, ещё два политехника и служитель женских курсов Николай решили ограничиться только одним днём в

Новом Афоне и идти пешком в Гагры, до которых было 46 вёрст. Восемнадцать вёрст до Гудаут прошли за три часа. Там была сделана остановка.

В Гудаутах жил полковник, у которого Николай раньше служил дворником в Киеве. Николай затащил всю компанию к полковнику. Дело было на Пасху, и гостей встретили хлебосольно. Один из политехников сел за пианино, другой танцевал с полковничьей дочкой. Вышли после обеда, нагруженные всякой снедью. Вечерело быстро. Рассчитывали переночевать у священника, который жил где-то по дороге.

Встретили сначала трёх абхазцев, увешанных кинжалами. Они направились так решительно в сторону студентов, как будто хотели их зарезать, но ограничились тем, что похристосовались, беседы же не вышло, так как не было общего языка. Стало темнее. Навстречу ехал молодцеватый всадник.

– Кто такой? Куда идёшь?

Ему объяснили, сказали также насчёт священника.

– Хорошо. Скажи священнику, что встретил князя Авальяни и что он сам там скоро будет.

Бывший санаторий Н.Н. Смецкого ныне заброшен
(фото пользователя «ЖЖ» сухуми)

Шоссе разветвлялось в две стороны. Было известно, что одно короче, но с него сняты мосты, другое длиннее, но с мостами. Здесь путешественники не могли придти к соглашению и разделились на две группы по два человека. Глеб шёл с Николаем по длинной дороге. Совсем стемнело. В горах выли шакалы. Было неуютно. Обрадовались встреченной сторожке. Тут уже оба шоссе слились.

– В сторожке кто-то есть, – сказал Николай.

Это оказались два других студента. Спали на голом полу.

В Гагры пришли измученные и голодные. В этот день ожидался пароход с экскурсиями из Нового Афона. Спросили цены в гостиницах. Куда там! Цены не для студентов. Пароход уже стоял в море. Поехали на фелюге на пароход предупредить, что сходить здесь не стоит. Но руководители были уже на берегу. Пришлось съезжать всем на берег. Стали торговать большие фелюги у турок на ночь, одну для студентов, другую для курсисток. Турки заломили по 25 рублей за фелюгу. Тем временем руководители отправились к принцу Ольденбургскому, хозяину Гагр, просить ночлега. Принц отвёл экскурсантам дортуары гагринского реального училища, благо питомцы его разъехались на Пасху.

Гагры – настоящая бонбоньерка, зажатая между морем и горами. Все три дня обедали за счёт принца, пили вина из его погребов. Прислуживали его лакеи. Автобус принца возил экскурсантов на его деревообделочный завод.

Приехали в Новороссийск. Надо было ждать поезда, Николай хотел идти искать новороссийский Университет и был удивлён, узнав, что Новороссийский Университет находится в Одессе.

Поезд миновал Ростов. Кто-то внёс предложение послать принцу Ольденбургскому телеграмму с выражением благодарности. Это предложение не прошло. Принц Ольденбургский принадлежит к царским родственникам, неловко слать ему телеграмму, что могут подумать?

– Так зачем же вы жрали его обеды? Тоже ведь, что могут подумать? – сказал кто то. Но телеграмма так и не послали.

32. Ростов на Дону [Рождество 1913]

Следующая поездка Глеба была в Ростов на Дону, зимой на Рождество. Ехали вместе Адя Гротен, Белинг, Карагичев и Глеб по приглашению Янушевских. Мороз был изрядный. Стёкла вагона разрисованы узорами, но в вагоне третьего класса было тепло. В этом же вагоне ехал поляк музыкант с портативным инструментом, который он называл – оркестрион-гармонь. Это было нечто вроде фисгармонии, но с лишним рядом клавишей. Музыкант всё время разыгрывал на своём инструменте популярные вещицы, собрав около себя весь вагон.

Когда он устал играть, Карагичев взял у него инструмент, накрыл его большой салфеткой и компания киевлян села играть в карты. Играть в карты в вагоне вообще не разрешалось, но кондуктор и проводник вагона не вмешивались, видя, что играет своя компания. Около Полтавы через вагон проходил большой человек в шубе. Как выяснилось, он был полтавским помещиком и ехал во втором или в первом классе. Он уже несколько раз ходил в вокзальные буфеты выпивать по рюмке-другой водки и был, видимо, уже на взводе.

– А, студенты! – воскликнул он, – Люблю студентов! Можно к вам присесть?

– Пожалуйста.

– Чем это вы занимаетесь?

– Да вот, занялись спиритизмом, – отвечал Глеб экспромтом.

– Это интересно. Можно посмотреть?

– Сейчас увидите. Прежде всего надо определить, кто здесь имеет свойства медиума. Видите этого студента? – показал Глеб на Карагичева. – Теперь касаемся его носа.

Другой рукой Глеб нажал под салфеткой клавишу. Прозвучала взятая нота.

– Теперь проверим эту курсистку.

Глеб коснулся носа Ади Гротен. Прозвучала высокая нота.

– Разрешите проверить вас.

Помещик подставил большой красный нос и Глеб взял его за нос. Теперь раздался низкий бас. Помещик был искренне поражён:

– Никогда ничего подобного не видел. Вот это настоящий спиритизм.

На станциях выскакивали на мороз за кипятком. Поезд проходил Донбасс. Совсем уже вечером проезжали Таганрог. Во тьме горели огни доменных печей.

– Неужели я когда-нибудь кончу институт, – думал Глеб, – и окунусь в эту заводскую жизнь?

Всё это казалось чрезвычайно далёким. Не верилось, что он вообще может окончить институт. Столько ещё экзаменов впереди, и он не сдал ещё ни одного проекта...

С Ростовского вокзала поехали на трамвае по Садовой улице. Янушевские жили в Нахичевани на Дону. Между Ростовом и Нахичеванью было пустынное поле, на нём одиноко высилось здание управления Владикавказской железной дороги.

Встречать гостей вышли Мария Максимилиановна, Павел Степанович и четверо старших детей, последняя, Марьяна, была ещё на руках у няни.

У Павла Степановича появилась заметная проседь. Он был оживлён. Видно было, что работа в Ростове на новом месте давала ему большое удовлетворение.

В гостиной стояла уже большая ёлка, на следующий день у Янушевских были гости, и сверстники детей и взрослые – сослуживцы Павла Степановича. Среди них были старший врач дороги Михайлов с женой и дочкой, заведующая детским садом дороги и начальник службы связи дороги инженер Покшишевский.

Мария Максимилиановна рассказала его историю. Он был мелким железнодорожным служащим, когда женился. Своим образованием он был обязан не только своей энергии, но и энергии жены. Она поступила на службу, а он поехал в Вену. Жена посылала ему деньги, отказывая себе решительно во всём.

Он кончил электротехнический факультет в Вене. Вернувшись в Россию, он продолжал учиться и через год сдал экзамен на звание инженера путей сообщения. Теперь это был уже пожилой, лысый человек.

Неделя пролетела быстро. Глеб немного познакомился с Нахичеванью. Небольшие одноэтажные и двухэтажные домики. На скамеечках сидят старушки и едят подсолнухи. Парни гоняют голубей. В праздник подвыпивший мастеровой нанимает извозчика, берёт шарманку и разъезжает по городу, крутя свой инструмент. Он поёт:

Ростов – город наш торговый,
В нём живёт народ фартовый...

Или:

Провожала, горько стало.
Слёзы льются вдоль вокзала...

По утрам по улицам носят бублики в корзине или сушёную рыбу. Слышны крики продавцов: "Бубликэ-э, бубликэ-э!", или: "вобла, вобла сушёная!".

В Нахичевани много армян. У них свои обычаи. Если в семье кто-нибудь умер, устраивается обед и на обед может придти каждый, даже незнакомый, есть нищие, которые только и ходят по похоронам, чтобы пообедать.

Кончились праздники. Поезд несёт гостей в Киев. Карагичев условился с Янушевскими, что он переедет в Ростов и поступит служить в управление Владикавказской железной дороги. Павел Степанович обещал устроить летом на практику на паровозе Глеба и его товарища Леонида Добронравова.

В Киеве начались будни: лекции и лаборатории в институте и уроки математики для заработка.

33. Жизнь студента

Глеб жил теперь в многоэтажном доме проф. Грушевского, на углу Паньковской и Никольско-Ботанической улиц. Там во втором этаже помещался детский сад "Общества матерей". В этой квартире было две лишних небольших комнаты. Одну из них нанимала бывшая подруга Ольги Петровны по гимназии, акушерка Бер, а другую – Глеб. В квартире было ещё одно живое существо – хамелеон, вывезенный Анатолием Викторовичем из Египта, куда он ездил в качестве пароходного врача. Бедному хамелеону было холодно. Когда Глеб приносил его к себе и зажигал настольную лампу, хамелеон укладывался под самой лампой. Вероятно он мечтал о египетском солнце.

День Глеба был заполнен. Кроме занятий в институте и уроков математики, которые давали ему возможность оплачивать текущие расходы, было много мест, на которые требовалось время. То какой-нибудь "Салон" показывал картины кубистов, то приезжал Маяковский и братья Бурлюки и читали свои стихи, нарисовав на лицах зелёных собак, то Киев посещал Московский Художественный Театр, то приезжал из Петербурга театр "Кривое Зеркало".

Но и без гастролёров всегда можно было пойти на галёрку в оперный театр или в русскую драму (Соловцовский Театр).

На той же Никольско-Ботанической жило семейство доктора медицины Василия Николаевича Михайлова и жены его Веры Михайловны (урождённой Мельниковой, гимназической подруги Ольги Петровны и друга Надежды Петровны). При них жила её мать-старушка, Вера Гавриловна.

Другая семья, Кирияцких, жила ещё ближе. Это были вечный студент Костя Кирияцкий с женой Лизой (урождённой Окуловой). С ними жила и сестра Лизы – Нина, вышедшая замуж за студента Раткова, но разведенная с ним. Глеб постоянно бывал вечерами в двух этих семействах. Обедать он ходил к сестре, Ольге Петровне на Пироговскую улицу.

Однажды у Михайловых праздновались именины Веры Михайловны. Вера Михайловна любила угощать гостей "именами", то это был тенор Орешкевич*, то философ Бердяев. В этот раз было много гостей и было много выпито. Глеб вернулся домой около шести часов утра. Комната в его глазах слегка вращалась и он сразу завалился спать, не заводя часов. Проснулся он с тяжёлой головой. День был серый. Часы показывали полчетвёртого. – "Ах, чёрт, – подумал он, – чуть не проспал обед". Он оделся и пошёл к Ольге Петровне. Проходя мимо университета, поглядел на часы в окне. Ему показалось, что они показывают без четверти четыре. На Пироговской нажал кнопку звонка, открыла Ольга Петровна.

– Что-нибудь случилось?

– Нет ничего, я пришёл обедать.

– Обедать? В девять утра?

Оказывается Глеб проспал свыше 24 часов и пришёл на обед утром, через день после именин. Ольга Петровна после этого рассказывала о рассеянности Глеба.

Студенческая жизнь пришлась Глебу по вкусу. Полная свобода. Посещение лекций необязательно. Сдача экзаменов по выбору, заработать минимум для жизни уроками не так уж трудно (он получал обычно 1 р. 50 к. в час). Театры, выставки более или менее доступны. Глеб решил, что окончив Институт он поступит опять в Университет и по возможности продлит студенческий период жизни.

Книги он читал без разбору: Салтыков-Щедрин и Леонид Андреев, Виктор Гюго и фантастические истории Уэльса, романы Сенкевича и исторические повести Тарле, Кнут Гамсун, Александр Дюма, Мережковский. Всё прочитанное и его ограниченный жизненный опыт создавали мировоззрение, сводившееся к упрощённой схеме. Человеческое общество находится на восходящей прямой линии прогресса. Все ужасы, о которых он читал в книгах, о французской революции, о польско-козацких войнах, об избиении гугенотов или о деятельности испанской инквизиции, уже невозможны. Слава Богу мы живём в эпоху цивилизации... Конечно, русская действительность отстала от общего уровня прогресса, мы плетёмся в хвосте, но деятельность русской интеллигенции направлена к тому, чтобы подтянуться, догнать Европу.

Прошло немного лет и жизнь показала, как Глеб заблуждался. Человечество осталось тем же, каким было при Карле 6-ом Валуа, во время избиения гугенотов. Но об этом позже.

Весной 1912 года Ольгу Петровну арестовали на заседании комитета нелегального Красного Креста помощи ссыльным и заключённым. Через две недели после ареста состоялся суд. Главными уликами против неё было её присутствие на заседании и записная книжка, в которой против инициалов жертвователей стояли суммы пожертвований, например М.Н. – 3 руб.

Ольга Петровна объясняла на суде, что записной книжкой она пользовалась для занятий с сыном алгеброй и буквы с цифрами не что иное как одночлены и

---

* Федор Гаврилович Орешкевич, наст. имя Теодор (1872-1932), арт. оперы (лирико-драм. тенор), камерный певец, режиссер и педагог.

многочлены. Конечно, каждый человек, немного знакомый с алгеброй, мог понять, что эти записи к алгебре не имели никакого отношения.

Ольгу Петровну приговорили к двум месяцам тюрьмы. Таким образом, она должна была пропускать свои уроки рисования в детском саду "Общества матерей", где она заменила Надежду Петровну после отъезда Балашовых на Кавказ. Теперь Глеб заменял в детском саду Ольгу Петровну. Заведывала детским садом Вера Альбертовна Кистяковская, дама властная и обладающая апломбом[**]. Когда на одном из первых уроков Глеб устанавливал натуру, дети шумели. Вошла в класс Вера Альбертовна.

– Глеб Петрович, вам этот шум не мешает?

– Пока мы не начали урока, не мешает.

– Тогда, дети, можете кричать, – сказала уходя Вера Альбертовна.

Вот как, подумал Глеб. Ладно, устроим концерт.

– Громче, сказал Глеб.

Дети усилили крик.

– Ещё громче!

Дети заорали во всё горло.

– А теперь – довольно, мы начинаем урок.

Водворилась тишина, дети стали рисовать.

34. На практике [лето 1913]

На путях у Киевского вокзала рядом стояли два поезда, отходивших на Ростов. Один шёл через Екатеринослав, другой через Полтаву. Старый киевский вокзал пришёл в негодность, его заменял временный – деревянный. С поездом, уходившим на Ростов через Екатеринослав, ехал на практику Глеб. Его провожали медик Миша Гальчинский и математик Всеволод Метельский. Все трое выпили в буфете пива. Всеволод держал в руках пальто Глеба. Третий звонок, свисток. Поезд двигается, Глеб вскочил на ступеньку. Уже виден только задний вагон. Тут только Всеволод замечает, что у него осталось пальто Глеба. Рядом стоит ещё поезд, уходящий на Ростов через Полтаву. В нём едут незнакомые студенты-кавказцы. Всеволод вручает им пальто и просит передать его начальнику станции Ростов для инженера Янушевского. И пальто начало своё самостоятельное путешествие – оно попало к П.С. Янушевскому и затем нашло Глеба на станции Беслан, где он был на практике.

Пока что Глеб приехал в Ростов и, остановившись у Янушевских, отправился к начальнику службы тяги Владикавказской железной дороги инженеру Правосудовичу. Сначала Глеба принял секретарь, который выглядел так важно, что Глеб принял его за самого начальника службы тяги. Секретарь спросил Глеба, где бы он хотел проходить практику. Глеб указал Владикавказ. Оказалось, что его опередил Леня Добронравов, которого уже назначили во Владикавказ, в мастерские. У Добронравова были свои особые причины, чтобы выбрать Владикавказ – там проводила лето курсистка, с которой у Добронравова завязался роман.

На повторный вопрос секретаря, Глеб указал на Бесланское депо, как на желательное место практики.

– Почему же вы хотите проходить практику в Беслане?

– Потому что от Беслана недалеко до Нальчика, – простосердечно отвечал Глеб, – а в Нальчике проводит лето моя сестра и семья инженера Янушевского.

После этого разговора секретарь ушёл в кабинет начальника и через пять минут позвал Глеба к инженеру Правосудовичу. Это был человек лет сорока пяти склонный к полноте.

[**] Вера Альбертовна Кистяковская, урожденная Соловейчик, как мы уже упоминали, была замужем за Юлием Александровичем Кистяковским.

– Так вы выбрали Беслан, чтобы бывать в Нальчике, – сказал он, – но имейте в виду, что моя семья так же проводит лето в Нальчике и я там бываю. Если я вас там встречу, то немедленно вас уволю.

– Если вы меня встретите в рабочее время, – отвечал Глеб, – то у вас будут все основания для увольнения, но я буду иметь перерыв в работе на маневровом паровозе в 36 часов, а до Нальчика от Беслана всего четыре часа езды. Я думаю, что способ, которым я распоряжусь своим временем отдыха, вряд ли должен подлежать контролю.

Глеб получил назначение в Беслан, но выехал туда с заездом в Нальчик. Ветка от Котляревской до Нальчика была только что окончена, но ещё не открыта для движения. Глеб проехал сорок вёрст от Котляревской до Нальчика в нанятом экипаже. Он побывал у Балашовых и затем пешком прошёл через Атажукин сад на хутор Долинский, где тогда жили Янушевские.

До хутора Долинского было всего три версты. Атажукин сад тянулся по берегу речки Нальчик*. За речкой стояли невысокие горы – Кизилевки. Дальше подымались горы, покрытые буковым лесом. Снеговых гор отсюда не было видно, на следующий день Глеб уезжал в Беслан с первым поездом, открывавшим движение по ветке. Торжественно была перерезана лента, преграждавшая путь, и первый поезд двинулся по плохо ещё балластированному пути, как по ухабам. От станции Нальчик хорошо были видны горы главного хребта. Отдельные вершины носили названия: Дыхтау, Кашкантау…

Бесланское депо было оборотным. Большинство поездов из Ростова на Баку шло по другой линии, не заходя в Беслан. По этой линии проходили только поезда, связанные с местными поездами по ветке Беслан-Владикавказ. Заведовал Бесланским депо начальник, выслужившийся из машинистов. Это было уже редкостью, большинство депо имели начальниками инженеров.

Глеб должен был работать на маневровом паровозе по двенадцать часов в смену. Расписание было устроено так, что приходилось дежурить на паровозе то днём, то ночью. Иногда работы было много, иногда же паровоз стоял без дела и Глеб умудрялся подремать на короткой скамейке. Вообще же работа была не тяжёлая, так как паровоз отапливался нефтью. Когда всходило солнце, то в его лучах блестела снеговая шапка Казбека за Владикавказом.

Вскоре Глеб посетил Лёню Добронравова во Владикавказе. Там как раз открылась вакансия на маневровом паровозе и Глеб перевёлся во Владикавказ. Здесь было веселее. Жил он вместе с Добронравовым в железнодорожном доме.

---

* В начале 1880-х гг. известный российский публицист и статистик Я.В. Абрамов (1858-1906) в течение трех лет изучал состояние Нальчикского парка. Особое внимание уделил он развитию, которое получил парк, пока он "находился в кабардинских руках", и тому, в какое запустение пришел, когда колонисты "получили возможность хозяйничать в нем". Для многих смысл этих высказываний и очень резких оценок не вполне понятен и по сей день. Поэтому нужно еще раз вернуться к событиям и обстоятельствам, связанным с основанием и развитием казенного сада. Согласно архивным данным, еще в 1840-х гг. в его создании и развитии активное участие приняли русские, грузинские, кабардинские аристократы: начальник Центра Кавказской линии князь В.С. Голицын, сменивший его на этом посту грузинский князь Эристов, а также полковник российской армии кабардинский князь Атажуко Атажукин.

Пользовавшийся в народе непререкаемым авторитетом князь Атажуко Атажукин лично руководил посадкой деревьев на принадлежавшем ему участке в районе, где сейчас находится ресторан "Эльбрус". В его заботливые руки был передан затем весь парк, вплоть до Волчьих ворот. Морально и материально поддерживала князя во всех его начинаниях зарождающаяся интеллигенция, получившая образование в элитных учебных заведениях России. "Из документов видно, – писал об этом Х.М. Думанов, – что князь неоднократно пользовался услугами Кабардинской общественной суммы, занимая деньги на приобретение разных сортов фруктовых деревьев, благоустройство сада, оплату труда садоводов и т.д." Другой известный исследователь С. Бейтуганов свидетельствует, опираясь на достоверные источники, что владевший Нальчикским парком князь Атажуко Атажукин родился в 1811 г. и умер в 1868 году. Так же, как и Х.М. Думанов, он считает, что роль этого князя в сохранении Нальчикского природно-культурного комплекса трудно переоценить, что он имеет множество других достоинств и заслуг перед народом и его имя напрасно и непростительно предано забвению. ***– Из Интернета***

Единственно, что было здесь плохо, это множество собак, от которых в доме развелись блохи необычайной величины и кусавшиеся как дикие звери.

Глеб и Лёня Добронравов проводили вечера вместе, если только он не шёл к своей курсистке. Они побывали в духанах, где подавали вино с острым сыром, ломтиком колбасы и какой-то травкой, напоминавшей петрушку. Ходили они и на [озеро] Трек у Терека. Здесь среди гуляющей публики можно было видеть местную девушку, за которой ходил человек с ружьём.

– Это, чтобы не похитили, – объяснил Добронравов.

Ходили они и по Военно-Грузинской дороге, но никогда не могли удалиться по ней больше чем на двенадцать вёрст – не хватало времени между двумя дежурствами. Надо было ведь успеть выспаться перед работой.

По правилам Глеб должен был приходить в депо, где паровоз, обслуживавший ремонтные мастерские, стоял на канаве. Но Глеб, имевший хорошие отношения с машинистом, обычно ждал, когда машинист выезжал на паровозе из депо, и тогда, узнав его по свисткам, бежал прямо на пути. Ему только приходилось из-за этого ползти между колёсами, чтобы смазать эксцентрики, которые, на этом старом паровозе, помещались под его брюхом.

В начале августа Глеб сдал экзамен по книжке о правилах движения. Начальник депо экзаменовал Глеба у себя дома, вернее на огороде, копаясь в грядках. Глеб и Лёня Добронравов решили уйти с практики пораньше, чтобы провести с неделю в Нальчике. Чтобы сдать отчёт по практике, пришлось съездить в Ростов и оттуда вернуться в Нальчик. Нальчик – центр Большой Кабарды. Кабардинцы люди высокие, чаще всего брюнеты, и довольно независимые. На станции Котляревская, на почте, Глеб наблюдал такую сцену: два кабардинца закурили, чиновник довольно грубо закричал, что здесь курить нельзя. Кабардинец с чувством собственного достоинства ответил: "Покажи, где написано?".

В Нальчике застали большую компанию у Янушевских. Ездили с ними в аул, смотрели местные танцы. Встретили там и строгого инженера Правосудовича. Он, впрочем, ничего не сказал.

Одно из пяти карстовых "Голубых озер" под Нальчиком, в Балкарии

В следующие дни соорудили поездку на возах в Балкарию. Весь этот маленький народ жил в ущелье, у начала которого было "Голубое озеро". Оно лежало в 30-ти верстах от Нальчика. Ехали: Мария Максимилиановна со старшими детьми Володей и Лёлей, Адя Гротен, Надежда Петровна Балашова, Карагичев, Глеб, Добронравов, гостившая у Янушевских киевлянка Юдина, ещё несколько знакомых Янушевских.

День был исключительно жаркий. Приходилось мочить полотенца в ручьях и покрывать ими головы. Когда добрались до "Голубого озера", солнце уже садилось. Глеб разделся и бросился в озеро, но сейчас же выскочил, как ошпаренный. Вода была очень холодная и имела сернистый запах, озеро было кратером потухшего в незапамятные времена вулкана. Глеб дрожал, и ему дали две рюмки водки.

На другой стороне озера бродила группа людей. Они оказались другой экскурсией, среди которой находился реалист – хороший пловец. Он попробовал переплыть это небольшое озеро и потонул всего за полчаса до приезда компании Янушевских. Вероятнее всего, его погубила судорога в ледяной воде, но дед-балкарец, живший неподалеку, объяснял иначе:

– Здесь живёт такой змей-крокодил. За ногу хватает.

Ночевали на берегу озера под открытым небом. Звёзды казались особенно яркими на чёрном небе. Наводили на мысль о вечности и о бренности всего земного и об ограниченности человеческой жизни.

Утром, умывшись и напившись чаю, организовали пешеходную экскурсию вглубь ущелья. Дорога шла как бы по полке, под которой в глубине стремительно бежал поток. Вверх стены подымались не так отвесно. Кое-где по уступам ползали козы, а в некоторых местах даже коровы. Растительность на этих стенах была не зелёная, а какая-то коричневатая. Небо над ущельем тянулось узкой полосой. В одном месте дорога переходила на другую сторону ущелья по каменному мосту, но сделанному самой природой.

Павел Степанович Янушевский с детьми: Игорем (стоит), Олей, Володей, маленькой Марьяной и Людой (стоит), 1913 год .

Наш герой (в центре) и Надежда Петровна (с Таней на руках в заднем ряду) в окружении семейства Янушевских и их гостей, 1913-14 год. Сзади с Марой на руках, возможно Леонид Добронравов, а на переднем плане с усами и Марьяной Янушевской на руках – уж не вечный ли студент Карагичев?

Через двадцать вёрст встретили первый аул. Сакли были сложены из камней и не имели окон, вместо них были просто отверстия. Население аула собралось смотреть на чужаков. Все были крайне бедно одеты и никто не понимал по-русски. Все путешественники устали и хотели нанять верховых лошадей. Добронравов пробовал прыгать на палочке верхом, но его не понимали, затем привели старика-переводчика. Старик показал знание русского языка, сразу высыпав ряд отборных русских ругательств. Восхитив своими лингвистическими познаниями односельчан, он величественно удалился. Пришлось обратный путь так же проделать пешком. Впрочем, к аулу ходила только молодёжь. У "Голубого озера" узнали, что Мария Максимилиановна отпустила нанятые телеги и что на хутор Долинский поведёт проводник по кратчайшей тропе.

Вышли около полудня. Вскоре стала мучить жажда. Глеб спустился в лесной овраг, напился в ручье. Он почти поднялся из оврага, когда ветка сбросила с его головы фуражку и он вторично спустился на дно оврага. Когда он вышел наверх, он не увидел никого из своих попутчиков. Куда идти? Перед ним лежала узкая долина с разветвлениями. Покрытые лесом горы уходили в бесконечность. Он пошёл наугад. Встретил двух кабардинцев, а может быть балкарцев – они не понимали ни слова. Глеб почувствовал себя неприятно. С ним не было ни куска хлеба, ни компаса, ни карты. Через час он увидел речку. В ней болтались какие-то тела. Случайно он набрёл на свою компанию.

На хутор Долинский пришли около полуночи. На другой день была устроена верховая прогулка. Глебу, как старшему, поручили всех четырёх подростков Янушевских. Он ехал впереди на смирной кавказской лошадке. Двигались по довольно узкой горной дороге. Внизу в глубине бежала речка. Вдруг дорога сузилась, часть её незадолго перед тем, видно, обвалилась. Повернуть было уже нельзя. Глеб испугался за детей, сорваться было легко. Одно колено тёрлось о

скалу, из-под копыт камни летели в пропасть. Глеб положился на лошадей. И действительно они благополучно прошли по узкой тропинке.

Оставался ещё один день. Пошли играть в теннис на дачу Кригер-Войновского. Добронравов и Глеб играли с сыновьями Кригер-Войновского Серёжей и Митей. Солнце пекло, играли раздевшись до пояса и пили холодную воду. Этим и кончилось лето на Северном Кавказе. Глеб и Лёня Добронравов возвращались в Киев, в институт.

Двоюродные сёстры Глеба, гимназистки Вера, Надя и Лиза Вакары жили в Святошино [(это дочери Платона Модестовича и Евгении Давыдовны)]. Вера и Надя были в старших классах, Лиза – в одном из начальных. Недалеко от Святошина был расположен военный аэродром. Вера и Надя познакомились с лётчиком Передковым, и он однажды покатал их на самолёте. Теперь они обещали устроить протекцию Глебу и Лёне Добронравову, которые тоже мечтали полетать.

Однако когда Вера передала по телефону, что полёт назначен на воскресенье, вышло так, что в этот день Глеб условился идти в кино с Олей Лепешинской и не мог поехать на аэродром. Лёня Добронравов приехал один, остался очень доволен полётом и условился на следующее воскресенье привезти ещё свою знакомую курсистку, мечтавшую полетать.

Так как число приглашаемых пассажиров было ограничено, то Глеб теперь совсем выпадал из их числа. В субботу Глеб позвонил Добронравову и сказал, что полёт отменяется. Сам он пригласил Бронэка Новицкого, вместо курсистки Добронравова, и они оба поехали в Святошино на велосипедах. Поездка была не из лёгких, так как Бронэк, занявший у кого-то велосипед, ездил на велосипеде очень плохо и часто налетал на тумбы. Так или иначе они доехали до дома Вакаров и с Верой и Надей отправились на аэродром. Самолёты были двух типов (все открытые): германские "Юнкерсы" (монопланы) и два или три "Фармана" (бипланы).

Солнце склонялось к западу, в воздухе находилось одновременно 10-12 самолётов. Кроме Передкова в этот день, среди других, летал и поручик Нестеров, уже приобретший известность, как один из лучших лётчиков. Он погиб в начале первой мировой войны, протаранив немецкий "Таубе".*

Наконец, после Веры и Нади, очередь дошла до Глеба. Самолёт разбежался и поплыл в воздухе. Высота была небольшая, 350-500 метров, и скорость самолёта не превышала 75 километров в час. Казалось, однако, что сильный ветер бьет в лицо и затрудняет дыхание. Передков вёл самолёт по большому кругу,

---

* Михаил Геннадьевич Передков (1889-1915), в июле 1912 г. окончил авиационный отдел Петербургской офицерской воздухоплавательной школы (Гатчина). Затем служил в Киеве вместе с П. Нестеровым. Летчик-новатор, разработал теорию "мертвой петли". Вместе с П.Н. Нестеровым и В.М. Ткачевым совершит групповой дальний перелет Киев – Остер – Нежин – Киев. С августа 1914 года будет находиться в действующей армии. Выполнит около 40 боевых вылетов на разведку. Погибнет в январе 1915 года во время выполнения боевого задания. ***– Из Интернета***

Петр Николаевич Нестеров (1887-1914), в 1912 г. сдал экзамены на звания пилота-авиатора и военного летчика. В августе 1913 года возглавит групповой перелёт (в составе трёх машин) по маршруту Киев – Остёр – Козелец – Нежин – Киев с посадками на полевых аэродромах. Во время перелёта впервые в истории авиации проводилась маршрутная киносъёмка. Выполнит мертвую петлю в Киеве на Сырецком военном аэродроме 27 августа 1913 г. В первой половине 1914 года Пётр Николаевич осуществит два перелёта: Киев – Одесса за 3 часа 10 минут и Киев – Гатчина за 9 часов 35 минут. Для того времени это было большим достижением. Погибнет в августе 1914 г., протаранив австрийский тяжелый (по тем временам) самолет «Альбатрос» с двумя летчиками и бомбами на борту. К сожалению, легкий самолет «Моран-Ж», которым управлял Нестеров, пулеметом вооружен не будет. ***– Из Интернета***

Автор сего повествования Глеб ошибся в названии сбитого Нестеровым австрийского самолета, что вполне простительно: «*Схема "Таубе" применялась с 1910 по 1915 г., причем в начале первой мировой войны в австро-германской армии таких самолетов было много, и наименование "Таубе" стало нарицательным для самолетов противника России.*» ***– Владимир Пышнов. Из истории летательных аппаратов. 1968 г.***

захватывавшему Политехнический Институт, Святошинские леса и станцию Беличи. Вдали виднелась лента Днепра.

При заходящем солнце, освещавшем лес, город и плывущие в воздухе самолёты, картина казалась Глебу феерической и незабываемой. Жалко было, спустясь на землю, снимать свитер, кожаную куртку и шлем.

Штабс-капитан П.Н. Нестеров

35. Последний год перед катастрофой [1914]

Глеб продолжал жить в доме Грушевского. В Киеве не было Янушевских, не было Балашовых. Теперь уехали в Ростов и Режабеки. Глава семьи был доктор Режабек, чех по происхождению. Женат он был на Марии Михайловне, родившейся в интеллигентной еврейской семье. У них было трое детей: старший Боря – товарищ Глеба по гимназии, младший – Юра и дочь Ляля [(Ольга)]. Боря Режабек был товарищем Глеба и по университету, пока Глеб не перешёл в Политехнический институт. Боря Режабек окончил университет в 1914 году и поступил преподавателем математики в реальное училище в Ростове. Там он вскоре женился на своей двоюродной сестре*.

Теперь общество Глеба ограничивалось семейством доктора Михайлова, куда он ввёл и "Дядю" Лепешинского, и семейством Кирияцких, где шла обычно картёжная игра в "трынку". Участником игры был там также Бронэк Новицкий.

У последнего был особый метод: проиграв три-четыре рубля, он начинал играть на запись и повышал ставки. В конце концов у всех ставки начинали повышаться и все переходили на запись. Когда выигрыши и проигрыши на бумаге обращались в несколько десятков рублей, то кто-нибудь предлагал при начале новой игры на следующий день аннулировать "старые долги". После такой операции все начинали снова играть осторожно, ставя двугривенные и полтинники, пока Бронэк опять не вздувал ставки и не переходил на запись.

---

* Внук Бориса Режабека – Борис Георгиевич, родившийся в 1939-м, подтверждает, что его дед женился на Ксении Владимировне Животовской (о чем мы уже упоминали) и что она ему приходилась двоюродной сестрой.

Костя Кирияцкий любил устраивать товарищеские ужины, на которых кроме обычных покупных крепких напитков фигурировали ликёры, изготовленные самим Костей: крем-де-ваниль, шартрез, какао-шуа и другие.

После ужина гости, которых бывало человек двадцать, пели студенческие песни:

Наша жизнь коротка,
Всё уносит с собой,
Наша юность, друзья,
Пронесётся стрелой...

Или:

В том кабаке меня заройте,
Где всех я чаще пировал,
И так могилу мне устройте,
Чтоб я под бочкою лежал
Поворотясь к стене ногами,
А головой – под самый кран,
Держал обеими руками
Огромный с водкою бокал..

Обычно просили Костю Кирияцкого спеть соло. Он не заставлял себя упрашивать, брал гитару и начинал петь:

Влюбились вы и полны страсти нежной
Пришли у маменьки руки её просить,
Тогда прощай покой ваш безмятежный,
С женою тёщу вам нажить.
Котам не надобно жениться,
И с тёщей драки заводить,
Ну, посудите, как же тут не злиться,
Что я котом не в состояньи быть.
Ах зачем я не кот на один только год!
Жизнь кота – моя заветная мечта...

У него был и другой коронный номер:

Пускай все ругают, пускай все бранят,
Пускай все знакомство со мной прекратят.
Графинчик, стаканчик, голубчик ты мой...

Как можно судить, репертуар его особой идейностью не отличался.

Костя Кирияцкий и его коллега Саша Ратков относились к категории вечных студентов. Каждый год, когда на сахарных заводах начиналось производство, они уезжали на заводы помощниками химика. Лиза Кирияцкая и её сестра Нина Раткова оставались одни в доме, где в нижнем этаже комнату нанимали студенты.

На этот раз случилось так, что уехали и студенты, а в прошлую ночь в соседний дом в том же дворе забирались воры. Ночным сторожам было приказано усилить внимание. Кирияцкая и Раткова попросили Глеба остаться в комнате уехавших студентов. Глеб лёг на кровать, положив около себя на стул револьвер Смит и Вессон.

Проснулся он часа в два ночи от зуда, зажёг свет и испугался – кровать осаждали полчища клопов. Сражаться с клопами при помощи револьвера невозможно и ему пришлось ретироваться в полном порядке. Он открыл окно и вылез через него во двор, рискуя, что сторожа примут его за вора. Как назло светила полная луна. Он сбежал без всяких последствий, хотя и оставил для воров окно незапертым.

Бронэк ввёл к Кирияцким и свою знакомую по фамилии Шкурович. Впрочем Аня Шкурович, готовя себя в артистки, выбрала себе псевдоним – Майя. Так её и

называли – Аня-Майя. У Бронэка было много знакомых девиц, немногим меньше, чем у Лёни Добронравова, но все они были еврейки. Большинство из них носили имя Соня, поэтому назывались они – Соня Большая, Соня Средняя, Соня Маленькая. Были ещё Рита Голосовкер и упомянутая Аня Шкурович (Майя). Романы Бронэка обычно происходили в этом же кругу.

Когда он стал охладевать к Ане-Майе и сердце его склонялось к Соне Маленькой, Аня поставила вопрос ребром: "или я, или она", на что Бронэк ответил: "ну, пусть будет она".

У Глеба времени не хватало. Много часов поглощали уроки (ради хлеба насущного), театры и кино (ради зрелищ) и вечера у Кирияцких и Бронэка (дань Бахусу и азарту). В институте он сдавал экзамены, но не начинал ещё проэктов.

Кроме того он был занят вместе с "Дядей" большим предприятием. Они решили спуститься весной по Днепру из Киева в Херсон, чтобы уже оттуда ехать на практику. В компанию к себе они приняли двух солидных людей, доктора Василия Николаевича Михайлова и доктора Анатолия Викторовича Вакара. Если Глебу было 24, а "Дяде" 23 года, то Михайлов и Вакар были в возрасте 37-38-ми лет. Естественно подготовка путешествия легла на Глеба и "Дядю", больше всего на последнего.

Был сделан чертёж парусно-гребной лодки с выдвижным килем, шили грот и кливер, покупали на Подоле химически пропитанный брезент, тросы, якорную цепь, блоки, "утки" [(детали такелажа)]. Лодку заказали на Слободке мастеру Тамаре. Оказалось, что Тамара – это прозвище, которое мастер получил, играя в любительском спектакле женскую роль Тамары. Лодку осмолили и спустили на воду. Были готовы вёсла, мачта, выдвижной киль. На вёслах лодка была тяжеловата, почему получила имя "Тихоход".

Совершенно необходим был фотограф, поэтому по рекомендации Бори Режабека в команду "Тихохода" приняли студента-математика Кроненберга. Он, помимо прочих обязанностей, должен был запечатлеть фотографическим аппаратом главные события путешествия. Отплытие назначили на 25 мая. Боря Режабек, доценты Белинг и Казановский должны были встретить "Тихоход" в Екатеринославе, чтобы спуститься на нём через пороги.

Провожать "открывателей земель" на пристань старика Добровольского должны были придти Вера Михайловна Михайлова, сестра "Дяди" Оля, Боря Режабек. Глеб уже был знаком около двух лет с Олей. Накануне отплытия они вдвоём гуляли в Царском Саду. Воздух Царского Сада в мае насыщен особыми ароматами, с Днепра веет свежестью. Мир кажется прекрасным и даже неясность будущего не так уж особенно тревожит.

Оля только что окончила восьмой класс гимназии и ехала на лето в Подольскую губернию к тёте, бывшей замужем за священником. А там, дальше, придётся служить. Она мечтала о курсах, но сначала брат должен окончить институт. Отец уже немолод и ему трудно будет содержать сына-студента и дочь-курсистку. Кому-то из них надо работать.

В небе звёзды, на Днепре огоньки пароходов и лодок, свежо, но не холодно, и жизнь впереди. Условились писать друг другу.

Утром все собрались у старика Добровольского, у которого доктор Михайлов ещё гимназистом брал лодки. Отчалили на трёх парах весел. Вера Михайловна поехала провожать мужа до первой пристани. Боря Режабек снимал "Тихоход" с пристани, Кроненберг сделал снимок пристани с провожающими с "Тихохода".

В кармане пусто, но всё же жизнь хороша. Дышится легко, над головой синее небо, глаза встречных девушек улыбаются. Вся прошлая история человечества имела одно назначение – подготовить нормальные условия для жизни его, Глеба... Теперь путешествие по Днепру, после Днепра – Кавказ, новые виды, новые люди.

36. На "Тихоходе" [лето 1914]

Был заведен "судовой журнал", куда заносились все события путешествия. Май выдался довольно холодный. Глебу и "Дяде" надо было быть на практике не позже 12-го июня. Если нельзя было идти под парусами, гребли до часу ночи. С часу ночи все спали, кроме дежурного на корме, который сплавлял "Тихоход" по течению на одном весле. В четыре часа утра он будил всю команду. Опять шли на вёслах или подымали паруса.

В дождливую ночь надо было смотреть зорко, следить за красными и белыми фонарями бакенов. Спящие были покрыты брезентом, как крышей. Свет фонаря тускло пробивался из-под брезента, капитан встречного казённого парохода "покрыл" путешественников отборной руганью за плохое освещение.

Потом были ветреные дни, когда "Тихоход" шёл под парусами галсами от одного берега к другому. Все сидели [то] на [одном] борту, [то на другом], чтобы уменьшить крен. "Дядя" правил, сидя на корме.

В Кременчуг пришли настолько обветренные и загоревшие, что мальчишки, заприметившие мускулистую фигуру "Дяди", кричали: "Цирк приехал, цирк

приехал!". Выяснилось, однако, что все стороны путешествия, среди которых были и неудобства спанья на дне лодки, и приготовление кулеша, и мытьё посуды, воспринимались участниками неодинаково.

Если "Дядя" и Глеб наслаждались путешествием, а вместе с ними и Михайлов, вспоминавший юность, то Вакар явно тяготился режимом, а Кроненберг вообще не умел ничего делать. Даже отталкиваясь багром он ронял его в воду. В команде, между собой, его прозвали: "Нелепое Марабу". Вскоре он об этом узнал, прочитав запись в "Судовом журнале": "А Нелепое Марабу опять отличился, сломал весло"… Кроненберг даже серьёзно обиделся.

С Анатолием Викторовичем тоже было приключение. Вскоре после посещения могилы Шевченко выпало ему дежурить ночью. На дежурстве он заснул и ветер занёс "Тихоход" в устье речки – притока Днепра. Когда команда проснулась, все увидели себя среди большого стада, переходившего речку вброд, вскоре Вакар заявил, что он отказывается от дальнейшего путешествия и возвращается в Киев. Его оставили на пристани "Дериевка".

Солнце садилось, когда показались трубы и дым каменских металлургических заводов. До Екатеринослава оставалось тридцать вёрст. Огни бакенов перед Екатеринославом образовывали как бы водную улицу... В Екатеринославе паруса и брезент сдали на пристани на хранение. На следующее утро появились Белинг и Казановский. Выехали вниз в Лоцманскую Каменку. Там наняли лоцмана Григория Третьяка, который должен был провести "Тихоход" через пороги до самого Александровска, за это он взял 18 рублей.

Пошли пороги – Кайдацкий, Звонецкий. Самый страшный порог, Ненасытец, прошли Екатерининским каналом. Лоцман Третьяк сидел на корме, заменив руль дубовым веслом, и командовал: громадьте, годе громадить (гребите, довольно грести). Тут было на что посмотреть: страшная быстрота течения, скала "Школа", о которую разбилось немало барж*, Кичкасский мост, перекинутый в один пролёт

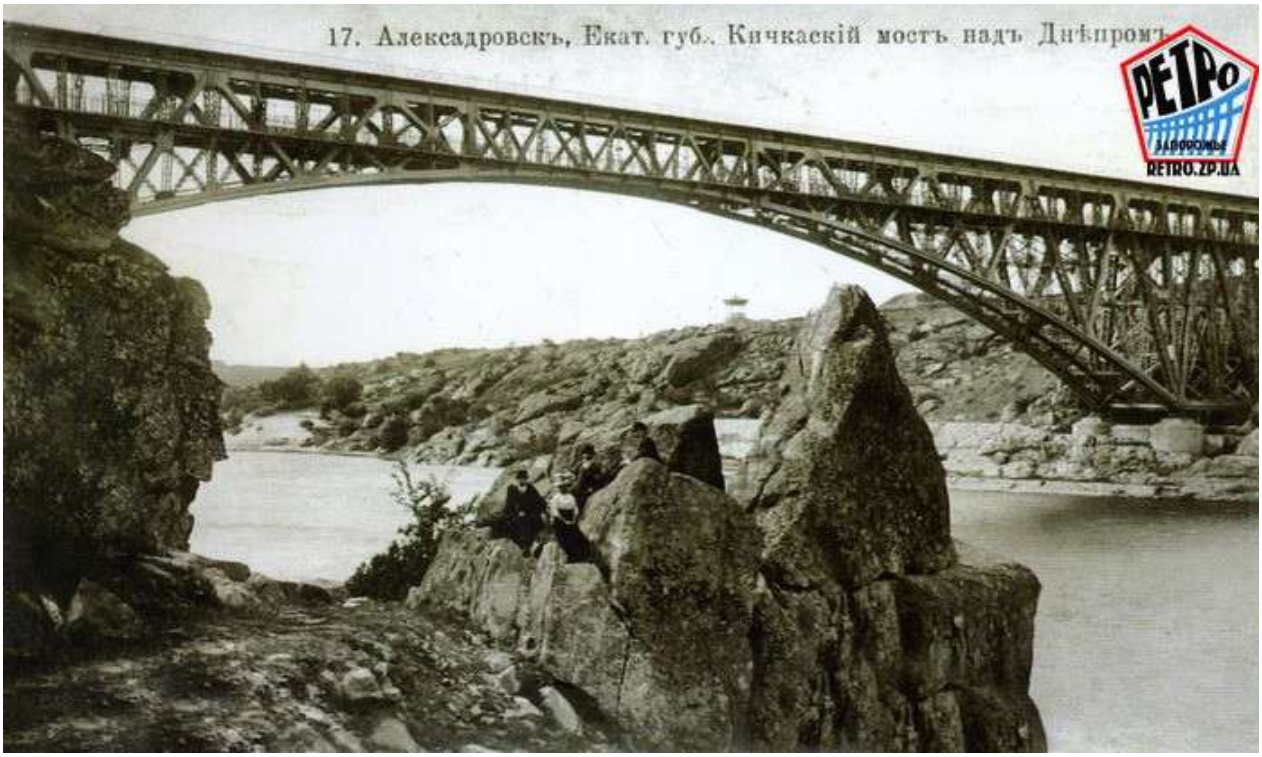
* Небольшая неточность: в литературе упоминаются, со слов старожила дер. Маркусовой Дмитра Бута, скала «Дзвіниця» («Колокольня») и расположенная рядом пещера «Школа». Они находятся на левом берегу Днепра, вблизи тогдашней Кичкасской паромной переправы. Побывавший в пещере еще в 1879 г. автор далее утверждает: *“Скала «Дзвиница» отстоит от [находящейся в свою очередь в другой скале*

через Днепр, со скалы на скалу, остров Хортица, место запорожской Сечи, против Хортицы на берегу стоял Тарас Бульба, вылепленный каким-то доморощенным скульптором, мемориальная доска на месте гибели Святослава у Ненасытца...

Вот и Александровск**. Здесь "Тихоход" поджидают опоздавший в Екатеринослав Боря Режабек. Покидают "Тихоход" Белинг и Казановский. Кроненберг делает общий снимок.

Дальше Александровска Днепр становится шире, течение спокойнее, по сторонам реки тянутся плавни. Ясно, что путешествие уложится в график, поэтому ночёвки устраиваются уже на берегу. Два раза всех промочил внезапно налетевший ливень. Ветер вздувал такие волны, что решено было не приставать к берегу, чтобы не разбиться.

Наконец, 10-го июня – последняя остановка – Херсон. "Тихоход" оставлен на хранение в яхтклубе, паруса и брезент отправлены багажом в Киев, посуда и всякая мелочь проданы за бесценок. Решено каждый год устраивать такое же путешествие по Волге, по Днепру, по Северной Двине.



Скала Тараса Бульбы и Кичкасский мост

Михайлов и Кроненберг возвращаются в Киев, Режабек едет в Ростов, Глеб и "Дядя" – на Северный Кавказ. До Ростова им по дороге с Режабеком.

– Да, да, каждый год они будут спускаться по новой реке, спать в лодке или на берегу, варить кулеш в котелке.

Они не знали, что в штабах европейских государств разработаны уже планы будущей войны, а в какой-то террористической организации студент Принцип обучается метанию бомб и стрельбе из револьвера. Оставались считанные дни до взрыва безумия, которое охватит мир... Но был ещё июнь, и Солнце светило с синего неба. Крестьянки выносили к поезду молоко, кур и землянику. Те, кому было суждено быть убитым в августе или сентябре, не предчувствовали своей судьбы.

«Школа»] пещеры шагов в 10-15; скала эта врезывается в Днепр ([т.е., скорее всего, корабли разбивались об «Колокольню»!]). Таково вкоротке описание пещеры «Школа»" – ***Я.П. Новицкий. С берегов Днепра (очерки Запорожья). Путевые записки и исследования. 1905 г.***

** Екатеринослав – это нынешний Днепропетровск, Александровск – Запорожье.

37. Станция "Кавказская" [лето 1914]

Глеб прибыл к месту практики – на дизель-моторную электростанцию на станции "Кавказская". "Дядя" поехал дальше на нефтеперегонный завод в Грозном. Лёня Добронравов по-прежнему был на практике во Владикавказе.

Дизель-моторной станцией заведовал техник Роттер. Обязанности Глеба на электростанции были очень неопределённые. Там были установлены дизеля Коломенского завода и устанавливался новый дизель Харьковского завода. Глеб присутствовал при сборке дизеля, ходил с Роттером размечать новую линию электропередачи. Считалось, что Глеб должен знакомиться с осветительными станциями поездов, состоявшими из динамо-машин, реле и аккумуляторных батарей, поэтому у него был бесплатный билет второго класса по всей линии.

В это время на некоторых поездах был введен "турбосвет" на паровозах. Установка состояла из маленькой паровой турбинки, кажется Лаваля, динамо-машины и сильного дугового фонаря с прожектором. Установка была изготовлена на одном из заводов в Чикаго. Когда с "турбосветом" случались какие-либо неполадки, это тоже относилось к электростанции. Однажды Глеб отправился с Роттером исследовать причину, по которой "турбосвет" не работал. Роттер влезал на паровоз, к самому "турбосвету", а паровоз делал до 50 вёрст в час (по тогдашним временам, большая скорость). И тут Глеб заметил, что Роттер сильно пьян. Глеба объял страх: вдруг свалится, но ничего не случилось.

Вскоре через станцию "Кавказская" проехал Добронравов, его снял с практики жандармский офицер. Оказывается жандармские отделения при дороге запрашивали Институт о благонадёжности студентов. Относительно Добронравова и "Дяди" пришел ответ, что их оштрафовали на 3 рубля каждого за участие в сходке. Добронравова сняли, а "Дядю" удалили с нефтеперегонного завода, но поместили на нефтяные прииски в Грозном.

Оказывается, что Владикавказская дорога не имела права приобретать нефтяные прииски. Они были куплены на имя подставного лица, считались частными и власть железнодорожной жандармерии на них не распространялась. Глеб тоже участвовал в сходке и тоже был оштрафован, но его никто с практики не снимал. Вероятно, это объяснялось тем, что на станции "Кавказской" не было жандармского офицера, а был какой-то жандармский чин (вроде унтер-офицера), который по старости лет халатно относился к своим обязанностям.

Глеб жил в железнодорожном клубе, вместе с другими десятью студентами. Обедали все в буфете в железнодорожном саду. Здесь были представлены студенты чуть ли не всех институтов: Харьковский и Томский технологические, Варшавский и Киевский политехнические и многие другие. Все студенты, кроме Глеба, ездили на паровозах. Новочеркасский политехник ездил уже машинистом и водил поезда на Ставрополь. Он приехал с женой и с сестрой жены, почему получил отдельную комнату.

Остальные жили в большом зале. Всегда два или три студента находились в зале с бюллетенями врача. Они пили чай, раздевшись до пояса и вытирая пот полотенцами. Жена новочеркасского политехника была уроженкой Ростова. Тут Глеб в первый раз заметил, чем хвастается женщина, и чем – мужчина. Мужчина может хвастаться чем угодно, силой, ловкостью, уменьем. Если он инженер, он может сказать, что тогда-то и там-то под его руководством работало сто инженеров. Некоторые женщины – к ним относилась и жена новочеркасского студента – хвастаются иным.

– Мне делали предложения и Аксютов Иван Петрович, и Никитин Адриан Васильевич, но я выбрала Колю.

Ей было приятно показать себя этакой львицей, победительницей сердец.

Обедали в буфете, без дам, и часто с бутылкой кахетинского. Выходя из буфета, в саду, многие студенты прибегали к нецензурным выражениям. Однажды старый железнодорожник остановился, посмотрел на компанию, и покачавши головой сказал: "Как же вам не стыдно, а ещё с образованием выше среднего!". Глеба это не касалось, ибо он крепкими словами не пользовался, но определение

ему очень понравилось. Действительно, нельзя сказать "с высшим образованием", они его ещё не закончили, но и сказать "со средним образованием" тоже нельзя, они ведь вкусили уже что-то и от высшего образования.

Глеб поехал в Грозный навестить "Дядю". Ехать было очень просто. За плацкарту к бесплатному билету второго класса надо было доплатить 15 коп. сбора в пользу Красного креста, затем – кулак под голову и спи. "Дядя" показал нефтеперегонный завод, с которого был уволен, и барак при нефтяных приисках, где он служил. Начальником был техник, который полагал, что если вывинтить лампочку из патрона во включённом состоянии, то электричество будет вытекать из патрона, подобно воде, вытекающей из незакрытого крана.

Пошли на бульвар в Грозном. Гуляющая публика была особенная. Можно было вообразить, что жизнь в Грозном была полна мёртвой скучищи. Утром в понедельник Глеб опять оказался на станции "Кавказская". Газеты уже были полны сначала сообщениями об убийстве эрцгерцога и затем об австрийском ультиматуме Сербии. К следующему воскресенью в воздухе запахло войной.

В это время Глеб сговорился с практикантом-путейцем поехать в Кисловодск и провести там день. До этого Глеб ещё не бывал на минеральных водах. С вокзала прошли на "Пятачок" и в нарзанную галерею, оттуда в Кисловодский парк. Пообедав в одном из ресторанов, поднялись на его плоскую крышу.

В главной аллее зажглись уже фонари. По ней фланировала нарядная толпа. Петербуржцы и москвичи составляли её ядро. Вот идут расфранчённые дамы, между ними адмирал с бородкой и с кортиком у пояса. Несколько франтоватых молодых людей, блестящие офицеры, опять дамы.

Разговор с путейцем, естественно, коснулся последних событий. Путеец был настроен воинственно: мы естественные покровители южных славян, мы не можем позволить Австрии... наш долг... Глеб не мог возражать против его доводов, но чувствовал, что война, в которую вот-вот окунётся мир, не совсем обыкновенная война.

– Что касается чувства долга и чувства симпатии, вы совершенно правы. Я только думаю, что если эта война начнётся, и если мы случайно уцелеем, то мы окажемся в каком-то ином мире, совершенно не похожем на этот настоящий мир, в котором мы живём.

Он не подозревал, что его фраза была близка к пророчеству.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

37. Мобилизация

Когда Глеб с путейцем вернулись на станцию "Кавказская" (Хутор Романовский), дорога приобрела необычайный вид – с Кавказа, один за другим, проходили поезда с мобилизованными. На другой день Глеб поехал в Ростов, получил расчёт по своей работе на электростанции и сейчас же выехал в обратном направлении, чтобы ещё повидаться в Нальчике с Балашовыми и Янушевскими.

В Нальчике Глеб застал большое общество. Тут, кроме Янушевских и Балашовых, была вся семья Кригер-Войновского, инженер Цветков, начальник строительства Черноморской дороги Сочи-Сухум, и многие другие*. Глеб пробыл в Нальчике только два дня. За это время состоялся большой пикник с выездом в горы на экипажах. Подростки ехали верхом. Кажется они одни и веселились искренне. Взрослые выглядели озабоченными. Неизвестно, что с собой несёт война.

---

* Как мы уже упоминали, Эдуард Брониславович Кригер-Войновский (1864-1933), служил в Министерстве путей сообщения, кроме того он женился на Александре Николаевне Ярмонкиной, дочери грозненского купца первой гильдии, у них были сыновья Сергей (1895 г.р.), который умрет своей смертью в 1968-м в Канаде, и Дмитрий, которого в 1919-м расстреляют большевики.

Через два дня Глеб выехал в Киев. Железнодорожное сообщение было расстроено мобилизацией. Когда Глеб ехал из Ростова в Нальчик, то ему удалось с трудом попасть только в купе первого класса, где сидел перепуганный немецкий консул. Из его рассказа было видно, что его уже успели помять какие-то патриотически настроенные ребята. В сторону Киева, то есть в направлении к фронту, ехать было значительно труднее. Глеб то забирался на верхнюю полку в вагоне четвёртого класса, то ехал в тормозной будке цистерны. Далее Пятихаток вообще не было движения, здесь Глеб просидел восемь часов. В этот день было солнечное затмение. Станционный телеграфист дал Глебу закопченное стекло, через которое можно было наблюдать меркнувшее солнце. Зажгли станционные фонари. Запели петухи, приняв сумерки затмения за предутренний рассвет.

Наконец Глебу удалось влезть в теплушку какого-то состава, уходившего на Киев. В Фастове рядом стоял состав с донскими казаками, ехавшими на фронт. По-видимому эшелон должен был стоять долго, так как большая часть казаков отправилась на фастовский базар. Вдруг со стороны базара показалась большая толпа. Впереди бежал тщедушного вида еврей, а за ним гнались чубатые казаки, человек двадцать. Около самого вокзала они догнали его и начали бить. Он как-то изловчился и бросился в подвал под вокзалом. Оказалось, это был карманный вор. Он вытащил у одного из казаков рубль, но неудачно, другие заметили и бросились за ним.

Эдуард Брониславович Кригер-Войновский

– А ведь они свободно могли его убить из-за одного рубля. Ответственности никакой – война. Если за убийство посадят, так это может быть спасение от смерти, – подумал Глеб.

Киев не изменился, только в учреждениях появились карты, на которых флажками отмечалась линия фронта.

В сентябре состоялась свадьба Ади Гротэн и Белинга. Они поселились в уютной квартире в каменном флигеле на Мариино-Благовещенской улице. Глеб навестил их в новоселье. У них был артиллерийский поручик, небольшого роста с интеллигентным лицом. Он сидел за пианино и играл. Играл очень хорошо.

– Аркадий Васильевич завтра отправляется на фронт, – сказала Адя.

Глеб зашёл к Белингам только через месяц.

– Помните Аркадия Васильевича? Вы встретили его у нас. Он ещё играл нам.

– Как же, помню.

– Убит в первом же бою!

В газетах сообщали о гибели пилота капитана Нестерова, протаранившего в воздухе германский Таубе, и писали о казаке Крючкове, изрубившем немецкий разъезд. В Киев стали прибывать раненые. Легко раненных помещали во временных лазаретах, открытых в Лавре и в чертёжных Политехнического Института. Для переноски их посылали добровольцев-студентов.

Глеб был в одной из студенческих групп переносчиков. Записывали фамилию, чин, часть, куда ранен. Глеб спрашивал: «Рядовой?» Часто раненый отвечал: «Никак нет, унтер-офицер», или: «Никак нет, фельдфебель».

Мать «Дяди» работала в операционной госпиталя, открытого в ремесленном училище. Сестра «Дяди» Оля помогала ей на её дежурстве. Они пригласили Глеба носить раненых. В этот госпиталь поступали тяжело раненые. Приходилось носить на перевязку солдат с ампутированными ногами и руками, а также вносить в госпиталь вновь прибывших раненых. Красное мясо, торчащие кости, запах гниения, крики раненых в операционной производили гнетущее впечатление. В первый день Глеб не мог обедать.

Занятия в институте шли нормально. В газетах писали о потерях неприятеля, о борьбе за дом [какого-то] помещика на западном фронте.

В театрах шли пьесы, спешно написанные по случаю войны. В одной из них Вильгельм 2-й просил дьявола: «Дай разрешение на церквей разрушение», и сатана отвечал: «Даю разрешение на церквей разрушение».

Хирург Анатолий Викторович Вакар уехал врачом на фронт. Вслед за ним мобилизовали как врача и Василия Николаевича Михайлова и брата его Николая Николаевича, недавно окончившего медицинский факультет.

Коля Вакар, учившийся на первом курсе Московского университета был уверен, что война должна скоро кончиться. «Обидно, если не успею побывать на войне», – думал он. Поэтому он бросил университет и поступил вольноопределяющимся в артиллерию*. Однако, конца войны не предвиделось.

---

* Николай Платонович Вакар (1894-1970), ученый по русской филологии, советологии и истории, журналист, публицист, переводчик, писатель, художник. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны. Член ЦК кадетской партии, заместитель П.Н. Милюкова по газете «Последние Новости». Организатор антибольшевистского подполья в Киеве, вместе с Игорем Платоновичем Демидовым во Франции входил в руководство подрывной антисоветской организации «Всероссийского национального Центра действия». Член Бюро по связям прессы с Президиумом Российского Зарубежного съезда в Париже. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. Председатель ревизионной комиссии Ассоциации иностранной печати во Франции. Один из организаторов Общества изучения народов России. Один из инициаторов возобновления масонских лож в эмиграции. Доктор филологии, Магистр Гарвардского университета, профессор Бостонского университета. Был женат на известной поэтессе и переводчице Гертруде Павловне Клафтон (1904-1973).

Из книги Марка Вишняка «Годы эмиграции 1919-1969 (воспоминания)»:

<…>Бывали у меня критические статьи и на темы, лично меня никак не касавшиеся, но существенные и меня глубоко задевавшие общественно-политически. Такой темой была написанная Николаем Платоновичем Вакаром рукопись под заглавием "Корневище советского общества. Воздействие крестьянской культуры России на советское государство". Н. Вакар был постоянным сотрудником "Последних Новостей" Милюкова. Я знал его по Парижу, но поверхностно. Ближе сошелся я с ним в Америке, где он сменил, как и многие другие, профессию журналиста на преподавание русского языка и составление специальных книг: по истории Белоруссии и библиографию о ней. Я был немало удивлен, когда, закончив новую рукопись, Вакар попросил меня ознакомиться с ней и высказать откровенно свое мнение. Я, конечно, согласился. Автор приехал в Нью-Йорк из провинции, где занимал кафедру. За завтраком мы обменялись мнениями, и обмен ими кончился, как и начался, дружески, – хотя я и не приглушил своих возражений, посланных письменно Вакару заранее, а он не отступил ни в чем от своего предвзятого, на мой взгляд, понимания. Я считал и считаю книгу Вакара очень интересной, но совершенно неверной в исходных положениях, исторически, политически – всячески.

<…>Отрицательное отношение к названной книге Вакара мне представляется необходимым – и справедливым – восполнить хотя бы краткой, но общей характеристикой этого незаурядного многосторонне даровитого эмигранта, не раз сменявшего вехи политически и профессионально. Из "белого воина" он превратился в постоянного сотрудника газеты Милюкова, а вынужденный с приходом Гитлера покинуть Францию, он проделал в Америке ряд новых превращений. Перейдя к преподаванию и научным занятиям,

Веру Вакар война застала в Германии. Она вернулась в Россию через Швецию[**].

Константин Николаевич Михайлов, профессор консерватории, возвращался из Швейцарии на итальянском пароходе в Россию через Константинополь (турки ещё не вступили в войну)[***].

Николай Платонович Вакар

В Средиземном море он стал свидетелем морского боя. Было видно как один крейсер обстреливал два других боевых корабля. Когда они поворачивали в его сторону, он отступал на запад. Два корабля ушли на восток, а крейсер остановил итальянский пароход и, узнав, что на нём возвращаются русские, отпустил его. Выяснилось, что крейсер был английский, а два других корабля – немецкие «Гебен» и «Бреслау», которых он хотел увлечь за собой в сторону английской эскадры, но это не удалось, «Гебен» и «Бреслау» ушли в Константинополь. Со вступлением Турции в войну «Гебен» начал терроризировать русское черноморское побережье.

он стал профессором университета и автором ученых трудов о Белоруссии и русском языке. Его последняя книга о вошедших в советскую речь и литературу изменениях вызвала положительную оценку не только в эмиграции: "Известия" Академии наук СССР тоже одобрили труд бывшего "белогвардейца". Очутившись, как профессор, в отставке по возрасту, и закончив свой 2-й том о языке, Н.П. стал профессиональным художником, – за его картинами гонялись воры, продавцы, музеи и устроители художественных выставок.

[**] Вера Платоновна Вакар (1898-1969), стенографист, экономист, выйдет замуж вторым браком за управделами ЦК ВКП(б) Грузии в 1920-1930-е годы Георгия Христофоровича Бабаева. В последней семье появится на свет дочь Наталья.

[***] Константин Николаевич Михайлов (1882-1961), пианист, один из организаторов Киевской консерватории, преподавал в ней с момента основания в 1913 г. (с 1917 профессор, в 1922-26 директор). Возможно, брат других персонажей этого повествования, профессора-медика Василия Николаевича Михайлова и его брата Николая Николаевича, тоже медика.

Пианист Константин Николаевич Михайлов

38. Экскурсия в Петроград [Рождество 1915]

На Рождество в Политехническом Институте намечалась экскурсия в Петроград. Записываться в экскурсию могли только студенты-механики, старших курсов. Число мест оказалось ограничено. Руководителем экскурсии был профессор курса паровых турбин Ганицкий. Запись в экскурсию открывалась в шесть часов утра на дверях главного здания.

Глеб и Лёня Добронравов учли, что студенты, живущие на Шулявке, могут их всегда опередить, и решили провести ночь в институтском парке и первыми открыть запись. С 11 часов вечера до 6 часов утра они ходили по главной аллее парка. Зимняя ночь была не очень холодной, падал лёгкий снег. Электрические фонари освещали ели, посаженные около главного институтского здания.

Экскурсия выехала перед самым Рождеством. Ехали через Витебск. Прибыли на Царскосельский вокзал, а помещение для экскурсантов было отведено недалеко от Финляндского вокзала в ремесленном училище. По случаю Рождества трамваи не ходили, и весь путь пришлось проделать пешком при крепком морозе.

Наметили план таким образом, чтобы днём посещать заводы, а вечером театры. Днём надо было ещё побывать в Эрмитаже и в музее Александра 3-го (музей русского искусства). Дни были наполнены посещением заводов. Путиловский, С.-Петербургский Металлический, фабрика электрических лампочек "Светлана".

На Путиловском смотрели производство паровых турбин, на С.-Петербургском Металлическом – турбины и броневые башни к 12-тидюймовым орудиям. Башни вращались на шарах. Полузаряды к орудиям подавались пневматикой. Фабрика "Светлана" работала ещё частично на немецком материале и пользуясь исключительно женским трудом.

Вечером ходили в театры. В Мариинском шла "Галька" с Собиновым. У дверей царской ложи стояли двое часовых, откинув в сторону руки с винтовками. Затем – Александринка, потом музыкальная драма с "Фаустом", где Маргариту пела молодая тогда артистка Липковская. В музыкальную драму большинство студентов привели на галёрку работниц "Светланы", с которыми успели познакомиться во время экскурсии на фабрику.

Два дня ушло на музеи. Эрмитаж подавлял обилием картин. Комната с полотнами Рубенса оставалась в памяти, как собрание жирных женских тел. В то же время она казалась мрачной, благодаря обилию чёрных теней. Музей Александра 3-го в общем запомнился более светлыми красками, как у "Богатырей" Васнецова. Глеб знал и любил Васнецова по стенной росписи Владимирского

собора в Киеве. "Заседание государственного совета" Репина не произвело на него впечатления.

Живой темперамент южан сказывался у экскурсантов во время поездок на трамваях – смех, шутки, громкий разговор. Чиновничий Петербург, чопорный, важный, не любит смеха. Какой-то чиновник далее сделал замечание громко смеявшемуся студенту.

– Вас беспокоит? Я, кажется, не в церкви, – отвечал тот.

Назад ехали через Москву. В Москве не предполагали останавливаться. Побывали только в Кремле, поглазели на царь-колокол и царь-пушку. Пошли обедать в третьеразрядный ресторан на Лубянке, где подают парни в белых рубахах и в фартуках, стриженные под скобку. Кто-то надоумил студентов спросить расстегай с осетриной. Подали бульон и отдельно пирог с осетриной. Как его есть? Кто-то сказал, что пирог с осетриной надо положить в бульон. Тесто размокло и стало невкусным.

Поезд нёс экскурсантов обратно в Киев через Брянские леса. Уходили назад тёмные ели, посыпанные снегом, как рождественские ёлки ватой. Небо было зимнее, серое.

39. Эгоизм молодости

Война шла своим чередом, жизнь в городах – своим. Глеб знал, что окончив институт, он должен отбывать воинскую повинность, следовательно идти на войну. Если он не окончит институт к 27-ми годам, он всё равно должен отбывать повинность, отсрочка кончится.

Он знал, что война – дело ужасное. Надо бежать навстречу выстрелам, открыв рот в диком рёве, залегать у колючей проволоки или у какой-нибудь кочки и самому стрелять. Убивать людей, которых он никогда не видел и к которым не питает никакого злобного чувства. Кто виноват? Он не знал. Войну он воспринимал, как наваждение, как пожар, как общее сумасшествие, как стихийное бедствие.

Впрочем, всё это для него ещё в отдалённом будущем. Три года, для человека 24-х лет, это целая вечность. Стоит ли думать о том, что через три года тебе оторвёт голову ядром. Это так же нелепо, как думать о том, что ты умрёшь через пятьдесят лет в собственной постели. Ему тем более не хотелось об этом думать, что уже год, как он не чувствовал себя таким одиноким, как прежде.

Вечера свои он проводил очень часто с Олей, сестрой "Дяди". Ещё год тому назад он стеснялся заходить к Лепешинским. Неловко, думал он, я ведь был уже на этой неделе. Потом он придумал способ. Он выходил к трамваю, который подымался в гору по Владимирской улице и в котором Оля должна была ехать в гимназию. Если Оли не было видно в трамвае, он ожидал следующего. Таким образом встреча в трамвае выходила "случайно".

Теперь Оля уже окончила гимназию. В семье поговаривали, что Оле придётся взять место учительницы, а так как место учительницы в городе получить трудно, то ей надо будет взять место в провинции. Сама Оля мечтала о Высших Женских Курсах, но пока брат не кончит института и не начнёт зарабатывать, шансов поступить на курсы у неё не было. Желая приобрести другую специальность, она поступила на краткосрочные курсы, обучавшие писать на пишущих машинках.

Вечерами Оля была свободна и Глеб подбивал её идти в кино или просто гулять в киевских парках. Они бродили по Царскому Саду, Мариинскому Парку, по Владимирской Горке, зимой и осенью. Весной отправлялись на Днепр или в Голосеевский лес, ехали в Святошино или в Плоты, в Китаев.

Глеб уже не мог смотреть на природу иначе, как в две пары глаз. При одной паре глаз природа как будто тускнела, краски бледнели... Ему казалось, что именно теперь пришло лучшее время в его жизни. А это было время, когда каждый день тысячи людей умирали на колючей проволоке, погибали на Мазурских болотах, в Карпатах, под пулемётным огнём, под шрапнелью или стояли в окопах по колено в гнилой воде.

Таков эгоизм молодости. Мир завертелся в дьявольской пляске. Завтра тебя втянет в эту гигантскую мясорубку. Но сегодня светит солнце, цветут каштаны, пахнет сирень, улыбаются глаза. Не теряй этого дня!..

Владимирская горка и памятник св. Владимиру

40. 1915-й год

Немцы наступали. Фронт был под Сарнами в 300 километрах от Киева, но в Киеве началась уже эвакуация. Эвакуировался Киевский университет.

Киевская консерватория уезжала в Ростов-на-Дону. Многие киевские семейства уезжали самотёком. Трудно было достать железнодорожные билеты, платившим золотом продавали билеты вне очереди. Багаж разрешали брать не более пяти пудов на человека. В Ростов ехало семейство Юлия Александровича Кистяковского, уезжала туда же Вера Михайловна Михайлова, муж которой доктор Василий Николаевич был на фронте.

Уезжала в Ростов и Ольга Петровна Вакар с детьми, с нею ехал Глеб и Оля Лепешинская. Её брат, "Дядя", уехал раньше с Верой Михайловной.

В Ростове у Глеба были две знакомые семьи – Режабеков и Янушевских. Янушевские жили в Нахичевани на Дону. Там же стали селиться и киевские беженцы. Все приехали с минимумом багажа. В нанятых у армян квартирах не было мебели. "Дядя" и Глеб закупили доски и столярный инструмент и стали изготовлять простую мебель для знакомых семейств: складные кровати, столы, табуретки, кресла с натянутым на раму холстом. Всё было не окрашенное и неполированное. Самодельный верстак стоял прямо в саду, благо осень была сухая и тёплая. Мастером был "Дядя", Глеб помогал ему как подмастерье.

В Ростове были Киевская Консерватория и Варшавский Университет. На улицах можно было встретить много киевлян и варшавян. С консерваторией приехал Константин Николаевич Михайлов, из Варшавы приехала Анна Ивановна, вдова Анатолия Модестовича Вакара, с детьми – гимназисткой Надей, Алёшей и маленькой Машей. Нахичевань на Дону своеобразный армянский городок, вдоль него идут улицы, их пересекают нумерованные линии. Дома большей частью

одноэтажные. Перед домами на скамеечках сидят старушки, болтают и едят семечки.

В ясный осенний день Глеб, Боря Режабек и Оля поехали в Таганрог, город Чехова. Взяли напрокат парусную лодку и поплыли по спокойному Азовскому морю. Режабек сделал несколько удачных снимков. Таганрог жил своей обычной тихой жизнью. Казалось, что нет никакой войны. В Ростове война чувствовалась больше. Там были лазареты. В них работали жёны железнодорожных служащих, среди них была и Мария Максимилиановна Янушевская.

Вечерами Глеб ходил с Олей по незнакомым улицам Нахичевани и Ростова, по их довольно жалким, по сравнению с киевскими, садам, иногда по кладбищам с желтеющей листвой деревьев. Заходили в кино в Нахичевани или в сравнительно большое кино Ростова.

Тогда было ещё немое кино. Надписи на картинах поясняли действие. Места в кино были ненумерованные, поэтому публика врывалась в зал, как будто бросалась в атаку на неприятеля. Глеб и Оля ходили обычно на балкон, где было меньше мест и поэтому не было давки. С балкона было видно, как внизу открывались двери в зал и через них врывалась толпа. Первый ряд падал, по упавшим бежали люди второго ряда.

Иногда попадались неплохие картины. Некоторые врезались в память, как например история артистки, которая теряет красоту и голос и старушкой стоит на церковной паперти. Все картины фильма иллюстрировались стихами:

Сказать ли вам – старушка эта
Артистка славная была,
Она была мечтой поэта
И Слава ей венок плела.
Святая воля провиденья,
Артистка сделалась больна,
Лишилась голоса и зренья
И бродит по миру она...

Надежда Петровна звала Глеба к себе в Кисловодск. Мария Максимилиановна отпустила с ним Люду Янушевскую. Поехали с расчётом провести у Балашовых два дня. Поезда по Владикавказской дороге ходили исправно. Александр Иванович Балашов заведовал железнодорожной санаторией для туберкулёзных. Санатория и домик врача помещались на Ребровой Балке. Из санатории был отдельный вход в Кисловодский парк. Благодаря войне и поздней осени публики в парке почти не было. Деревья оделись уже в пёстрый осенний наряд.

Если мимо Красных камней пройти к Храму Воздуха, показывалась белая верхушка Эльбруса. Александр Иванович, кроме заведывания санаторией, имел и частную практику. Жили Балашовы значительно лучше чем в Киеве.

У Надежды Петровны образовался круг знакомых, частью состоявший из художников. Сама она лепила и писала пастелью. За девочками следила няня. Приятно было видеть эту счастливую семью.

Погостив у Балашовых, Глеб и Люда вернулись из Кисловодска в Ростов. Вскоре Мария Максимилиановна предложила Глебу давать уроки математики её младшему сыну Игорю. Это был приятный урок, так как Дика (так его звали в семье) был способным мальчиком и математика давалась ему без труда.

Затем оказалось вакантное место преподавателя математики в частном реальном училище Попова, где преподавал математику и физику Борис Режабек. Глеб, будучи студентом, не имел права быть преподавателем, но в военное время преподавателя было нелегко найти и директор передал Глебу преподавание в двух старших классах. Глеб сначала чувствовал себя несколько странно на педагогических советах, где кроме него и Режабека все преподаватели были пожилыми и придерживались освящённых годами традиций. Глеба они научили,

как выяснять кто у кого из реалистов списал письменную работу – тетради при правке надо положить в том же порядке, в каком реалисты сидят в классе.

Тем временем в Киеве наступило успокоение, немцы по-прежнему стояли под Сарнами. Киевские семейства, переехавшие в Ростов, не двигались обратно, но одиночки легко возвращались в Киев. Под Рождество в Киев уехала Оля с братом. Глеб продолжал учительствовать в реальном училище. Он переписывался с Олей, которая находила, что писать писем он не умеет – пишет сухо, без души.

После Рождества пришёл в училище ответ от попечителя учебного округа. Он отказывался утвердить Глеба преподавателем, как студента, не получившего ещё высшего образования. Глеб затянул ремни на чемодане и уехал в Киев. Сначала он нашёл комнату в еврейской семье на Ново-Левашовской улице. В институте шли уже нормальные занятия. Приходилось браться за проэкты. Первым проэктом был проэкт стропильной фермы.

Окончив его, Глеб переехал в семью Платона Модестовича Вакара, где была свободная комната. Здесь, кроме работы для института, Глеб занимался рисованием вместе с двоюродными сёстрами. Все они рисовали, удачнее всего рисовала круглолицая Надя.

Их посещали подруги, чаще всего соученицы Веры по гимназии, Лена Фомичёва, черноглазая еврейка Тамара и другие. Вера и Надя Вакары мечтали предпринять в следующее лето путешествие по Кавказу. О том же думала и Надя, дочь Анны Ивановны, в Ростове[*]. Они переписывались, думая организовать путешествие совместно. Войну, которая давала себя чувствовать в городах всё больше и больше, они как-то не принимали всерьёз.

41. Год 1916-й

Зимой Глеб усердно работал над проэктами. Он поселился у Белингов и закончил там проэкты крана и парового котла. У Белингов была приятная домашняя атмосфера. Часто у них собирались курсистки, и Дмитрий Евстафьевич ходил между ними, как добродушный папаша. Чаще всего приходила Надя Матюшенко, которая вскоре вышла замуж за доктора Большакова.

Иногда приходил в отпуск рыжий Фритче, который был в это время в пехотном юнкерском училище. Тогда он ночевал в комнате Глеба. Ближайшими соседями и знакомыми Белингов были Петровы. Сам Николай Александрович Петров был замечательным фотографом и работал в кабинете судебной экспертизы, хотя он был частично парализован[**]. Жена его Надежда Дмитриевна была замечательно доброй женщиной и другом Белингов.

---

[*] Надежда Анатольевна Вакар в 1916-м умрет от дизентерии в Новом Афоне.

[**] Имеется в виду известный фотохудожник Петров: *«Значительной фигурой в украинской и российской фотографии был Николай Александрович Петров (1876-1940), всю жизнь посвятивший разработке и пропаганде идей пикториализма. Фотографическое образование Петров получил в г. Карлсруэ. С 1905г. он работает в Киевском политехническом институте, а также читает лекции по различным вопросам фотографии. Петров опубликовал свыше 40 работ по фотографии на русском, немецком и английском языках. Несколько лет (1911-1915) принимал активное участие в работе одного из интереснейших фотожурналов того времени «Вестник фотографии», был председателем Киевского фотографического общества «Дагерр».* Сестра Надежды Дмитриевны Петровой, Лидия, была замужем за известным биологом-эволюционистом академиком И.И. Шмальгаузеном. Работы Петрова были сохранены его племянницей Ольгой Шмальгаузен. – **из Интернета**.

Петров Николай Александрович, 1909

Петрова Надежда Дмитриевна, 1907 год, фото Н.А. Петрова

Глеб работал много, надо было и делать проекты для института, и зарабатывать уроками. Деньги падали в цене, и он брал за урок 2 руб. 50 коп. и 3 руб. в час.

Всё же он находил время, чтобы иногда пойти с Олей в кино. Оля работала машинисткой в Земской Управе и была очень довольна тем, что сама зарабатывает.

Пришла весна. "Дядя" и Глеб решили в это лето заняться подготовкой поступающих в институт к конкурсу. Дали объявление в газете, и несколько папаш поручили им своих сынков из провинциальных гимназий. Вдруг, неожиданно конкурс при поступлении в институт был отменен. Глеб, получивший телеграмму от Надежды Петровны с предложением ехать на Кавказ, ответил было уже согласием, но конкурс опять восстановили. Занятия по подготовке к конкурсу

группы должны были начаться в июне, и Глеб согласился поехать на май в поместье г-жи Грасгофер, готовить к конкурсу её сына. Это было многочисленное семейство из нескольких сыновей и двух дочерей.

Имение находилось в двадцати верстах от Фастова у верховьев Ирпеня, где он протекал между обнажёнными камнями. Старый парк спускался к пруду. В мае он был наполнен особенно живительным воздухом. Глеб занимался со своим учеником два часа в день. Остальное время он был предоставлен самому себе. Однажды его пригласили принять участие в поездке на возу. Ехало всё молодое поколение Грасгоферов. Они приехали в лес, где устроили пикник. На обратном пути заехали в бедное еврейское местечко и стали развлекаться тем, что задирать его обитателей. Глеб спросил их, неужели они находят удовольствие в том, чтобы кричать обидные слова этим беднякам. Но, по-видимому, это развлечение входило в их обычное расписание. Тогда Глеб встал с воза и ушёл в поместье пешком. Пройти десять вёрст пешком через лес и луга было даже приятным моционом.

К первому июня Глеб вернулся в Киев. Помещение для занятий было найдено в пустой квартире Кистяковских на Кузнечной улице. Конкурс в конце лета прошёл благополучно. Но в стране было неблагополучно. Всюду говорили об ошибках правительства, о влиянии при дворе Распутина, ползли слухи об измене.

Усиленно работали Военно-промышленный Комитет, Земский и Городской Союзы. Снабжение армии улучшалось, но дух её был подорван. Кадровые части армии погибли в первые годы войны. На фронт шли сорокалетние и молодняк. Много было выбито и кадровых офицеров. Из бывших прапорщиков воспиталось немало настоящих боевых офицеров.

Студент-филолог Николай Перлатов был на фронте с начала войны, он воевал уже в чине капитана. Николай Вакар, пошедший на войну вольноопределяющимся, командовал теперь батареей. В 1916 году Бронэк Новицкий бросил институт и пошёл вольноопределяющимся в артиллерию.

Летом 1916 года гимназистка Надя [Анатольевна], дочь Анны Ивановны Вакар, отправилась из Ростова с компанией экскурсантов в Новый Афон. Там она заболела дизентерией и умерла. Там её и похоронили.

В то же время Вера и Надя [Платоновны] Вакары в компании с учителем Ильницким выехали из Киева на Северный Кавказ и через Невиномысскую и Баталпашинск приехали в Теберду. В Теберде они наняли проводника для путешествия по Военно-Сухумской дороге. Переваливши через Клухорский перевал, они отпустили проводника и расположились на ночёвку.

Ильницкий пошёл за водой к ручью, который журчал в ложбине, Вера и Надя развели костёр. По дороге к ручью Ильницкий заметил под буком три фигуры в бурках. Места были дикие, населённые сванами (или сванетами), часто промышлявшими разбоем. Ему стало не по себе. Он был один с двумя девушками двадцати и двадцати одного года. Оружия у него не было, может быть и к лучшему, потому что оружие – наиболее ценная приманка для свана. Вскоре после того как Ильницкий вернулся к костру, появились и три мрачные фигуры в бурках. Один из них вынул револьвер и велел Ильницкому идти с ним. Двое остались с девушками.

– Куда идёшь? – спросил один из них.

– В Сухум.

– Пашпорт имеешь?

– Имеем.

– Ходим с нами до будка.

– Ни в какую будку мы не пойдём.

Разбойники попробовали тащить девушек, но те выхватили садовые ножи, единственное оружие, которое они имели, и стали ими размахивать. Когда один из сванетов хотел схватить Надю за руку, она поранила его ножём. Он выхватил кинжал и ткнул её в бок. Она упала с криком: «Вера, он меня убил!». По-видимому и сами разбойники испугались и ушли. Через несколько минут явился и отпущенный Ильницкий. Вера, имевшая при себе индивидуальный пакет,

забинтовала марлей рану, но Надя идти не могла. Решили ждать утра. Утром сделали из веток носилки, но оказалось, что ноша слишком тяжела.

Тогда Ильницкий пошёл вперёд в селение, которое по карте должно было быть в 13 верстах, чтобы нанять лошадей, а Вера осталась с раненой. Пока Ильницкий шагал к селению, со стороны перевала появилась группа туристов с одной верховой лошадью. Надю устроили на этой лошади и так довезли её до встречи с повозкой, нанятой Ильницким. Пришлось везти её до самого Сухума, и там она провела неделю в больнице. Путешествие их было испорчено.

В то же время Платон Модестович, отец Веры и Нади, тоже имел приключение. Он проводил лето в своём доме в селе Белый Берег. В это время в деревне было не совсем безопасно, иногда заходили вооружённые дезертиры. Поэтому Платон Модестович носил с собой револьвер. Однако он придерживался теории, по которой не хорошо сразу стрелять в человека. Надо сначала выстрелить из пугача, делающего много шуму, но не приносящего вреда. Вот, если разбойник не испугается, тогда уже можно в порядке самозащиты воспользоваться револьвером.

Итак Платон Модестович имел при себе и револьвер и пугач. Он приехал в Киев. Поезд пришёл очень рано. По условиям военного времени ходить в городе так рано было запрещено. Пришлось ждать на вокзале до шести часов утра. Платон Модестович прилёг на скамейке и заснул.

Во сне он повернулся и пугач выстрелил. В пальто выгорела большая дыра, но это было ещё полбеды. На выстрел прибежал жандарм. Платон Модестович предъявил паспорт.

– Вы знаете, что теперь военное время, а вы стреляете на вокзале.

– Я же вам уже объяснил, как это случилось.

– Но вы подняли переполох на всём вокзале.

А Платон Модестович, волнуясь, обыкновенно начинал заикаться.

– Я же-же вам же ка-кажется объяснил...

– Да как же можно в военное время...

– По-послушайте, я вам ру-русским языком говорил. Вы-вы не-по-понимаете. Вы дурак....

В конце августа, закончив подготовку группы к конкурсу, которую Глеб вёл с "Дядей", Глеб выехал на неделю отдохнуть в Кисловодск к Балашовым. В Кисловодске он застал Алёшу Вакара*, а также двух дочерей профессора Б., жившего в Ростове. Решено было компанией идти на Бермамыт. Бермамыт – возвышенность около 8000 футов над уровнем моря**, с которой хорошо виден Эльбрус. Дорога на Бермамыт, лежащий в сорока верстах от Кисловодска, тянется по выжженному плоскогорью. Сам Кисловодск лежит как бы в овраге. Состоятельные люди, отдыхающие в Кисловодске, едут на Бермамыт в экипажах. Глеб и его спутники шли пешком. Таким образом они сделали сорок вёрст за два дня по солнцепёку.

Ночевать на Бермамыте можно было в деревянном домике, где посетители расположились прямо на полу, в тесноте да не в обиде. Но в домике было столько блох, что компания Глеба решила ночевать на воздухе у костра. Было довольно холодно, подогревался только один бок, обращённый к костру. Утром им не повезло – большое облако мешало видеть Эльбрус при восходе солнца. Внизу лежала Хасаутская долина. Она вся была покрыта облаками, как ватой. Однако, из-под этой ваты слышалось блеяние овец, щёлканье бича, гортанные голоса.

---

* Алексей Анатольевич Вакар (1898-1966), сын Анатолия Модестовича Вакара, служившего до своей смерти в 1911-м председателем Прокуратории Царства Польского. Станет польским ученым в области экономики, одним из создателей и руководителей в период немецкой оккупации нелегальной Высшей торговой школы; ректором Академии политических наук, профессором Высшей школы планирования и статистики.

** В метрах – около 2600.

Вид на Эльбрус с плато Бермамыт (фото Павла Богданова)

Вернулись усталые. Александр Иванович Балашов в Кисловодске, по-видимому, процветал. Надежда Петровна чувствовала себя хорошо, раздобрела, дошла до шести пудов.

Глеб пошёл в Кисловодский парк. Опять стоял он на крыше ресторана, как в 1914 году перед началом войны, и смотрел на гуляющую по аллее публику. Публика изменилась. Не видно было адмиралов и генералов. Гуляли больше нувориши, разбогатевшие на войне. Но так же играл оркестр, так же как и раньше девушки в белом подавали стаканы с нарзаном в нарзанной галерее. На "Пятачке" у входа в трельяж толпилась публика. В курзале шла какая то пьеса...

В это время батарея, которой командовал сын Платона Модестовича, Николай Вакар, стреляла через лес по хутору, в котором засели австрийцы. В его батарее служил и вольноопределяющийся Бронислав Новицкий. Николай Вакар командовал прислонясь к старой сосне.

– Ваше благородие, – сказал солдат, – вас к телефону требуют.

Николай пошёл к полевому телефону. Через минуту снаряд ударил в сосну, у которой перед тем стоял Николай Вакар, расщепил её и осколками поразил прислугу соседнего орудия. Следующий снаряд вывел из строя одно из орудий. Австрийцы нащупали батарею.

Новицкий полез с биноклем на верхушку одной из сосен. Он находился на сосне не более трёх минут и вдруг упал на землю. К нему бросился солдат.

– Ну что? – спросил Николай Вакар.

– Убит. Шальная пуля прямо в голову.

42. Год 1917-й

В декабре [1916-го] Глеб закончил последний курсовой проект. Все экзамены уже были сданы и лаборатории зачтены. В январе семнадцатого года он взял задание на дипломный проект у профессора Конрада Эмилиевича Гейбеля. Окончание института, видневшееся раньше в тумане, теперь приблизилось. Ближайшая защита дипломных проектов предполагалась в мае месяце.

А.П. Беклемишев, студент Политехнического института, 1917

В феврале Глеб шёл в институт. Трамваи на Шулявку почему-то не ходили, и он пошёл пешком. Была оттепель, снег таял, на мостовой Бибиковского Бульвара и на Еврейском Базаре стояли большие лужи. На улице чувствовалось какое-то возбуждение. Встречный незнакомый господин крикнул Глебу: «Вы знаете, в Петрограде революция, вся власть в руках Государственной Думы!». В институте все уже знали новости о революции. Все радовались и поздравляли друг друга. Однако подробности ещё были неизвестны.

Через два дня разнеслась весть, что в Киевском Университете находятся три студента, приехавших из Петрограда, они рассказывают о событиях в столице. Глеб и ещё несколько политехников поехали в университет. Там действительно находились три юных студента, рассказывавших с восторгом, как солдаты присоединились к революционной толпе и как городовых сбрасывали с крыш на мостовую... Все, тем не менее, называли революцию бескровной.

Пришла весть об отречении императора Николая Второго, затем и об отречении Михаила Александровича. В институте шёл непрерывный митинг. – «Товарищи! – кричал студент-химик, – надо сменить товарищей, которые стерегут полицейских в участке». В смену попали Лёня Добронравов и Глеб. В участке уходившая смена передала новой смене большие наганы и шашки.

Глеб от шашки отказался: «Всё равно я ею орудовать не умею и не буду», – сказал он. Вся обязанность охраны сводилась к тому, чтобы сопровождать усатых городовых в уборную, расположенную во дворе полицейского участка. «Кто же теперь поддерживает порядок в городе? – думал Глеб, когда его сменили на посту в участке. Он увидел на перекрестках гимназистов с повязками на рукаве. Это была новая временная полиция. «Вот когда будет раздолье ворам, бандитам и дезертирам», – думал Глеб.

У Белингов, проездом из Петрограда в Румынию, остановилась очень дальняя родственница Дмитрия Евстафьевича. Её сопровождал черноволосый красавец – румынский офицер.

– Эта дама – миллионерша, – сказал Глебу Белинг. – Она была совсем не в восторге от того, что видела в Петрограде.

– Это такой ужас, – говорила она, – на моих глазах убили несколько человек.

Художник Мурашко, фото Н.А. Петрова

На митингах кричали о необходимости "углублять революцию". Она на глазах и так углублялась самотёком. Дезертиры вытащили воинского начальника из его кабинета и избивали его на улице. Какие-то бандиты ворвались в квартиру художника Мурашко и увели его с собой. Через час соседи нашли его труп на улице... Раньше был какой-то закон, хороший или плохой. Нарушение его каралось. Теперь никто с законами не считался. Человека можно было убить безнаказанно.*

---

* Речь в этом сюжете идет о художнике Александре Александровиче Мурашке (1875 – 14 июня 1919), выходит, у Глеба случилась аберрация памяти – с 1919-го на 1917-й:

О самых последних днях жизни Александра Мурашко проникновенно рассказал Григорий Лукомский, украинский искусствовед и художник-архитектор. В 1917-1919 годах им пришлось работать вместе. В двадцатые Лукомский уехал за границу. В эти же годы (он умер в 1928-м) издал в Берлине в издательстве «Грани» небольшую книжечку "Венок на могилу пяти деятелей искусства. Памяти Г. Нарбута, В. Модзалевского, А. Мурашко, П. Дорошенко и К. Шероцкого". Почти в одночасье они ушли из жизни. Пять печальных очерков-некрологов. Самый скорбный посвящен А.А. Мурашко.

Я позволю себе пересказать некоторые свидетельства о последнем дне жизни Александра Мурашко.

Лукомский видел Мурашко в день его смерти. "Был жаркий летний вечер. Александр Александрович при новой смене властей остался в сущности вне служебных обязанностей в Академии, — пишет Лукомский, — Антибольшевистские войска шли уже от Житомира на Киев. В ЧК был изрядный сумбур. Произошло много «ошибок» от спешки и неуверенности во власти. И вот то, что постигло бедного А.А. Мурашко, — несомненно, одна из таких ошибок...".

Вместе с женой художник возвращался из гостей в свой домик на Лукьяновке. Он не боялся ходить так поздно. У него был пропуск, выданный "Всеиздатом". В час ночи к нему подошла компания из трех солдат и заявила, что он арестован, что может жене отдать все, что при нем есть ценного, и что его немедленно должны повести на суд. Почуяв неладное, Мурашко просил, чтобы и жена сопровождала его, но ее насильно заставили идти домой. "Едва она дошла до крылечка дома, как увидела, что муж бросился бежать от них. Очевидно, за эту одну-две минуты Александр Александрович определил, что его ведут не в ЧК, а попросту в поле на расстрел без суда, ибо направление, взятое его конвоирами, было как раз в сторону выезда из города, а не на Липки. Зная отлично окрестности и предполагая, что солдаты не знают так хорошо мест этих, он решил добежать до известной ему ямы, канавы, которая образовывала под забором щель, в которую он мог бы пролезть, и, попав в сад, скрыться под покровом темноты. Но едва он влез в эту яму-канаву, как его пиджак (мне врезался в память серый костюм, в котором он был днем, за шесть-семь часов до убийства) за что-то зацепился, и он застрял под забором. Так как он спускался ногами, то голова его осталась по эту сторону, а туловище и ноги были в саду... Его настигли. Момент — и он был бы может быть спасен — но выстрел в затылок — и смерть на

«Народная милиция» в Киеве, начало марта 1917-го

Представители высших учебных заведений образовали Совет Высших Учебных заведений, который заседал в одной из комнат дворца. Руководители Совета разъезжали по городу на автомобиле с красным флагом. Совет принял постановление закрыть университет, институты и высшие женские курсы, с тем чтобы учащихся отправить в деревни и сёла для агитации. Все подчинились этому постановлению, кроме политехнического института. Большинство политехников было против закрытия института.

– А, вы значит хотите спокойно учиться, когда надо идти в народ, в сёла, углублять революцию, – говорили представители большевистской фракции студенчества. – Мы, конечно, согласны с тем, что дипломанты должны кончать, но все остальные студенты должны заняться революцией на селе.

– Это совершенная чушь, – отвечали им, – как мы можем совместно с вами агитировать крестьян, когда мы за то, чтобы крестьяне ждали Учредительного собрания, а вы за то, чтобы они жгли и грабили имения и заводы. Кроме того, вы имеете отсрочку по воинской повинности, потому что вы учитесь. Если вы не хотите учиться, вы должны идти к воинскому начальнику для направления в армию.

Представители Политехнического института были вызваны во дворец и там им предъявили требование подчиниться постановлению Совета.

– Мы вас не уполномачивали принимать за нас такие решения, – отвечали политехники. Политехнический институт вышел из состава Совета.

Был уже апрель месяц. В Петроград приехал через Германию Ленин и произносил свои речи с балкона дома Кшесинской. Везде появлялись большевики. Особенно активно они работали среди солдатской массы. Одновременно в Киеве

месте. Бесследно исчезли убийцы, ценные вещи – у жены. «Случай» стоил жизни талантливейшего художника Украины"... – ***Элеонора Блажко. "Карусель"… Александр Мурашко – художник цвета //"Зеркало недели. Украина", 6 октября 2000 г.***

вели агитацию и украинские националисты, сколачивавшие украинские воинские части.

Демонтаж памятника П.А. Столыпину в Киеве, 17 марта 1917 г.

Глеб усиленно работал над дипломным проектом. В мае серьёзно заболел "Дядя". Вызванный к нему Василий Николаевич Михайлов определил брюшной тиф. Оказывается "Дядя" катаясь на лодке пил воду из Днепра. Через неделю Василий Николаевич стал сомневаться в благополучном исходе: «У него сердце не в порядке, испорчено тяжёлой атлетикой». Больной стал бредить, срываться с постели. При его силе, его трудно было удержать. Мать, отец и сестра, дежурившие около него, сбились с ног. Глеб предложил свою помощь. Он дежурил возле больного в ночь на 17-е мая. Утром "Дядя" умер...

В этот день у Глеба была защита дипломного проекта. Он поехал в Институт совершенно разбитый и подавленный, не помнил, как он отвечал на вопросы...

На Байковом кладбище выросла ещё одна могила с железным крестом. Старики Лепешинские были совсем подавлены потерей единственного сына. Он обладал недюжинными способностями и умер незадолго до окончания института.

В июне с фронта вернулся доктор Анатолий Викторович Вакар. Семья его всё ещё оставалась в Ростове. Старики Вакары были в своём имении в Подольской губернии. Анатолий Викторович остановился в Киеве у своего брата Владимира Викторовича, адвоката. Анатолий Вакар производил несколько странное впечатление, как будто у него была мания преследования.

В разговоре с Глебом он рассказывал о каких-то вещах, нарочно подброшенных ему в чемодан, и при этом хитро подмигивал, как будто бы они с Глебом знают какую-то тайну. В один июльский день Анатолий Вакар исчез. 0н мог поехать к старикам в Подольскую губернию, мог поехать к жене и детям в Ростов, но почему он ничего не сказал брату и его жене?

На третий день служащие гостиницы "Италия" на Фундуклеевской улице обратили внимание на то, что из одного запертого номера слышен какой-то запах, похожий на трупный. Взломали дверь и нашли мёртвого Анатолия Вакара. Он сам

впрыснул себе большую дозу морфия. Владимир Викторович послал телеграммы старикам и Ольге Петровне. Сам он очень тяжело переживал смерть брата.

– Брат умирал возле меня, и я не понял, не почувствовал этого.

Отпевали его в церкви Александровской больницы. В церкви, при отпевании, чувствовался тяжёлый сладковатый запах тления. На погребении были Анна Эразмовна и Виктор Модестович. Ольга Петровна приехала уже после похорон.

Глеб вспомнил, как он читал "Красный Смех" в 1905 году и смотрел тогда на Анатолия Викторовича. Его не сломила тогда японская война, но мировую войну он уже не мог перенести.

Глеб, кончивши институт, подал прошение в Военно-Инженерное училище, находившееся в Киеве на Печерске, недалеко от Зверинца, и был принят*. Его остригли, выдали обмундирование. Теперь он уже не принадлежал себе. Он влился в огромную военную машину, которая уже четвёртый год находится в напряжённой борьбе. По военному времени выпуск офицеров из училища будет ускоренный и тогда он окажется на фронте, будет наводить какие-нибудь понтонные мосты под огнём неприятеля.

Алексеевское инженерное военное училище
(теперь носит название – Киевский военный лицей им. Ивана Богуна,
а перед зданием стоит «советский» Суворов)

Спал он в большом дортуаре, где было человек пятьдесят. Пахло солдатскими сапогами. На уроках гимнастики надо было прыгать через верёвку и приседать. Глеб никогда по-настоящему не занимался гимнастикой и боялся оскандалиться. Среди юнкеров его приёма было всего четыре инженера, один уже немолодой, бывший начальник железнодорожного депо, харьковчанин Шелковников. На пятый день начальник училища вызвал этих четырёх инженеров. Начальником был представительный генерал со слегка седеющей бородой и приятным лицом.

– Я должен отчислить вас, господа, из училища, – сказал он.

– Простите, генерал, почему?

---

* Речь идет об Алексеевском инженерном военном училище, учрежденном в марте 1915 г. и расформированном в ноябре 1917 года. Все выпуски юнкеров были ускоренными, 8-месячными.

– Получен приказ Керенского – всех инженеров изъять из воинских частей и из военных училищ и отправить их работать по специальности с присвоением им звания войскового инженера.

– Но, если я желаю остаться в военном училище? – спросил Глеб.

– Это не зависит от вашего желания, это приказ.

И вот, четыре человека сняли юнкерскую форму и снова надели штатский костюм. Глеб вышел из училища вместе с Шелковниковым.

– Вам-то хорошо, – посетовал Шелковников, – вы киевлянин, вы быстро найдёте работу, а я никого здесь не знаю, я ведь харьковчанин.

Глеб тут же написал записку профессору Ганецкому, который стоял тогда во главе котлонадзора. Это определило дальнейшую судьбу Шелковникова. Он несколько лет работал инженером котлонадзора, пока не стал профессором Политехнического института.

Сам Глеб был в недоумении, что ему предпринять. Хотя он и был киевлянином, но никаких особых связей у него не было. К Ганецкому он не хотел обращаться, так как собирался делать дипломный проект у него, а потом ему изменил и кончал у К. Гейбеля. А главное – у него не было никакого практического стажа, кто его возьмёт? Случайно он повстречал одного из коллег по институту, который сказал ему, что в Земском Союзе срочно требуется технический приёмщик. Глеб тотчас же отправился по данному ему адресу на Софиевскую площадь. Там его встретил председатель приёмочной комиссии Ростовцев. Глеб сейчас же был принят. И сейчас же начались для него трудности.

Земский Союз производил огромную работу для фронта, он имел мастерские и склады и закупал всевозможное оборудование: походные кухни, автоклавы, термостаты, фитинги, медикаменты, сукно, котлы, станки. Закупки производила специальная закупочная комиссия, но деньги за купленное уплачивались только после освидетельствования купленного техническим приёмщиком приёмочной комиссии. Поэтому в этой комиссии имелись специалисты по сукну, по медицинским инструментам и лекарствам и по техническому оборудованию.

Глеб вскоре убедился, что институт вовсе не подготовляет будущего инженера к такой деятельности. Глеба учили рассчитывать части машин и чертить, но он в первый раз видел такие вещи как автоклавы, огнемёты и термостаты. Он не всегда знал названия инструментов, которые принимал. Но не боги горшки обжигают, понемногу он освоился с этой работой. В связи с ней он постоянно был в разъездах. То он ехал в Харьков, где надо было принять автоклавы, то под Кременец, где надо было принять локомобили в поле, то в Тарнополь, где были закуплены котлы.

В Харьков он приехал ночью, после дня, когда в городе было выступление большевиков. Глеба останавливали военные патрули и проверяли его документы. В гостиницах не было свободных номеров, так что ему пришлось бы ночевать на улице, если бы его не приютил артельщик, который должен был оплачивать закупленное оборудование, когда Глеб подпишет приёмочный акт.

Справившись быстро с делом в Харькове и в Белгороде на фабрике канатов, Глеб решил навестить Янушевских в Ростове. У Янушевских он нашёл Павла Степановича, недавно побывавшего в Америке и вернувшегося через Японию и Сибирь. В Америке он закупал оборудование для нового моста через Дон.

С ним приехал и представитель американской фирмы, который должен был следить за установкой механизмов на подъемной части моста, скользящей вверх по двум башням. Разговаривать с американским инженером Глеб мог только при посредстве Павла Степановича, знавшего английский.

Янушевский рассказал, что он посетил заводы Форда в Детройте и познакомился с мистером Фордом. Генри Форд-старший стоял на заводском дворе и смотрел на свои часы. Павел Степанович спросил его, почему он так внимательно изучает свои часы?

– Видите ли, – ответил Форд, – сейчас у меня автомобиль сходит с конвейера каждые пять минут. Я думаю о том, что надо сделать, чтобы автомобиль сходил с конвейера каждые четыре минуты.

– И вот, – добавил Павел Степанович, – пока я доехал через Японию до России, он уже выпускает автомобиль каждые четыре минуты.

Мария Максимилиановна не изменилась, она по-прежнему была центром, вокруг которого вращалась жизнь семьи. Она придавала семье особый уют и радушие. Володи Глеб не застал, он был в Петрограде на первом курсе Института путей сообщения. У Игоря пробивались усики. Лёля и Люда были гимназистками старших классов, почти взрослые девушки. Марьяна только что вышла из-под надзора няни. Карагичев несколько поседел и по-прежнему прочно держался "на краю Гнезда Янушевских", как он говорил.*

Из Ростова Глеб вернулся в Киев.

Поездка в Кременец была путешествием в прифронтовую полосу. Ночевал Глеб в Кременце на постоялом дворе, вход в который был через большое крытое помещение, где стояли повозки и лошади. Ему пришлось ехать на лошадях порядочное расстояние параллельно фронту. Всё время гремела канонада, как будто гром перекатывался по горизонту, так что нельзя было разобрать отдельных выстрелов. Наконец он нашёл помещика, продававшего локомобили, и осмотрел и подверг гидравлическому давлению самые локомобили.

Менее удачной была поездка в Тарнополь. Утром поезд остановился, не доезжая до Тарнополя. Над городом летали немецкие "Таубе", около них вспыхивали разрывы шрапнелей. По шоссе рядом с железнодорожным полотном тянулись автомобили и повозки. Двигались они от фронта, по-видимому было отступление. В самом Тарнополе стояла зловещая тишина. Проходили отряды

---

* Здесь нам показалось интересным добавить, для контраста, сюжеты по «служебной деятельности» П.С. Янушевского в 1917-м.

<…>К осени 1917 года ростовский Комитет внутреннего распорядка, не удовлетворившись прибавками к зарплате в 5, 10 и 15 руб., назначенными Управлением дороги, революционным путем, т.е. помимо администрации, установил новые повышенные расценки на сдельные работы – процент начислений от 250 до 420%. Рядовыми служащими не было учтено, что доходность дороги стремительно падала, а поддержание ее работоспособности требовало огромных средств.

<…>Когда члены комитетов и бюро Ростовского железнодорожного узла узнали, что члены центрального бюро секции паровозных бригад, элиты отрасли, освобождены от несения служебных обязанностей, но получают 5 руб. суточных, то они тут же потребовали того же от начальника службы тяги П.С. Янушевского. После того как администрация выдала авансы машинистам и кочегарам, этого же захотели паровозные смазчики и проводники. Когда сторожам подняли жалование до 30 руб., то кочегары и смазчики потребовали такого же повышения, подчеркивая, что их работа тяжелее и что в отличие от сторожей далеко не все из них обеспечены казенными квартирами. Рабочие Новороссийских железнодорожных мастерских, узнав в марте, что им начисляют военное пособие на 10% ниже, чем в Главных мастерских, обвинили руководство мастерских в сознательном сокрытии денег.

<…>Анархия нарастала. Бывший царский премьер В.Н. Коковцов совершил в ноябре 1917 года поездку из Петрограда в Кисловодск через Ростов и в мае 1918 года обратно в северную столицу через ст. Торговую и Царицын. Его воспоминания содержат много красноречивых фактов. На станции в Ростове глазам пассажиров спального вагона, в котором ехала чета Коковцовых, предстала толпа служащих железной дороги. Это был митинг в ознаменование решения о запрещении с этого дня движения спальных вагонов. Призванный на помощь управляющий дороги Янушевский сказал бывшему премьеру, что готов содействовать, но не имеет более власти на дороге. После долгих переговоров с вереницей делегатов и выдвижения аргументов об оплаченном до Кисловодска проезде машинист согласился вести паровоз со спальным вагоном, но заявил, что необходимо направить в министерство протест. Тогда расписание поездов еще существовало, но к 1918 году движение на дорогах страны потеряло всякую регулярность. В пределах Кавминвод курсировали только местные поезда. – ***О.М. Морозова. Рабочие российских железных дорог в трех революциях. //Вестник гуманитарного института Тольяттинского государственного университета, 2007, №2***

солдат с офицерами в сторону вокзала, слышна была пулемётная стрельба. Это были дни неудачного июньского наступления Керенского.

– Через два часа здесь будут немцы, – сказал офицер.

Глеб махнул рукой на котлы и побежал на вокзал. Состав, в котором он приехал, был уже заполнен ранеными. Глеб влез на площадку, и поезд почти сейчас же отошёл. Потом он пересел в другой поезд. В Волочиске на вокзале сидели офицеры. Среди них был Николай Вакар. Чувствовалось подавленное настроение, наступление было сорвано.

Железнодорожные вагоны были грязны и ободраны. Приехав в Киев, Глеб почувствовал странный зуд. Он поймал на себе двух неведомых насекомых и понёс их к профессору Белингу.

– Так вы думаете, что вы открыли новый вид насекомых? – спросил Белинг, – сколько вам лет?

– Двадцать семь.

– И вы никогда не видели раньше этого насекомого? Вы сделали ваше открытие довольно поздно. Это обыкновенная вошь.

43. Октябрь 1917 года

В конце октября до Киева дошли слухи, что в Петрограде власть захватила группа большевиков, руководимая Лениным. В среде интеллигенции это вызвало возмущение. Путч накануне Учредительного Собрания казался бессмыслицей… Никто не верил, что кучка авантюристов долго удержится у власти. Да и кто мог предвидеть, что этот захват власти и учреждение диктатуры окажет огромное влияние не только на жизнь русского народа, но и на соотношение мировых сил.

Однако в солдатских массах большевики имели немало сторонников. Было известно, что артиллерийский дивизион, стоявший в Киеве, находится под руководством большевиков. Единственной дисциплинированной военной силой в Киеве были юнкера, и их в первую очередь атаковали большевики. Военно-Инженерное училище, из которого в июне ушли Глеб и инженер Шелковников, было подвергнуто обстрелу. Юнкера отстреливались. Был убит большевиками генерал – начальник училища.

Большевикам не удалось захватить власть в Киеве только потому, что не дремали украинские организации, опиравшиеся на украинские военные части. В большевистском артиллерийском дивизионе им удалось снять замки с орудий. Власть перешла к украинской Центральной Раде. Во главе украинских сил, часть которых одели в театральные синие жупаны и поэтому их называли "синежупанниками", стоял Симон Петлюра.

Если первые два Универсала Украинской Центральной Рады объявляли только об автономии Украины, то третий Универсал объявил Украину самостоятельной державой, которая и послала в Брест, где был заключён большевиками так называемый "похабный мир", отдельную от российских большевиков делегацию.

При столкновении украинцев с большевиками был убит один из братьев Пятаковых, Леонид, – большевик. Другой Пятаков, Юрий, народный комиссар финансов, был впоследствии расстрелян Сталиным. Был ещё один из братьев Пятаковых, Александр, который скромно работал в металлографической лаборатории Киевского Политехнического Института, затем был директором сахарного завода, а после расстрела Сталиным Юрия Пятакова – пропал без вести*.

---

* *Мы знаем о двух братьях Пятаковых. Один из них – Леонид в 1917 г. был председателем Киевского ревкома. 25 декабря 1917 г банда "вольных казаков" арестовала его и зверски убила. Его изуродованное тело было найдено недалеко от станции Пост-Волынский. С 1917 по 1937 г. ул. Саксаганского носила название Леонида Пятакова. А его брат [Юрий] в это время возглавлял партийную организацию, позже стал наркомом. В 1937 г. он и остальные братья Пятаковы (их было пятеро) были арестованы и расстреляны.* – ***Неспешные прогулки по Киеву. Ведёт Анна Борисовна Островская (сайт Pandia.ru)***

Провозглашение III Универсала, 2 ноября 1917 г. (в центре: военный секретарь С. Петлюра и глава Центральной Рады М. Грушевский – с седой бородой)

В Киеве началась украинизация учреждений. Выражалась она в том, что во многих учреждениях появились комиссары украинского правительства, и в том, что официальную переписку стали вести на украинском языке. Переписка эта велась безграмотно по двум причинам: многие служащие не знали украинского языка, и в украинском языке в то время отсутствовала научная и техническая терминология.

Затишье в Киеве было временное. Большевики накапливали силы в подполье. Кризис разразился в январе 1918 года. Восстание большевиков началось одновременно на заводе «Арсенал» на Печерске и в железнодорожных мастерских. Украинская артиллерия, стоявшая у памятника Бобринского, била по «Арсеналу». Большевики установили трёхдюймовое орудие на платформе, которую паровоз возил по путям, и стреляли по украинцам. Большевики вели атаку от железной дороги вверх по Караваевской улице.

Украинские части, укрепившиеся в Ботаническом Саду, отбивали атаки пулемётным огнём. Большевики имели временный успех, ворвались в центр города, где бои шли у гостиницы "Прага" на Владимирской улице, там был бой броневиков. Затем успех перешёл на сторону украинцев. Большевики понесли большие потери у вокзала, на «Арсенале» и на Щекавицком кладбище.

Население города в массе своей не принимало участия в борьбе. Оно заперлось в домах и дворах. Домовые комитеты установили домовую охрану, вооружив её чем попало. Глеб жил в это время с профессором Белингом и служителем курсов Сергеем Сергеевичем. Профессор Белинг пилил с Глебом дрова во дворе, а у вокзала шла ружейная трескотня, заглушаемая очередями пулемётов – там умирали люди, одни за Украину, другие за коммуну... Адя Белинг была в Ростове у Марии Максимилиановны, в ожидании ребёнка.

Памятник участникам восстания в январе 1918 г.
(установлен, понятное дело, при Советской власти)

Уличные бои продолжались одиннадцать дней. Во дворе дома Белингов ворота были заперты, против ворот устроена баррикада из дров, охрана имела несколько револьверов. Белинг, во время отсутствия жены, обедал у знакомых, в семье заведующего Ботаническим Садом. Ему надо было пройти только три квартала до входа в сад со стороны Безаковской улицы, но для этого надо было пересечь фронт. Когда он пошёл по Караваевской улице в сторону Ботанического сада, его окликнули:

– Стой, кто идёт? Украинец или большевик?

– Профессор Белинг.

– Проходи.

Через сто шагов такой же окрик. Это была уже украинская линия. Он прошёл благополучно и её. Пообедав он совершил такой же переход через линию фронта. После этого Белинг отказался от обедов в Ботаническом саду. Были мобилизованы все ресурсы, находившиеся в квартире. У Белинга было пшено и спирт, у Глеба – мясные консервы, сухие овощи, сухое молоко и какао. У Сергея [Сергеевича] не было ничего.

В первый раз в жизни Глеб взял на себя функции повара и готовил на троих. Меню было неизменным: перед обедом Белинг разводил спирт водой и все выпивали по две-три рюмки. Закусывали сушёной воблой. Затем шёл суп из сухих овощей с мясом из консервов. Второе блюдо – пшённая каша на сухом молоке. На третье – какао на сухом молоке. После обеда садились играть в карты. С пяти часов начиналась обыкновенно артиллерийская дуэль.

Первым кончился спирт. Это отразилось на настроении. Был слышнее сверлящий звук снаряда. Казалось, что он летит прямо в наружную стену. Глеб даже переставил кровать к другой стене. На десятый день бои прекратились, и Глеб решил пойти к Лепешинским. Однако в этот же день на левом берегу Днепра появились неизвестные военные силы. Это была, так называемая, армия Муравьёва, посланная Лениным для завоевания Киева.

Уже идя к Оле, Глеб увидел русских офицеров, поддерживавших против большевиков Украинскую Раду. Они устанавливали на улице пулемёт. Когда Глеб

шёл между пакгаузами товарной станции, шрапнель уже рвалась в воздухе и тарахтела горохом по волнистому железу складов.

У Лепешинских Глеб нашёл всех целыми и невредимыми и через час отправился в обратный путь по Бульонской улице. Вдоль поперечных улиц работали пулемёты, и приходилось ждать небольших пауз в их работе, чтобы перебежать через улицу. Глеб ожидал такого перерыва в подворотне дома вместе с каким-то человеком.

– Вот положение, – посетовал он, – я член Украинской Рады и Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. У меня есть удостоверения и от Рады, и от Совета. А когда на улице патруль спрашивает удостоверение, не знаешь, чей он. Дашь не то удостоверение – расстреляют на месте.

Глеб добрался домой. Армия, вернее банда, Муравьёва перебив украинскую молодёжь под Крутами, рвалась в Киев. Её артиллерия подожгла зажигательными снарядами дом Грушевского, где когда-то жил Глеб, и дом горел, как свеча.*

Украинские части отступали на Святошино. Туда же отступала и русская офицерская рота, в которой был Николай Вакар. В одной из дач помещался украинский штаб. У ворот стоял худощавый человек в военной шинели. Николай Вакар подошёл к нему.

– Мне надо в штаб, – сказал Вакар.

– К кому?

– К Симону Петлюре.

---

* Левый эсер Михаил Муравьев был назначен командующим советскими частями, наступавшими в декабре 1917 г. на главном направлении кампании красных Полтава – Киев. Под Киевом армия Муравьева насчитывала около семи тысяч штыков, 26 пушек, 3 броневика и 2 бронепоезда. <…>На прикрытие Киева со стороны Черниговской железной дороги был направлен отряд киевских украинских добровольцев: сотня студентов (Народного университета и Университета Святого Владимира) и гимназистов, «Курень смерти» и отряд 1-й юнкерской школы — всего до 450 человек при одной пушке и 16 пулеметах (во время боя к ним присоединилось еще до 80 вольных казаков). В отчаянии командование посылало молодых идеалистов, не нюхавших пороха, на явную смерть. Их задачей стало только задержать наступление… 15 января 1918 г. эти украинские части прибыли на станцию Круты (между Бахмачем и Нежином), где уже на следующее утро встретили красные цепи. Студенческая сотня была практически не подготовлена к бою, многие гимназисты и студенты в первый раз взяли в руки винтовки. В неравном трехчасовом бою украинская оборона была разгромлена, общие потери составили 150 человек, причем часть жертв (30 человек) – расстрелянные большевиками пленные студенты и гимназисты. Большевики потеряли намного больше. Разгром под Кругами окончательно открыл красным путь на Киев.

<…>22 января члены Центральной Рады утвердили судьбоносные решения: "о праве подписания сепаратного мира с германцами в Бресте" и "о созыве Украинского Учредительного собрания 2 февраля 1918 года". В этот же день красные армии Муравьева оказались на околицах Киева. За этот день они захватили Дарницу, Труханов остров, Слободку перед мостом через Днепр. Амбициозный главком Муравьев отдал своим войскам приказ — штурмовать город с ходу, «беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции». Тяжелая артиллерия, развернутая на Слободке, начала систематически обстреливать центр города.

<…>В своем докладе в Москву Муравьев так описал штурм Киева: "Я приказал артиллерии бить по высотным и богатым дворцам, по церквям и попам… Я сжег большой дом Грушевского, и он на протяжении трех суток пылал ярким пламенем". Позднее Муравьев хвастался своими подвигами: "Мы идем огнем и мечом устанавливать советскую власть. Я занял город, бил по дворцам и церквям… бил, никому не давая пощады! 28 января Дума (Киева) просила перемирия. В ответ я приказал душить их газами. Сотни генералов, а может и тысячи, были безжалостно убиты… Так мы мстили. Мы могли остановить гнев мести, однако мы не делали этого, потому что наш лозунг — быть беспощадными! " Муравьев первым в Гражданской войне использовал отравляющие газы (причем сам в этом признался), запрещенные всеми международными соглашениями как изуверское оружие. Газы помогли его армии захватить мосты через Днепр и преодолеть оборонительные укрепления украинских войск на днепровских кручах.

Захватив Киев, Муравьев на неделю стал его полным хозяином, организовав в городе классовый террор, который прошелся косой смерти по интеллигенции, офицерам, буржуазии. По разным подсчетам, только за неделю было уничтожено от двух до трех тысяч киевлян (среди них — около тысячи офицеров и генералов; в числе погибших генералы царской армии и армии УНР Б. Бобровский, А. Разгон, Я. Сафонов, Н. Иванов, Я. Танзюк…). – ***Из Интернета***

– Я и есть Симон Петлюра. Что вам надо?

– Я от офицерской роты. Мы хотим знать, куда вы думаете отступать?

Симон Петлюра

– Мы идём на соединение с немцами, чтобы выбить большевиков.

Николай Вакар вернулся к офицерской группе. Решено было с немцами не соединяться. Сорвали погоны, обшили материей военные пуговицы на шинелях и поодиночке стали возвращаться в Киев. Они не знали, что в Киеве офицеров и военных украинцев хватают на улицах и тащат во дворец, где заседает Военно-Революционный Трибунал. Там было только два приговора: или освобождение, или смерть. Расстреливали тут же напротив, в Мариинском парке.

У Белинга и Глеба были свои заботы – надо было спрятать револьверы. Объявление о сдаче оружия висело на перекрестках. За неисполнение – расстрел. Белинг пошёл со своим Велодогом* в Ботанический Сад, наметил дерево с дуплом, опустил в дупло руку, а там уже наган. В следующем дупле оказался браунинг, в третьем – маузер, в четвёртом – бульдог, в пятом – Смит и Вессон. Белинг перепрятал все револьверы в другие дупла, но через шесть месяцев не нашёл ни их, ни своего револьвера.

Глеб смазал свой браунинг, уложил его в железную коробку и закопал в могиле на Байковом кладбище. Позже он перепрятал его под пол мастерской Общества Дошкольного Воспитания. Это было неудачное место. Там лопнула канализационная труба и браунинг заржавел.

44. Наташа покупает жениха

По улицам ходили солдаты муравьёвской армии. Они хватали людей, казавшихся им подозрительными. Проверяли документы. Многие из солдат были неграмотными. Им сказали, что у украинских военных удостоверения в красных обложках. Но красные обложки были и у студенческих билетов, и у книжек, по которым отпускался денатурированный спирт. В лучшем случае подозрительных

---

* Велодог – карманный револьвер, разработанный Шарлем Франсуа Галаном для защиты велосипедистов от нападений уличных собак (отсюда и название). – ***Из Интернета***

тащили во дворец, перед очи Революционного Трибунала, в худшем расстреливали тут же на улице.

Солдаты Муравьёва заходили и в дома проверить, не скрывается ли там какая-нибудь "контра". В дом Виктора Модестовича Вакара зашла довольно скромная группа солдат. Когда Виктор Модестович выглянул из своей комнаты, один из солдат его успокоил:

– Ты того, старик, не пужайся.

Николай Вакар, в своей офицерской шинели с обшитыми материей пуговицами и срезанными погонами, случайно благополучно добрался до квартиры своего отца.

Не повезло Лёне Добронравову. Он только недавно приехал в Киев из Петрограда, куда был назначен после окончания Военно-Инженерного Училища. На нём тоже была офицерская шинель со срезанными погонами и зашитыми в материю металлическими пуговицами. Его остановили на улице двое солдат:

– Офицер?

– Нет, студент.

– Ну пошли во дворец, там разберут.

Добронравов, как арестованный, шёл впереди. Солдаты шли за ним. Он думал о том, что им надоест с ним возиться и они пристрелят его в спину. Он шёл по трамвайным рельсам и представлял себе, как будет падать лицом между рельсами. Но всё же солдаты привели его во дворец.

В большой комнате было много арестованных и мало мебели. Почти все сидели на полу. У выходных дверей стоял часовой. Революционный Трибунал работал в соседней комнате. Там не искали преступлений обвиняемого. Смертный приговор выносился за принадлежность к определённому социальному слою или за офицерский чин. Для оправдания достаточно было поручительства двух революционных солдат или матросов, что арестованный не враг рабочего класса. Очередь ещё не скоро должна была дойти до Добронравова, но он не мог найти подходящего метода защиты. Главной уликой была офицерская шинель.

В городе у Добронравова была невеста – Наташа. Роман этот начался ещё в студенческие годы, до Военно-Инженерного училища. Они познакомились в театральной очереди. Наташа была полноватой блондинкой, с заразительным смехом. В разговоре она не лезла за словом в карман, облизывала красные губы...

Сосед, сидевший на полу рядом с Добронравовым, благополучно прошёл трибунал и вышел из дворца, неся в кармане записку Добронравова, которую он обещал доставить Наташе. Наташа появилась у дворца очень скоро, но сначала она не могла составить плана действий. Трибунал работал не щадя сил и результаты его работы были слишком очевидны. В Мариинский парк уводили группы людей и раздававшиеся залпы показывали, что "правосудие" совершилось.

Хотя настроение Наташи и было далеко от весёлого, но она принялась зубоскалить с матросами и от них узнала, как работает Трибунал и что нужно для оправдательного вердикта.

– А кто у вас там? – спросил матрос.

– Жених.

– На кой он вам. Вот, сколько здесь женихов, выбирай любого.

– А кто он будет? – спросил другой, – офицер?

– Какой он офицер, Он студент – политехник, а носит перешитую на него шинель брата, который был врачём в германскую войну.

Матросы согласились поручиться за жениха Наташи за сходную цену, по 25 рублей на поручителя. Через час она увела жениха домой.

45. Немцы и Гетман

Часть расстрелянных закопали на месте расстрела, часть увезли куда-то на грузовиках, сняв предварительно сапоги. Из-под брезентов торчали голые ноги.

Потом были похороны убитых революционных матросов и солдат. На улицах появились надписи: "Ревтрибунал", "Судугроза" (судебно-уголовный розыск).

Виктор Модестович Вакар говорил, что самое слово – Судугроза – приводит его в трепет.

Советские учреждения не успели ещё пустить корни в киевскую почву, как немецкие части – союзники Симона Петлюры – оказались под Киевом. Исчезновение большевиков произошло мгновенно. Первое время город был оккупирован одним только немецким бронепоездом, затем по Брест-Литовскому шоссе в Киев вступили немецкие войска. В городе появилась германская комендатура. Какие отношения существовали между "союзниками" – украинским правительством и правительством кайзера Вильгельма 2-го, населению Киева не было известно, но в один прекрасный день оно узнало, что собравшийся съезд "хлеборобов", то есть помещиков, избрал украинским гетманом генерала Павла Скоропадского. Устранение от власти правительства Петлюры, Винниченко и Голубовича, при наличии германских штыков, прошло безболезненно.

Гетман П. Скоропадский (в штатском) со своими офицерами

Вступление немцев в Киев, 1 марта 1918 г.

Гетман назначил новых министров, среди них министром внутренних дел – Игоря Кистяковского, а Юлия Александровича Кистяковского – главноуполномоченным по ликвидации учреждений военного времени*.

Учреждения снова вводили переписку на украинском языке. Сам гетман писал резолюции по-русски. Юлий Кистяковский разослал людей в украинские города – произвести учёт имущества военных организаций. Глеба он послал в Могилёв Подольский. Глеб остановился сначала в гостинице.

Ему пришлось познакомиться с представителями ряда организаций военного времени, ведавшими складами Земского и Городского Союза и парком автомобилей, требующих ремонта. В городе стояли австрийцы. По другую сторону мутного Днестра лежала Бессарабия, захваченная румынами.

Глеб занял разграбленный и полуразрушенный помещичий дом, стоявший на холме над Днестром, и набрал необходимый штат. В качестве помощника он пригласил Юрия Королькова, прапорщика инженерных войск и уроженца Умани**, секретарём был инженер Цупник, обязанности бухгалтера исполнял местный еврей. Приведение в известность имущества осложнялось двумя обстоятельствами. Район был довольно обширный, в него входил и Каменец-Подольск, а транспортные средства были далеки от совершенства. Второе обстоятельство заключалось в том, что австрийцы хозяйничали, ни с чем не считаясь.

Между Гетманом и Германским и Австрийским правительствами существовал договор, по которому эти три союзника делили между собой имущество Российской Армии, как военную добычу, на три равных части. На этом основании

---

* Игорь Александрович Кистяковский (1876-1940), окончил юридический факультет Киевского университета, некоторое время служил приват-доцентом. В 1903 году переехал в Москву, был присяжным поверенным. Одновременно был приват-доцентом Московского университета. Состоял в партии кадетов. В 1918 году в правительстве Украинской державы занимал посты государственного секретаря (3 мая – 3 июня) и министра внутренних дел (3 июня – октябрь).

"Пособником он [(Скоропадский)] нашел себе беспринципного московского адвоката Игоря Кистяковского, циника и совершенно неразборчивого на средства. В августе 1917 года в Москве Кистяковский выступал сторонником Корнилова, осенью – деятельным работником в пользу возрождения России и помощи Добровольческой Армии, а весною 1918 года, в Киеве, он уже говорил, что Россия – пустое место, преследовал русский язык и проявлял крайний украинский шовинизм". – ***Г.Н. Трубецкой. Годы смут и надежд. 1917-1919 гг., 1981***.

После падения Скоропадского И.А. Кистяковский эмигрировал в 1919 году в Константинополь, в 1921 году переехал в Париж. – ***Н.П. Василенко. Академик Богдан Александрович Кистяковский. "Социологические исследования", 1994 г., №2***

Здесь интересно привести сравнение двух братьев – Богдана и Игоря, которые в самом начале XX века действовали в Москве:

В наружности этого скромного, серьезного человека [(Богдана Кистяковского)] было что-то диковинное; великан этот, косолапый и бледный, с огромной опущенной головою, с редкими желтыми волосами, с длинной такого же цвета всклокоченной бородой, оттененной кровавого цвета губищами, напоминал собой смесь жирафы с гориллою; мог бы давить и размером и весом; но гнулся, конфузился; перетерянные голубые глаза не глядели в глаза, опускаясь, моргая; во всем спотыкался: в словах, в интонациях, в жестах, боясь оторвать сапожищем своим платье дам; а когда начинал говорить, гымк и скрежет лишь слышался, точно себя обрывал каждой фразой; такого беспомощного оратора я и не видывал; не представляю себе, как читал свои лекции; и говорил он с акцентом.

А – крупная умница; его любил Гершензон; мне он был симпатичен, являя полнейший контраст с своим братцем, Игорем Кистяковским, тупым и бесчувственным карьеристом, нечистым в делах; и Богдан Александрович относился с брезгливостью к братцу, жалуясь моей матери [(Александре Дмитриевне Бугаевой)]:

— "Я стараюсь у Игоря не бывать; неприлично как-то профессору, мне, из моей обстановки являться в такие роскошные комнаты; Игорь не понимает, что стыдно, безвкусно и глупо такие квартиры устраивать".

Жил Богдан просто: и, кажется, замкнуто, появляясь часто у Гершензона лишь. – ***Андрей Белый. Между двух революций. Главка "Философы"***

** Юрий Николаевич Корольков, родился в семье надзирателя Уманской мужской гимназии, учился в Киевском университете, во время гражданской войны эмигрирует в Польшу.

австрийцы захватывали на складах всё, что хотели, объявляя это своей частью. Когда Глеб стал протестовать, австрийский офицер заявил, что его арестуют. Глеб выехал в Каменец-Подольск.

На обратном пути австрийцы задержали его в каком-то местечке. На площади сооружали виселицу. В соседнем селе парень убил австрийского солдата. Парня поймали и повесили. Село сожгли. Зарево было видно далеко. Население покинуло горящее село. Между пылающими хатами бродили с гоготом гуси, не понимавшие, что случилось.

46. Петлюра осаждает Киев

Глеба перевели в Винницу под начальство бывшего артиллерийского капитана Конисского. Другим помощником Конисского был инженер Водопьянов, молодой худощавый блондин. Под начальством Конисского находилась небольшая канцелярия, заведующие складами и охрана складов из бывших офицеров российской армии, к тому времени переставшей существовать.

В это время (в 1918 году) армии центральных держав сложили на западе оружие и их части стали покидать Украину. Немцы уходили организованно, с оружием, целыми частями. Австрийцы, напротив, лишились всякой дисциплины и распродавали военное имущество, лошадей и автомобили.

Гетманская милиция и охрана складов, пользуясь беспомощностью австрийцев, часто реквизировали их имущество. Прямо на улице забирали лошадей и подводы, гружённые солдатскими сапогами. Был случай, когда охрана складов разоружила австрийских офицеров. Впрочем, после переговоров, оружие на другой день им возвратили.

В это время возникло движение Петлюры против гетмана. Корпус, стоявший в Виннице, сейчас же объявил себя на стороне Петлюры. Собственно никакого корпуса не было, был только комкор, начальники будущих дивизий и несколько офицеров. У Петлюры к тому времени были какие-то части из пожилых "дядек" с винтовками и пулемётами. Петлюра обложил Киев.

В августе этого года Глеб женился на Оле Лепешинской, и Оля оставалась в Киеве. Про Киев рассказывали всякие ужасы: его обстреливает артиллерия и в городе голод. Глеб стремился в Киев – весь вопрос был в том, как в него попасть.

Конисский уехал в это время в Румынию и возложил свои обязанности на Водопьянова. Потом уехал Водопьянов и передал бразды правления Глебу. Глеб, в свою очередь, передал их следующему по старшинству и выехал в Фастов вместе с Юрием Корольковым, жена которого тоже оставалась в Киеве.

Стояла зима, поэтому оба нарядились в жёлтые дубленые полушубки. Ехали ночью на открытых платформах, гружённых почему-то камнем. На камнях сидели русские военнопленные, возвращавшиеся из Германии. Ночь к счастью была не очень морозная. На чёрном небе ярко горели звёзды. До Фастова доехали без приключений. Дальше поезда не ходили. Можно было идти пешком 60 километров, но как перейти фронт? На фастовском вокзале сидели петлюровские солдаты. Вскоре Юрий Корольков обнаружил в Фастове свою тётку, у которой гостила и застряла её сестра Евгения Давыдовна, жена Платона Модестовича Вакара*. Глеб и Юрий нашли там себе пристанище и прожили в Фастове три дня, ожидая падения Киева.

Но Киев не падал и они решили возвратиться в Винницу. В это время из Киева пропустили поезд с уезжавшими в Германию немцами. С ними Глеб и Юрий доехали до Казятина. Здесь поезд сворачивал на Бердичев, и им пришлось остаться, чтобы ждать поезда на Винницу. Поезд на Винницу только что ушёл, они

---

* Речь идет о тетке Юрия Королькова Анне Давыдовне Лагутиной, которая выйдет замуж за некоего полковника Олпенникова, и ее сестре Евгении Давыдовне, ставшей женой Платона Модестовича Вакара. Обе они происходили из семьи бывшего крепостного крестьянина Курской губернии Давида Александровича Лагутина, который имел небольшое торговое дело в Белой Церкви. Соответственно была еще одна сестра, мать Юрия Королькова – Агрипина Давыдовна.

даже видели его фонари. Когда будет следующий, было неизвестно. Поезда ходили без расписания. У Королькова был явно юнкерский вид, ещё усугублявшийся жёлтым полушубком. Его задержал петлюровский страж. Вмешался Глеб и тоже был арестован. Их обоих отвели к украинскому комиссару. Пока их обыскивали, комиссар, пожилой человек с "сивыми" усами, разговаривал по телефону: "Що робили вчора? Грали в карты! Чому не був? дуже занятый"...

После обыска Глеба и Юрия отвели в арестантский вагон. Уже стемнело, и вагон, стоявший без освещения, выглядел зловеще. Они заняли двухместное купе, служившее раньше для охраны арестантского вагона. Теперь верхняя полка была начисто выломана, а обивка нижней ободрана. Голоса в соседнем помещении показывали, что вагон обитаем. Утром выяснилось, что вагон населён проштрафившимися петлюровскими солдатами и арестованными чинами "державной варты", т.е. гетманской полиции. Затем в вагон стали подбрасывать местную интеллигенцию. Посадили главного врача больницы, двух инженеров-железнодорожников и старика, директора сахарного завода, находившегося в 25 верстах от станции. Обед приносили из станционного буфета. Сложнее всего было переносить ночь. В двухместном купе было очень тесно. Два человека ложились на ободранный диван, а остальные – вповалку на полу, ногами под диван. Днём играли в преферанс, благо у Юрия нашлись карты.

Так продолжалось четыре дня. Затем Казятин превратился в поле боя. К станции подъехал немецкий отряд, и петлюровцы решили его разоружить. Немцы приготовились к защите. Началась пальба. Пули пробивали вагонную обшивку, поэтому все арестованные легли на пол. Только директор сахарного завода, помнивший ещё русско-турецкую войну, став на колено смотрел в окно, передавая ход военных действий: цепь перебегает... установили пулемёт... немцы выкинули белый флаг.

Во время боя население вагона собралось было выламывать дверь. Глеб возвысил голос и убедил их отказаться от этой идеи. Они попали бы прямо под пулемётный огонь. Немцев было немного. Когда они сдались, петлюровцы завладели их походным магазином и оказали особую честь рому. Часовой, стоявший при арестантском вагоне и исчезнувший во время боя, появился снова, но уже под спиртными парами. Сначала он был в благодушном настроении и повторял:

– Чекайте, я зараз вас всих повыпускаю.

Но оказалось, что он потерял ключ. Потом его настроение изменилось:

– Ось, я вас усих порасстрилюю.

Положение арестованных изменилось к худшему – обеда больше не приносили. Только директору сахарного завода привозили за 25 вёрст горячую пищу, и он делился ею со своими соседями. Особенно чувствительно было отсутствие воды. Чтобы её раздобыть, надо было идти к разбитому окну уборной и просить какого-нибудь прохожего набрать в бутылку воды из тендера маневрового паровоза. Иной прохожий исполнял просьбу, но были и такие, которые отвечали:

– Тебе воды треба? Тебе, гайдамака проклята, треба голову каменюкою провалить.

Решено было написать заявление комиссару с просьбой разобрать дела арестованных и их освободить. Сидеть в арестантском вагоне было небезопасно. В одном из уездных городков был случай, когда проходившая петлюровская часть вытащила из тюрьмы всех арестованных и расстреляла их, а потом украинский комиссар извинялся в газете перед родственниками расстрелянных: такая вышла неприятность, их совсем не полагалось расстреливать.

Гетман П. Скоропадский сбежал, глава Директории В. Винниченко (в штатском) и С. Петлюра принимают парад, 19 декабря 1918 г.

Итак, написали послание комиссару на не очень чистом украинском языке, указав, между прочим, на то, что когда "була стрелянина", арестованные вели себя хорошо и не пытались бежать. Комиссар вернул послание с резолюцией: "Почекайта, ваши справы буде разибрано. Як бы вы тикали, по вас було б видкрыто вогонь". Через два дня Глеба и Юрия освободили. Всего просидели они в вагоне восемь дней. Они вернулись в Винницу и прождали там ещё около двух недель. Наконец гетман бежал, а Киев пал.*

Эта эпопея отражена в литературе, Булгаков изобразил это время в пьесе "Дни Турбиных", Р. Гуль в повести "Конь рыжий" вспоминает о пленных офицерах, заключённых петлюровцами в музей цесаревича Алексея, а К. Паустовский рассказывает, как он был мобилизован гетманцами и сидел в окопах на Приорке, где защитников Киева обстреляла собственная артиллерия, после чего они разбежались**.

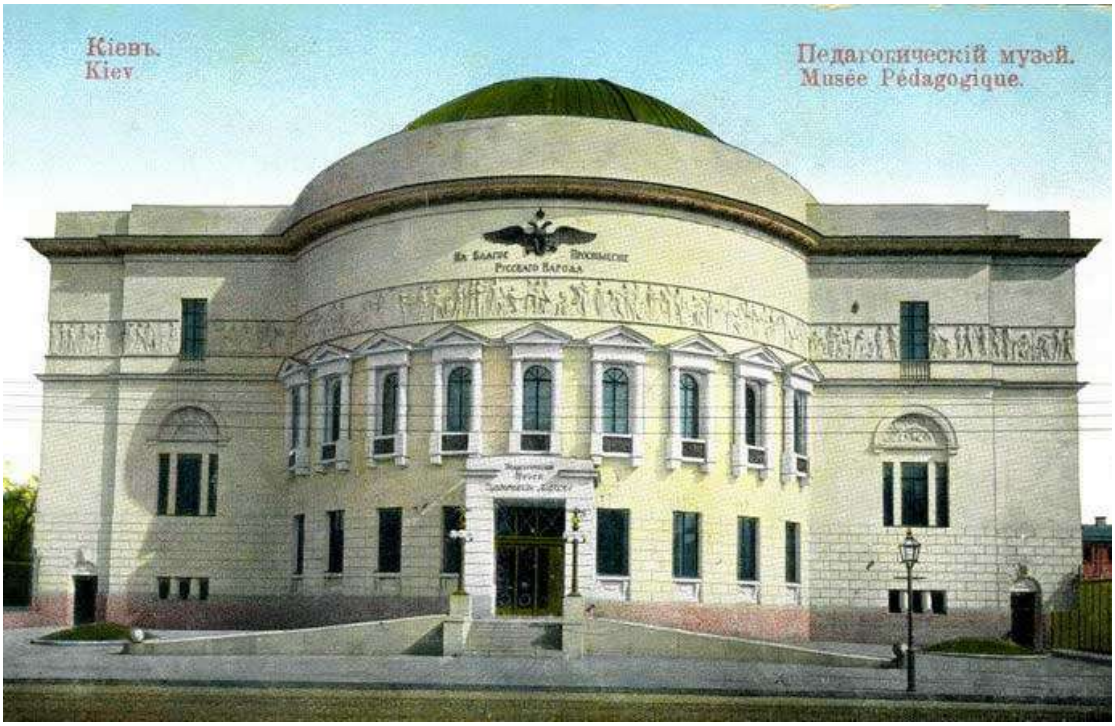
---

* В ночь с 12 на 13 декабря 1918 года начался общий штурм Киева войсками Петлюры. Этот штурм красочно описал Михаил Булгаков в "Белой гвардии". Войска, верные гетману, составляли не более 3000 штыков и сабель при 43 пушках и 103 пулеметах. Петлюровцев, шедших на штурм, было в десять раз больше. Одновременно со штурмом в Киеве вспыхнуло восстание, и несколько сот восставших захватили рабочие предместья столицы, а также "Арсенал" и военное министерство.

Утром 14 декабря в Киев со стороны Поста-Волынского ворвались части сечевых стрельцов. Около 13 часов во дворец Скоропадского прибыла делегация умеренных украинских и земских деятелей с целью уговорить гетмана прекратить кровопролитие. Когда гетман попросил у них совета, делегаты предложили немедленное отречение… В 14.00 Скоропадский подписал манифест, подготовленный украинской делегацией, об отречении от власти и выехал из своего дворца в неизвестном направлении. Вскоре появился еще один документ, подписанный уже правительством гетмана, в котором министры объявляли о том, что «передали власть Директории». К 16.00 стрельцы, захватив железнодорожный вокзал, приблизились к Крещатику. Они уже не встречали никакого сопротивления врага… В то же время повстанцы атамана Зеленого прорвались в центр Киева, где только у Бессарабки их остановил пулеметный огонь гетманцев.

В 20.00 14 декабря весь Киев оказался в руках Директории. На следующий день состоялся парадный вход частей Осадного корпуса в Киев. С этого времени вся полнота власти в Киеве была передана Директорией командованию сечевых стрельцов. Директория прибыла в Киев только 19 декабря. В этот день были организованы праздничные манифестации, молебен, состоялся грандиозный парад войск на Софийской площади. Толпы народа и войска приветствовали всех членов Директории. Украинское духовенство во главе с архиепископом Вишневским, выйдя из ворот Софийского собора, пропело «многие лета» Директории. – ***Из Интернета***

** Константин Паустовский – "Книга о жизни", "глава "Гетман наш босяцкий".



Педагогический музей им. Цесаревича Алексея

Вернувшись в Киев, Глеб нашёл Олю и её родителей невредимыми. С победой Петлюры Киев не потерял своего военного вида. В Харькове большевики образовали второе (коммунистическое) украинское правительство. Через Киев проходили на фронт полки галичан, составленные исключительно из молодёжи. Против них действовали Богунцы и Таращанцы. В этой операции прославился на стороне большевиков Щорс. Довженко посвятил Щорсу специальный, ничем не замечательный фильм*.

Территория, управляемая украинской Директорией, таяла. В то время говорили: "В вагоне Директория, под вагоном территория". В начале марта [1919 года] Киев оказался опять в руках большевиков. Появились вывески с новыми названиями: Совнарком, ВСНХ, Судугроза, Комгосоор.**

47. Гражданская война продолжается

Глеб начал работать в Киеве. Вскоре ему пришлось ехать в командировку на Конотопский снарядный завод, построенный Военно-Промышленным Комитетом во время германской войны и оборудованный станками, произведенными на киевском заводе "Греттер и Криванек". Само путешествие от Киева до Конотопа было небезопасно. В вагонах ехали солдаты Красной армии, воевавшие перед тем с петлюровцами. Вид у них был жуткий. Они никак не походили на солдат

---

* Художественный фильм "Щорс", Киевская киностудия, 1939 г., сценарий и режиссура Александра Довженка.

** Красная Армия, вступив 5 февраля 1919 года в покинутый петлюровцами Киев, ожидала петлюровского контрнаступления, готовясь к обороне. Спасительным для армии Директории стало десятидневное бездействие красных войск, которые, захватив Киев, по-видимому, на некоторое время полностью исчерпали свои возможности к новому наступлению. Вновь обретя Киев, красные правители всерьез рассчитывали на то, что УНР развалится сама по себе или от «внутреннего взрыва восставших трудящихся». Только через шесть дней после захвата города красные ударили в западном направлении, заняв станцию Боярка, хотя всю последующую неделю после потери Киева петлюровские батареи из Боярки вели планомерный обстрел окраин Киева. – ***Из Интернета***

На большевистском новоязе Комгосоор обозначал Комитет государственных сооружений, ВСНХ – Высший совет народного хозяйства.

регулярной армии, ни одеждой, ни манерой себя держать. Но чувствовали они себя, по-видимому, хорошо.

Части Красной армии у памятника Богдану Хмельницкому, февраль 1919 г.

Один красноармеец, сидевший напротив Глеба, рассказывал о своих военных приключениях. Он попал в плен к петлюровцам, попросился "до ветру", и когда петлюровский солдат, конвоировавший его, оставил его одного в уборной, он перескочил через забор и удрал. Следующее приключение с переменой ролей: петлюровец в плену и просится "до ветру". Опытный конвоир просит другого красноармейца посторожить у входа в уборную, а сам прячется за забором. Когда петлюровец пытается убежать через забор, он попадает прямо в лапы своего конвоира. Петлюровца "выводят в расход".

Рассказчик удовлетворённо хохочет: вот, какой он хитрый парень! Хохочут и слушатели... Трагедия в том, что если хитрого красноармейца зовут Сидором, а недогадливого петлюровца Иваном, то оба они случайно оказались по разные стороны баррикады. Иван мог быть красноармейцем, а Сидор петлюровцем. Они были втянуты в нелепую и кровавую войну.

В конце вагона послышались шум и ругань. Красноармейцы вытащили на площадку вагона какого-то обнаруженного буржуя и сбросили его с поезда на ходу.

Глеб благополучно доехал до Конотопа. На снарядном заводе из всей администрации остался один инженер, рассудительный и тактичный человек. На нём одном, за неимением других, сосредоточилась ненависть рабочих. Было созвано общее собрание и Глеб, в качестве "товарища из центра", выслушивал жалобы и обвинения рабочих. Было немало нелепых и демагогических выступлений. Инженер давал свои объяснения. Глеб старался унять бушующие страсти, но для него было ясно, что инженер на заводе не жилец. Лучшее, что он может сделать, это бросить завод и уехать куда-нибудь в большой город. На другой день Глеб выехал из Конотопа.

В киевском направлении было свободнее. Не было в вагонах этой распущенной человеческой массы, специально возбуждённой проповедью классовой ненависти, для которой каждый человек чеховского вида становился

врагом. Сейчас же, естественно, возникала мысль: а почему бы не сбросить его с поезда, пусть найдёт смерть под колёсами, одним буржуем будет меньше.

Поезд долго стоял на станциях, заплёванных и засыпанных лузгой от семечек подсолнуха. В дороге глаз отдыхал на перелесках, тёмных ельниках, на извилистых речках. Думалось – бежать бы вглубь лесов, на природу, в затерявшиеся скиты. Но бежать было некуда...

Опять Киев. Парад на Софиевской площади. Ещё недавно, при гетмане, здесь дефилировали германские полки. Потом, около Софиевского собора, со стороны Владимирской улицы, выступал перед толпой Симон Петлюра. Теперь парад принимали, стоя на грузовиках, Троцкий и Подвойский. Около памятника Богдану Хмельницкому маршировала группа матросов, за ними шли красногвардейцы в штатском, подпоясанные верёвкой, с винтовкой за плечами. Над площадью летал одинокий самолёт. Троцкий и Подвойский по очереди выкрикивали лозунги, на которые матросы и красноармейцы отвечали жидким "ура". Думал ли тогда Троцкий, что он окончит жизнь в Мексике, и как её он окончит?

Глеб встретил инженера Цупника.

– Где работаете?

– В Комитете Государственных Сооружений. Не хотите ли к нам поступить?

– Что же вы сооружаете?

– Да пока, собственно, ничего.

Глеб продолжал работать в умиравшей комиссии по ликвидации учреждений военного времени. Теперь он, по рекомендации Цупника, поступил в один из отделов Комгосоора. Ближайшим его начальником был инженер Цукер, походивший больше на коммерсанта.

Штаты Комгосоора необыкновенно распухли. Хотя учреждение шумело, устраивало заседания, но абсолютно ничего не сооружало. После нескольких мелких поручений Глеб был назначен председателем комиссии по передаче автомастерских, находившихся в ведении Комгосоора, в распоряжение ОВИУ (Окружного Военно-Инженерного Управления). Так как комиссии, председателем которой Глеб был назначен, не существовало в природе, Глеб занялся её работой в единственном числе. Во главе мастерских стоял бывший офицер Рузский, а рабочие были ловкачи-шоферы, припрятавшие моторы своих машин. Мастерские ремонтировали автомашины и собирали из трёх мотоциклов один. Во всяком случае работа в мастерских кипела или казалось, что она кипит.

– Переходите к нам, – предложил Рузский.

Сказано – сделано. Глеб составлял списки оборудования и персонала мастерских. По совету Рузского он вставил себя в список штата и в то же время подписал документы передачи, как представитель Комгосоора вместе с принимавшим мастерские представителем ОВИУ. В то дикое время можно было делать самые удивительные вещи. Никто не верил в какую либо ответственность, потому что никто не верил в то, что существующий режим продержится дольше нескольких месяцев.

Автомобили и мотоциклы в то время ходили на спирте, смешанным с бензолом, нефть и бензин были отрезаны на юге Добровольческой армией. Однако примесь бензола рабочих не стесняла. Можно было видеть как рабочий, нацедив спирт с бензолом из бака машины, пьёт эту смесь, запивая её потом водой…

В это время Николай Вакар, бывший артиллерийский офицер, нуждался в легальном положении. Начальник мастерских соглашался принять его в качестве фиктивного чертёжника, но приём новых служащих без Биржи Труда был запрещён. При требовании с Биржи чертёжника могли прислать кого-либо другого. Глеб предложил следующий план: Николай Вакар должен зарегистрироваться на Бирже, как чертёжник, знакомый с деталями автомобиля и знающий французскую терминологию, а мастерские посылают требование на чертёжника именно такой квалификации.

Расчёт оказался верен – Биржа прислала Николая Вакара. Затем Рузскому потребовался комиссар. Разыскали 18-тилетнего юношу Аубенца, которого и утвердили безвредным комиссаром мастерских.

В то же время Глеб заведовал небольшой деревообделочной мастерской, изготовлявшей учебные пособия и игрушки, и ездил на велосипеде на Демиевку, где преподавал на курсах для рабочих.

Тем временем положение Киева становилось всё сложнее: по левому берегу Днепра приближалась Добровольческая Армия, а с юго-запада наступали петлюровские части. Оля уехала на несколько дней к знакомым в Белую Церковь. Глеб встречал её на вокзале. Поезд, который должен был придти в 4 часа дня, не пришёл и в 8, и в 12. Глеб остался на ночь на вокзале. Ночью происходила проверка. Всю толпу пропускали через фильтр из вооружённых матросов, проверявших документы и допрашивавших, почему человек ночует на вокзале. В шесть утра Глеб пошёл домой, поезд пришёл в семь, и Оля появилась дома в 8. Какой-то добрый человек дотащил её чемодан. Для переезда поездом из Белой Церкви в Киев теперь, вместо обычных трёх часов, потребовалось двое суток.

Наконец все железные дороги, ведущие к Киеву, оказались перерезанными. Большевики уходили по Черниговскому шоссе и по Днепру, Десне и реке Сож. Командир военной флотилии большевиков, Полупанов, на прощанье обстрелял ночью Киев, ещё находившийся в руках большевиков, из орудий. На следующий день Добровольцы перешли через Днепр, заняли Печерск и спустились на Крещатик. Здесь они застали петлюровские части, вошедшие в Киев через Шулявку и Демиевку. На здании Думы висел жёлто-голубой флаг. Добровольцы водрузили рядом трёхцветный [российский] флаг. Петлюровцы сорвали его.

Добровольцы ударили по Крещатику из пулемётов. Киев остался за добровольцами.* Но большевики задержались на близких к Киеву рубежах. Киев оставался прифронтовым городом. Офицеры сидели в киевских кафе. Были открыты подвалы на Садовой улице и похоронены жертвы Чрезвычайной Комиссии.

---

* Общий кризис власти и экономики в Советской Украине был главной причиной поражений, а крестьянские восстания, которые захватили все украинские уезды, подрывали шаткие основы диктатуры пролетариата на местах. В августе 1919 года Красная Армия в Украине переживала время собственного разложения и дезорганизации. Зажатая с запада и востока наступавшими петлюровцами и белогвардейцами, она была неспособна даже к пассивной обороне, захваченная настроениями отступления к Москве. Успеху Киевской операции армии Петлюры оказали неоценимую помощь белогвардейцы, в августе 1919 года успешно наступавшие на Одессу и Киев с востока, выдавливая части Красной Армии из Украины. Красные, спешно покидая Украину, надеялись вывести свои силы из-под двойного удара, грозящего полным окружением, и обрести спокойный тыл.

Около трех часов дня 30 августа 1919 года части галичан и запорожцев подошли с востока и юга к предместьям Киева, а к семи часам вечера того же дня войска армии УНР вошли в центр Киева. Петлюра телеграфировал о своем прибытии в Киев 31 августа «на парад». Но белогвардейские части, которые в это же время прорвались к Киеву через Левобережье, смешали петлюровцам все карты. Вооруженное столкновение между петлюровцами и белогвардейцами в Киеве привело к тому, что петлюровские войска были вынуждены покинуть Киев уже 1 сентября 1919 года.

<…>1 сентября 1919 года группа генерала Бредова вошла в Киев, который к этому времени уже находился в руках армии Петлюры. Взятие Киева — "матери городов русских" – имело огромное политическое значение для движения. Деникинская пропаганда уверяла, что захват "первой столицы" предшествует захвату второй столицы – Москвы. После захвата Киева белогвардейцами киевская группировка генерала Драгомирова, державшая фронт по реке Ирпень и у Фастова, насчитывала всего 8 тысяч штыков и сабель.

Во второй половине сентября 1919 года коростенская группировка красных заметно активизировалась, после соединения ее с вышедшей из окружения у Житомира Южной группой Якира. 14 октября красные (правый фланг 12-й армии, освобожденный от угрозы прорыва поляков вследствие перемирия и из-за угрозы ударов петлюровцев, вследствие тайных переговоров), внезапным наскоком разгромив заслоны на реке Ирпень, выбили белые части из Киева. Основные части генерала Бредова отступили на левый берег Днепра, хотя в районе Киев – Печерск продолжались бои. После двух дней уличных боев белые сумели вернуть себе Киев, но на левом участке фронта белогвардейцев сохранялась опасная нестабильность. – ***Из Интернета***

Встреча генерала Май-Маевского (крайний слева) с «благодарными горожанами» (2-й слева – генерал Бредов, 6-й – генерал Юзефович), Киев, сентябрь 1919 г.

В автомастерских Глеба произошли перемены. Некоторые рабочие оказались офицерами и пришли в полной форме. Старик-стекольщик оказался даже полковником. Другие рабочие сорвали доски со стен мастерских и, вытащив оттуда моторы, спешно приводили свои автомашины в рабочее состояние. Хотя военно-техническая комиссия Добровольцев и посетила мастерские, но никакими работами их не нагрузила. Рузский нанял контору и склады и приготовился видимо вести крупные коммерческие операции.

В это время заболела Оля. Глеб пригласил Василия Николаевича Михайлова, и тот определил брюшной тиф. Глеб продолжал ходить в мастерские, хотя чувствовал себя тоже не совсем хорошо. В мастерских он завтракал помидорами, огурцами и водкой.

На четвёртый день Михайлов осмотрел его и сказал:

– Ложитесь-ка и вы, у вас тоже брюшной тиф.

Началась длинная болезнь. Всё путалось в голове Глеба. Он вспоминал смерть "Дяди", и ему казалось, что из этой болезни не вылезть. Олю он не видел, она лежала в соседней комнате. Когда оба перевалили через кризис, появился острый аппетит. Многого нельзя было есть, а иногда и вообще нечего было есть. Был момент, когда в доме остались две "керенки" по 20 рублей. Мария Георгиевна пошла на базар купить для больных молока. Она договорилась с крестьянкой и уже перелила молоко в свою посуду, но крестьянка забраковала обе "керенки" и больные остались без молока.

– Ах, как хочется есть. Сколько ещё осталось до следующего приёма пищи? Неужели ещё час? А дадут лишь всего одно печёное яблоко...

Оля говорит из соседней комнаты:

– Ты отдашь мне своё печёное яблоко?

– Яблоко? – отвечает Глеб, – но ведь ты имеешь своё яблоко. Нет, всё что хочешь, но не яблоко. Печёное яблоко – я мечтаю о нём всё утро.

В октябре большевики ворвались в Киев. Бои велись в городе. Пули пробивали стёкла и залетали в комнаты, где лежали больные. Отец Оли перенёс их на руках в задние комнаты квартиры.

Большевики из Киева выбиты. Силы понемногу вливаются в истощённые организмы. Глеб первый стал ходить по комнатам, держась за мебель. Он вошёл в комнату Оли. Она лежала стриженная, исхудавшая. Ей можно было дать семнадцать лет. Увидев Глеба, она заплакала. Он был похож на Кощея. В ноябре Глеб стал выходить на улицу. Оля поправлялась медленно. На улице стояла глубокая осень, ржавые листья каштанов, смоченные дождём, шуршали под калошами. Глеб учился ходить, держась за заборы. Город имел мрачный вид, тот особый вид, который приобретает город, у ворот которого стоит неприятель, город, который должен пасть. Вопрос только в том, падёт ли он через день или через две недели.

В это время пришло письмо от Надежды Петровны Балашовой из Кисловодска. Она звала Глеба и Олю приехать к ним. Там, живя в санатории, они скорее поправятся. Оля была ещё очень слаба, и при обсуждении её поездки принимались противоположные решения – то ехать, то не ехать. Относительно Глеба сомнений не было – надо ехать. Всем представлялось будущее в таких чертах: большевики возьмут город, но продержатся в нём три недели, месяц, может быть два. За это время они мобилизуют и вывезут всех, кого захотят. Глеба, как инженера, они, конечно, заберут и таким образом разлучат с Олей. Глебу необходимо ехать.

Он нашёл уже и компанию: в Ростов-на-Дону едут профессор Белинг (у него в Ростове жена Аделаида и дочь) и доктор Зуев. Они уже нашли вагон с легкораненными офицерами, который стоит на товарной станции и вот-вот отправится в Ростов. Офицеры согласны взять к себе всех трёх, включая Глеба. Глеб каждый день навещает вагон. Это хорошая теплушка с печью и обшитая внутри листами войлока. Каждый день решается и перерешается вопрос о поездке Оли. Большевики видимо готовятся к общей атаке. Первого декабря всё население вагона в сборе. Сегодня вагон должен уйти. Оля плачет и решает остаться.

Наступает ночь. Артиллерия грохочет с левого берега, не умолкая. Полнеба охвачено как бы заревом. А вагон всё стоит. Вот уже утро. Подали паровоз. Состав двинулся и дошёл до Поста Волынского. Здесь паровоз исчез. Все пути забиты брошенными составами. На некоторых платформах самолёты с кругами – добровольческими опознавательными знаками. Ничего не остаётся, как выйти из теплушки и идти пешком. У Глеба за плечами рюкзак, ноги после тифа не хотят сгибаться. Из города доносится пулемётная стрельба – там на улицах умирают люди.

По обе стороны железнодорожных путей тянутся непрерывные чёрные вереницы людей, резко выделяющихся на фоне снега, покидающих город. Иногда среди чёрных пальто видны серые военные шинели. Два офицера, с черепом на рукавах, останавливают их и убеждают вернуться в город, где идёт бой. По рельсам медленно ползёт состав. Белинг и Зуев вскочили на площадку. Глеб со своими непослушными ногами отстал. На следующую площадку его не пустил солдат-доброволец. Глеб взлез на третью площадку и вошёл в вагон. Только теперь он понял, что попал в запасный состав бронепоезда.

В вагоне были бойцы – всё молодёжь, даже не студенты, а гимназисты. С ними девушки, сёстры или невесты, и один старик – доктор и отец одного из бойцов. Около Боярки с поездом поравнялся боевой состав бронепоезда. Молодёжь в вагоне, представлявшая смену, приветствовала своих боевых товарищей. Это были такие же мальчики, только закопченные в дыму. Они рассказывали об артиллерийской дуэли, которою они имели с большевиками у железнодорожного моста. На станции Киев-пассажирский им загромоздили путь вагонами, но они их раскидали.

В Фастове Глеб и его спутники пересели в поезд, шедший на Белую Церковь. В Белой Церкви они провели день и ночь в семье знакомого Глебу дорожного мастера. На следующий день они сели в последний вагон, прицепленный к поезду генерала Бредова.

До станции Цветково предполагалось, что поезд пойдёт на Знаменку и на Ростов. Но затем выяснилось, что за Знаменкой начинается район, где хозяйничает какой-то полубольшевистский атаман. Поезд свернул на одесскую линию через Христиновку. Задний вагон в Цветково отцепили. Доктор Зуев устроился в вагоне Красного креста. Относительно проф. Белинга Глеб обратился к генералу Бредову и получил разрешение поместить Белинга в один из вагонов. Но куда деваться самому Глебу?

Он услышал разговор о том, что нельзя доверять паровозной бригаде. Глеб вызвался, как бывший помощник машиниста и инженер, дежурить на паровозе. Продежурив двенадцать часов, Глеб, смененный офицером, явился в вагон-кухню и заявил, что ему требуется отдых после дежурства. В кухне он и ехал до самой Одессы. Один из кухонных солдат опротивел Глебу, рассказывая другому солдату, как он добивался побед над особами женского пола. Рассказы его были необыкновенно грубы и изобличали рассказчика с самой подлой стороны. Сам он этого видимо не находил, наоборот хвастался своей предприимчивостью.

Была одна ночь, когда состав заночевал по-видимому поблизости от района банды. Всем роздали винтовки. Глеб, который никогда не стрелял из винтовки, попросил показать, как щёлкать затвором, подавая следующий патрон. И его дежурство и вообще ночь прошли спокойно. Проехали Раздельную, приближались к Одессе. "Одесса-мама" была охвачена паникой. Все стремились её покинуть. К счастью для наших путешественников у Белинга оказались полезные знакомства в Управлении Пароходства, и он получил три билета на пароход Добровольного Флота "Херсон", уходящий в Новороссийск. Огромная толпа осаждала "Херсон". Офицер-моряк старался поддержать порядок, размахивая браунингом.

Наконец три киевлянина пробились сквозь толпу, поднялись по трапу и оказались глубоко в трюме. Здесь было много людей, штатских и военных, метавшихся между черноморскими городами. Но ещё больше было белых насекомых. Они совершенно открыто и бесстрашно ползали по полу и койкам. Глеб проснулся среди ночи. Машины работали как-то странно, с какой-то потугой. Их работу сопровождал скребущий звук.

Глеб узнал, что "Херсон" сел на камни и старается с них сняться. Весь его корпус содрогался от напрасных усилий. Глеб опять уснул. Проснувшись утром, он заметил, что машины работают нормально. Оказывается ночью пришёл из Одессы буксир и снял "Херсон" с камней. Глеб поднялся на палубу. На палубе расположились донские казаки, возвращающиеся из Франции, где они входили в состав Русского корпуса. Некоторые казаки находились в разгаре сыпного тифа. Один из них перерезал себе бритвой горло, другой бросился в море. Пароход, наполненный тифозными и вшами, представлял собою какой-то плавучий ад...

А внизу на ступеньках лестницы сидели молодая девушка и молоденький офицер. Они мило разговаривали, как будто вокруг не ползали вши и как будто их не поджидала за углом смерть. На них одновременно было и приятно и жалко смотреть. Почему на их долю выпала эта жуткая эпоха? А ведь в историю эти годы войдут, как эпоха Великих Революций...

В Севастополе "Херсон" стоял три дня. Дама, ехавшая на "Херсоне" и жившая в Севастополе, пригласила к себе Белинга, доктора и Глеба. Было приятно очутиться в чистой семейной квартире и было стыдно своих грязных воротничков, помятых костюмов и главное – отвратительного чувства присутствия на теле насекомых. Потом ходили из кино в кино. В каком-то кабаре выступал Александр Вертинский, Глеб помнил его по гимназии. Голова Вертинского была забинтована белым, в руке он держал трёхцветный флаг и нараспев читал патриотические стихи. За эти три дня Белинг успел съездить в Ялту, где у него были родственники. Затем "Херсон" вышел в море, держа курс на Новороссийск мимо крымских берегов. Глеб вспоминал своё путешествие по Чёрному морю в 1911 году. Те же берега, но как всё изменилось.

Тогда он стоял в начале жизни, которая открывала ему новые картины и вселяла веру в лучшее будущее. Сейчас, всего через восемь лет, он снова проходил тот же путь, но кругом были страдания, смерть и безнадёжность.

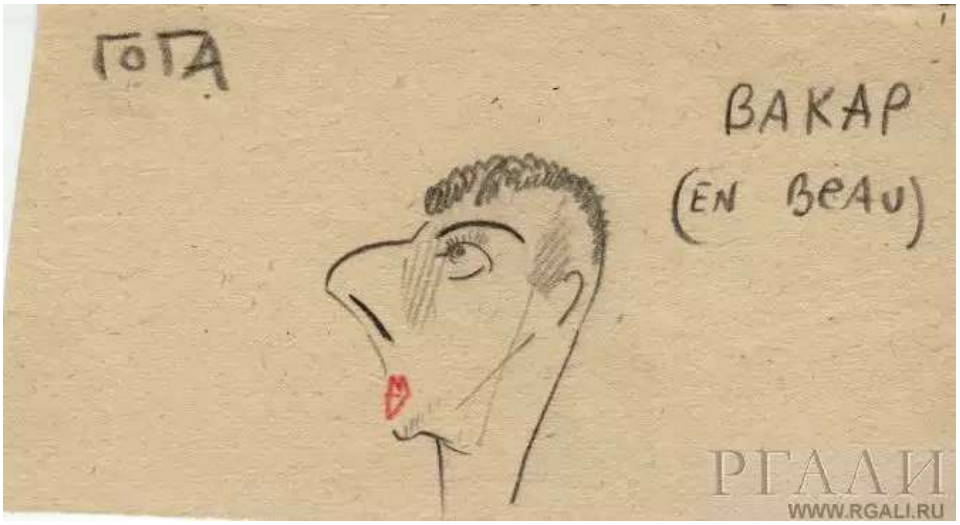
"Херсон" вошёл в Новороссийский порт под новый 1920 год. Он походил на плавучий лазарет. Везде лежали больные сыпным тифом, все, с кем успел познакомиться Глеб за плавание от Одессы до Новороссийска, и офицер с милой и красивой женой, и барышня, беседовавшая с юным офицером и сам юный офицер. Глеб удивлялся, почему он и Белинг не заболели. Доктор Зуев заболел, но уже на берегу. Какое мрачное место Новороссийск, особенно зимой, когда всё обледенело под норд-остом. Утром воют гудки и в серой мгле идут рабочие цементных заводов. Кому нужен сейчас цемент, когда ничего не строят и всё разрушают?

Ростов уже взят большевиками. Бои идут где-то под Тихорецкой. На путях Новороссийска стоят длинные составы. Они никуда не двигаются. В них живут беженцы из Ростова, Киева, Харькова, Москвы, Петрограда. Кого только тут не встретишь? Вот Юлий Кистяковский – член гетманского правительства в Киеве, семья Кригер-Войновского – председателя правления Владикавказской железной дороги и последнего министра путей сообщения в царском правительстве. В одном из составов живут инженеры Киевского Округа Путей Сообщения. В помещении при железнодорожных мастерских, где остановился Глеб, рядом с ним расположился Семёнов, владелец булочных Москвы, вместе со своей милой женой, коренной москвичкой.

Неожиданно Глеб встретил Николая Вакара. Он уезжал за границу с женой, в составе какой-то комиссии командования вооружёнными силами Юга России.

–Ты знаешь, здесь и Володя. Он уезжает в Крым, – говорит Николай.

Глеб пошёл в порт искать Владимира Викторовича Вакара. Вот этот маленький пароходик. Глеб шагает на палубу и открывает первую дверь наудачу. В маленькой кают-компании он сразу натолкнулся на Владимира с женой Марией Антоновной и тринадцатилетним сыном*. Мария Антоновна была, как всегда, спокойна. Но Владимир выглядел сумасшедшим. Он вообще имел чрезвычайно нервную организацию, но сейчас он потерял самого себя. Он, социал-демократ, большевик в прошлом, христианский социалист в настоящем, бежал от большевиков. Владимир уезжал в Керчь. Глеб боялся, не сойдёт ли он с ума.



Дружеский шарж С. Эйзенштейна на Игоря Вакара, [1942-43]

– Чего ты так волнуешься? – сказал Глеб, – сейчас всё идёт чёрт знает как. Николай Луначарский, брат Анатолия Луначарского, тоже бежит от большевиков. Это, брат, не политическая партия, а бич Божий, вроде Чингиз-хана. Слова Глеба,

---

* Речь идет о сыне Владимира Викторовича и Марии Антоновны Вакаров Игоре. Последний в 1940-х «попадет в историю» – его в дружеском шарже запечатлеет сам Сергей Эйзенштейн! Игорь Вакар (1906—1977) — кинопродюсер, директор таких фильмов как: "Ленин в Октябре" (1937), "Александр Невский" (1938), "Иван Грозный. Сказ второй: Боярский заговор" (1945), "Весна" (1947), "Встреча на Эльбе" (1949), "Секретная миссия" (1950), "Горе от ума" (1952), "Убийство на улице Данте" (1956), "Летят журавли" (1957), "Ветер" (1958).

кажется, не доходили до сознания Владимира. Глеб попрощался с ним. Ах, этот мрачный Новороссийск! Серо, дует ветер, на окраинах хлопают винтовочные выстрелы. Навстречу идёт коллега Глеба по Институту, инженер Пестов.

– Что делаете?

– Ничего не делаю. Что тут можно делать?

– Хотите работать крановщиком на паровом кране? Сбрасывать больные вагоны?

– Идёт.

Два дня Глеб учится работать крановщиком. Затем освободилось место помощника машиниста на маневровом паровозе при ремонтных железнодорожных мастерских. Между дежурствами Глеб идёт по Новороссийску. Новороссийск этого времени описан Евгением Чириковым в повести "Мой роман". Навстречу Глебу идёт Эдуард Брониславович Войновский с женой и сыном Сергеем.

– А где же Митя?

– Митю расстреляли большевики на станции Сосыка.

Эдуард Брониславович устроил Глебу перевод в Минерало-Водское депо. Там уже рукой подать до Кисловодска, где живут Балашовы. Всё уже оформлено, когда Глеб получил ответ на своё письмо Надежде Петровне [Балашовой]. В самом Кисловодске есть вакантное место смотрителя зданий по службе пути. Переделывать перевод в Минеральные Воды уже невозможно, но Эдуард Брониславович пишет частное письмо к начальнику дистанции в Минеральных Водах.

Глеб выехал из Новороссийска вместе с Юлием Александровичем Кистяковским, решившим осесть в Кисловодске. Его жена с младшими детьми была в Ростове, старшие дети – в Киеве. Стояли морозы. Окна вагонов заиндевели. Кистяковский чувствовал себя явно не хорошо. В Минеральных Водах пересели в поезд на Кисловодск.

Утром постучали в дверь туберкулёзного санатория, которым заведовал доктор Балашов. Вышла няня, за ней Надежда Петровна. Она раздобрела, дошла до шести пудов веса, но при её росте это не бросалась в глаза. Александр Иванович стал в Кисловодске модным врачом. Хотя заведование туберкулёзной санаторией отнимало у него много времени (хозяйство её было организовано превосходно), он имел ещё частную практику. Подумывал об открытии частной санатории вместе с другим врачом и частично закупил для неё оборудование. Всё это было сейчас, во время гражданской войны, несвоевременно.

Балашов купил дом с садом на Минутке, там семья проводила лето. Девятилетние дочки-близнецы были совершенно различны: Таня – тёмная шатенка с большими серыми глазами, Мара – чёрная, с чёрными глазами навыкате, как у отца. Надежда Петровна, освобождённая от всяких хозяйственных забот (всё хозяйство лежало на муже), много занималась скульптурой и писала пастелью, сделав большие успехи. Некоторые написанные ею пастельные портреты поражали и сходством с оригиналом, и техникой, и индивидуальной манерой писать. В семье чувствовался мир и достаток. Как будто бы Глеб и Кистяковский за ночь перенеслись из Новороссийска, заполненного беженцами, в другой мир. Но было ясно, что мир этот совсем непрочен, может быть доживает последние свои дни. Состояние Кистяковского внушало серьёзные опасения. Балашов осмотрел его и поставил диагноз – сыпняк. Кистяковскому наняли комнату, уложили в постель и пригласили к нему медицинскую сестру. Болезнь сразу приняла бурный характер.

Глеб поехал в Минеральные Воды. Начальник отделения был в отъезде. Глеб явился к начальнику дистанции с частным письмом Кригер-Войновского. Начальник дистанции, оказавшийся не старым ещё путейцем, встретил Глеба по-дружески. Обратно Глеб ехал в замороженном вагоне. Стояли не совсем обычные для этих мест морозы – минус 16 градусов по Цельсию.

В Кисловодске Глеб принял железнодорожное хозяйство, в которое кроме курзала и водонапорных баков входил ряд домов, где жили железнодорожные служащие. Они сразу завалили его просьбами: переложить печи, починить двери

и т.д. В курзале, в котором помещался лазарет, надо было перевести калорифер с угольного отопления на нефтяное, поставив форсунку Шухова. У Глеба был помощник – молодой техник, а рабочая сила состояла из пленных – орловских парней. Они жили на свободе в бараке и, если бы они не захотели работать, не было никаких средств, чтобы их к тому принудить. Парни эти были мобилизованы большевиками против их желания и захвачены казаками.

– Тут самое важное чтобы в первую минуту не порубали, – говорили они. – Если сразу не зарубят, то потом ничего, жить можно. И накормят и не обидят.

Никто точно не знал, каково положение на фронте. Было ясно, что фронт движется от Тихорецкой по направлению к Минеральным Водам. От подъезда санатории была видна виселица на Пятницком базаре. Чёткая фигура вырисовывалась на ней.

В Кисловодске было несколько семейств беженцев. Женщина-врач, больная туберкулёзом, жена добровольческого генерала с сестрой-гимназисткой, мать с двумя дочерьми, симпатичными, но некрасивыми девушками, художник и отставной генерал, приходившие к Надежде Петровне работать с общей натуры. Был ещё туберкулёзный больной, Сергей Александрович, бывший начальник станции. О нём было известно, что он выдал добровольцам какой-то телеграфный шифр большевиков, почему приход большевиков сулил ему опасности.

Как-то Балашов устроил ужин, на который пригласил музыкантов-киевлян. Это были музыканты и музыкантши – евреи, которых добровольцы привезли в виде музыкального ансамбля. Сейчас они никому не были нужны и мечтали о возвращении в Киев. Положение Кистяковского быстро ухудшалось. Балашов сказал, что он не перенесёт кризиса. Когда Юлий Александрович Кистяковский умер, его похоронили на пустом (в смысле растительности) Кисловодском кладбище. Так Кистяковский избежал встречи с большевиками, которая ему, бывшему гетманскому министру, не сулила ничего хорошего.

В начале января стояли ещё морозы. С фронта привезли теплушку. Когда её открыли, там лежали тела замёрзших раненых. Потом повеяло теплом. Лучи солнца съедали снег. Небо заголубело. Глебу дали отдельную квартиру из двух комнат в железнодорожном доме, в самом начале Ребровой Балки, на горбе, недалеко от вокзала и входа в трельяж, ведущий мимо курзала, к Пятачку и нарзанной галерее. Глеб взял себе сожителем беженца-художника.

К Балашовым приехал солдат Добровольческой Армии, он привёз Надежде Петровне письмо от Перлатова. Перлатов, филолог, проделал всю компанию первой мировой войны артиллерийским офицером, а потом офицером Добровольческой Армии. Если в средние века рыцари выбирали даму сердца, то такой дамой сердца для Перлатова была Надежда Петровна. Теперь, уезжая из Новороссийска в Крым и чувствуя, что это будет его последний этап в борьбе с большевиками, он прощался с Надеждой Петровной в своём последнем письме, присланном с нарочным. Больше о Перлатове ничего не было слышно. Вероятно капитан Перлатов стал одной из жертв Бела Куна*.

В Кисловодск приехал начальник службы пути дороги, инженер Николаев. Глебу он сделал замечание: Глеб ненадлежащим образом оформился на дороге, не был у начальника отделения. Глеб ответил, что если это упущение вменяется ему в серьёзную вину, он готов уйти со службы. Николаев ответил, что уходить

---

* Бе́ла Кун (1886-1938), в ноябре 1920 г. был назначен председателем Крымского ревкома. Вместе с Розалией Землячкой стал организатором жесточайшего террора против бывших военнослужащих Русской армии и гражданских чиновников, служивших белой власти. Давая показания Лозаннскому суду, писатель Иван Шмелев сообщил, что, по большевистским сведениям, число жертв исчисляется в 56 тысяч. По его же сведениям, большевики расстреляли или убили другими способами (вешали, зарубали шашками, топили в море, разбивали головы камнями и т.д.) "больше 120 тысяч мужчин, женщин, старцев, детей". – ***Из Интернета***

Тем не менее, капитан Перлатов мог и эмигрировать в Константинополь, вместе с армией Врангеля.

нет оснований, Глебу найдут место инженера, соответствующее его образованию. "Чудак, – подумал Глеб, – о чём он говорит, ведь через неделю здесь будут большевики".

Наступил март месяц и горсточка отступавших добровольцев пришла в Кисловодск. Они сидели на скамейках кисловодского парка, в папахах, молча опираясь на винтовки. На следующее утро Глеб проснулся раньше обыкновенного.

– В городе выступление местных большевиков, – сказал ему художник.

Они вышли из дому. Видно было как между вагонами, согнувшись, перебегали люди в штатском с винтовками в руках. Они накоплялись около входа в трельяж. Из трельяжа вышел санаторный больной, железнодорожник Сергей Александрович.

– Куда бежите? Прямо на пулемёт, поставленный у выхода из трельяжа!

Толпа остановилась. В полдень Глеб с Надеждой Петровной поднялись на чердак. На пустынном плоскогорье видна была извивающаяся нить людей. Это последний добровольческий отряд уходил на Баталпашинск.

В городе было краткое безвластие. Затем появились первые местные учреждения большевиков. Ещё через день приехало какое-то начальство и ЧК. Начались демонстрации. Местные казаки и карачаевцы участвовали в демонстрациях верхом и молча. Они ещё не знали, как к ним отнесётся новая власть. Потом из Ростова приехало новое железнодорожное начальство. Доктор Балашов был болен, но вышел встречать начальство. Глаза его закисли. Он еле держался на ногах. На другой день он слёг. Врачи делались первыми жертвами сыпного тифа...

В один из первых дней апреля к Глебу пришли евреи-музыканты, с которыми он познакомился у Балашовых. Они получили разрешение от Че-Ка на возвращение в Киев. Им не хватает немногого – хорошо оборудованной теплушки. Они просят Глеба устроить в теплушке нары и поставить печь.

– Всё будет сделано, – сказал Глеб, – при одном условии – я еду с вами.

– Но как же с разрешением?

– Постойте, – воскликнула Рита, – ведь Кац остаётся в Кисловодске, а он есть в нашем списке.

– Прекрасно, – сказал Глеб, – почему я не могу быть Кацом?

Глеб поехал в Минеральные Воды к начальнику дистанции, просить у него командировку в Ростов. Там кончалась дорога, поэтому начальник дистанции не мог дать командировки в более далёкий пункт. Глеб откровенно объяснил ему, что из командировки он не вернётся.

Стояла ранняя весенняя ночь, когда Глеб взошёл на площадку пассажирского вагона. В хвосте поезда была прицеплена теплушка с музыкантами. До Ростова Глеб не имел с ними ничего общего – он едет в командировку. Он расцеловался с расстроенной Надеждой Петровной. Александр Иванович был совсем плох. Провожать Глеба пришли две симпатичные и некрасивые барышни-беженки и гимназистка, которая учила Глеба играть на пианино. Он давал ей взамен уроки математики. Провожающие принесли ему маленькие букетики первых цветов. Залязгали буфера. Поезд тронулся. Провожавшие поплыли назад. Ночь стала темней, звёзды ярче.

– Что их ждёт? – думал Глеб, – бедные они все, бедные. Посмотрим, что ждёт меня.

С Киевом не было никакой связи. Неизвестно было даже в чьих он руках. Почта не ходила. Газет не было. В Минеральных Водах Глеб пересел в другой поезд, к которому прицепили и теплушку музыкантов. Проезжали давно знакомые, ещё по практике, станции: Невинномысская, Армавир, Кавказская, Тихорецкая. По сторонам пути видны были следы недавних боёв. Среди поднимавшейся травы стояли сани. Почему они остались здесь? Какая драма произошла тут зимой?

В Ростове теплушка должна была ждать два дня. Это кстати. Глеб отправился разыскивать Бориса Режабека, Янушевских и семью Юлия Кистяковского. Борис Режабек по-прежнему был учителем математики в реальном училище и что-то делал в Союзе Работпроса. Он оказал Глебу услугу, достав ему бланк с печатью

Работпроса. На нём Режабек написал командировочное удостоверение Глебу. В удостоверении значилось, что Глеб Беклемишев, а по сцене Кац, посылается Ростовским Работпросом в Киев для закупки учебных принадлежностей.

В Нахичевани [на Дону] Глеб застал Марию Максимилиановну Янушевскую с Лёлей, Игорем и Марьяной. Павел Степанович с Людой были в Москве, а Володя, бросив Институт Путей Сообщения, служил у большевиков на ответственных ролях, несмотря на свои двадцать лет. Из Петрограда его перебросили в Харьков, где, как узнал впоследствии Глеб, он был членом Чрезвычайной Комиссии и даже считался грозой Харькова. Марьяна ещё не вышла из детского возраста. Игорь был в старшем классе гимназии. Лёля вытянулась, выглядела задумчивой, больше молчала. Мария Максимилиановна была в роли той курицы, которая высидела цыплят и утят. Последние, к удивлению наседки, поплыли по воде. Утятами оказались Владимир и Людмила, с энтузиазмом примкнувшие к большевикам.

В середине апреля вагон-теплушка выехал в хвосте поезда с Ростовского вокзала, держа путь на Полтаву. Теплушка изменила свой внешний вид – была вся оклеена агитационными плакатами. Рисунки на плакатах показывали, как злостный помещик стал обстреливать крестьян и рабочих и как красная армия его прогнала. О том же говорили и стихи на плакатах. На станциях теплушку принимали за агитвагон. Около неё собирались красноармейцы, "лузгавшие" подсолнухи, а пассажиры вагона настраивали свои инструменты и пели свежезаученные частушки.

Если вагон слишком долго стоял в тупике, Натан Кременецкий, одетый в кожаную тужурку, шёл к дежурному по станции. Слева от него спешил Соломон Гринблат, а справа – Глеб.

Уже в дверях Глеб начинал кричать, обращаясь к Натану:

– Товарищ комиссар, что же это за контрреволюция, наш вагон уже третий день как пришит к рельсам!

Натан комиссарским тоном распекал дежурного. Иногда это производило впечатление, и дежурный прицеплял вагон к очередному поезду. Иногда же комиссарский тон не действовал. Дежурный угадывал, что комиссар был "липовый". И в самом деле, какой же комиссар ходит без маузера в деревянной кобуре. Всё же вагон как-то подвигался уже вторую неделю на северо-запад. Навстречу ему шла весна. Иногда транспортная Че-Ка производила проверку вагона. Впрочем проверка была поверхностная: считали число фамилий в разрешении и число людей в вагоне.

В Полтаве к поезду прицепили вагон первого класса, так что он очутился следующим за импровизированным агитвагоном. В первом классе ехала комиссия Че-Ка. Вскоре в агитвагон пожаловал гость из вагона первого класса. Это был молодой человек прекрасного сложения в матросской форме. Он отрекомендовался "инструктором по организации чрезвычайных комиссий". Оказывается была и такая профессия. Его визит не был связан с каким-либо официальным поручением. В агитвагоне было несколько девушек и инструктор хотел провести время в приятном обществе.

– Как же вы организуете чрезвычайные комиссии? – спросила одна из девушек.

– Очень просто. Как вы знаете, наши комиссии ведут борьбу с контрреволюцией и бандитизмом. Приезжаю я в городок, где от бандитов житья нет. Первых двух бандитов, которых я захвачу, беру к себе на службу.

– Как же вы это делаете?

– Я с каждым из них говорю с глазу на глаз: вот что, браток, я должен тебя шлёпнуть.

– Нельзя ли, товарищ начальник, найти какой-нибудь выход? – спрашивает бандит.

– Какой же может быть выход, кроме пули в затылок... Постой, есть один шанс. Если поступишь к нам и будешь работать верой и правдой. Но помни, чуть в сторону, на дне моря найду и тогда от стенки не уйти. С помощью первых двух бандитов я ликвидирую всех других местных бандитов.

– Но они могут вас обмануть.

– Не обманут. Я посылаю их, каждого отдельно, выслеживать третьего бандита. Если их показания расходятся, я устанавливаю, кто из них меня обманывает и тогда ему крышка.

– Как же вы устанавливаете?

– За каждым из них, на первых порах, следят мои люди. И вот, когда я ликвидировал бандитов в городе, я перед тем, как ехать в другой город, расстреливаю моих первых двух бандитов, взятых на службу. Просто?

Инструктор рассказывал, что он был студентом Киевского Политехнического Института и боролся в киевском цирке под чёрной маской. Насчёт чёрной маски может быть и правда, подумал Глеб, а насчёт Политехнического Института врёт, я бы знал его в лицо в те годы.

– А то раз пришлось мне ликвидировать опереточную артистку Кавецкую. Она работала на две разведки, на нашу и на польскую. Пригласил я её в подвал. Думаю, как ликвидировать без просьб и слёз. Говорю ей: смотрите, кого ещё ведут. Она повернулась к двери, а я раз – выстрелил в затылок... и не пикнула!

Глеб слышал раньше Кавецкую в оперетке, а через год после встречи с "инструктором" прочёл в газете, что она выступает в Польше.

Рано утром поезд вошёл на киевский железнодорожный мост. Жёлтые воды Днепра стояли ещё высоко. На правом берегу блестели купола Лавры. Поезд стал огибать Зверинец и, не останавливаясь на станции Киев-2-ой, подошёл к товарной станции. Здесь Глеб соскочил на тихом ходу. «Что найду я дома?» – думал Глеб. Пять месяцев он не имел из дому никаких вестей.

На звонок открыл Алексей Петрович, отец Оли. Все были живы и здоровы. Оля совсем оправилась от тифа. Стриженые волосы отросли и лежали густой шапкой на голове. Она служила в профсоюзе железнодорожников на Соломенке. С отцом и матерью обрабатывала огород на Батыевой Горе. Месячное жалованье проедали в один день. Сейчас же встал вопрос, что делать Глебу? На улицах висели плакаты, приглашавшие всех, прибывших с территорий, которые были заняты белыми, явиться в Че-Ка для регистрации. Глеб решил с этим не спешить. Он мог считаться ниоткуда не прибывшим, а оправившимся после длительного тифа. На третий день он встретил инженера Коваленко.

– Где работаете? – спросил тот.

– Пока нигде.

– Хотите работать у нас, в мастерских?

Глеб явился к начальству, которым оказался инженер Дьяченко. Его Глеб встречал в Петрограде, когда ездил туда с экскурсией в 1914 году. Дьяченко не пустил Глеба в мастерские, а взял его во вновь организованное отделение Механической Службы при Управлении. В этом отделении, кроме начальника Дьяченко, был ещё инженер Зорин и один техник.

Глеб ещё не успел освоиться с работой, как большевики спешно покинули Киев, к которому подошла польская армия. Польские кавалеристы выглядели как на картинке. Польская батарея стояла на холмах между Печерском и Зверинцем и стреляла через Днепр, разрывы были видны в сосновом лесу около Дарницы. Оттуда не отвечали...

Был месяц май. Весна в разгаре. Но жизни в городе не было. Чувствовалось, что поляки – гости на час. В квартиру пришёл польский офицер и занял Олину комнату. Никто не занимался определённым делом. Оля и Глеб работали на огороде на Батыевой Горе. Рядом покрывались свежей зеленью деревья на Байковом кладбище, где у Оли была могила брата, а у Глеба лежали мать, бабушка и двоюродный брат Анатолий Вакар... Зацвели каштаны. Небо было ясным – будущее тёмным...

Парад польских войск на Крещатике, Киев, 9 мая 1920 г.

48. Военный коммунизм всерьёз и надолго

Пришёл конец мая и поляки исчезли так же внезапно, как появились. Их обходила конная армия Будённого. Настала тёмная ночь безвластия. Поляки ушли, большевики ещё не вступили в город. На товарной станции у цистерны с керосином стояла большая очередь с вёдрами. Цистерной завладел по праву сильного польский солдат-дезертир. Он был один против большой толпы, но толпа ему подчинялась. У него была винтовка. Правда он беспечно поставил её в стороне. Ему нужны были свободные руки для отпуска товара. Все совали ему деньги, порядок нарушался. Тогда дезертир выливал ведро керосина на ближайших покупателей. Толпа отступала.

В городе было темно. Только в нескольких местах полыхали пожары, зажжённые грабителями. Их внимание привлекали склады и мельницы. Через дом от квартиры Олиных родителей находилась крупорушка. В окнах крупорушки были железные решётки. Тяжёлая, окованная железом, дверь была заперта. Кто-то из грабителей разбил окно и бросил сквозь решётку зажжённую тряпку, смоченную керосином. Надо было только подождать, когда огонь разгорится и тогда, пользуясь пожаром, грабить.

Но для соседей крупорушки её пожар нёс с собой угрозу остаться нищими. Пожар перебросится на соседние дома, сгорят их домашние вещи, платья, мебель, скудные запасы провизии. Соседи стучат в окна, подымают с постелей жителей улицы. Перед крупорушкой собирается толпа людей. Эти люди имеют разные интересы, одни жаждут пожара, другие хотят ему помешать. Город погружён во мрак, фонари не горят, только в разных частях города продолжаются пожары. Глеб и старик Лепешинский пришли с топорами. Через пять минут двери выломаны, тряпка, пропитанная керосином, потушена. Толпа ввалилась в пустое помещение склада. Внутренняя дверь заперта. Громилы не удовлетворены, грабить нечего.

– А может там внутри горит, надо посмотреть, – однако служащие крупорушки на стук не отворяют.

– Надо ломать дверь, – говорят громилы.

– Дверей ломать мы не дадим, – отвечает Глеб, – выберите одного человека, его впустят и он удостоверится, горит ли внутри.

Человека выделили. Глеб стучит в дверь, говорит, что здесь соседи и просит пропустить одного человека.

– Но больше никто туда не пройдёт, – обращается Глеб к толпе.

Он и Алексей Петрович стоят по обе стороны двери с топорами, при этом Глеб делает решительную и зверскую физиономию. Дверь открывают и впускают одного человека. Через пять минут он возвращается: никакого пожара внутри нет. Толпа громил в замешательстве. Молча стоят, не зная расходиться ли или кто-нибудь возьмёт на себя инициативу по разгрому крупорушки. Один из громил держит мешок. Тогда другой, из этой же группы, неожиданно ударил его по лицу:

– Ты, что это, на пожар с мешком прибежал?

Пострадавший молчит. Толпа громил расходится. За ней расходятся и соседи.

На следующий день в город вошли советские войска. Начался длинный период советской власти...*

Советские учреждения наполнились тысячами служащих, получавших символическое жалованье, на которое можно было прожить один день из тридцати. Но не служить было нельзя. Служба давала право на легальное существование – бумажку, удостоверявшую, что такой-то работает там-то и не подлежит выселению и реквизиции.

---

* Как только поляки, входя в город [Киев], вступили на Демиевку (это были познанцы — говорили между собой по-немецки), они немедленно набросились на оставленные хозяевами дома и частью разграбили, частью уничтожили вещи, мебель сломали, книги разорвали В этом им деятельно помогала местная шайка профессиональных громил, которая здесь при всякой перемене власти проявлялась для грабежа и разбоя. В воскресенье 8 мая польские солдаты стали уже открыто грабить, принявшись за еврейские лавки. Несмотря на жалобы пострадавших в штабы частей, грабежи не прекращались. Жестокому ограблению и насилию подверглись, например, жильцы дома №17 по Васильевской, по Ново-Демиевке также — [дом] №23 и др. Но особо жестокому разгрому подверглась Демиевская большая синагога.<…> Еще более широкий характер приняла ловля евреев для принудительных работ. Посылка на работы сопровождалась издевательствами, часто побоями, даже истязаниями. На работы посылали исключительно евреев. Заставляли чистить лошадей, конюшни, клозеты, выгребать канавы, мыть полы, таскать камни, разгружать товары. ***– ГА РФ, Ф. Р-1339, Оп. 1, Д. 424***

На рассвете 25 апреля 1920 года польские и украинские войска перешли в наступление по всему украинскому фронту, а уже 6 мая практически без сопротивления большевистские армии оставили Киев. Голоса всех тех, кто называл войну с советской Россией вредной авантюрой, умолкли. «Честь и слава верховному вождю нашей армии», – вынужден был провозгласить в сейме его председатель, один из основных противников этой войны и вообще Пилсудского Войцех Трампчинский.

Девятого мая генерал Эдвард Рыдз-Смиглы принимал на Крещатике "парад победителей-освободителей". Сколько восторга это вызвало у поляков тогда и впоследствии! Лишь один участник того блестящего парада, ротмистр Тадеуш Махальский, охарактеризовал его как грубую политическую ошибку: "Украинский народ, который видел в своей столице чужого генерала с польским войском вместо Петлюры во главе собственных войск, воспринял этот акт не как освобождение, а, скорее, как разновидность новой оккупации. Поэтому украинцы вместо энтузиазма и радости хранили унылое молчание, и вместо того чтобы схватиться за оружие в защиту обретенной свободы, оставались пассивными зрителями". Тем более что поляки так и не позволили Директории въехать в Киев и всячески тянули с передачей власти украинской администрации на освобожденных от большевиков территориях. Польские генералы относились к своим украинским союзникам, скажем мягко, не самым лучшим образом. <…>Может, именно поэтому ситуация на фронте изменилась молниеносно.

Уже 26 мая советские войска перешли в контрнаступление сначала в Украине, потом в Белоруссии, а спустя два с половиной месяца поляки не только потеряли Киев, Минск и Вильнюс, но и увидели врага в 13 километрах от Варшавы. А тогда произошло "чудо на Висле"...

Армия УНР, состоявшая в то время из шести стрелковых дивизий и численностью уступавшая действующим частям Войска Польского раз в пять, проявила себя и во время наступления на Киев, и в оборонительных боях против большевиков самым лучшим образом. <…>Многие аналитики, в частности французский генерал Людовик Фори, утверждают, что едва ли не важнейшей причиной сокрушительного поражения, нанесенного армиям Тухачевского под Варшавой, стали события на южном участке польско-большевистского фронта, в ходе которых была измотана и потеряла наступательный порыв главная ударная сила красных – Первая конная армия Буденного. Она так и не смогла поддержать войска Тухачевского под Варшавой, втянувшись в очень тяжелые бои против украинцев и поляков в Галичине. – ***Из Интернета***

Впрочем, последнее не останавливало "комиссию по изъятию излишков у буржуазии". Настоящих "буржуев" уже не было и нельзя было бы ничего собрать, если не трогать обыкновенных советских служащих. Члены комиссии приходили ночью, пересматривали пальто, шубы и простыни.

– Как, на трёх человек вы имеете девять простынь? Хватит и по две на человека!

Отобранные "излишки" отправляются в Исполком. Члены Исполкома выбирают для себя и для своих жён более приличные пальто и бросают в кучу свои поношенные. Число пальто остаётся тем же. Затем "излишки" распределяются между профсоюзами. Профсоюзная верхушка удовлетворяет себя и посылает "излишки" завкомам, завкомы распределяют их между рабочими.

Но до заводов дошли только остатки: крахмальные воротнички, галстуки, салфетки. Но горожанин, в том числе и рабочий, нуждается во многих вещах. Он не может есть только один раз в месяц. Ему нужен хлеб, изредка мясо и сало, овощи, дрова, керосин для "коптилки" (электричество есть не всегда и светит с еле заметным накалом лампочки), обувь, рубашка, пальто. Всё это негде достать и не за что купить. Рабочие точат зажигалки для "чёрного рынка". Горожанин сажает картошку на отведенном ему участке огорода, едет в лес на заготовки, где платят за работу натурой – дровами. Но для этих работ он располагает только минимальным временем вечером и воскресным днём. Он оказался в гораздо худшем положении, чем крестьянин.

Крестьянин располагает всей неделей для своего труда, и он к нему привык. Он старается стать независимым от города. Он имеет свой хлеб и картошку, своё сало (в закуте хрюкает боров, или "леха"), свой холст из конопли, своё грубое сукно (колесо сукновальни вращает речка, как и колесо водяной мельницы). Он не имеет своего керосина и не умеет делать бритвы. Это и многое другое несёт ему горожанин, в обмен на муку, сало и картошку.

Предложение превышает спрос и мужик куражится. Нет, ему не нужен пиджак и бритва, вот пусть "шпикулянт" (голодный горожанин) привезёт ему машину, "що спиваэ" (граммофон) или ту "що граэ" (пианино) – он дал бы за них десять пудов муки. "Шпикулянт" плюёт и уходит, мысленно обзывая сытого мужика "гадом".

– Слышали, Мария Ивановна, – говорит он встречной знакомой "шпикулянтке", – гады всё уже имеют, им только пианино не хватает.

Советская власть делает на село налёты, производя "продразвёрстку". Но мужик закапывает зерно в землю, а если его всё-таки ограбят, он выкапывает из земли по-хозяйски смазанный обрез (укороченную винтовку) и уходит с ним в банду, засевшую в тёмном лесу и ведущую войну с советской властью.

Таких банд – Зелёного, Маруси и других – было немало на Украине. Сила их была в том, что их поддерживали крестьяне окрестных сёл. Это было ещё за 13-15 лет до того, как Сталин сломил упрямых крестьян голодом и загнал их в колхозы. Но и тогда компартия стремилась расколоть крестьян на враждующие группы, внести в село "классовую борьбу". Против крепких хозяев – "кулаков" – власть организовала пьяниц и лодырей в "комбеды" или в "комнезамы" – на Украине.

Глеб и Оля оказались в общих для всех горожан условиях. Они имели участки огорода, то на Батыевой Горе, то на Собачьей Тропе. Огородные успехи горожан были всегда хуже успехов крестьян. Крестьянин работал всегда на том же участке земли и удобрял его. Горожане земли не удобряли, потому что каждый год получали другой участок. Да и удобрять было нечем, скота у горожан не было, а химические удобрения не производились.

Глеб раздобыл каустическую соду, жиры и канифоль и сварил мыло. Мыло оказалось неплохим. Затем Глеб достал красного фосфора, бертолетовой соли и ещё каких-то специй, и Алексей Петрович стал колоть полено на спички и макать их в приготовленный Глебом состав. Алексей Петрович незадолго перед тем оставил по возрасту работу на железной дороге, получил капитализированную за много лет пенсию, которая пропала при реквизиции большевиками банков.

Глеб пробовал наладить с инженером Дьяченко производство деревянных сапожных гвоздей, но дело окончилось тем, что фреза снесла у Дьяченко часть пальца при опыте.

За 1920 и 1921 годы в Киев вернулись многие беженцы. Так, вернулся Владимир Викторович Вакар с женой и сыном из Керчи, Дмитрий Евстафьевич – из под Симферополя и жена его с дочкой и новорожденным сыном из Нахичевани-на-Дону. Вернулся из Ростова-на-Дону и Платон Модестович Вакар с дочками Надей и Лизой; жена его, Евгения Давыдовна, умерла в Ростове. Старшая дочь, Вера, была замужем за коммунистом Мишей Джапаридзе* и жила в Тифлисе. Они тоже переехали в Киев, но на время.

Вакары поселились в Белом Береге, где дом у них ещё не отняли, Наиболее приспособленной к деревенской работе оказалась Лиза, которой было тогда 19 лет. Она пекла хлеб, доила корову, ездила верхом за 60 вёрст и купила там лошадь. Старшая сестра, Надя, была помощницей, копала с Лизой огород, разводила кроликов. С ними жила ещё старушка, Полина Ивановна, подруга их покойной матери.

Когда Платон Модестович стал болеть и ему потребовалась помощь врачей, он решил переехать в Киев, взяв с собой Полину Ивановну. Получить в Киеве "жилплощадь" неработающему старику было невозможно, и они поселились в Пуще-Водице, откуда с Киевом есть трамвайное сообщение. В первый свой приезд в Киев из Белого Берега Платон Модестович имел приключение. На Безаковской улице его встретил с распростёртыми объятиями среднего роста и возраста человек:

– Платон Модестович, вот не ожидал вас встретить, как живёте?

– Простите, с кем имею удовольствие говорить?

– Не узнали меня? И правда, ведь прошло немало времени и многое изменилось. Я – Гинзбург. Вы наверно знаете мой одиннадцатиэтажный дом на Институтской? Его так и называют по-прежнему – дом Гинзбурга, но конечно он национализирован.

– Где же вы живёте и что делаете? – вежливо осведомился Платон Модестович.

– Живу я в бывшем моём доме, квартира 22, а служу в Сахаротресте. Может быть вам нужен сахар по дешёвке?

– Почему же нет? Сахар всегда нужен.

– Прекрасно, вы дадите мне деньги, а я вам вынесу. Вы понимаете, я не могу вести вас в Сахаротрест. Вы будете ждать меня против Исполкома, знаете? это здание бывшей городской думы. Стойте около памятника Марксу, поставленного вместо памятника Столыпину.

– Тут в одном задержка, – конфузливо сказал Платон Модестович, – у меня нет советских денег. Но у меня есть золотая пятёрка.

– О! Это не делает разницы. Я вам разменяю её по сегодняшнему курсу.

В час дня Платон Модестович стоял у памятника Марксу. Об этом памятнике ходило много анекдотов. Сюртук на Марксе был застёгнут, как на женских пальто, справа – налево. Левую руку он заложил за борт сюртука. По этому поводу говорили, что на Марксе перелицованный сюртук Столыпина, что он торгует золотыми пятёрками (напротив, по другой стороне Крещатика помещалась тогда на тротуаре "чёрная биржа" и спекулянты валютой держали свой товар в руке, заложенной за борт пиджака). Третьи утверждали, что Маркс держится за свой капитал. Платон Модестович ждал около Карла Маркса – никто не приходил. Простояв час он отправился в дом Гинзбурга, в квартиру номер 22 и спросил самого Гинзбурга. Жильцы квартиры номер 22 улыбнулись: "Вы не первый спрашиваете здесь Гинзбурга. Ищите ветра в поле".

Белинги поселились на Лукьяновке, прежняя их квартира была реквизирована. Дмитрий Евстафьевич начал работать в Университете. Плохо жилось тогда учёным. Впрочем, всем было голодно.

---

* Михаил Ермолаевич Джапаридзе, первый муж Веры Платоновны Вакар.

Один из знакомых биологов Белинга заведовал зоологическим садом на Шулявке. Животным тоже почти нечего было есть и они дохли, одно за другим. Тогда заведующий зоологическим садом сзывал других биологов на пир.

– Вчера ели зебру, – рассказывал Белинг, – а на прошлой неделе – антилопу.

Воскресенья зимой Глеб с Алексеем Петровичем проводили в лесу. Ещё до восхода солнца, при свете звёзд, шли они на вокзал, неся наточенную и разведенную пилу, топор и железные клинья. 200-250 железнодорожников занимали места в неотапливаемых "теплушках", где не было скамеек и надо было всё время стоять. Поезд стоял около часу. Чтобы согреться закрывали двери и скоро воздух в теплушке становился спёртым.

Наконец состав двигался и новоиспеченные лесорубы выгружались в Боярке, Мотовиловке или в Теличках. На рассвете вся группа шла по лесу к отведенной делянке, иногда две, иногда пять вёрст. Начиналась работа. Не все имели опыт. Часто, подпиливая сосну, они не умели направить её падения. Нужно было следить за соседями и убегать подальше, когда сосна приближалась к моменту падения. Всё же каждый день на лесозаготовках кому-нибудь ломали руку или ногу. Возвращались домой тоже при звёздах.

Плату в виде дров получала Оля. На лесоскладе вызывали получателей дров по фамилиям. Тут же дежурили люди с двуколками, чтобы перевезти дрова на дом за плату в три-четыре полена. Один из тачечников заговорил с Олей. Он оказался профессором консерватории. Тачечников называли "вридло" (временно исполняющий обязанности [или должность] лошади). Вполне подходящее занятие для профессора-пианиста.

Владимир Викторович Вакар работал юрисконсультом одного из профессиональных союзов. Его старики, Виктор Модестович и Анна Эразмовна, жили в Шелеховской слободке в лесном доме, который когда-то Виктор Модестович построил для старшего сына Анатолия и жены его Ольги Петровны. Его собственный дом в старом саду сожгли в революцию, не со злобы, а так – всё равно другие придут, разграбят и сожгут. Фруктовый сад был запущен, ворот не было. Прямая, проезжая дорога шла через всю усадьбу. Виктор Модестович ходил по лесу, а дома писал мемуары. Он пережил трёх царей. И много видел на своём веку. Анна Эразмовна, быстрая и общительная, имела десятки знакомых крестьянок и доставала у них (за вещи, присылаемые сыном Володей и внуком) нужное для питания Виктора Модестовича. Она всегда называла его Виктором Модестовичем, а он её Анночкой.

Иногда они приезжали в Киев к сыну, но долго не засиживались. Всё в городе было чуждо Виктору Модестовичу, даже вывески пугали его.

– Посмотри, какое название учреждения я сегодня видел – "Судугроза" (Судебно-уголовный розыск). От одного названия страшно делается.

Владимир Викторович тоже поехал на лесные разработки. Был там и Глеб, и муж фрауляйн Ольги – Краевский, демобилизованный офицер Советской армии, ходившей брать Варшаву и вернувшейся после "Чуда на Висле"*. "В лесу раздавался топор дровосека", и Краевский пошёл на звук топора. Крестьянин валил сосну, понадобившуюся ему в хозяйстве. Краевский был в длинной военной кавалерийской шинели. Он сразу взял тон начальника.

– Заворачивай! – закричал он.

Крестьянин уже успел погрузить сосну на телегу, в которую была впряжена тощая лошадёнка. Он безропотно повиновался. Прошёл год, когда начальства не было. Всё было общее, Божье. Теперь есть начальство. Крестьянин не спросил: а ты, кто такой? Он доставил сосну к железной дороге, сбросил её на землю и уехал, радуясь вероятно, что обошлось без ареста. А Краевский был доволен, крестьянин освободил его от необходимости валить сосну.

---

* Фрауляйн Ольга – Ольга Карловна, воспитанница немецкой школы, приглашенная воспитательницей и учительницей немецкого языка к детям Ольги Петровны Вакар (Беклемишевой).

Ночевали в товарных вагонах. Ночи были холодные и Владимир Викторович получил воспаление лёгких. Он перенёс болезнь без осложнений за исключением одного. Во время выздоровления на него напал психический недуг.

Однажды, когда Глеб посетил его, Владимир Викторович показал ему большой мешок конфет. На мешке было напечатано "Я.Д. Фастовский".

– Смотри, – сказал Владимир Викторович, – это прислал мне мой бывший клиент Фастовский. Я когда-то вёл его дело в суде. Теперь у него маленькое кустарное производство конфет. Узнав, что я болен, он прислал мне конфеты и письмо. Ведь простой, полуграмотный еврей, а так тепло написал: "Посылаю Вам в подарок конфеты. Мы с вами всегда сочтёмся"...

На следующий день Глеб застал Владимира с тем же письмом, но встревоженного. Он показал Глебу на инициалы Фастовского.

– Видишь – Я.Д. – яд. И в письме угроза: "Мы с вами сочтёмся"...

В это время Анна Эразмовна, ухаживавшая за ним, принесла блюдо опёнок.

– Убери, убери, – закричал Владимир, – они отравлены.

Когда Мария Антоновна, жена Виктора Владимировича, вышла на балкон, он стал кричать, что балкон подпилен. У него была какая-то мания преследования, что напоминало состояние его брата Анатолия, вернувшегося с войны и покончившего самоубийством. Потом это прошло, но Глеб видел, что Владимир всё время находится под влиянием какого-то тайного гнёта. Глеб думал, что его гнетёт его прежнее участие во фракции большевиков. То, к чему пришли большевики, было слишком далеко от того, что было его идеалом в молодости.

Глеб иногда ездил в субботу и оставался на воскресенье в Белом Береге. Оттуда он привозил картошку и жито, выменянные у крестьян. Там он помогал, чем мог, Наде и Лизе. Раз он привёз им каустическую соду и вызвался сварить мыло, но молодые хозяйки не приготовили жира.

– Ну, думайте сами, где достать жир.

– Знаешь Лиза, – сказала Надя, – два дня тому назад в соседнем селе пала свинья, но её уже закопали.

– Неважно, выкопайте и привезите.

Глеб получил целую свинью и большой чугунный котёл. Развёл костёр под соснами. Глеб разрубил свинью топором и ввергнул её с костями и щетиной в котёл. Свинья разварилась и жир всплыл. Получилась солидная порция канифольного мыла. Часть его Лиза и Надя использовали сами, часть пошла в обмен.

Другой раз Глеб вёз им из Киева рамы с сетками для кроликов. Дорога от станции шла всё время лесом, около двенадцати вёрст. Впереди шла группа крестьян. Глеб увидел около себя серую змею и легко придавил её шею рамой.

– Та це ж гадюка, – сказал крестьянин, – вы её зачепили, вона теперь поженеться за вами.

И действительно, Глеб тронул гадюку. Если он её освободит, она нападёт на него. Ничего не поделаешь, Глеб вынул из кармана нож и отсек гадюке голову.

В Белом Береге была своя сельская власть. Представитель её, молодой парень, узнав о приходе Глеба, немедленно явился и потребовал у Глеба документ. Рассмотрев его внимательно, он сказал: документ хорош, но он годится для Киева, а не для Белого Берега.

– Сегодня воскресенье, – возразил Глеб, – я не работаю и провожу день там, где я хочу. Сюда езды три часа от Киева, и я приехал навестить родственников.

Представитель власти удалился и через полчаса принёс бумажку, в которой значилось, что такой-то арестованный направляется в Че-Ка станции Тетерев. Но так как сопровождать арестованного было некому, а сам представитель власти не хотел вести арестованного 12 вёрст через лес, то он вручил эту бумажку самому арестованному, которому таким образом поручалось самого себя довести и сдать в Че-Ка.

В этот день у Глеба была только картошка и рожь в зерне, всего около одного пуда тридцати фунтов. Перевязав мешок посередине, Глеб двинулся в обратный путь. На станции стоял уже его состав. Тут же рядом со станцией была

доска с надписью "Транспортная Чрезвычайная Комиссия". Глеб вынул бумажку, прочёл её, положил в карман и сел в поезд. – "Если я им нужен, пусть ищут меня", – подумал он.

Поезд тронулся. Стало смеркаться. Освещения в вагонах не было никакого. Ехали исключительно мешочники. Когда подъехали к Киеву, было уже совсем темно. Толпа людей с мешками через плечо вышла на перрон. На перроне стояли такие же серые люди, часть из них в солдатских мятых шинелях с оборванными хлястиками. Глеб почувствовал, что кто-то тянет его сзади за мешок. Оглянулся – маленькая старушонка ухватилась за конец мешка.

– Это же мой клунок, – сказала она.

Глеб снял мешок, и сразу его окружила толпа серых чуек и солдат в расхлёстанных шинелях. Глебу ещё не приходилось быть в положении пойманного вора, но он понимал, что сделай он неправильный шаг и дело может окончиться самосудом. Глеб снял и положил мешок на землю.

– Что у тебя было в мешке? – спросил он старушку.

– Да что бы ни было...

– Нет, если это твой мешок, так скажи, что в нём.

Солдаты и чуйки смотрели на Глеба и на старушку.

– У меня там картошка и жито.

– Дело плохо, – подумал Глеб, – и у меня картошка и жито.

– А ещё что?

– Да немножко фасоли и маку.

– Ну, так развязывай и смотри, что у меня в мешке.

Но старушка не развязывала, а только щупала мешок.

– Нет, это не мой клунок.

– В милицию её свести, – закричали чуйки и шинели.

– Зачем? – возразил Глеб. – Ну, ошиблась бабка, все мешки похожи один на другой.

Дома Глеб застал Олю встревоженной, а всю квартиру перевёрнутой вверх ногами. Ночью с субботы на воскресенье был обыск. Приходили с ордером на арест Глеба. Не застав его дома, многозначительно сказали: Ага!

Утром в понедельник Глеб пришёл на службу и узнал, что ночью арестовали 11 человек. Его, двенадцатого не хватало. Глеб пошёл к комиссару:

– Должен ли я сам пойти в Че-Ка?

– Нет. Если вы им нужны, они сумеют вас найти.

Среди арестованных был и инженер Дьяченко, ближайшее начальство Глеба. Дьяченко, человек в пенсне и с чеховской бородкой, был около года женат на студентке-медичке родом из Остра и имел сына, родившегося месяца четыре тому назад. Жена Дьяченко никогда в жизни не ездила в поезде. Её передвижения в Европейской части России ограничивались переездами из Остра в Киев и обратно, совершаемыми в летнее время на пароходе, а зимой она не ездила.

Глеб отправился на квартиру Дьяченко и вместе с Мариной понёс передачу в Че-Ка. Ворота, ведущие во двор Че-Ка, были открыты и арестованные коллеги Глеба как раз совершали во дворе прогулку. Зная, что Глеба тоже должны были арестовать, они знаками приглашали его в свои ряды, но Глеб отрицательно качал головой. Через два дня арестованных выпустили. Теперь вся история с арестом Глеба в Белом Береге, с обыском на квартире и с арестом его сослуживцев объяснилась. Это были дни кронштадтского восстания. Был дан приказ о повсеместном аресте неблагонадёжных элементов.

Продовольственное положение в городе всё ухудшалось. Местами был настоящий голод, который не могли ликвидировать посылки американской организации "АРА". В Первомайском Саду (бывшем Царском) какой-то скульптор вырезал из засохшего дерева группу: на голове истощённого, скелетообразного человека сидел ворон. Надпись, правда, была не 1921, а 1919 год. Много людей ходили смотреть скульптуру, но потом власть велела дерево срезать.

Однажды комиссары разрешили легальную "товарообменную" поездку по Днепру на пароходе. Пароход с рабочими и служащими спустился в Ржищев.

Горожане запаслись гвоздями, бритвами и прочей продукцией города, с целью обменять её на масло, сало и муку.

Пароход шлёпал плицами колёс по жёлтой днепровской воде. На берегах ещё валялись оставшиеся от гражданской войны повозки, лебёдки, двутавровые балки стратегических мостов времён первой мировой войны. Пароход минул Стайки и Триполье. Рабочие выгрузились с парохода в Ржищеве и направились на базарную площадь. Товар разложили на газетах, постеленных на землю. Появились крестьянки с творогом, с яйцами и маслом и местные торговки. Пришёл и покупатель в виде местных крестьян, нуждавшихся в гвоздях, скобяном товаре, керосине, в городских штанах и пиджаках.

Кое-где вспыхивали недоразумения между приезжими и местными торговками.

– Что ж ты на моём месте стал? – говорила ржищевская старушка киевскому рабочему.

– Откуда же видно, что это твоё место?

– А вот кирпичик здесь положен.

Большей частью шёл "товарообмен" гвоздей или мыла на масло или сало, но шла торговля и на советские денежные знаки, на "тыщи". Это были маленькие бумажки с надписями на нескольких языках и подписанные Пятаковым. Где-то неожиданно возникал крик – это милиционер "покупал" у крестьянки масло "по твёрдой цене", всовывая ей вместо тысячи сотенную бумажку.

– Ой лишенько, – кричала баба, – задарма масло забираэ, грабуэ.

В учреждении, где служил Глеб, было много инженеров и служащих. Работа заключалась главным образом в бумажной переписке. Рабочие в мастерских точили зажигалки на продажу. Заработная плата не обеспечивала никого. Месячная получка проживалась в один-два дня. В управлении было ещё несколько меньшевиков. Они выступали на собраниях, вносили проекты своих резолюций в противовес резолюциям, рекомендуемым партийными комитетами большевиков. Иногда происходили стычки. Так однажды представитель коммунистов взял слово после меньшевика Петровского и начал свою речь так:

– Слушал я товарища Петровского (ещё товарища) и должен сказать: "хорошо поёт собака, убедительно поёт, но..."

В ответном слове Петровский возразил: "Слушал я выступление товарища Голованова и должен сказать – нехорошо поёт собака, неубедительно поёт".

Изредка устраивались вечера самодеятельности, где читались стихи и пелись частушки, даже ставились одноактные пьесы. По части стихов большими мастаками были те же меньшевики. Они также сочинили стенную газету "Шпандыргал", что означало "шпана дырявой галоши". В это время один из комиссаров привёз себе целую баржу яблок. По этому поводу читались стихи с таким резюме:

Комисаров чтоб учить не было примера,
Лучше яблок не возить, ведь от них холера...

Или хор девиц из отдела статистики:

Просим мы из года в год
разогнать кручину:
Дайте нам хоть на развод
Одного мужчину.

Однажды вечером к Беклемишевым зашла девушка-соседка, работавшая где-то машинисткой. Она сказала, что ей надо поговорить с Глебом с глазу на глаз. Глеб предложил пройтись по улицам. Улицы в этом глухом районе и в вечерний час были почти пустыми.

– Я прошу вас, – начала машинистка, – чтобы этот наш разговор остался между нами. Из-за того, что я вам скажу, я могу иметь крупные неприятности с опасными для меня последствиями.

Глеб обещал держать язык за зубами.

– Дело в том, – продолжала она, – что я служу машинисткой в Че-Ка и мне пришлось печатать недавно заведенное на вас дело. В нём говорилось, что вы путаетесь с меньшевиками и вообще являетесь элементом не совсем надёжным. Я решила вас предупредить, чтобы вы... ну, в общем думали, что и где вы говорите. Дело ведь ведётся недаром...

Глеб горячо поблагодарил девушку и решил быть осторожнее в будущем.

Так как служба никак не могла прокормить семью, то Глеб и Оля постоянно имели огороды, а по воскресеньям осенью и зимой Глеб ездил на лесозаготовки, где плата выдавалась натурой – дровами. Огороды заводили, где можно, в нескольких местах – на Батыевой Горе, на Собачьей Тропе, на Лукьяновке.

Вдова профессора Михайлова, Вера Михайловна, предложила Беклемишевым обрабатывать вместе с ней большой участок огорода на Собачьей Тропе. Кроме огорода там был ещё запущенный фруктовый сад, уход за которым осуществлялся коллективно. Уход состоял только из охраны и сбора урожая, сад был обнесен колючей проволокой, но не очень аккуратно. Днём в саду дежурили женщины, ночью мужчины. Глеб после ночного дежурства шёл прямо на службу, не умываясь. Впрочем, он даже любил эти дежурства.

В саду была вырыта землянка, но в хорошую погоду можно было лежать под открытым небом. Над головой раскинулось звёздное небо. Лёжа на спине, можно было смотреть на Млечный Путь и думать о бесконечном времени, о свете, льющемся с далёких звёзд, которые, может быть, уже перестали существовать. Эти мысли приводили к сознанию своей ничтожности. Потом мысль Глеба переносилась на землю, и он думал о том необыкновенном времени, в которое судьба принесла его на землю, времени войн и революций, когда жизнь человеческая стала дешевле гроша...

Но вот загорался восток, в шесть утра на Собачьей Тропе появлялись первые пешеходы. Чаще всего это были молочницы, несшие "глечики", привязанные к палке похожей на коромысло. Иногда они несли небольшие, помятые, бидоны с молоком. Затем появлялся какой-нибудь красноармеец и, привлечённый видом краснеющих вишен, начинал перелезать через колючую изгородь.

– Эй товарищ, куда прёшь? – кричал ему Глеб. – Это кооперативный сад. Сюда ходить незачем.

– Теперя всё общее, народное, – отвечал красноармеец.

– Тебе говорят – нельзя!

– А вот я кликну товарищей и посмотрим, как это нельзя.

– А я что – не кликну? Вон они наши товарищи по кооперативу напротив. Как кликну – Мишка, Тришка, Гришка – они и тут.

Попугав друг друга несуществующими товарищами, расходились.

В дневное дежурство у Оли сцена другая. Через проволоку лезут мужчина и женщина.

– Сюда нельзя. Тут кооперативный сад, – кричит Оля.

– Да мы, гражданка, ваших фруктов не тронем. Нам только на траве посидеть.

Что делать? Не может же Оля драться с ними. Действительно, они не покушаются на фрукты, а усаживаются на траве. Настроение у них романическое. Проходит с полчаса. Вдруг на сцене появляется новое действующее лицо – решительная женщина перелезает через колючую проволоку не жалея юбки и направляется к счастливой паре.

– А вот ты где, старый греховодник! – кричит она. – И со своей мамзелью! Я ей, чёртовой перечнице, сейчас глаза выцарапаю, такой...

Дальше обманутая жена переходит на непечатный лексикон. Оля пришла домой в слезах:

– Пусть пропадает этот сад, я не хочу больше в нём дежурить...

Но вот и сезон окончен. Председатель артели, статный мужчина с жёлтой бородкой, служитель мединститута, объявляет общий "аврал" по уборке урожая. Сорваны груши, яблоки, сливы.

– А теперь займёмся сортирацией, – говорит председатель.

Он любит учёные слова. Каждый несёт домой небольшой пакет с фруктами. Картошку с огорода Глеб и Ольга везут на двуколке в мешках. Это работа нелёгкая. У Оли делается припадок аппендицита.

В профсоюзе отделом заведовал Вайнтроб. Год тому назад он переменил фамилию на новую – Дунаев. Он был незлым человеком. В его отделе служил бывший помощник присяжного поверенного Лев Сурдутович. Он был человеком эксцентричным, не поддавался дисциплине. На службе вёл себя странно, прыгал через свой письменный стол. Дунаев часто, по крайней мере раз в две недели, ввергал Сурдутовича в узилище. Тогда сослуживцы носили ему в его камеру обед из столовой.

49. Обнаруживается Надежда Петровна [1921]

После гражданской войны страна лежала в развалинах. Разбиты заводы, сожжены железнодорожные станции, залиты шахты. Во время отпуска Глеб с инженером Зориным приняли предложение Центроспирта объехать несколько недействующих винокуренных заводов и составить дефектные ведомости для их восстановления. Зорин и Глеб поехали на пароходе в Черкассы.

По дороге пароход приваливал к берегу, все пассажиры вытягивались цепью к штабелям дров и грузили их на пароход. Пароход давал сиплый гудок и бежал вниз мимо срезанных холмов у Ходорова и Трактомирова, пока дрова не пожирались топками котлов. Глеб и Зорин побывали на трёх заводах, аппараты и трубы которых были растянуты крестьянами в качестве материала для самогонных аппаратов. На каждом заводе было по инженеру, хранившему заводские остатки, с помощью которого и составлялась дефектная ведомость.

Поездки между заводами в районе Черкасс и Каменки были не совсем безопасны. В Чёрном Яру были ещё украинские антибольшевистские группы. На последнем заводе заводской инженер дал Глебу и Зорину на дорогу бутылку спирту. Так как завод не работал, то это был жёлтый неочищенный спирт. От него шёл такой ядовитый дух, что, понюхав его, незакалённый человек мог лишиться чувств. Назад поехали по железной дороге. Благополучно доехали до Цветково, дальше поезд не шёл. Поезда проходили через Цветково не чаще одного в день. Однако попасть в такой поезд было невозможно. Каждый вагон являл собой вооружённую крепость, до отказу набитую защитниками.

Просидев в Цветково два дня, Глеб и Зорин поехали в противоположном направлении, в Знаменку, где составлялись поезда. Выехав из Знаменки в Киев, они доехали на этот раз до самого Фастова. В Фастове повторилась та же история, что в Цветково. Рано утром шёл рабочий поезд в Киев. В каждый вагон пускали только "своих", рабочих, живших в Фастове и работавших в Киеве. Только около багажного вагона толпилось человек десять, упрашивавших багажника пустить их в вагон. Глеб протолкался к железнодорожнику и тихо сказал ему:

– Нас тут два инженера, едем в Киев, есть спирт.

Это произвело магическое действие.

– Расступитесь, – закричал железнодорожник, – пропустите двух инженеров, едущих в срочную командировку!

Так Глеб и Зорин доехали до Киева, отдав багажному чиновнику бутылку с жёлтым зверобоем.

После долгого перерыва почта начала действовать. Глеб получил письмо из Кисловодска от Надежды Петровны. Из письма он узнал, что Александр Иванович умер от тифа через неделю после отъезда Глеба. Без него всё пошло прахом. Красноармейцы перерыли всё в квартире, прощупали штыками ценные вещи, спрятанные в кресле. Другие вещи, зарытые в землю на даче в Минутке, украла няня, которая помогала их зарывать. Чтобы кормить детей, Надежда Петровна купила на последние деньги корову. Надежда Петровна никогда не занималась сельским хозяйством. Корова околела.

Деньги, вложенные Александром Ивановичем в оборудование частной санатории, которую он собирался открыть с другим доктором, пропали. Надежда Петровна дала последние золотые десятки старому знакомому мужа, Верёвкину, чтобы он достал продукты для детей. Он их продал и деньги растратил. Просил прощения, валялся в ногах, но, так или иначе, деньги исчезли.

Потом Таня заболела дизентерией и умерла. Надежда Петровна осталась одна с Марьяной. В письме прощалась – никакой надежды выжить ни для неё, ни для Марьяны нет. "Александр Иванович умер, Таня умерла, друзья изменили, обманули"... "А Сергея Ивановича, которому, помнишь, ты предлагал ехать с тобой, Че-Ка расстреляла"...

Надо было что-то предпринимать. Сам Глеб ехать не мог, со службы не отпустят. Единственная надежда на Володю, сына Ольги Петровны*. Он окончил гимназию и пока что был "тачечником", "вридло", с группой других юношей он развозил продукты по детским садам.

Он ходил в рубище, но его тележка имела рессоры, колёса обтянутые резиной и была покрашена в зелёный цвет. Сам он называл себя "начпартач", что означало в переводе на обыкновенный язык: начальник парных тачек, т.е. тачек, которые по киевским горам возить должны два человека.

---

* Владимир Вакар, сын Анатолия Викторовича и Ольги Петровны, урожденной Беклемишевой. Появился на свет в 1900-м, значит, в 1921-м ему исполнился двадцать один год. Владимир Анатольевич не эмигрирует и удостоится таких воспоминаний Вадима Арпадовича Литинского, по поводу совместной службы во Всесоюзном НИИ геологии Арктики (ВНИИГА), Ленинград:

Всё началось с того, что меня за непоседливость вскоре избрали секретарём комсомольской организации института. Как это частенько бывало, наша НИИГАвская комячейка была ни рыба, ни мясо. Я кинул в это застойное болото весь свой энтузиазм и комсомольский задор, и оно запузырилось, забурлило и запахло. Мы организовали многодневные Вакар-походы в районе Ладожского озера, которыми руководил тогда кандидат геол.-мин. наук Владимир Анатольевич Вакар, известный полярный геолог. <…>Помимо геологических открытий, В.А. внёс массу изобретений в геологический быт – есть Вакар-палатка, Вакар-спальник, Вакар-рубаха и т.д. Вакар-обед – это он в котелке одновременно смешивал суп, второе и компот. [Жена] Лена меня грызёт – я, говорит, за тебя замуж пошла только потому, что ты меня прельстил рассказами о твоих голубых кровях. А на самом деле в тебе, пролетарии, нет ни капли аристократизма – ты же из одной тарелки ешь суп, потом, не помыв, из неё же ешь второе! – А Вакар? – задаю я каверзный вопрос. Вакары – русский дворянский род. В 1586 г. Николай Вакар от польского короля за военные заслуги был пожалован привилегией на маетности. Некоторые его потомки переселились в Россию. Так что Владимир Анатольевич был хороший человек и из хорошей семьи, несмотря на то, что всё, включая компот, смешивал в котелке. Но разве аристократку Лену в чём-нибудь убедишь! – ***О положительном влиянии алкоголя на кучность стрельбы (world.lib.ru)***

А вот упоминание о Владимире Анатольевиче в других мемуарах (время действия – 1965-66 гг.):

<…>Издательство "Недра" было готово переиздать [папину] книгу, но вскоре руководство издательства поменялось, и требования к автору изменились. Просили убрать теоретическую часть. Опять длительная переписка. Все папины корреспонденты поддерживали именно данную структуру — вначале теория, затем практика. Убедительно защищал ее геолог Владимир Анатольевич Вакар: "Такие книги действительно нужны молодым геологам. А таких книг по существу нет (во всяком случае, на современном уровне). Теперь ведь геологи пишут книги в сравнительно узких рамках – каждый по своей специальности. Это обычно учебники, пособия, руководства и справочники отраслевого характера. В Вашей же книге удачно совмещены теоретические основы и методические указания. Единственная беда, что ее пришлось очень обкарнать из-за недостаточного листажа". И в другом письме: "Выявлять, изучать, разбуривать, обрабатывать и т.п. геологическую структуру или какой-нибудь рудоносный интрузивный массив, не понимая их морфоструктурных и генетических особенностей, с достаточным успехом невозможно, хотя бы пользуясь самыми четкими практическими методическими указателями". Вакар предлагал назвать 3-е издание "Теоретические основы и полевые методы геологии". – ***Виттенбург Е.П. Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГа (воспоминания дочери). 2003***

В Вакар-походе, Владимир Анатольевич – с чайником, 1950-е

Вся эта компания тачечников знала друг друга ещё со времён детского сада киевского общества матерей. Многие из них женились на своих подругах из той же компании, а потом "переженились". Так Яша Гольдин женился на Тане Брильянт, Петровский на Кате Кистяковской. В следующий тур Яша Гольдин женился на Мусе Кистяковской*, а Таня вышла замуж за доктора Тарасова. Петровский разошёлся с Катей Кистяковской и женился на её сестре Вере Кистяковской.

Этот Петровский был знаменит ещё тем, что изобрёл особую зажигалку, состоявшую из стеклянной трубочки, в которой находился натрий или кальций. Стоило вынуть из трубки пробку и плюнуть в неё – кальций загорался и собственник зажигалки закуривал. В Киеве изобретение не пошло. Тогда Петровский поехал в Москву, стал у Красных Ворот (они ещё не были снесены) и в несколько часов стал миллионером (по советским тогдашним понятиям).

---

* Марианна Юльевна Кистяковская (1906-1981), доктор педагогических наук, специалист в области развития и воспитания детей раннего возраста. Совместно с Н.М. Щеловановым, Н.М. Аксариной, М.Д. Ковригиной разработала руководство по воспитанию детей в яслях и Домах ребенка. Примеры публикаций: Воспитание детей в грудной группе //Руководство по воспитанию детей в яслях и домах ребенка. М., 1948; О стимулах, вызывающих положительные эмоции у ребенка первых месяцев жизни //"Вопросы психологии". 1965, №2; Особенности развития движения у детей второго года жизни в состоянии тяжелой гипотрофии и с резкой задержкой развитиия //Развитие движений у детей первого года жизни. М., 1970; Физическое воспитание детей дошкольного возраста: развитие некоторых основных движений и двигательных качеств. 1978.

Как вспоминала ее внучка Анна Владиленовна Зуева, "*мой прапрадед Александр Федорович Кистяковский работал учителем в женской гимназии, а прабабушка Вера Альбертовна Соловейчик организовала один из первых детских садов в России. Семейное предание гласит, что после революции они вместе с Надеждой Константиновной Крупской создали первые дома малютки. Ничего удивительного, что бабушка Марианна Юльевна Кистяковская пошла по стопам своих родителей. Работая под руководством Александра Владимировича Запорожца, в тесном сотрудничестве с Николаем Михайловичем Щеловановым, она опубликовала более 100 работ, посвященных комплексным вопросам развития детей дошкольного и младшего школьного возраста. Ее труды были известны не только в СССР, но и за границей. Оппонентом на ее докторской диссертации был известный психолог Лурье. В НИИ дошкольного воспитания АПН СССР Марианна Юльевна заведовала кафедрой физического воспитания*". – "***Учительская газета*", *6 апреля 2010 г.***

Итак Глеб решил финансировать поездку Володи Вакара в Кисловодск. Володя согласился и блестяще выполнил свою задачу. В первую поездку он только посетил Надежду Петровну, приходившуюся ему тётей. Условились, что она ликвидирует всё, что можно, и приготовится к отъезду в Киев. Тогда Володя приедет за ней и за Марьяной второй раз. Обратная поездка прошла не без приключений. В Минеральных Водах Володю захватила транспортная Че-Ка и подвергла его обыску. Хотя она его и выпустила, но при обыске исчезли все находившиеся в вещах деньги. У Володи осталась на груди только одна такая крупная бумажка, что он не мог разменять её в дороге и поэтому три дня пути от Минеральных Вод до Киева ничего не ел.

Надежда Петровна была доставлена в Киев месяцем позже. Приехала она в ужасном состоянии: все зубы её шатались и дёсны гноились и кровоточили. Только после шести месяцев лечения она несколько пришла в себя. Зубы же пришлось вырвать и заменить искусственными челюстями. Потом возник вопрос, где поселить Надежду Петровну с Марьяной. Город был перенаселён и нанять не только квартиру, но даже комнату, нормальным путём, как до революции, было невозможно. Иногда удавалось получить комнату в небольших домах, оставшихся в руках владельцев, заплатив им так называемые "въездные".

Но найти такую комнату было нелегко. О сдаче комнат объявления не вывешивались на окнах и не печатались в газетах. Глеб нашёл две комнаты для Надежды Петровны с Марьяной и заплатил "въездные". Марьяна училась, Надежда Петровна находила временную работу по украшению детских садов.

Подпись на обороте «Работы Надежды Петровны. Отъезд из Кисловодска, 1921 год.»

Заработок на службе по прежнему носил символический характер, но служба занимала большую часть дня. Глеб в вечернее время сделал несколько студенческих проектов для студентов старших курсов. Платили они самыми разнообразными вещами. Так один заплатил за проект парового котла печкой "буржуйкой", а другой за проект паровой машины – набором кожи на высокие сапоги. Понемногу Глеб пришёл к заключению, что его служба не более чем "принудительная работа", ничем не вознаграждаемая. Самое лучшее, решил он, вернуться к прежнему студенческому бытию. Оно даёт легальное существование и приобретение знаний. Глеб снял нотариальные копии с диплома и метрики и подал их в Университет, на физико-математический факультет. Он был принят на второй курс. Оставалась более сложная часть задачи – освободиться от службы.

Глеб не успел ещё ни разу посетить лекций, как в Университете началась чистка. Коммунистическая комиссия состояла из трёх чистильщиков. Вопросы они задавали на украинском языке:

– Ви вже закинчили один выщий учбовый заклад?

– Закинчив.

– Чому ж вы знов вступили до Выщои Школы?

– Я не почуваю призвання до техники и хочу повернутися до вывчення выщои математики.

– Держава вже дала вам вчену освиту, теперь вы маэте працювати на користь держави.

Для Глеба было настолько ясно, что его вычистят, что он ушёл, даже не взяв своих заверенных копий с документов, и больше в Университет не заходил.

50. Бандитизм

В это время много людей, сорванных с насиженных мест, оказалось на нелегальном положении. С другой стороны немало людей привыкли за время гражданской войны брать всё нужное с револьвером в руках. Переходить на советскую регулярную службу им не хотелось. Служба не обеспечивала даже полуголодного существования. Было много причин, содействующих усилению бандитизма. Поздно вечером было небезопасно ходить по улицам. Беспризорные времён мировой и гражданской войны подрастали и, выходя вечером из кустов, снимали пальто и ботинки с беззащитного советского гражданина.

Иногда они "работали" в паре. Сначала к прохожему подходил мальчишка и говорил: "Дяденька, отдай пальто". Когда прохожий возмущался его нахальством, из кустов выходил здоровый верзила и, показывая финку, басил: "Отдай пальто, не мучь ребёнка".

Малые-беспризорные, ночевавшие в котлах для варки асфальта, шмыгали по базарам и тащили у хозяек из корзин то бутылку молока, то пару яиц. Они даже запоминали своих "клиенток" и, встретив одну из них снова, говорили один другому: "Зырь, я эту тётю знаю".

В трамваях у женщин, ещё носивших "каракулевую саку", вырезывали каракулевую полу бритвой. Заметивший операцию пассажир боялся сказать об этом жертве, парнишка полоснёт его бритвой по физиономии. Если кто и решался вмешаться, то молча первый бил парня в нос, так что бритва вылетала из рук. Каждый день приходили новости: у Марьи Петровны вырвали сумку из рук, у Софьи Кирилловны вырвали серьги с мясом, с профессора Шенберга в парке Политехнического Института сняли шубу. Там же грабитель отнял у студента велосипед, но студент позвал на помощь и студенты избили грабителя до невменяемого состояния.

В домах, стоящих несколько на отлёте, ночью сверлили коловоротом филёнки дверей. Жильцы обили двери изнутри жестью и услышав звук коловорота, стуком по радиаторам центрального отопления поднимали из постелей жильцов дома. Заспанные, полураздетые люди выходили из квартир с лопатами и топорами.

По соседству с Глебом жил бывший военнопленный австрийский солдат из славян. В анкетах он числился санитаром и вечным безработным. В действительности он имел временную профессию – продавал и покупал золотые пятёрки на чёрной бирже, помещавшейся на Крещатике против бывшей Думы, где стоял памятник Карлу Марксу. Но на то и щука в море, чтобы карась не дремал. "Санитара" выследили бандиты. Вечером, когда он возвращался домой после "трудового дня", за ним шёл один из смелых рыцарей револьвера, а двое других поджидали в тёмном углу тротуара под тенью акаций.

Они как раз приступили к освобождению карманов "санитара", когда по противоположной стороне проходил Глеб. Было десять часов вечера. "Санитар" попробовал обратиться к Глебу: "Гражданин, послушайте!". Но трое рыцарей сунули ему наганы в зубы и он замолчал. Сообразивший в чём дело Глеб поднял

шум. Через минуту мужчины из соседнего дома были уже на улице. Бандиты с пятерками бежали. "Санитар" всё же был доволен, что они не успели снять с него шубу. Позже этот работник чёрной биржи поступил в коммунистическую партию. По частным сведениям, "санитар" ни при одной чистке не пострадал и был ещё в лоне партии в 1958 году.

Несколько позже в кинотеатрах Советского Союза шла кинокартина "Трипольская Трагедия". Картина воспроизводила событие, имевшее место в 1919 году в 50 километрах от Киева, в Триполье.* Тогда там действовала антибольшевистская группа, руководимая бывшим сельским учителем Зелёным. Против неё был отправлен из Киева отряд комсомольцев. Отряд Зелёный разбил. Пленных сбрасывали с обрывистого берега в Днепр и топили в колодцах. Этот эпизод гражданской войны и был положен в основу картины.

Однажды Глеб зашёл в парикмахерскую и ожидал своей очереди. Парикмахер брил плотного человека в форме ГПУ и, как водится, занимал его разговором:

– Видели в кино "Трипольскую Трагедию"?

В центре фото Д.И. Терпило

– Как же, видел. Но там много показано не так, как было на деле.

И чекист стал объяснять, что именно в картине неправильно. Когда чекист ушёл и Глеб сел в кресло, опять завязался разговор с парикмахером.

– Почём он знает, – спросил Глеб, – как было в Триполье действительно?

– А вы не знаете, кто он такой?

– Не имею представления.

---

* "Трипольская трагедия" – советский фильм-драма кинорежиссёра Александра Анощенко-Анода, снятый в 1926 г. Реальным человеком, известным под именем «атамана Зеленого», был Данило Терпило, который окончил церковно-приходскую школу и двухклассное земское училище для преподавателей младшей школы. Подлинная история «банды Зеленого» была опубликована лишь после падения большевистского режима. См. например, Кость Бондаренко. Атаман Зеленый //"Профиль" (Киев), №24, 2008.

– Он ведь был правой рукой Зелёного. Он и в колодцах комсомольцев топил, и с кручи в Днепр сбрасывал.

– И теперь он служит в ГПУ?

– Так что же? Человек незаменимый. Он один против трёх бандитов выходит.

– Вот это здорово, – подумал Глеб, – бандиты борются на две стороны.

В это время семейство профессора Дмитрия Евстафьевича Белинга обосновалось на Дмитриевской улице. У "Ботаника", как его звали по старой привычке, и Ади было трое детей, две девочки и мальчик Алёша. Адя ожидала четвёртого ребёнка. Жили они в коммунальной квартире. В комнатах по фасаду жили только взрослые, семья профессора занимала комнаты, выходившие во двор. Однажды ночью бандиты вырезали филёнку в парадной двери и проникли сначала в прихожую, а затем в комнаты по фасаду. Когда атакованные ими люди закричали, бандиты начали стрелять. Двое были тяжело ранены (один умер). Бандиты стали убегать. Адя выбежала в прихожую на крик. Тогда один из бандитов обернулся и выстрелил в неё. Хотя пуля попала только в косяк двери, но ожидавшийся ребёнок родился преждевременно мёртвым.

Глеб принял дома некоторые меры предосторожности. Он обил парадную дверь листовым железом и установил электрические контакты. Если дверь открывалась, то начинал звонить звонок и над его кроватью зажигалась лампочка. Бандиты на этот раз вошли через дверь чёрного хода и сигнализация начала работать, когда они вышли через парадную дверь. Глеб поставил сигнализацию и на кухонной двери, тогда воры вошли через кухонное окно. Пришлось поставить сигнализацию и на ставнях кухонного окна.

Все эти случаи нигде не печатались, так что о них можно было узнать, если налёты происходили на квартиры знакомых. Один случай, происшедший значительно позже (в 1933 году) стал широко известен. Здесь действовали не профессиональные бандиты. Семья профессора (инженера) Зайкевича уехала из города на дачу. В квартире оставался только его племянник, работавший в «Арсенале», и домработница. Племянник вдруг неожиданно исчез. Через несколько дней домработница заметила в одной из комнат трупный запах. В сундуке оказался убитый племянник профессора. Квартира была ограблена, исчезли главным образом носильные вещи. Профессор немедленно вернулся. Делом занялся Уголовный Розыск. Прошло больше месяца, убийство не было раскрыто.

Тогда профессор отправился в Уголовный Розыск и попросил "дело", чтобы с ним познакомиться. К делу были приложены "вещественные доказательства": чёрная рубаха, оставленная убийцей (он переоделся в краденые вещи) и бумажка со стихами. Профессор заметил, что это был акростих. Первые буквы составляли имя Тадеуш. Профессор вспомнил, что у племянника был приятель Тадеуш. Тадеуша арестовали и он сознался в убийстве.

Помогала ему в убийстве проститутка. Они предложили племяннику принять участие в ограблении квартиры, он отказался . Они его убили и спрятали в сундук. Ограбление было организовано на следующий день. Домработница впустила Тадеуша, которого она знала в лицо. Тадеуш сказал, что напишет записку племяннику профессора (тот уже лежал в сундуке). Потом крикнул, что он уходит, но дверь не захлопнул. Он вернулся со своей соучастницей и они вынесли вещи на извозчика... Преступление раскрыл не судебно-уголовный розыск ("Судугроза"), а профессор Зайкевич.

51. Горсовет

Советский Союз так называется потому, что он, по идее Ленина, должен управляться советами трудящихся – советами рабочих и крестьян. Поэтому и построена пирамида советов снизу доверху: сельсоветы, горсоветы, районные

советы, областные советы, республиканские советы, верховный совет. В каждом совете есть коммунистическая фракция, и кандидатов в каждый совет (в том числе и беспартийных кандидатов) выдвигает коммунистическая партия. В начале двадцатых годов партийный аппарат ещё не научился точно работать. Поэтому иногда проходили в Горсовет люди не намеченные партией. Так на общем собрании в Управлении Треста забаллотировали кандидата, выставленного партией, а выбрали инженера Л. Добронравова.

Председателем Горсовета был тогда Ян Гамарник, впоследствии ставший главой Политуправления армии и застрелившийся, чтобы избежать ареста по делу Тухачевского. Ян Гамарник ходил в военной форме и носил чёрную окладистую бороду.* Всем членам Горсовета было предложено записаться в одну из секций Горсовета: коммунистическую, производственную и другие. Секции разбивались на комиссии (жилищную, энергетическую...) и подкомиссии. Работа члена Горсовета сводилась к выполнению поручений партийного председателя секции или комиссии. Поручения были связаны или с обследованием предприятий или с разбором жилищных конфликтов с целью по возможности их ликвидировать без перенесения в Народный Суд, который был завален такого рода делами.

Рядовой член Горсовета никакого влияния на общие решения Горсовета оказать не мог. Во-первых, беспартийных членов Горсовета было меньше чем партийных, во-вторых, партийная часть Горсовета могла действовать организованно, обсуждая заранее проекты резолюций, которые ими будут вынесены на пленум Горсовета. Все члены коммунистической фракции обязаны были голосовать за этот проект в порядке партийной дисциплины. Беспартийные члены Горсовета не представляли собой фракции, не могли обсуждать свои проекты резолюций и не были связаны никакой дисциплиной. Если бы они попробовали отдельно организоваться, то их обвинили бы в антипартийной деятельности. Они должны были послушно поддерживать предложения авангарда рабочего класса, партийной части Горсовета, как бы нелепы они ни были.

Беспартийному члену Совета вменялось в обязанность играть роль беспартийного активиста. Активист же должен был быть большим католиком, чем папа римский, в данном случае быть в своих словах более партийным чем коммунист. Добронравов такой роли выполнять не мог, а ему, как депутату, надо было отчитываться перед избравшей его "массой". На таком отчёте его атаковала не масса, а партийный комитет.

Через два года он был опять избран в Горсовет против воли партийного комитета. Он ещё более убедился в том, что это бесполезная трата времени. На этот раз председателем Горсовета был Панас Любченко, небольшого роста и средних лет человек с белокурой бородкой клинушком*.

---

* Ян Борисович Гамарник, настоящее ФИО – Яков Борисович Пудикович (1884-1937), советский военачальник, государственный и партийный деятель, армейский комиссар 1-го ранга (соответствует общевойсковому званию командарма 1-го ранга). В феврале 1920 года, после разгрома деникинцев, Гамарник был назначен председателем Киевского губкома партии и Киевского губисполкома, прослужил до июля 1923 г.

* Панас Петрович Любченко (1897-1937), с 1913 г. участвовал в революционном движении, входил в левое крыло украинской партии эсеров. Участник 1-й мировой войны. В 1917 г. член Киевского совета. Весной 1917 г. вошел в состав Центральной рады, но уже осенью был ею же арестован и приговорен к расстрелу. Освобожден в январе 1918 г. Красной армией. В мае 1918 г. вступил в партию боротьбистов, которая в 1920 г. самораспустилась, а большинство ее членов перешли в РКП(б). В 1920-21 гг. зам. нач. политотдела 2-й Конной армии. В 1921-22 гг. пред. Черниговского и Донецкого губисполкомов. В 1922-25 гг. пред. Всеукраинского союза сельскохозяйственной кооперации. В 1925-27 гг. пред. Киевского окружного исполкома. В 1927-34 секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1929 г. кандидат в члены, с 1934 г. член Политбюро ЦК КП(б)У. Одновременно с 1933 г. зам., с апреля 1934 г. пред. СНК Украины. С 1934 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). По воспоминаниям Н.С. Хрущева, "Любченко – крупный украинский работник, но у него были большие политические грехи. Он, собственно, когда-то был петлюровцем". 20-30 авг. 1937 г. в Киеве

Жена профессора Дмитрия Евстафьевича встречалась по своей работе и с Любченко и с его женой и хвалила их как людей. Впоследствии Панас Любченко был председателем Совнаркома Украины. Узнав, что ему грозит арест по приказу Сталина, он застрелил жену и себя.

Единственное, что Добронравов нашёл интересным в положении члена Горсовета, это довольно редко устраиваемые торжественные заседания Горсовета в оперном или драматическом театре, когда выступал кто-либо из членов правительства или руководителей партии. Обычно они рисовали международное положение и говорили более откровенно, чем газеты.

В конце пребывания Добронравова в Горсовете ему довелось слышать Раковского. Раковский – хороший оратор – говорил с небольшим иностранным акцентом.*

52. "Лишние люди"

Помимо людей, которые строили "новый мир", попутно заботясь и о своём престиже и своём благосостоянии и сталкивая с дороги таких же, как они, коммунистов, помимо массы людей, просто старающихся выжить, в погоне за хлебом насущным приспособляющихся к новой непонятной обстановке, была ещё категория "бывших людей". Это люди прежних "эксплуататорских классов". Сюда были отнесены чиновники царского режима, помещики, священники, крупные домовладельцы, коммерсанты.

Они были лишены не только права голоса при выборах советов, они бы это пережили, но и права на самую жизнь. Если они устраивались на работу, их выгоняли с работы. Средства, которыми они раньше располагали, были конфискованы, имущество отнято в порядке "изъятия излишков у буржуазии". Занимаемые ими квартиры можно было "уплотнять" до отказу. Их можно было совсем выгнать из города как "нетрудовой элемент".

прошел Пленум ЦК КП(б) Украины, на котором С.В. Косиор выступил с докладом "О буржуазно-националистической антисоветской организации бывших боротьбистов и о связях с этой организацией Любченко". Категорически отрицал свою вину. По официальной версии, Любченко вернулся с пленума домой, застрелил свою жену Н.Н. Крупеник и застрелился сам. По одной из версий, убит сотрудниками ГПУ. В 1937 г. были арестованы его брат, сын, мать и три сестры жены. – ***Из Интернета***

* Из автобиографии Христиана Георгиевича Раковского:

Когда Харьков был освобожден из-под власти белых, я был назначен через некоторое время снова председателем Совета народных комиссаров Украинской советской республики и членом Реввоенсовета сначала юго-западного фронта, который доканчивал войну с Деникиным и провел войну с поляками, а впоследствии был заменен Реввоенсоветом южного фронта, во главе которого находился покойный М. В. Фрунзе и в котором я продолжал участвовать в качестве его члена. Пост председателя Совета народных комиссаров Украинской советской республики я занимал одновременно с постом председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с бандитизмом, председателя Чрезвычайной санитарной комиссии, председателя особой комиссии по топливу и продовольствию и председателя Украинского экономического совета. На Украине я оставался без перерыва до июля 1923 г., за исключением периода, когда ездил вместе с Чичериным, Литвиновым и др. товарищами за границу как член советской делегации на Генуэзской конференции.

В июле 1923 г. я был назначен полпредом в Англию, где провел переговоры о признании Советского Союза английским правительством, а впоследствии во главе советской делегации заключил известные договоры с Макдональдом, которые были потом отвергнуты появившимся на его смену консервативным правительством. Из Лондона я вел переговоры сначала с Эррио, а потом с Эррио и де Монзи, которые закончились признанием Советского Союза французским правительством. С конца октября 1925 г. я был переведен полпредом в Париж.

С 1918 г. я состою членом Центрального Исполнительного Комитета, сначала РСФСР, а потом Союза, а также членом его президиума до 1925 г. До 1924 г. состоял также членом Центрального Исполнительного Комитета Украины. С 1919 г. состою членом Центрального комитета РКП, а потом ВКП, а также до 1924 г. состоял членом Центрального Комитета коммунистической партии Украины и его Политбюро.

Это были так называемые "лишенцы". Лишая их всех возможностей, их толкали на нелегальные пути существования. Они начинали заниматься мелкой спекуляцией, тогда их ловили и наказывали. Глеб встретил одного бывшего священника. Куда бы он ни поступил, его лишали работы, как только узнавали, что он бывший священник. В конце концов он скрыл своё прошлое и остался на амплуа театрального плотника до второй мировой войны.

Некая Попова из семьи миллионеров чаеторговцев Поповых* жила и воспитывала двух детей, покупая и продавая нелегально золотые монеты. Когда этот род спекуляции оказался уже невозможным, она поступила подносчицей кирпича на постройке многоэтажного дома, эта тяжёлая работа никогда не исполнялась женщинами до революции (до раскрепощения женщины). Леса на советских стройках, несмотря на наличие профсоюзов и инспекции труда, были не очень безопасны. Попова сорвалась с лесов со своей тяжёлой ношей и разбилась насмерть.

Однажды Глебу с Олей пришлось наблюдать странный случай, когда "лишенец" гордился своим положением лишенца. Они зашли в аптеку. Это было в период, когда власти старались внешне позолотить серую убогость советской жизни. У некоторых магазинов, у крытого рынка и даже у аптеки поставили швейцаров, в обшитых золотым галуном ливреях, с горемыкинскими раздвоенными бородами.

На деревянном диване в аптеке сидел и дремал старичок в потёртом пальто. К нему подошёл швейцар и тронул его за плечо:

– Товарищ, здесь спать нельзя.

Старичок встрепенулся.

– Я не товарищ, я – домовладелец. По левую сторону Прорезной улицы дома Кульженко и Григорович-Барского, а по правую – мои. Нет, я не товарищ, я домовладелец.

Он встал и гордо вышел из аптеки.

"Лишенцам" не рубили голов, но их медленно уничтожали. Они были как бы оставлены в пустыне. Они молча переселялись на кладбище. Их уморили в двадцатых годах точно так же, как в тридцатых годах уморили крестьян, противившихся коллективизации.

53. Поездка в Москву [1922]

Глеб получил командировку в Москву. Он не был в Москве с 1914 года. Взял с собой и Олю. Она никогда не бывала в Москве. Она остановится у своей замужней подруги Зины, а Глеб – у Янушевских. Янушевские переехали в Москву

---

* Марка «Братья К. и С. Поповы» пользовалась безоговорочно высоким авторитетом в России и за ее пределами. Недаром за ними закрепилось прозвание «чайных королей». Чаями их фирмы торговали более чем в 90 городах; кроме того, из их магазинов в обеих столицах чай в значительном количестве ежедневно рассылался по почте повсеместно в России и за границу. К 10-летнему юбилею товарищества и 50-летию со времени возникновения торгового дома, в 1893 г., выпускаются рекламные плакаты, из которых следует, что за 10 лет его существования было продано 50 млн фунтов чая на 91 млн руб. Таможенные пакгаузы, собственные магазины и развески товарищество имело в Москве, Петербурге, Варшаве, Киеве, Харькове, Астрахани, Баку, Вильно, Ковно, Воронеже, Двинске, Екатеринославе, Ельце, Казани, Каменец-Подольске, Кишиневе, Курске, Ростове-на-Дону, Рыбинске, Ревеле, Самаре, Саратове, Твери, Севастополе, Симферополе, Смоленске, Тифлисе, Тамбове, Туле, Ярославле, Челябинске, на Нижегородской и Полтавской ярмарках, в столице Румынии Бухаресте. Фирма была отмечена государственным гербом дважды, в 1894-м – за 50 лет полезной торговой деятельности – и 1896 г. – по итогам Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде, а в 1898 г. ей было пожаловано звание «Поставщик Двора Его Императорского Величества». Кроме того, товарищество являлось поставщиком целого ряда европейских правящих домов: императора Австрийского, короля Греческого, короля Шведского и Норвежского, короля Румынского, короля Бельгийского, шаха Персидского. – ***Из Интернета***

из Ростова в 1920 году и жили у Чистых Прудов. Павел Степанович работал теперь в Госплане.

Поезд шёл мимо Брянских лесов. Железнодорожное сообщение уже относительно наладилось. Около Киевского (бывшего Брянского) вокзала к Беклемишевым подошёл человек и конфиденциально прошептал: дёшево продам бриллианты.

– Бросьте, – ответил Глеб, – мы тутошние.

Янушевских Глеб не видел с 1917 года, а Оля их совсем не знала. Павел Степанович сильно поседел. Лёле был уже 21 год. Она говорила мало, что-то думала про себя, становилась всё больше похожей на мать, те же тёмные близко посаженные глаза, тот же нос. Люда как-то огрубела, как бы намеренно подчёркивая это резкими манерами. Она была уже коммунисткой. Иногда в доме появлялся её жених, коммунист Абрам Сеф, с чёрной ассирийской бородой, которая делала его старше его лет*.

Володи не было в Москве, он служил в органах Дзержинского в Харькове. Говорили, что он даже был грозой Харькова. Ему было тогда 22 года. Он ушёл с первого курса Института Путей Сообщения в 1917 году, чтобы "углублять революцию". Младшая Янушевская, Марьяна, была в летнем детском саду под Москвой. Игорь перешёл на третий курс Московского Высшего Технического Училища. Семья казалась разделенной на две несовместимые группы: коммунисты-энтузиасты Володя и Люда с женихом Абрамом Сефом и Лёля с Игорем.

---

* Речь идет о Семене Ефимовиче Фаермарке (?-1937), имевшем парт. псевдоним Сеф. Сведения о нем весьма скудны:

*Историк. Участник соц.-дем. движения. Второй секр. Закавказского краевого комитета ВКП(б). Дир. историч. отделения Инст. красной профессуры. – **Л.Л. Полевой. Русские евреи. Аналитический справочник***

Зато есть информация о совместной «антипартийной деятельности» С.Е. Фаермарка и Л.П. Янушевской:

Во время той поездки [в Тифлис, в сентябре 1935 г. инструктора ЦК ВКП(б) Г.А.] Штернберг завязалась интрига вокруг книги Берии "К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья" (1935). Вернувшись в Москву, инструктор 10 апреля 1936 года написала заявление в КПК, где утверждала, что супруги Сеф и Янушевская в беседе с ней жаловались, что в действительности эту книгу написал не Берия, а Сеф. <…>В августе – сентябре 1936 года партколлегия КПК по Закавказью разбирала дело об "антипартийной болтовне" Сефа и Янушевской и, судя по всему, исключила их из партии.

<…>Горячеву и другому члену Партколлегии по Закавказью Вацену написала письмо и сама Штернберг (оно поступило адресату 19 октября): "В ответ на ваше отношение… от 14/IX 1936 г… считаю необходимым сообщить следующее:

*Будучи в командировке в Тифлисе в последних числах сентября 1935 года (в связи с вопросом о реконструкции Гори и создании там сталинского музея. – Б.С.), я была у т.т. Сефа и Янушевской и в беседе со мной по вопросу о книге тов. Берия "По вопросу об истории большевистских организаций Закавказья" Янушевская в довольно откровенной форме дала понять, что этот доклад т. Берия является результатом работы Сефа. <…>Сеф член ВКП(б), б. эсер, был в ленинградской оппозиции и в 1926 г. выслан из Ленинграда; Янушевская член ВКП(б), также была в ленинградской оппозиции и в свое время выслана. <…>Парторг "Минусазолото", член ВКП(б) с 1919 г. Штернберг". – **Борис Соколов. Берия. Судьба всесильного наркома***

А вот информация об их сыне (а заодно и о родителях):

*Роман [(Роальд)] Семенович Сеф родился в 1931 году в Москве. Мать – человек из дворянской семьи, довольно знатной. А отец Семен Ефимович Фаермарк – еврей из Днепропетровска. Для того чтобы скрываться от полиции, он придумал себе партийную кличку Сеф (сложив первые буквы имени, отчества и фамилии), а после революции она стала фамилией следующих поколений. Когда Роману было 5 лет (1936 год) отца и мать арестовали. Романа воспитывала бабушка – Мария Максимилиановна. Старший Сеф был директором исторического отделения Института красной профессуры, мать – Людмила Павловна Янушевская, дворянка по происхождению, также из старых партийцев. Оба стали жертвами сталинских репрессий: в 1937-м отца расстреляли, мать 10 лет провела в лагерях. В 19 лет Сеф-младший тоже был арестован, год пробыл в одиночке, потом его отправили в Казахстан, где он провел за колючей проволокой 5 лет. – **Из Интернета***

Мария Максимилиановна, казалось, служила связывающим звеном между своими, столь разными, детьми. За столом политических разговоров не было. Лёля помогала матери разливать чай. По вечерам по-прежнему у Янушевских бывал "вечный студент" Карагичев. Впрочем, он перестал быть студентом и служил в одном из московских наркоматов. Показывал Беклемишевым Москву Игорь Янушевский.

Посетили Третьяковскую галерею. Кремль можно было видеть только снаружи, в нём ещё находился Ленин, и он был закрыт для посторонних. Ещё не было мавзолея на Красной Площади и не было московского метро. Стояли ещё Красные Ворота и не был ещё снесен Храм Христа Спасителя.

С отъездом Беклемишевых начались события в семье Янушевских. Люда вышла замуж за Абрама Сефа, а Абрам стал быстро подниматься по партийной лестнице. Скоро он стал секретарём партийного комитета одного из районов Москвы. Игорь говорил ему: "Я, конечно, могу тебя понять. Кем бы ты был без коммунистической партии? Ты был портняжьим подмастерьем и, в лучшем случае, стал бы портным, а теперь ты секретарь парткомитета одного из районов, ты – начальство, ты – власть"... Но и на солнце бывают пятна. Было пятно и у Сефа. Давно, в юности, ещё до 1917 года, он был меньшевиком. Это значилось и в его анкете. Это неприятно, но что же поделаешь – грех молодости.

А.П. Беклемишев, 1922 г.

Однажды в дом на Чистых Прудах пришёл незнакомец. Он спросил Ольгу Павловну. Лёля приняла незнакомца в столовой, гостиной у Янушевских не было. Он осмотрелся кругом и, убедившись, что никто их не может услышать, сообщил, что он нелегально прибыл из за границы. Сергей Кригер-Войновский, сын Эдуарда Брониславовича, просил его передать ей, Лёле Янушевской, письмо в собственные руки. В письме Серёжа предлагал Лёле нелегально перейти границу, ехать в Берлин и стать его женой. Перевести её через границу может податель письма. Ему можно доверять. Условились, что незнакомец придёт за ответом через два дня. Лёля рассказала о предложении матери и отцу. Что они думают по этому поводу?

Мария Максимилиановна и Павел Степанович были одного мнения: решать надо ей самой, ей выходить замуж, а не им. Пусть спросит у своего сердца... Переход границы тоже риск. Но, кто не рискует, тот не выигрывает.

Лёля решила ехать. В то время граница не была ещё "на замке". Лёля, распрощавшись с родителями, уехала в Ленинград и перешла с посланником Серёжи финскую границу, в Финляндии её ждали уже деньги для дальнейшего путешествия в Берлин. Сзади осталась кипящая жизнь первого в мире "пролетарского государства" и её родители. Лёля ещё раз увидела свою мать. Когда у Лёли родился сын, Мария Максимилиановна легально приехала в Берлин повидать дочь и внука. Такие были тогда ещё либеральные времена. Отца Лёле увидеть уже не пришлось. В конце двадцатых годов он был арестован по делу Госплана...*

54. На антирелигиозном фронте

Борьба большевиков с религией вызвала к жизни ряд агитаторов и пропагандистов, специализировавшихся на обличении религии. Кроме того были и "красные профессора", читавшие курсы "диамата" и "ленинизма" и участвовавшие в диспутах на антирелигиозные темы. Подрабатывал на этом и Демьян Бедный, занимавшийся антирелигиозным стихосложением.

В Киеве были ещё священники, прекрасные ораторы, пока ещё не сосланные советской властью в места не столь отдалённые. Два красных профессора, Канторов и Иванов, и два священника, один из них Жураковский, устраивали диспуты в театре имени Ленина (бывшем Соловцовском). Темы таких диспутов были: "Есть ли Бог?" или "Существует ли загробная жизнь?". В театре на диспуты продавались билеты и зрительный зал был всегда переполнен.

Однажды профессор Дашков пошёл на такой диспут. С обеих сторон были первоклассные ораторы с большой эрудицией, поэтому успех зависел от многих привходящих причин. Например, было важно, кто будет иметь последнее слово. На этот раз Канторов и Иванов придумали особый трюк. Они привели с собою профессора теоретической механики Делоне, который, по их плану, должен был выступить в диспуте и подтвердить, что представление о Боге и естественные науки, построенные человеческим разумом, несовместимы.

Диспут шёл обычным путём, за кафедрой на сцене менялись местами Канторов, Жураковский и Иванов. В разгаре спора Канторов провозгласил:

---

* Как мы уже упоминали, в 1930-м чекисты разыграли грандиозный спектакль "Дело Промпартии", к которому "приписали" и сотрудников Госплана. А П.С. Янушевский будет проходить по делу Промпартии, в составе озвученной "главным обвиняемым" и одновременно "основным свидетелем" Л.К. Рамзиным низовой "вредительской группы" в НКПС – Мекк, И.Н. Борисов, П.И. Красовский, П.С. Янушевский, М.Е. Правосудович, А.Ф. Величко, Шухов.

Из стенограммы процесса Промпартии: *Утреннее заседание 29 ноября. <…>[Государственный обвинитель] Крыленко. У меня к вам следующий дополнительный вопрос. В ваших показаниях, которые вы давали, поясните и подтвердите, знали ли вы Михайлова, Красовского, Янушевского? [Член президиума Госплана] Калинников. Янушевского я знал потому, что работал с ним одновременно в Госплане, Красовского встречал на заседаниях Госплана, когда он делал доклады от имени НКПС . С Михайловым встречался в 1921 или 1922 году, когда он был консультантом в Госплане. Крыленко. Вы знали их в порядке персонального знакомства? Калинников. Нет, не персонально. Так, Михайлова я встречал только в Госплане в 1921-22 году. Крыленко. А по вредительской линии? Калинников. Нет, не встречал. Крыленко. Ни одного из трех? Калинников. Янушевского встречал в Госплане, как же – по вредительской линии. Крыленко. Значит, тут был контакт? Калинников. Да, Янушевского я знал. Крыленко. Нет, по вредительской линии? Калинников. Да, он был, и через него я знаю о Красовском. Крыленко. Так что из названных мною трех лиц двух вы знали, как активных вредителей? Калинников. Да. Крыленко. Больше нет вопросов.*

– Сейчас слово предоставляется представителю точных наук профессору Делоне![*]

К кафедре подошёл маленький, белый как лунь, старичок. Зал затих. Старичёк пожевал губами и произнёс всего одну фразу:

– Я, профессор Делоне, всю жизнь был в лоне православной церкви, чего и вам желаю.

После этих слов он возвратился к своему стулу и сел. Зал взревел и захлопал. Ожидавшийся Канторовым и Ивановым эффект был сорван.

Глебу довелось познакомиться с профессором Канторовым позже, в конце двадцатых годов в Институте, где Канторов был заведующим соцэковской кафедрой. В качестве такового он организовал семинар "застосування диалектики до техники" для профессоров-инженеров. На первый семинар пришло человек пятнадцать, всё-таки было интересно, как будет "застосована" диалектика к технике.

– Итак, товарищи, начнём, – сказал Канторов. – Вы все, конечно, знаете три основных закона диалектики...

– Нет, мы их не знаем...

– Это печально. Придётся затратить некоторое время на объяснения основных понятий. Основных законов диалектики три: переход количества в качество, отрицание отрицания и единство противоположностей...

Семинар продолжался полгода, но до техники Канторов так и не дошёл.

Летом Глеб встретил проф. Канторова на пароходной пристани. Толпа ожидала начала посадки на пароход Киев – Остёр. Помощник капитана стоял на сходнях и никого не пропускал. Вдруг появился Канторов. Он был в военной форме с одним ромбиком на воротнике (где-то читал политграмоту командному составу). Его рыжая, голландского типа, борода горела на солнце.

Он подхватил Глеба под руку и сказал: "Пройдём на пароход" и прошёл мимо помощника капитана, как будто бы того и не было. Помощник капитана не

---

[*] С 1920 г. отец Анатолий Евгеньевич Жураковский – настоятель церкви в с. Андреевка Киевской области, затем настоятель церкви (бывшая приютская) Марии Магдалины близ университета в Киеве. В 1922 г. о. Анатолий выступает на многочисленных лекциях и диспутах: против теософии, на тему «Наука и религия»; читает публичный доклад "Христос и мы" в Христианском студенческом союзе. Власти закрывают церковь как находящуюся в непосредственной близости от детского учреждения. Отец Анатолий становится настоятелем церкви Иоанна Златоуста (бывшая домовая церковь Религиозно-просветительского общества). В это время в городе начинают активно действовать новые антицерковные течения: обновленцы, живоцерковцы, автокефалисты. Отец Анатолий начинает деятельную борьбу с ними: лекции, проповеди, беседы... В результате в ночь на Великий четверг он был арестован и выслан в Йошкар-Олу, Краснококшайск. <…>Зимой 1924 г. о. Анатолий возвращается в Киев, где служит священником в зимней Варваринской церкви при храме Николая Доброго. <…>В октябре 1930 г. он снова арестован и переправлен [из Ленинграда] в Москву в Бутырскую тюрьму, а в 1931 году приговорен к высшей мере наказания – расстрелу с последующей заменой на 10 лет ИТЛ (Свирские лагеря, Соловецкий лагерь, Беломорский канал – до 1937 года) без права переписки. Будет расстрелян в декабре 1937 г. – ***Из Интернета***

Николай Борисович Делоне (1856-1931) в 1878 г. окончил курс на математическом отделении физико-математического факультета Московского университета и с 1893 г. по 1895 г. был приват-доцентом по кафедре механики в СПб. университете, где в 1893 г. получил степень магистра и в 1894 г. – степень доктора. В 1895 г. был назначен ординарным профессором в Сельскохозяйственный институт в Новоалександрии по кафедре сельскохозяйственных машин, а в 1900 г. перешел на кафедру практической механики в Политехнический институт Императора Николая II в Варшаву.<…> Один из пионеров рус. планеризма, пропагандист и популяризатор авиационных знаний. Ученик Н.Е. Жуковского. Проф. механики Киев. политехнич. ин-та (1906-28). В 1908-09 построил несколько планеров-бипланов, на к-рых совершались многочисленные полеты. В это же время организовал при Киев. политехнич. ин-те воздухоплавательный кружок, многие из членов к-рого стали впоследствии видными деятелями авиации. Д. – автор одного из первых популярных руководств по планеризму – "Устройство дешевого и легкого планера и способы летания на нем" (1910). С 1928 – в Ленинграде.

Источники: 1) Энциклопедия Брокгауза и Ефрона; 2) История воздухоплавания и авиации в СССР, под ред. В. А. Попова. М., 1944.

решился протестовать... Для чего же носить ромбик, как не для права нарушать порядок?

Потом Глеб увидел Канторова в дачном посёлке Ирпене. Ирпенские тётки стояли в очереди за дефицитным товаром – керосином. Канторов стремился получить керосин вне очереди, а тётки дружно его выпирали.

– Как, – кричал Канторов, – мы революцию делали, кровь за вас проливали, не позволяете мне получить вне очереди керосин!

Странно, такая речь произвела совсем обратное действие:

– Ишь, кровь на керосин пришёл менять. Нам крови твоей не надо. В лампе она не горит...

Зато Канторов вознаградил себя триумфом на открытой партийной чистке. Чистили жестоко. Многие дрожали и запинались перед комиссией, сидевшей в большой аудитории Института. Но Канторов выступал с большим апломбом. Он, отвечая комиссии, повернулся к студентам, наполнявшим аудиторию, и с пафосом рассказывал как "мы делали октябрьскую революцию в Москве". Аудитория дружно наградила его аплодисментами.

Последний раз Глеб встретил проф. Канторова в Военкомате. Наклонившись к старшему лейтенанту, он объяснял, что может предъявить только военный билет, а партбилет "временно забрала контрольная комиссия". Дела с контрольной комиссией обернулись плохо. По-видимому история о том, как проф. Канторов "делал октябрьскую революцию в Москве", была плодом его творческой фантазии, а, может быть, обнаружилось и ещё что-либо другое. Только стало известно, что проф. Канторов бросился с четвёртого этажа лестничной клетки и разбился насмерть.

55. Поездка в Кисловодск

Надежде Петровне надо было как-то устраиваться с оставшейся на Минутке дачей, или сдать её в аренду или продать, пока она не была национализирована. Дача пока была ниже той оценки, выше которой имущество подлежало национализации. Решено было ехать в Кисловодск, используя отпуск Глеба. Ехали Надежда Петровна с Марьяной, Глеб с Олей и старший инженер Михаил Александрович Гартштейн. Ехал он просто за компанию. В дореволюционное время Михаил Александрович был начальником управления по постройке новых веток Московско-Киево-Воронежской железной дороги.

По виду и по манерам это был настоящий барин старого времени. Его, старого железнодорожника, всё время раздражали железнодорожные порядки двадцатых годов. В вагоне третьего класса было грязно, проводники и кондукторская бригада говорили с пассажирами грубо. Гартштейн, верно, никогда не ездил в третьем классе.

Остановились на даче Надежды Петровны в Минутке. Каждый день бывали в Кисловодске. Пешком – 10-15 минут ходу. Глеб и Оля бродили по Кисловодскому парку, сидели у речки Ольховки, ходили к Красным и Серым Камням, к Храму Воздуха.

Другой раз вышли из парка и поднялись на Красное Солнышко. На синем небе белели две шапки Эльбруса. Весь Кисловодск лежал как бы в оврагах, прорезавших высокое плоскогорье. Солнце приближалось к горизонту. В обратный путь пустились без дороги. Спуск был неровный, прерывался каменными грядами, выходившими из земли больше чем на сажень. Приходилось по ним съезжать вниз. Только вечером вошли в Кисловодск. Там уже легко было дойти до Пятачка и Курзала.

Глеб вспоминал Кисловодск 1920 года. Но и теперь, три года спустя, он казался мёртвым.

Съездили в Пятигорск, посетили грот Лермонтова, позже описанный Ильфом и Петровым в "Двенадцати Стульях".

Ессентуки после Кисловодска кажутся скучным местом. Ровная местность парка и источники с минеральной водой. Больные тянули воду через трубочки.

Веселее Железноводск. Два паровозика, один тянет, другой толкает, подымают вас в гору. Электрифицировали дорогу Минеральные Воды – Кисловодск и Железноводск позже.

Отпуск кончился. Обратная дорога идёт сначала через Кубань, здесь десять лет тому назад Глеб студентом отбывал практику. Как много с тех пор переменилось. Только арбузы на Кубани по-прежнему хороши. Накупили их с десяток на Кавказской и Тихорецкой.

56. Гость из Парижа [1922]

Николай Вакар с 1920 года жил в Париже. Жена его умерла при родах. Вакар занимался случайным физическим трудом. Когда одна из эмигрантских организаций предложила ему совершить поездку в Советскую Россию для организации там антибольшевистского центра, он сразу согласился. Сначала он остановился в Чехо-Словакии, получил там чешский паспорт и с ним въехал в Польшу. При посредстве Савинкова он установил контакт с "линией связи" в Советской России и получил фиктивный советский паспорт.

Ночью его перевели через польско-советскую границу. По паспорту он был художник и кооператор. Для председателя пограничного колхоза, участвовавшего в переправке через границу, он был малым контрабандистом. Путешествие до Киева прошло благополучно. Там он установил контакт с рядом лиц. Был заложен киевский Центр Действия, куда вошли главным образом представители старой интеллигенции*.

Вакар ходил по улицам в обращавшем на себя внимание виде: длинная борода и тёмные очки. Ему это казалось верхом конспирации. В линии связи был провокатор. Он сообщил ГПУ о появлении Вакара. Однако информация запоздала. Когда его начали искать в Киеве, он был уже в Москве. Там тоже был заложен Центр Действия, тоже привлекший главным образом профессорские круги.

Вакар тем же путём проследовал обратно, а профессорские центры действий организовали свои филиалы среди молодёжи. Вскоре туда пробрался провокатор, и членов центров арестовали. Потом вся история с путешествием Николая Вакара была подробно описана в советских газетах. Родственников Николая Вакара пригласили в ГПУ, но отпустили, по-видимому убедившись в их непричастности к организации центров. Отца Николая Вакара в это время уже не было в живых.

На суде профессоров из Центра обливали помоями и приговорили их к расстрелу. Правительства Франции, Англии и Бельгии послали Советскому правительству свои протесты против истребления "цвета русской интеллигенции", и расстрел заменили ссылкой в лагеря.

---

* Центр действия был образован в ноябре 1920 г. в Париже как строго конспиративная организация, ставившая своей целью свержение коммунистической власти изнутри России. Председателем Центра был И.В. Чайковский, членами – Н.П. Вакар, Н.К. Волков, И.П. Демидов, А.В. Карташев и др. В составе Центра действия имелись комиссии: конституционная, по восстановлению местного самоуправления, земельная, военная, по восстановлению денежного обращения. Протоколы заседаний не велись по конспиративным соображениям. Центр действия организовал свои отделения в Киеве и в Крыжи в Варшаве, Константинополе, Праге, в Финляндии, агентства – в Германии и Эстонии. К осени 1921 г. стала ясной невозможность организовать вооруженный переворот, и Центр сосредоточился на литературно-пропагандистской деятельности. С ноября 1922 г. было выпущено 4 номера журнала "Новь". Весной 1923 г. за отсутствием средств работа Центра прекратилась. В июле того же года были арестованы и в марте – апреле 1924 г. осуждены члены Киевской организации Центра. Документы поступили в Государственный архив (ГАРФ) в составе Исторического архива русского зарубежья (РЗИА) в 1946 г. – ***Из Интернета***

Николай Платонович Вакар во время поездки в Россию в 1922 г.

Только один член Центра Действия, А. Бельмин, избежал общей участи. Когда агенты пришли к нему его арестовать, Бельмина не оказалось дома. Он возвращался домой, где его ожидала засада. На улице он встретил соседа. Узнав от него, что его ожидают чекисты, Бельмин домой не вернулся. Он перешёл на нелегальное положение, потом переехал в Москву. Только через шесть месяцев ему удалось нелегально перейти польскую границу. После второй мировой войны он очутился в Париже.

Так окончилось путешествие Николая Вакара в Советскую Россию. После этого он потерял вкус к таким путешествиям.

57. Н.Э.П.

Новая экономическая политика, объявленная Лениным, за год-два удивительно изменила положение. Всюду давала себя знать предприимчивость людей. В одном месте открывалась артель, строившая деревянные лодки, в другом кто-то организовал небольшой частный чугунно-литейный заводик, шоферы сами ремонтировали старенькие кадиллаки и студебекеры и выезжали с ними на Крымское шоссе. На Днепре появились моторные лодки со взятыми с кладбища моторами и железными корпусами с вклёпанными новыми днищами.

Появилась надежда, что экономика страны оздоровится, а за нормальной экономикой, может быть, вернётся и относительная индивидуальная свобода. Казалось, что правительство и партия поощряют промышленную деятельность. Заработали кустарные мастерские. Одни кустари перематывали сгоревшие моторы, другие варили электросваркой или автогеном секции котлов отопления, третьи чинили примусы. Старый еврей-ремесленник, чинивший примусы на Меринговской улице, повесил вывеску "Примусова Праця". В переводе с украинского это означало "принудительный труд". Он, конечно, был не виноват.

Был приказ иметь все вывески на украинском языке (шла очередная компания украинизации). Он [(еврей-ремесленник)] производил прилагательное "примусова" от слова "примус" – бензиновый аппарат, а не от "примус" – принуждение. Публика посмеивалась, но милиция вывеску не трогала.

Глеб и Оля поехали в отпускной период на месяц в Крым. Проехали Джанкой, Симферополь. В окнах замелькала синь Севастопольских бухт. В

Севастополе наняли открытую машину частного шофера. О-о-о! Это счастье – на целый месяц забыть напряжённую работу советского инженера, отнимающую весь день. Утром в Управлении или на производстве, вечером в Техникуме или в Институте...

Латанная в нескольких местах машина бойко катила по равнине. После небольшой остановки двинулись вперёд. Проехали Байдарские Ворота и снова остановились на несколько минут. Внизу синело море. К нему катились сверху горы покрытые лесом. Среди деревьев виднелись купола обсерватории. Вид захватывал, потрясал. Остановились в Алупке – Саре.

Комната сорок рублей в месяц. Купанье внизу под Чёрной Горой. Обедать надо ходить через парк в гостиницу "Россия". Обед подают на открытой веранде с видом на море. Играют музыканты. Обед стоит один рубль. Червонцы, советская валюта того времени, были сначала устойчивыми... Воронцовский парк напоен смесью запахов хвои и моря.

Беклемишевы каждый день делали прогулки пешком то в Симеиз, к Монаху и Диве, то в противоположную сторону – в Мисхор, Чаир, Кичкинэ. Ездили в Ялту и дальше – в Никитский Сад, Массандру, Гурзуф.

Никитский сад до революции

В это время Крым ещё не был переполнен. Буржуазия прежнего времени не могла его посещать, нэпманы только что народились и находились в периоде первоначального накопления, партийцы, в массе своей, ещё не приобрели вкуса к курортам Крыма и Кавказа. А природа была так же хороша, как и раньше. Ничто не напоминало о террористической деятельности Бела Куна.

Воронцовский дворец (Львиная терраса) до революции

Во дворцах, превращённых в музеи, заведующие были из числа прежних учёных. Воронцовский дворец сохранялся в порядке. Дворец Николая Второго в Ливадии был ещё не тронут. Комнаты дочерей царя сохраняли ещё ту мебель и то убранство, которое было в дни пребывания их в Ливадии. В одной из комнат были собраны блюда, на которых царю подносили хлеб-соль. В комнатах царевен висели простые гравюры и олеографии, вроде "Мадонны со слезой" или "Грусти" Каульбаха.

В ванной комнате висела картина, которая вызывала изумление. По объяснению заведующего музеем она была преподнесена императору Николаю Второму одним художником после революции 1905 года.

Никакими художественными достоинствами она не обладала. На ней был изображён берег моря. На берегу на белом коне сидел богатырь. Он был похож на одного из "богатырей" Васнецова. Он смотрел на море, заслонив глаза рукой от солнца. С руки свисал кистень. По морю к берегу плыла "гидра революции". Она была трёхглавая, крайние головы змеиные, а третья, средняя, была чрезвычайно похожа на Льва Троцкого. На ней была будёновка... Как мог художник предвидеть появление будёновки – это его тайна... Через три-четыре года Ливадийский дворец был превращён в "санаторию крестьянина", и содержимое музея куда-то исчезло.

Этот нэповский период всё же отличался некоторым либерализмом. В библиотеках Крыма были самые разнообразные книги. Глеб брал такие книги, как мемуары Ллойд Джорджа и книги генерала Краснова. Никаких купюр, никаких изменений, только предисловие издательства, рекомендующее Ллойд Джорджа, как империалиста, а Краснова, как махрового контрреволюционера. Прошло не более пяти лет и все книги такого сорта были изъяты.

Впрочем, в Алупке не очень читалось. Хотелось надышаться свежим воздухом, наплаваться в море. Живёшь ведь сегодняшним днём, неизвестно что будет завтра. Увидишь ли другой раз Крым? Ночью на берегу зажигаются огоньки и в небе загораются звёзды. Всходит луна и серебристая дорожка тянется по морю. А там за морем горы Турции, там лежит чужой, неизвестный и запретный мир.

58. Инженеры

В это время советская власть за инженерами ухаживала. В профсоюзах были организованы особые инженерно-технические секции. Входя в отдельные профсоюзы, они имели собственные межсоюзные объединения: областные и всесоюзное Бюро инженерно-технических работников. В Киеве председателем областного Бюро Инженеров и Техников был инженер-путеец Юрченко. Человек он был беспринципный и полагал, что лавируя между партийцами (со многими из них он был на "ты"), он сохранит свободу и положение. Его расчёт оказался неправильным, в середине тридцатых годов его арестовали.

В городах и при больших заводах устраивались клубы инженеров и техников. В клубах давались концерты и устраивались танцы, встречи нового года. При клубах были читальни, биллиардные. Клубы имели тенисные площадки и водные станции. Однажды в киевском клубе давала концерт эмигрантка, бывшая ленинградская артистка Липковская, приехавшая по советской визе из-за границы. Глеб слышал её в 1914 году в Музыкальной Драме в Ленинграде. Она пела тогда партию Маргариты. На концерте он видел её вблизи. О да, она была уже не первой молодости и тёмные глаза её смотрели неприязненно, даже зло, но голос был по-прежнему хорош и свеж.*

Певица Лидия Яковлевна Липковская

Сначала клуб инженеров был небольшим и в нём чувствовалась интимность среды, в которой люди знают друг друга. Потом он стал разрастаться, в него вливались неизвестные люди с техническими значками на фуражках, но чуждые инженерам. Клуб получал уже агит-пропагандные задания. Многие инженеры стали его чуждаться или переходили в Деловой клуб.

---

* Лидия Яковлевна Липковская (1884-1958) обладала колоратурным сопрано. В 1919 г. на пароходе "Херсон" бежала через Стамбул, Рим, Париж в Америку, где в Нью-Йорке была приглашена для постановки "Весёлой вдовы" Ф. Легара (партия Ганны Главари). В 1927-29 гг. с большим успехом выступала на оперных сценах и в концертных залах в городах СССР – в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Баку и Тбилиси. Упомянутая Глебом ария Маргариты Валуа исполняется в опере "Гугеноты" Дж. Мейербера.

Глеб встретил инженера Цупника, бывшего товарища по Институту. Глеб когда-то, в гетманские времена, помог Цупнику устроиться на работу. С тех пор у них установились хорошие отношения, но встречались они редко и случайно. Цупник был выходцем из еврейской небогатой ремесленной семьи в Одессе. Он тяжёлым трудом добился высшего образования и рано женился, ещё студентом. Иногда он приносил чертежи с жёлтыми пятнами и объяснял, что сынок ненадлежащим образом использовал чертёжную доску, стоявшую у стены с наколотым на неё чертёжом. Цупник был когда-то меньшевиком, но теперь это обстоятельство было крепко забыто.*

– Вы преподаёте где-нибудь? – спросил Цупник.

– Да, по вечерам.

– Готовите смену? Я тоже, и помяните моё слово, когда мы подготовим эту смену, советскую техническую интеллигенцию, нас выкинут на свалку.

– Вы думаете, что придётся так долго ждать? Я не думаю. Смена ещё сидит на студенческих скамейках, а за чистку инженеров уже взялись.

В это время как раз возникло Шахтинское дело. Никто из инженеров не верил во "вредительство" шахтинцев, но инженеров обрабатывали и требовали от них резолюций, не только осуждающих шахтинцев, но и призывающих к суровой с ними расправе. Массы должны кричать: "крови! крови!", и тогда советская власть, "уступая требованию масс", умоет по-пилатовски руки и поставит жертвы к стенке.*

---

* ***Иван Толстой:*** Виктор Некрасов, запись 23 января 1976 года. Виктор Платонович вспоминает своё киевское детство, Днепр. Программа “Культура, судьбы, время”, 9-е января 1986 года.

Виктор Некрасов: <…>Я впервые переплыл Днепр, когда мне было 16 лет. Это было величайшим событием в моей жизни. Переплыть реку, широкую, почти как Волга, с быстрым течением, водоворотами, пароходами, поверьте мне, это не шутка. Готовился я тайно, чтобы не знали родители, в Крыму, затем на Днепре. Очень важно выбрать место так, чтобы вынесло тебя на правый берег выше Цепного моста – под ним никакое движение не разрешалось, кроме пароходов. В тайну мою был посвящен только ближайший друг Валька Цупник. Нужен был свидетель, иначе не поверят. В назначенный день я стащил у родителей пакетик масла (дома его потом долго искали – в те годы оно было на вес золота) и по всем правилам рекордсменов обмазался им с головы до ног. – "Готов?". – "Готов!”. – ”Давай!”. Я решился.

<…>Нет, у меня не было единоборства с пароходными плицами, но случилось непредвиденное – мне преградили дорогу плоты. О, эти плоты! Откуда они вдруг взялись? Три плота, сцепленные между собой. Они настигли меня, когда я только добрался до середины реки. Ждать, когда они проплывут, я не мог – меня снесло бы к мосту. Можно было бы, конечно, забраться на плот, пробежать и опять нырнуть, но это уже нарушение всех спортивных правил. И я решился. Это был самый и, пожалуй, единственный героический поступок в моей жизни. Я нырнул под плот, а они, плоты, широкие, метров 8-10, и я проплыл под ними. Если бы не Валька, никто бы не поверил. И не только переплыл, но умудрился в разрыве между двумя плотами высунуть голову, набрать воздух и опять нырнуть. Это были самые ужасные минуты в моей жизни, – говорил потом Валька. Сейчас он смотрел на меня замерзшего, с трудом попадавшего в штанину и завидовал. Даже родители простили масло (пришлось признаться). И только один Женька Захаревич, над всеми всегда подтрунивавший, иронизировал: Великое событие! Можно подумать – Волга, Миссисипи. Вот там плоты, так плоты. Я вспомнил его и его слова, когда впервые переплывал Волгу. В этот раз не вплавь, а на битком набитом солдатами пароходе “Ласточка”, доставлявшем подкрепление в пылающий, застланный черным дымом Сталинград. С тех пор, со дня покорения Днепра, прошло 50 с лишним лет. Валя погиб на фронте, Женя умер в эмиграции, в Аргентине. Я пока еще жив на берегах Сены. – ***Радио Свобода***

В рассказе «Дедушка и внучек» В.П. Некрасов вспоминал свое детство: «*...Мы издавали журнал ”Зуав”, ”печатавший” романы с названиями, начинающимися преимущественно со слова “Тайна...” Сотрудников в нем было четыре: я,* Валя Цупник*, Шура Воловик и еще один Шура, по фамилии Фарбер*».

* Шахтинское дело, судебный процесс, состоявшийся в Москве 18 мая – 6 июля 1928. Группа инженеров и техников необоснованно обвинялась в создании контрреволюционной вредительской организации, которая якобы действовала в Шахтинском и других районах Донбасса. Следствию не удалось найти жертв ”вредительства”, хотя аварии в Донбассе действительно происходили. В большинстве своем они были вызваны нарушениями техники безопасности. Обвиняемые инженеры признавались в том, что получали деньги от бывших хозяев за информацию о положении дел на предприятиях, а также в сотрудничестве с

На собрание инженеров, где был Глеб, профсоюз прислал губошлёпистого молодого человека в фуражке с техническим значком. Он произнёс получасовую речь о врагах рабочих и крестьян и внес резолюцию с требованием сурового наказания вредителям. Глеб не удержался и спросил: "Насколько известно из газет, суда над шахтинскими инженерами ещё не было. Не окажет ли наша резолюция давления на судей? Не следует ли обождать окончания следствия и решения суда? Они ведь ещё не осуждены".

– Они не осуждены ещё судом, но осуждены партией, а партия ошибаться не может.

В это время инженеру Зорину предложили подать прошение о приёме в компартию. Предложение застало его врасплох.

– Я подумаю, – сказал он, – это серьёзный шаг. Его нельзя делать без серьёзного размышления.

Дома он рассказал о сделанном ему предложении жене. Госпожа Зорина была женщиной честолюбивой. Она стала доказывать мужу, что только вступив в партию, можно влиять на ход партийной политики.

– Что может сделать беспартийный инженер? – говорила она. – Ничего. Все вопросы решаются партийными на закрытых собраниях. Чем будет больше честных партийцев, тем лучше. Конечно, тебе надо записаться в партию.

– Я не совсем с тобой согласен, – ответил Зорин. – Я думаю, что и партийцы в закрытых собраниях мало что могут сделать. При диктатуре они получают приказ от верхушки диктатуры и должны его выполнять. Только их ответственность за невыполнение больше. Я не верю во внутрипартийную демократию...

Госпожа Зорина вернулась другой раз к этому вопросу, но так же безуспешно. Зорин в партию не записался. Тогда Зорина стала доказывать, что оставаясь беспартийным он может добиваться более высокой позиции и большей заработной платы. Зорин принял назначение начальником цеха завода имени Профинтерна в Бежице (бывшего Брянского завода). Он получил вдвое больше жалованье и казённую квартиру.

Завод был большой. Он строил паровозы, большегрузные вагоны, электрические мостовые краны и молоты для кузнечных цехов. Среди черновых цехов были чугунолитейный, сталелитейный, кузнечный и молотобойный цеха. При заводе состоял инспектор НКПС, производивший лабораторное испытание и приёмку стальных болванок, идущих на паровозные и вагонные оси. Сталелитейный цех имел очень высокий процент брака и никогда не выходил из прорыва. Тогда один из мастеров цеха сделал гениальное изобретение. Он изготовил точную копию штампа, который инспектор НКПС ставил на принятых болванках. Теперь мастер сам ставил штампы на забракованную инспектором сталь. Брак совершенно исчез. Сталелитейный цех вышел на первое место в соревновании. Он получил переходное знамя, а его инженеры и мастера – денежные награды и путёвки на курорты.

белыми во время Гражданской войны, в том, что после прихода красных поддерживали связи с бывшими хозяевами и в их интересах стремились сдерживать расходование запасов полезных ископаемых и даже затапливали шахты с целью их консервации. Некоторые обвиняемые надеялись на возвращение капитализма. ОГПУ объединило этих людей, арестованных по разным причинам, в единую ”организацию”. По делу были привлечены 53 человека. 23 подсудимых не признали себя виновными, другие активно сотрудничали с прокурором Н.В. Крыленко. Судья А.Я. Вышинский вынес приговор: 11 подсудимых были приговорены к расстрелу, причем шести из них, активно сотрудничавшим со следствием, была сохранена жизнь, пятеро было расстреляно, четверо оправданы, так как предъявленные им обвинения были основаны на вопиющей некомпетентности свидетельствовавших рабочих. Процесс позволил сталинской группе в руководстве ВКП(б) развернуть кампанию критики спецов, недоверия им. – ***Из Интернета***

Развернутый комментарий по Шахтинскому делу содержится в ”Архипелаге ГУЛАГ” Александра Исаевича Солженицына.

Однако о копии штампа знали все мастера цеха, и вскоре секрет вышел наружу. Началось с того, что жёны двух мастеров, двери квартир которых выходили на общую лестницу, поссорились из-за того, кому черед эту лестницу убирать. В ссору вмешались мужья, одним из которых был "изобретатель" штампа. – "Ну ж я тебя допеку", – сказал его противник, пошёл в ГПУ и рассказал о штампе. В этом деле было усмотрено вредительство – бракованные оси паровозов катались по всему Советскому Союзу. Мастер, изобретший штамп, был допрошен с пристрастием. От него потребовали имена двенадцати его сообщников-вредителей.

Избитый "изобретатель" дал список двенадцати инженеров завода, в том числе Зорина. Они были арестованы, и им тоже предложили "во всём сознаться". Большинство арестованных "созналось". Зорин оказался упрямым и не захотел подписывать "сознание". Его сажали в холодный карцер – не помогало. Тогда на него махнули рукой и перевели в тюремную мастерскую, где он с другими заключёнными делал вёдра. Тем временем его жену и сына выбросили из казённой квартиры. Большинство знакомых в Бежице отвернулось от родственников "врага народа", кроме одной семьи, которая их приютила.

Оля делала посылки продуктов и посылала их из Киева в Бежицу. Зорина выпустили через одиннадцать месяцев, сделав ему отметку в паспорте, благодаря которой он не мог жить в пяти самых больших городах.

Примерно в это же время несчастья обрушились на семью Янушевских. Началось с Володи. Он обнаружил какие-то оппозиционные настроения, после чего его перевели из ведомства Дзержинского на "культурно-просветительную" работу. Вероятно он не усвоил достаточно покаянного тона, потому что был сослан. Из ссылки он никогда не вернулся... Следующий удар пришёлся по главе семьи. Было организовано дело о "вредительстве в Госплане", которым руководил поставленный Лениным Кржижановский. Ленин лежал уже в мавзолее, и Кржижановский чувствовал себя не совсем крепко. Во всяком случае он никак не отстаивал арестованных инженеров Госплана, предоставив воротилам партии сваливать на них свои собственные ошибки.

Когда Павла Степановича арестовали, Мария Максимилиановна побежала к Люде:

– Объясни Абраму, что отец ни в чём не виноват, это ошибка, пусть Абрам объяснит это в Ц.К.

Люда, верившая в партию, обратилась к мужу:

– Абрам, ты ведь знаешь, что отец не вредитель. Пойди в Ц.К. Объясни им.

– Что же им объяснять? Они это и сами знают. Осуждение инженеров Госплана нужно для реабилитации партии. А интересы партии выше всего. Когда они потребуют наши жизни, мы должны будем их отдать... даже без всякой вины с нашей стороны.

Павел Степанович прошёл через всё, что полагалось, через ночные допросы, через испытание ярким светом. Наконец его отправили на север. Вернули его через полтора года и заключили в московское "закрытое бюро".

Там работали заключенные инженеры. Некоторых из них потом выпускали, даже награждали за изобретения. Павел Степанович получал разрешения на посещение родных. В один из своих приездов в Москву Глеб видел его.

Павел Степанович был совсем белым.

– Это уже не жизнь, – сказал он.

– Павел Степанович, но в будущем...

– Э, какое у меня будущее, – махнул он рукой.

Это была последняя с ним встреча Глеба. Через полгода Павел Степанович умер.

А инженера Правосудовича, который был начальником службы тяги, принявшим Глеба на практику, – расстреляли. Он тоже был "мальчиком, которого высекли" за экономические ошибки партии.

Абрам Сеф уехал из Москвы. Его назначили наркомом в закавказскую республику с резиденцией в Тифлисе. Однажды Мария Максимилиановна получила от Люды телеграмму: "Немедленно приезжай забирать детей".

Случилось что-то важное, сказала себе Мария Максимилиановна и немедленно выехала в Тифлис. Люда встретила её и объяснила положение: Абрам арестован, я жду ареста с часу на час. Люда была права. Её арестовали и отправили в лагерь на берегу Тихого океана, лагерь для жён высоких партийцев. Мария Максимилиановна увезла в Москву двух мальчиков. Абрама расстреляли. Что он передумал в последние ночи – неизвестно. Может быть он шёл на смерть, утешая себя тем, что смерть его необходима партии. А может быть он жалел, что переменил профессию портного на профессию партийного вельможи.

59. Смерть Владимира Вакара [1926]

В 1926 году заболел Владимир Викторович Вакар. Всё время держалась температура, хотя и не очень высокая. Перебывало у него много докторов. Одни находили тиф, другие – болезнь печени. Только доктор Кристер сказал, что это внутренний абсцесс. Так тянулось около месяца, затем его перевезли в больницу. Появились признаки общего заражения крови. Рентген ничего не обнаружил. Решили делать операцию. Вскрыли брюшную полость, ничего не нашли и наложили швы.

Глеб пришёл в больницу. Владимир Викторович находился в полном сознании. Он понимал, что умирает. Вероятно в глазах Глеба он прочёл, что с ним прощаются и отвернулся к стенке. Потом началась предсмертная икота, и Владимира Викторовича не стало. Вскрытие показало, что гнойник, не обнаруженный ни рентгеном, ни операцией, был закрыт костями таза.

Владимир Вакар был юрисконсультом профсоюза. За гробом шла вдова, сын и невеста сына, а дальше шли члены профсоюза, около тысячи человек, с оркестром и знамёнами. Погребение происходило по гражданскому обряду. Комья земли падали на гроб, склонились знамёна, оркестр играл траурный марш. Представитель профсоюза сказал краткую речь, напомнив, что покойный знал Ленина и Луначарского.

Глеб сказал Оле:

– Вот Володя был когда-то большевиком, и он был честным человеком. Он был единственным известным мне человеком, в котором совмещались и большевик и честный человек. Впрочем он перестал быть большевиком ещё в 1908 году, а честным человеком оставался до самой смерти.

Виктор Модестович и Анна Эразмовна пережили обоих своих сыновей.

Вдова Владимира Викторовича, Мария Антоновна с сыном уехали на месяц в Крым.

Зимой в театре красной армии на Меринговской улице шёл "Сирано де Бержерак". В зале были Глеб с Олей и сын Владимира Викторовича, Игорь, с невестой Натой, и его приятель, сын ветеринарного врача, Лёня Клисенко тоже с невестой.

– Смотри, – сказала Оля, – обе хорошенькие, не знаю, какая лучше.

– Да, ответил Глеб, – летом мы хоронили Владимира Викторовича. Старое поколение сходит со сцены, это поколение, – он показал на молодые пары, – только начинает жить. Что их ждёт?

Обе свадьбы были отпразднованы весной. Следующей зимой был арестован Лёня и отец Наты, служивший в банке. Больше о них никто из родных не слышал.

60. "Цветы жизни"

Дети это – цветы жизни. Не помню, кто это сказал*.

---

* Выражение сложилось на основе фразы "дети – живые цветы земли" из рассказа "Бывшие люди" (1897) писателя Максима Горького. – ***Из Интернета***

– Посмотрите на эти "цветы жизни", – сказала Наталья Захаровна, жена Лёни Добронравова, показывая на мальчишек, которые лупили камнями бедного шпица, старавшегося от них удрать.

Чего только не прививали этим цветам жизни.

Три карапуза, не старше трёх лет каждый, идут по тротуару.

– Кто твой папа?

– Мой? Милиционер.

– А мой рабочий.

– А мой ещё рабочее, – заявляет третий. Он уже слышал, что рабочим быть хорошо. Он слышал: всё для рабочих.

Немало "цветов жизни" гибнет, и гибнут не только беспризорные. В 1918 году в Александровской больнице умерли отец и мать, беженцы из военной зоны у Карпат. После них остался мальчик пяти лет. Сироту взял к себе и усыновил доктор Михайлов. Доктор умер в 1922 году от заражения крови, и Лесик остался у вдовы, Веры Михайловны. Это был славный ласковый мальчик. Можно было надеяться, что он станет опорой своей приёмной матери, когда она доживёт до старости. Но у Лесика вдруг стали появляться признаки клептомании. Комнаты соседей Веры Михайловны оказались обокраденными. Исчезли деньги и часы. Одновремённо исчез и Лесик. Ему было уже шестнадцать лет. С ним исчезли и два его товарища. Как потом оказалось, они уехали в Одессу, где поступили на водную спасательную станцию. Все трое жили на деньги, украденные Лесиком. Когда деньги вышли, они вернулись в Киев. Лесик не пришёл домой, а встретил мать на улице. Его искала милиция.

Вера Михайловна отправила его в Ленинград к знакомому врачу и просила принять в нём участие. Врач знал Лесика ещё мальчиком-сиротой в Александровской больнице в Киеве. Врач принял в нём участие и, уехав на дачу, оставил Лесика одного в квартире. Лесик вскоре нашёл в Ленинграде мальчишек из криминального мира, и они вместе очистили квартиру доктора. Вернувшийся домой доктор ничего не предпринял против Лесика, он не обратился в милицию или в уголовный розыск. Доктор думал, как спасти Лесика от преступного мира. Он нашёл выход. Он поместил Лесика в закрытую морскую школу. Лесика одели в новую форму и посадили за парту в классе. Вечером он отправлялся в дортуар с другими мальчиками. Неделю всё шло хорошо. Через неделю Лесик повесился на кушаке в дортуаре.

В семье профессора Белинга, кроме двух девочек, был ещё сын Алёша. Младшая девочка была очень живой, непоседой. Она влезла на дерево и упала со значительной высоты. Умерла она от менингита. Алёша был воспитанным и приятным голубоглазым мальчиком. Вдруг в доме стали исчезать деньги и ценные вещи. Потом произошла кража у профессора Хахутова, жившего в том же доме. Сначала было неясно, кто виновник этих краж.

Но вскоре было установлено, что похищает деньги и вещи именно Алёша. Он был в руках шайки, которая образовалась в школе. И отец, и мать имели с ним серьёзные разговоры. Он с ними соглашался, обещал исправиться. Но, видимо, шайка его терроризировала. Однажды вечером в квартиру позвонил милиционер. Он сообщил, что в общественном парке повесился мальчик, по документам милиционер установил, что это сын профессора Белинга. Алёша не нашёл другого выхода, чтобы избавиться от власти шайки.

У бухгалтера Клягина был сын 17-ти лет. Однажды отец нашёл на столе записку: "Я ухожу навсегда и беру с собой две тысячи рублей и часы. Я считаю, что эта часть имущества принадлежит мне по праву при разделе. Я никогда не вернусь... " И действительно, отец больше о сыне не слышал.

61. Техникум и Институт

С начала двадцатых годов Глеб преподавал в Техникуме. В Техникуме имелось два отделения. Это было среднее учебное заведение, но со специальным техническим уклоном. Среди учащихся Техникума был Володя Зубрицкий. В детстве он слыл известным вундеркиндом, которого показывали на сцене. Он был способен перемножать в уме четырёхзначные числа и давать правильный ответ. Вероятно, ему этими упражнениями свихнули мозги. Будучи учащимся Техникума он обнаружил полную неспособность к математике, не мог составить простейшего уравнения и решить его.

Потом Глеб начал преподавать в Вечернем Рабочем Институте. В Институт принимались квалифицированные рабочие, окончившие Рабфак. Они учились в Институте "без отрыва от производства", т.е. они продолжали работать на заводах, а учились вечером. Часто они были так утомлены, что засыпали на лекциях. Однако в большинстве своём это были серьёзные студенты, они действительно "грызли гранит науки".

Здесь Глеб встретил ряд профессоров и инженеров, которые были ему уже знакомы. Тут читали лекции профессор Конрад Эмильевич Гейбель, у которого Глеб когда-то делал свой дипломный проект, проф. Ладыженский, проф. Шелковников, с которым Глеб встретился в военном училище и которого направил в 1917 году к проф. Ганицкому. Были и молодые инженеры: Хаймович по станкам и теории резания, Волков по паровым котлам.

Студенты первого приёма в большинстве были пожилыми людьми, инженер Волков, по сравнению с ними, мог считаться молодым человеком. Именно это обстоятельство не удовлетворяло студентов, и они приходили жаловаться к директору:

– Вы дайте нам настоящего профессора, чтоб с бородой был.

Волков вскоре был арестован и исчез.

Директором сначала был беспартийный инженер Эйнгорн. Потом его сняли и посадили на его место коммуниста, интеллигентного человека, но без технического образования. По национальности он был румын. Он рассказывал, что в молодости был домашним учителем в аристократическом семействе графа Барклай де Толли. С ним он бывал и за границей. Так как в доме говорили по-французски, то он стал изучать французский язык.

Однажды, засидевшись у своей учительницы французского языка, он опоздал к ужину. У Барклай де Толли были гости. Мадам Барклай де Толли обратилась к нему с вопросом о причине опоздания. Смутившийся домашний учитель хотел объяснить, что он задержался у учительницы, и, полагая, что если учитель по-французски – meter, то учительница должна быть – metresse, чем привёл общество в смущение*.

В Институте заведующим кафедрой социально-экономических наук был уже известный из предыдущего повествования проф. Канторов.

Когда в Институте ввели военное обучение, преподавателем военных наук пригласили Ольдерогге, бывшего преподавателем в военном училище имени Каменева. Ольдерогге известен как офицер царского времени, который поступил в Красную армию. Ему в значительной мере Красная армия была обязана успехами на фронте против Колчака. В двадцатых годах он преподавал в военном училище, позже его арестовали и расстреляли. Мавр сделал своё дело, мавр может уйти...*

---

* Maître – господин, хозяин, учитель, maîtresse – госпожа, хозяйка, учительница, любовница.

* Владимир Александрович Ольдерогге (1873-1931) во время I Мировой войны дослужился до командира стрелковой дивизии. Весной 1918 г. добровольно вступил в РККА. С августа 1919 г. командовал Восточным фронтом РККА, после его расформирования возглавлял Западно-Сибирский Военный округ. С января 1921 г. работал инспектором пехоты и командующим войсками Украины и Крыма, а с 1 июня 1921

Впоследствии Рабочий Институт влили в Машиностроительный Институт (бывший Политехнический). В последние годы самостоятельного существования Рабочего Института в нём произошёл такой случай.

Секретарём партийного комитета был студент последнего курса, очень активный человек. Его приказы в Институте исполнялись беспрекословно. Можно сказать, что он даже несколько затирал мягкого директора. Секретарю, занятому партийной работой, не всегда хватало времени для выполнения проектов. Тогда он радикально разрешил вопрос: он приказывал выдать из архива чертежей какой-нибудь проект крана и поручал одному из студентов скопировать его (у него самого не было времени и на копировку).

В рабочем институте не существовало аспирантуры. Секретарь парткомитета был авансом, ещё до окончания Института, принят в аспиранты Машиностроительного Института. Через полгода намечалась экскурсия аспирантов Машиностроительного Института в Германию с проф. С.П. Шенбергом во главе. Естественно, что все аспиранты, выпускаемые за границу, предварительно основательно проверялись в НКВД. И вот тут, при проверке секретаря парткомитета Рабочего Института выяснилось, что он был исключён из партии и ему как-то удалось это скрыть. Теперь на него посыпались доносы. Он заставлял других студентов делать за себя проекты, даже не делать, а копировать со старых проектов.

Столица Украины была в это время ещё в Харькове. Директор Института поехал в Харьков и там санкционировал увольнение секретаря партийного комитета за две недели до защиты дипломного проекта.

Даже жена покинула неудачливого секретаря и он говорил:

– Теперь стало легче, выдал жену замуж.

Защита дипломных проектов происходила не без трений. Студенты, кончавшие по паровозостроению, делали дипломные проекты у проф. Ладыженского, а кончавшие по паровым котлам – у проф. Шелковникова.

Ладыженский и Шелковников были на ножах. Ладыженский в Машиностроительном Институте читал курс паровых котлов, у него даже был запатентован пароходный котёл его собственной системы. Шелковников, как бывший железнодорожник и начальник депо, хорошо знал паровозы. На защите дипломных проектов Шелковников резал дипломантов Ладыженского, а Ладыженский – дипломантов Шелковникова. Происходило это примерно при следующем диалоге. Защищает проект студент Шелковникова. Чертежи развешены на досках. Студент кончает объяснения. Начинаются вопросы.

– А, скажите, – говорит Ладыженский, – для какой цели служит эта доска, которую вы укрепили на фронте котла?

Студент не знает, что отвечать. Тогда вмешивается Шелковников, чтобы спасти дипломанта.

– А вы видели когда-нибудь котлы этой системы без этой фронтовой плиты?

– Нет, никогда не видел, – отвечает студент.

– А сколько котлов этой системы вы видели в своей жизни? – спрашивает дипломанта Ладыженский.

Профессор Шелковников был преисполнен сознания собственной важности. На лекции он вывешивал таблицы с диаграммами и формулами. Среди них была и такая: формула для определения коэффициента избытка воздуха по Менделееву

г. — главным инспектором Военно-Учебных заведений Киевского военного района. Инспектор ГУ ВУЗ РККА. С 1922 г. являлся помощником руководителя Военно-научного общества, переименованного затем в Осоавиахим. С февраля 1924 г. работал начальником (позже помощником начальника) Объединенной школы имени Каменева. Военрук Киевского политехнического института, затем главный военрук Киева. Владимир Ольдерогге был арестован в декабре 1930 г. по делу «Весна». Во время следствия признался в том, что являлся руководителем контрреволюционной офицерской организации на Украине. Приговором Военной Коллегии ОГПУ осужден к высшей мере наказания. Расстрелян 27 мая 1931 г. в Харькове.

(маленькими буквами), формула Союза Германских Инженеров (средними буквами), формула проф. Шелковникова (большими буквами). Со своей женой Шелковников знакомил (для советского времени) оригинально:

– Позвольте вас познакомить с моей женой, урождённой баронессой Шлиппенбах.

Когда по делу проф. Рамзина были арестованы чуть ли не все теплотехники, НКВД забрало и Шелковникова, и Ладыженского*. В тюрьме им пришлось сидеть в одной камере. Ладыженский вернулся из ссылки, но не в Киев, а в один из приволжских городов. В Киев он приезжал только в командировку. Шелковников из ссылки не вернулся.

62. Ликвидация НЭП'а

Предположения, что НЭП приведёт к нормальной жизни, а может быть и к относительной личной свободе, не оправдались. Частник, строивший лодки, ещё выворачивался. Он организовал "трудовую артель", в которую вошли все члены его многочисленного семейства. Глеб встретил одного частника, еврея из Чернобыля.

– Как же вы теперь работаете? – спросил Глеб.

– Ничего, работаем под покрывательством артели. – Он хотел оказать – под покровительством.

Владелец небольшого чугунолитейного завода был ликвидирован в два приёма. Он изготовлял на заказ неплохие пародутьевые топки. Его обложили налогом, который он не был в состоянии уплатить. Фининспектор пришёл к нему на помощь советом:

– Неужели вы не можете продать какой-нибудь чугунный лом на недостающие четыреста рублей? Хуже будет, если я буду принуждён описать весь завод.

Владелец завода почесал затылок, наскрёб несколько тонн лома и продал его. Через две недели фининспектор был уволен. На завод явился новый фининспектор, потребовал книги.

– Что это за приход – 400 рублей?

– Это я продал чугунный лом, чтобы уплатить налог.

– У вас завод, принимающий заказы. Вы не имеете лицензии на торговлю ломом. За незаконную торговлю на вас налагается штраф...

Завод был описан и конфискован.

Старик-электротехник, которому Глеб заказывал перемотку электромоторов, был разорен тоже в два приёма. Сначала на него наложили один налог. Когда он уплатил его, с него потребовали дополнительный. Старик ликвидировал свою кустарную мастерскую и пошёл работать на завод.

На Днепре появилось довольно много частных моторных лодок. Хозяева их, рабочие и инженеры, часто восстанавливали их собственным трудом из гнилых корпусов и ободранных моторов, покупали или изготавливали сами недостающие части.

Правительство приняло закон, по которому национализируются все моторные лодки с двигателями свыше 10 сил (это происходило через 10 лет после революции). Владелец моторной лодки был обязан сдать её в отремонтированном виде.

Фининспекторы рыскали по городу, стараясь обнаружить частные портняжные мастерские. Их владельцы работали рабочими в государственных мастерских, а вечером и ночью выполняли частные заказы. Если они не имели заказов, то шили пальто на продажу и продавали их в комиссионных магазинах через подставных лиц. Однажды, когда Оля с матерью были на даче, на её имя пришла повестка от фининспектора. Глеб решил идти к фининспектору в качестве представителя жены.

---

* Это все тот же «процесс Промпартии», на котором проф. Рамзин выступил «главным сценаристом».

– Моя жена на даче. Может быть я могу ответить на ваши вопросы?

– Не продавала ли ваша жена каких-нибудь вещей через комиссионный магазин?

– Продавала. Продала один шкаф.

– Нет, шкаф нас не интересует. Не продавала ли она что-либо из носильных вещей?

– Она продала коверкотовое пальто.

– Это пальто было совершенно не поношенное?

– Нет, оно было мало поношенное.

– Почему она продала его?

– Ей не нравился его зеленоватый оттенок. Она решила его продать и заказать другое, коричневое.

– Гм. Где ваша жена думает его заказать?

– В Индпошиве, на Прорезной.

– А где было сшито это, проданное в комиссионном магазине?

– Я этого не помню. Оно было сшито восемь лет тому назад. Насколько я знаю, портной переехал в другое место и умер.

Тем не менее фининспектор потребовал, чтобы к нему явилась Оля. Оля предупреждённая Глебом, развивала тот же вариант. Портной не был выдан.

Ликвидация НЭП'а чувствительно ударила и по курортам. Частные автомобили в Севастополе исчезли. Появились открытые автобусы какой-то правительственной транспортной организации. Конечно, их не хватало. Когда Глеб с Олей ехали в Крым, курортный агент производил запись на места в автобусе ещё в вагоне поезда. "Курагент" был сразу окружён плотной толпой. Хотя Глебу и удалось получить два билета, но на задние места.

– Ничего не будет видно, – жаловалась Оля.

– Ну что же делать, не драться же из-за билетов, – отвечал Глеб.

В переднем ряду автобуса сидели разноцветные девицы (..."и голубые комсомолки, визжа купаются в Крыму"... писал про них Георгий Иванов тридцать лет спустя). Во втором ряду сидели совтуристы плотной комплекции. Один из них всё время пожирал помидоры. Автобус тронулся, качаясь на ухабах давно не ремонтированного шоссе. Прошло около часу. Пожиратель помидоров разомлел. Его укачивало всё больше, и вдруг помидоры неудержимо попросились наружу. Разноцветные девицы стали ещё более разноцветными, с преобладанием красного цвета. Девицы визжали и ругались.

– Цени преимущества задних мест, – сказал Глеб Оле.

Проехали Байдарские Ворота. Воронцовский парк в Алупке не изменился, но изменилось кое-что другое. Остановиться можно было или в гостинице "Россия", или в гостинице "Франция", которая позже стала филиалом "России". Можно было достать ещё и частную комнату, но какую? Грязную и с клопами. Обедать надо было ходить в помещение против музея (Воронцовский дворец). Обед был отвратительный и ждать его надо было около часа, стоя за спиной обедающих, пока освободится место.

– А помнишь, как было в позапрошлом году? – сказала Оля.

Глеб прекрасно помнил. В позапрошлом году был прекрасный частный пансион под Воронцовским парком. Комната с балконом. За стол садилось 14-15 человек. Пансион содержала интеллигентная дама. Иногда после обеда пили с ней шато-икем*. Пансион улетел вместе с НЭП'ом...

---

* Дореволюционная Россия была одним из основных потребителей изысканных французских вин «Chateau Margaux», «Chateau Lafite», «Chateau d'Yquem». Воздвигнув железный занавес, народные вожди бредили навязчивой идеей доказать всему миру, что мы все можем, у нас все есть. Высокопоставленные начальники-творцы, не разбираясь сколь-нибудь в самом предмете, спускали в винодельческие хозяйства распоряжения производить известнейшие марки мировых вин. – ***Из Интернета***

63. Укрупнение и разукрупнение

Двадцатые и тридцатые годы имели одну особенность. Вся организационная система всегда была в подвижности, в перестройке. Какой-то новатор наверху провозглашал укрупнение или разукрупнение и, как по волшебной палочке, тысячи людей занимались этим укрупнением или, наоборот, разукрупнением. Людей возражавших шельмовали, а иногда и арестовывали... Впрочем эта подвижность продолжается и до сих пор. Не так давно происходило "укрупнение" колхозов. В те же времена укрупнялись и разукрупнялись институты, тресты, жилкооперативы.

Киевский Политехнический Институт был сначала разделен на Машиностроительный, Энергетический и Химико-Технологический. Из него были выделены также и никогда в него не вернулись Агрономический и Инженерно-строительный факультеты, ставшие институтами. Затем в порядке укрупнения в Машиностроительный Институт был влит Вечерний Рабочий Институт, а выделен из него Авиационный факультет, ставший институтом, и только в 1935 году три института – Машиностроительный, Химико-Технологический и Энергетический были опять укрупнены в Институт, который назвали не Политехническим, как прежде, а Индустриальным, затем его опять назвали Политехническим, и это название он носит по сегодняшний день.

То же происходило и в хозяйственных организациях. После национализации речного флота было организовано Днепро-Бугское управление речного транспорта. В 1924 году его разделили на Днепровское пароходство и Управление водных путей. Комиссия с подкомиссиями на местах занялась делением имущества между двумя организациями и успешно делила его до 1928 года. А в 1930 году обе организации опять слили в одну.

Организовать надзор за жилкооперативами было трудно. Председатели и секретари правлений часто были беспартийными. В конце двадцатых годов было проведено принудительное укрупнение жилкооперативов. Теперь в жилкооп входило по четыре-пять домов. Председатель правления был партийцем, а управдом совмещал функции агента НКВД.

Через несколько лет жилкооперативы опять разукрупнили. При этом совершались удивительные бухгалтерские фокусы, опустошавшие карманы жильцов. Если, например, в укрупнённом жилкооперативе был один дом с центральным отоплением и четыре дома с печным, то топливо, закупленное для центрального отопления одного дома, записывалось на баланс укрупнённого жилкооператива. Когда жилкооператив разукрупняли, то стоимость топлива, как имущества, делилась между пятью домами, а так как сжигал топливо один только дом, то на него (на новый кооператив) записывался [мифический] долг всех четырёх домов с печным отоплением. Жильцам этих домов повышалась плата за комнаты, чтобы погасить долг.

64. Закавказье

– Куда же поедем в это лето? – спросила Оля.

– Знаешь что? Поедем в этот раз в Тифлис, захватим Веру и проведём с ней две недели под Батумом.

Вера была дочь Платона Модестовича Вакара и жила с мужем Мишей в Тифлисе. Глеб и Оля выехали через Ростов и Беслан (где когда-то Глеб ездил помощником машиниста) во Владикавказ, переименованный теперь в Орджоникидзе. Ночь не спали, в Беслане была пересадка. Во Владикавказ приехали в четыре часа утра. Взяли номер в гостинице и проспали до десяти. В десять часов утра машин на Тифлис не оказалось, все ушли рано утром. Наконец им показали автомобиль, не внушавший особого доверия. У Беклемишевых нашлись ещё попутчики.

– Да ведь машина, пожалуй, развалится, – покачал с сомнением головой Глеб.

– Зачем развалится? Она сто лет ещё бегать будет.

Выхода не было. Выехали, но ехали недолго. Ещё до выезда из Орджоникидзе переднее колесо отвалилось. Машину занесло. К счастью, это было ещё не на Военно-Грузинской дороге. Попутчики отложили поездку, а Беклемишевы остались ждать на дороге. Через час прикатил совсем маленький автомобиль и поездка продолжалась. Миновали скалу "Пронеси Господи", поднялись на перевал. Мальчишки бежали за автомобилем и бросали цветы, крича "копейка, копейка"!

Обедали в Пассанауре, где к дереву был привязан мишка. Миновали Мцхет и на проспекте Руставели нашли Веру с Мишей. Квартира, видимо по грузинскому обычаю, была почти пустой. Миша имел на тифлисском партийном Олимпе немалый чин, но он был совсем не похож на российско-украинское издание партийца. По случаю приезда Беклемишевых Вера и Миша назначили пир на горе святого Давида.*

Вечером за стол село человек двадцать грузин. На стол поставили большую вазу, вроде суповой миски, с крюшоном. Для дам был поставлен лимонад. Избрали тамаду. Рядом, за соседним столом, выпивала компания кинто**.

Тамада произносил тост за тостом. Его тоже звали Мишей. Глеб почувствовал, что он уже не в состоянии вливать в себя бокалы крюшона. Оля подменивала крюшон лимонадом. Но он не мог уже вмещать и лимонад, выливал его под стол. Дам было всего две – Вера и Оля. Кинто пустились в пляс, два человека из компании Веры и сама Вера стали плясать с кинто. Всё происходило на уровне самой чистой демократии.

Но тут что-то случилось. Так как столкновение произошло на грузинском языке, Глеб не понял в чём именно дело. Ему объяснили потом. Тамада Миша произнёс тост, который показался обидным Грише. Гриша оттолкнул стол и встал. Он сказал, что не будь здесь иностранцев, он разделался бы с обидчиком. Но он оставляет за собой право отомстить обидчику.

Было уже двенадцать часов ночи. Пир окончился, и вся компания пошла бродить по Тифлису.

– Для чего мы ходим? – спросил Глеб Веру.

– Видишь ли, Гриша сейчас поджидает Мишу, бывшего тамадой, около его дома. Если Миша сейчас вернётся, Гриша его убьёт.

– Ну, а если мы будем ходить с Мишей всю ночь, то Гриша убьёт его завтра.

– Ничего подобного. Гриша проспится и гнев его пройдёт.

Вся компания поднялась в Верину квартиру. С балкона увидели, как Гриша проехал на трамвае, не дождавшись Миши. Теперь всё в порядке. Публика разошлась по домам.

---

* Под "Мишей", имевшим на "тифлисском партийном Олимпе немалый чин", Глеб (Анатолий Петрович Беклемишев) зашифровал первого мужа Веры Платоновны Вакар, Михаила Ермолаевича Джапаридзе, предшественника уже помянутого нами ранее в сноске – управделами ЦК КП(б) Грузии в 1920-30-е годы Георгия Христофоровича Бабаева.

** Кинто – в Грузии мужчина, занимающийся торговлей или же вообще без определённого занятия, весельчак, плут и мошенник, завсегдатай духанов. Кинто подпоясывались узким наборным ремешком. Особым шиком для кинто считалось иметь массивную золотую цепь от часов, которая должна была спускаться из кармана архалука. – ***Из Интернета***

Кинто с органщиком Датико Земель. Нико Пиросмани, 1906 г.

На следующий день Глеб и Оля выехали в Батум. Вера должна была приехать через три дня. Ехали в открытом вагоне, напоминавшем прицепной вагон к старой киевской конке. Беклемишевы сделали пересадку на Боржом, не доезжая до Сурамского туннеля. Побродили по Боржому, переночевали в гостинице, под которой протекал поток. На другой день поднялись в Бакурьяни. Дорога вилась винтом. Видно было, где проезжали пять минут назад. Бакурьяни встретил мелким дождём. Небо было в облаках. Деревянные, крытые тёсом, домики придавали высотному курорту необычный вид.

На обратном пути разговорились с железнодорожником-грузином. Он говорил, что у них было меньшевистское правительство и что "русские их завоевали". Глеб удивлялся его откровенности. Как он не боится? В Киеве так откровенно не говорят.

Из Батума проехали в экипаже в Махинджауры. Наняли комнату. Это не Крым. В комнате вся меблировка состояла из двух бамбуковых кроватей. К бамбуковым жердям полотно пришито суровыми нитками. Каждое утро Глеб просыпался на полу. Приехала Вера. Ходили в Чакву и Зелёный мыс. Субтропическая растительность. Интересный ботанический сад. На холме бывшая генеральша разводит кусты чая. Беклемишевы купили у неё два фунта ароматного чая, завёрнутого в газетную бумагу. Под холмом цветут голубые гортензии. Беклемишевы купались на берегу открытого моря, катившего высокие валы, которые сбивали с ног.

Через Батум идёт контрабанда из Турции, коверкот*, лакированная кожа для туфель. Контрабанду отбирают. Батумские портные шьют из коверкота пальто, не разрезая материала. Пальто не отбирают...

Пролетели две недели. Глеб и Оля едут назад по Чёрному морю на Севастополь. Вдалеке по морю идёт смерч. Воронка воды поднялась навстречу воронке облака. Они соединились, и гигантский столб движется по морю.

---

* Коверкот – (англ. covert coat) – плотная шерстяная или полушерстяная ткань, обычно с наклонными рубчиками. Из коверкота шьют пальто и костюмы. Вырабатывается также хлопчатобумажный коверкот (главным образом для изготовления плащей).

65. Чёрный друг

Глеб заплатил за чёрного щенка десять рублей и оставил его при матери. Чтобы потом не ошибиться, Оля завязала на лапке красную шерстинку. Через три недели Глеб принёс его на груди за бортом пальто. Назвали его – Бой. Он ест с ужасной жадностью. Когда ему было пять месяцев, отнесли его к ветеринару, и тот обрезал ему уши. Уши у щенка чешутся и болят. Оля плачет и проклинает глупую моду. Говорят, уши режут потому, что, когда собаки дерутся, они рвут длинные уши. Наконец, уши зажили. Бой делается все более умным и уморительным. Кот его обижает. Когда Боя вынесли на двор, он испугался. Он знает свою корзинку, в которой спит. Оля даёт ему костную муку и даже рыбий жир.

Через год Бой стал крепким псом. Позже шерсть его стала лосниться. Он прирождённый спортсмен, любит ловить мяч. Если ему показать мяч или кошелёк и спрятать, он обнюхает всю комнату и все карманы, пока не найдёт. Если на теннисной площадке мячи залетают в кусты, он их находит. Он приносит даже мячи, которые пролежали в кустах месяц.

Но характер у Боя непокорный. Дерётся с немецкими овчарками, а малых собак и животных он не трогает. Увидел раз воробья, который не мог летать, понюхал и отошёл. Исключение для крыс. Однажды он понюхал крысу, а она укусила его за нос. С тех пор Бой давит всех крыс. Он быстро подбрасывает крысу в воздух, ловит как мяч и ударяет о землю.

Бой взят на учёт секцией собаководства Осоавиахима. Там ему выдают мясо и крупу, но это имеет и другую сторону: хозяева собаки должны посещать вечерние лекции по уходу за собаками. Читают пять лекторов, один о собачьих болезнях, другой об уходе за сукой во время родов, третий – о дрессировке и воспитании и т.д. Глеб посещал только часть лекций, когда он был вечером занят, ходила Оля.

Сдавать экзамены по собачьим наукам пошёл Глеб. Владельцами собак часто являлись высокие партийцы. Они на лекции не ходили, а посылали вместо себя домработниц. Домработницам сдавать экзамены впервые. Они не всегда понимают, о чём их спрашивают. Поэтому Глебу было сравнительно легко набрать четыре пятёрки у экзаменаторов. Пятым был доктор, на лекциях которого Глеб не бывал.

– Какие признаки туберкулёза у собак? – спросил доктор.

– Доктор, я охотнее расскажу вам о признаках туберкулёза у людей.

И так дальше. Глеб не ответил ни на один вопрос. Доктор погрыз карандаш и поставил пятую пятёрку. А потом был экзамен и для собак, на открытом воздухе. Экзаменаторы, собаки и их владельцы собрались на Аскольдовой Могиле.

– По какой специальности обучалась ваша собака? – спросил экзаменатор. – По розыску, сторожевой службе или по связи?

– По связи.

– Покажите.

Оля ушла далеко к ротонде на Аскольдовой Могиле. Глеб заложил записку за ошейник Боя и послал его. Бой в точности доставил записку по назначению. Он делал это не раз в лесу при прогулках летом.

66. Уход со службы

Глеб всё больше и больше тяготился службой. Ему нравилась семья инженеров. Но бессмысленные требования высшего начальства раздражали. С ними работал ряд старых инженеров, от которых можно было кое-чему научиться. Были там инженеры механики, теплотехники, путейцы, электротехники. Старый инженер Сергей Васильевич Халютин напоминал инженера Гартштейна.

Гартштейн уехал на постройку Турксиба, там и умер. Халютин был тоже большой барин. До революции он служил в Округе Путей Сообщения и

резиденцию имел в Чернобыле. Глеб в 1911 году познакомился с его сёстрами, когда был на кондиции у инженера Алексеева.

Жена Алексеева была сестрой Халютина. Приезжали тогда же в Богуслав и две другие его сестры, одна из них артистка московского Художественного театра, и отец и мать Халютина. А с Халютиным Глебу довелось встретиться только в советские времена*.

Когда у Глеба был обыск, сам Глеб находился в это время в командировке, всё перерыли и забрали его записные книжки. За ними Глеб должен был явиться в НКВД. Он ответил на стереотипные вопросы. Потом неожиданно ему дали фотографию. Несколько человек в погонах на берегу Днепра.

– Это не Халютин?

– Какой же это Халютин. Халютин старый человек.

– Тогда он мог ещё не быть старым.

– Нет, на Халютина не похож.

Халютин умер внезапно, вернувшись с ужина у инженера Дьяченко, по случаю его дня рождения. Халютин сел на кровать и умер, надо полагать, от тромбоза в сердце. Он был два раза женат, на двух родных сёстрах. Последняя его жена украшала цветами его могилу, до самой своей смерти.

Инженер теплотехник Кроненберг появился на службе недавно.

– У вас не было родственника студента-математика Кроненберга?

Глеб вспомнил "Нелепое Марабу", принимавшее участие в поездке по Днепру Киев – Херсон в 1914 году.

– Как же, это мой двоюродный брат. У нас с ним ничего общего. А он теперь, между прочим, величина. Занимает пост в советском посольстве в Берлине.

Обстановка на службе становилась всё неприятнее. Глеб подумывал о том, что хорошо бы перейти совсем на работу в Рабочий Институт, но как это сделать? Помогло столкновение с главным инженером Юрченко. Глеб подал заявление о своём уходе. Он писал, что он перегружен, не может справляться со своей основной работой в Институте. Пусть разбираются, где его работа является основной. Председатель правления назвал его заочно саботажником, но отпустил.

А через год начался разгром инженеров. Были арестованы один за другим Карлштейн, Кронненберг, Вовк, ряд более молодых инженеров и наконец сам Юрченко. Пал и партийный глава учреждения Сердюк. Погубила его собственная мать. Сердюк был когда-то кочегаром, но имел смётку. Теперь он ворочал сложной машиной советского учреждения и пользовался весом в городском партийном комитете. Всем он говорил "ты" и в выражениях не стеснялся. Выдавал себя он за старого партизана. И вот приехала навестить сына его мать-старуха, простая крестьянка.

– Я мать Сердюка, хочу повидать Сеню.

– Вы хотите сказать – Ваню?

– Да нет, Сеню, Ваня у меня старшой был. Он партизаном был, там его и убили.

Так выяснилось, что Семён Сердюк выдавал себя за Ивана, старшего брата-партизана. Дело разобрали и Сердюк исчез с горизонта, а был он звездой большой величины.

---

* В 1897 г. под руководством Р.Ю. Тиле на изысканиях восточной части Забайкальской железной дороги работала партия фототеодолитной съемки горной местности под руководством инженера-путейца Сергея Васильевича Халютина. В дальнейшем составленные по результатам съемки топографические планы послужили основой для строительства целой сети железных дорог от станции Онон до китайской границы. Они провели съемку местности на территории в 3 тыс. квадратных км и составили планы в горизонталях, по которым было определено направление линии. Составленный план с нанесенной на него запроектированной железнодорожной линией экспонировался на Парижской Всемирной выставке. Из Интернета

Для Глеба началась новая жизнь. В Институте он чувствовал себя легче. Атмосфера была другая. И двухмесячный отпуск давал ему возможность путешествовать.

67. Экскурсия в Ленинград

Зимой Глеб ехал с экскурсией студентов в Ленинград. Это напомнило ему экскурсию в Петроград 1914 года. Только с тех пор прошло 16 лет, и руководил экскурсией не профессор Ганицкий, а он – Глеб. Студенты занимали полвагона в поезде, шедшем на Ленинград через Витебск.

Они пели песню беспризорных:

...и никто не узнает, где могилка моя.
И никто не узнает, и никто не придёт,
Только ранней весною соловей запоёт...

Остановились в Ленинграде в Доме туриста. Было холодно. Ночью по комнате гуляли крысы, оставляя специфический противный запах. Внизу соседнего дома помещалась пивная. Глеб никогда не видел такого количества пьяных, как в Ленинграде. Из пивной вываливалась группа дерущихся людей. Они разбивались на малые, так сказать, "подгруппы". Поперёк трамвайных рельс лежал человек. Двое других утюжили его кулаками. Показался трамвай. Двое стянули третьего с рельс и продолжали бить.

Программа экскурсии состояла из посещения ряда заводов, но не забыты были театры и музеи. В Эрмитаже экскурсию водил учёный, знавший своё дело. В египетском отделе он очень интересно рассказывал об истории и культуре Египта. Через десять минут к Глебу подошёл представитель партийного комитета (он тоже принимал участие в экскурсии):

– Глеб Петрович, скажите ему, чтобы он прекратил эту бузу. Пойдём лучше картины смотреть.

После возвращения в Киев Глебу скоро опять пришлось ехать в Москву по вопросу об утверждении учебных планов. Он взял с собой Олю и с ним ехал студент – секретарь партийного комитета Института.

Получить комнату в московской гостинице оказалось не так легко. Обошли четыре гостиницы, вернулись к первой. Дело в том, что в первой жили Надя Вакар со своим мужем (она недавно вышла замуж)[*]. Они обещали следить за освобождающимися комнатами. Первой освободилась не комната, а кровать в комнате, где уже были двое мужчин. Туда удалось устроить студента – секретаря партийного комитета. Теперь и он уже следил за комнатами, которые должны освободиться. Установлено, что в шесть часов вечера уезжает жилец номера 21. Глеб просит дежурного по гостинице записать за ним номер, но дежурный говорит, что это непорядок – они сдают номер только когда за него уже заплачено и жилец выехал.

Неопытный Глеб не знает, что надо вынуть паспорт и положить в него червонец так, чтобы край его выглядывал. Не подмажешь, не поедешь. Глеб постучал в номер 21.

– Простите. Вы уезжаете в 6 часов?

– Да.

– Вас не затруднит сейчас заплатить в контору?

– Конечно нет.

Жилец оплачивает счёт. Глеб оставляет паспорта свой и Оли и платит за номер вперёд. Теперь они могут поехать навестить знакомых. Возвращаются они в 9 вечера.

– Дайте, пожалуйста, ключ от нашего номера.

---

[*] Это Надежда Вакар (1897-1991), дочь Платона Модестовича, и ее муж Александр Кондратьевич Лапин (1894-1937), профессор ВАСХНИЛ, переехав в Ленинград, он станет директором Пушкинской опытной станции Всесоюзного института растениеводства (где директором до своего ареста был Николай Иванович Вавилов). В 1937-м А.К. Лапина расстреляют.

– Какого номера? – спрашивает новый дежурный, прежний сменился.

– Двадцать первого.

– Он занят.

– Как занят? Я же за него заплатил. Вон лежат наши паспорта на полке номера. Как вы могли его сдать?

– Деньги мы вам вернём. И можете получить паспорта.

– Я денег не возьму. Почему вы сдали номер, когда на его полке лежат наши паспорта?

– Я думал, они упали с другой полки.

– Хорошо. Мы поговорим с вами в другом месте, и паспорта не будут больше падать.

Тогда дежурный начинает сложную перестановку жильцов. Какого-то молодого человека переселяют в общую комнату третьим. Глеб получает его комнату и доплачивает разницу в стоимости. Когда Оля с головной болью укладывается, прибегает дежурный.

– Надо всех опять переместить, а то вы записаны в одной комнате, а живёте в другой.

– Ничего не надо. Давайте красные чернила и жильцов которых вы переместили.

Глеб перечёркивает написанные на квитанциях цены и номера, надписывает новые и пишет: "Исправленному верить...

68. Гагры

Уехать на месяц к морю или в горы, затеряться в толпе перемещающихся туристов, выйти хоть на краткий срок из-под микроскопа, через который тебя рассматривает недреманное око, это – большое счастье. Этот месяц ты проживёшь, как беспечный человек, стараясь забыть о будущем, так думал Глеб, уезжая в отпуск.

После окончания НЭП'а ездить можно было пользуясь одним из двух способов: или покупать путёвку в дом отдыха или в санаторию, или же превращаться в "самодеятельную туристскую группу", получая соответствующее удостоверение в Бюро советского туризма. Такая бумажка давала право останавливаться в "доме крестьянина" и в "туристских базах". Самодеятельная группа должна была состоять минимум из двух лиц. Таким образом муж с женой уже могли быть самодеятельной туристской группой.

В это лето Глеб решил показать Оле Гагры. Он с трудом раздобыл две путёвки в санаторию для нервнобольных имени Сталина в Гаграх. Железная дорога шла через Ростов, Армавир и Туапсе и доходила до Сочи. Дальше ехали открытым автобусом через Адлер по черноморскому побережью. Перед первой мировой войной здесь начата была постройка Черноморской дороги. Были пробиты для неё туннели. Но война прервала постройку.

Санатория имени Сталина помещалась в бывшем дворце принца Ольденбургского, того самого, у которого гостила экскурсия студентов-политехников в 1911 году. Мужчины и женщины размещались в отдельных палатах. Глеба поместили во втором этаже вместе с двумя москвичами. Эта палата отличалась особой акустикой. Когда в санатории ложились спать, в ней нельзя было разговаривать даже шепотом. Акустика комнаты так усиливала звук, что снизу сейчас же прибегали дежурные сёстры.

Комната, в которую вместе с другими двумя женщинами попала Оля, тоже имела свои неудобства. Она помещалась рядом с входными дверями санатории. Двери эти запирались в 11 часов вечера, и опоздавшие больные, боявшиеся взысканий за нарушение режима, просили впустить их в здание через окно комнаты. Поэтому жильцы комнаты не могли спать до полуночи.

Гагры очень красивы. Небольшой парк тянется вдоль побережья. Горы почти вплотную подходят к морю, оставляя узкую полоску плоской земли. Чистый пляж,

покрытый гравием и мелкой галькой, тянется на несколько километров. Перпендикулярно к берегу моря в горы уходят два ущелья: Джиоквара и Гагрипш.

Иногда в Гаграх появлялись экскурсии. Их водил экскурсовод, юноша лет 17-18-ти. Однажды он привёл экскурсантов в санаторию. Он давал следующие объяснения:

– Вот видите это здание. До революции это был дворец царского родственника, принца Ольденбургского, а сейчас это санаторий для ненормальных, а вот это (жест в сторону Глеба и других обитателей дворца) – сами ненормальные.

Нервно-больные и ненормальные были для экскурсовода тождественны. Кстати сказать, в санатории не было и нервно-больных.

Гагрипшское ущелье в Гаграх

Гагринский пляж имел небольшую часть, где купались в трусах и купальных костюмах. Дальше шла полоса общего пляжа, где купались совместно в костюмах Адама и Евы. Кажется, это не встречалось больше ни на одном другом курорте. Незнакомые "нудисты" обоего пола тут же знакомились. Но и здесь соблюдались правила иного порядка. Однажды бродячий фотограф заснял группу из четырёх Ев, расположившихся на гравии. Сейчас же, находившиеся здесь, Адамы отобрали у него аппарат и уничтожили негатив.

В санатории все "больные" подвергались периодическому осмотру врача. Обычно он прописывал "больным" водные процедуры, кому циркулярный душ, кому душ Шарко. Водолечебница находилась рядом с пляжем и тоже отличалась одной особенностью. В женском отделении Евы подвергались водным процедурам, которыми руководил врач-мужчина. Адамы, напротив, проходили очередью перед молодой женщиной-врачём, окатывавшей каждого согласно предписаниям санаторного врача.

При санатории был небольшой сад, где росли виноградные кусты. Одни "больные" ходили в сад красть виноград, другие – тайком играть в карты. На каменной лесенке грелась на солнышке гадюка. Её не трогали, и она никого не трогала. У врача можно было отпроситься на день для участия в экскурсии.

Такая экскурсия была организована в Красную Поляну. В открытом автобусе было 14 человек, не считая шофера и экскурсовода. Молодой экскурсовод добросовестно выполнял свои обязанности, рассказывая сколько гектаров в Абхазии находится под кукурузой, сколько под виноградом и под самшитовыми лесами.

Спутниками Глеба и Оли были ленинградские артисты. Они веселились, пели и затрагивали пассажиров встречных автомобилей. Экскурсовод счёл нужным их предупредить:

– Вы, пожалуйста, будьте осторожней. Здесь можно встретить членов правительства.

Автобус уже повернул от Адлера на дорогу в Красную Поляну. Действительно, через несколько минут показалась легковая машина. В ней сидел Сталин. За ней шла вторая машина с двумя чекистами. Они были раздеты до пояса и в очках (пыль от первого автомобиля летела им в глаза). На ремнях, перекинутых через плечо, в деревянных кобурах висели маузеры. Обе машины пролетели мимо автобуса во мгновение ока.

Дорога в Красную Поляну вырублена в скале. Проложена она руками пленных турок. Стена уходит вниз к бурному потоку, другая подымается вверх к синему небу. Высоко торчат из скалы два лома. Может быть турки сорвались вниз, а ломы остались.

Сделали остановку у входа в пещеру. Экскурсанты полезли в узкое отверстие. Зажгли свечи. Дальше отверстие вело во вторую пещеру, но в неё никто не захотел лезть. Вышли наружу. Кругом самшитовые деревья, твёрдые как железо, медленно растущие. Надпись: "Заповедник, деревьев не резать". Поэтому экскурсанты стали вырезывать на память палки. Работа трудная. Ножи тупятся. Следующая остановка за коротким туннелем около дерева, нависшего над обрывом. Экскурсовод собирает слушателей в кружок:

– В 1920 году черноморское побережье было занято красной армией. В Адлере получены были сведения, что с севера через горы перевалил отряд белых в несколько тысяч человек. Была послана группа из двадцати красноармейцев задержать белых у этого туннеля. Обойти туннель было нельзя, с одной стороны пропасть, с другой отвесная стена вверх. Несколько белых поскакали верхом сквозь туннель на пулемёт. Головы красноармейцам рубили вот на этом дереве.

Экскурсовод показал зарубцевавшиеся раны на древесной коре.

69. Смерть стариков [1930]

В лесу, в двенадцати километрах от железной дороги, доживал свой век Виктор Модестович Вакар со своей женой, суетливой старушкой Анной Эразмовной. Дом в усадьбе был сожжён во время революции. И усадьба, и фруктовые сады, и лес больше не его. Дом был построен на месте старого, с верандой, увитой вьющимися розами. С южной стороны дома росли абрикосовые и персиковые деревья. Два больших круга, усаженных розами. Теперь дома нет, и через парк с ясеневой и липовой аллеями идёт проезжая дорога. Яблони постарели, и никто не сажает новые "щепы" и нет "школки", где садовник, Дмитрий Капитанчук, "прищеплял" к дичкам ростки груши Бер-Александер и яблони Золотой Ранет. В лесу спущены пруды, в которых разводились окуни и королевские коропа*...

Раскулаченный Капитанчук давно умер. Виктор Модестович с Анной Эразмовной живут в доме, который они построили для старшего сына Анатолия. И вот пережили они сыновей – и Анатолия, и Владимира. Виктор Модестович пишет мемуары. Он жил при трёх императорах – Александре 2-ом, Александре 3-ем и Николае 2-ом. Видел он, как пошли первые поезда по Николаевской железной дороге, и ездил он ещё зимой на санях, отстреливаясь от волков. И дожил он до электрических ламп, до автомобилей и самолётов и до великой революции...

---

* На украинском так зовут карпов и сазанов.

Пишет он неразборчивым мелким почерком на листках из ученической тетради при свете керосиновой лампы. А керосин нелегко достать в деревне.

– Анничка, – говорит он, – вот я уже почти кончил. Когда я умру, передай эти листки Марии Антоновне. Может быть когда-нибудь эти листки пригодятся. Я всё написал, что видел за долгую жизнь.

– Господь с вами, Виктор Модестович, чего это вы о смерти заговорили.

Но Виктор Модестович чувствует, что смерть близка. Закончив мемуары, он написал письма всем оставшимся в живых родным: внуку Володе, племяннику Глебу, вдовам сыновей. Со всеми попрощался и через сутки умер.

Анна Эразмовна заказала два простых гроба, один для Виктора Модестовича, другой для себя. Свой гроб попросила поставить на чердак.

Стоят Анна Эразмовна, Виктор Модестович и Анатолий Викторович Вакары (все трое предположительно), а также дети Наталья и Владимир Вакары. Сидят Катя Вакар, Надежда Петровна Балашова, бонна (фрауляйн Ольга?) и незнакомая дама (или, возможно, не слишком похожая на себя Ольга Петровна Беклемишева-Вакар).

Виктора Модестовича похоронили на деревенском кладбище, между заколоченной церковью и фруктовым садом, который Виктор Модестович насадил сорок лет тому назад. Анна Эразмовна прожила ещё пять лет. Она переписывалась с внуком Володей, который стал уже профессором, и с племянницей Аней, которая жила заграницей, в Варшаве*.

Умерла Анна Эразмовна в 1935 году. Похоронили её рядом с Виктором Модестовичем. Ни креста, ни памятника над могилами не было. В лесном доме устроили школу. Он был недалеко от села, минут 20 ходьбы.

---

* Это, по-видимому, Анна Александровна Яворская, урожденная Змунчилла, дочь Ии Эразмовны Стоговой и Александра Григорьевича Змунчиллы. А.А. Яворская с сыном и дочерью потом, когда Глеб окажется в США, будет жить в Нью-Йорке или в его окрестностях (см. ниже).

70. Чета Линно

У Беклемишевых близких знакомых было мало. И переписки они почти ни с кем не вели. Чем больше писем в чужих руках, тем хуже. Кого-нибудь арестуют или только обыск сделают и попадает письмо знакомых в руки исследователей чужих душ и пришивается оно до поры до времени к делу. А там, может быть, и найдётся ему применение. Как раз в группе "заговорщиков" не хватает одного человека. Или за Полярным кругом требуется инженер как раз такой специальности...

Но всё же совсем без знакомых обойтись невозможно. Человек – животное социальное и ищет общества себе подобных. Желательно, конечно, чтобы с этими "себе подобными" можно было говорить откровенно, не прибегая к мимикрии.

Беклемишевы были знакомы домами с семьёй Дьяченко. Яков Яковлевич был инженером, одно время даже начальником Глеба. Жена его была курсисткой-медичкой, но, выйдя замуж, институт бросила. Были у них славные дети, сын и дочь. Поддерживалось старое знакомство с профессором Белингом и его женой Адей. Зорины из Киева уехали. Потом Зорин был арестован, выпущен, но вернуться в Киев разрешения сначала не имел.

С семьёй Руденко Беклемишевы короче познакомились в санатории авиафлота в Ялте. Глеб немного знал Руденко по Институту, жена его служила врачом, была у них девочка-подросток. Руденко оказался большой ловчила, даже на советский масштаб. У него была особая способность сходиться с начальством, даже быть с ним запанибрата. Впрочем это бывало не столько на службе, сколько на курортах, санаториях и домах отдыха. Прошло две недели, смотришь, Руденко уже с директором на ты и вино с ним пьёт.

Однако ловчение не всегда оборачивалось ему на пользу. По Институту он имел двухмесячный отпуск. Первый месяц он проводил в том году в санатории в Кисловодске, а второй месяц решил провести с женой в Крыму в Алупке. Жена – врач, работает в больнице, и ей летом никак отпуска не дают. Руденко решил всех перехитрить. Уговорил директора санатория послать жене Руденко телеграмму, что он, Руденко, при смерти, и чтобы она немедленно приезжала.

За два дня до отправки телеграммы Руденко вручил письмо на имя жены курортнику, едущему из Кисловодска в Киев. В письме он объяснял, что жив и здоров и чтобы жена, получив отпуск в больнице, ехала бы не в Кисловодск, а в Алупку. Курортник, по приезде в Киев, должен был позвонить жене Руденко.

Телефон в квартире Руденко, на беду, оказался испорченным и курортник явился с письмом на другой день, когда жена Руденко уже успела выехать в Кисловодск, а письмо попало в руки тётушки, охранявшей квартиру. И то оно попало к ней не сразу, потому что доберман-пинчер первый выхватил письмо из рук и разорвал его на куски. Тётушка куски сложила и послала телеграмму вдогонку племянницы в поезд номер такой-то.

На какой-то станции, не то Знаменке, не то Користовке, в вагон вошёл станционный энкаведист и спросил:

– Есть тут Руденко?

– Есть.

– Выходите.

Пока Руденко пошла на телеграф, да прочла телеграмму, возвращавшую её в Киев, поезд уже тронулся. Она на ходу выскакивала с вещами из вагона, упала и разбила колено. В Алупку она уже не поехала.

С семейством Руденок у Беклемишевых знакомство не наладилось. Вскоре Руденко развёлся с женой. Дочка осталась при матери, которая вышла второй раз замуж. Руденко же был позже, в 1938 году, арестован и исчез бесследно.

Зато у Беклемишевых возникло знакомство и даже дружба с Линно. Сначала Глеб познакомился с Эльзой Ивановной Линно, которая преподавала немецкий язык в рабочем Институте. Оказалось, что семейство Линно живёт недалеко от Беклемишевых. Она познакомила их со своим мужем, Адольфом Карловичем, преподававшим немецкий язык в Университете. В советской среде Линно

оказались белыми воронами. Оба они были уроженцами Риги. Она была по происхождению датчанка, он – швед. Она крупная, круглолицая с серо-голубыми глазами, он высокий, с тёмными усами и с эспаньолкой.

Если бы его нарядить в испанский костим, он походил бы на один из портретов Веласкеса. Оба были образованными и корректными людьми. Жили они в полуподвальном этаже известного в Киеве дома Городецкого. Этот дом упоминает в одной из своих повестей Константин Паустовский*. Дом этот стоит на обрыве над бывшим Соловцовским, теперь имени Ленина, театром. Дом бросается в глаза, потому что он украшен скульптурой: головы носорогов, слонов, змеи, орёл. Бывший владелец и строитель его, архитектор Городецкий, охотился в Африке и потом написал книгу о своих африканских охотничьих приключениях.

Дом с химерами (Банковая ул., 10), архитектор – Владислав Городецкий

Книга эта была издана в количестве 200 экземпляров и в продажу не поступила. Один из экземпляров Городецкий подарил Владимиру Викторовичу Вакару. Книга была иллюстрирована собственноручно Городецким. Потом рисунки и виньетки (носороги, слоны, змеи) были использованы Городецким для украшения дома.

Линно были чрезвычайно дружной парой. Можно было только радоваться глядя на них. У них была небольшая собачка фокс-терьер. Беклемишевы и Линно часто гуляли со своими собаками по Днепровским склонам, на Аскольдовой Могиле, в Мариинском парке и в Царском саду. Ездили вместе и в Крым, но без собак. Адольф Карлович был фотографом-любителем, но знал это дело в совершенстве. Одного Глеб не мог понять, как могли Линно остаться в Советском Союзе и взять советские паспорта. Ведь они могли в своё время репатриироваться в Латвию. Последующие годы показали, что Глеб был прав, ибо судьба их сложилась трагично.

---

* Константин Паустовский. Книга о жизни. Кн. 1 "Далекие годы".

71. Институт

Подготовка "новой технической интеллигенции" шла полным ходом. Профессуры не хватало. Часть профессоров (Тимошенко, Формаковский, Косицкий и др.) уехали за границу, часть умерла, часть была арестована (Маркович, Ладыженский). Глеб застал в Институте из старых профессоров только Шульца и Шенберга.

В Институты на места профессоров и доцентов двинулось много инженеров с производства. Работа в Институтах казалась спокойнее и менее ответственной. Новым лекторам, не занимавшимся ранее педагогической работой, приходилось много над собой работать. Тогда говорили: "Если хочешь хорошо изучить какую-нибудь дисциплину, начни её преподавать". С другой стороны, преподавательский час в высшей школе недостаточно оплачивался, что заставляло преподавателей набирать много лекторских часов и работать одновремённо в двух-трёх Институтах плюс ещё какие-нибудь вечерние курсы. Это лишало их возможности вести научно-исследовательскую работу.

Студенты, поступавшие в Институт, были чрезвычайно разной подготовки. Были выпускники средней школы, дававшей в то время очень слабую подготовку. Особенно низко стояли провинциальные школы. Были среди студентов и великовозрастные "парттысячники". Часть из них оканчивала рабфаки, часть "фон" (факультет особого назначения, где с партийцами занимались на дому или в служебном кабинете отдельные преподаватели). Встречались даже "рабочие-аспиранты", которые не имели никакой подготовки. Директивы из центра зачастую вносили большой сумбур в дело обучения.

Так в 1930-31 году процветал бригадно-лабораторный метод обучения. Он отличался тем, что лекции были сокращены до минимума. Предполагалось, что студенты овладеют предметом сами (лабораторно), для чего программа разбивалась на темы и подтемы с указанием источников для проработки. Прорабатывали коллективно, целой "бригадой". Такая проработка сводилась к тому, что один студент выполнял задание, а другие у него списывали. Профессора, возражавшие против метода, публично шельмовались, пока в один прекрасный день из Москвы "спустили директиву" – бригадно-лабораторный метод ликвидировать, как выдуманный "вредителями".

В Институтах преподавание велось на украинском языке, которым плохо владели и преподаватели, и городская часть студентов. Поэтому профессора часто переходили обратно с украинского на русский язык. Это называлось "рецидивы украинской неграмотности", и новая волна украинизации производилась ударным порядком. Технической украинской терминологии не хватало.

Украинская академия наук в ударном порядке занималась разработкой научной и технической терминологии. Только что успели профессора и преподаватели усвоить новую терминологию, как она объявлялась вредительской, слишком близкой к польскому языку и галицкому наречию.

Сотрудники академии отправлялись в места не столь отдалённые, а новые сотрудники пересматривали терминологию в порядке приближения её к русскому языку. Так, в геометрии "премоспад" снова превращался в "перпендикуляр", а "ривноближни" в "паралельни" линии.

Профессорам вменялось в обязанность в каждой науке раскрывать её "диалектическую сущность". Профессорам "паровых котлов" или "металлорежущих станков" это было не так страшно, потому что никто не знал, как применить диалектику к жаровым трубам или к суппорту токарного станка, но экономической географии и политической экономии приходилось туго.

Профсоюз Работпрос и Бюро Научных Работников из кожи лезли, чтобы привить социалистическое соревнование. Все писали "обязательства" по соцсоревнованию, числом поболе, содержанием непонятнее, например "улучшить методику преподавания". Пойди проверь, улучшилась ли она за истекшие шесть месяцев. Местком проверял исполнение и подводил итоги: обязательства по соцсоревнованию выполнены на 95 процентов. Соцсоревнования устраивались

между кафедрами, факультетами, Институтами, причём соревнующиеся проверяли друг друга.

В вестибюле была повешена доска почёта, на которую прикалывались фотографии особо отличившихся в соревновании. Зачастую это были непревзойденные очковтиратели и крикуны. Зато в стенгазете продёргивались профессора и преподаватели – "отстающие". Одного обвиняли в том, что у него в такой-то группе слишком много неудовлетворительных оценок. Ясно, он плохо учит. У другого, наоборот, очень много оценок "отлично" – это показывает, что он "страдает либерализмом в оценке".

Ввиду обстрела с двух сторон, экзаменатор старается уложить оценки в средние проценты: "отлично" – процентов 20, "неудовлетворительно" – процентов 8-10. Это напоминало случай с профессором Шенбергом до революции, который сказал экзаменующимся: "Вот вам три пятёрки, восемь четвёрок, двенадцать троек и пять двоек, разделите между собой сами". Ему же приписывали и фразу: "Так как я опоздал сегодня на лекцию, то я и раньше уйду".

Институты каждый год составляли и пересоставляли учебные планы и программы и везли их в Москву. В наркомате тяжёлой или средней промышленности был свой учёный отдел. В отделе в большой комнате стояло много столов. Над каждым было написано: "начальник машиностроительных ВУЗ'ов" или "начальник пищевых Институтов".

На дверях была табличка: "До двенадцати часов приёма нет". После 12 часов за столами никого не было. Каждый начальник или "только что вышел" или "сейчас вернётся". Когда начальник возвращался, он оказывался молодым человеком, окончившим в прошлом году Институт и получившим диплом инженера. Так как он не хотел ехать на уральский завод и имел влиятельного партийного папашу, то он остался начальником каких-нибудь "ВУЗ'ов среднего машиностроения".

Каждый день он принимал представителя какого-нибудь Института, приехавшего из Киева или Харькова, и начинал обсуждать с ним осточертевшие ему учебные планы. В разгаре беседы к нему подходил другой молодой человек (другой начальник), и они начинали шептаться. В шепоте можно было расслышать отдельные слова: "ширпотреб" и "где дают"? После двух-трёх таких перерывов начальник начинал ёрзать в кресле и конфиденциально говорил посетителю: "Знаете, если я не пойду сейчас обедать, то я останусь вообще без обеда. Не перенести ли нам обсуждение планов на завтра"?

72. Золотая комната

В помещении НКВД есть комната, в которой стоит один стол и два стула. Рядом с комнатой большая приёмная, и в ней стоят жёсткие диваны. В эту комнату каждый день вызывают именными повестками инженеров, докторов, профессоров, вообще людей, относительно которых можно предполагать, что их заработок выше среднего.

Такие люди, если они не проживают сразу своего заработка, скоро начинают понимать, что откладывать на чёрный день бессмысленно. Советский рубль падает. Покупная способность тысячи рублей за год уменьшается на 20-30%. Тогда человеку приходит мысль, что их надо спасти от обесценения. Он находит субъекта, который занимается нелегальной покупкой и продажей золотых монет или долларов. Купив золотые десятки, профессор или доктор прячет их самым остроумным способом и думает, что он очень умён.

Увы, он ошибается. В один прекрасный день он получает повестку из НКВД. Он приходит туда в 9 утра, и его держат в приёмной до часу или до пол третьего. Он голоден и нервничает. Тогда его приглашают из приёмной в комнату. За столом сидит плотный человек в сером. Посетителю предлагают стул и его начинают исповедовать.

Откуда у вас золотые десятки нас не интересует. Нас интересуют сами десятки. Рабочее государство окружено врагами. Ему надо быть сильным и оно нуждается в помощи своих граждан. А некоторые граждане в помощи отказывают... Вот два инженера никак не хотели отдать золотые монеты – и что же? Пришлось их отправить. Так они согласились отдать свои монеты, когда уже находились за Уралом. Умно ли это?

– К тому же при упорстве вы подвергаете неприятностям и вашу жену. Её придётся задержать, а предоставить задержанным большой комфорт мы не можем...

Глеб увидел в приёмной Добронравова. Как раз вместе с Добронравовым Глеб купил несколько пятёрок у Поповой. Ясно, Попову арестовали, она выдала своих клиентов. Отказываться не к чему, только посадят Олю. Глеб не представил особых затруднений для человека в сером. Монеты пошли на укрепление мощи советского государства, если только не прилипли к рукам агентуры по дороге. Потом оказалось, что гипотеза о допросе Поповой была неправильной.

73. Остёр

Городок Остёр лежит на Десне у впадения в Десну речки Остёр. Десна течёт в песчаных берегах довольно лениво. Напротив Остра на берегу Десны растут могучие дубы. Остёр – речёнка небольшая, но полноводная, бежит быстро. Вода её прозрачна. Беклемишевы поселились под горой у самого Остра, в крестьянской хате. Хозяин хаты, Евген, не старше тридцати лет. Жена его, Оксана, на редкость хорошая хозяйка. В хате у неё чисто. У Оксаны и Евгена двое мальчиков. Они хорошо воспитаны. Городским бы у них поучиться. Оксана миловидна, проста. Удивительно даже, советские годы её как будто не коснулись.

Евген – человек себе на уме. Да иначе как крестьянину прожить. Рассказывает как советская власть его на военную службу призывала, а он в лес подался. Дезертиров в лесу ловила специальная организация, называлась она "комдезертир". Трудно долго прожить в лесу этаким зайцем. Потом кум устроил Евгену протекцию в комдезертир. Стал теперь Евген ловить дезертиров таких, каким сам раньше был.

В Остре жили родные Марины Федотовны Дьяченко. Сама Марина Федотовна проводила у них лето с сыном и дочкой, а Яков Яковлевич наезжал по воскресеньям. Приезжали в Остёр и красные профессора Канторов с Ивановым. Расклеили по Остру объявления, писанные карандашом, что в воскресенье в клубе состоится их лекция на тему "Есть ли загробная жизнь". Цена билета была два рубля.

Но лекция не состоялась. Пришло только пять человек. Оказалось, что загробная жизнь деятелей Остра не интересует, во всяком случае в освещении профессора Канторова.

Глеб и Оля живут жизнью первобытных людей. Пища – творог, сметана, малина, изредка суп, который варится на примусе под яблоней. Бой мокнет в Остре, делая вид, что ловит рыбу. Голова его в воде по самые глаза. У Евгена есть шаткий чёлн. Если Глеб и Оля едут на челне по Остру с Боем, то должны надевать купальные костюмы. Бой входит в раж, становится на борт челна и его переворачивает. Иногда из-за этого Боя оставляет дома, тогда он, ещё мокрый от купанья, ложится на кровать. Он знает, что это запрещено, поэтому он спрыгивает с кровати, когда слышит шаги. Его выдаёт вмятина на постели, сырая и тёплая.

Бой никогда ничего не крадёт со стола, но еду, положенную на пол или вообще низко, он считает выброшенной. Оксана часто кладёт еду на полочке под печкой, тогда Бой её забирает. Младшему мальчику Оксаны Бой позволяет всё – теребить себя, водить на цепи. Со взрослыми бывают инциденты, как-то раз Бой загнал двух купавшихся парней на дерево, и они просидели там с полчаса, пока Глеб не забрал Боя.

Глеб и Оля ездили в челне по Остру до самой Десны, ездили и вверх. Там у самого Остра стоял дом, двери и окна настежь. Огород зарос, но видно, что ещё недавно здесь была жизнь. Раскулачили...

Глеб встретил в Остре Рабиновича, инженера, не так давно окончившего Рабочий Институт. Он был сам из Остра и приехал в отпуск к родным. Работал он в провинции в учебных мастерских для криминальных подростков. Говорит, что работа трудная. Нелегко поддерживать дисциплину, а в случае чего могут и подколоть.

Жалко покидать Остёр, воду, воздух, простых незлых людей. Через два года Евген приезжал в Киев, ночевал у Беклемишевых. Потом они потеряли его из виду.

74. Гарун Аль Рашид и выборы

Жизнь шла скачками. То открывались магазины "Гастроном" с балыком и икрой, рыбные магазины с живой рыбой в резервуарах, то всё исчезало по мановению жезла и с утра вырастали длиннейшие очереди у магазинов. Передняя четверть "хвоста" получала по 250 гр. масла, остальные расходились ни с чем.

Павел Петрович Постышев, ставленник Сталина на Украине, разгуливал по городу, как Гарун Аль Рашид. То появлялся он в студенческом общежитии, то осматривал какую-нибудь "стройку". Так, увидев выведенный под крышу пятиэтажный жилой дом на углу Крещатика и Фундуклеевской (ул. Ленина), он приказал его разобрать и построить вместо него универмаг, что и было выполнено.

Постышев был сталинской метлой. Все ещё помнили, как он довел до самоубийства старого украинского большевика Скрипника. За месяц до самоубийства Скрипника киевское Бюро Научных Работников просило у Скрипника разрешения присвоить его имя дому отдыха научных работников в Преображении в Голосеевском лесу (до революции это был монастырь).

Скрипник ответил письмом, в котором писал, что его имя просили для разных учреждений, один раз даже для тюрьмы. Из письма не было ясно, согласен ли Скрипник на переименование Преображения в дом отдыха научных работников имени Скрипника. Научные работники в Бюро, упёршись лбами в стол, думали, что делать. И пока они думали, Скрипник покончил с собой.

Научные работники обрадовались: слава Богу, они не успели присвоить имени Скрипника дому в Преображнии. Репутация-то у Скрипника подмочена, а научным работникам нужно быть правоверными. Недаром о них ходил такой анекдот. Политбюро решило для острастки высечь всех членов профсоюзов. И вдруг до слуха Сталина дошёл с Красной площади шум. "Что такое, – спросил он, – бунтуют?"

Послал узнать. Посланные вернулись и докладывают:

– Это шумят научные работники, требуют, чтобы их пороли первыми.

Постышев делил власть на Украине с Косиором. Когда подошли выборы в Верховный Совет Косиор был единственным кандидатом "коммунистов и беспартийных". Все стены и заборы были оклеены портретами небольшого человечка в чёрной рубашке и пиджаке и с бритой головой. Выборы прошли дружно. Косиора выбрали почти единогласно.

А через две недели Косиор исчез. Его взяли и расстреляли. Как, депутата? Облечённого народным доверием? Кандидата коммунистов и беспартийных? Да, так случилось. Избирателям не дали никаких объяснений. Объяснения последовали только через 23 года и то не обстоятельные. Просто Косиора реабилитировал Хрущёв.*

---

* Павел Петрович Постышев (1887-1939). В 1923 г. был направлен на Украину, где начал свою партийную карьеру с должности заведующего отделом Киевского губкома. С 1926 г. Постышев работал секретарем ЦК КПУ(б). В 1930-33 гг. он избирался секретарем ЦК ВКП(б). В 1933 г. его вновь направили на Украину вторым секретарем ЦК КПУ(б) и первым секретарем киевского обкома. Он принадлежал к умеренному

75. Новый Афон

Глеб был в Новом Афоне в 1911 году. Тогда в монастыре были монахи, паломники и экскурсанты. На пруде около моря плавали чёрные лебеди. Склоны холма были покрыты мандариновыми деревьями и маслинами. У верхнего пруда росли лавровые кусты. В монастыре можно было оставаться три дня, питаясь в трапезной и запивая обед красным вином с водой.

Через двадцать лет Новый Афон сильно изменился. Деревья и лавровые кусты остались на месте. Возвышалась по-прежнему и Иверская Гора с развалинами церкви 6-го века. Там за решёткой лежали человеческие кости с надписью: "Мы были такие как вы, вы будете такие как мы".

Но остальное всё изменилось. В монастыре помещался дом отдыха на семьсот человек. Отдыхающие жили в бывших кельях, завтракали и обедали в трапезной, собрания устраивали в соборе. Особого порядка не было. Уехавшему из дома отдыха продолжали подавать завтрак и обед в течение 5-6-ти дней. Его порции делили между собой ближайшие соседи. Это называлось "раскулачивать" уехавшего. Яйца к завтраку, как правило, подавались тухлые. Менять их шли в кухню. Повар брал другую пару и тут же разбивал их. Они опять оказывались тухлыми. Их бросали в большой бак. Так вместо того, чтобы израсходовать 1400 яиц в день, расходовали семь тысяч и 80% их выбрасывали.

Из Нового Афона ездила экскурсия в Сухум, в обезьяний питомник. Экскурсантов везли частью на пароходике, частью на барже, которую он буксировал. Баржа одновременно участвовала в бортовой и килевой качке. Почти все пассажиры заболели морской болезнью.

В обезьяньем питомнике показывали только одну "человекообразную" обезьяну. Остальные погибли за три года до посещения питомника экскурсией. Администрацию питомника обвинили во вредительстве и арестовали. Новая администрация ещё только входила в курс дела. К вечеру экскурсанты вернулись

ядру партии и был против репрессий и расстрелов старых большевиков. Постышев слыл в партии честным и прямым человеком и пользовался заметной популярностью. Он старался спасти специалистов и руководителей на Украине, что не могло остаться не замеченным Сталиным. Отношение к репрессиям было тем основным оселком, на котором Сталин проверял преданность ему людей. Тем более, этим оселком он испытывал преданность членов и кандидатов в члены Политбюро.

На Украине Павел Постышев был сознательно поставлен Сталиным в сложные для работы условия. Первым секретарем компартии Украины оставался тоже старый большевик Станислав Косиор. Сталин постарался создать и углубить трещину во взаимоотношениях двух самых авторитетных руководителей компартии Украины. Он и направил Постышева на Украину в качестве противовеса Косиору. Постышев и Косиор были примерно одного возраста (Постышев старше на два года). Оба принадлежали к умеренному крылу партии и обладали примерно одинаковым влиянием в партии. Сталин, подчеркивая равенство Постышева и Косиора, направлял все важные документы из Москвы им обоим. Этим он сознательно нарушал принятую партийную иерархию. Постышев по-своему толковал присылаемые ему циркуляры, документы и письма по поводу репрессий большевиков и руководителей. Он проводил под своим председательством партийные заседания и собрания, на которых исключались из партии доносчики и клеветники. Оболганные же большевики оставались в партии. Постышев принимал свои решения самостоятельно, не согласуя их с Косиором или московским Политбюро. Подобная «самодеятельность» не могла продолжаться долго... – ***Юрий Корчагин. Павел Постышев***

С 1920 г. Николай Алексеевич Скрипник (1872-1933) занимал должности наркома внутренних дел, наркома юстиции, а в 1927-1933 годах – наркома просвещения. Скрипник выступил инициатором введения украинизации. Под его руководством была завершена украинизация прессы, начальной и средней школы, в значительной мере было украинизировано преподавание в ВУЗах. Николай Скрипник негативно относился к украинскому национализму и способствовал уничтожению значительной части украинской интеллигенции и национальной оппозиции в КП(б)У («шумскизм», «хвыльовизм»). С другой стороны, Скрипник считал опасным и великодержавный русский шовинизм, и боролся против него. Постоянно подчеркивал самостоятельность украинской культуры и независимость ее от российской. В январе 1933 года в Украину по поручению Сталина прибывает Павел Постышев. Он подверг деятельность Скрипника разрушительной критике. Скрипник был отстранен от руководства наркоматом просвещения. Предвидя неминуемую ликвидацию, Скрипник покончил жизнь самоубийством. – ***Из Интернета***

в Новый Афон, укачавшись на обратном пути ещё больше. Оправившись от морской болезни на твёрдой земле, они дружно запели: "Советская винтовочка – бей, советская винтовочка – бей, советская винтовочка буржуя не жалей"...

Каждый год отмечался какой-нибудь модной песней. Перед этим все пели:

По морям, по волнам,
Нынче здесь, а завтра там...

А ещё раньше "Кирпичики":

По кирпичику, и по винтику
Разобрали мы этот завод...

Дальше пелось о том, что после разрухи "по кирпичику и по винтику" восстановили завод, а директором завода "стал товарищ Семён"!

В Новом Афоне была целая группа ленинградских студентов с профессорами. Они ходили организованно помогать полоть табак. Так как они не знали, как табак растёт, то иногда они вырывали его начисто, принимая за "плевелы".

Глеб и Оля часто проводили время с ленинградским профессором Бергом и его женой, а также с москвичами юристом Северовым и человеком из артистического мира Гореиновым. О судьбе Берга Глеб узнал через 25 лет, прочёл о нём в "Осаде Ленинграда" Криптона, что Берг умер во время голода при осаде.*

Разъезжались из Нового Афона обычно около 1-го и около 15-го числа каждого летнего месяца. Железнодорожные билеты продавались курортными агентами от Сочи. Можно было ещё купить билеты на пароходик, а на автобус получить билеты было почти невозможно. На весь дом отдыха их давали не больше четырёх в день. Когда уже были организованы очереди на 29-е и 30-е число, Глеб заложил очередь на 31-е. Ночью он брал скамейку и подушку и спал под окном курагента.

– Что вы здесь делаете? – спросил его главный врач.

– Занимаю место в очереди за билетом.

Днём Глеба сменяли, и он шёл купаться. С трудом он вырвал два билета на автобус, а железнодорожные билеты взял на 1-е. Он оказался предусмотрительным. У автобуса два раза лопались в дороге камеры, и он пришёл за две минуты до отхода поезда. Те же, кто ехал на пароходике, не могли высадиться в Сочи.

Разыгралась буря в 10 баллов и пароход качался в море, не имея возможности высадить пассажиров. На пароходике не было воды, и там происходили душу раздирающие сцены. Глеб и Оля видели пароход из прибрежного ресторана, в котором обедали. Переночевали в одном из привокзальных домиков, где комнаты сдавались проезжим.

76. Голод [1932-33]

Что такое голод, не всякий поймёт. Тот, кто его не испытал, вероятно не поймёт. Недаром сложилась пословица: "Сытый голодного не разумеет". Говорят, в известных пределах голод может быть полезен. Он вылечивает некоторые болезни. Но бывает голод, который уничтожает сотни тысяч людей. Причиной голода бывают засуха, неурожай, природные бедствия. В этих случаях часто на помощь пострадавшим приходят правительство страны, общественные организации и даже правительства других стран.

---

* Речь идет о Викторе Рудольфовиче Берге (1891-1942), с апреля 1938 г. – научном руководителе Пулковской обсерватории. В январе 1942 г. умер от дистрофии в блокадном Ленинграде.

А книга Константина Криптона "Осада Ленинграда" вышла в издательстве имени Чехова (Нью-Йорк) в 1952 г.

Значительно страшнее выглядит голод, который искусственно создаётся партией и правительством в политических целях. Тогда факт голода отрицается, помощь других стран не принимается, общественная помощь воспрещается и карается, упоминание о голоде рассматривается как клевета и враждебный выпад. Люди, сами исхудавшие, смотрят на умирающих от голода на их глазах и делают вид, что ничего не видят...

Случай такого страшного голода имел место в 1932-33 годах на Украине и в Поволжье. Голод не был вызван неурожаем, просто отряды, посланные из городов, отобрали у крестьян хлеб до последнего зерна. Для обоснования этой расправы крестьян назвали "кулаками". Чем эта расправа была вызвана? Можно предположить две причины: коммунистическая партия нуждалась в товарном хлебе, который можно было отправлять за границу, в обмен на валюту и машины. Получить товарный хлеб от единоличника было трудно, поэтому крестьян загоняли в колхозы. Была и вторая причина – опыт парижской коммуны. Французский крестьянин-собственник задушил коммуну.

Советский крестьянин оставался собственником, он мог похоронить советский строй. Его нельзя было взять экономическим измором. Он производил все сам (кроме керосина и стали) – хлеб, масло, сало, полотно, грубое сукно. Его можно было только ограбить, сломить силой. Это и было сделано. Ограбленный крестьянин умирал молча. Он ел кору деревьев и речные ракушки. Было немало случаев людоедства. Потом крестьяне двинулись в города, уже опухшие, почти полутрупы.

Положение горожан тоже было не очень весёлым, они получали слишком мало, чтобы жить, но слишком много, чтобы умереть.

Рано утром Глеб проснулся от какого-то шума. Ему мерещилось, что он во сне был на берегу Чёрного моря. Он слышал шум набегающих волн. Но когда он открыл глаза, шум исчез. Тогда он встал и посмотрел в окно. Под окном шевелилась толпа, среди неё выделялись милиционеры на лошадях. Они осаживали толпу, толпа напирала на ограду палисадника. Но это была не просто толпа, это была очередь. Она извивалась змеёй, люди стояли прижавшись друг к другу. Задний держался за переднего.

В квартале от этого места была хлебопекарня. Она открывалась в 9 утра. Но становиться в очередь возле пекарни не разрешалось до 6 утра, это запрещение обходили. Очередь строилась здесь, в тупике, а к шести часам она поползёт – к пекарне. В 8 часов Глеб вышел, направляясь в Институт. Очередь уже ушла. Лежала поваленная изгородь палисадника. Из подворотни торчали чьи-то ноги. Это был труп крестьянина. Немного дальше лежал труп крестьянки с ребёнком.

На Бессарабке крестьянский парень вырвал хлеб у старушки. Он сделал попытку убежать, но ноги плохо его слушались. Он остановился и откусил кусок хлеба. Его догнали, но не били. Просто отобрали хлеб, кусок от которого был оторван, и вернули старушке.

В Николаевском парке на ступеньках памятника Т. Шевченко лежал мёртвый паренёк, может быть потенциальный Шевченко или талантливый изобретатель. В эту весну и лето от голода на Украине умерло свыше шести миллионов крестьян, некоторые насчитывают до восьми миллионов. Зато колхозная система была введена... К организаторам этого массового убийства ездили (и теперь ещё продолжают ездить) в гости выдающиеся западные писатели и общественные деятели – разговаривать с ними о высоких материях...

В Институте была хлебная лавка для студентов и профессоров. Стояла очередь студентов, профессор мог становиться через каждые пять студентов. Там получить хлеб в виде кирпича было сравнительно легко.

Эта весна произвела на Глеба как бы психологический шок. Он решил, что страна эта проклята Богом и надеяться не на что. Экзамены кончались. Надо куда-нибудь бежать от этого кладбища. Развязный профуполномоченный, преподаватель соцэковских дисциплин, предложил ему путёвки в санаторию Аэрофлота по 200 рублей. Глеб заказал две. Через пять дней он получил их и это было во-время. Через три дня профуполномоченного арестовали.

Глеб положил бумажник с деньгами и билетами в карман и, на всякий случай, заколол его английской булавкой. Садились на конечной остановке трамвая. Ожидавших не было. Руки Глеба были заняты двумя чемоданами. Вдруг он почувствовал, что кто-то рядом с ним старается втиснуться на площадку. Глеб бросил чемодан и полез в карман. Булавка была отстёгнута, в кармане была чужая рука. Глеб схватил бумажник. Рука скользнула из кармана. Трамвай тронулся. На тротуаре остался стоять хорошо одетый китаец, он улыбался.

76-а. Санаторий в Ялте

В Крыму не было видно следов голода. Толстые белесоватые москвички загорали на солнце. Некоторые, познакомившись поближе, конфиденциально спрашивали:

– Правда ли, что на Украине голод?

Что отвечать? Могут обвинить в распространении "клеветы французских и английских газет". Чтобы ответить, надо быть физиономистом. Глеб и Оля сидели вдвоём над морем.

– Ты не читала, – говорил Глеб, – короткой повести: "Дедушкино поле"? Я читал её, когда мне было лет десять, кажется в "Сказках Кота Мурлыки"*.

Мальчик смотрит, что творится на дедушкином поле. Несколько человек собрались около старой дедушкиной лошади. Что-то они с ней сделали. Один бежит и тянет её за собой, а другой хлещет, подгоняет. Что-то тёмное льётся в борозду. Они надрезали лошади шею и удобряют кровью поле. Лошадь тянут по одной борозде, на другую, на третью, пока она не упала. Она была нужна, возила телегу, теперь пошла на удобрение...

Такова же и наша судьба под партийной властью. Сначала она нас использует. Ей ещё нужны инженеры дореволюционного воспитания на заводах и в Институтах, потом мы пойдём на удобрение. Когда – я не знаю. Может быть это последние наши месяцы.

– Не надо об этом думать. Сейчас мы в Крыму. Это наш месяц. А потом? Давай заплывём в море и не вернёмся...

– Самоубийство имеет оправдание, когда нет другого выхода. Будем жить, пока ещё можно жить.

Пошли в Ливадию, из Ливадии в Ореанду. Назад шли по берегу моря. Подниматься на шоссе нет времени. До ужина остался час.

– Если опоздаем, придётся ложиться спать голодными, – сказал Глеб, – ужина не оставят.

Подошли к Золотому пляжу. Он был пуст. Пошли по пляжу. Волна тихо плескалась у ног. Прошли уже половину длинного пляжа. Вдруг появился сторож.

– По пляжу ходить нельзя.

– На этот счёт объявления не висит. В следующий раз будем знать.

– Поворачивайте назад.

– Мы уйдём с пляжа, но только в другую сторону. Расстояние до конца пляжа в сторону Ялты даже меньше.

– Нет, возвращайтесь туда, откуда пришли.

Это значило не только возвращение, но и подъем на шоссе и опоздание к ужину. Правилам в Советском Союзе подчиняются только по принуждению.

---

* Трудно поверить, что бывают на свете люди, которые впервые прочли сказки Андерсена в сорок лет. Но именно так, в сорокалетнем возрасте, раскрыл однажды книгу великого датчанина Николай Петрович Вагнер (1829-1907). Сказки ему, в общем-то, понравились, однако он подумал, что сам мог бы написать не хуже, а то и лучше. Определённый опыт публикаций учёный-энтомолог Вагнер уже имел. Что касается мировоззренческих исканий, то здесь произошла эволюция от вдохновенного христианства к атеизму, а затем от атеизма к спиритизму. Вот такой человек и принялся состязаться с Андерсеном. За три года он написал дюжину историй, которые составили знаменитое издание "Сказок Кота-Мурлыки". Несмотря на упрёки некоторых современников, приключения феи Фантасты и т.д. пользовались у современников Вагнера бурной полярностью. Повесть «Дедушкино поле» появилась в посмертном 7-томном издании сочинений в 1908 году. – ***Из Интернета***

Кругом было море, песок и крутой подъем, поросший кустами. Глеб почувствовал, как его захватывает злость.

– Слушайте, дорогой товарищ, я пойду туда, куда мне надо. Если в вашем распоряжении есть взвод солдат, то можете меня задержать.

К ужину вернулись вовремя. На следующий день шли на пляж. Палило солнце. Глеб был в "форме", выданной в санатории. Форма представляла собой синюю пижаму. Лицо и руки его стали коричневыми.

По ялтинской набережной проезжали открытые автомобили с иностранными туристами и туристками. Их возят здесь потому, что нуждаются в их долларах. Они глазеют на нас, думал Глеб, вернутся домой и будут рассказывать о жизни здесь языком "очевидцев", хотя они даже нашего языка не знают. Вернутся в другой мир и будут жить свободной жизнью, не боясь ночных обысков, вшивых камер и лагерных бараков... А мы пойдём на удобрение этой земли, на нашей крови взойдёт посев Ленина – новый коммунистический человек... А эти разноцветные туристки приехали на нас глазеть, чёрт бы их побрал.

В другой день Глеб и Оля пошли к водопаду У-Чан-Су. Весной водопад льётся широкой струёй и виден из Ялты. В июле он маловоден, но лес кругом хорош. Между деревьями растёт папоротник. Тонкие струи воды падают с высокой скалы на камень.

Однажды в санатории ожидалось авиационное начальство из Москвы. На лестницах и при парадном входе постелили восточные ковры. Администрация санатории приоделась. Но начальство не прибыло. Ночью самолёт налетел на колокольню, и все погибли.

Глеб встретил Калмыкова, которого он знал по Институту.

– Отдыхаете в Крыму? – спросил Глеб.

– И отдыхаю и подрабатываю экскурсоводом.

– Откуда же вы так хорошо знаете Крым?

– Я же воевал здесь. Поневоле Крым изучил.

– Когда же?

– Во Врангелевской армии. Потом эвакуировался, попал в Англию. Затем подал прошение в посольство. У меня все родные тут остались. Вернулся, преподаю. Раз в месяц должен являться к властям, под надзором которых нахожусь.

– Здесь в Крыму, как я слыхал, были трагические события...

– Об этом уже забыто. Офицеров с камнем на ногах сбрасывали с этого мола. Когда пришлось очищать море у мола, водолазы отказывались работать. Утопленные стояли вертикально и шевелились от движения воды.

Водопад У-Чан-Су (с советской почтовой открытки).

Глеб и Оля ехали в Киев в вагоне второго класса прямого сообщения.

Вагон был старый, и толстое стекло над умывальником давно заменили тонким зеркалом в разводах. Вагон сильно рвало толчками. Когда Оля умывалась, вагон рванулся и она ударилась лбом о зеркало. Стекло треснуло. Пришёл проводник.

– Будете сейчас платить или по суду?

– А кто будет платить за лоб?

– Этого я не знаю, а за стекло следует 70 рублей.

Глеб заплатил. Спорить было бесполезно, а по суду взыщут ещё и судебные издержки.

В Днепропетровске в вагон вошли два человека, один был а форме НКВД, а другой в штатском. Но первый обращался ко второму, как к начальству.

– Вот этого товарища, – сказал проводнику человек в форме, – посадите в вагон.

– Не могу, вагон плацкартный и свободных мест нет.

– А вот мы сейчас проверим.

– Пожалуйста, – и проводник протянул книжку с плацкартами.

– Нет, я проверю в вагоне, какие места не заняты.

– Да как же можно проверить в вагоне, пассажиры пошли на станцию закусывать.

– А вот так и проверю.

В это время на площадку вышел человек удивительно похожий на Троцкого. Обращаясь к энкаведисту он сказал:

– Я должен вас предупредить, как только вы посадите в вагон человека без плацкарты, вы будете через пять минут арестованы.

– А вы кто такой?

– Это вы узнаете, когда будете арестованы.

– На каком основании вы вмешиваетесь в мои действия?

– Я не вмешиваюсь, но я вас предупреждаю о последствиях.

Было интересно видеть, как чекист сбавил тон. Видимо он думал: может быть я и в самом деле на кого-то нарвался. Человек в штатском остался стоять на площадке и таким образом инкогнито двойника Троцкого не было раскрыто.

77. Укрупнённый Институт

Три Института слились вместе*. На должность директора назначили партийного молодого человека из Харькова. Надо полагать, он имел сильную партийную протекцию. Учебный год кончался. Новый директор созвал общее собрание студентов и преподавателей и произнёс речь. Речь его демонстрировала его отдалённое отношение к учебному делу. Треть речи была посвящена подсобному хозяйству при Институте, где воспитывался десяток свиней, оказавшихся особенно дорогими директорскому сердцу.

Заместителем директора был назначен профессор Шенберг. В этом распределении ролей ярко сказалась суть партийности в руководстве: только что окончивший Институт человек, вообще ограниченного опыта, назначался директором крупного института, а в подчинение ему ставился старый опытный профессор. Впрочем, новый директор продержался только летом. Осенью наверху полетел высокий партиец, креатурой которого являлся новый директор, и он исчез из Института так же стремительно, как и появился.

На его место прислали некоего Ефимова. Это был высокий человек, севший в кресло в своём кабинете. С внешним миром он сносился только через секретаря и через своего заместителя по учебной части. Говорил директор с небольшим акцентом, вероятнее всего латышским. Заместителем директора по учебной части был профессор Окулов (профессор Шенберг отказался от должности заместителя директора). Окулов был тоже членом партии. Говорил он мягко и вкрадчиво, но был опытным интриганом.

Жизнь в институте шла заведенным порядком. Читались лекции, сдавались экзамены, защищались проекты, подписывались договоры по социалистическому соревнованию, выполнялась научно-исследовательская работа, составлялись договоры на "помощь производству".

Окончившие Институт "парттысячники" в большинстве своём закрепились в Институте: одни помощниками деканов, кое-кто председателем месткома, секретарём парткомитета, председателем местного бюро научных работников.

В подчинении Окулова находился заведующий учебной частью, румын, тоже партиец. Он был с Окуловым на ножах. Окулов набрал массу лекций, они оплачивались по числу часов и поэтому увеличивали его заработок. Поэтому посетители никогда не могли застать его в кабинете. Тогда они шли к заведующему учебной частью румыну.

– Мы к вам. Никак не можем застать профессора Окулова.

– Не можете? Ведь он всегда находится в вестибюле.

– Где? – вскакивает посетитель.

– Он висит там на "доске почёта".

Иван Карлович Бриф, бывший когда-то заместителем директора по учебной части, спускался всё ниже и ниже по служебной лестнице. Это был русский немец в многих поколениях, страстный охотник и рыболов, с круглым красным лицом и голубыми глазами. Глебу его лицо казалось знакомым. Потом он вспомнил Брифа гимназистом старших классов, гонявшим футбольный мяч по двору гимназии.

Иван Карлович был одним из самых умных людей в Институте, но он редко выдавал свои мысли. Он долгое время оставался холостяком. Женился, когда ему было лет за сорок, на красавице, бывшей моложе его лет на двадцать. У них был сын лет трёх. В начале тридцатых годов заболел тифом сын, потом мать и отец. Мать и сын умерли.

---

* "*В 1935 году три института – Машиностроительный, Химико-Технологический и Энергетический были опять укрупнены в Институт, который назвали не Политехническим, как прежде, а Индустриальным, затем его опять назвали Политехническим, и это название он носит по сегодняшний день*". – см. выше.

К тому времени стали вводить учёные степени и учёные звания, и тут выяснилось, что у Брифа было незаконченное университетское образование. Ему запретили читать лекции по математике. Затем он стал снижаться со ступеньки на ступеньку и дошёл до заведывания учебно-учётной частью.

Общетехническим факультетом заведовал доцент Чередниченко, бывший великовозрастный беспризорник, из тех, которые снимают пальто [с прохожих]. Когда его взяли в дом беспризорных, у него обнаружились незаурядные способности по математике. Его отдали в Институт, он окончил его и остался аспирантом. Он был кандидатом партии.

Однажды к Глебу явился молодой человек в важной шубе с запиской от декана другого факультета. Молодой человек оказался инженером, аспирантом, а декан просил взять на себя руководство аспирантом, который сдал экзамены и пишет кандидатскую диссертацию. У Глеба с аспирантом состоялись только три встречи, из которых выяснилось, что хотя тему диссертации он выбрал, но к ней ещё не приступал и она ещё рисуется ему довольно туманно. На следующей неделе от декана пришла новая записка, в которой сообщалось, что диссертационный срок аспиранта Люлькина окончился и поэтому Глеб от руководства освобождается.

Ещё неделей позже аспирант явился к Глебу на квартиру с письмом от некоего Областного Правления Кооперации, которое просило продолжать руководство аспирантом Люлькиным и предлагало платить за час руководства 25 рублей (при нормальной плате 8 рублей). За два месяца встреч диссертация не подвинулась ни на йоту.

Для Глеба становилось всё яснее, что аспирант диссертации не напишет, а рассчитывает, что её напишет Глеб. Свои цели он объяснил так: "Видите ли, я предназначил себя к роли директора ВУЗ'а. Неудобно директору быть без учёной степени. Для этого мне и нужна диссертация, а углубляться в неё мне нет смысла, я ведь не буду читать лекций и заниматься научно-исследовательской работой... " Глеб от дальнейшего руководства работой Люлькина отказался.

Жизнь в Институте время от времени взбудораживалась бытовыми скандалами или трагедиями. Так однажды в местком Института явилась женщина с ребёнком и, положив ребёнка на стол председателю месткома, аспиранту и партийцу, сказала: "Бери, подлец, своего ребёнка".

В какой мере председатель месткома был действительно виновником происшествия, сказать трудно, потому что в это время "алименты" присуждались достаточно просто, и многие женщины, с незаконным ребёнком, выбирали ему отца по экономическим соображениям. Рассказывали о случае, когда молодая женщина привела к ответственности лётчика и выставила свидетельницу, подтвердившую под присягой близкие отношения истицы с лётчиком. Суд приговорил лётчика к алиментам, после чего лётчик потребовал медицинского освидетельствования и оказался лётчицей.

Большинство профессоров и доцентов читали лекции минимум в двух институтах. Большие трудности возникали по части транспорта в связи с переполнением трамваев. Профессора Шульца, ехавшего из Индустриального в Авиационный Институт, спихнули с подножки, и ему отрезало обе ноги выше колена. Состояние сердца не позволило ему воспользоваться протезами. Он прожил ещё свыше трёх лет, занимаясь писанием работ по графическому дифференцированию и интегрированию.

Глеб поехал в областное объединение научных работников и добился установления профессору Шульцу персональной пенсии в 500 рублей в месяц. Однако вскоре, когда проф. Шульц получил гонорар в 250 р. за помещённую в журнале статью, ему снизили пенсию до 250 рублей в месяц.*

---

* Профессор В.Ф. Шульц заведовал кафедрой прикладной механики с 1915 до 1937 года, преподавал курсы прикладной механики и деталей машин. Его научной работой "Цапфы, осы и валы", опубликованной в 1927 г., пользовались студенты как учебным пособием. В 1930-х годах под его руководством на кафедре была создана научная лаборатория трения и смазки. – ***Из Интернета***

В Институт поступила заведующей общей канцелярией девушка лет 26-ти. Она была брюнеткой, чисто одетой в платье с отложным крахмальным воротничком. Поговаривали, что на такое место нельзя попасть без надлежащей протекции и что, мол, Розалия Ильинишна должна быть агентом секретных органов. Никаких объективных подтверждений этому предположению не имелось.

В учебной части, под начальством Брифа, работал молодой инженер, поляк, Владек. Он отнюдь не стремился куда-нибудь на завод и задержался в Институте на работе, ничего общего с инженерной работой не имевшей. Удалось это ему потому, что его ближайший коллега по Институту, с которым он вместе занимался (а может быть и что-нибудь из работ за него выполнял) был тогда непосредственно по окончании Института назначен директором. Владек принадлежал к польской семье. Был женат и имел двух славных детей, мальчика и девочку.

Появление Розалии Ильинишны в Институте сыграло трагическую роль в жизни Владека. Между ним и Розалией Ильинишной начался роман, который протекал на глазах всего Института. Скоро это стало известно у него дома и обострило его отношения с женой и с матерью. Вероятно мать, помимо прочего, как ревностная католичка, восставала против его увлечения еврейкой. Кончилось дело тем, что Владек, не найдя выхода из тупика, повесился... История же Розалии Ильинишны и Брифа имеет продолжение.

78. Борьба с троцкизмом

В это время в моду вошла "борьба с троцкизмом". Троцкисты мерещились руководителям партии во всех углах. Их полагалось выявлять и уничтожать. Распинаясь в ненависти к троцкизму, каждый партиец трясся от страха, как бы ему самому не приписали троцкизм. Это было такое обвинение, от которого нельзя было оправдаться, потому что троцкизм не имел определённых, конкретных признаков.

В большой математической аудитории было назначено общее собрание профессуры и прочего персонала Института. Перед собранием выступил замкнутый директор с латышским акцентом. Усталые люди сидели на скамьях после лекций и лабораторных занятий, вместо того чтобы ехать домой к семьям.

Длинный человек расхаживал перед ними и говорил о том, как вредны троцкисты, как они маскируются, как их надо разоблачать. Он говорил час, полтора, наконец два часа. Слушатели сидели и смотрели с ненавистью на этого оратора, который вдалбливал им в головы эту ахинею. Наконец он кончил. Публика вывалилась в коридор.

Доцент Волков говорил Глебу: "Я получаю здесь 500 рублей в месяц и за это я должен читать лекции, вести научно-исследовательскую работу, заниматься социалистическим соревнованием и теперь ещё вылавливанием троцкистов. Всё за эти 500 рублей. Вы знаете как ловят троцкистов? Я могу представить себе ловлю раков, рыбы, ловлю блох, но ловля троцкистов это совершенно незнакомая мне область".

Когда Глеб приехал в Институт на следующее утро, он заметил какое-то странное, необычайное выражение у людей. Потом он обратил внимание на то, что кабинет директора опечатан. В чём дело? Объяснение ему сообщили шепотом. Было две версии: по первой – Ефимов, учивший как ловить троцкистов, сам оказался троцкистом. По другой версии его вызвали к Постышеву. Постышев знал в Сибири настоящего Ефимова. А директор был Ефимов ненастоящий. Он выдавал себя за Ефимова и его там же у Постышева арестовали.

На кафедре у Глеба был аспирант по фамилии Угодик. Это был настоящий советский продукт. Он везде всё достанет и всегда сумеет быть полезным начальству. Говорили, что он поставлял директору Ефимову даже "живой товар". Он подсел к Глебу в Институте.

– Знаете, Глеб Петрович, я хочу познакомить вас с одним человеком. О-о-о! Это большой человек! И очень полезный человек.

– Для чего же мне с ним знакомиться?

– От вас ему надо немного. Вы бываете в среде инженеров. И он бы просил вас принять участие в некоторых комиссиях. И получить ваши заключения, понимаете, нет ли там вредительства.

– Отчего же, если это ваш знакомый, он не обратится к вам?

– Видите ли, я молодой инженер, и часто старые инженеры не говорят при мне откровенно. При вас они не боялись бы говорить то, что думают.

Глеб подумал, хорошо бы смазать его справа налево, так, чтобы глаз запух. Будем знать, какие у тебя знакомые и что ты за птица.

– Н-да, это очень серьёзный вопрос, который вы подняли, – начал Глеб. – Я прекрасно понимаю, что у советской власти есть враги и она должна за ними следить и себя от них обеспечить. Я позволю себе провести параллель. С внешним врагом борются солдаты, которые сидят в окопах и специальные тайные сотрудники, которых засылают в тыл неприятеля. Солдатом может быть всякий, но агентом в тылу – далеко не всякий. Для этого нужна выдержка, крепкая нервная система. Я мог бы быть солдатом в окопе, но я не способен быть агентом в тылу неприятеля. Поняли вы меня?

– Да, понял, конечно. Жаль. Но, забудем об этом разговоре.

Глеб снова закрутился в водовороте постоянной "нагрузки" и временной работы. Два института, вечерние курсы, рецензия на книгу, аварийная экспертиза. Он был занят с 9 утра до 10 вечера.

Экспертизы иногда представляли собой головоломки. Но, что было странно, члены технических комиссий никогда не интересовались выяснением истинной картины аварии. Разрывался ли маховик, скручивался ли вал насоса, выбивал ли поршень крышку цилиндра паровой машины или обрывался вал гидравлической турбины и колесо её падало вниз – за тем или иным объяснением аварии стояла ответственность тех или других лиц, администрации строившего или демонтировавшего машину завода или персонала, машину эксплуатировавшего. Истина отходила на второй план. Инженеры-эксперты превращались в адвокатов невольных виновников аварии.

79. Харьков

Киевский Институт имел договор социалистического соревнования с Харьковским Авиационным Институтом. В связи с этим комиссия Харьковского Института посетила Киевский Институт и знакомилась с постановкой в нём учебного дела. Киевский Институт в свою очередь послал комиссию для обследования Харьковского Института.

Ехали два представителя профессуры – Рудник и Глеб, и два представителя студенчества – секретарь партийного комитета и редактор многотиражки. Остановились в студенческом общежитии "Гигант", где им предоставили одну комнату. С утра до четырёх часов члены комиссии находились в Институте, посещая лекции и лабораторные занятия, с пяти проводили время в "Гиганте". Все четыре оказались шахматистами почти одинаковой силы за исключением проф. Рудника, который играл сильнее остальных. Играли целые вечера на двух досках.

Авиационный Институт предложил гостям полёт над Харьковом. Согласились редактор многотиражки и Глеб. Это был двухместный учебный самолёт с двойным управлением. Он сделал круг над Харьковом и опустился на аэродроме, где студенты обучались небольшим полётам на планерах. Глеб уже второй раз летал на открытом самолёте.

Обоих пассажиров привязали ремнями. Первую минуту трудно дышать, ветер бьёт в лицо, потом приспособляешься. Внизу раскинулся город. От него в разных направлениях бегут ленты шоссе. Около вокзала разветвляются игрушечные пути, по ним бегает маневровый паровозик, толкая вагоны. Сделав два круга, самолёт идёт на посадку.

Члены комиссии составляют план на каждый день, кто на какие лекции пойдёт. Затем идёт посещение лабораторий и чертёжек. После занятий обед в общей столовой. В последние дни пребывания в "Гиганте" составляется вечерами общий отчёт о посещении Харьковского Авиационного Института. Он явится материалом для комиссии, которая сделает вывод о результатах "социалистического соревнования" двух институтов.

80. Военная переподготовка

Глеб получил повестку из Военкомата. Ему предлагается поехать в Энский корпус на пятидневную переподготовку. Для Глеба это по сути не переподготовка, потому что он никакой военной подготовки никогда не имел. Глеб приехал вечером в маленький провинциальный городок, где помещался штаб корпуса. В штабе он застал уже десятка два инженеров и техников, которым отвели кровати в общежитии.

Занятия начались на следующий день. Лекции читали корпусной инженер и начальник артиллерии корпуса. После лекций лекторам задавали вопросы. Один техник спросил начальника артиллерии: почему снаряд летит по параболе? Начальник ответил, что благодаря сопротивлению воздуха. Глеб хотел напомнить о земном притяжении, но решил, что лучше не портить отношений с начальником артиллерии. Потом слушателям предлагали задачи, очень элементарные.

Наиболее трудной для Глеба оказалась практическая задача: разобрать и собрать ручной пулемёт Дегтярёва. Последняя задача была гидротехнического порядка: по данной карте, с намеченным районом затопления, чтобы задержать вражеские танки, составить смету на рабочую силу и материалы, если на затопление дано три дня. От этой задачи Глеб оказался.

– Я не гидротехник.

– Как, вы не гидротехник?

– Это видно из моих документов об образовании.

– А мы как раз наметили вам должность помкоринжа в случае мобилизации*.

– Никак не выйдет.

– Да вы подчитаете курс гидротехники.

– Люди учатся четыре года, чтобы быть инженером-гидротехником, а вы предлагаете мне подчитать. Да у меня и времени нет подчитывать, я работаю по своей специальности 13 часов в сутки.

Вернувшись домой Глеб написал рапорт в Военкомат о том, что намеченная для него на случай мобилизации должность не соответствует его специальности. Таким образом, Глеб остался без определённой должности при мобилизации, что сыграло большую роль в его дальнейшей судьбе.

81. Смерть Надежды Петровны** [1936]

Ещё в двадцатых годах Глеб должен был купить для Надежды Петровны две другие комнаты в частном доме. Дом, в котором Надежда Петровна жила, был отнят от владельца и превращён в жилкооператив, председателем которого сделался типичный жулик и пройдоха.

---

* Очередной обрубок советского "новояза": помкоринжа – помощник корпусного инженера.

** Напомним, что это сестра Глеба, героя сего повествования, - Надежда Петровна Беклемишева (1882-1936), вышедшая в 1908-м за Александра Ивановича Балашова. Художник, скульптор. Занималась в Рязани в студии Голубкиной. Жила с мужем в санатории Гульрипш. После смерти мужа и одной из дочерей-близнецов во время эпидемии (уже после революции) вернулась в Киев, где вела художественную студию для детей.

Марьяна – Марианна Александровна, дочь Балашовых. Она в 1934-м вышла замуж за Анатолия Петровича Александрова а в 1937-м году появится на свет их старший сын Александр – см. ниже.

Он вселил в проходную комнату Надежды Петровны проституирующую девицу, после чего жизнь в доме стала невозможной. Живи в этих двух комнатах мужчина, член профсоюза, отнять от него комнату было бы не так просто. Но вдова с девочкой является в отношении "жилплощади" самым беззащитным элементом.

Теперь Надежда Петровна с Марьяной жили в двух комнатах на Фундуклеевской улице вблизи Столыпинской. Надежда Петровна по-прежнему занималась художественным украшением детских садов, а Марьяна училась в медицинском техникуме. Ей едва минуло 18 лет, когда она окончила техникум и получила направление в какое-то местечко за Волгой. С одной стороны Марьяна в 18 лет была совершенно не готова к самостоятельной жизни, с другой – Надежда Петровна была не приспособлена к практической жизни в советских условиях. Марьяна отказалась ехать к месту назначения, Техникум отказался вернуть ей документы. Через год угроз со стороны Техникума Марьяна вышла замуж за физика Александрова и уехала в Ленинград.

Ещё до её отъезда предприимчивый советский гражданин силой захватил одну из комнат Надежды Петровны. На поданную Надеждой Петровной жалобу он написал объяснение, в котором утверждал, что в комнате никто не жил кроме собаки. Надежда Петровна примирилась с одной комнатой. Всё равно защитить вторую было нельзя после отъезда Марьяны. Надежда Петровна ранней весной совершила поездку в Ленинград, где посетила дочь, и в Москву, где остановилась у Марии Максимилиановны Янушевской, с которой много лет была дружна.

Вернувшись в Киев она пошла на частный урок рисования, оттуда зашла к Беклемишевым. Оля усадила её обедать. За обедом она была очень оживлена, рассказывала о своих ленинградских и московских встречах и впечатлениях. Окончили обедать.

Вдруг Надежда Петровна схватилась за грудь: "Ах, какая боль!". Глеб и Оля отвели её в кабинет, находившийся в конце коридора, и уложили на кушетку. Глеб побежал к доктору Кристеру, жившему по соседству. Доктора Глеб встретил на улице. Он спешил на консилиум: "Хорошо, после консилиума сейчас же зайду". Глеб вернулся, прошло минут сорок. Кристер ещё не приходил. Глеб подошёл к кабинету и тихо приоткрыл дверь. Надежда Петровна лежала, спустив одну ногу с кушетки, как будто она порывалась встать. Рот был открыт. Она была мертва... Пришёл доктор Кристер. Он мог только написать свидетельство о смерти от тромбоза в сердце.

Глеб известил о смерти Надежды Петровны Ольгу Петровну, Адю Белинг, дослал телеграммы Марьяне в Ленинград и Марии Максимилиановне в Москву, пошёл получить разрешение на похороны, заказать гроб и место на кладбище. В похоронном бюро в окнах были выставлены портреты Ленина и Куйбышева.

– Почему у вас нет портретов Сталина и Молотова? – поинтересовался Глеб.

– Нам запрещено вывешивать портреты живых вождей, – ответил заведующий бюро.

Похороны были на следующий день. Пришло несколько старых друзей Надежды Петровны: Белинги, Вера Михайловна Михайлова, Андрей Вуколыч, который принадлежал вместе с Кирияцким и Радковым к студентам "зашкапникам". Знакомство между ними и компанией Надежды Петровны состоялось в 1908 году и закончилось тогда женитьбой Кирияцкого на Лизе Акуловой, а Радкова – на Нине Акуловой. Костя Кирияцкий был давно в Польше, Нина Акулова развелась с Радковым и Вера Михайловна видела его на улицах Киева старого и больного.

Возвращаясь с кладбища, Глеб перебирал в воспоминании прежних друзей и знакомых Надежды Петровны: блестящего доктора Василия Николаевича Михайлова, верного рыцаря Надежды Петровны филолога Перлатова, проведшего всю германскую войну на фронте и погибшего в Крыму, мужа её Александра Ивановича, сначала бедного студента-медика, отданного в солдаты за участие в студенческих беспорядках, больного туберкулёзом, потом модного врача в Кисловодске.

И сама Надежда Петровна высокая, стройная красавица с карими глазами, весёлая, художница и скульпторша. Она вышла замуж 26-ти лет и прожила с мужем и двумя девочками десять лет в Сухуме и Кисловодске. Хозяйством она не занималась, это лежало на Александре Ивановиче. С 1920 года она прожила вдовой 16 лет. Советской жизни она не понимала и всего боялась. Все соприкосновения с внешней жизнью брала на себя Марьяна. Надежда Петровна всегда ожидала какого-либо удара, и он приходил в виде какого-нибудь грубого типа, силой отнимавшего у неё комнату. Теперь эта жизнь, горевшая ярко в первую половину и протекавшая в сумерках – во вторую, была окончена. Гроб засыпан жёлтой глиной на Байковом кладбище, на той же террасе, где лежат её двоюродные братья, Владимир и Анатолий Вакары, где под мраморным обелиском зарыты её мать, Мария Модестовна, и её бабушка, Надежда Платоновна. Три поколения ушло уже под землю, думал Глеб.

Затем мысль его перешла на доктора Кристера. Оля и Глеб познакомились с ним у профессора Василия Николаевича Михайлова. Кристер был тогда молодым врачом и работал с Михайловым в больнице. Некоторое время он был пажем Веры Михайловны, сопровождая её в театры и в кино. В советское время у Кристера было одно событие, положившее отпечаток на его жизнь. Он женился. Непосредственно после свадьбы, в первый же вечер, его жена была арестована НКВД и увезена. Вернулась она из ссылки через 7 лет, но женой Кристера уже не стала. У Эдмунда Кристера были мать и брат, профессор-экономист. Брата и его жену арестовали, затем арестовали и доктора Кристера. Он вернулся уже перед самой германской войной, но видимо с поражением в правах. На войну его взяли не врачом, а рядовым.

Вера Михайловна Михайлова, 1925-26 годы

С кладбища возвращалась и Вера Михайловна Михайлова. Ей было 56 лет. Жизнь её была в прошлом. Муж профессор и великолепный врач-практик умер в 1922 году. Приёмный сын Лесик повесился в Ленинграде. Потом у неё был роман, последний роман её жизни, с физиком Александровым, который был моложе её лет на 20. У Веры Михайловны была одна черта: с мужчинами, которых она покорила, она обращалась деспотически. Когда Александров расстался с ней, он вскоре женился. Через год он развёлся с женой, у которой остался от него сын*.

* Первая официальная жена физика Анатолия Петровича Александрова – Антонина Михайловна Золотарева. В этом браке в 1932 г. появился сын Юрий.

Потом Александров женился опять, на этот раз на Марьяне, дочери Надежды Петровны. Это была подходящая пара. Оба были бесшабашны, любители путешествий в самых диких местах. Летом они бродили в горах Кавказа, где неделями нельзя встретить человека, или спускались на челне по реке, стреляя уток и варя уху из пойманной ими рыбы.

Физик Анатолий Александров

82. Радио

Ещё в конце двадцатых годов Яков Яковлевич Дьяченко привёз Глебу из Москвы детектор, с помощью которого можно было построить детекторный приёмник. Глеб стал было заниматься этим делом, но потом забросил его. Не хватало времени. Потом было объявлено, что можно заказать себе "радиоточку". Идея заключалась в том, что "радиоцентр", принимая радиопередачу, транслирует её по проводам к абонентам. Передача носила, таким образом, для абонента характер принудительного ассортимента.

Пришёл монтёр и поставил репродуктор. Потом репродуктор захрипел и заговорил. Бой удивлённо посмотрел на круглый, чёрный предмет и залаял. Видя, что репродуктор говорит человеческим голосом, но не предпринимает враждебных действий, Бой успокоился. Вероятно он объяснил это явление, подобно французскому академику, чревовещанием. Рассказывали, что когда в Париже демонстрировали первый раз фонограф Эдиссона, один французский академик заявил, что это жульничество и просто ловкое чревовещание.

Уже в тридцатых годах Глеб и Оля пошли в Универмаг и купили там великолепный по тем временам пятиламповый приёмник Центральной Ленинградской Радио-лаборатории. Аппарат стоил 1200 рублей, был объёмист и тяжёл. Теперь по вечерам можно было слушать музыку неведомых городов. Говорит Мелона! Где она находится, эта Мелона? Надо посмотреть в атласе...*

Уже незадолго до войны с Германией Леонид Добронравов привёз Глебу по его просьбе из Москвы новый приёмник – супер "Пионер", изящный и хорошо смонтированный аппарат, который не продавался в Киеве. Он стоил 1000 рублей и выпускался фабрикой, которая, как говорили, целиком была вывезена из Прибалтики после присоединения к Советскому Союзу балтийских республик.

По вечерам из Берлина передавали бравурные военные марши. Они заставляли думать о будущем и внушали мысль, что военные марши до добра не доведут. Однажды радио передало речь какого-то оратора. Он истерически

---

* Город Мелон (Melon) расположен в Испании, область Галисия.

повышал голос на отдельных словах. Потом Глеб узнал, что говорил Муссолини. Но это было позже.

83. В Щучинку по Днепру [1935]

Глеб получил письмо от Марьяны. Она приезжает с мужем Анатолием в Киев. Из Киева они спустятся по Днепру в Щучинку за Ржищевым. Не хочет ли Глеб к ним присоединиться? Почему бы нет. Вспомнить опять старое – поездку по Днепру в Херсон в 1914 году. Марьяна и Анатолий приехали полные энергии. С собой они везли охотничье ружьё и небольшую сеть для рыбы. В их распоряжении был долблёный чёлн их приятеля. Он, естественно, был значительно меньше "Тихохода", парусно-гребной лодки, на которой Глеб с компанией плавали в 1914 году, но поместиться втроём в челне было можно.

Хорошо скользить вниз по Днепру. Назад плывут жёлтые отмели, кланяются прибрежные вербы. Ватные облака проплывают по синему небу. На правом берегу срезанные Днепром холмы, как караваи ржаного хлеба. Потом на левом берегу появляются деревья, больше всего ольхи. Вода ещё стоит высоко. В зарослях ольхи как бы скрытая дверь. Если въехать в неё – открывается целое озеро, огороженное деревьями. Выкупались и протянули сеть под берегом. На сетке запрыгала серебристая плотва и несколько небольших утконосых щук. Ещё утром Анатолий застрелил чирка. Охота ещё не разрешена, но он опытный браконьер. Поблизости никого нет. После ужина выбрали место для ночлега. Чёлн вытаскивается на песок и переворачивается днищем кверху. Спать надо на песке под челном. На песок подстилается одеяло. Ранним белесым утром путешественники выползают из-под челна. Глеб чувствует ломоту в руках и ногах, лежать под челном неудобно, жёстко и сыро.

Марьяна Балашова

В 1914 году он этого не чувствовал. Неудобства путешествия по разному воспринимаются в 24 и в 44 года*. Теперь Глебу делается понятно, почему Анатолий Викторович Вакар сбежал с "Тихохода" в 1914 году у пристани "Дерновка", не доехав до Екатеринослава. Но Глеб доедет до Щучинки. Ехать не 800, а всего 250 километров.

У Злодиевки кто-то машет платком на берегу. Это Вера Михайловна, которая проводит здесь лето. Подъехали к берегу. Глеб смотрит на этих трёх людей: Веру Михайловну, бывшую жену Анатолия "де факто", на него самого и теперешнюю его жену Марьяну. Марьяна, дочь Надежды Петровны, закадычного друга Веры Михайловны. Вера Михайловна помнит её ребёнком нескольких месяцев отроду.

---

* Согласно подписям на фотографиях, хранящихся в Москве у Александровых, путешествие по Днепру было предпринято в 1935-м, а не в 1934-м, как вроде бы выходит по Глебу – "в 44 года", а их заезд с женой Олей в Ереськи произошел в 1938-м (см. ниже).

Все трое теперь – добрые знакомые. Поговорили и поплыли дальше вниз. Глеб провёл один день в Щучинке и сел на идущий вверх пароход.

Пароход как всегда завален ящиками и мешками. Между ними прямо на полу сидят крестьяне. На верхней палубе свободней. Лёгкий ветер относит чёрный дым. На холме у Триполья стоят три ветряных мельницы. Издали видна Лаврская колокольня. Она как будто плавает в воздухе.

84. Ереськи [1938]

Прошло два года. Мария Максимилиановна и Игорь Янушевские проводят лето в селе Ереськи, недалеко от описанного Гоголем Миргорода. Туда же приедет из Ленинграда и Марьяна с сыном. У неё уже есть годовалый мальчик. Глеб и Оля провели июль в Крыму. На август решили поехать в Ереськи. Поезд уже прошёл Джанкой.

– Времени у нас достаточно, – сказал Глеб, – не изменить ли нам маршрут? Мы можем сойти в Александровске (теперь Запорожье), пересесть на пароход и подняться в Киев по Днепру. Займёт это два с половиною дня.

– Прекрасная идея, – ответила Оля.

Они вышли на перрон станции Запорожье в 12 часов ночи. На площади перед вокзалом было темно и пусто. Извозчиков и такси не было и помину. Только на противоположном углу стояли две фигуры, мужская и женская.

Заговорили с ними. Он оказался моряком, она его женой. Ленинградцы. Так же как и Беклемишевы хотят проехать в Киев на пароходе. Решили объединиться. Спросили случайного прохожего, как попасть на пристань.

– Можно кругом, только далеко будет, а напрямик – вот этой дорогой, но здесь могут и ограбить.

В это время на площади показалась лошадь, тащившая повозку из трёх досок на четырёх колёсах. Подрядили возчика отвезти вещи на пристань. Пошли за подводой по дороге "где и ограбить могут". Темно, ни души. Оглянулись, кто-то бежит, догоняет их. Жена моряка подняла с дороги камень, готова защищаться. Оказалось, что догонял возчик, который отстал "до ветру".

На пристани было довольно пусто. Пароход должен приходить по расписанию в 6 утра, но когда будет – неизвестно, ещё не было вчерашнего парохода. Глеб стал у кассы. Потом стали появляться какие-то личности, но шли не к окошку кассы, а к задней двери помещения кассы. Пошептавшись с кассиршей и получив, по видимому, удовлетворение, они уходили. Когда окошечко кассы открылось, моряк, имевший право внеочередного получения билетов, забрал два первых и последних билета на каютные места. Глебу кассирша предложила палубные места. Перспектива провести два с половиной дня на палубе не улыбалась, но ещё меньше улыбалось валяться сутки, а может быть и больше, на пристани с перспективой получить те же палубные места. Глеб взял два палубных билета. Проверял билеты на сходнях бывший студент Глеба.

– Глеб Петрович! Да как же вы на палубе? Я сейчас вам всё устрою. Следующая остановка в Большом Запорожье. Это через час. Я скажу капитану, он отведёт вам каюту.

Действительно, в Большом Запорожье, Глеб и Оля получили четырёхместную каюту. Они забрали к себе моряка с женой. Моряк, ещё совсем молодой, оказался интеллигентным человеком. Говорил он чистым "петербургским языком". Жена его была очень изящна, её свободно можно было назвать красавицей. Она рассказала, что жила в Ленинграде, был у неё жених. Повезла жениха показать своей тётушке и в доме тётушки встретила моряка. И тут – любовь с первого взгляда. Свадьба с женихом расстроилась, и она вышла замуж за теперешнего своего мужа – моряка. Незаметно, в приятной компании, Глеб и Оля доехали до Киева. Дома их ожидали мать Оли и Бой. Бой всячески выражал свою радость, тыкался носом в чемоданы, вынюхивал крымские запахи.

Через два дня Глеб и Оля выехали в Ереськи. Как добраться от станции до Ересек – тоже проблема, но их взяла в свой шарабан случайная попутчица.

Альдик (Роман Сеф)

Роман (Роальд) Сеф, уже известный детский писатель

Мария Максимилиановна жила в одной крестьянской хате с двумя внуками, Вовой и Альдиком, детьми её дочери Люды. Люда была в ссылке, а отца детей, Абрама, расстреляли[*].

В другой хате, по соседству, жил Игорь с сыном. Жена Игоря, архитектор по специальности, оставалась в Ленинграде. Отец жены был в ссылке[**].

Сам Игорь, которого Глеб помнил гимназистом в Ростове, а потом студентом Московского Технического Училища, стал теперь степенным инженером-теплотехником с солидной лысинкой. Он был завзятым рыболовом и пропадал с сыном целые дни на речке.

---

[*] Как мы уже упоминали, "расстрелянный отец детей Абрам» – это большевик Семен Ефимович Фаермарк (Сеф), вместе с женой Людмилой Павловной Янушевской они не всегда согласованно «колебались вместе с линией партии» и даже клеветали на тов. Берию! Их сын Альдик – это Роальд (Роман), станет впоследствии известным детским писателем, но перед этим отсидит 5 лет в сталинских лагерях. Старший брат Владимир погибнет в 1942 г. на фронте, под Гомелем.

[**] Как уже упоминал автор повествования Глеб, Игорь – это сын железнодорожного инженера Павла Степановича Янушевского. Добавим от себя, он женился на Нине Викторовне Саблиной и произвел на свет сына Олега.

Игорь Павлович Янушевский

В третьей хате жила Марьяна с мужем и с сыном и с няней. Глеб и Оля нашли для себя хату довольно далеко от всей компании. В хате хозяева не жили, а около хаты высился большой конус из речных раковин.

– Что это за ракушки? – спросил Глеб крестьянина, сдавшего ему хату.

– А это во время голода моя сестра, вдова с ребятишками, спасалась, ела речных слизняков, а раковины сюда ссыпала.

Остальное было само собой понятно...

Глебу было приятно провести эти недели в Ереськах. Они напоминали ему прежние летние дни в Букрине и в Млынке, но в то же время и наполняли его печалью: не было его сестры Нади, не было [ее мужа] Александра Ивановича, рассыпалась вся семья Янушевских, Лёля жила за границей, Люда – в ссылке, двое мальчиков, Вова и Альдик, были живым напоминанием о трагедии соприкосновения семьи Янушевских с миром большевиков. А между тем жизнь текла, как заведенный механизм. Игорь следил за поплавком на речке тем же внимательным оком, как в своё время его отец Павел Степанович следил за поплавком на пруде в Шелеховской слободке. Только минуло с тех пор 28 лет...

"Племянник с дядей напоказ, контраст ужасный режет глаз", Ереськи, 1938 (А.П. Беклемишев с внучатым племянником Сашей Александровым)

85. Разрыв с Институтом

Отношения в Институте у Глеба обострились. На экзаменах приходилось сталкиваться с партийцами, которые ничего не знали. На осмотрах проектов можно было установить, что проекты не ими сделаны. Был случай, когда один партиец срезался на осмотре проекта третий раз. Его ближайший приятель, уже окончивший Институт, был помощником декана.

– Что же это вы, товарищ Беклемишев, Калмыков – заслуженный член партии, а вы не даёте ему проходу, третий раз не пропускаете проект. Я об этом случае буду говорить с директором.

– А я буду – об этом случае давления на совесть экзаменатора – говорить в комиссии советского контроля.

– Да я ведь не давлю, я только спрашиваю.

– Положим, вы не спрашиваете, а, имея одностороннюю информацию, уже вывели заключение, что студент прав, а экзаменатор неправ.

– Ну, я, конечно, полных данных не имею. Вы мне напишите докладную записку с объяснением этого случая.

– Докладной записки я писать не буду.

– Почему?

– Потому, что экзаменовал я не один, я не председатель экзаменационной комиссии. Это одно основание. Второе основание – объяснение по вопросам характера экзамена даётся заведующему кафедрой, а вы не заведующий кафедрой.

Второе столкновение произошло с заместителем директора по учебной части Окуловым. Против Глеба уже вёлся подкоп – его обвинили в том, что он перегрузил студентов графическими работами (все они числились в программе, предписанной Москвой) и тем самым оставлял им мало времени для изучения социально-экономических дисциплин. Обвинение это Глеб легко разбивал: программа дана Москвой.

– Но вы должны были протестовать против объёма графических работ.

– Я и протестовал. Составленное мною отношение было подписано директором и послано в Москву.

– Но вы не добились согласия Москвы.

– Не добился.

– Значит, недостаточно упорно добивались.

– Но эта программа принята во всех технических ВУЗ'ах. И они даже не добивались её изменения. И их никто не обвиняет. А я, который добивался, виновен по-вашему в том, что Москва осталась глухой к нашим протестам.

Кроме того Глеб имел обязанности по методическому сектору учебной части. На этой почве на Учёном Совете института он разошёлся с заместителем директора Окуловым в оценке плана работ кафедр. На следующий день Глеб был вызван Окуловым.

– Вы противопоставляете себя Учебной Части, в то время как вы являетесь органом Учебной Части.

– Я являюсь также членом Учёного Совета и, как таковой, могу высказывать своё независимое мнение.

– Нет, не можете.

– Вам, видимо, нужен в Учёном Совете граммофон, я им не буду.

– Как это понимать? Как отказ от работы?

– Я понимаю, что так.

Почувствовав, что отношения обострились и он стал "нежелательным элементом", Глеб подал заявление об уходе из Института. У него оставалась работа ещё в одном небольшом Институте. На следующий день к Глебу приехал профессор В.И. Петин с предложением от директора одного из киевских институтов занять в нём кафедру. Таким образом у Глеба опять была работа в двух институтах. Однако, до этого разрыва, предчувствуя его неизбежность, Глеб сделал попытку опять уйти "на производство". Попытка оказалась неудачной. Было это так. Заведующий кафедрой двигателей внутреннего сгорания инженер Ландау ушёл на должность главного инженера завода "Красный Двигатель". Директора этого завода Глеб тоже знал прежде, как начальника цеха одного из ижевских заводов. Директор этот был без технического образования, т.е. практиком, но был членом партии. Завод "Красный Двигатель" должен быть расширен и начать выпуск нового типа двигателей.

Инженер Ландау предложил Глебу занять должность начальника отдела реконструкции завода. Глеб согласился, при условии, что один месяц для обеих сторон будет пробным. Поэтому Глеб не ушёл окончательно из Института, а сократил число своих лекций так, чтобы мог посещать Институт два раза в неделю и то на часть дня. Ознакомление с положением на заводе дало Глебу следующую картину: завод маленький со слабым оборудованием.

Бывший директор завода с бывшим главным инженером (теперешним директором), приехав в Москву, предложили выпускать через шесть месяцев новый тип двигателей, если им отпустят два миллиона и ряд металлорежущих станков. Список станков они составили сидя в Москве в номере гостиницы, как говорится "с потолка". Им дали два миллиона и обещали прислать станки. Прошло три месяца. Чертежи двигателя были разработаны, но технологический процесс только разрабатывался. Станки с индивидуальными моторами прибывали, ими были уже завалены заводские склады. Можно было уже судить, что одних станков будет избыток, а других не хватит.

Но, что самое главное, старый трансформатор обеспечивал энергией только моторы старых станков, трансформатор не был предусмотрен в списке, поданном в Москве, а ленинградский завод трансформаторов обещал новый трансформатор не ранее чем через два года. Все трансформаторы забирала военная промышленность...

Понимать создавшуюся ситуацию мог один Ландау. В случае краха директор-партиец свалит всю вину на Ландау и Глеба. В отделе рационализации сидел очень милый юрист, которого сделали рационализатором производства на шестимесячных курсах рационализации и который ничего не понимал.

Впоследствии с развитием "юридических консультаций" рационализатор вернулся к своей, знакомой ему, юридической деятельности.

Пробный месяц подходил к концу. Глеб подал докладную записку дирекции, в которой он откровенно обрисовал всю безысходность положения завода. В конце он написал, что пользуясь договорённостью относительно пробного месяца, он уходит. На словах он добавил, что по его расчётам через год всю администрацию посадят. Глеб вернулся в Институт, вернее расширил свою лекционную и проектную нагрузку с тем, чтобы через полгода порвать с ним, променяв его на другой Институт гораздо меньшего масштаба.

86. Командировка в Ленинград. [~1937]

Глеб ехал в командировку в Ленинград. Раньше он видел Петроград или Ленинград только зимой. Теперь было лето. Он остановился в Европейской гостинице на Невском проспекте. Напротив были часы на башне. Сзади гостиницы – небольшой парк, в нём цветут каштаны. Глеб не ожидал увидеть каштаны в Ленинграде. Ленинградцы в Крыму стояли перед каштанами и рассуждали, что это за дерево, как будто никогда его не видели. Глеб должен был посетить киевских студентов на ленинградских заводах. Воскресенье было свободным, и он поехал в Петергоф с Марьяной, Александровым, его сестрой и с Игорем Янушевским*.

Валерия Петровна, сестра физика Александрова

Был погожий летний день. С Маркизовой лужи тянул приятный ветерок. Били фонтаны. Было довольно много гуляющей публики. На террасе у дворца стояли столики, подавали мороженное. День пролетел незаметно. Обратно ехали на пароходике по Маркизовой луже. Слева виднелся Кронштадт, прямо против носа пароходика зеленел финский берег. На пароходе милиции не было, так что когда произошёл скандал, дело разбирал капитан. Дело не было сложным. Один грубоватый субъект, с развитой челюстью, пристал к женщине, другой такого же типа мужчина вмешался и съездил первого по скуле.

Ни один из них не доказывал, что другой неправ. Он просто козырял своим положением: я член партии с такого-то года и член Ленинградского Горсовета. А я, говорил другой, секретарь партийного комитета такого-то завода. Важны не поступки, а положения. Десятка бьёт девятку, валет – десятку.

Прошли несколько кварталов от трамвая на квартиру Игоря. Глеб не любил Ленинград. Его монументальные здания центра, Исаакий и Казанский собор, Зимний дворец и Эрмитаж ему импонировали, но расползающиеся в стороны улицы казались серыми, каналы ему не нравились. Он любил синее небо Украины, жёлтые поля, лиственные и сосновые леса Киевщины, ленту Днепра и Чёрное море.

---

* Здесь речь идет о единственной сестре физика Александрова – Валерии Петровне (1892-1982).

Если действие сей главки происходило в 1937-м, то в этом году у Марьяны родился (22 февраля) сын – Александр, которого мама вполне могла оставить с няней, чтобы поехать в Петергоф.

Из Ленинграда он уезжал с удовольствием. Но уехать было не так легко. Железнодорожные билеты на места в мягких и жёстких вагонах были проданы вперёд за неделю. Уехать можно было только в так называемом "международном" вагоне, но стоимость проезда в этом вагоне по командировке не оплачивалась, приходилось доплачивать из собственного кармана. Глеб ехал сначала в Москву.

В Москве зашёл к Наде Вакар, жившей со своим мужей Сашей, членом партии, во вновь построенном многоквартирном доме. Нади он не застал. Саша сказал, что она поехала с дочкой в Тифлис к сестре Вере. Глеб знал, что Вера разошлась с первым мужем – грузином и вышла замуж за армянина. От второго замужества у неё была дочка. Глеб так понял, что Надя поехала навестить сестру.

Оттуда Глеб поехал к Марии Максимилиановне. От неё он узнал, что Надя с Сашей разошлись и Надя с дочкой уехала в Тифлис навсегда. Глебу было её жаль, он знал, как трудно одинокой женщине пробивать себе дорогу в советской жизни, а Надя была ему симпатичней других сестёр. У неё был прямой и добрый характер. Её круглое лицо с небольшим носом, с голубыми глазами и вьющимися русыми волосами глядело добродушно... Несколько лет спустя Саша будет арестован и Надя, сохранившая к нему добрые чувства, станет посылать ему в тюрьму посылки.*

– Как же вы живёте? – спросил Глеб Марию Максимилиановну.

– Да так вот и живу, воспитываю Людиных мальчиков, зарабатываю уроками немецкого языка. Несколько месяцев тому назад вызывали меня в НКВД, допрашивали. Потом отпустили.

– О чём же они вас допрашивали?

– Допрашивал только один, какой-то там чин. Спрашивал: "Ваш муж был осуждён по делу Госплана?"

– "Да, – говорю. – Он уже умер".

– "А старший сын сослан по делу рабочей оппозиции?"

– "Да, сослан".

– "Одна дочь репрессирована после ликвидации мужа?"

– "Да, репрессирована".

– "А старшая дочь перешла в 1921 году нелегально границу?"

– "Да, перешла".

– "Ничего себе махровая семейка. А вы что делаете?"

– "Даю уроки немецкого языка и содержу внуков..."

– Ничего, отпустил...**

---

* Как мы уже упоминали, второй муж Веры Платоновны Вакар – это работавший в Тифлисе-Тбилиси Георгий Христофорович Бабаев, который вполне мог быть изначально – Бабаяном, их дочь – Наталья Георгиевна, которая выйдет замуж за сотрудника Тбилисского телевидения Резо Вахтанговича Кезели и станет учительницей английского языка. Фамилию первого мужа-грузина В.П. Вакар определить не удалось. Что касается сестры Надежды Платоновны Вакар, вышедшей замуж за профессора Александра Кондратьевича Лапина (будет арестован 17 июля 1937 г., расстрелян, как мы уже упоминали, 30 ноября 1937 г.), то она уехала в Тифлис-Тбилиси с дочкой Натальей Александровной, которая выйдет там замуж за Владимира Савушкина, станет инженером-химиком и будет работать в НИИ угольной промышленности.

** Речь идет о следующих персонажах (многие уже были упомянуты ранее): муж – Павел Степанович Янушевский, в 1930-м проходил по делу Промпартии (включая и Госплан); старший сын – Владимир, служил в ВЧК, в 1922-м, при преобразовании ВЧК в ГПУ, был «вычищен» в институт Ленина, в 1925-26 гг. – научный сотрудник Госплана, в 1928-м как троцкист попал в ссылку, с 1930-го служил в БАМлаге (г. Свободный), был арестован в 1936-м и расстрелян 20 июля 1937 г.; дочь Людмила была сослана, еще до расстрела, согласно одному из нескольких списков лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР от 19 апреля 1938 г., мужа-большевика Абрама (Семена Ефимовича) Сефа (Фраемарка); дочь Лёля (Ольга) еще в 1921 г. перешла нелегально границу, чтобы выйти замуж за любимого человека – инженера Сергея Кригер-Войновского.

Слева направо: Игорь Янушевский, неизвестный мальчик, Алена Белинг, предположительно Александр Карагичев, Алеша Белинг, Марьяна Янушевская, Мария Максимилиановна Янушевская, Наташа Белинг (с корзинкой с грибами), Нина Поздняк (приемная дочь П.С. и М.М.Янушевских). Снимок сделан в Боголюбово летом 1930 года. Мария Максимилиановна была в Боголюбово в ссылке после ареста и осуждения Павла Степановича. Этим летом к ней приезжали ее дети и Адя с тремя своими детьми.

Глебу пришлось опять взять билет в международный вагон. Трамваи шли переполненными. Если пропустить ещё вагон, мог опоздать на поезд. Вскочил на ходу. В руках чемодан, на спине рюкзак. Поворачиваясь, мазал рюкзаком по физиономиям. Москвичи ругались лениво, не по-киевски.

– Гражданин, – сказал кондуктор, – выдавите стекло, будете платить.

– Хорошо, заплачу.

Поезд бежал на запад, роняя облака дыма. Тёмные ели убегали назад. Миновали Хутор-Михайловский – теоретическую границу Украины и Российской Федеративной Республики. Утром переползли мост через Днепр. Поезд обогнул Зверинец и миновал Киев-Второй и Киев-Товарный. Глеб был дома.

87.Теберда

В это лето Глеб и Оля решили ехать "туристской самодеятельной группой" в Теберду. До Невинномысской доехали без приключений. Отсюда шла ветка на Баталпашинск. Год тому назад он назывался Сулимовским, по имени какого-то председателя совета народных комиссаров РСФСР, промелькнувшего метеором. Теперь его переименовали в Ежово-Черкесск, по имени сталинского "железного наркома" Ежова.*

---

* Баталпашинск в 1934 г. был переименован в Сулимов по фамилии председателя Совнаркома РСФСР Д.Е. Сулимова. Сулимов был арестован 27/28 июня 1937 г. и расстрелян 22 июля, после чего город переименовали в Ежово-Черкесск, в честь исполнителя арестов и казней того времени наркома внутренних дел Н.И. Ежова. В 1939 г. был арестован и Ежов, после чего за городом сохранилась лишь вторая часть названия – Черкесск. – ***Из Интернета***

От Ежова-Черкесска надо было ехать автобусом. Никаких признаков появления автобуса не было. Ожидали автобуса ещё две дамы-москвички и с ними девочка лет 15-ти. Окошко кассы открылось на минуту, и Глеб купил два билета. Ехать предстояло в час ночи. Москвички решили ждать дневного автобуса. Автобус покатил в абсолютной темноте. Это было хорошо – не видно было пропастей. На ухабах автобус подскакивал, и сидевший на задней скамейке Глеб ударялся головой о потолок. Единственная остановка была в Микоян-Шахаре – городе, построенном на пустом месте в виде единственной улицы. Он был административным центром Карачаевской области.

В Теберду приехали утром. Умылись и напились чаю на турбазе. Пошли искать комнату. Наняли маленький домик в одну комнату, хозяин которой находился на горных пастбищах со стадом. Комната изобиловала блохами. Подъехали москвички с девочкой, Дурасова с дочкой и приятельница Дурасовой Баринова. Последняя страдала астмой и казалась особенно нервной. Как оказалось, муж её был недавно арестован и сослан. Сын остался в Москве, и она беспокоилась, как бы и его не арестовали.

Теберда расположена на высоте 1800 метров над уровнем моря. Лежит в ложбине. По обе стороны подымаются покрытые лесом горы. Ясно видны снежные вершины, с которых тянет холодом. На солнце люди загорают сильнее, чем в Гаграх, в тени холодно, надо накинуть плед. Неожиданно Беклемишевы встретили Марию Маврикиевну, московскую знакомую, с дочкой Мурой[**]. При её помощи завязалось знакомство с московскими учительницами.

[**] Мария Маврикиевна была дочерью присяжного поверенного, коллежского советника Маврикия Осиповича Гиршмана (1867-1936) и его жены Селины Германовны. В 1917-м Гиршманы эмигрируют во Францию, а их дочь выйдет замуж за помощника присяжного поверенного Давида Самойловича Айзенштата (1880-1947) и тоже займется адвокатской практикой, а затем останется в советской России и будет преподавать историю. У них родятся дочери Мура (Мария), Ольга и Наталья, а Давид Самойлович станет библиофилом и букинистом, в 1919-23 гг. вместе с Сергеем Есениным будет заведовать книжным магазином Московской трудовой артели художников слова, станет одним из инициаторов создания Русского общества друзей книги, в 1931-37 послужит директором Книжной лавки писателей. Можно добавить, что персонажи известных портретов Серова, меценат Владимир Осипович Гиршман и его жена Генриетта Леопольдовна, – дядя и тетя Марии Маврикиевны.

Речка Теберда

С ними вскоре произошло приключение. Две учительницы пошли в лес. Там к ним пристали две большие овчарки. Идут на почтительном расстоянии, учительницы остановятся и овчарки станут. Даже неприятно как-то им стало. Одна из учительниц подняла камень и бросила в их сторону. Отстали немножко.

Потом учительницы стали рассказывать про них карачаевцу:

– Отстали собаки от стада и за нами увязались.

– Не может этого быть, – сказал карачаевец, – овчарка никогда не оставит своего стада. А как они выглядели?

– Одна побольше – серая, а другая пониже с желтизной.

– Да я их знаю. Это волк и волчица. Они сейчас не голодные, поэтому вас не тронули.

Учительницы задним числом чуть в обморок не упали.

Внизу бежала чрезвычайно холодная речка Теберда. Вдоль дороги в горы росла свежая остроконечная земляника. Она было целое лето, только на разном уровне. Ходить в Теберде очень легко. Можно пройти 25 километров совсем не устав. "Это вам не гнилая Абхазия", – говорят аборигены. Кругом расположены места замечательных прогулок. С целой компанией Беклемишевы съездили на Байдукские озёра. Оставив внизу лошадей, надо подыматься на гору пешком. Местами приходится переходить через поток по перекинутому бревну. Одна из девушек пошла по бревну в туфлях на высоких каблуках, села на бревно и стала снимать туфли. А все сзади должны были балансировать на бревне, как циркачи.

У озёр лежат полосы снега, из-под снега вылезают невиданные лиловые цветы. Другой раз Оля и Глеб пошли пешком к естественным источникам нарзана. Идти можно только босиком, вода заливает широкие пространства, пока её не забирают к себе арыки. Вода источников имеет вкус настоящего нарзана, но окрашена рыжим осадком, это железо.

Поехали в Домбайскую поляну. Дорога на Клухорский перевал, в Сванетию, сворачивает влево. В Домбай дорога идёт прямо. Домбайская поляна лежит на высоте 2000 метров. От неё рукой подать до ледника. Под деревьями валяются люди в спальных меховых мешках. Другие проходят в горы с кошками и верёвками через плечо. Вода в потоке ледяная. Солнце днём печёт немилосердно. В палатке становится душно. Ночью спят под пятью одеялами. Вечером разожгли высокий костёр. В темноте ночи загорелись в горах ответные огни.

Мария Маврикиевна Айзенштат-Гиршман

Мура Айзенштат

Люди в Теберде и Домбае дышат полной грудью. Но Беклемишевыми владеет "беспокойство и жажда перемены места". Они едут в Кисловодск и оттуда через Армавир в Туапсе. Мария Маврикиевна просит отвезти в Туапсе Муру. В Армавире у Оли украли жакет. Армавир славится ворами. Это омрачило путешествие. Женский костюм в Советском Союзе сшить не так просто. К этому надо готовиться год.

В Туапсе Беклемишевы ждут полночи парохода. Они решили ехать в восточную часть Крыма. Им хвалили Судак – рай для художников. В Феодосии выясняется, что в Крыму голод на автомобильные покрышки. Автомобили не ходят. Глеб находит грузовик, на него ставят стулья. Грузовик приходит в Судак. Это ловушка, автомобилей нет. Пароход заходит в Судак через неделю. Солнце печёт. Мест в турбазе нет. Оля получает кровать под чистым небом с пекучим солнцем. Беклемишевы идут купаться. Оля плачет купаясь. Глеб ничего не может придумать и злится. Посторонний человек спрашивает Олю, что случилось, почему она плачет. Она ничего не отвечает. Солнце продолжает печь. Скрыться негде.

Только на следующий день Глебу посчастливилось захватить автомобиль, привезший кого-то и возвращающийся в Симферополь. В Симферополе к киевскому поезду стоит большая очередь. Получить билеты нет надежды. Вторым в очереди стоит носильщик. Глеб отзывает его в сторону и поручает взять два билета, это стоит лишнюю десятку. Носильщик достал одно место плацкартное в мягком вагоне, другое неплацкартное в жёстком. Глеб устроил Олю в мягком вагоне, сам забрался в жёсткий, бесплацкартный на боковое место. За пять минут до отхода поезда прибежала Оля. Мягких мест сколько угодно.

Глеб дал проводнику на доплату к жёсткому билету плюс "благодарность" и поручил ему взять доплату на следующей станции. Весь механизм этой железнодорожной махинации был ясен. Проводник и кондукторская бригада давали станции неверные сведения об отсутствии свободных мест и продавали места сами. Никакой доплаты у Глеба проводник не взял. Между тем несколько раз проходил контроль. Проводник и бригада делились с контролем. Все хотят жить, а жить маленькому человеку на советское жалованье нельзя.

– Заметь, – сказал Глеб Оле, – какой бы человек без опыта советской жизни мог бы знать, что на плацкартном месте можно ехать, когда в кассе объявляют, что билетов нет; что в магазине можно купить по букве "зе" вещи, которых не видно ни в витрине, ни на полках в магазине*; что при помощи особых отношений с управдомом можно получить комнату, когда в жилотделе свободных комнат не числится. И так именно, то есть нелегально, всё и делается.

– Ты хочешь сказать, что все жулики.

---

* По-видимому, речь идет о вЗятке или же в доставании "дефицита" иЗ-под прилавка за ту же "благодарность" (по букве "Зе").

– Я не это хочу сказать. Я хочу сказать, что их делают жуликами. Честных людей заставляют стать жуликами при помощи голода... Смотри, вот уже замелькали здания Политехнического Института. Теперь мы, слава Богу, дома.

– А всё-таки в Теберде было хорошо.

– Да. Что прошло, того от нас не отнимут. "Никто пути пройдённого от нас не отберёт, мы конница Будённого, дивизия, вперёд…"

– Насчёт Будённого есть и другие слова.

– Знаю.

И Глеб добавил шепотом: "Товарищ Ворошилов, война уж на носу, а конница Будённого пошла на колбасу"...

88. Роман директора

Начались занятия в Институтах. У Глеба была вакансия для препаратора или препараторши в чертёжной. Одно место занимал старик 75-ти лет, интеллигентный человек, бывший барон. Ряд лет при Советах он был заведующим музеем во дворце Воронцова в Алупке. Потом на его место посадили партийца. Когда он наводил порядок в чертёжной, некоторые студенты считали своим долгом сказать ему грубость.

Второе место было свободным. Заведующий химической кафедрой просил принять на это место машинистку Овцову. Это была женщина под сорок лет с тёмными кругами под глазами. К ней иногда приходил её сын, мальчик лет 12-ти. Как позже узнал Глеб, её муж-филолог работал в украинской академии наук, был арестован и сослан. Она ездила к нему на свидание в Среднюю Азию. Потом он умер.

Директором Института был партиец лет сорока с лишним. У него возник роман со студенткой Института Розой. Они обыкновенно после окончания занятий в Институте уезжали вместе в директорском автомобиле. Однажды, когда директор только что усадил Розу в автомобиль, появилась директорша, дама рубенсовского типа. Она без особых церемоний сгребла Розу за волосы и выбросила её из автомобиля. Сцена эта произошла на глазах выходящих из дверей Института студентов и преподавателей.

Скандал получился громкий. Директору пришлось, после объяснений в городском партийном комитете, оставить Институт. Вследствие этого в Институте произошли значительные перемещения среди аспирантов. Аспирант Сёма Гольдин, бывший секретарём парткома, сел в директорское кресло, Соломон Белоцерковский, бывший председателем месткома, стал секретарём парткома, а председателем месткома стал аспирант Яша Боровский.

Глеб чувствовал себя в обоих небольших Институтах значительно лучше, чем на старом месте. В них всё было как-то более по-семейному. Но волны, бушующие за стенами Институтов, не могли не чувствоваться и внутри их. Инженер Руденко, о котором упоминалось в связи с его и его жены курортными путешествиями, не получил поддержки Института в ходатайстве перед Высшей Аттестационной Комиссией (ВАК) в Москве об утверждении доцентом. Это был плохой признак. Не поддерживали тех, о ком партийное начальство знало, что они намечены к аресту. И действительно, вскоре Руденко был арестован и бесследно исчез.

Исчезали и лица гораздо более высокого положения. У Марии Антоновны, вдовы Владимира Викторовича Вакара, была сестра-учительница. Она получила частный урок в семье Якира, начальника Киевского Военного Округа и прославленного полководца гражданской войны. Вскоре учительница похвасталась запиской в Жилотдел, данной ей самим Якиром. В записке прямо было дано указание: такой-то дать приличную комнату. Вот теперь-то она получит хорошую "жилплощадь"! К её счастью, она ещё не успела никуда двинуться с этой запиской, как Якир был арестован по делу Тухачевского и расстрелян. Учительница задрожала всеми фибрами души и тела и в тайной обстановке сожгла записку "врага народа" Якира.

89. Диссертация [1939]

Диссертация Глеба подходила к концу. Особенно помогла ему болезнь. Когда он стал поправляться и мог уже ходить по комнате, у него оказалось как никогда много времени. Защищать диссертацию он должен был в старом Институте, потому что в Институтах, где он работал, не было аспирантуры при соответствующих кафедрах. Прежде всего он познакомился с тем, как защиты происходят.

Кандидатские диссертации обычно защищались молодыми людьми, чаще всего аспирантами. От них не требовалось новизны идеи. Центр тяжести лежал в умении поставить и изложить проблему, оперировать математическими доказательствами, показать эрудицию и знание литературы по вопросу и уметь защитить свои положения.

Защиты докторских диссертаций были реже. Некоторые из них проходили не совсем удовлетворительно. По положению вместо докторской диссертации можно было защищать написанный автором учебник. Как диссертация, так и учебник должны быть даны не только официальным оппонентам, но и выставлены в библиотеке, где каждый, желающий выступить на защите, мог бы с ними ознакомиться. Когда некто Х защищал учебник как докторскую диссертацию, он не выставил его в библиотеке, а на большинство вопросов отвечал: вы правы, я этого не досмотрел. При голосовании Совета он с трудом собрал немногим более половины положительных голосов.

Самый удивительный случай произошёл в Пищевом Институте. Некто К. защищал докторскую диссертацию, объектом которой выбрал расчёт одного химического аппарата. Многие члены Учёного Совета считали, что такая тема вообще не отвечает требованиям, предъявляемым к докторской диссертации, и голоса при присуждении диссертанту степени доктора разделились ровно пополам. Тогда партийный директор Института, друг диссертанта, сказал: "Мой директорский голос перевешивает и поэтому будем считать, что докторская степень присуждена и постановление должно быть послано в Москву на утверждение".

Высшая Аттестационная Комиссия в Москве протокол Совета Института утвердила и К. стал доктором. В течение следующего полугодия события развивались дальше. Прежде всего директор стал "врагом народа" и был арестован. Во вторых произошёл конфликт между профессором К. и студентом-дипломантом. Студент был способный, кроме того он был комсомольцем. Когда он представил свой проект, профессор К. потребовал, чтобы студент написал: "Аппарат системы проф. К." Студент отказался. – "Я, – сказал он, – пользовался каталогами английских и германских фирм, а не вашими данными". Профессор смолчал, но снизил студенту оценку проекта.

Студент написал в Москву, в ВАК, изложив историю конфликта, он указал на то, что проф. К. стал доктором против воли половины Учёного Совета и под давлением бывшего директора Института, который оказался врагом народа. Мудрые головы в ВАК вынесли "историческое решение". Доктора К. "раздокторить" и вернуть его в первобытное состояние.

Подошёл и день защиты диссертации Глеба. Его рецензент не мог явиться на защиту, так как у него обе ноги были отрезаны трамваем. Он только прислал свою рецензию. Присутствовал оппонент доктор Б. Диссертация собрала сто процентов положительных голосов. Это давало Глебу возможность по праву занимать его место заведующего кафедрой.*

---

* В 1939 г. А.П. Беклемишев защитил диссертацию на соискание степени кандидата технических наук. И по праву продолжил занимать кафедру графики и начертательной геометрии Киевского политехнического института кожевенной промышленности (1930-44 годы). – ***С сайта нынешнего Киевского национального университета технологий и дизайна*** (ул. Немировича-Данченко, 2).

90. Дом Вакаров

Этот кирпичный трёхэтажный дом был построен за год до первой мировой войны Владимиром Викторовичем Вакаром. Землю под дом он получил в виде гонорара за ведение дел по продаже большого участка земли. Сначала старики Вакары жили вместе с сыном, а потом переехали в двухкомнатную квартиру внизу. Владимир Викторович и Мария Антоновна с сыном занимали квартиру из шести комнат. У них было две прислуги.

В одной из комнат жила ещё старушка мадмуазель Ида, швейцарка, которая ещё занималась с Владимиром и Анатолием Вакарами, когда они были гимназистами. Незадолго до революции мадмуазель Ида уехала к какому-то помещику в имение, а во время революции крестьяне бросили её в пруд. Кто-то мадмуазель Иду из пруда выловил, и она уехала в Швейцарию из России, в которой прожила от молодых лет до старости. В Швейцарии ей назначили пенсию.

Квартиры в доме стоили в довоенное время от 120 до 150 рублей в месяц с отоплением (центральным). Естественно, что жили в доме семейства буржуазные, жил даже один полупарализованный граф. Из квартиры Вакаров лестница спускалась в сад. Сад был небольшой, но там было всего понемногу: две берёзы, шелковица, различные сорта сирени и роз. С другой стороны дома росли уксусные деревья и один платан – редкость в Киеве.

После революции и особенно после 1920 года население дома стало меняться. Вместо стариков Вакаров в двух комнатах с кухней жил постоянный секретарь жилкоопа Елисеев с женой и двумя мальчиками. Потом на третий этаж, уплотнив еврейскую семью, въехал чекист. Он занял две комнаты с балконом и вскоре женился. Выдали за него свою дочку "бывшие люди". Нам погибать, может дочка спасётся, думали они.

– Видели вы новую жилицу квартиры номер три? – спрашивал жильцов секретарь жилкоопа Елисеев, – ах какая красавица!

В квартире номер три каждый день собиралась какая-то банда и шли попойки. Так прошло три недели.

– Беда, – встречал Елисеев жильцов, – красавица-то из третьей квартиры застрелилась.

– С чего это?

– Жизни не выдержала. Сняла со стены ружьё, линеечку застрогала, ружьё к сердцу приложила и потянула курок.

После похорон чекист с квартиры съехал, но комнаты передал звероподобному семейству. Семейство состояло из жены с дочкой и мужа. Дочка была от первого мужа. По словам здоровой тётки, первый её муж был партизан. Тётка всех жгуче ненавидела и стремилась с женщинами затеять драку. Муж, Пономаренко, с маленькими глазками, работал на обувной фабрике. Любимой его фразой было: "Я этот дом знаю, тут все графы (с ударением на последнем слоге) жили".

Вскоре умерла жена Елисеева. Аборты были тогда запрещены. Елисеева забеременела. Пригласили бабку, которая удаление плода произвела гвоздём. Окончилось смертью. Елисеев продолжал работать в театре. Он хранит пальто зрителей на вешалке. Потом умер и он. Старший мальчик где-то что-то украл. Его арестовали, а младшего забрали в детдом.

В квартиру въехала худая, молодая ещё женщина, с двумя девочками. Обе девочки были славные, но младшая – хромуля. Мать занималась проституцией. Наверху в одной комнате тоже жила женщина с дочкой 13-ти лет. У матери был постоянный сожитель, который приходил вечером, а утром уходил на службу. Девочка оставалась в той же комнате с матерью и сожителем...

Понемногу состав дома обновился. Въехал работавший в украинском издательстве Харченко с женой, похожей на мадам Помпадур. На третьем этаже в маленькой комнате, служившей когда-то бонне, поселился банковский служащий, сын священника. В квартире напротив жил служащий кооперации Ростовцев. Он

работал по рыборазводному делу и очень гордился тем, что он член горсовета. У него была мрачного вида жена и недоразвитый сын.

Настали дни ежовщины. Глубокой ночью около дома останавливался автомобиль. По лестнице топали подкованные каблуки. Утром узнавали, что забрали сына священника, служившего в банке. Проходил месяц, опять была беспокойная ночь. Работник издательства Харченко не так давно развёлся со своей женой стиля Помпадур. Потом он познакомился в поезде с девушкой и женился на ней. Теперь она осталась соломенной вдовой, Харченко забрали. Наконец забрали и члена горсовета Ростовцева.

В нижнем этаже жили муж и жена, старые евреи. Женились они в пожилом уже возрасте и... не сошлись характерами. – "Ах, он такой скупой, такой скупой", – говорила жена про мужа. Они разошлись и оба уехали. В комнату вселился коммунист, бежавший из Польши. Там он пострадал от жандармерии и теперь получал пособие. Он женился на коммунистке, очень тихой еврейке Хасе. У них были две девочки. Однажды польского коммуниста заподозрили, что он шпион, и его арестовали. Хася осталась с двумя девочками на руках.

В начале тридцатых годов в дом вломился средних лет человек и, выкурив из комнаты студента, поселился на его месте. Так как товарищ Чеховский был тогда единственным коммунистом в доме, то его выбрали председателем правления жилкоопа. Он числился бывшим партизаном. Потом он оказался "рабочим аспирантом". Это означало, что его, минуя Рабфак, всунули в Институт. Естественно, что он ничего не понимал, держал по три раза каждый экзамен. Но на третий раз его всё же пропускали. Так дошёл он до дипломного проекта. Проект ему кто-то сделал, но он не сумел его защитить. Это был почти небывалый случай в истории – он провалился на защите дипломного проекта. Тогда ему дали отсрочку на полгода и протянули за уши в другом составе комиссии.

Он по-прежнему оставался председателем правления жилкоопа. Его правой рукой был жуликоватый управдом. Однажды была обнаружена кража электромотора в котельной центрального отопления. Вызвали агента с собакой-ищейкой. На дворе выстроили служащий персонал дома. Дальше пошло не по рассказу Зощенко. Никто не падал на колени и не сознавался. Собака побегала, понюхала и решительно подошла к председателю правления. Все решили, что собака сошла с ума и её увели...*

Так жил один из обыкновенных домов советского города.

91. Рассказ инженера Зорина об его тюремном опыте**

После того, как инженера Зорина выпустили из тюрьмы, он устроился на службу в Кременчуге. Только через несколько лет с него сняли запрет жить в Киеве. Об этом хлопотала его прежняя служба, где он работал до перехода на Брянский завод. Комнаты у него не было, поэтому первые месяцы он жил в комнате у сестры, а жена его – у Беклемишевых.

Вот что он рассказал о своём одиннадцатимесячном пребывании в тюрьме.

– Вы уже знаете, как я туда попал. Всё из-за этого фальшивого штампа для приёмки стали инспектором НКПС.

Я, конечно, к этому штампу никакого отношения не имел, но когда мастера, изготовившего штамп, прижали в ГПУ, требуя от него соучастников, он дал и мою фамилию в числе двенадцати мнимых "соучастников". Меня допрашивали по ночам, всё требовали, чтобы я подписал "сознание". Я упёрся. Меня, правда, не били, но в холодный карцер сажали. В конце концов, они отказались от надежды, что я подпишу "сознание", и перевели меня из одиночной камеры в камеру с коллегой по несчастью, а также водили меня в тюремную мастерскую, где я с другими заключёнными занимался жестянницкой работой.

---

* Здесь упоминается рассказ Михаила Зощенка «Собачий нюх», опубликованный в 1923 году.

** См. начало сюжета в главке "58. Инженеры".

Мой сосед по камере рассказал мне свою, не совсем обычную, историю. Был он жителем Ленинграда. В политику никогда не вмешивался. Все его злоключения произошли из-за его привычки снимать на улице шляпу.

Он работал бухгалтером и имел обыкновение гулять по улицам Петрограда, в котором он родился и вырос. В те революционные времена, когда прошли "десять дней, которые потрясли мир", левые эс-эры шли рука об руку с большевиками. Но потом левые эс-эры чего-то не поделили с большевиками и устроили уличную, довольно жидкую, демонстрацию. Ленин с соратниками послали чекистов забрать вчерашних приятелей в тюрьму. Их хватали и без церемоний бросали в грузовики.

Бухгалтер Дебетов шёл, на свою беду, по улице, на которой хватали левых эс-эров. Он не очень хорошо понимал, что происходит на его глазах, к тому же он снял шляпу, подставляя свою голову ветерку с Финского залива. Его схватили за компанию, бросили в грузовик, и скоро он очутился в подвале. Переночевав на полу, он попал к следователю.

– С какого года состоите в партии левых эс-эров?

– Не состою и никогда не состоял.

– Тогда какого чёрта вы приняли участие в демонстрации?

– Я в демонстрации не участвовал. Я проходил по улице.

– Вы маленького из себя не стройте. С кем из левых эс-эров знакомы?

– Ни с кем.

– Но вы сняли шляпу, с кем-то из них здоровались.

– И не думал. Я вообще так себе снимаю шляпу. Привычку такую имею.

На этот раз бухгалтера Дебетова освободили, но на Дебетова было заведено "дело" и в деле отмечен его арест. Прошло лет пять, и Дебетов почти забыл о неприятном приключении. В осенний день он пошёл гулять в Летний сад. В саду было пустынно. Ковёр жёлтых и красных листьев устилал дорожки. Только вдали на скамейке сидела одинокая фигура в чёрном пальто.

Дебетов уже почти поравнялся со скамейкой, на которой сидел неизвестный, и, сняв шляпу, подставил поредевшую шевелюру ветру, когда, как из-под земли, появилось несколько молодцов. Двое схватили незнакомца, сидевшего на скамейке, а двое других взяли под руки Дебетова.

Дебетов опять очутился в подвале. Разговор со следователем на этот раз был серьёзнее. Перед следователем лежало старое "дело" гражданина Дебетова.

– Ну, выкладывайте всё начистоту. Только откровенностью вы можете смягчить свою участь. Кто послал вас для связи с Мокрым?

Из вопросов выяснилась вся картина. Незнакомец перешёл нелегально советско-финскую границу. В Летнем саду у него была "явка". Дебетов обвинялся в том, что явился на "явку".

–Да я просто гулял.

– А раскланивались вы с кем, с деревом?

– Да у меня привычка снимать шляпу.

– Ничего себе привычка! Один раз поверили, другой раз не поверим.

Теперь Дебетов засел всерьёз и надолго. С ним сидели все значительные партийные "киты", известные меньшевики и не менее известные правые эс-эры. Он среди них был белой вороной, неопытным младенцем. Сидели они долго, некоторые по два года, другие дольше. Наконец старый меньшевик, друг Мартова, не выдержал и написал через начальника тюрьмы письмо в "Правду".

Писал он о том, что пробыв двадцать лет социал-демократом меньшевиком, он убедился в том, что только коммунистическая партия большевиков действительно защищает интересы пролетариата, а меньшевики скатились в контрреволюционное болото. Посему он с ними порывает и осуждает свою прошлую деятельность.

Письмо напечатали, а через две недели старого меньшевика выпустили. Прошёл ещё месяц, и в газете "Правда" появилось письмо старого эс-эра, работавшего в своё время с Борисом Савинковым. Он тоже "порывал" с контрреволюционной партией эс-эров. Его тоже выпустили. После этого письма "раскаявшихся" эс-эров и меньшевиков стали появляться в "Правде" пачками. В

камере остались только один эс-эр и Дебетов. Эс-эр долго крепился, но однажды утром подошёл к Дебетову и сказал:

– Всю ночь думал. Нет выхода. Давайте покаемся и отречёмся. Будь они прокляты.

– Вам-то хорошо. Вам есть от чего отрекаться. А мне-то каково? Я ведь ни в какой партии не был. Мне и отрекаться не от чего.

– Всё равно отрекитесь. Выдумайте себе прошлое и отрекитесь от него. Что вы будете корчить из себя этакую Жанну Д'Арк. За что вам тут гибнуть?

– Да я не знаю, что писать.

– Я вам сочиню.

Были составлены два письма. Во втором письме Дебетов, член партии социал-демократов, фракции меньшевиков, с 1914 года, порывал и отрекался и признавал за одной только коммунистической партией право вести пролетариат и всё человечество к светлому будущему...

Письмо возымело действие – Дебетова выпустили.

Прошло ещё два с половиной года. В "Правде" появилась статья: старый меньшевик, который первым написал покаянное письмо, оказался обманщиком, двурушником. Он покаялся, но не чистосердечно. И вслед за статьёй к старому меньшевику пришли ночью гости и "ввергли его в узилище". Вслед за старым меньшевиком двурушниками оказались и все другие меньшевики и эс-эры, авторы покаянных писем. Арест пошёл за арестом. Дебетов приготовил свёрток, куда положил полотенце, рубашку, мыло... Его не заставили долго ждать. Следователь на этот раз встретил его руганью.

– Обмануть партию захотел, туды-сюды... Меньшевистский яд прикрыл словами раскаяния, а на самом деле...

– Я действительно обманул, но не было другого способа освободиться. Я никогда ни в какой партии не был.

– А это чьё письмо? А это чья подпись? Нечего морочить нам голову.

Дебетов застрял в тюрьме. Здесь он встретил инженера Зорина и рассказал ему свою историю. Всё зло было в шляпе, которую он снимал не у места...

– Ну, а как же ваше дело? – спросил Зорина Глеб.

– Вот, выпустили и даже в Киеве жить разрешили и паспорт выдали. По виду обыкновенный паспорт, и вы в нём ничего не заметите. А чин милиции только взглянет и сейчас определит, что в паспорте есть дефект. Какая-то такая незаметная отметка.

92. Опять Алупка

И вот опять Глеб и Оля едут на юг к Чёрному морю. Опять замирают они, глядя вниз от Байдарских ворот. В Крыму видны некоторые следы землетрясения. В Симеизе стоит Дива, но Монах раскололся.

В Ялте и за Ялтой, в сторону Массандры, есть разрушенные здания и трещины в стенах. Остановились в гостинице "Россия". Через несколько дней приехала Наталья Захаровна.* Она заняла комнату рядом. Как всегда, не унывает, смеётся. Балкон у неё общий с Беклемишевыми. Она стоит на балконе, ест черешни и плюёт косточки вниз, в сад.

– Наталья Захаровна, – говорит Глеб, – выйдут неприятности.

– Чего ради? Я работаю для треста зелёных насаждений.

Гостиница быстро переполняется. Туристы, сидя в коридорах, ожидают, когда освободится комната. Чтобы получить обед в ресторане при гостинице, надо ждать не менее двух часов. В комнате Глеб поймал двух клопов.

Наталья Захаровна, при своей комплекции, не очень любит дальние пешеходные прогулки. Она предложила ехать на Ай-Петри. Беклемишевы и

---

* См. главку "60. Цветы жизни": Наталья Захаровна – жена Лёни Добронравова, товарища Глеба по Политехническому институту.

Наталья Захаровна пришли к месту посадки заранее. Потом появились комсомолки и ринулись на автобус с энергией табуна молодых кобылиц. Глеб и Оля оказались оттеснёнными на заднюю скамейку, но Наталья Захаровна упруго вильнула бёдрами и села впереди. Автобус стал набирать высоту. Вечером высадились у какого-то барака на Ай-Петри. Рано утром пошли смотреть восход солнца. Было действительно красиво. Бледная сначала панорама заиграла всеми красками под лучами солнца.

Вид на восход с горы Ай-Петри

Внизу путешественников поджидал уже приехавший инженер Добронравов. Теперь проводили дни вчетвером, чаще всего в Воронцовском парке. Дальше Мисхора и Симеиза не ходили. Обедали через два дня в третий, жалко было терять столько времени, стоя за столиками над душой у обедающих. Было поэтому все время несколько голодно.

Месяц подходил к концу. Тут произошло событие, заставившее всех заторопиться. Советская армия имела столкновение с японцами у озера Хасан. Могла начаться война. Глеба и Добронравова могли призвать на военную службу. Надо было спешить домой. Простояли в очереди за билетами в местной железнодорожной городской станции и ничего не получили. Поезда прямого сообщения с плацкартными местами Севастополь - Киев не существовало.

Был только один жёсткий плацкартный вагон прямого сообщения. Его места (всего 30 или 31) распределялись по многим курортам Крыма: Симеиз, Алупка, Ялта, Гурзуф, Алушта, Феодосия. Каждая касса получала два-три билета, и они попадали в руки знакомых кассира до открытия кассы или продавались им в нелегальном направлении. Тогда кого-то осенила мысль: надо лететь. Поехали в Ялту и купили за неделю вперёд четыре места в самолёте Симферополь-Киев. Купили и места в автобусе Ялта-Симферополь. Но купить заранее места в автобусе, ходившем как трамвай, между Симеизом и Ялтой, было нельзя.

В этом было слабое звено всего плана. Стоило опоздать в Ялту и пропадали места в самолёте и заплаченные за них 450 рублей. Поэтому Беклемишевы и Добронравовы явились к остановке автобуса (он останавливался недалеко от источника Трильби) заблаговременно. Один автобус пропустили, как и предполагали. Следующий должен придти через полчаса. Не попавшая в автобус старушка сетовала, что её оттёрли от автобуса, хотя она стояла впереди.

– Уж теперь мы вас обязательно посадим, – уверял её Добронравов.

За старушкой, Беклемишевыми и Добронравовыми росла очередь, небольшая, но всё же очередь в 5-6 человек, не считая их. Как только автобус подошёл, несколько предприимчивых туристов ринулось вперёд. Кондукторша, не открывая дверей, объявила, что мест всего пять. Как раз для старушки и Добронравовых с Беклемишевыми.

Источник Трильби, Алупка

Но впереди уже укрепился молодой человек из хвоста.

– Послушайте, товарищ, станьте на ваше место сзади, – обратился к нему Глеб.

– И не подумаю.

– Я вас предупреждаю, что вам своего места в автобусе не уступлю.

– Это ещё посмотрим.

Места в самолёте поставлены на карту. Глеб схватил молодого человека за левую руку. Тот хватается правой рукой за толстое стекло автобуса. Рывок. Стекло не рассчитано на такое усилие. Оно вылетает вместе с молодым человеком. Он бледнеет, но остаётся стоять в стороне.

– Кто платит за стекло? – кричит кондукторша.

– Вот мы четверо, – отвечает Наталья Захаровна.

Беклемишевы и Добронравовы подсаживают старушку и входят сами.

Дальше всё идёт по расписанию. Кондукторша берёт 18 рублей за стекло и кладёт их в карман без расписки. Ясно, что за стекло заплатит государство. Автобус из Ялты привозит пассажиров на аэродром Симферополя. К отлёту готовят два самолёта: один двенадцатиместный на Москву и шестиместный одномоторный на Киев.

На аэродроме расстаётся курортная пара, кончается роман. Она – москвичка, он – киевлянин, толстый, немного нахальный. Он подносит ей букет цветов. Пропеллер завертелся, самолёт вспорхнул, и дама улетела. С отлётом киевского

самолёта почему-то запаздывают. Уже час дня. Наконец грузят чемоданы в багажник, шесть пассажиров занимают места, закрывают двери. Самолёт разбежался и оторвался от земли.

Сначала все оживлены. Самолёт пролетает над Сивашем. Соляные поля. Сиваш окрашен в разные цвета. От земли подымаются токи нагретого воздуха. Самолёт проваливается в воздушные ямы. Наталья Захаровна и толстый пассажир полулежат в полудремоте. Оля сначала жалуется на боль в ушах, потом заболевает. Самолёт идёт на высоте двух тысяч метров. Внизу блестят озёра и речки.

Вдруг мотор останавливается, и самолёт скользит, как планёр. Добронравов поворачивается к Глебу и выпячивает нижнюю губу, как бы говоря: долетались. В Днепропетровске промежуточная посадка и зарядка бензином. При посадке у алюминиевого кресла, на котором сидит Добронравов, отваливается спинка. В Днепропетровске с Добронравова требуют за кресло деньги.

Вмешивается Глеб:

– Вот это здорово. Значит, если у вас развалится в воздухе весь самолёт, так мы ещё будем за него платить. Вы посмотрите на конструкцию этого кресла. Несомненно его конструировал круглый идиот. Там, где изгибающий момент достигает своего максимума, он просверлил дыру в два сантиметра. От момента сопротивления ничего не осталось.

Администрация сконфужена неизвестными словами и отказывается от иска к Добронравову. Пассажиры разминают ноги около самолёта. Толстый пассажир, тот самый, который окончил роман с москвичкой, читает около самолёта лекцию, затягиваясь папиросой.

– Вот это называется фюзеляжем, – произносит он.

– Вы что, спятили? Самолёт набирает бензин, а он с папиросой. Вы не знаете, что курить на лётном поле нельзя?

– Вы повежливее выражайтесь.

– С вами не выражаться, а арестовать вас надо.

Смущённый толстяк топчет папиросу.

Самолёт подымается и летит вдоль Днепра. Киевский аэродром на левом берегу. Доставка в Киев автобусом. Оля совсем укачалась. Глеб доводит её до сиденья в автобусе и сажает у открытого окна. Перед ней садится толстяк. В автобусе висит объявление: курить нельзя. Толстяк вынимает папиросу и закуривает. Дым струёй воздуха наносит на Олю. Она опять чувствует тошноту.

– Гражданин, – говорит Глеб, – пожалуйста прекратите курение. Вы видите написано, что тут курить нельзя.

– А я буду курить и заплачу пять рублей штрафу.

–А я заплачу двадцать пять рублей штрафу и выброшу вашу папиросу из вашего рта.

Толстяк не хочет, чтобы Глеб платил 25 рублей штрафу и выбрасывает папиросу.

Наконец Беклемишевы дома. Мать Оли с Боем встречают их. – "Ну, как? Всё ли благополучно?" Бой радостно прыгает по очереди на Глеба и Олю. Он от радости не знает, что делать. Приносит в зубах из передней пару калош.

93. "Ежовщина"

В этом году несчастье обрушилось на много семейств. Как будто из пекла вырвались все дьявольские силы. НКВД возглавил злобный карлик, Ежов. Он косил и партийных людей, всех рангов и положений. Тогда сложили головы многие "соратники" Ленина, старые политкаторжане. Одних прикончили в подвале, другие предпочли сами пустить себе пулю в лоб.

Но в ещё большем количестве исчезли беспартийные профессора, врачи, инженеры, филологи. Сумасшедшие головы высших вершителей судеб во всём видели вредительство. Чекисты создавали новые и новые дела о вредительстве и "пришивали" к ним людей, никакого отношения к вредительству не имевших.

В Институтах жертв было сравнительно меньше. Из арестованных Глеб знал болгарина Петрова, когда-то работавшего в его кафедре, профессора физика Рашеева, тоже болгарина, из кафедры сопротивления материалов доцента Подрезного и доцента Руденко, ряд красных профессоров социально-экономических дисциплин. Избиение теплотехников – Ладыженского, Шелковникова и других – произошло раньше. Но инженеров на производстве выбивали из строя, как будто по ним палили шрапнелью. Были арестованы инженеры-путейцы Вовк, Эльсберг, механик Кроненберг, теплотехник и электрик Швецов.

Профессор Белинг и женщина-профессор Радзиевская были арестованы, но скоро выпущены. Потом арестовали Якова Яковлевича Дьяченко. Жена его отвезла дочь в Остёр, приехала обратно в Киев и тоже была арестована. Сын её студент остался один в Киеве и должен был являться периодически в НКВД, которое взяло над ним "опеку". От матери он получал письма. Она была в женском лагере на севере. Она занималась там вышиванием и совсем испортила себе зрение. От отца письма не получались, видимо он был сослан без права переписки.

Был арестован и инженер-путеец Юрченко. Его короткие отношения со многими партийцами его не спасли.

В газете "Коммунист" появилась нехорошая статья об Адольфе Карловиче Линно. Ему инкриминировалось то, как он объяснял на лекции, что такое бутерброд. Бутерброд, говорил он, по-немецки значит хлеб с маслом и ничто другое. По-русски бутербродом можно назвать хлеб с чем угодно, с колбасой, с килькой, с тюлькой. В этом увидели враждебный выпад, издевательство над благородным, универсальным русским бутербродом. На эту статью можно было бы наплевать, если бы она не означала, что где-то, где решаются судьбы человека, акции Адольфа Карловича упали низко. Его можно ошельмовать, а может быть и хуже того – арестовать.

Однажды, когда Эльза Ивановна вернулась вечером домой, а Адольф Карлович был ещё на лекции, к ней позвонили. Это были два чекиста. Они уселись ждать. Эльза Ивановна встретила мужа словами: тебя ждут. Он понял, кто ждёт: "Ты правду говоришь?". Его забрали, с ним взяли и несколько его фотографических аппаратов. Исчез человек, и о нём больше не слышали. Такой человек мог там только погибнуть. Эльза Ивановна бегала по карательным учреждениям, но везде получала ответ: за нами не числится... В дни октябрьских торжеств Эльза Ивановна должна была идти мимо трибуны и приветствовать вождей...

Потом ей предложили выбрать место и выехать из Киева. Она выехала в Чернигов. Для Беклемишевых это был тяжёлый удар. Как будто бы на их глазах дикари разорвали насмерть культурных людей. – "Проклятая страна, проклятая эпоха", – шептал Глеб.

Из инженеров, которых знал Глеб, были ещё арестованы инженер-кораблестроитель Дорошенко (ездил в командировку в Японию) и инженер Широкозад. Когда Широкозад был арестован, жена его повесилась. Мать его выскочила звать на помощь, упала с лестницы и сломала ногу. Потом Широкозада вернули, он был некоторое время главным инженером завода "Ленинская кузница". Позже его снова арестовали, и он уже больше не возвращался.

Из врачей, с которыми встречался Глеб, были арестованы доктор Кристер, старик-профессор Свенсон и его сын. После обоих Свенсонов остались жёны и дети младшего. Ежов продолжал косить людей, составляя ложные обвинения для простых смертных. Кода же он стал подбираться в вершинам коммунистического "Олимпа" – его самого уничтожили...

Люди жили в двух планах. В одном они были врачами, профессорами, инженерами, экономистами, юристами. Они рассуждали на заседаниях о новых технологических процессах, о животноводстве, о котлах высокого давления, о пятилетних планах развития промышленности, о каучуконосных растениях и о методах преподавания различных дисциплин.

Во втором плане они жили, как живут кролики в клетке. Однако их сознание было острее, чем у кроликов. Они ясно представляли себе, что в любой день, в любую ночь их могут бросить в подвал, на съедение вшам, на издевательство пьяного следователя, и никакой закон их не защитит... Их могут заставить самих взвести на себя чудовищные обвинения. Так же беззащитны их жёны и дети. Детей могут в один миг превратить в беспризорных, ездящих на буферах и ночующих в котлах для варки асфальта...

Иногда им казалось, что они спят и видят кошмар. Им хотелось проснуться, но кошмар продолжался, проснуться было невозможно. В советские праздничные дни они шли мимо трибун и кричали "ура" вождям, создавшим эту двухплановую жизнь...

94. Ирпень [1939]

Ещё не было войны. Но в воздухе что-то носилось. Люди, привыкшие к постоянной опасности, к тому, что их хватали и ссылали, чуяли какую-то новую опасность. Беклемишевы с несколькими профессорами Института поехали весной на левый берег Днепра. Там у самого Днепра стояло село Выгуровщина.

Предполагалось нанять там несколько хат, чтобы не уезжать далеко от Киева. Однако село производило страшное впечатление. Породистый скот был похож на скелеты. Соломенные крыши хозяйственных построек употребили в качестве корма для скота. У самих крестьян вид был голодный. А ведь это был 1939 год, а не 1933 – год всеобщего голода.

Устраиваться в качестве дачника в таком селе было немыслимо, в нём надо было самим голодать, либо ожидать, что тебя зарежут ради куска хлеба и куска колбасы... А кругом была цветущая весна. Птицы щебетали в лесу. Зелень радовала глаз. Воды Днепра отражали небо, как и при Владимире Святом.

Беклемишевы поехали в Ирпень. Они наняли две комнаты в доме железнодорожника. Он каждый день уезжал на службу в Киев. Дома оставалась жена, ещё не старая, но измождённая и преждевременно состарившаяся женщина. Сзади дома был довольно большой фруктовый сад. Мелкая Бучанка была недалеко, а до речки Ирпень ходьбы было минут сорок.

У хозяина было две собаки, гончая Шут и сеттер-гордон Ярыга. Шут считался злым и сидел на цепи. Оля, у которой была особая способность ласково обходиться с животными, быстро покорила собачье сердце Шута, и хозяин разрешил спускать его с цепи. Теперь Беклемишевы ходили на Ирпень и на Бучанку с тремя собаками: с Шутом, с Ярыгой и со своим Боем. Бедный Бой был слаб, ему шёл уже тринадцатый год. Прежде прекрасный спортсмен, он теперь с трудом поспевал за людьми и собаками и стал к старости раздражительным. Как-то Оля спросила хозяйку, были ли у неё дети.

– Дети-то были. Дочку украли во время голода. Исчезла дочка, надо полагать, съели. А сын есть, только не тут. С нами не живёт.

Из скупых слов хозяйки можно было понять, что сын в тюрьме и по какому-то уголовному делу.

В Ирпень к Беклемишевым приехала Адя Белинг и с ней Мария Максимилиановна, приехавшая в Киев из Москвы. Это был последний раз, когда Глеб видел эту мужественную женщину. Она потеряла мужа, сына, одна дочь была в ссылке, другая заграницей. Она жила на развалинах своей, когда-то дружной и крепкой семьи, и она не сгибалась перед судьбой.

Мария Максимилиановна (в центре) и Адя (слева) перед войной.

Адя привезла много новостей и газеты. В газетах был снимок Риббентропа с Молотовым. Сзади их как бы благословлял Сталин. Крутой поворот советской политики, для всех неожиданный. Что-то будет завтра?

– Вчера, – рассказывала Адя, – я выполняла "общественную нагрузку", монтировала стенгазету. Чуть не полгазеты занимала фигура нациста с оскаленными зубами и с окровавленным топором в волосатой руке. Сегодня думаю, что же делать? Выходит, у нас дружба с Гитлером.

Звоню к секретарю парткома, спрашиваю, как быть, оставить нациста или, принимая во внимание пакт о дружбе, снять. Секретарь отвечает: дружба – это по государственной линии, а мы продолжаем свою критику нацизма. Хорошо. Я продолжаю свой монтаж. А через полчаса секретарь звонит. Вы, говорит, нациста всё же уберите. Я отвечаю: у меня стенгазета готова. Получится пустое место. Что же делать? – "А вы, – говорит, – вместо нациста виньетку какую-нибудь нарисуйте".

95. Захват Польши

Как всегда Беклемишевым было грустно переезжать в город, от природы, от речки, от прогулок с собаками – к улицам, к озлобленным людям, к секретарям, управдомам, сексотам.

В первый же день в Институте был перерыв между лекциями. Все бросились слушать радиопередачу. Говорил Молотов. Польша под ударами немцев развалилась, и нам ничего не оставалось, как перейти границу и оказать помощь нашим западным братьям. А вскоре на стенах появились плакаты: улыбающийся красноармеец пожимает руку западному, тоже улыбающемуся, крестьянину. И шепотом говорили: "Мы протянули им руку, а они протянут ноги".

К красным командирам поехали в Польшу на побывку их жёны. Они везли из Польши часы, платья, материи. Высокие командиры вывозили автомобили. Заготовительные организации вывозили продукты. В гастрономах Киева появились куриные яйца в ящиках в оригинальной польской упаковке. По Васильковской улице стал ходить автобус с надписью "Львов".

Ясно – мы помогаем.

На западе началась уже война. Инженер Лютецкий в шапочке польского образца шепотом говорил: "Через полгода здесь будут немцы, помяните моё слово".

У Беклемишевых была своя беда: старик Бой ушёл и не вернулся. – "Ушёл умирать, бедняга", – говорил Глеб. Глеб вывесил рукописные объявления о

пропаже собаки, с обещанием награды нашедшему её. Прошло пять дней. Бой не находился. Доцент Хорошин рассказал в Институте, что около его дома третьего дня умирала чёрная с подпалинами собака. Глеб и Оля отправились на поиски. Расспросили жильцов. Да, собака была, лежала в вестибюле дома. Нашлась дама, которая её подкармливала: "Да, собака клала мне морду на колени и смотрела в глаза. А потом кто-то из жильцов её выгнал из вестибюля".

Рядом временный забор, штабели кирпича, земляные работы, начало стройки дома. При стройке сторож.

– Собака? Ещё третьего дня лежала за забором. Я дал ей пить и укрыл. Шёл мелкий дождь. Она стонала. А куда исчезла, не знаю.

Глеб нашёл Боя. Его выбросили на земляную насыпь. Сюда грабари ссыпали землю из котлована. Глеб принёс лопату и похоронил Боя.

Целую ночь Глеб и Оля лежали с открытыми глазами. Они не могли найти Боя, друга, жившего с ними 13 лет, не могли облегчить последних минут, не написали на его ошейнике своего адреса. Слёзы катились из их глаз. Они решили больше никогда не брать собаки. Другого Боя они не найдут.

Но через полгода они нарушили своё слово. Глеб вывесил объявление в секции собаководства Осоавиахима: "Куплю молодого доберман-пинчера". К нему позвонил по телефону рабочий "Арсенала". Назначили смотрины. Рабочий жил с женой в небольшой комнате. С ними жили две собаки: немецкая овчарка и доберман-пинчер. Последнего они хотели продать.

– Каков возраст собаки?

– Полтора года.

Это не совсем то, что искали Беклемишевы, но собака была хороша. По-видимому хозяин сам не знал возраста собаки. Она к нему приблудилась. Почему её не искал настоящий хозяин? Возможно, что в период арестов хозяина арестовали, жену выслали, собака осталась беспризорной.

Сделка состоялась. Арсеналец привёл Джери к Беклемишевым и оставил его. Джери забеспокоился, стал царапать дверь. Впоследствии он раз десять убегал к старому хозяину. Как выяснилось, его влекли туда не столько хозяева, сколько немецкая овчарка, к которой он привык. В конце концов Оля привязала к себе Джери. Через полгода, при встрече со старым хозяином, он узнавал его, но шёл за Беклемишевыми.

Доберман-пинчеры – благородные псы. И как они похожи друг на друга внешне. Иногда их трудно отличить одного от другого, но как обособлены они индивидуально. У Джери был совершенно другой характер, чем у Боя.

Бой жил только у одних хозяев. Он был к ним привязан. Но он был горд и был великолепным спортсменом и пловцом. Сломить его волю было нельзя. Он любил играть и искать спрятанные предметы. Если он попадал во враждебную собачью стаю и видел, что уклониться от боя нельзя, он выбирал вожака и бросался на него первый. Джери был мужественным псом, но в то же время нежным. Он мог неожиданно лизнуть в лицо, любил брать осторожно зубами за руку и вести к двери, если хотел, чтобы его выпустили. Купаться и плавать в реке он не любил, но, если его мыли, не возражал. Бой наоборот, любил плавать, но рычал, когда его мыли. Джери был несравненный ухажер и попадал в большие переделки. Он никогда не нападал на врага первый, а ждал, когда на него нападут.

Оборонительная тактика приводила его часто к поражениям. Иногда он приходил с огромной раной на шее. Разница их характеров видна из такого примера. И Бой, и Джери были благородные псы и не нападали на малых и слабых животных. Однажды крыса укусила Джери за нос, он взвизгнул и отскочил. Такой же случай был с Боем. Бой убил укусившую его крысу и с тех пор безжалостно уничтожал всех крыс.

96. Начало мировой войны и Финская война

На западе шла война. Советский Союз посылал Гитлеру пшеницу и нефть. Вероятно Сталин потирал руки от удовольствия, ожидая, что противники ослабят друг друга, и тогда Сталин, опираясь на свои дивизии, продиктует западным народам свою волю. Но и в это время, когда все заняты общей свалкой, можно было обделать свои делишки. На севере был маленький сосед, которого можно поставить на колени и посадить ему на шею правительство, приготовленное в Москве, с Куусиненом во главе. И вот тогда обнаружилось, что финский сосед угрожает Ленинграду, прямо приставил пистолет к груди города Ленина. Финляндии поставили ультиматум относительно "исправления" границ. Когда она ультиматум отвергла, заговорили пушки.

Уж так было принято, что при всякой правительственной акции должно быть мобилизовано "общественное мнение". Митинги проходили на заводах, в Управлениях, в Институтах. Вторая лекция в Институте была отменена.

– Вы выступите от студентов, – сказал директор (бывший секретарь парткома), тыкая в грудь студента Березчука, – вы – от служащих, а вы – от профессуры, – сказал он Глебу.

Речи были стереотипны. Все обещали не жалеть жизни и раздавить белофинов. Маленькое отличие было в том, что представитель студентов и представитель служащих начали и окончили речь обращением к дорогому товарищу Сталину, а Глеб "забыл" это сделать. Всё же у него было такое чувство, как будто кто-то наплевал ему в душу. Одному преподавателю, которого знал давно, он сказал:

– Итак, нам угрожает Финляндия. Какое с её стороны нахальство!

– Гм... Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать, – ответил тот.

У Глеба в прихожей висел старый велосипед. Резина на нём перепрела, ободья колёс заржавели, передаточная цепь была разорвана. И вот Глеб получил повестку из Военкомата: по случаю войны ему предписывается сдать велосипед в годном к пользованию виде.

Глеб отправился в Военкомат. Военный чиновник подтвердил ему, что владельцы автомашин и велосипедов должны их сдать, предварительно отремонтировав.

– Я могу сдать вам велосипед в том виде, в каком он у меня имеется. Но отремонтировать его я не могу за отсутствием времени и технических средств.

– Ничем не могу помочь. Идите тогда к начальнику Военкомата.

Пробиться к начальнику не так просто, но Глеб пробился и изложил ему, почему он не может сдать велосипед.

– Отремонтируйте и сдайте.

– Ему требуется не кустарный, а капитальный заводской ремонт, с заменой частей. Как вам известно, у нас в Киеве велосипедоремонтного завода нет.

– Тогда купите новый и сдайте вместо старого.

– Купить новый велосипед в любой момент невозможно. Надо ждать когда велосипеды появятся в универмаге, занять очередь в шесть часов утра и ждать до девяти, потом может быть к одиннадцати часам мне удастся приобрести велосипед. Таким образом я пропущу лекции и меня посадят в тюрьму за нарушение закона о прогулах. Если так, то уж проще – прямо сажайте меня в тюрьму за несдачу велосипеда. Моя вина собственно только в том, что я не свёз своевременно останки велосипеда на свалку.

Начальник военкомата не дал Глебу никакого "отпущения грехов", но велосипед остался висеть в прихожей.

97. Одесса-Мама

Глеб ехал в командировку в Одессу. Там проходили летнюю практику студенты Института. Глеб остановился в приличной гостинице. Лето было жаркое. После часов, проведенных на заводе, Глеб ехал в Аркадию купаться. Он помнил

Аркадию. Сюда он приезжал в 1918 году с Олей и с Юрчиком Корольковым на один день. Как давно это было, он не был ещё женат.

Теперь он приходил на небольшой пляж и платил за плетёную кабину, где можно было раздеться и в трусах войти в море. Море было спокойное, зеленовато-синее. Движения на море никакого. Лёгкие облака медленно плывут по небу. Сейчас ещё спокойно, но на сердце неспокойно: близко, близко большие события, не пройдут они мимо. Накатывается, предсказанный Лениным, второй тур войны и революций.

Студенты предложили Глебу поехать с ними на пляж на Пересыпь. Дорога длинная. На пляже толпа, не так как в Аркадии. Назад езда в переполненном трамвае. Все стоят в давке и в жаре. В трамвае едет пьяный. Ремни отсутствуют, и пьяный держится за электрические лампочки. Он оборвал уже три и держится за четвёртую. Кондукторша протестует, но пьяный неумолим: "А за шо ж держатьси?".

Завод, на котором размещены студенты, новый, цеха светлые. Студенты работают по очереди на разных станках. Ведут записи для отчёта по практике.

Глеб покончил со своим инструктажем и выехал из Одессы. Его попутчиком в двухместном купе мягкого вагона оказался офицер НКВД с тремя шпалами в петлицах и с седыми висками. Ему скучно, начинает разговор:

– Вы видели киоски в Одессе, где продают воды и пиво? Как вы думаете, сколько такая продавщица зарабатывает?

– Не знаю, двести-триста?

– Побольше чем я или вы. На одном недоливе стаканов они имеют иногда по двести рублей в день, а в среднем в месяц три тысячи.

Молчание.

– Вы не играете в шахматы?

– Играю.

– Эй, проводник, принесите шахматы.

Энкаведист играет совсем неплохо, но Глеб в ударе. Он даёт мат за матом.

– Давайте-ка еще одну, – говорят три шпалы.

– Давайте.

Опять король энкаведиста заперт. И так семь партий подряд.

Наконец легли спать. Поезд стучит на стрелках. Мелькают фонари какой-то станции. Каждый мчится навстречу своей судьбе...

ВОЙНА

98. Начало советско-германской войны

Было воскресенье. Профессор Дашков с сыном выехали на своей лодке на Днепр и устроились на песчаном берегу выше Черторoя. Отец был благообразного вида блондин лет сорока пяти. Сын – молодой инженер и демобилизованный лейтенант советской армии, тоже блондин, но несколько раззявистого вида. Они постелили на песок газету, на газету салфетку, разложили закуску, поставили бутылку водки и собрались провести день в своё удовольствие.

Вдоль берега ехала моторная лодка, с неё что-то кричали.

– Что? Не слышим! – закричал Дашков-старший.

– Война! Немцы напали на Советский Союз!

Дашковы свернули разложенную закуску и поехали в Киев.

Глеб в это время читал газету: "Неожиданное нападение Германии. Утром немецкая авиация сбросила бомбы на Севастополь, Киев...

– Как всегда врут, – сказал Глеб. – Нападение на Киев? Ничего не было слышно.

На лестнице он встретил соседа.

– Слышали что-нибудь о бомбёжке Киева?

– Как же, бомбы сброшены в районе завода "Большевик". Были раненые.

Глеб вернулся и включил радио. Раздался голос Молотова. Он говорил о нападении немцев и закончил: "Победа будет за нами". На следующее утро проснулись под пальбу зенитных пулемётов. Джери понимал, что угрожает опасность. Он открыл носом все двери и спрятался в ванной комнате.

Стало известно, что одна из бомб разрушила дом на Козловской улице, около бывшего [Императорского] дворца. Глеб и Оля пошли к Мариинскому парку. Сверху была видна воронка там, где недавно стоял деревянный дом. В воронке стояла вода. На дереве висела тряпка, заброшенная туда взрывом.

– Она как раз вышла звать детей, – рассказывала женщина, а он летел к мосту и кинул бомбу. И никого не осталось, ни её, ни детей, ни дома.

Беклемишевы шли домой под впечатлением виденного.

– Это тебе не прежняя война, – говорил Глеб. – Раньше армия воюет на фронте, а тыл живёт обычной жизнью и занимается спекуляцией. Теперь что в тылу, что на фронте.

Война входила в жизнь. На чердаках поставили бочки с водой и ящики с песком. На заборах наклеили Гитлера с перевязанной щекой и надписью: "У Гитлера-бандита будет морда бита". В школах поместили милицию, эвакуированную с западных границ. Появились очереди за керосином и у некоторых магазинов, срочно распродававших оставшиеся товары. Кто-то был ранен в очереди осколком брошенной с самолёта бомбы. Появилась шпиономания. Подростки хватали мнимых немцев и тащили их в милицию. Так при посадке в трамвай был захвачен профессор химии Института, где работал Глеб.

На стенах зданий висели приказы о явке военнообязанных в мобилизационные отделы Военкоматов. Население города прослушало по радио обращение Сталина. Обращение начиналось необычно: "Братья и сёстры"... Голос прерывался, оратор пил воду и слышно было, как зубы стучат о стекло стакана. Поезда ещё ходили и многие киевляне уезжали на восток.

К Беклемишевым пришла прощаться Наташа, дочь Ольги Петровны Вакар. Наташа уезжала в Уфу с матерью, сестрой и дочкой.*

Пришёл прощаться и инженер Добронравов. Он уезжал. Его жена Наталья Захаровна оставалась. Впрочем их семейный союз давно уже дал трещину. У Натальи Захаровны было немало романов, и Добронравов о них знал. Глеб понимал, что прощается с Добронравовым возможно навсегда. Леонид знал Глеба ещё гимназистом, а Глеб помнил Леонида, когда тот приехал первый раз в Киев в 1907 году и неудачно держал конкурс в Политехнический Институт. Он имел тогда здоровый румянец и чёрные курчавые волосы – совсем Ванька Ключник – злой разлучник с картинки, которую продавал старый шарманщик с обезьянкой или зелёным попугаем. Это было давно, больше 30-ти лет назад.

– Ну, – сказал Леонид, – поцелуемся. Бог знает увидимся ли. Попали мы в чёртову карусель.

– Да, – ответил Глеб, обнимая его, – сейчас наши судьбы в руках двух маньяков.

Но не все думали так. Уезжала одинокая, постаревшая Вера Михайловна Михайлова.

– А вы не едете? – удивилась она, – все уезжают.

– Куда же ехать?

– Ну, там уже укажут. Наверху думают, как всех разместить. Я Сталину верю, как отцу родному.

Говорить было нечего.

– Блажен, кто верует, тепло ему на свете... – пробормотал Глеб.

– Откуда у Веры Михайловны эта вера? – спросила Оля.

---

* Речь идет о Наталье Анатольевне, урожденной Вакар (~1902-1985), которая вышла замуж за Сергея Казимировича Демьяновского. У них появятся дети: Татьяна, Евгений и Александра. У геолога Н.А. Демьяновской была незамужняя сестра Екатерина Анатольевна Вакар.

– Откуда? Она всегда говорила мыслями того мужчины, которым в данный момент увлекается. А она увлекается и в старости. Только теперешний её мужчина, вероятно один из учителей школы, где она преподает, говорит не то, что думает. А она принимает его слова за чистую монету.

Ввели ночные дежурства. Дежурные должны были стоять на дворе и следить, чтобы нигде не зажигали света или чтобы окна были плотно занавешены. Мастер Рачковский стоял на таком дежурстве с девушкой-соседкой. Девушка была комсомолка. Рачковский был мастером – золотые руки, но он был выходцем из крестьян. Он едва умел подписать свою фамилию и был простодушен. Расхаживая со своей компаньонкой по дежурству, он говорил:

– Говорят, что надо бояться немцев. А что немцы нам сделают? Хуже не сделают, чем было.

Комсомолка сообщила, куда следует, и Рачковского в следующую ночь забрали.

Летом в Институте занятий не было, но из Института позвонили: Институт отправлялся на окопные работы. Глеб нашёл Институт на Подоле. Тысячи людей погрузились в товарные вагоны, в которых можно было только стоять. После двух часов ожидания вагоны тронулись. Люди выгрузились в Боярке. Оттуда шли двенадцать километров пешком. Погода была хорошая, шли бодро. Им сказали, что их сменят после двух дней работы. На месте разбились на бригады. Им указали места работы. Начали копать.

Потом пришло какое-то начальство. Оказалось, что место указано неправильно и копать нужно с другим уклоном. Это противотанковые рвы, они должны иметь определённый профиль. В воздухе парило. Собиралась гроза. Всех мучила жажда. Грузовики подвозили лимонад и минеральные воды. Тысячи людей становились в очередь и мгновенно выпивали всё, что подвозилось.

Тем временем надвинулась туча, и пошёл дождь. Стало темно, и все бросились в село. В десять минут у крестьян всё было занято – и комнаты в хате, и чердаки, и клуни, и сараи. Ложились на полу и на дровах в мокрой одежде.

С утра стали опять на работу. В полдень прилетел немецкий самолёт со свастикой на крыльях. Толпы людей шарахнулись в жито, но немец сделал круг и улетел. На четвёртый день все обносились, были грязны и небриты. Никто и не думал их отпускать. Пополнение подвозилось, но в незначительном количестве.

Препараторша институтской чертёжки, та, муж которой погиб в ссылке, отправилась к врачу, и он дал ей освобождение по болезни сердца. К врачу двинулись толпы, но врач имел соответствующую инструкцию и освобождал от работы в виде исключения. На пятый день группа людей, и в их числе Глеб, взяли с бою грузовик и выехали в Киев. По дороге виднелись пожары. Неприятель был уже близко. Киев за эти дни тоже изменился. По улицам носились автомобили. Эвакуация шла ускоренным темпом.

В Институте исчезли уже директор и секретарь парткома. Их заменял, единый в трёх лицах, председатель месткома Яша.

– Вы эвакуируетесь с нами? – спросил он Глеба.

– Нет, с другим Институтом. Он пока ещё остаётся.

Яша наклонился и сказал неопределённым тоном:

– Имейте в виду, что от Киева не останется камня на камне.

Глеб не придал тогда этому особого значения. Он перевёл препараторшу своей кафедры в другой Институт на место секретарши. В другом Институте тоже не было ни директора, ни секретаря парткома. Оставался только заместитель директора, профессор Дашков.

Все преподаватели эвакуированных уже Институтов, оставшиеся в городе, старались попасть в этот Институт. Было принято немало и студентов из других Институтов. В Институт зачастили и представители НКВД. Один из них посетил заместителя директора и долго изучал список профессоров, расспрашивая о каждом. Другой повадился ходить к секретарше. После его ухода у неё были заплаканные глаза. Он напористо вербовал её в свою агентуру. Было непонятно, почему власти не предпринимали никаких шагов к эвакуации этого Института.

Заместитель директора несколько раз звонил в райпартком и просил инструкций насчёт эвакуации. Ему говорили, что ещё не время. Глеб пошёл в Райсовет и просил выдать ему удостоверение на право индивидуальной эвакуации. Он положил свой паспорт и служебное Удостоверение.

– А ваше учреждение эвакуируется?

– Ещё нет.

– Тогда мы не можем выдать вам такого удостоверения.

Дома происходил тоже конфиденциальный разговор.

– Ты пропускаешь все сроки. Уже Добронравов уехал не пассажирским поездом, а на открытой платформе, просидев в ней двое суток на товарной станции. Ты уедешь, а я останусь с мамой, которая не перенесёт такой эвакуации, – говорила Оля.

– Никуда я не поеду, разве что возьмут силой. Если я уеду, какой шанс, что ты одна с мамой выживешь и что я тебя когда-нибудь найду?

Профессор Коваленко, человек осторожный, говорил Глебу:

– Мы делаем серьёзный шаг. Если мы останемся здесь, то нам нельзя будет оставаться, когда будут возвращаться "товарищи".

– Я это прекрасно понимаю, но мне надоела эта чёртова мышеловка, хотя она и огромна. Вероятнее всего мы поедем в другую мышеловку, может быть худшую, но вы знаете украинскую пословицу: "Хой гирше, абы инше".

Глеб и Оля понесли обувь к сапожнику. Этого сапожника Глеб знал ещё 43 года тому назад босоногим мальчиком в деревне Подольской губернии.

– Откуда у вас дог? – спросил Глеб сапожника, увидев большого в серых пятнах дога.

– Соседский, пришлось его взять. Хозяева вчера отравились.

– С чего это?

– Так. Оба молодые. Хорошо жили. Оставили записку. Война их разлучит, предпочитают умереть вместе.

– Видишь, – сказал Глеб Оле, выйдя на улицу, – война берёт свои жертвы не только на фронте.

В небе развёртывался воздушный бой. Один из самолётов со свастикой зашёл в хвост самолёту с красной звездой. Из хвоста советского самолёта рванулось пламя. Лётчик закачался на стропах парашюта, а самолёт, объятый пламенем, нырнул в городскую панораму и скрылся за высокими зданиями.

99. Враг у ворот

На завтра назначено начало занятий в Институте. Лекции состоялись. Оля пошла на базар и слышала, как громкоговорители кричали: "...Начались занятия, первую лекцию на третьем курсе прочёл профессор Дашков, вторую профессор Беклемишев, третий час был посвящён лабораторным занятиям по... Киев был, есть и будет советским!..".

Лекциям был посвящён только первый день. На следующий день весь Институт отправился рыть окопы и ходы сообщения за кинофабрикой. В городе строились по улицам баррикады из мешков с землёй. По полю ходили три офицера, один из них начальник будущих "партизан", но не было ни одного офицера инженерных войск. Грузовики подвозили шпалы. Глеб копал окоп вместе со студентом. У них была одна лопата. Когда Глеб рыл, отдыхал студент, и наоборот.

В легковой машине подъехал секретарь райпарткома. Он собрал около себя шесть инженеров Института и стал распределять между ними работу.

– Тут есть ещё инженер, – указал кто-то на Глеба.

Секретарь позвал Глеба к себе.

– Вот в ваше распоряжение передаются шесть инженеров. Распределите между ними работу и стройте пулемётные гнёзда и ходы сообщения. Чем раньше построите, тем раньше освободитесь. Сухую пищу вам будут доставлять на место из расчёта красноармейского пайка.

– В таком случае я прошу дать мне эскиз расположения пулемётных гнёзд.

– Вы получите его потом.

Глебу не оставалось ничего другого, как расспросить каждого из трёх офицеров, что он хочет. У каждого был свой план. Глеб сделал из трёх планов нечто среднее и приступил к работе. На ночь работников отпускали домой.

Один раз при возвращении Глеба, имевшего за спиной рюкзак, задержали как шпиона. Милиционер, посмотрев на паспорт, козырнул. Наконец работа была закончена и сдана. Она не пригодилась. Киев попадал в глубокий мешок.

В Институт пришёл офицер, бывший студент Института. Просил дать ему карту Украины, висевшую на стене.

– Куда ж вам такая карта. У вас должна быть трёхвёрстка.

– Должна, да нет её. Картографическое управление несколько лет печатало карты. Потом в них заворачивали в лавках селёдки, а когда они понадобились, их нет.

Ночные дежурства продолжались. На высоком доме на чердаке работал искровой телеграф. Он кому-то что-то сигнализировал, может быть немцам, которые стояли уже в Голосеевском лесу? А может быть, это была внутренняя советская связь? За железнодорожной линией, под Батыевой Горой, горели постройки.

Инженер Оскерко получил приказ из Военкомата явиться в часть номер такую-то в пять часов дня. Одновремённо такой же приказ принесла комсомолка в другом конце города и бывшему партизану, рабочему-аспиранту, которого с трудом протащили через институт и сделали инженером. Он любил поговорить на коммунальной кухне о том, что когда придёт час бить фашистов, "нас, старых партизан, не удержишь". По случайности он сам открыл комсомолке дверь.

– Кому повестка? Чехонину? Его нет, вчера ещё уехал.

Комсомолка ушла, а Чехонин быстро собрался и с женой и дочкой вышел из дому. Больше его не видели. Инженер Оскерко повестку принял, в четыре часа вышел из дому, но в часть не попал. На следующий день за Оскерко приходил офицер с красноармейцем, но никто не мог объяснить, что случилось с Оскерко. Он как сквозь землю провалился.

В Институте собирали новую группу на окопные работы, на этот раз за Днепр, Глеб ехать отказался: "Я был уже на постройке противотанковых рвов и пулемётных гнёзд. Пусть едут свеженькие, кто не приобрёл ещё опыта в сооружении окопов".

На улице Глеб встретил сначала профессора Рашеева, только что вернувшегося из ссылки, а затем доцента Чередниченко. Последний был кандидатом партии. Его послали в Екатеринослав следить за перегрузкой эвакуированного имущества Индустриального Института с воды на колёса. По его словам, разобраться в имуществе невозможно. Всё перемешано. Сам чёрт ногу сломит. И он вернулся в Киев.

Большинство организаций из города уже выехало. Институты и различные курсы уезжали не расплатившись с преподавателями. Глебу должны были и вечерние Курсы, и эвакуированный Институт. На Курсы он махнул рукой. Бухгалтер, он же и кассир, выписав по ведомости жалованье, получил деньги в банке и с ними удрал. Деньги падали в цене, и круглая сумма ему в дороге пригодится. Относительно Института Глеб обратился в народный суд и немедленно получил исполнительный лист для получения причитающейся суммы с текущего счёта Института в Госбанке. В банке осмотрели исполнительный лист и признали его правильным.

– Вы могли бы получить вашу зарплату, если бы на текущем счёту Института были деньги, но Институт перед отъездом счёт закрыл.

К пяти часам Глеб пришёл в Военкомат. В комнатах было пусто. Только в одной комнате находился начальник мобилизационного отдела и его знакомая дама. На столе лежали тысячи неврученных мобилизационных повесток.

– Я пришёл узнать, – сказал Глеб, – какой будет порядок эвакуации таких как я. Я, как инженер, на военном учёте до 65-ти лет. Мне говорили, что приносили мне повестку. Но ни меня, ни кого-либо из моей семьи не было дома.

– Вы поищите среди неврученных повесток свою, а уходить будем все вместе, пешком – в последний момент.

Глеб начал рыться в повестках. До его слуха доносился разговор начальника моботдела с его знакомой.

– Как дела? – спросила она.

– Плохо, мы окружены.

– Что же будем делать?

– Будем оставаться.

– Я не нашёл повестку, – сказал Глеб.

– Хорошо, приходите завтра.

Здорово, подумал Глеб, если начальник моботдела остаётся в Киеве под немцами, то что уж нам простым смертным?

Когда Глеб пришёл домой, то послышался взрыв и радиоточка замолчала. Радиоприёмник был сдан уже раньше по приказу.

Начиналось начало конца. В эту ночь что-то должно решиться. Жильцы дома спускались в нижний этаж, опасаясь оставаться в верхних этажах. Всю ночь сидели в креслах и на диванах у Беклемишевых. Изредка стреляло орудие, и снаряд сверлил воздух. Всю ночь рвались снаряды, как выяснилось потом, рвались штабели снарядов в Николаевском парке.

Наконец забрезжило утро. Рано утром профессор Дашков вышел на крыльцо. С крыльца открывался вид на Днепр и на Черниговский мост. Вдруг мост поднялся и рассыпался. Вместе с ним в воздух взлетели чёрненькие фигурки людей. Полуминутой позже докатился звук взрыва. Затем второй, третий.

Отступавшая красная армия взрывала мосты через Днепр. Сапёры так спешили, что не дали перейти своей последней части и взорвали её с мостом.

Глеб пошёл к военкомату. Двери открыты настежь. Пусто, валяются бумажки. Около дома НКВД лежат цветные фуражки, их обладатели бежали, переодевшись в штатские костюмы.

В городе не было больше власти.

100. Немцы в городе*

Около четырёх часов рыжий дворник Артем влетел к Наталье Захаровне.

– Так что уже.

– Что уже?

– Немцы на Крещатике.

– Да ты сам видел?

– Сам видел, вот вам крест. Так и шпарят на мотоциклах.

Наталья Захаровна набросила пальто и отправилась к центру. Действительно, немцы проносились один за другим в особенных защитных плащах и в шлемах. Наталья Захаровна вернулась домой, взяла клещи и топор и поднялась на чердак.

– Уже вошли.

– Слава Богу, у меня руки и ноги закоченели, – ответил ей голос из-за досок.

Наталья Захаровна всунула топор между досок и повернула его. Доска скрипнула и несколько отошла. Тогда она вытянула гвоздь... Вниз за ней спустился заросший бородой человек. В нём с трудом можно было узнать Оскерко...

В первый день оккупации население, не обращая внимания на немцев, грабило склады и магазины. Тащили всё, что находили: ящики спичек, повидло, ножи, радиоаппараты, даже пианино, что требовало солидных транспортных средств. На другой день немцы остановили грабёж и стали занимать здания на

---

* Это произошло 19 сентября 1941 года.

Крещатике под комендатуру и военно-хозяйственные учреждения. На стенах появились приказы на немецком и украинском языках. Приказывалось сдать радиоаппараты и противогазы. Хлеб не продавался. Базары были пусты.

Первые немецкие машины на Крещатике, сентябрь 1941 г.

Киев, 19 сентября 1941 г.

Оставшиеся преподаватели собрались в Институте. Профессор Дашков предложил ввести в Институте дневные и ночные дежурства, чтобы сохранить имущество Института. Глебу выпало ночное дежурство, поэтому он ушёл около трёх часов, чтобы дома пообедать и отдохнуть до дежурства. Он был уже недалеко от дома, когда воздух был потрясён взрывом. Глеб обернулся и увидел в стороне Крещатика столб дыма в виде гриба. Нечто подобное он видел в 1918 году, когда на Печерске были взорваны склады снарядов. За первым взрывом последовали другие.

После обеда Глеб уже не мог пройти на Крещатик. И правая, и левая сторона Крещатика горели. К Глебу пришли два студента, спасавших лабораторное имущество Института. Они поставили у Глеба в прихожей какой-то ящик из радиолаборатории. Пожар разгорался. Насосная станция была подорвана советской армией при отступлении. Воды в водопроводных трубах не было. Немцы привезли шланги на самолётах из Варшавы и качали воду из Днепра. В Киеве большевиками были оставлены агенты для диверсии. Они разрезали шланги. Немцы поймали диверсантов и расстреляли.

Пожар тем временем принял огромные размеры. Горел не только Крещатик, но и прилегающие улицы, часть Фундуклеевской, Прорезной, Лютеранской, Институтской, вся Николаевская, Меринговская, Новая. Сильный ветер раздувал пламя, через нетронутые ещё дома летели искры и целые головни.*

Угол Крещатика и Прорезной, сентябрь 1941 г.

* 24 сентября прогремел мощный взрыв в здании Детского мира на углу Прорезной и Крещатика. В этом же доме разместилась тогда вся немецкая комендатура. От взрыва сдетонировали склады с зажигательными смесями на чердаках соседних домов, и главную улицу Киева охватил сильнейший пожар. Центр пылал 4 дня. В городе была оставлена и действовала диверсионная группа НКГБ УССР, которой руководил Иван Кудря. Она выясняла, когда и кто будет заселять заминированные здания, и передавала информацию при помощи мощной рации в центр. Таким образом, был уничтожен весь центр Киева. – ***Из Интернета***

Как видим, бесчеловечность большевиков к брошенному ими населению Киева не знала границ…

Центр Киева после грандиозного пожара, сентябрь 1941 г.

Беклемишевы покинули дом и провели ночь под открытым небом, недалеко от места, где был похоронен Бой. Мать Оли сидела на узле, рядом с ней сидел Джери. Половина неба была охвачена дымовой завесой, на которой играли отблески пожара. Непрерывно слышался его гул и треск. На другой половине неба мерцали звёзды. Оля подняла голову к небу.

– Неужели жизнь есть только на Земле? Не может быть, чтобы из миллиардов звёзд и планет для Земли только было сделано исключение.

– Способ зарождения жизни на Земле до сих пор остаётся тайной, – ответил Глеб, – но я уверен, что какие-то планеты в других созвездиях оказались в условиях одинаковых с Землёй и на них тоже есть жизнь. Но такое совпадение условий всё же представляет собой исключение. Большинство звёзд состоит из газов или расплавленных металлов, другие представляют собой холодные, твёрдые, безжизненные массы.

Земля – одно из исключений. Жизнь на ней достигла высоких форм. Это чудо. И смотри, что творится на этом чуде. Вместо того, чтобы замереть от восхищения в лицезрении этого чуда, высшие формы жизни, "венцы творения", уничтожают друг друга. Обоготворяемые вожди бросают своих подданных в мясорубку.

– Я говорила тебе уехать. Был бы ты теперь далеко от этих взрывов и пожаров.

– Я был бы там, куда бы меня послали. И я нисколько не раскаиваюсь, что остался. Если будем погибать, так вместе. Мы сейчас ничто иное, как домашние животные в руках немцев, но положение раба у немцев, если хочешь, лучше своей простотой, чем положение раба у большевиков. Здесь отношения ясны: немец – господин, я – ничто, раб. Он может меня пристрелить, не неся за это ответственности. У большевиков меня могут точно так же пристрелить, сгноить в лагере, в тайге, но чувствуя себя рабом, не защищённым никаким законом, я должен всё время изображать энтузиазм, высказывать восхищение мудрыми порядками, своей свободой и гениальностью вождей, вырезывающих своих подданных и друг друга. Нет, уж лучше рабство начистоту, без высоких слов и ссылок на Карла Маркса.

Светало. Пожар рычал по-прежнему, но продвинулся незначительно. Беклемишевы вернулись домой. День прошёл в увязывании вещей и в беготне на соседский балкон, чтобы посмотреть на продвижение пожара. Спать легли не

раздеваясь. В полночь громкий стук в дверь. Немецкие солдаты. Приказ оставить район, к которому приближается пожар. Глеб хочет уходить, как стоял.

Но Оля кричит: "Мама!".

– Да, да мама.

Оля бежит к матери, но [сначала] выбрасывает кота, потом выгоняет Джери. Она выводит мать и выносит чемодан и узел. Глеб тоже хватает два чемодана и узел. Они оказываются на улице в сентябрьскую ночь. Прохладно. С вещами быстро идти невозможно. Отошли на квартал. Мать Оли вспомнила, что она забыла паспорт. Можно пойти за паспортом. Опасность в том, что дом уже пуст. Немцы, увидев людей в покинутом доме, принимают их за грабителей и расстреливают на месте.

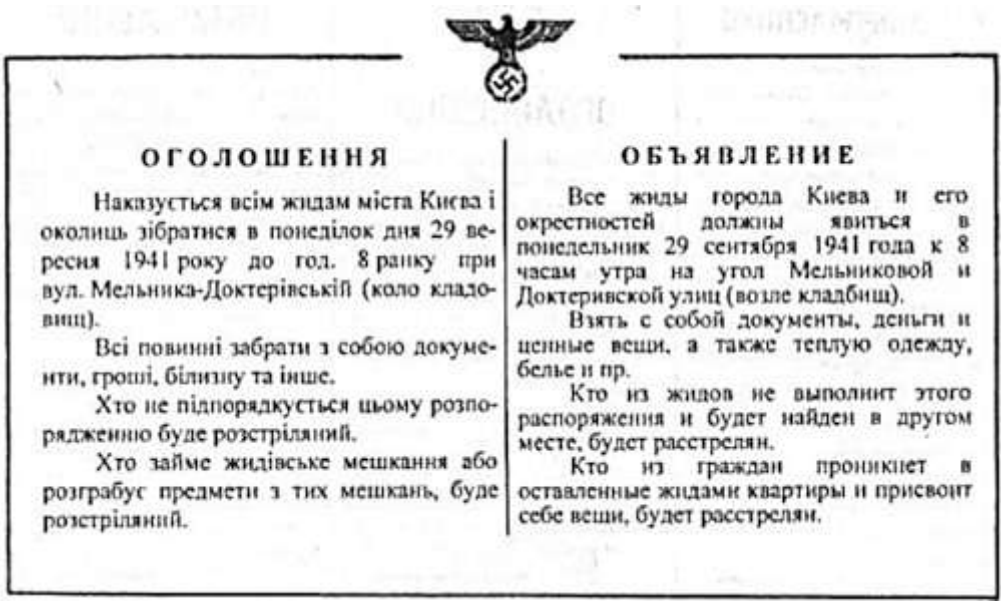
Всё же Глеб и Оля пробрались через чёрный ход, не зажигая света, вынесли паспорт и заодно калоши. Мёрзли ноги. Ночь провели на улице. Чемоданы взяли, но пищи в них нет. Оля отправилась к Наталье Захаровне. Для этого ей пришлось обойти кругом пожарище. Она принесла кой-какой снеди.

На следующую ночь поместились с другими беженцами в покинутом одноэтажном доме. Дом оказался бывшей типографией НКВД, может быть, она заминирована и через полчаса взлетит на воздух? Никто не хочет об этом думать. Э! Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Так проходит три дня. Затем пожар пошёл на убыль, и эмбарго с домов снимается. Жильцы в них возвращаются, но толпы погорельцев не имеют пристанища.

101. Бабий Яр. Семейство Брифов

Пожар окончился. Только в отдельных местах подымались тонкие струйки дыма. Здание бывшей Городской думы по странной случайности сохранилось. Везде громоздились груды кирпича, местами подымались печные трубы и брандмауэры. Обгорелые кровати, остовы велосипедов, несгораемые кассы и детские кроватки торчали среди погнутых двутавровых балок, издавая при ветре печальный скрип. На Меринговской улице на фасаде сгоревшего дома сохранилась вывеска "Примусова праця".

На стенах домов в конце сентября появился приказ: все евреи должны придти в назначенный день на Лукьяновку к Бабьему Яру, имея при себе свои ценные вещи. Население предполагало возможность репрессий. Могут отобрать ценные вещи и послать на принудительные работы. Что же больше?



ОГОЛОШЕННЯ

Наказується всім жидам міста Києва і околиць зібратися в понеділок дня 29 вересня 1941 року до год. 8 ранку при вул. Мельника-Доктерівській (коло кладовищ).

Всі повинні забрати з собою документи, гроші, білизну та інше.

Хто не підпорядкується цьому розпорядженню буде розстріляний.

Хто займе жидівське мешкання або розграбує предмети з тих мешкань, буде розстріляний.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Все жиды города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковой и Доктеривской улиц (возле кладбищ).

Взять с собой документы, деньги и ценные вещи, а также теплую одежду, белье и пр.

Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян.

Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян.

Но в сердца евреев западали и худшие опасения. Ведь это не те немцы, что приходили в 1918 году, а наци... Еврейка Хася, которая осталась с двумя

девочками после ареста её мужа, польского коммуниста, сказала соседке: "Ох, правы вы были, когда говорили мне, что мне, партийной, надо уехать".

В доме на Новой Левашёвской жила еврейская семья, отец, мать и сын. В назначенный день они никуда не пошли. На стук дверей не открывали. Когда двери вскрыли, нашли всех мёртвыми. Они отравились.

В одном из профессорских домов Политехнического Института жил русский немец Иван Карлович Бриф. После смерти жены он прожил много лет холостяком, а потом удивил всех сослуживцев – он женился на Розалии Ильинишне, той самой, из-за романа с которой в 1937 году повесился [поляк-семьянин] Владек*. Ах, они были такие разные люди! Но, может быть, противоположности как раз и сходятся.

Почему они не эвакуировались? Относительно Брифа это понятно. Он, глубокий индивидуалист, никак не мог любить советскую власть. А Розалия Ильинишна? Может быть, слух о том, что она являлась секретным агентом НКВД, был неправилен. А может быть она, как секретный агент, была оставлена в Киеве НКВД для наблюдения за оставшимися работниками Института... Она была еврейкой и приказ немцев имел к ней прямое отношение. Их видели утром, когда они вышли из усадьбы Института. Бриф одной рукой держал небольшой саквояж, а другой рукой поддерживал Розалию Ильинишну. В это же время из разных пунктов города на Лукьяновку двигались группы евреев, некоторые с раввинами во главе.

Уже к вечеру распространились слухи о массовом убийстве в Бабьем Яру. Сначала им не верили, но потом находилось всё больше свидетелей, которые слышали залпы.

Иван Карлович Бриф и Розалия Ильинишна тоже не вернулись из Бабьего Яра. Русский немец Иван Карлович Бриф не оставил свою жену-еврейку и разделил с ней её участь. Немцы сделали одолжение своему компатриоту и расстреляли его за компанию. Он хочет быть расстрелянным, его частное дело... Глеб помнил Брифа, этого философа с искорками юмора в голубых глазах. Он мог придти к заключению, что в этом подлом мире жить не стоит... Через несколько месяцев пошли слухи, что Бриф и его жена не были расстреляны, а отправлены в Германию, в концлагерь и что, будто бы, кто-то получил от них оттуда письмо...

Еврейская трагедия повлекла за собой ещё несколько смертей. На Подоле опустело много еврейских квартир. Одна из соседок Натальи Захаровны хотела нанять русского дворника Артёма убрать пустую квартиру.

– Дворника-то нет, он отправился на село за продуктами, – сообщила Наталья Захаровна. Она была уже фолькс-дойче и называлась Фрау Оскерко.

– Его-то нет, – посоветовал сам Оскерко, – но тут рядом живут его "корешки", Макар Петров и Сергиенко.

Макар и Сергиенко подрядились на работу сдельно за поношенные брюки и пиджак. Конечно, они рассчитывали чем-нибудь поживиться и в самой квартире. И действительно им посчастливилось. Они нашли в каморке бутылку, которая заманчиво пахла спиртом. Они дружно её распили. В бутылке был клопомор, и к вечеру они оба переселились в лучший мир. На другой день вернулся и рыжий Артём.

– Повезло вам, Артём, – посочувствовала Наталья Захаровна, – будь вы в городе, пошли бы вы убирать квартиру напротив, выпили бы клопомора и были бы сейчас на кладбище, как ваши приятели Макар и Сергиенко.

– Да што вы, нешто я уж такой дурень...

Удивительно, как самые ясные предупреждения провидения не действуют на людей. Ровно через неделю Артём выпил клопомор в другой еврейской квартире и уехал на кладбище.

---

* См. главку" 77. Укрупнённый Институт".

102. Люди тыкаются в стены

Глеб встретил на улице секретаря одного из Институтов, Барбьера.

– Как дела? – воскликнул Глеб, – вы ведь были в армии.

– Был, и в плену был.

– Где же вы попали в плен?

– На левом берегу Днепра. Нас было там много, сотни тысяч. Ну, попали мы "в мешок". Высшее начальство того, фью, улетело. А мы тыкались, как слепые щенки. Ткнулись направо – немцы, ткнулись налево – немцы, ткнулись прямо – болота. Тогда я зарылся в копну. Просидел день, на второй день идёт пастушок. Я к нему, принеси, мол, хлеба и что-нибудь переодеться. Мальчонок сбегал домой, принёс хлеба и рубашку, говорит, в селе уже немцы. Я съел хлеб, одел рубашку, а штаны военные. Пошёл к немцам сдаваться. Вижу, идут три немца. Один ведёт велосипед. Я к ним навстречу. Два немца ничего, а третий, что с велосипедом, всё твердит: "Ты шпион, тебя расстрелять надо".

Я говорю, никакой я не шпион. А он своё: "Ты шпион, на тебе штаны военные, а сам ты не по-военному одет. Тебя надо расстрелять". А потом говорит: "Веди велосипед". Вскоре мы повстречали колону наших пленных, около двух тысяч. Мой немец заговорил с немцем-земляком из конвойных. А я одному из пленных дал велосипед, а сам юркнул в толпу. Меня в ней уже не найти. Привели нас в Бендерские казармы. Просидел я там двое суток без еды. А потом вывели нас на шоссе, чтобы гнать на Житомир. У немцев был приказ: местных отпускать, а других пленных гнать в лагеря. Но им разбираться, кто местный, а кто нет, трудно. Они просто отсчитали первых триста, как местных, и отпустили на все четыре стороны. Я случайно оказался в числе этих трёхсот. Вот и вся моя история.

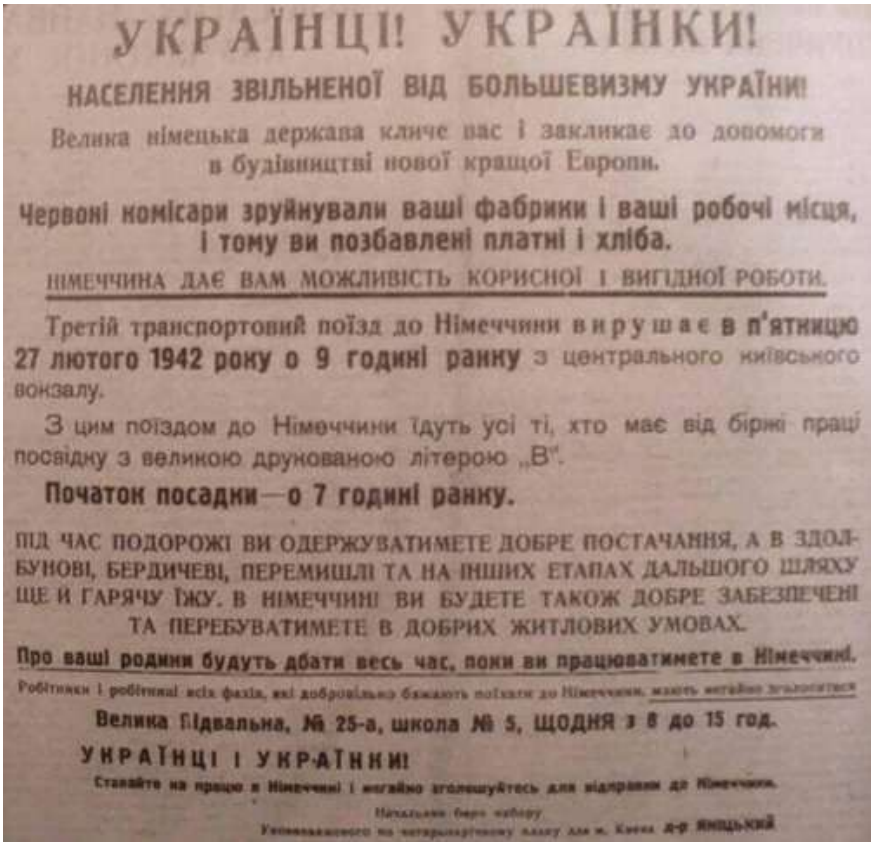
Потом Глеб встретил Ивана Васильевича Солодовника. Он читал лекции по физике в Индустриальном Институте. Беклемишевы знали всю его семью. Они были черниговцы, настоящего украинского типа. Он – худощавый брюнет и жена – брюнетка, с красивыми глазами и чёрными бровями. Дочь, лет семнадцати, была вся в мать. Сын их умер несколько лет назад. Солодовник к армии отношения не имел. Он колол дрова на дворе, когда несколько немцев зашли во двор и отвели его в Бендерские казармы. Жена побежала за немцами, выяснила, куда поместили Ивана Васильевича, и каждый день носила ему передачу, которой Иван Васильевич делился со своими соседями. Немцы их почти совсем не кормили.

Через несколько дней немцы отпустили Солодовника в числе других "местных". Вскоре он поступил в Городскую Управу, где заправляли делами главным образом понаехавшие галичане, видимо бандеровского толка. Потом немцы Управу разогнали и набрали новых служащих.

Тогда Солодовника назначили заведующим отделом культуры, что и сыграло впоследствии для него фатальную роль. В сферу деятельности отдела входили несколько низших школ (немцы закрыли большинство школ), охрана памятников старины и Дом Учёных. Дом Учёных собрал около себя оставшихся профессоров, большей частью за семьдесят лет, подкармливал их жидким пайком и содержал для них столовую, где можно было получить суп из воды, с плавающим в ней пшеном. Дом Учёных имел ещё водную станцию, лодки которой перевозили за плату на левый берег Днепра.

Профессор Коваленко предложил Беклемишевым, в квартире которых взрывом были разбиты окна, переехать в дом научников. Тем самим он надеялся сохранить обстановку одного своего коллеги. Беклемишевы могли переехать, только получив сначала разрешение от образовавшейся Жилищной Управы. Глеб разрешение получил, но обстановку коллеги профессора Коваленко не спас, так как немцы к Рождеству забрали дом, выселив всех жильцов. В этом доме был не старый ещё дворник. Немцы стали набирать желающих ехать на работу в "Солнечную Германию". Они очень рекламировали этот набор, но, так как желающих было мало, они стали брать людей принудительно.

Под конец они хватали молодёжь на улице и увозили. На этот раз пришла очередь дворника дома научников ехать в Германию. В Германии он провёл несколько месяцев. В конце концов его привезли назад. Для этого дворник действовал по особой системе. Кто-то его научил, что ему не надо есть, но он должен пить пиво. Действительно, он стал желтеть и опухать. Его послали на комиссию, однако комиссия признала его здоровым. Он продолжал пить пиво и не принимать пищи. Следующая комиссия признала его больным и отправила в Киев.



УКРАЇНЦІ! УКРАЇНКИ!

НАСЕЛЕННЯ ЗВІЛЬНЕНОЇ ВІД БОЛЬШЕВИЗМУ УКРАЇНИ!

Велика німецька держава кличе вас і закликає до допомоги в будівництві нової кращої Европи.

Червоні комісари зруйнували ваші фабрики і ваші робочі місця, і тому ви позбавлені платні і хліба.

НІМЕЧЧИНА ДАЄ ВАМ МОЖЛИВІСТЬ КОРИСНОЇ І ВИГІДНОЇ РОБОТИ.

Третій транспортовий поїзд до Німеччини вирушає в п'ятницю 27 лютого 1942 року о 9 годині ранку з центрального київського вокзалу.

З цим поїздом до Німеччини їдуть усі ті, хто має від біржі праці посвідку з великою друкованою літерою „В".

Початок посадки — о 7 годині ранку.

ПІД ЧАС ПОДОРОЖІ ВИ ОДЕРЖУВАТИМЕТЕ ДОБРЕ ПОСТАЧАННЯ, А В ЗДОЛБУНОВІ, БЕРДИЧЕВІ, ПЕРЕМИШЛІ ТА НА ІНШИХ ЕТАПАХ ДАЛЬШОГО ШЛЯХУ ЩЕ Й ГАРЯЧУ ЇЖУ. В НІМЕЧЧИНІ ВИ БУДЕТЕ ТАКОЖ ДОБРЕ ЗАБЕЗПЕЧЕНІ ТА ПЕРЕБУВАТИМЕТЕ В ДОБРИХ ЖИТЛОВИХ УМОВАХ.

Про ваші родини будуть дбати весь час, поки ви працюватимете в Німеччині.

Робітники і робітниці всіх фахів, які добровільно бажають поїхати до Німеччини, мають негайно зголоситися

Велика Підвальна, № 25-а, школа № 5, ЩОДНЯ з 8 до 15 год.

УКРАЇНЦІ І УКРАЇНКИ!

Ставайте на працю в Німеччині і негайно зголошуйтесь для відправки до Німеччини.

Начальник бюро набору

Уповноваженого по чотирьохрічному плану для м. Києва д-р ЯНЦЬКИЙ

Однажды к Беклемишевым пришёл немецкий офицер в сопровождении переводчика, говорившего на каком-то славянском языке, расспрашивали они о радио. Глеб объяснил, что радио у него нет, есть репродуктор, оставшийся от старого хозяина квартиры, но сам он без радиоаппарата ничего принять не может.

Тогда они предложили Глебу идти с ними и привели его в Гестапо. Там уже какое-то начальство подвело его к ящику и спросило, знает ли Глеб, что это такое. Глеб стал называть отдельные предметы.

– Это вот амперметр, а это – вольтметр.

Тут он обратил внимание на рукоятки ящика, это был тот самый аппарат, который студенты принесли с пожарища в старую квартиру. Немцы наткнулись в коммунальной квартире на этот ящик и спросили, кому он принадлежит. Там указали на Глеба. Аппарат оказался радиостанцией, которую легко превратить из принимающей в передающую. Само собой это грозило и свободе, и даже жизни Глеба. Он объяснил, что к этому аппарату не имел никакого отношения, что его спасли с пожара. Глеба отпустили. Как он узнал впоследствии, немцы об аппарате допросили и замдиректора Института, и заведующего хозяйством. Их показания полностью совпадали с объяснениями Глеба.

103. Люди живут как моль

Беклемишевы жили как моль – съедали вещи. Старый велосипед и один костюм пришлось отдать за помощь при перевозке вещей на квартиру в доме научников. Многое Глеб перевёз сам на ручной тележке (в том числе всё топливо), но рояль перевезти одному и внести по лестнице было невозможно.

Молодой Дашков предложил пойти за Днепр в село Вигуровщину. Там у него есть знакомый священник, есть где остановиться. Цель путешествия – выменять съестное. Вышли утром с рюкзаками за плечами. Среди руин Крещатика увидели опять огонь. Горела бывшая Городская дума. Это был не первый пожар от поджога. Поджигали оставленные агенты большевиков. Немцы разрешили этот вопрос по-своему. Они объявили, что в доме, который сгорит, будут расстреляны все взрослые мужчины.

Дашков и Глеб спустились к Днепру, переехали на лодке на Труханов остров, потом через [залив] Старик и двинулись пешком между отдельными проталинами и лужами. Следы войны виднелись всюду. Лежали какие то оперенные стрелы, сброшенные видимо с самолёта.

– А вот с этим осторожнее, это мины.

В воде лежали металлические коробки с белыми кнопками, как будто для звонка.

В Вигуровщине народ толпился в церкви. Батюшка ещё занят. Вошли в Церковь. Оба давно не были в церкви. Повеяло чем-то забытым, давним: возгласы дьякона, огонь свечей, косые лучи солнца, падающие через высокие окна.

Люди двинулись к выходу. Глеб не брит и худ. У дверей крестьянка протянула ему ломоть хлеба, приняла его видно за солдата из плена. Глеб поблагодарил и не взял хлеба. Выйдя из церкви, выругал себя: может быть он её этим обидел, а во вторых он ведь действительно голоден. Она протянула ему хлеб от чистого сердца, и он должен был его взять. Священник радушно встретил горожан и накормил их. Он рассказал, что при большевиках, когда он устраивался на работу, его увольняли, как только узнавали, что он бывший священник. Тогда он скрыл своё прошлое и работал несколько лет театральным плотником. Только теперь он вернулся у службе Божией.

Путешествие Глеба и Дашкова было неудачным. Село было бедное, и ничего выменять не удавалось. Священник снабдил их мелкой картошкой. Взвалив рюкзаки на плечи, они отправились в обратный путь. Остановились ожидать перевоза на берегу Днепра. Вдруг глухой удар достиг их слуха. Они посмотрели на правый берег. Свод лаврского собора на их глазах упал в прах. Было ли это запоздавшее действие мины, заложенной большевиками при уходе, или новая диверсия, никто не мог сказать.*

* 3 ноября 1941 г. в Киево-Печерской Лавре мощный взрыв уничтожил шедевр архитектуры XI века – Успенский собор.

Заминированный и взорванный Красной армией Успенский собор

В городе уже голодали, особенно погорельцы, у которых не было вещей для обмена. В лавках появился хлеб, но какой? Он выпекался из пшена, которое не жаловали немцы. Сверху он блестел, как будто бы был посыпан стеклом.

Доставка сельских продуктов крестьянами шла слабо по двум причинам: немцы вводили твёрдые цены, тогда всё с базара исчезало. Во вторых, украинские "полицаи", набранные немцами из подонков населения, отбирали у крестьян продукты при входе в город. Из села Зелёный Берег пришла к Беклемишевым Ксения, старшая дочь Александра Беклемишева, умершего за пять лет до войны. Ксения была доброй дочерью, заботившейся о своей матери, братьях и сёстрах. Она была каким-то средним продуктом, ни городским, ни деревенским. В деревне она казалась горожанкой, в городе крестьянкой, и говорила на каком-то среднем наречии.

Она рассказала, что двое её братьев, лейтенанты, попавшие в окружение, скрываются от немцев, а когда вернутся большевики, им придётся перед ними держать ответ.*

Окна квартиры выходили в чужой двор. Там жили евреи-ремесленники, оставленные немцами для обслуживания армии. Однажды Оля увидела как два эсэсовца заставляют проделывать евреев-ремесленников какие-то упражнения: прыгать через костёр, ползти на кирпичную стену, влезать в бочку с водой. Как потом сказал дворник, это делалось в наказание за то, что исчез кусок кожи. Когда немцы отлучились, ремесленники показали Оле знаками, что хотят есть. Она бросила через окно хлеб. Соседка сказала, что нужно быть очень осторожной, немцы за передачу заключённым тащат в тюрьму.

Вечером весь дом погружался в темноту. Немцы перерезали электрические провода у населения. Правда, часть дома освещена, там живут венгры, венгерская радиочасть. Глеб начал делать опыты. В квартире перерезана фаза, но есть нулевой провод. Нуль трёхфазной проводки не равен нулю земли.

---

* Речь идет о семье брата Глеба (героя повествования) – Александре Петровиче Беклемишеве (~1880-1936), его жене, украинской крестьянке Марысе Мурге и их детях – Ксении (была угнана на работу в Германию, бежала по дороге), Анатолии и Александре. По каким-то причинам семья перебралась из села Белый Берег в село Зеленый Берег (или это ошибка памяти повествователя?). Кстати, село Зеленый Берег в Киевской обл. обнаружить не удалось.

Глеб взял 6-вольтную лампочку, соединил её с нулевым проводом и с землёй через батарею центрального отопления. Лампочка загорелась. Тогда Глеб включил в цепь трансформатор и обыкновенную 110-вольтную лампочку. Она тоже дала свет. Глеб был рад, как Эдиссон, когда его лампочка с угольной нитью продержалась 24 часа. Понятно, это достижение надо было скрывать. Когда о нём всё же узнала соседка Ирина Васильевна, она попросила устроить освещение и в её квартире. Глеб пережёг три маленьких [6-вольтных] лампочки раньше, чем убедился, что в квартире Ирины Васильевны по ошибке вместо фазы перерезали нулевой провод.

Теперь Глеб осветил всю квартиру, заземлив провод после прохода тока через параллельную группу лампочек. Он даже протянул провод к себе между проводами венгров и устроил контакт у себя за окном. Теперь он мог освещать и всю свою квартиру, заботясь только о плотном затемнении окон.

Среди живших в доме венгров был один офицер-негодяй. Он постоянно упражнялся в стрельбе из револьвера по собакам, котам и птицам. Однажды Оля слышала, как на дереве щебетала крылатая певунья. Вдруг выстрел, и птица замолкла. Её трупик лежал под деревом. Потом исчез Олин кот. Его труп нашли за домом только зимой. За собаками он охотился совершенно открыто. Оля видела венгра, как он бежал по улице, стреляя на ходу в соседскую собаку. Для породистого Джери венгр, видимо, делал исключение.

Однажды, когда Глеб и Оля шли по улице с Джери, к ним подошёл немецкий офицер, по-видимому в чинах, он сказал, что таких собак берёт немецкая армия, и сказал адрес, куда Джери следует отвести. Глеб не последовал его совету, хотя прокормить Джери было нелегко. Джери был большой ухажёр и удержать его дома не было никакой возможности. Людям ходить после шести часов вечера было запрещено, а собакам – можно. Однажды Джери ушёл в шесть со двора и не вернулся. Искать его Беклемишевы не могли. Трупа его вблизи на другой день не обнаружили. По-видимому, его забрали немцы, ценившие таких собак.

104. Зорин возвращается. Работа

Инженер Зорин эвакуировался в конце августа. Жена его осталась дома. В октябре он вернулся в Киев. Он и ещё несколько человек задержались в Запорожье и досидели там до момента, когда немцы вошли в Запорожье. Тогда они пошли пешком в Киев. Часть пути им удалось проехать с товарными составами. Теперь Зорин опять поступил на завод, где работал раньше. Завод входил в объединение, подчинённое германскому концерну.

Служба при немцах не давала практически ничего. Насытить она не могла. Но она давала некоторую защиту против вывоза в Германию. В Германию брали уже и пожилых людей, и защитить Олю, не работая, Глеб не мог. Глеб встретил инженера Просяниченко, и тот предложил Глебу поступить к нему. Сам он был подчинён немцам. Глеба устраивала именно такая работа, когда он непосредственно с немцами не соприкасался бы. Но оказалось, что всё это не так, как рисовал Просяниченко.

Немцы распоряжались через голову Просяниченко. Их было много, и непонятно было, кого именно надо слушать. Тут были всякие зондерфюреры и люди всяких званий и амбиций. Это часто была не работа инженера, а вожака группы рабочих. Там надо было снять насос с фундамента, здесь перевезти лодочные моторы или установить циркулярку для пилки дров.

Однажды Глеб попал в запутанное положение. Сначала его встретил какой-то зондерфюрер и сказал, что Глеб должен поехать с рабочими на Слободку и забрать там строительные материалы. Второй немец поручил ему установить циркулярку, а третий – забить сваи и устроить эстакаду, к которой мог бы привалить пароход. Оказалось, что самым срочным было последнее задание, Глеб же полагал, что их надо исполнять в порядке поступления. Поэтому он отправился с рабочими на Слободку и провёл там больше половины дня.

Когда Глеб вернулся, его встретил молодой офицер, от природы вовсе не злой, но тут он принялся кричать и топать ногами.

Глеб сказал переводчику:

– Объясните ему, что он может кричать хоть час, всё равно я не понимаю, чего он хочет.

Немец успокоился, сел с Глебом и переводчиком в автомобиль. Когда они вылезли у места работы, немец сказал через переводчика:

– Ну, мы уже помирились?

– По-моему, мы не мирились, – сказал Глеб, – потому что мы и не ссорились, у нас не называется ссорой, когда один человек кричит, а другой должен молчать.

Когда работа была закончена, Глеба позвали к немецкому инженеру. Он был в военной форме, и его называли герр капитан.

– Вот видите, – сказал инженер-капитан, – вы с работой справились.

Он, по-видимому, полагал, что Глеб намеренно уклонялся от этой работы.

– Да, но я механик, и в вашем распоряжении имеется инженер-строитель.

– У нас в Германии такую работу выполнит любой инженер.

Глеб хотел ответить, что он сомневается, чтобы немецкий радио-инженер бил в Германии сваи, но вместо этого он сказал:

– Если вы поручите мне шить сапоги, то я должен буду их сшить. Но думаю, что рациональнее поручить шить их сапожнику. Он сошьёт лучше.

Инженер-капитан на это промолчал. Вместе с Глебом работал один немолодой техник. У него произошёл счастливый случай. Кто-то утром постучал в дверь. Он открыл дверь, глазам не верит – стоит сын. Сын вернулся из немецкого плена. Как не обозначить такой день. Техник пошёл на базар и купил бутылку самогона. Тут бы и пойти ему домой. Но он остановился купить ещё коробку спичек. Конечно, платил он не по твёрдым ценам.

А тут, на беду, случился украинский полицай и забрал он обоих нарушителей приказа, и продавца, и покупателя. Когда полицай вёл их, техник подумал: нехорошо, что у меня бутылка самогона, пришьют дело. И он выбросил бутылку самогона. Бутылка упала на камень и разбилась. Полицай заметил и дело обернулось ещё хуже. В те дни говорили, что агенты большевиков нарочно продают отравленный самогон. Полицай решил, что техник имел бутылку отравленного самогона и потащил его в Гестапо. Техник исчез. Только через неделю один его сослуживец, тоже сидевший в Гестапо и выпущенный оттуда, сообщил, что видел там техника Тимченко. Тогда в Гестапо поехал один немец, о котором речь будет идти впереди и которого звали Иван Фёдорович, и вызволил оттуда техника Тимченко.

105. Воздушный налёт

Все успели уже позабыть о воздушных налётах немцев. А тут напомнила о себе советская авиация. Самолёты прилетели вечером, повесили в воздухе воздушные лампы* и сбросили несколько бомб. Самое странное в этой бомбёжке было то, что многие бомбы не разрывались.

С одной бомбой был такой случай. Бомба упала на крышу оперного театра. В это время в театре шла опера для немцев, что-то Вагнера, кажется "Лоэнгрин". В театр пускали одних немцев, в том числе и фолькс-дойче. Да кто другой пошёл бы слушать оперу – и кому на ум придёт, если не петь, то слушать оперу на голодный желудок? В партере сидел один фолькс-дойче с женой, его мать сидела в том же ряду, но подальше. Бомба прошла сквозь крышу, не разорвалась, но прямым попаданием убила мать этого фолькс-дойче. Никто больше от нее не пострадал.

Второй случай был с молодым институтским физиком, который остался в Киеве. Жил он в одноэтажном доме на Никольско-Ботанической улице. Во время вечернего налёта он лежал на своей кровати, а воротничок и часы положил на ночном столике.

---

* Понятно, что здесь идет речь об осветительных ракетах на парашютах.

Бомба с советского самолёта прошла сквозь крышу и попала в ночной столик. Она не разорвалась, но вырыла яму и утащила в неё столик, часы и воротничок. Так яма с бомбой и оставалась в комнате, и молодой физик сметал в неё сор. Налёты повторялись, но от них не бегали в бомбоубежища.

Жизнь шла своим чередом. Открылось несколько комиссионных магазинов. Они пользовались большим успехом, пока немцы не стали забирать из них вещей по принудительной оценке. На базарах цены баснословно росли. Украинские полицаи устраивали на базарах облавы, а пойманных вели в полицейские участки, сортировали и отправляли в Германию на работу.

Зима в 1941 году выдалась жестокая. Стены дома научников промёрзли насквозь. Трубы центрального отопления были заморожены в самом начале зимы и полопались. Были там и голландские печи, но спорить с морозом они не могли. Стены были построены с нарушением всех правил и были настолько теплопроницаемы, что оправдывали поговорку: "Наша горница с Богом не спорится, что на дворе, то и в горнице". Вдоль дома по морозу ходили жильцы. Следили, чтобы не было пожара. За пожар полагался расстрел всех взрослых мужчин, проживавших в доме.

Во время дежурства Глеба, когда мороз от пяток подбирался уже к сердцу, Глеб заметил огонь в одном из окон. Он позвонил в квартиру. Никакого ответа. Дело становилось угрожающим. Глеб вызвал несколько мужчин. Вышибли дверь. В пустой квартире горела стена. Огонь был потушен.

Осенью сюрприз: немцы забирают весь дом. Беклемишевы переехали на Подол. Там уже не было никакого источника света. Глеб раздобыл аккумуляторы и освещался 6-вольтными лампочками.

Мать Оли непрерывно болела. У неё был первый удар. Голод принимал зловещие формы. В организм не поступали какие-то необходимые элементы. Кровь переставала сворачиваться. У Глеба порез бритвой не заживал два месяца. Огороды не спасали, картофель выкапывали, тыквы крали. Надо было думать о заготовке дров, чтобы не замёрзнуть зимой. Купить их не было возможно. Надо было рассчитывать только на мускулы.

106. Заготовка дров

Немцы разрешили рабочим разбирать на дрова обсохшие на берегу старые баржи. В субботу к баржам спускалась шаланда. На разработку отводился вечер субботы, ночь на воскресенье и половина воскресного дня. Часа в три приходил буксирный катер и тащил шаланду вверх против течения. Баржи были скреплены болтами и скобами. Работать приходилось молотом, клиньями, пилой, подносить дрова к рукаву Днепра, грузить на лодки, подвозить к шаланде, перегружать в шаланду, выгружать в городе и везти на дом в ручной тележке. Это был Сизифов труд, особенно для голодного человека.

Вблизи барж в песке лежали брёвна, которых пилить не полагалось, а немного дальше были кантованные брусья, строительный материал. Иногда ехало сто – сто пятьдесят человек. Никакой администрации не было. У Глеба находился список участников разработки. К полуночи все изрядно устали. Рассаживались у костров. Глеб ел холодную пшённую кашу и с завистью смотрел на рабочего, который испёк в костре три картофелины. После небольшого отдыха все пошли опять на работу. Лодка, в которой сплавлялись дрова, была сильно перегружена и села на мель в протоке. Никому не хотелось лезть в холодную воду, чтобы столкнуть лодку с мели, когда часть дров была сброшена в воду. Пришлось лезть Глебу.

Только что он покончил с этой задачей, как на берегу раздались крики: "Беклемишев, Беклемишев!". Глеб подошёл к костру. У костра, широко расставив ноги, стоял немецкий офицер. С ним был солдат, заменявший переводчика и говоривший на одном из славянских наречий. Офицер обратил внимание на то, что рабочие, вместо разборки старых барж, распилили несколько брусьев.

Глеб отвечал, что произошло это потому, что приехало много рабочих, которые были на разработках первый раз. Он обещал поставить охрану и не допускать порчи других брусьев. Всё бы кончилось мирно, если бы из темноты не донеслись явственные звуки пилы. Офицер побежал на звук, Глеб за ним. О ужас! Инженер-строитель Ерёменко и техник Голов возились около прекрасного бруса. Они отпилили от него уже четыре куска. Остро отточенная пила погружалась в брус, как в масло. Отблеск ближайшего костра делал лица пильщиков красными.

Техник Голов был ближе к офицеру. Офицер подскочил к нему и замахнулся. Голов уже бросил пилу и стоял прямо перед ним. Но когда рука офицера должна была коснуться шеи Голова, тот мотнул головой и рука прошла по воздуху. Офицер повторил операцию снова и снова, голова техника сделала пируэт и уклонилась от встречи с рукой. Офицер видимо устыдился такой спортивной неудачи и не повторил своих попыток. Он только потребовал фамилии нарушителей порядка и занёс их в записную книжку. Впрочем, последствий это не имело.

В воскресенье все дрова были погружены в шаланду. Буксирный катер тащил её под недавно поднятую ферму железнодорожного моста. Фиктивный Цепной мост, построенный по проекту академика Е. Патона, продолжал лежать своими фермами в воде*. Истомлённые до последней возможности "дровосеки" лежали на дровах в самых невозможных позах. Их можно было видеть на улицах города. Они брели по ним чёрные, измождённые, прозрачные как тени. Навстречу им шли немцы, одетые в шинели горохового цвета.

Это были наиболее ненавидимые населением партгеноссэн, служившие в Гебитскомисариате и в Генеральном Комисариате. Немецкий солдат и немецкий офицер не чужд был жалости. Гороховый партгеноссэ смотрел на человека как на пустое место, как на материал для постройки тысячелетнего Райха, как стопроцентный коммунист смотрит на людей, запираемых в вагон для двухнедельного путешествия в сорокаградусный мороз.

107. Капитан уходит к партизанам

В том же большом доме, выходившем на три улицы, где жили теперь Беклемишевы и Зорины, жил и капитан речного парохода. Пароход затопили большевики при отступлении. Его подняли, почистили, покрасили, отремонтировали машину. Теперь пароход был в распоряжении немцев и ходил вверх по Днепру, по Припяти и Сожу. Вся команда парохода состояла из русских и украинцев, и капитан был русский. На пароходе находилась охрана из четырёх немцев.

Однажды пароход был послан на Припять взять там две гружёные баржи. Капитан, у которого дома осталась жена, из поездки не вернулся. Потом стала известна история исчезновения капитана со всей командой парохода. На одном из берегов Припяти появился немецкий офицер и дал знак пароходу привалить к берегу. Офицер поднялся на пароход и приказал капитану изменить маршрут парохода и выполнить для него работу. Капитан отказался изменить маршрут. Он сказал, что имеет приказ своего немецкого начальства и не в его власти менять маршрут.

Разговор происходил на палубе. Сзади немца стоял матрос. Офицер, рассерженный непослушанием, ударил капитана по лицу. Матрос снял рукоятку с лебёдки и ударил немца по черепу. Затем он отстегнул у упавшего офицера кобуру с револьвером, спустился в каюту охраны и застрелил четырёх немцев раньше, чем они успели принять меры к сопротивлению.

---

* В 1925 г. по проекту Е.О. Патона в Киеве был создан Мост имени Евгении Бош (с использованием фрагментов прежнего Николаевского цепного моста, взорванного поляками в 1920-м, однако с совершенно новой конструкцией). 19 сентября 1941 г. по распоряжению командира 4-й дивизии войск НКВД полковника Федора Мажирина он был взорван, при отходе Красной армии, вместе с частями ее арьергарда и беженцами.

После этого капитан и команда покинули пароход и ушли в лес к партизанам. Глеб рассказал эту историю посетившему его бывшему его студенту по Рабочему Институту. Он работал в это время на заводе, бывшей "Ленинской Кузнице". Теперь он назывался просто машиностроительным заводом и находился, конечно, под управлением немцев.

– Я расскажу вам другой случай, – сказал молодой инженер, – жертвой которого стала моя мать. Надо вам сказать, что отец мой был помещиком, а мать крестьянкой. Насчёт отца-помещика я всё скрыл при поступлении рабочим на завод, поэтому меня послали в Рабфак, а потом в Рабочий Институт, и я получил образование. Мать была много моложе отца. Когда он умер, она вышла замуж второй раз, на этот раз за крестьянина. От второго мужа был у неё сын. По специальности он был радиотехником. При немцах он исчез, но ходили слухи, что он ушёл к партизанам. Второй муж матери служил при немцах старостой, так сказать сельской администрацией.

Однажды советские партизаны вышли из леса, сделали набег на село и захватили старосту. Староста предстал перед советским командиром. Командир говорит: за сотрудничество с неприятелем ты подлежишь расстрелу. Староста на это отвечает: как же вы меня будете расстреливать, когда мой сын работает у партизан радиотехником?

– "Хорошо, – говорит командир, – мы это проверим". И через два дня приводят моего отчима к нему опять и командир говорит: "Ты сказал правду, сын твой действительно находится в другом партизанском отряде. Мы тебя не расстреляем, а отпустим домой, но ты должен будешь давать нам знать о всех немецких отрядах, которые будут появляться в селе".

Отчим мой обрадовался: во-первых, живым отпускают, а во-вторых, может быть и медаль заработает впоследствии своей помощью партизанам. Однако у немцев была в селе, а может быть и у партизан, своя агентура. Они доведались о двойной игре старосты. Забрали и отчима, и мать, и их расстреляли...

– Все мы на волосочке висим, – закончил свой рассказ молодой инженер.

108. Рыба спасает от смерти

Чувство голода не покидало Беклемишевых.

– Говорила я тебе уезжать, – сказала Оля, – умирала бы я одна с мамой, а теперь и ты умрёшь. Не перенесём мы голода. Верно и сам ты теперь раскаиваешься, что не уехал.

– Ничуть не раскаиваюсь. Если умирать, так уж лучше вместе. Ты думаешь моя сестра Ольга с дочерьми не голодают теперь в Уфе? Их спасение в том, чтобы их разыскал племянник Володя.*

– Почему же ты не раскаиваешься? Ты всё же был бы не под неприятелем.

– Хотел бы я, чтобы ты меня поняла. Когда я находился в советской среде, я страдал от той подлости, которая кругом совершалась. Иностранцы могли спросить нас, то есть и меня в том числе: как допустили вы, чтобы у вас убивали тысячами невинных людей, уморили голодом миллионы крестьян? Как допустили вы до того, что вами бесконтрольно управлял преступный грузин? Я, конечно, не мог не допустить, но какая-то доля ответственности падала и на меня. А сейчас за уничтожение пленных, за голод, за расстрелы ответственность несёт Гитлер и допустившие его к власти немцы. Мы жертвы, поняла?

– Не совсем. Можно ведь повернуть вопрос и так, что мы ответственны за то, что немцев сюда допустили.

---

* Как мы уже поясняли, это сестра нашего рассказчика Глеба – Ольга Петровна Вакар (1879~1942), урожденная Беклемишева, дочери Екатерина (~1905-?) и Наталья (~1902-1985) и сын Владимир (1900-?). Ольга Петровна умерла в эвакуации.

– У нас нет никакой организации для борьбы. Советская организация, построенная на крови моих друзей, мне так же отвратна, как и организация наци. Я мог бы драться за то, чтобы быть человеком, а у кого быть домашним животным – у Сталина с Ежовым или у Гитлера с Гимлером – не такая уж большая разница. Тут не за что драться... Вот иной пример. Евреи – жертвы Гитлера. Как жертвы они ни за что не ответственны. А вот если бы они перерезали друг друга сами, за это они были бы ответственны. А у нас двадцать лет только и было дела, что компартия уничтожала отдельные слои населения, которые подставляли ей головы под обух.

Подошло время обеда. Ели тыквенную кашу с пшеном. Масла, конечно, не было. После обеда Глеб вышел. Навстречу ему шла женщина. Он с трудом узнал в ней Адамович. Да, это она. Двадцать лет тому назад она работала у него делопроизводительницей. Остановилась, заговорили. Она теперь фолькс-дойче, её мать была немкой. Служит она в Генеральном Комиссариате секретаршей у учёного немца, который ведает всеми рыбными богатствами Украины. Глеб уже знает, что всё в природе принадлежит немцам. Бревно, засыпанное песком на отмели Днепра, и чёрный дуб, лежащий на дне какой-нибудь речонки, принадлежат Райху и не могут быть взяты из песка или со дна без специального разрешения. Точно так же и рыбу запрещено ловить.

– Скажите, – спрашивает Глеб, – не могли бы вы достать мне разрешение на ловлю рыбы?

– Отчего же, это можно. Вы должны организовать артель, обзавестись сетями и лодками. Тогда вы можете получить часть Днепра для ловли рыбы. 50% улова вы должны сдавать немцам.

– Это не подходит. Я могу уделять рыбной ловле только время после работы. Я не имею рыболовных принадлежностей и не могу организовать артели. Я хочу иметь разрешение на индивидуальную ловлю и без сдачи рыбы немцам.

– Это случай необычный. Может я попробую достать вам разрешение на ловлю рыбы с научной целью.

– Вот это меня устраивало бы. Попробуйте подсунуть такое разрешение к начальству на подпись между другими бумагами.

Глеб забыл уже об этом разговоре, когда Адамович неожиданно через неделю принесла разрешение. Тогда возникло другое затруднение, как и чем ловить рыбу. Неподалеку жил рабочий, имевший и лодку, и сеть, имевшую название "паук", но не рисковавший выехать на Днепр без разрешения. Речная немецкая полиция отберёт и "паука", и лодку. Решили заняться ловлей вдвоём, один на вёслах, другой опускает в воду паук.

Ловили до работы. Выезжали в четыре часа утра, а иногда даже с вечера, на всю ночь. Утром, разводя волну, мчался мотор речной полиции. Глеб предъявлял разрешение на ловлю рыбы с "научной целью".

Ранним утром по воде стелился туман. Остановившись где-нибудь под берегом, бросали "паука". Тонкий трос разматывался с лебёдки, и "паук" уходил в воду. Выждав две-три минуты поднимали "паука" из воды. Сверху серебрилась мелкая рыбка, захваченная при подъёме. Снизу висели более крупные рыбы, иногда щука. Накрытые "пауком" они старались пробраться кверху, застревали жабрами в тройной сетке и беспомощно висели.

Тогда Глеб подводил под рыбу "подсадку" и лёгким встряхиванием освобождал её из сети. Она падала в подсадку, как спелый плод. В восемь часов надо было ловлю кончать. Улов, составлявший 8-10 кило рыбы, делился пополам. Оля пускала в пищу только мелочь. Более крупная рыба шла в обмен на молоко.

Глебу на службе хотелось спать. Но утренняя или ночная рыбная ловля его увлекала. Это не была дачная ловля на удочку, про которую говорили "на одном конце удочки червяк, а на другом – дурак", ловля для спорта, времяпрепровождение, развлечение, нет, это была борьба за существование.

Однажды Глеб пришёл на лодочную пристань Добровольского. В гимназические годы Глеба существовали речные станции с лодками напрокат Добровольского и Гороха. Давали лодки также на водной спасательной станции и на Предмостной Слободке. Старик Добровольский уже умер. Глеб застал на станции его сына и один раз ловил с ним рыбу "пауком" особого типа, который надо было тянуть посередине реки против течения. С началом рыбной ловли процесс медленного умирания Беклемишевых прекратился. Хотя полуголодное существование и оставалось, но оно не угрожало прямо жизни.

Однажды к Беклемишевым приехала из деревни старшая дочь Александра Беклемишева Ксения. Она сначала была отправлена на работу в Харьков, а оттуда с другими девушками на работу в Германию. Девушки боялись Германии пуще огня. Многие выбрасывались на полотно через окна на ходу поезда. Некоторые при этом гибли, разбивали головы или лишались ног.

– Надо уметь, – говорила Ксения, – надо прыгать вперёд ногами. Вот я ведь тоже выскочила, только ушиблась.

109. Иван Фёдорович

Инженер Берёзов, Александр Иванович, устроил Глебу переход в Объединённое Управление Заводов. Сам Александр Иванович был там главным инженером, а во главе всего предприятия стоял немец Иван Фёдорович.

Это был балтийский немец, прекрасно говоривший по-русски. Он был не злой человек и неоднократно проявлял своё человеческое отношение к людям. Он освобождал людей, попавших в Гестапо. Один инженер, погорелец, попросил аванс, чтобы обзавестись минимумом мебели. Он стал беспокоиться, заметив, что у него не удерживают ежемесячно часть аванса. Пошёл выяснять, но так с него и не удержали аванса.

Инженер Берёзов болел, и ему доктор вспрыскивал мышьяк. Вспрыскивание повышало аппетит, а удовлетворять его было нечем.

– Ну, как ваше лечение? – спросил Иван Фёдорович.

– Ничего, продолжаю вспрыскивания.

– Я вам пропишу лучшее лекарство, – и он выписал ему несколько бутылок водки. Водка считалась наиболее твёрдой валютой.

На заводах им было введено премирование рабочих продуктами и водкой. Но особенно подкупала рабочих манера Ивана Фёдоровича разговаривать с ними.

– Ах ты, чёрт полосатый, ну и смастерил! – кричал он.

На заводах и верфях была заведена система, при которой во главе завода стоял украинский директор, но при нём был и управляющий немец. Всё, конечно, зависело от инициативности немца. Или он брал все бразды правления в свои руки, или оставался как бы комиссаром при украинском директоре.

На одной верфи таким комиссаром был малоинтеллигентный немец, в прошлом простой мастер в Германии. Он был уже не молодой и любил выпить. Кроме того он завёл у себя небольшой гарем из переводчиц и телефонисток и остальным не очень интересовался.

Заводом управлял молодой украинский директор. Директор этот чем-то настроил против себя молодого инженера Дашкова и одного мастера цеха. Они написали Ивану Фёдоровичу донос, обвинив директора в том, что он тайный большевик. Иван Фёдорович созвал собрание инженеров и мастеров и задал им вопрос, подтверждают ли они обвинение директора в большевизме. Никто из присутствовавших обвинения не подтвердил. Тогда Иван Фёдорович подошёл к Дашкову, снял перчатку и ударил его по лицу. Пенсне Дашкова упало и разбилось, а его компаньон по доносу сбежал с собрания.

Главный инженер Александр Иванович Берёзов был петербуржцем. По специальности он был кораблестроителем. У него было приятное, красивое лицо. Он был всегда вежлив и очень чисто, по-петербуржски, говорил по-русски. Он женился во второй раз. Жена его, тоже бывшая второй раз замужем, была красивой брюнеткой и обладала хорошим голосом.

При поступлении Глеба в Управление Заводами, Иван Фёдорович спросил его, сколько бы он хотел получать. Глеб ответил, что этот вопрос не имеет сейчас значения, так как при любом окладе он всё равно сыт не будет.

– Я понимаю, – ответил Иван Фёдорович, – что это сейчас только вопрос престижа.

Во всяком случае в этом Управлении Глеб чувствовал себя лучше, хотя бы потому, что никакие зондерфюреры им не помыкали, и он был окружён знакомыми ему людьми. Инженера Берёзова он знал не менее 15 лет, секретаршей у начальника была бывшая студентка Глеба.

110. Немецкий суд

Неожиданно Глеб получил повестку в суд. Сначала он долго не мог сообразить, по какому делу его вызывают ответчиком. Потом он вспомнил. В самом начале немецкой оккупации к Глебу пришёл инженер Бережков. Он подобрал ещё несколько человек и предложил организовать компанию на паях для эксплуатации одной мастерской, которая оказалась без хозяина. Он написал устав общества, который предусматривал выбор правления и директора и взнос каждым участником 25 тысяч рублей. Так как ни у кого денег не было, то он считал это простой формальностью.

К сожалению, он не подумал написать, что компания эта с "ограниченной ответственностью". Если имеется такое ограничение, то каждый член компании отвечает только суммой своего пая, в данном случае 25 тысячами. Без этого ограничения каждый участник отвечает всем своим имуществом, включая мебель и одежду. Все участники подписали устав, и Бережков зарегистрировал его в соответствующем отделе Городской Управы. Затем выбрали директором единственного инженера в компании, бывшего капитана речного парохода.

Вскоре выяснилось, что никакой работы в мастерской организовать нельзя. Она была проходным двором для немцев, и каждый немец забирал станок или материал, который ему нравился. Понемногу все инженеры устроились куда-нибудь на работу и совершенно забыли о том, что они члены производственной компании. Не забыл об этом только директор, он же речной капитан. Он напечатал себе соответствующие бланки, заключил с какой-то украинской организацией, конечно подчинённой немцам, договор на постройку двух газогенераторов и взял под них приличный аванс. Время шло, газогенераторы не строились. Наконец организация обратилась в суд. Ответчиками являлись все пайщики компании.

Глеб пошёл в суд, предвидя самое худшее. Надо заметить, что суды в то время делились на украинские и немецкие. И в тех, и в других судьи были немцы, но первые могли разбирать дела, в которых судились украинцы (существование русских обывателей вообще не допускалось), а вторым были подсудны дела с немцами или смешанные. При самом начале рассмотрения дела о двух газогенераторах выяснилось, что один из пайщиков, инженер-строитель, был фольксдойче, и посему всё дело оказалось неподсудным украинскому суду. Ответчикам сообщили, что они получат вызов в немецкий суд. Этот вызов никогда не был получен. Ход военных действий отменил этот суд.

На суде Глеб впервые встретился с этим инженером-строителем, из-за которого суд был отменен. Он рассказал Глебу, что при большевиках строил в Межгорье дачи для высоких партийцев, в частности для Панаса Любченко. Дачи были великолепны, при некоторых строились и бассейны для плавания.

Харьков переходил из рук в руки, и можно было ожидать, что в недалёком времени советские армии появятся над Днепром. Зорины положили на стол блюдечко среди букв алфавита и стали вызывать солидных духов, таких как Ленин, например. Их интересовал вопрос, будут ли большевики в Киеве. Духи отвечали:

– Большевики в Киеве будут, но вы их не увидите.

111. Фронт по реке

Сначала за приближением красной армии можно было следить по газетам. Затем в ясный осенний день послышалась отдалённая канонада, звуки её понемногу усилились, и затем на левобережье появилось зарево пожаров. Уже эвакуировался ряд административных немецких учреждений, вывезли фольксдойче. Уехала и Наталия Захаровна, носившая теперь фамилию Оскерко.

Её муж, работавший в германской хозяйственной организации, эвакуировался в Германию отдельно от неё. Перед отъездом он застрелил свою шотландскую овчарку. Наталья Захаровна везла с собой небольшую собачонку, которую она подобрала года два назад в сточной трубе, как беспризорную.

Что думало население города? Большая часть, вероятно, ожидала большевиков. Немцы, за два года пребывания в городе, сумели внушить к себе небывалую ненависть. Ненависть эту вызвали не столько солдаты, фронтовые немцы, сколько нагло себя державшие наци, одетые в горохового цвета шинели и занимавшие различные административные места в Генеральном и Гебитс Комиссариатах. Профессор Дашков не мог без пены у рта говорить о немцах. Он ждал большевиков, хотя не мог от них ожидать ничего хорошего.

Глеб встретил на улице профессора-экономиста Кистяковского. Он напоминал собою пророка. Он шёл без шляпы и его длинные полуседые волосы развевались по ветру.*

– Знаете? Большевики совсем переродились. Они идут со священниками впереди. Офицеры надели погоны.

Глеб слушал Кистяковского молча. В перерождение большевиков не особенно верил. Он предпочёл бы уехать, но мать Оли была при смерти. Оля не могла её оставить, а он не хотел уезжать без Оли. По городу ходили самые фантастические слухи. Говорили, что немцы заберут всех мужчин.

Однажды, когда вблизи дома показался немецкий отряд, все мужчины, жившие в доме, стали бегать по крыше и прятаться по чердакам. Слух об изъятии всех мужчин подтвердил такой серьёзный человек, как профессор Дашков. Ему передал об этом один работник Городской Управы, а тот знает от немцев. Дашковы решили всей семьёй отправиться с ручными тележками по Брест-Литовскому шоссе. К ним присоединились Глеб и Зорин.

Дело осложнялось тем, что немцы объявили полгорода боевой зоной и предписали всем жителям из неё выселиться. У Беклемишевых не на чём было перевезти больную, если бы даже было найдено, куда её везти.

Было известно, что при выселении жителей Труханова Острова на нём остался больной, который не мог двигаться, и ухаживавшая за ним жена. Немцы пристрелили и больного, и жену. Зорины нашли себе пристанище на Лукьяновке у знакомых и сообщили Беклемишевым, что напротив живёт старушка, которая согласна их принять.

Глеб был в отсутствии, когда к дому подъехал автомобиль, шофер которого был пациентом женщины-врача, жившей в том же доме. Он приехал вывезти своего врача. Шофер согласился приехать опять и перевезти больную. Гонораром служила золотая пятёрка и бутылка водки. Оля перевезла мать без Глеба.

Когда пришёл Глеб, оставалось перевезти минимум необходимых вещей. Ручная тележка Беклемишевых была сломана ранее соседями. Они погрузили несколько узлов на раму сломанного велосипеда, который Глебу как-то удалось раздобыть.

---

* По-видимому, это Александр Александрович Кистяковский (1874-?), о котором практически ничего неизвестно. Кроме того, что он как и остальные его пять братьев (Владимир – 1865 г.р., Богдан, или Федор – 1868 г.р., Борис – 1870 г.р., Юлий - 1872 г.р. и Игорь – 1876 г.р.) был сыном известного юриста и криминалиста Александра Федоровича Кистяковского (1833-1885) и Александры Ивановны, урожденной Михель.

По Вознесенскому спуску вверх двигался поток людей. Они шли, тащили вещи на спинах или на ручных тележках, несли детей, вели с собой животных. Картину эту можно было сравнить только с исходом евреев из Египта.

Посередине подъёма велосипед Беклемишевых развалился на составные части. Положение стало безвыходным. Одна женщина, тащившая через силу тяжёлую тележку, предложила объединить усилия. Сначала Глеб с женщиной отвёз её вещи, потом вернулся с тележкой к Оле и перевёз свои. Расположились в доме старушки на Лукьяновке. Больную положили на единственную кровать, сами легли на полу.

Зорины помещались в доме напротив. "Боевая зона" начиналась в одном квартале от домика. Улица была перегорожена колючей проволокой. Мрачные люди, главным образом женщины, лезли, рискуя жизнью, сквозь проволоку. Они мародёрствовали в брошенных домах. Награбленное они везли в Фастов, Казятин и соседние деревни, обменивали вывезенное на продукты и снова возвращались в город. Иногда из "боевой зоны" слышался выстрел. Это означало, что немцы застрелили одного из мародёров.

Впрочем, в "боевой зоне" были и сознательно оставшиеся люди. Они забирались в катакомбы под развалины домов, с тем чтобы дождаться в них прихода большевиков. Они должны были отказаться от приготовления горячей пищи. Немцы по подымающемуся из развалин дымку находили спрятавшихся и приканчивали их. Они считались "партизанами". Приказ немцев об очистке жителями "боевой зоны" не был бессмысленным. На другой стороне Днепра стояла вражеская армия. В случае перехода части её и возникновения боёв в городе, немцы опасались выстрелов в спину себе. Они знали, что находятся среди враждебно настроенного населения.

Следующим утром Глеб и Зорин пошли на Шулявку, на сборный пункт, назначенный Дашковыми. Они покатили две тележки по направлению к Святошину. Всего было четверо мужчин и одна женщина: Дашковы – муж, жена и сын, Зорин и Глеб. Глеб держался правила, никому ничего не советовать. Никто не знает своей судьбы. Каждый должен сам брать риск на свою ответственность. Его всё же удивляло поведение и Дашковых, и Зорина.

Зорин сидел в тюрьме, имел поражение в правах, эвакуировался с большевиками, отстал от них в Александровске и вернулся в Киев. На его месте Глеб не стремился бы к встрече с большевиками. Молодой Дашков был советским офицером, оставшимся в городе, занятом неприятелем.

– Как вы думаете объяснять своё присутствие в городе под немцами? – спросил его Глеб.

– О, у меня есть друзья в партийных кругах.

– Я знаю такой случай, – сказал Глеб, – во время наступления Наполеона в 1812 году в Смоленске остался прокурор русской службы. Наполеон любил привлекать к себе на службу местных людей. Он послал за прокурором и предложил ему поступить на французскую службу. Прокурор отказался.

– Как, – воскликнул Наполеон, – значит, вы против меня, вы будете мне вредить?

– Нет, – ответил прокурор, – я готов дать вам подписку, что я не буду вам вредить.

И прокурор написал: "Я обязуюсь не вредить императору, если и он, император, мне вредить не будет".

После изгнания Наполеона прокурора предали русскому суду и по суду оправдали. Это был суд Александра Первого*.

---

* <…>Надворный советник [Алексей Григорьевич] Вакар, рапортом от 9 декабря 1812 года доносил министру юстиции:

По приближении неприятеля к Могилеву, он готов был с семейством своим выехать из города и 6 июля уведомил о том гражданского губернатора графа Толстого, который однако же обнадежил его, что опасности нет еще. На другой день, то есть 7 числа поутру, собрались к губернатору все чиновники. Некоторые просили позволения выехать, а другие – лошадей, как для дел, так и для себя<…>. Но гу-

– Я сомневаюсь, чтобы его оправдал суд Сталина.

– О! У меня есть ещё одно обстоятельство. Немец ударил меня по щеке.

– Это факт. Вопрос в том, за что он вас ударил.

Процессия с тележками двигалась довольно медленно. Тележки были тяжело нагружены, и центр их тяжести перемещался так, что на оглобли надо было наваливаться грудью. В Святошино один молодой немец предлагал купить у него лошадь. Это было заманчиво – запрячь лошадь в тележку. Но кто-то из прохожих отговорил.

– Вы думаете, как он получил эту лошадь? Он отобрал её у такого беженца, как вы. Вы купите лошадь у одного немца, а через две версты у вас отберёт её другой немец.

Перешли по мосту через Ирпень. Расположились на ночлег в одиноко стоявшем доме. Хозяева ещё были в нём, но и сами собирались уходить. Умываться пошли к ручью. Солнце садилось. Вдруг налетели вооружённые люди: "Кто вы такие?". Дашков объяснил, что беженцы, мол, из Киева.

– После захода солнца не ходите. Неизвестных людей здесь стреляют.

Спали на жёстком полу. Всю ночь из Житомира на Киев шли по шоссе большие немецкие моторные вагоны. Не так далеко гремела канонада.

Утром Глеб и Зорин решили идти в Киев на разведку, у них в Киеве оставались жёны. Семья Дашковых была в сборе, она оставалась за Ирпенем. Расцеловались с Дашковыми. Неизвестно, удастся ли увидеться. В город шли налегке. Оставили даже то, что брали с собой.

Город жил своей прифронтовой жизнью. Те, кто хотел уехать, уже уехали. Уехала семья профессора Коваленко, уехала семья инженера Радзиевского. Глеб встретил его и расцеловался с ним на Безаковской улице.

Придя на Лукьяновку, Глеб застал Олю у постели матери, а Зорин нашёл свою жену. Днём держали совет все вместе, сидя в саду у Зориных. Выдался

бернатор в том отказал, уверяя о безопасности и скором прибытии корпуса генерала Раевского. <…>Когда <…>уже губернатор удостоверился о скором нападении неприятеля на город, и, по просьбе артиллерии полковника Грессера, позволил Вакару выехать из города, Вакар не успел добежать до двора, как уже началось под городом сражение, а по выезде из дома повстречал на улицах и неприятеля. – Почему принужден был возвратиться в дом, который запер для спасения от грабительства. <…>Вакар до начатия еще присяги ушел домой, но из оного был призван в церковь посланными. На поданном ему присяжном листе он подписался следующим образом: ”в том, что не буду вредным, подписуюсь, - имя и фамилия”, но чина и звания не подписал, потому что при всяком удобном случае, обязан был служить своему законному Государю.

<…>12 октября [Могилевский губернский] прокурор Вакар был потребован к маркизу Далорну, который <…>объявил, что он обязан восстановить в Могилеве присутственные места и чиновников, по повелению Наполеона, вследствие чего и Вакар назначается прокурором. Последний отказывался от такого назначения, отговариваясь незнанием французского порядка и законов<…>. 24 октября Вакар был вторично призван к маркизу<…>. <…>Маркиз вновь предъявил требования Вакару занять должность прокурора, – на что есть воля Наполеона, повелевшего всех чиновников восстановить по-прежнему. Но Вакар решительно от этого отказался, говоря, что Российский Император имеет все право на его верность и преданность. <…>Так как носились уже слухи о ретираде неприятеля, то Вакар решился медлительностью спастись от возлагаемого на него дела. Вышло так: маркиз отлучился в уезды, а Вакар 4 ноября заболел горячкою, во время которой болезни неприятель из Могилева бежал, а 12 числа в город вступили российские войска под командой генерала-адъютанта Ожаровского, но вскоре прибыл генерал-лейтенант Шепелев, который управлял в Могилеве временно и гражданской частью. <…>1-го декабря Вакар и сам был у генерала и говорил с ним о делах и чиновниках<…>.

<…>Министр юстиции довел объяснение Вакара до сведения Комитета министров и спрашивал разрешения, повелено ли будет после сего числить надворного советника Вакара при герольдии. Комитет министров, не находя достаточными оправдания Вакара, в том, что он подписал присягу неприятелю<…>, положил: Его, Вакара, как ненадежного чиновника, от службы отставить. В 1815 году Вакар просил у герцога Александра Виртембергского покровительства к возвращению ему прежнего места с жалованием или же к получению другого соответственного. <…>Кажется, Алексей Григорьевич Вакар так и не поступил более на службу, а прожил до конца жизни в имении, занимаясь сельским хозяйством. – ***Мурзанов Н.А. Девица Марфа Павловна Мусина-Юрьева. Летописи историко-родословного общества, Вып. 1, 1909***

чудный осенний день, было начало октября. Георгины разных цветов, ещё не тронутые морозом, ласкали глаз. Но слух воспринимал неприятные звуки. Со стороны Пуще-Водицы доносилась яростная пальба. Там, уже на этой стороне Днепра, шло танковое сражение. В этот момент, под этим ласковым солнцем умирали люди, может быть сгорали в своей железной могиле... Четыре человека обсуждали планы своего дальнейшего поведения.

– Что касается меня, – говорила Зорина, кусая ногти, – то я Мишу спрячу. Здесь есть прекрасный подвал под сараем. Вход в подвал можно замаскировать, засыпать землёй.

– Вряд ли удачный выход, – возразил Глеб. – Ожидать прихода большевиков придётся, может быть, месяц. Тысячи случайностей могут привести к открытию немцами тайника. Тогда – расстрел. Но допустим, что Мише повезло и он досидит живым до прихода большевиков. Что он получит? В лучшем случае 10-15 лет лагерей... Я завтра пойду на завод, – закончил Глеб.

Зорин присоединился к нему, и они оба пошли на завод, расположенный недалеко от вокзала. От дома на Лукьяновке до завода они не встретили ни одного немца.

– Что за чудеса, – сказал Глеб, – может быть, немцы уже покинули город?

Но нет, на заводе они ещё были. Конечно, на заводе не было никакой производственной деятельности. Снимали с фундаментов и грузили в вагоны станки. Другие немцы вырывали из земли на улице медные кабели. Проезжали грузовики, гружённые даже старой мебелью. Немцы подбирали всё под метлу.

Население уже выгонялось из той части города, которая не была объявлена "боевой зоной". Оставаться в городе пока могли только люди, работающие в предприятиях, и члены их семей. Они имели карточки, куда каждый день ставился штемпель с числом. Это делалось в проходной будке. Кроме того, имели белые нарукавники. Тем не менее, бывали случаи, когда семью рабочего хватала полиция и вывозила. Дочь инженера Зайкина вышла на улицу и не вернулась. Родители нашли её через много времени в Германии. Она работала прислугой у немецкого пастора.

Люди чёрные, мрачные, двигались по улицам, как тени. Небольшая группа стояла у стены, на которой была наклеена, написанная карандашом, бумажка – Сводка советского информбюро: "Советской армией освобождены, на подступах к Киеву, Нежин, Дарница, Бровары. Держитесь, товарищи, скоро мы вас освободим". Население города убывало. Одни, положив чемодан и узел на ручную тележку, катили её по дороге на Васильков (движение на Житомир было немцами закрыто), другие садились в поезда и вылезали в Фастове, Казятине или Жмеринке, третьи ехали в поезде за Ровно и Дубно, в пределы Польши.

В городе оставалась только одна больница, и Глеб получил в ней место для матери Оли. Он нёс её с тремя рабочими на носилках. По дороге поставили носилки на землю, чтобы отдохнуть. Оля обратила внимание на заросшего бородой человека. Подошли к нему.

– Яков Аркадьевич, вы?

– Как видите.

Это был интеллигентный еврей, бывший заведующий клубом. Его удалось спасти его жене, ставшей фолькс-дойче. Так он просуществовал два года.

– Ну, теперь вам уже недолго осталось ждать. Немцы продержатся в городе не больше двух недель.

– Возможно. А потом мне придётся оправдываться перед большевиками, почему я остался жив.

Пожелав друг другу удачи в спасении своей жизни в этой кровавой заварухе и пожав руки, расстались.

Мать Оли была поручена знакомой сестре милосердия. Мозг её уже плохо работал. Слыша выстрелы, она говорила: немцы наступают? Из больницы Глеб пошёл на завод. У Брест-Литовского шоссе он встретил Ивана Васильевича Солодовника. Он был очень худ. Оказывается, он только что встал после

перенесенного тифа. Тут же подошёл кто-то из его сослуживцев по Городской Управе.

– Иван Васильевич, вы ещё не уехали.

– Я уеду с последней партией.

Глебу показалось, что он отвечает как-то без уверенности, как будто он и не думает уезжать. Попрощались. Глеб сам ещё не знал, что с ним будет. Новый приказ. Лукьяновка тоже превращена в "боевую зону". Работающие на заводе переселяются на Караваевскую улицу. Эта улица уже была ранее в "боевой зоне". Дома стояли пустыми. Мародёры прочистили их уже несколько раз. Смешно было смотреть, как люди, вселяясь в эти пустые дома, выбирали комнаты поудобней.

– У меня, знаете, в комнате диван и пианино.

Неужели они не понимали, что это устройство на три, может быть на пять дней? Беклемишевы и Зорины поместились в одноэтажном доме, выходившем на улицу. Недалеко был инженер Зайкин, больной человек и хороший конструктор, с нервной своей женой. Это их дочь забрали на улице, и она оказалась потом в Германии у пастора.

Соседние дома стояли пустыми и смотрели своими тёмными окнами в Ботанический сад. Часть забора сада была повалена. Вечером Глеб перешёл улицу и вошёл в сад. Луна катилась из-за облаков. Где-то далеко в боевой зоне горел пожар. Выла собака, как по покойнику. Воспоминания охватили Глеба: сюда, в Ботанический сад, водила его ещё мать. Тут он собирал каштаны, освободившиеся при падении от зелёной, колючей кожуры. С другой стороны Ботанического сада стояли каменные бабы, оставленные на курганах неведомыми народами. Сюда ходил он с Олей, только что окончившей гимназию... Он оглядывался назад на жизнь, которая протекла в этом городе и сейчас, вероятно, близка к своему пределу...

Он вернулся в разграбленную квартиру и лёг на спинку клеёнчатого дивана, положенную на пол. Всю ночь с равными интервалами стреляло какое-то орудие, был слышен сверлящий звук уходящего снаряда.

Большевики тоже стреляли из-за Днепра, но только днём. Вчера снаряд разорвался на Галицком базаре. Осталось пятно крови. Кого-то унесли...

ГЕРМАНИЯ

112. В неизвестность

На следующий день Иван Фёдорович собрал всех рабочих на заводском дворе. Положение в городе, по его словам, меняется. Теперь в городе имеют право оставаться только работающие на заводах. Они получают красные нарукавные повязки. Все остальные, в том числе и члены семей работающих, должны город покинуть. Те члены семей, которые хотят в городе остаться, должны сами стать на работу. Каждый рабочий может сделать выбор, или оставаться работать на указанных условиях, или уйти с семьёй из города. Кто хочет остаться, пусть станет направо, желающие уехать – налево.

Глеб и Зорин стали налево. Железнодорожный состав был подан прямо на завод. Теплушки оборудовали под длинный путь. Были построены нары и поставлены чугунные печки-времянки, трубы от которых выведены через крышу.

– Вы поедете без всяких сопровождающих немцев, – сказал Иван Фёдорович, – это представляет опасность в том отношении, что в любом пункте дороги, где ваши вагоны понадобятся для военных грузов, вас выкинут из состава. Мы примем против этого такие меры: в каждый вагон мы что-нибудь погрузим – трубы, свинец в чушках, цинк. Вас выбросили бы без разговоров, а материал, направляемый в Германию, не посмеют выкинуть.

Прошла последняя ночь под крышей разграбленного домика. По-прежнему одиноко стреляла пушка. Где-то в штабах обеих армий велась ночная работа. Намечались обходные движения, подвозились понтоны для переправы через Днепр, по разбитым дорогам во фланг неприятелю двигались танки. В тыл врагу

залетали самолёты и сбрасывали связных в расположение "партизанских" отрядов, засевших в лесах.

Тысячи людей в то же время двигались с убогим скарбом на тележках, стараясь не быть раздавленными между двумя могучими и слепыми силами. Железнодорожный состав простоял почти весь день на заводе. Потом маневровый паровоз покатил его сначала на товарную станцию, затем опять в район пассажирского вокзала.

Оля побежала в больницу, к терявшей сознание матери, а у Глеба забирало сердце: путь Оли лежал через Еврейский базар, где падали советские снаряды, а состав мог отойти в любой момент, а мог стоять и сутки. Для него расписания не было. Люди сидели уже по вагонам, с узлами, некоторые с собаками. В одном вагоне ехала даже канарейка. Глеб в волнении бегал по шпалам. Показалась Оля в слезах. Наконец настал момент, когда поезд двинулся. Мимо мелькнула Шулявка, пробежали назад здания Политехнического Института, с которыми у Глеба было связано столько лет. Пост Волынский, где он с Дмитрием Евстафьевичем Белингом и доктором пересели в запасный состав бронепоезда в 1919 году. Как давно всё это было.

И вот сейчас он и Оля покидают не только родной город, но возможно и страну, отправляясь навстречу неизвестности, вероятнее всего – смерти. Вещи, которые они везли с собой, были выбраны по принципу, свойственному людям, выскакивающим из горящего дома. Они, правда, не взяли с собой мышеловку, но взяли мясорубку и французский гаечный ключ. Они оставили все, накопленные за много лет, фотографии, о чём будут потом жалеть. Но ведь ехали они не для жизни, а для смерти. Правда, Глеб считал, что человеку свойствен инстинкт жизни и он должен смерть отдалять и с обстоятельствами бороться, даже зная, что борьба безнадёжна.

Советская армия освободила разрушенный ею же Киев, 6 ноября 1943 г.

Поезд набирал ходу. Под нарами поместилась семья техника. С ним ехала жена и двое детей.

– О! Я жил за границей, – говорил он, – у меня друзья в Париже. Я ведь эмигрировал в 1920 году, а потом через несколько лет нелегально высадился в Крыму и стал советским человеком. Видите, пустил корни здесь, женился, обзавёлся детьми. Да, я знаю Париж, как пять пальцев, меня этим не испугаешь.

Однако, техник с семьёй вылез на станции Казятин*. По дороге, всё чаще, попадались сброшенные партизанами под откос поезда, паровозы с задранными вверх колёсами, разбитые вагоны. Около станций были устроены палисады или блокгаузы, в которых сидели вооружённые мадьяры. Они несли охрану железной дороги.

Миновали Здолбуново и Ровно. Началась Польша. Ехали уже четыре дня. Пищу готовили на чугунной печке в очередь. Иногда поезд останавливался в пути, и тогда с убранного поля удавалось достать оставленную кочерыжку капусты. На больших станциях с открытых платформ брали картофель и уголь для печей.

Поезд шёл по неизвестному направлению. Показался большой город. Поезд огибал его. Это был Львов. Поезд стал между другими составами на запасных путях. Мужчины выскакивали на шпалы и шли на вокзал. За вокзалом кантина [(землянка, подвальчик)]. Немецкие девушки выдают солдатам хлеб, колбасу, масло.

– А где снабжают беженцев?

– В городе, на такой-то улице.

– В городе? это хуже. А сколько времени простоит здесь поезд?

Человек десять идут к дежурному по станции. Дежурный – немец, но он куда-то вышел. В помещении дежурного вертится поляк-переводчик.

– О! Вы можете ехать в город. Поезд простоит во Львове два часа. Я-то уж знаю. Без меня не отправят.

В поезде 250 человек, провизия у которых на исходе. Восемнадцать человек должны принести провизию для двухсот пятидесяти. Взяв мешки, они едут на трамвае по указанному адресу. Среди них Глеб и Зорин. Нашли большую столовую, но заведующий столовой сам провизию отпускать не может. Разрешение надо получить у немцев в другом месте.

Двое отказываются от дальнейшего путешествия и возвращаются на вокзал. Шестнадцать человек опять едут на трамвае, находят немецкую канцелярию и получают разрешение. Возвращаются в столовую.

– Сколько вас человек?

– В поезде 250 человек.

– Ведите их сюда.

– Мы не можем. Поезд на путях и вскоре отправляется. Мы пришли за сухим пайком.

– Мы сухих пайков не выдаём. У нас можно только обедать.

Шестнадцать человек возвращаются не солоно хлебавши на вокзал. Поезда нет. Вот он тут стоял недалеко от крана [для заправки паровоза водой] и его нет.

– Да, он стоял, – отвечает немец, – но десять минут назад ушёл.

Двое бегут к поляку-переводчику.

– Что же, панове, я мог сделать. Поезд отправляют немцы, не я.

– Куда же он ушёл?

– Да вы не беспокойтесь. Поезд ушёл на пересоставление, а потом вернётся сюда опять.

Но переводчику никто не верит. Всё-таки удаётся выяснить, что поезд ушёл на Перемышль. Удастся ли его догнать? На путях стоит поезд с двумя паровозами, отправляемый на Перемышль. Немецкая кондукторская бригада принимает участие в судьбе отставших и пускает их в свое помещение. До отправки поезда остаётся пять минут. Приходит немецкий офицер.

– Поезд военный, – заявляет он, – я не могу допустить в нём посторонних людей.

Всех выгоняют. Последняя надежда гибнет. Большие колёса паровозов приходят в движение. Все лезут на ходу на тендер второго паровоза. Сидеть неудобно. Можно сорваться. Но, слава Богу, никто не гонит. Поезд набирает ходу. С утра никто не ел. Голод усиливает мрачные мысли.

---

* По-видимому, это немного русифицированный украинизм (или наоборот): на русском языке – город и ж/д станция Казатин, на украинском – Козятин.

– Какой я идиот, – думает Глеб, – из-за какого то пайка отстал от поезда. Собственно, никаких шансов найти Олю. Она едет в неизвестность с вещами, но без документов. Он с документами сидит на тендере паровоза, который тоже идёт неизвестно куда. Кто будет разыскивать их эшелон? Идёт война, никому нет дела до группы голодных, отставших от поезда "ауслендеров" [(иностранцев)].

Никогда не быв за границей, Глеб уже в эшелоне чувствовал себя, как путешественник, вылетевший в снаряде за пределы земной атмосферы. Но под ним был пол и колёса, над ним крыша и, главное, с ним была Оля, которую он должен был доставить в какую-то тихую пристань. Сейчас он потерял и этот угол сомнительной устойчивости. Он как бы выпал из пространственного снаряда в безвоздушное пространство и стал описывать неизвестную траекторию между небесными телами.

Пошёл мелкий дождь. Ехали уже больше трёх часов. Стало темнеть. Теперь не было уже никакой надежды. Проходя через большую станцию, можно даже не увидеть в темноте свой потерянный эшелон. Руки, которыми он держался за железный люк тендера, стали мёрзнуть. Одежда намокла. Стенки пустого желудка слипались. Последующие опасности, бомбардировки и превратности бегства, никогда не приводили его в такое отчаяние.

Поезд приближался к большой станции. Колёса застучали на стыках рельс и на стрелках. Стало уже темно, и на станции горели фонари. Вдруг кто-то закричал: наши, наши! На одном из путей стоял состав, над крышами которого торчали трубы от печей. Люди стали прыгать с тендера на ходу. Через минуту они уже обнимали своих, тоже перепуганных их отсутствием. Казалось, случилось чудо. Киевский состав дождался отставших в Перемышле. Ночью он пошёл дальше.

Серое утро открыло незнакомую страну. К зданиям заводов тянутся серые вереницы людей. Опять большая станция – Пильцовизна*. Оказывается, это предместье Варшавы. Глеб выходит на разведку, зашёл в железнодорожные мастерские. Разговорился с рабочим: можно ли здесь остановиться? Отчего же, он может свести "пана" к одной учительнице. У неё пока можно устроиться. Глеб возвращается в вагон. Совещание с Зориным и Зайкиным. Зорины согласны остановиться. Зайкины боятся оставить эшелон, но не хотят отставать от Беклемишевых и Зориных. Глеб считает, что ехать с эшелоном в Брест-Литовск нет смысла.

Война докатится скоро и до Брест-Литовска. Чем дальше на запад, тем лучше. Вынесли вещи из вагона и перебросили их через железнодорожный забор, затем перелезли сами. Школа недалеко. Учительница оказалась интеллигентной полькой. Брат её, при самостоятельной Польше, был послом в одной из стран Запада. Учительница предложила занять кухню. Все шесть человек легли спать на полу. На другой день Беклемишевы поехали в Варшаву. Нашли банк и обменяли украинские оккупационные деньги на польские. Затем нашли адресный стол и получили адрес Маши, двоюродной сестры Глеба. Потом попали на базар. На базаре было всё, что угодно, масло и сало, но цены были очень высокие.

По данному адресным столом адресу нашли Машу. Муж её голландец был представителем большой голландской фирмы. Теперь его не было в Варшаве, он поехал в Голландию. Глеб видел его, когда он приезжал при немцах в Киев, но мог говорить с ним только через переводчика. Он владел голландским, немецким, английским и польским языками, но Глеб ими не владел.

Маше было 36 лет, и у нее имелся славный восьмилетний мальчик. При ней жила и её мать, Анна Ивановна, которую Глеб помнил по своему детству.* Маша занимала большую квартиру, которая показалась Беклемишевым, после советских

---

* К сожалению, изучение Интернета, в том числе схем пригородных железных дорог Варшавы, не позволило подтвердить это название, вполне возможно, что оно после 1944 года было изменено.

* Речь идет о дочери от первого брака Анатолия Модестовича Вакара – Марии (родившейся в 1907 г.), ее муже Фреде Вальтершейде и их маме/теще Анне Ивановне, в девичестве Мушкиной.

условий и после теплушки, совсем барской. Оля, осмотрев ванную комнату, сказала: я бы согласилась жить в такой ванной комнате.

За обедом, кроме Беклемишевых и хозяйки, были инженер Сухенько и Анатолий Петрович Тельман, который в своё время чудом избежал ареста в Киеве по делу Центра Действия[**].

Маша смотрела на положение таким образом, что Варшава войдёт в зону военных действий, и поэтому Беклемишевым не следует здесь задерживаться. Инженер Сухенько передал Глебу немецкую продовольственную карточку для находящихся в пути и обещал написать письмо своей племяннице в Вене и просил Глеба передать ей небольшую посылку. Условились, что на следующий день Маша пригласит своего брата с женой[***]. И его, и Машу Глеб не видел более 25 лет.

На обратном пути успели немного осмотреть Варшаву. Она была ещё почти совсем цела, но производила очень мрачное впечатление. На тумбах для объявлений висели красные листы с фамилиями расстрелянных поляков. Листы эти постоянно обновлялись, и на них бывало по 250 фамилий. Немцы проводили жестокий террор. Поляки отвечали на террор террором. Вечером на улицах часто стреляли в немецких офицеров. Стреляли и в иностранцев, работавших в учреждениях при немцах. Так, в это время беженец из Киева, инженер Тумасов, теплотехник, устроился в Кракове на электрической станции. Вечером к нему позвонили. У порога стоял польский почтальон, одной рукой он протягивал почту, а другой убил Тумасова наповал из револьвера.

– Маша права, – говорил Глеб Оле, – задерживаться в Варшаве нельзя.

Зайкина тем временем побывала в русском комитете города Варшавы, говорила с его председателем господином Войцеховским и совсем настроилась оставаться в Варшаве. На следующий день Беклемишевы опять были у Маши.

Брат её, которого Глеб помнил только мальчиком, оказался профессором, небольшого роста и с каким-то неуловимым дефектом речи. Жена его, которую он отбил у своего племянника, разведя её с ним, произвела на Беклемишевых неприятное впечатление. Помимо всего она была коммунисткой. Маша рассказывала о даче, которую имел её муж в тридцати километраж от Варшавы. Она поехала летом на эту дачу, но потом отказалась от мысли там оставаться. Дачу всё время посещали разные партизаны. Сначала пришли еврейские партизаны и забрали много вещей. Вслед за ними пришли польские партизаны, встретили еврейских и заставили их большую часть вещей вернуть, хотя Маша этого и не требовала.

Вечером в кухне у учительницы было совещание. Зайкина хотела оставаться в Варшаве, Беклемишевы хотели ехать дальше. Зорины присоединились к Беклемишевым. Тогда и Зайкины решили ехать. Часть польских денег обменяли по повышенному курсу на немецкие марки. Закупив хлеба и сала пустились дальше в неизвестность.

113. Вена. Шретерсбург

Ночью поезд перешёл границу неподалеку от Ченстохова. Таможенные чиновники стали было осматривать вещи, но потом махнули рукой. Светало. Поезд шёл по Германии. У Глеба, который никогда не бывал за границей, сжималось сердце. Всё чужое: аккуратненькие домики, кирхи. Он смотрел на этот

[**] См. главку “56. Гость из Парижа“. См. также:

Дело Киевского областного “Центра действия”. – К., 1927. – XII, 820 с. *Процес 1924 р. проти членів Центральної Ради та інших культурних діячів.*

[***] Это Алексей (Алексы) Вакар (родившийся в 1898 г.), польский ученый-экономист. Вплоть до своей смерти в 1966 г. будет исследовать системы управления экономикой социалистической Польши и пути её совершенствования. Имя его супруги установить не удалось.

незнакомый вид, как тонущий глядел бы на морские водоросли и чудища, проносившиеся мимо него, по мере погружения его на дно.

Затем пошли мелкие клетки огородов с летними домиками. Приближались к Вене. Мост через Дунай. Вот он "Блю Денью" – "Голубой Дунай" Иоганна Штрауса. Сюда, в Вену ездили в прошлом столетии и в начале этого столетия русские туристы провести весело время и спустить деньги. В 1907 году здесь проезжал Владимир Викторович Вакар с женой и сыном. Ему угрожала царская тюрьма, и он бежал от неё, но как бежал? Бежал со всеми удобствами и получая деньги от родителей*.

Поезд остановился под навесом перрона. Станционное начальство произвело осмотр багажа, в частности просмотрело несколько технических справочников Глеба. Зайкина позвонила по телефону в общежитие, где жили прибывшие раньше киевляне. Обещали прислать автомобиль, но вряд ли сегодня.

Ночевать пришлось сидя на стульях в зале ожидания. Станционный чиновник потребовал сначала забрать все вещи, но, получив от Оли четверть литра водки, сменил гнев на милость. Вещи благополучно пролежали ночь у дверей камеры хранения, киевляне просидели ночь в другом зале.

Днём прибыл автомобиль. Погрузили вещи и сели сами. Оля сидела рядом с немцем-шофером. Он занимал её разговором.

– Что делать? – спросила она Глеба, – он всё говорит, а я ничего не понимаю.

– Скажи ему: "Их кан нихт ферштехен" [("Я не понимаю")].

Оля добросовестно повторила фразу, и шофер замолчал.

Киевляне жили в двух подвальных комнатах, в страшной тесноте. Поместить приехавших было негде. Тут была секретарша Ивана Фёдоровича – Яновская, Александр Иванович Берёзов с женой и другие. Все работали на физической работе, только Берёзов получил особый френденпасс** и готовился к отъезду в Братиславу, где получал должность по управлению пароходством в Словакии. Многих киевлян, уехавших в Вену, здесь уже не было. Их отправили в Киль.

Осевшие в Вене киевляне выхлопотали вновь прибывшим право переночевать в механических мастерских. Легли на полу между токарными и фрезерными станками. На следующий день им было приказано отправиться на окраину Вены в так называемый "французский лагерь", через который пропускались все вновь прибывшие.

Здесь были и поляки и очень шумные греки, но больше всего молодых французов. По существу это был невольничий рынок, куда являлись немцы для набора рабочей силы для своих учреждений.

Спали на двухъярусных кроватях. Три раза в день получали похлёбку с нарезанной колбасой. Она была даже неплоха, но её было очень мало. Лагерфюрер и его помощник были одеты в белые халаты и поэтому выглядели как

---

* См. выше, в главке "22. Владимир Викторович":

В 1905 году Владимир Викторович написал статью в газете "Киевское Слово". <…>Но упомянутая статья 1905 года была другого характера, и в ней усмотрели призыв к ниспровержению существующего строя. Делу дан был законный ход, но ход медленный и в 1907 году, когда можно было ожидать приговора, Владимир Викторович уехал за границу с женой и маленьким сыном Гогой. <…>Марии Антоновне жизнь за границей очень нравилась, но Владимир Викторович нервничал. Особенно после того, как он узнал, что его приговорили заочно к году крепости, он не находил себе покоя. Что же делать? Навсегда превратиться в политического эмигранта? Влачить жизнь за границей, не видеть отца с матерью, брата? <…>Осенью 1907 года в Бланкенбурге Владимир Викторович решил окончательно возвращаться в Россию и отбыть наказание в крепости. По прибытии из-за границы он был посажен в одиночку, знакомой ему по студенческим временам Лукьяновской тюрьмы, в Киеве, которая засчитывалась в качестве "крепости". <…>Владимир Викторович был человеком очень тонкой нервной системы. Он много передумал за год "крепости" и, войдя в камеру социал-демократом большевиком, вышел из неё христианским социалистом.

** Frendenpass – специальный паспорт для иностранцев, типа Нансеновского (временные удостоверения личности, заменявшие паспорта для беженцев и лиц без гражданства)?

хирурги в операционном зале. Охрану контрольной будки несли хорваты, а раздачу похлёбки производили русские парни, которые сами съедали по пять порций и имели лоснящиеся физиономии. Выпускали из лагеря по особым пропускам и не раньше пяти часов вечера. Беклемишевы съездили к своим киевлянам, жившим в подвале, побывали на Мариненгильфештрассе [(Mariahilfer-straße)] и посетили племянницу инженера Сухенько.

Магазины в центре Вены, несмотря на военное время, поражали своими витринами. К центру Вены от лагеря надо было ехать долго. Незнакомые улицы при незнании языка пугали.

– Как бы нам не проехать остановки, – сказал Глеб Оле.

И тотчас же кондуктор спросил его по-русски:

– А какую остановку вам нужно?

Глеб ответил, и кондуктор объяснил ему, где вставать.

– Откуда вы так хорошо знаете русский язык?

– А я был в плену в России в войну 1914-18 годов.

Потом в трамвае произошёл инцидент. Немец требовал, чтобы сидевший русский парень уступил кому-то место. Парень отказался, и немец ударил его. Публика в трамвае разделилась – одни осуждали ударившего, другие оправдывали его. Беклемишевы сошли с трамвая и остановились в недоумении, куда идти. Они знали название проулка, но не знали в какой он стороне. Плана Вены у них не было. И опять, услышав русскую речь, остановился офицер в немецкой форме.

– Какой вам проулок? – спросил он по-русски. – Это близко, второй поворот направо.

На углу стоял газетчик. Глеб остановился купить газету, продолжая говорить с Олей. Газетчик был слепой. Он тотчас же вмешался в разговор на русском языке.

– Вы говорите по-русски. Вы вновь прибывшие? Я в Вене уже 22 года. Может я могу быть вам чем-нибудь полезен?

Племянница Сухенько была родом из Харькова. Муж её был немец, работавший в Советском Союзе, как специалист. Там он познакомился с племянницей инженера Сухенько и женился на ней. Вывезти жену в Германию он не мог. Сначала их разделила граница, а потом и военный фронт. Во время оккупации немцами Харькова он нашёл жену и увёз её в Вену. Он работал в организации "Тодт". Глеб производил это название от немецкого слова "смерть" [(Tod)], поэтому оно звучало для него угрозой. Потом он узнал, что "Тодт" была просто фамилия немца создавшего эту вспомогательную, по отношению к военному аппарату, техническую организацию.

Племянница Сухенько приняла большое участие в судьбе Беклемишевых. Она посетила их в лагере, познакомила их с венскими жительницами, молодой русской дамой и её матерью, предлагала, что муж её возьмёт Глеба из лагеря и устроит на службу в организацию "Тодт". Тогда Глебу надо будет поехать на работу в Италию, но одному, Оле надо будет жить отдельно в Австрии или в Германии. Глеб поблагодарил, но отказался: время военное и при всех обстоятельствах он не хочет расставаться с женой. Если придётся умереть, то они предпочитают умереть вместе.

У Беклемишевых получилось впечатление, что в Вене в это время было много русских. В самом лагере вместе с ними, Зориными и Зайкиными, находилось несколько интеллигентных семейств, приехавших из Симферополя. На улице они встретили русского ломового извозчика с площадкой и лошадью. Он долго жаловался на обстоятельства, а потом спросил, нет ли у них ценных вещей для продажи.

В воскресенье Беклемишевы встретили в трамвае двух украинских девушек. Они ехали на Пратер*. Пратер в воскресенье был местом встречи подневольных рабочих и работниц. Девушки работали у венской хозяйки, имевшей ресторанчик. Она давала девушкам выходной день в среду, но заставляла работать их в воскресенье. Для них же воскресный день был незаменим. В воскресенье на Пратере они могли встретиться со своими земляками и землячками. И теперь в воскресенье они приоделись и, самовольно покинув "гнедиге фрау" [("благосклонную сударыню")], торопились на Пратер.

Потом Беклемишевы встретили русского парня, работавшего у фермера под Веной.

– Мой хозяин картошку лопает, а я сало ем.

– Как же вы заставляете его так кормить вас?

– А иначе я и работать не буду. А если фермер плохой, я от него ухожу.

– И куда же вы идёте?

– Иду в Вену и прямо к первому полицейскому. Он меня спрашивает, кто я такой. Я ему объясняю, что я "остарбайтер" [("восточный рабочий")] и что я убежал от фермера. Полицейский отводит меня в тюрьму, и там я сижу неделю. Через неделю меня приводят к судье, а судья приговаривает меня к работе у фермера. Таким образом я попадаю к новому фермеру. Если он хороший человек и хорошо меня кормит, я у него остаюсь. Если нет, я опять убегаю.

– А сейчас вы у хорошего фермера?

– Да, этот фермер хорошо меня кормит и отпускает, вот как сейчас, в Вену погулять. А вообще эти фермеры несознательный народ.

– Почему же несознательный?

– Ну, как же? Делают винный погреб прямо в чистом поле и кроют его черепицей. А наш брат возьмёт, одну черепицу снимет и проволочным крючком выудит бутылку вина. Нет, несознательный народ.

Пошла уже вторая неделя пребывания Беклемишевых, Зориных и Зайкиных в лагере. Пока у них была ещё вывезенная из Варшавы провизия, голода они не испытывали, но было тоскливо. Ноябрьские дни и часы тянулись медленно. Покупатели рабочей силы, приходившие на лагерный "невольничий рынок", нуждались главным образом в рабочих физического труда. В качестве мускульной силы шестёрка киевлян не представляла большого интереса.

Наконец нашёлся какой-то железнодорожник, который решил забрать трёх инженеров и приспособить их в качестве чертёжников. Лагер-фюрера в этот момент не было в лагере, и его заместитель оформил передачу живого товара железнодорожнику. Взяв свой ручной багаж, все шестеро вышли из лагеря за своим новым хозяином и остановились у трамвайной остановки. В это время появился из города лагер-фюрер.

– Как? Куда?

Железнодорожник пустился в объяснения, но лагер-фюрер отобрал у него будущих железнодорожных чертёжников. На вопрос Глеба: в чём дело? лагер-фюрер ответил, что произошла ошибка. Как выяснилось в дальнейшем, лагер-фюрер уже запродал трёх инженеров с жёнами какой-то организации.

Через день они выехали через Словакию в обратном направлении на реку Вислу на верфь. Попрощались со всей компанией, остававшейся в Вене, и с Берёзовыми, уезжавшими в Братиславу, где им предстояло жить на положении свободных людей. У Александра Ивановича был уже френденпасс.

Верфь была расположена против польского города Плоцка, стоявшего на высоком берегу Вислы. Плоцк был переименован немцами в Шретерсбург [(Schröttersburg)] и находился в той части Польши, которую немцы присоединили к Восточной Пруссии.

Небольшая станция, окружённая пустым полем, производила мрачное впечатление. Позвонили по телефону на верфь и долго ждали, пока прислали

---

* Пратер (нем. Prater) — большой общественный парк и зона отдыха в Вене. Название парка произошло от слова лат. pratum, что означает луг.

лошадь за вещами. Прибывших сначала накормили в столовой, потом поместили на железной барже. Она стояла среди образовавшегося тонкого льда затона и соединялась доской с берегом. Хотя на ней поставили печки и даже затопили их, было ясно, что она будет промерзать насквозь и жить на ней будет невозможно. Обнаружилось ещё одно обстоятельство.

Оля Беклемишева, привыкшая лазить по горам Кавказа и Крыма, свободно проходила по доске на берег, а Зорина по доске идти не могла и оказалась на барже, как в тюрьме. На второй день немецкое начальство решило перевести киевлян в барак. В бараке они заняли большую комнату с двухэтажными кроватями. За стеной помещались рабочие-украинцы. По вечерам они пели такие печальные песни, что, как говорят, "всё нутро переворачивалось".

Выяснилось, что киевляне не включены в штат верфи, а должны ждать особого немецкого начальства. Начальство это не замедлило явиться. Главным начальником был штатский генерал в немецкой форме путей сообщения, по фамилии Блюмериус. Он был шведского происхождения, проработал тридцать лет в Сибири, строя пароходы, прекрасно говорил по-русски. Его помощником был молодой немецкий инженер, черноволосый и черноглазый, смахивавший на итальянца. Кроме того имелась ещё секретарша фрау Штраус, на которой лежала экономическая опека подчинённых господина Блюмериуса. Других обязанностей у неё по-видимому не было, а этими она была не очень обременена.

Блюмериус сказал, что скоро приедут ещё киевляне из Киля, и тогда его бюро начнёт действовать. Киевляне пока сидели без дела. Вечера были особенно томительны. Бараки были окружены топкой грязью, из которой невозможно было вытянуть ногу. Водопроводная колонка и удобства помещались среди этого болота, и ночью найти к ним дорогу без компаса было нелегко.

Затем приехали киевляне, попавшие сначала из Вены в Киль. Среди них была семья инженера Петренко, он сам, жена, мать и взрослый сын. Потом был инженер Дюк с женой. Он участвовал в молодости ещё в русско-японской войне, где и был контужен. Он отличался замечательными бакенбардами, за которые немцы прозвали его "Франц Иосиф". По-немецки он не понимал ни одного слова и на все вопросы отвечал "я, я" [("да, да")]. Зато жена его, маленькая колючая старушка на кривых ножках, прекрасно говорила по-немецки, одно время служила у немцев переводчицей, и при переводе передавала не только содержание, но и интонацию приказа. Дюки возили с собой свою прислугу Дуню под видом племянницы.

Была ещё чертёжница-вдова Чехонина с мальчиком Серёжей десяти лет. Были также чертёжник Косматов, техник Василий Михайлович и чертёжник Коржеев. Коржеев был поповичем, кое-как приспособившимся при советской власти. Женат он был на маленькой прыщеватой женщине, со вкусами и выражениями киевской торговки. Были ещё муж и жена Ясутовы, по образованию советские экономисты, и при них дочка. Ясутов забросил свою экономическую специальность и работал тоже чертежником. Эта пара была чистейшим продуктом советского воспитания, но охотно покидала мир их создавший.

Вся эта компания, состоявшая из десяти работников и десяти иждивенцев, была подчинена Блюмериусу. Надо сказать, что отношение его к его подчинённым было очень приличным. Он поместил своё бюро рядом с техническим бюро верфи, которое состояло из одних поляков, в числе которых был один польский инженер и 8-9 польских студентов. Позже к ним прибавили ещё одного русского эмигранта, родившегося в Германии.

Наконец выяснилось, чем должно было заниматься бюро Блюмериуса – оно должно было проектировать пароходы, которые будут плавать по Одеру и Висле... после победы Германии. Таким образом бюро работало не на войну, а на послевоенное время.

Вскоре привезли части барака и стали его собирать вне территории верфи. В этом бараке должны были получить комнаты работники бюро. Барак строился медленно и долго стоял без крыши. Снег и дождь разводили в нём сырость.

Надзирать за ним был выделен инженер Дюк. Он сидел в облюбованной им для себя комнате, курил трубку и топил в комнате печку.

Время шло. Подошла весна. Построили и второй барак. В нём поместилось бюро. Работники бюро переехали в первый барак. Выписали газету, выходившую на русском языке в Берлине, "Русское Слово". Оля дала объявление в газете, что она разыскивает друзей и знакомых.

Получились отклики. Фёдор Иванович Коваленко откликнулся из Будапешта, Наталья Сергеевна Вакар из Лодзи, Наталья Захаровна из Цвикау, киевская портниха Оли, Фогель, из Регенсбурга*. Потом из газеты стали узнавать печальные вести: Иван Васильевич Солодовник, оставшийся в Киеве, был повешен большевиками. Потом – траурное объявление: киевлянин инженер Брацлавский с женой и двумя детьми убит бомбой в Мюнхене. И наконец новый удар – инженер Александр Иванович Берёзов убит при первом налёте на Братиславу. Он был в бомбоубежище, но дверь бомбоубежища не была закрыта. Этой тяжелой дверью, сорвавшейся с петель при взрыве, он и был убит.

А весна брала своё, как будто и не было войны. Зацвела верба на берегах Вислы, зазеленели луга, позже зацвели маки. Оказалось, что природа Польши очень похожа на природу Украины. По лугам важно расхаживали аисты. На отмелях Вислы можно купаться. На другом берегу Вислы, в Плоцке, зацвели фруктовые сады. Но в Плоцк можно пройти только через мост, предъявив немецкому полицейскому удостоверение с карточкой. Вдоль берега в Плоцке тянется сад с полосой цветущего шиповника. Стоят скамейки. На скамейках надписи: "Только для немцев".

Карточки для удостоверений заказывали в Плоцке в фотографии, где работают поляки, а управляет ею злющий немец. Фотографии чрезвычайно скверны, но все молчат. Только молодой русский, работавший в бюро верфи, выразил своё мнение о фотографии. Ему двадцать лет, он высокий блондин, спортсменского вида.

– А! Вам не нравится? – вскричал хозяин фотографии и ударил молодого человека по лицу.

Блондин развернулся и ответил ударом. Немец полетел через всю комнату, к большому удовольствию поляков. Блондина арестовали, но через три дня выпустили. Немец ударил первым, а блондин имел "френденпасс", и немцы надеялись уговорить блондина с братом поступить в германскую армию. Но не уговорили.

Число бараков продолжало расти. В них привозили беженцев из Пинска. Потом вокруг бараков появилась колючая проволока и контрольная будка. Так вырос лагерь. Затем приехал немец-фельдшер с дезинфекционной камерой. Фельдшер был плотный, с тупой физиономией, в зелёной шляпе с приклеенной к ней кисточкой баварского образца. В то время как вещи выпаривались в камере, обладатели должны были проходить осмотр в костюмах адамов и ев и затем попадали в руки парикмахера, который стриг мужчин наголо.

Инженер Дюк дал оголить себе череп, но наотрез отказался расстаться со своими франц-иосифовскими бакенбардами. Коржеев же вообще не хотел стричься и убежал. Месяц после этого он ходил в синем французского типа берете, который скрывал от посторонних глаз его спасённую шевелюру.

В один прекрасный летний день на дороге, переваливавшей через холм у Плоцка, показалась масса повозок. Это двигались украинские крестьяне, убегавшие с родной земли перед армией "освободителей". Двигались они на своих лошадях и телегах. Тут был конечный пункт, дальше следовала перегрузка в

---

* Наталья Сергеевна Вакар – бывшая жена Игоря Владимировича Вакара, с которой он расстался еще до войны. В конце войны вместе с матерью и сыном оказалась в Германии, а затем вслед за Беклемишевыми приехала в США. Сын ее позже жил в Аргентине и носил имя Гарик Вакар. В рукописи он назван Алешей. Неясно, изменил ли его имя повествователь, или он сам изменил имя в эмиграции.

поезда. Около станции происходила импровизированная ярмарка. Крестьяне за бесценок ликвидировали своё имущество, которое нельзя было погрузить в вагоны.

Прошло ещё несколько дней. Кто-то в Берлине догадался, что бюро Блюмериуса, проектирующее пароходы, предназначенные плавать после победы Германии, никому не нужно, потому что и самой победы не будет. Помощник Блюмериуса, молодой инженер, зубрил русский язык по книжке для детей. Он обращался к Глебу с вопросами относительно произношения слов.

– Зачем вы учите русский язык? – спросил Глеб.

– На случай, если Сталин сюда придёт.

Деятельность в бюро прекратилась. Состав его временно передали в распоряжение верфи и бросили на физическую работу. Верфь переделывала железную баржу в речной теплоход. Поставили дизель, редуктор, положили на подшипники гребной вал и собрали гребные колёса. Глеб сначала заваривал электросваркой отверстия в корпусе, потом собирал гребное колесо. Вскоре он выбыл из строя. Когда он помогал тащить по сходням пятнадцатипудовый якорь, ему уронили якорь на руку. Палец был раздавлен до кости. Пароход закончили, и он вышел на испытание. Он весь вибрировал, как струна в рояле.

В эти дни издалека стали доноситься глухие взрывы. Никто не знал, в чём дело. Только спустя несколько дней дошли слухи о восстании в Варшаве. До Варшавы по прямой линии было около ста километров. Доносились разрывы бомб, которые немцы сбрасывали на восставших поляков. Советская армия стояла под Варшавой, безучастно наблюдая, как немцы уничтожают подпольную польскую армию. Киевлянам было предложено приготовиться к отправке.

114. На Рейне. [1944]

Всех погрузили в вагон. К отправляемым был прикомандирован сопровождающий – латыш, одетый в форму "феркерминистериум"*. Стало известно, что везут на Рейн. Поезд бежал вдоль Вислы на север, потом повернул на запад. Пересекли Одер, ночью приехали в Берлин.

Берлин был уже сильно разбит. Когда поезд стоял у вокзала, загудели сирены. Всем приказали выйти из вагона. В бомбоубежище не водили. Все двадцать человек прижались к стене. Налёта не было. Дали отбой, и поезд снова побежал на запад. Миновали Ганновер. Он тоже был сильно разбит. В Дюссельдорфе сидели в бомбоубежище.

Наконец латыш объявил, что вагон находится на станции назначения. Всех доставили в большой зал, где в мирное время почтенные немцы и их подруги развлекались танцами. В зале стояли кровати, которые беженцы поделили между собой, отделив семейства повешенными одеялами. Всё здание принадлежало господину Шумахеру, содержавшему также пивную. Ближайшая территория была заполнена фермами. К фермам прилегали фруктовые сады и луга, огороженные проволокой. На лугах паслись голландские коровы. Между садами и лугами дорожки вели к Рейну.

– Вот он Рейн! – думала Оля, – страна Зигфрида, Брунгильды и мрачного одноглазого Гагена.*

---

* Verkehrsministerium – министерство путей сообщения, значит, латыш был одет в форму железно-дорожного служащего.

* Героическое сказание "Песнь о Нибелунгах" – крупнейший памятник немецкого народного эпоса. Исторической основой эпоса является гибель Бургундского королевства, разрушенного в 437 году гуннами. В битве с гуннами, предводителем которых был, естественно, не Аттила, погибли тогда король Гундахар и его дружина. Смерть же короля гуннов Аттилы, который женился в 453 году на германской девушке по имени Хильдико, произошла в свадебную ночь. Это событие породило множество слухов. Впоследствии историки сообщали, что невеста убила Аттилу. В народном эпосе данные факты получили новое осмысление, да и весь бытовой колорит в нем больше связан с феодально-рыцарской Германией XII века, чем с жизнью варварских племен V века. Факты, связанные с жизнью Зигфрида, туманны, некоторые

Может быть в верховьях, у Гейдельберга, Рейн действительно очень поэтичен, но здесь, на нижнем течении, он был покрыт сплошной плёнкой нефти. Купаться в нём было невозможно. Человек выходил из него более грязным, чем входил. Дальше кругом виднелись металлургические заводы, поднимались доменные печи и газгольдеры. С неба непрерывно падала копоть.

Окружающие фермеры совсем не походили на крестьян. В трамвае ни их, ни их жён нельзя было отличить от горожан. Они так же были одеты и имели вид интеллигентных людей. У Беклемишевых сложилось впечатление, что люди Рейна наиболее отзывчивые из всех немцев. Как только беженцы появились в их районе, они привезли им большой мешок груш. Тогда киевляне помогли фермерам в уборке фруктов. Те опять наградили их яблоками и сливами.

Во время войны без специальных "шайнов" [(удостоверений)] нельзя было ничего купить и даже починить обувь. Рейнские сапожники чинили обувь беженцам без всяких разрешений. Другое дело – немецкая полиция. Все беженцы должны были явиться в полицию. Их сфотографировали с номерами на груди и взяли отпечатки пальцев. Этим ограничились, не нашили специальных знаков на рукава. Поблизости находилась целая команда русских в специальной форме. Это были санитары, на обязанности которых было убирать человеческие останки после бомбёжек, руки, ноги и бесформенные куски костей и мяса.

На второй день к беженцам явился молодой рыжий немец. Числился он инженером, но походил скорее на спекулянта, а вернее всего был партийным наци, надзирателем, приставленным к "людям с востока". Бюро, в котором приехавшие должны были работать, подчинялось инженеру Бургхардту. Он был полной противоположностью Блюмериусу. В России он никогда не бывал и привезенных ему рабов люто ненавидел. Обращаясь к ним, он не мог смотреть им в глаза. Вероятно, взгляд глаз слишком выдавал его ненависть.

Работать надо было 11 часов в сутки. Работали в небольшом бараке. После одиннадцатичасовой работы, по собственной воле, засыпали песком, при помощи ленточного транспортёра, бетонную трубу, которая служила бомбоубежищем, как им самим, так и окрестным фермерам. Налёты происходили часто, днём и ночью. Иногда днём лётчик обстреливал из пулемёта улицу.

В такой обстрел однажды попала Оля. Спрятаться было трудно, потому что дома не имели подворотен. Другой раз работники бюро высыпали на двор смотреть на лётчика и тот, увидя скопление людей, стал пикировать на барак. Все бросились внутрь и легли на пол. Бомба попала между двумя соседними стогами соломы, забросала барак землёй и соломой. Все окна вылетели и засыпали лежащих на полу мелким стеклом, напоминавшим сахар-песок.

Ночью спали не раздеваясь. По два-три раза в ночь бегали в бетонную трубу. Спотыкаясь в темноте о кусты, падали на землю. Однажды, когда Оля заболела и осталась в зале, около неё остался и Глеб. Ночной налёт продолжался несколько минут. Бомб не сбрасывали, но слышно было, как бомбардировщики (вероятно, их было несколько сотен) с шумом пролетают над головой.

Обедать ездили в город, в большую столовую, где питались тысячи "остов", работающих на окружающих Рейн заводах. В столовой стоял постоянный шум от стука посуды. Когда Беклемишевы вышли из столовой, их поразила тишина. Совсем не было людей.

– Куда весь народ исчез? – спросил Глеб случайного рабочего.

– Разбежались. Был алярм [(тревога)]. Сейчас будет налёт.

Рядом стоял железобетонный куб без окон, с одной дверью. Это было наземное бомбоубежище. Стены его были толщиной не менее метра. Глеб и Оля вошли внутрь. Вверх подымалась бетонная лестница. Коридоры вели в комнаты без окон. Бетонный куб был переполнен женщинами и детьми.

историки видят в Зигфриде воплощение бога древних германцев Бальдра. Другие полагают, что его прототипом был вождь херусков Арминий, который разбил отряд римских войск в Тевтобургском лесу. Третьи указывают на короля франков Зигиберта, убитого по наущению своей невестки в 575 году. – ***Из Интернета***

Один за другим раздались три сильных взрыва. Железобетонный куб закачался на своём основании. Закричали женщины, заплакали дети. Потом настала тишина. Когда Беклемишевы вышли из куба, они увидели три гигантские воронки около трамвайных рельс, где они недавно стояли.

В воскресенье Беклемишевы пошли знакомиться с окрестностями. Рядом с большим кладбищем был парк, в парке – озеро. В озере кто-то плавал и от удовольствия сотрясал воздух отборными русскими ругательствами.

Беженцы были поставлены в бюро на чертёжную работу. Когда что-нибудь привозили и надо было разгружать чертёжные станки или ящики, они превращались в грузчиков. Вскоре они поняли, чем занималось это бюро – здесь проектировали десантные суда для высадки гитлеровской армии на берега Англии. И когда? Когда англо-американская армия уже высадилась во Франции и вступала в Голландию. Это были август и сентябрь 1944 года. До Голландской границы было сорок километров. Пушки генерала Эйзенхауэра были слышны довольно отчётливо.

В начале октября стало известно, что бюро переезжает в Гарц. Опять погрузка в вагоны. Поезд стоял на путях шесть мучительных часов. Два раза все бегали в бомбоубежища. Рейнские немцы, сидевшие в убежищах, не отказывали в приёме и "ауслендерам".

Опять проехали мимо Ганновера, но в обратном направлении. Миновали Хальберштадт. Высадились в Бланкенбурге. Беженцев опять поместили в бывшем танцевальном зале фрау Раппе. Он помещался на втором этаже и имел антресоли. Рыжий немецкий наци доставил сюда двухэтажные кровати и стандартные шкафы. В первом этаже помещались небольшие комнаты, которые фрау Раппе сдавала солдатам, приезжавшим в отпуск и нуждавшимся в помещении, где они могли бы провести время со своими фрау или с "невестами".

115. Бланкенбург

Это был чистенький курортный городок. Непосредственно за ним начинались горы Гарца, покрытые буковым лесом. Везде были дорожки, и в местах с хорошим видом стояли скамейки с надписями "герцоаугенблик" или какой-нибудь иной "аугенблик" [(вдохновение)]. На горе возвышался замок герцога Брауншвейгского. В это время герцог жил в замке. Два его сына в офицерской форме носились на мотоциклетах. Они были удалены из гитлеровской армии, как недостаточно благонадёжные.

Население Бланкенбурга было не то, что на Рейне. Это были люди, вышедшие в отставку, обзаведшиеся собственностью и извлекавшие из неё деньги, сдавая помещения приезжавшим курортникам. В большинстве это были люди жёсткие и скупые, рабы марки. Идеалом их было иметь собственный "гешефт" [(бизнес)].

Место работы киевлян находилось теперь за четыре километра от их жилья. Выходить надо было ещё до рассвета, идти в темноте за город. Потом тянулась дорога, обсаженная яблонями и черешнями, в это время года голыми. Входили в лес, дорога поднималась в гору. Вырисовывались на бледном небе здания бывшего ресторана.

Место это называлось Регенштейн. В главном зале ресторана висела большая картина, изображавшая рыцарский турнир. Отопление и освещение газовое. Слева от зданий находились остатки какого-то замка или укрепления. Остались только пещеры, выдолбленные в скале. Прямо же находился глубокий обрыв. Внизу видны были верхушки деревьев. Беженцы, работавшие на вершине, не знали, что вся гора источена, как муравейник подземными ходами и залами, в которых сложены неисчислимые запасы на ведение войны многие годы.

На работу теперь поставлены и женщины, кроме Дюк и Зориной (по возрасту) и Коржеевой, которая обзавелась младенцем. Ясутова работала полдня, у неё была девочка трёх лет.

Когда было уже совсем темно, шли обратно, но ещё не в зал. Сначала заходили в столовую "Эрголлюнг", где толстый заведующий-наци наделял всех водой, в которой плавало немного картошки и много брюквы. Человек мог выпить очень много этой воды без насыщения, уподобляясь фильтру. Потом шли в заведение фрау Роппе, на котором висела вывеска "Чёрный медведь". Все были уставшими, голодными и обозлёнными.

Иногда разбиралась жалоба Ясутова на Серёжу, дразнившего Катю Ясутову. Ясутов требовал наказания, грозя, что он сам его накажет. Чехонина, краснея и бледнея, защищала Серёжу, но потом соглашалась поставить его на колени.

Вечером ещё закусывали. Ия Григорьевна Петрученко намазывала хлеб повидлом, несколько раз перенося часть повидла с одного куска на другой, чтобы никого не обидеть из членов своего семейства. Ясутова, похожая на цыганку, шепталась около печки с Коржеевой:

– Ты знаешь Катьку в "Эрголлюнге", ну да, ту самую, что крутит с этим толстым немцем...

Из-за одеяла раздавался голос Ясутова: "Подите сюда!". Когда Ясутов сердился на жену, он переходил с ней на "вы".

–Что вы там лясы точите? А за ребёнком вы не смотрите.

– Да как же за дитём иначе смотреть? Уж я кажется так, как никакая мать.

Раздавался сухой звук пощёчины, и Ясутова выходила из-за перегородки, размазывая по лицу слёзы и грязь. Через минуту слышался несколько пониженный шепот:

– Так вот эта самая Катька стала крутить с Фрицем, а толстый немец...

В другом углу сидели госпожа Дюк с Зориной. Дюк повысила голос и обратилась ко всем:

– Господа! Фрау Раппе велела передать, чтобы воду не смели брать в доме, наливают на пол, а чтобы ходили за водой к крану на дворе.

Голос её становился твёрдым и слова звучали приказанием, как если бы она сама при этом перевоплощалась в фрау Раппе. Затем она вернулась к своему разговору с Зориной:

– Да, так я сижу за табльдотом, было это на одном прибалтийском курорте, а там было много немцев. Я, значит, делаю вид, что по-немецки не понимаю. Немцы видят, молодая, интересная дама, и начинают прохаживаться на мой счёт. Через неделю я возьми да заговори по-немецки. Вы можете себе представить, как они были сконфужены.

– Простите, я вас покину. Чехонина пошла вниз, она наверно стащит у меня пару брикетов.

И Зорина пошла вслед за Чехониной, по дороге немного подвинув шкаф, стоявший между её и чехонинской территорией. Через десять минут вернулась Чехонина:

– Что за чудеса! – вскричала она, – этот шкаф как живой, всё ползёт в мою сторону. Скоро нельзя будет пролезть между шкафом и кроватью.

Кто-то стал уже ложиться спать. На антресолях показались два каких-то немца. Они стали рассматривать сверху зал, как посетители зоопарка рассматривают семейство бурых медведей в клетке. Потом они ушли.

Дюк читал книгу. Над столом горела люстра, "фердункели" плотно закрывали окна*. Часы показали десять. Ясутов без предупреждения выключил свет.

– Дурак, – сказал в темноте голос Дюка.

– От дурака слышу, – ответил голос Ясутова.

Голос Коржеевой, вероятно обращённый к Ясутовой, продолжал излияния:

– Мой Володька вахлак. Он не может достать "киндервагена" [(детскую коляску)]. Каждая паршивая немка имеет "киндерваген". Володька – шляпа. Я не знаю, чего я за него вышла. А за мной ухаживали такие мировые парни...

Понемногу в разных углах послышался храп. В полночь раздался громкий стук. Это Зорина, оступившись спросонья, скатилась вниз по лестнице. В два часа

---

* Verdunkelung – светомаскировка. Речь здесь идет о светомаскировочных шторах.

ночи зазвучали сирены "алярма". Ясутов и Коржеев схватили детей и побежали в бомбоубежище, высеченное в скале. Остальные продолжали спать.

С немецкими инженерами отношения были вежливые, но безразличные. Когда Бургхардт посылал киевлян на физические работы по разгрузке прибывших ящиков, они не отказывались, но шли только при условии, что идут работать и немецкие инженеры.

Впрочем, один немецкий инженер пользовался общей любовью. Звали его Шуман. Он не имел обычной немецкой военной выправки и ходил в пальто, подпоясанном сверху верёвкой. Когда между немцами начинались политические разговоры и кто-либо говорил: "Мы ещё вернёмся на Украину", Шуман подмигивал Глебу или Петренко и говорил: "Гм! Оптимист!". Когда Шуман должен был переехать из комнаты в комнату, Ясутов и Глеб добровольно пошли ему помочь. Он переезжал в комнату, из которой выезжала немка. Пришлось вынести её вещи и внести их в другую комнату, в которой висел портрет Гитлера.

– А это, пожалуйста, снимите, – сказала она.

Портрет Гитлера был поставлен в угол лицом к стенке. Немка предложила Глебу и Ясутову деньги. Они отказались. Тогда она наполнила вином стаканы. Значит, есть немцы, которые не любят Гитлера, подумали они.

Было голодно. Оля купила мешок картошки у голландцев, которые приехали вместе с киевлянами с Рейна.

Жизнь в Бланкенбурге была не столько тяжела благодаря враждебному немецкому окружению, сколько благодаря внутренней неприязни, существовавшей между беженцами различных слоев и разного воспитания, которые брошены в одну большую западню. У Мопассана есть рассказ, где хозяйка бросила свою собаку в глубокую яму. Потом она решила бросать ей пищу в яму. Через несколько дней кто-то сбросил в яму вторую собаку. Она стала загрызать первую. Глебу казалось, что беженцы в "Чёрном медведе" напоминали собой этих собак в яме.

Однажды, придя на работу, киевляне увидели здания Регенштейна в огне. Пожар произошёл от газового отопления. Теперь их перевели в город.

С Олей происходили иногда комические происшествия из-за немецкого языка. Однажды она встретила на улице немку, старую деву, которой была подчинена по службе. Желая быть вежливой, Оля хотела спросить немку:

– Ви гетест иннен?

Но спросила:

– Ви гайсен зи?[**]

Немка удивилась, но ответила:

– Фрауляйн Краузе.

Другой раз с Олей заговорила в саду посторонняя немка. В разговоре она спросила Олю:

– Сколько вам лет? Ви альт зинд зи?

На что Оля ответила:

– Фифцен, пятнадцать [(вместо – fünfzig, пятьдесят)].

Немка удивилась и сказала:

– Эс ист унмеглих [(Это невозможно)].

Несмотря на мрачное настроение, а, может быть, и благодаря тому мрачному настроению, которое вызывалось и условиями работы, и тяжёлой атмосферой, существовавшей в царстве фрау Раппе, Беклемишевы старались в свободный день убежать куда-нибудь в лес. Однажды Глеб на такой прогулке познакомился со старым немецким инженером. Ему было уже 80 лет и он находился на пенсии. Они разговорились, насколько позволяло ограниченное знание Глебом немецкого языка. На его примере Глеб мог убедиться, что среди старых немцев были люди не похожие на новую породу, выросшую в нацистской Германии.

[**] Wie geht es Ihnen? (Как вы поживаете?), Wie heißen Sie? (Как вас звать?).

Иногда вечером шли в кино. Часто картина прерывалась "алярмом". Публика шла в подвал, превращённый в примитивное бомбоубежище при помощи деревянных балок и подпирающих их брёвен. В подвале сидели совсем юные немцы, одетые в военную форму. Забывая о грозной опасности, нависшей над их страной и над ними самими, они флиртовали с такими же юными Гретхен.

Иногда картина переносила Олю и Глеба в другую жизнь, заставляя забыть о безрадостном настоящем. Но тушили свет в зале, и они выходили на совершенно тёмную улицу. Чтобы не наталкиваться друг на друга, люди носили на груди слабо фосфоресцирующие кружки. Они возвращались в военную обстановку.

Наконец немецкое начальство догадалось закрыть бюро инженера Бургхардта, продолжавшее проектировать никому не нужные десантные суда. Киевлян передали в третье бюро, помещавшееся в курхаузе*. В нём приготовлялись чертежи электротехнических схем с тысячью условных обозначений. Чертежи аккуратно наводились тушью. По-видимому курхауз, принадлежавший одному шведскому семейству, был занят бюро по ордеру правительства.

Когда хозяйка с детьми проходила через бюро на балкон, немецкий инженер сделал ей замечание: бюро не проходная комната для посторонних.

– Я иду на свой балкон.

– Можете забрать свой балкон, а через бюро не ходите.

Сначала при звуке "форалярма" [(сигнала предварительной тревоги)] все покидали бюро и спешили в бомбоубежище, но "форалярмы" повторялись так часто, что был дан приказ покидать бюро только при "алярме". Однако "алярм" давался тогда, когда бомбардировщики были уже над головой и бежать было поздно. Они летели иногда в количестве трёхсот или четырёхсот, блестя на солнце как армия валькирий. Между ними шмыгали истребители. Немецкой авиации нигде не было видно.

– Не напоминает ли это вам, – говорил Глеб Виктору Константиновичу Петренко, – рассказ Льва Толстого о трёх братьях и чёрте? Старший брат Иван всё воевал, завоевал полмира. Но потом соседний царь посадил баб на воздушные шары. Они стали посыпать армии Ивана с шаров порошком, и Иван должен был капитулировать.**

– Жалко, что Гитлер не читал этой сказки, – сказал Петренко, – может он не начал бы войны.

В бюро ввели ночные дежурства. На нижнем этаже дежурил немец, на верхнем – "аусленде́р". Они не имели права покидать здание при "алярме" и должны были тушить его при пожаре. Но в их распоряжении не было никаких приспособлений для тушения пожара. Здание сгорело своевременно, когда бюро прекратило своё существование, а с ним прекратились и дежурства. Это случилось в последние дни войны.

Дежурные не имели права спать, но могли лежать, и для них были поставлены кровати. Глеб лежал на кровати, слушал, как выли сирены и как затем летели бесконечные полчища бомбардировщиков. Они не бросали бомб. Бланкенбург, где размещались лазареты, но не имелось никаких военных

---

* Курзал (устарелое - курхауз, кургауз) — помещение на курорте, предназначенное для отдыха и проведения культурно-развлекательных мероприятий.

** "Сказка об Иване-Дураке и его двух братьях: Семене-Воине и Тарасе-Брюхане, и немой сестре Малань-ье, и о старом дьяволе и трех чертенятах": *А индейский царь услыхал про Семена-царя и перенял от него все его выдумки, да еще свои выдумал. Стал индейский царь не одних молодых ребят в солдаты брать, а и всех баб холостых в солдаты забрал, и стало у него войска еще больше, чем у Семена-царя, а ружья и пушки все от Семена-царя перенял, да еще придумал по воздуху летать и бомбы разрывные сверху кидать. Пошел Семен-царь войной на индейского царя, думал, как и прежнего, повоевать, да – резала коса, да нарезалась. Не допустил царь индейский Семенова войска до выстрела, а послал своих баб по воздуху на Семеново войско разрывные бомбы кидать. Стали бабы сверху на Семеново войско, как буру на тараканов, бомбы посыпать; разбежалось все войско Семеново, и остался Семен-царь один. Забрал индейский царь Семеново царство, а Семен-воин убежал куда глаза глядят.*

сооружений, был для них нестоящей целью. Они летели дальше, на Ганновер, Брауншвейг, на Мюнхен или Берлин. Потом наступала тишина.

Глеб услышал приглушенную музыку. Сначала он думал, что это ему снится, но нет, музыка продолжалась и что-то ему напоминала. Да, он слушал её давно на квартете у Янушевских, когда он был студентом первого курса. Это был Шуман. Мелодия начиналась призывом – Кла-а-ра. Глеб встал, спустился на несколько ступеней по лестнице и заглянул вниз. Четыре немца сидели перед нотами и играли. Дежурный немец пригласил на своё дежурство трёх коллег, и они устроили ночной квартет.

Иногда вечером на улице Беклемишевы слышали русскую речь. Происходили знакомства. Так познакомились они с милым доктором Клеменцем и его женой. Доктор Клеменц много лет проработал врачём пограничной стражи в России и любил вспоминать это время. Во время первой мировой войны он был старшим врачом санитарного поезда. После революции жил в Эстонии, из которой бежал в Германию, когда маленькую страну проглотил советский колосс.

Следующее знакомство было с литовским семейством. Инженер Кляумайтис был женат на русской, Ольге Михайловне. У них были взрослые сын и дочь. Сын был женат, дочь – замужем. Так что путешествовали они целым родом. И сын, и зять были инженерами.

Потом состоялось знакомство с Волоховыми. Волохов был прежде инженером Брянского завода в Бежице. Его жена была из Ростова, а сестра её Ольга Александровна была замужем за немцем, Карлом Ивановичем, прекрасно говорившим по-русски. Он стоял во главе транспортной колонны грузовиков, шоферами которых были бывшие врангелевские офицеры.

Солнце светило всё ярче. Приближалась весна, а вместе с ней и конец войны, а с концом войны – неизвестность.

– Нас несёт поток, – говорил Глеб, – мы муравьи на щепке. Ни предвидеть, ни рассчитать ничего нельзя. Можно жить только сегодняшним днём.

– Какой отсюда вывод? – спросила Оля.

– Вывод? Пойдём в это воскресенье в Рюбелянд, в сталактитовые пещеры

К Беклемишевым присоединилась Мария Гербертовна, беженка из Царского Села, жившая на положении фольксдойче. До Рюбелянда было двенадцать с половиной километров. Таким образом, всё путешествие укладывалось в 25 километров. Дорога была нетрудной, [шла] долинами между невысокими горами Гарца. Несмотря на время, на близящийся конец войны, всё было в порядке. Кассир продавал билеты в пещеры, старичок-проводник давал объяснения. В одной из пещер было небольшое озеро. На земле лежали кости прошлых поколений, как в развалинах церкви на Иверской горе в Новом Афоне. Сталагмиты и сталактиты блестели в свете электрических лампочек.*

---

* В горном районе Гарц недалеко от Ганновера на расстоянии сотни метров друга от друга находятся сразу две пещеры, открытые много столетий назад – Баумансхёле и Хермансхёле. Первая известна тем, что ее еще в XVIII веке посещал Гете, очень любивший эти места. В честь писателя назван главный зал пещеры, в котором регулярно проводятся спектакли и фестивали. В водах подземного озера второй пещеры живет редкий вид амфибий – европейский протей, слепая белая личинка с жабрами и смешными короткими ножками. Пещеры Рюбеланда также считаются родиной карликовых пещерных медведей – доисторического вида, вымершего в ходе резкой смены климата несколько тысяч лет назад. – ***Из Интернета***

В пещерах Рюбеланда (Rübeland)

Признаки конца войны увеличивались. С английских и американских самолётов сбрасывали тысячи листовок, призывавших немцев к сдаче. На заборах были расклеены прокламации Гитлера, обещавшие перелом в последние дни войны и объяснявшие, как уничтожать танки панцер-фаустами.

Глеб и Петренко стояли под соснами небольшого городского парка.

Эскадрилья из 15-ти бомбардировщиков пролетала над их головами в направлении Хальберштадта. Они сбросили свой груз бомб на железнодорожную станцию, и над местом их падения поднялся чёрный дым. За ними летели новые и новые соединения, все по 15 самолётов, и каждое сбрасывало бомбы над чёрным дымовым знаком. Хальберштадт располагался в 16-ти километрах от Бланкенбурга, и бомбёжка была видна, как на ладони. Не было слышно ни криков умирающих, ни воплей раненых, но Глеб и Петренко знали, что там умирали люди. Часть их, вероятно небольшая, была ответственна за войну, большинство были случайными жертвами. Чёрный дым разрастался. Три дня он закрывал своим покровом половину неба.

Беклемишевы и Петренко в определении конца войны в Бланкенбурге ошиблись на один день. Они ушли ночевать в лес в ночь с 18 на 19 апреля. В лесу было тихо, между вершинами деревьев ярко горели звёзды. Пролетел самолёт. Под утро забарабанил по листьям дождь. Пошли домой через спавший городок.

116. Последний день войны

Сначала этот день не отличался от других. Но потом немцы поставили зенитные пулемёты во дворе фермы, напротив "Чёрного медведя". Американские пикирующие самолёты стали бросать бомбы. Всё население "Чёрного медведя" переселилось в подвал. Это был обыкновенный подвал для капусты и картофеля. В нём имелись большие оконные амбразуры, выходившие во двор. В подвале было ещё несколько немецких солдат. Они задрапировались одеялами и не напрасно. Пришли двое немецких жандармов. Они искали военных. Им сказали, что военных нет, и они ушли.

– Надо взять сверху моё пальто, – сказал Глеб.

Почему-то, когда речь идёт о жизни, люди начинают думать о таких вещах, как пальто или одеяло.

– Я тебя одного не пущу, – сказала Оля, и они вместе стали подыматься по лестнице.

В этот момент что-то ударило, загрохотало, посыпалось и они скатились вниз. В подвале люди сидели, прижавшись друг в другу. Каждый раз, когда самолет пикировал и свистела бомба, задерживали дыхание. Потом падение бомб прекратилось, но стали падать артиллерийские снаряды. После бомб они не производили впечатления. Наконец наступило затишье и люди выползли из подвала. Их глазам представилась картина разрушения.

Около ворот лежали две лошади, убитые артиллерийским снарядом. Мануфактурный магазин, прилегавший к "Чёрному медведю", был разрушен бомбой до основания. Его развалины ещё дымились, угрожая пожаром и "Чёрному медведю". Сам "Чёрный медведь" тоже пострадал. Одна стена зала, служившего убежищем беженцам, вылетела совсем, другая наклонилась. Крыша держалась на двух других.

Глеб стоял в дверях чёрного хода, разговаривая с Зориным, когда что-то хлопнуло его по голове и заставило растянуться на земле. Это выпало толстое стекло, дававшее верхний свет в тамбуре. Хотя стекло было тяжёлое, но высота падения – небольшая, так что Глеб отделался только шишкой. Немедленно приняли меры спасения "Чёрного медведя". На дымящиеся развалины соседнего дома направили струю воды, наклонившуюся стену зала подпёрли большим бревном. Стали думать, где найти спасение в случае повторения бомбёжки.

Через улицу зияли в земле большие воронки. Дальше стоял дом, население которого спасалось в коридоре. Попросили у них убежища, но немцы отказали, их и самих слишком много. Беклемишевы, взяв два чемодана, отправились к Марии Гербертовне. Она говорила, что можно будет устроиться в их бомбоубежище. По дороге их застал новый артиллерийский обстрел. Снаряды ложились на улице. Беклемишевы оставили чемоданы посреди улицы и бросились в ближайшее бомбоубежище. На этот раз немцы их пустили. Обстрел продолжался с полчаса. Они продолжали свой путь и достигли бомбоубежища Марии Гербертовны. Провели они там два часа.

Потом хозяйка дома заявила, что в переходное время, когда американцы вот-вот войдут в город, она не может допустить, чтобы в её доме находились неизвестные "ауслендеры". Бедная, она не понимала, что через день "ауслендеры" выйдут из лагерей и начнут мстить. Беклемишевы пошли обратно к "Чёрному медведю". На улицах уже стояли американцы и проверяли документы. Вид у проверявшего был совсем не военный, даже несколько мешковатый. При этом он жевал резину.

На другой улице американцы выстраивали взятых в плен немцев. У пленных вид был более бравый, чем у победителей. В одной шеренге с пленными стоял кавказец в штатском. Он был в немецкой армии, потом переоделся, а сейчас решил разделить участь своих коллег. Рассказывали, что этот кавказец на следующий день занял небольшой домик и открыл из него стрельбу из пулемёта вдоль улицы. Вызвали танк, который и снёс домик с лица земли. Домик, но не кавказца. Говорили потом, что его видели в форме американского полицейского.

Беклемишевы вернулись в "Чёрный медведь". Они поселились в комнате нижнего этажа, окна которой были выбиты, одна стена представляла собой груду кирпича, часть крыши была снесена и дождь проходил сквозь потолок. За полдня всё покрывалось слоем кирпичной пыли.

Был конец апреля и стояли холодные ночи. Оле кто-то сказал, что в груде кирпича похоронен убитый снарядом немец.

– Ты слышишь? – спрашивала она утром, – определённо пахнет трупом.

117. Немцы кладут оружие

В это время архитектор Оскерко, произведенный в "райхсдойче" и призванный в германскую армию, находился в немецкой части в Голландии. Уже покончили с собой Гитлер и Геббельс. Командование перешло к адмиралу Денницу. Немецкие армии сдавались на западе англо-американским союзникам. Таким образом Оскерко, даже не успев повоевать, попал в плен.

Пленных, сдавшихся в Голландии, разделили на две части. Одна направлялась во Францию, другая – в Советский Союз. Оскерко не повезло, он был назначен в партию, отправляемую в Советский Союз. В немецкой армии были люди, носившие русские и украинские фамилии. Однако, открытие биографии Оскерко безусловно влекло за собой его расстрел.

Его немецкие товарищи по несчастию выдавать его, видимо, не собирались. Эшелон с пленными шёл по Германии, пересек Польшу и углубился в опустошённую Украину. Повсюду виднелись разрушенные водокачки, развалины железнодорожных станций и пожарища, оставшиеся от сожжённых деревень. Мосты были почти все временные. А природа ликовала. На лугах ласкала глаз свежая зелень. Среди снесенных снарядами и покореженных деревьев стояли весёлые зелёные берёзки. Но думы Оскерко были отнюдь не весёлые. И чем ближе становились знакомые места, тем тяжелее становилось на душе. Казятин, Фастов, Боярка, Пост Волынский, наконец показалась знакомая панорама Киева. Поезд шёл всё дальше на юго-восток. Оскерко возвращался в свою страну, страну-победительницу, в качестве пленного, побеждённого врага.

Однако простой народ не видел в нём больше врага. Старая крестьянка на станции протянула ему кусок хлеба. В нём видели просто жертву войны, такую же, какой были и они сами. Прошёл месяц. Оскерко ухаживал теперь за лошадьми. По-русски он не понимал. Откликался на кличку "Фриц". Потом понемногу стал говорить на ломанном русском языке...

Фрау Оскерко ничего не знала о своём муже. Он просто исчез, как исчезли многие военные немцы. Фрау Оскерко занималась шитьём платьев, в этой области она обнаружила большие способности. Для окружающих она была уроженкой Восточной Пруссии (говорила по-немецки она хорошо, но с некоторым акцентом). По-русски она "не понимала". Впрочем, когда к ней приходил кавказец, спекулировавший всем, чем только можно, она говорила с ним по-русски.

– Я принёс вам хорошие немецкие продовольственные карточки, – говорил кавказец.

– Но ведь они поддельные, – возражала Наталия Захаровна.

– Поддельные, но хорошо сделаны. Посмотрите, какая работа.

118. "Ауслендеры" сводят счёты

С концом войны в Германии оказалось огромное количество иностранцев. Они сосредотачивались в разных казармах, по национальностям. В одних казармах жили французы, голландцы, бельгийцы, в других – латыши, эстонцы, литовцы, в третьих – русские, украинцы и поляки. Западные иностранцы себя особенно не проявляли и довольно скоро отправились в свои страны. Восточные иностранцы, главным образом русские, украинцы и поляки, разделились на части, имевшие различные цели. Одна часть ждала отправки на родину, другая – возвращаться не собиралась.

Кроме всего прочего они выполняли две задачи: разграбить склады и свести счёты с немцами, заслужившими ненависть своим грубым обращением во время господства наци. Немцы со своей стороны старались ответить "проклятым иностранцам" ("ферфлюхтене ауслендерн") на их нападения. Русские и поляки, сосредоточенные в казармах и раздобывшие револьверы, представляли собой немалую опасность для населения.

Расправы с ненавистными "фюрерами" кончались просто избиениями или даже убийствами. Необъявленная война между сторонами постоянно приводила к новым инцидентам. Однажды житель казармы, русский или поляк, ехал по дороге на велосипеде. Несколько немцев, работавших в поле, набросились на него, под предлогом, что велосипед у него краденый, и избили его. Избитый дотащился до казармы. Немедленно группа "ауслендеров" отправилась к месту происшествия и жестоко избила немцев.

В то время стали организовываться национальные местные комитеты. Петренко возглавил украинский комитет и поехал на велосипеде в Нортхаузен для связи с тамошними украинцами. Семейство Кляумайтис организовало литовский комитет и получило от англичан автомобиль для нужд комитета. Управлять автомобилем мог только сын старого Кляумайтиса. Однажды он ехал на автомобиле с мужем своей сестры, который управлять автомобилем не мог.

Случилось так, что у молодого Кляумайтиса начались сильные желудочные боли. В это время к автомобилю направилась толпа немцев, враждебно настроенная и кричавшая, что "ауслендеры" украли автомобиль. Зять Кляумайтиса попробовал спасаться на автомобиле, но налетел на столб. Тогда он бросился бежать, а немцы принялись избивать молодого Кляумайтиса. Он был спасён случайно подоспевшими англичанами.

Однажды Беклемишевы сидели на скамейке с Ольгой Александровной и Серёжей. Перед ними расстилался луг. Дальше начинался лес. Вдруг из леса выбежала перепуганная немка с двумя детьми. Испуг её скоро объяснился. За ней из лесу вышла группа здоровых ребят с красными бантиками на груди. Завидев Беклемишевых, парни забыли о немке и направились к ним. Это была именно такая группа, которая охотно заводила столкновения с немцами.

– Есть у вас закурить? – спросил вожак Глеба по-немецки.

– Нет, я некурящий, – ответил Глеб по-русски.

– Как, вы говорите по-русски? Да так хорошо. Не забыли.

Глеб заметил, что его всегда принимают за долговременного жителя Запада.

В это время "ауслендеры" были заняты ограблением немецких складов. Впрочем и немцы не брезговали складами, но "ауслендеры" были быстрее.

На железной дороге разграбили камеру хранения багажа, но главным объектом были государственные склады. На расстоянии трёх километров можно было видеть, как сплошная лента людей текла от казарм к складам в недрах горы под Регенштейном. Одна лента тянулась налегке к Регенштейну, другая, тяжело нагруженная, текла в обратном направлении. Прежде всего разграбили кожу, потом одежду. Наконец американцы поставили охрану у главного входа. Но бывшие "осты", работавшие в подземелье, знали другие выходы. Наконец американцы нашли эти выходы и их минировали.

За 20 километров от Бланкенбурга немцы разграбили вагоны с консервами. После этого между обеими группами пошла меновая торговля: меняли штаны и пиджаки на консервы.

Оля Беклемишева считала, что теперь пришёл их последний час. – "Мы просто умрём от голода", – говорила она. И она пошла работать к хозяйке Марии Гербертовны. Она восемь часов копала ей огород, не разгибая спины. Платой ей был жиденький суп, один раз за день, и больше ничего.

Глеб пошёл наниматься на кладбище копателем могил. Он знал, что с кладбища ушло много рабочих "остовцев". Немец, ведавший кладбищем, записал фамилию и адрес Глеба.

– Пока мы не имеем ещё утверждённых штатов, – сказал он.

Затем Глеб обратился в немецкое жилищное управление. Он объяснил, что живёт с женой в развалине.

– Придите через неделю, – сказал чиновник.

Через неделю Глеб услышал тот же ответ: "Придите через неделю".

Тем временем Глеб нашёл молодого поляка, хорошо говорившего по-русски. Глеб купил у него макароны и искусственный мёд, истратив более двухсот марок. Конечно, это были продукты из какого-то разграбленного склада.

– Вот видишь, – сказал Глеб Оле, – а ты утверждала, что мы умрём от голода. Макароны и мёд, с этим уж не умрёшь.

Когда Глеб пошёл во второй раз к поляку в барак, его уже не было. Стены комнаты были забрызганы кровью.

– Ах, вы не знаете, – говорила его соседка, – пришли двое его знакомых и избили его доской с гвоздями.

– Хорошие знакомые.

– Да, у них были какие то счёты. И его забрали в больницу.

Поляк этот оправился. Глеб встретил его год спустя...

– Так вы всё ещё живёте в развалинах? – сказал доктор Клеменц Глебу, – и вы не можете получить ордера на комнату?

– Не могу. Чиновник всегда мне говорит: придите через неделю.

– Я вам получу ордер. У меня во дворе живёт одна фольксдойче из Советского Союза. Она получила два ордера, и ни один ей не подходит.

Доктор Клеменц взял два ордера фрау Штрайке и пошёл с Глебом в жилищное управление.

– Эти две комнаты не подходят фрау Штрайке, перепишите их на герр Беклемишефф.

Такой оборот не понравился чиновнику, но он не мог отказать доктору Клеменцу. Доктор Клеменц и Глеб пошли по первому адресу. В доме из четырёх комнат жила немка с сыном-подростком.

– Какая комната? – вскричала она. – Вы же видите, у меня всего четыре комнаты: столовая, гостиная, моя комната и комната сына. Я не понимаю, как это в жилищном управлении могут давать ордер на комнату в моей квартире.

– Гнедиге фрау, вы вероятно не понимаете, что сейчас много домов разрушено. Люди сидят на чемоданах под небом. Вам просто повезло, что вам посылают взрослых людей – мужа и жену. Подождите, следующий раз вам пришлют семью с двумя детьми.

Пошли по второму адресу. Дом принадлежал каменщику 70-ти лет, его жене было 75. В квартире была комната хозяев, гостиная, комната-кухня и маленькая комната в 6 кв. метров, на неё и был дан ордер. Хозяин хотел сдать комнату, хозяйка не очень.

– А где же будет готовить ваша жена? – спросила она Глеба.

– Где-нибудь, во всяком случае, ей надо готовить.

– Нет, нет, я не могу сдать комнату.

Но хозяин взял задаток в 50 марок. Условились, что через два дня Глеб приедет с женой и вещами. Выслушав доклад, Оля сказала: останемся в развалинах. Если хозяйка нас не хочет, житья не будет.

Фрау Раппе тем временем приспособила Зорина и Глеба носить черепицу на чердак, чтобы заделывать пробоины в крыше от артиллерийского обстрела. Она мечтала, что теперь, после войны, она снова откроет "свой гешефт" и будет сдавать комнаты и торговать пивом. Иметь свой гешефт – это был идеал почтенной женщины. Глеб пошёл заплатить ей за месяц жизни в руинах. Она взяла с него плату, как если бы он занимал номер в гостинице.

Глеб отправился отказываться от комнаты на Гуссарен штрассе номер 41.

– А где же ваши чемоданы?

– Я решил не переезжать. Ваша жена нас не хочет, и моя жена боится переезжать при таких условиях.

– Кайне ангст, кайне ангст [(не бойтесь, не бойтесь)], – закричал старик. И его жена стала просить Глеба переехать к ним.

На следующий день Беклемишевы поселились в маленькой комнате. Оля готовила на плите хозяйки и хозяйка всегда была мила и любезна.

Тем временем Глеб поступил на работу к Карлу Ивановичу на должность кладовщика. Он должен был выдавать шоферам бензин, чурки для газогенераторов и запасные части грузовиков. Один шофер был бывший адъютант Врангеля, другой, Львов, бывший шофер Врангеля, Росин и Николаенко – офицеры Врангелевской армии. Николаенко, знакомясь, говорил:

– Позвольте представиться, Николаенко, белогвардейская сволочь.

Глава всего предприятия, Карл Иванович, ходил с одной подвешенной, а другой перевязанной рукой. Он пострадал в последний день войны. Он спрятался от бомбёжки в лестничную клетку дома, казалось бы, наиболее безопасное место. Туда же спряталась жена его русского помощника. К несчастью, в лестничную клетку пришлось прямое попадание бомбы. Жену помощника убило, а Карлу Ивановичу одну руку перебило, другую ранило.

Глеб ездил на службу в шесть часов утра на велосипеде, который он выменял у молодого человека, уезжавшего "на родину", на часы. Ранним утром Глеба будила птица, распевавшая на гребне крыши дома на противоположной стороне улицы. Её пение одновремённо и радовало Глеба, и навевало печаль. Так весело распевала певунья, такие ясные майские дни стояли, так дружно расцвели черешни в садах и по обочинам дорог, и так неспокойно было на сердце.

Многие "остовцы" отправились домой, но через два дня часть их прибежала обратно. Встретили их в советской зоне совсем не так, как они ожидали. Уезжавшие домой бывшие "остовцы" и поляки считали своей обязанностью привести бараки, в которых они жили, в нежилое состояние. Окна выбивались, печи разрушались, двери снимались с петель. Когда созрели черешни, их ветви обламывались самым варварским образом.

Однажды Глеб зашёл в репатриационный лагерь. В нём находились русские и поляки. В это время там происходил митинг. Митинг был созван по такому поводу: американцы требовали сдачи оружия. Оружия в лагере было очень много, и его обладатели часто пускали его в ход при столкновении с немцами. Главным оратором был временный русский комендант из советских офицеров, бывший военнопленный. Он убеждал своих слушателей сдать ему оружие для передачи американцам.

– Вы меня знаете, – говорил он, – вы можете мне верить. Мы должны сдать оружие американцам. Американцы народ несознательный, пришлют танки и всё раздолбают. Как с ними договоришься? Они резонов не понимают. Мы теперь как бы второй раз в плену.

Глеб проводил в мастерской Карла Ивановича восемь часов, выгружал чурку, грузил бочки. Время от времени в мастерской появлялись бывшие пленные. Одному надо было починить велосипед, другому мотоцикл. Однажды появился парень монгольского типа лет двадцати пяти.

– Как тебя зовут? – спросили его.

– Мохамед, а по-вашему Миша.

– Миша, что ты дома делал?

– Людей резал.

– Зачем же ты их резал?

– Мне деньга нужен, он не давал. Я его резал.

– И много ты зарезал?

– Немного, всего тринадцать.

Мохамеду приглянулась дочка Карла Ивановича. Он говорил: "Пусть отдаст за меня. Как сыр в масле будет кататься. Мохамед всё достанет". Действительно, время было переходное. С ножом и решительным характером Мохамед доставал всё, что хотел.

Тем временем советская зона расширялась за счёт западной. Район Гарца был передан американцами англичанам. Теперь города близ Гарца стали переходить в советские руки. Совершалось это всегда ночью. Город просыпался и с удивлением видел вместо англичан советские патрули. Так был передан город Хальберштадт в 16-ти километрах от Бланкенбурга. Оттуда были уже беженцы.

Оля встретила немолодую пару с "хандвагеном" [(ручной тележкой)] и заговорила с ними, это были жители Пинска, муж и жена Базилевич. Они только что пришли из Хальберштадта. По дороге встретили группу советских репатриантов, которые им угрожали. С Базилевичами Беклемишевы потом провели несколько лет в лагере.

Затем в мастерскую Карла Ивановича пришёл бывший гвардейский офицер, работавший ранее шофером в Берлине. Он добрался из Берлина с женой до Хальберштадта. Утром он увидел Хальберштадт в руках советских отрядов. За городом расставили посты так, что пройти мимо них незаметно было нельзя. Он бежал один без жены, прибегнув к такому способу. Группа немцев, железнодорожных рабочих, ремонтировавших путь, катила по рельсам дрезину. Гвардеец стал помогать им и вместе с дрезиной и немцами прошёл между советских постов.

Однажды Глеб с Олей шли по улице Бланкенбурга. На противоположной стороне улицы показался инженер Бургхард (бывший глава бюро и начальник "ауслендеров") с женой. Он быстро перешёл улицу и стал трясти руку Глеба, как старому знакомому. В этот момент показался инженер Дюк с женой и "племянницей" Дуней. Бургхард стал знакомить свою жену с Дуней. Бедняга думал, что "проклятые иностранцы" ("ферфлюхтене ауслендерн") изобьют его за его грубое с ними обращение. Ведь он так их ненавидел. Теперь его лицо расплывалось в радушной улыбке.

Расставшись с бывшим начальством, Глеб чувствовал тошноту от явного подхалимства Бургхардта.

– Струхнул наш бывший шеф, – сказал Глеб Оле.

В магазинах было пусто. Очень редко какой-нибудь из них открывался и продавал провизию местного происхождения. Однажды Оля пошла в магазин и вернулась разочарованная:

– Представь себе, около магазина стоит немка и говорит мне "цу". Я берусь за дверную ручку, а она опять – "цу".

Глеб рассмеялся.

– Она просто говорила тебе, что магазин заперт, от "цу махен" осталось одно "цу".*

119. Белинги в Кведленбурге**

Адя Белинг работала в немецком санитарном поезде сестрой милосердия, их поезд чуть-чуть не попал в знаменитую бомбардировку Дрездена фосфорными бомбами. Поезд с ранеными как раз шёл в Дрезден. Вдруг его затормозили и потом он пополз обратно. Поезд остановился в шести километрах от города, и оттуда было видно, как бомбардировщики, волна за волной, налетали на город и сбрасывали свой страшный груз. Весь город горел. Жертвы исчислялись десятками тысяч.

С концом войны Адя Белинг приехала к мужу в маленький старинный городок Кведленбург, находившийся в 16-ти километрах от Бланкенбурга. С приближением советской армии Белинги решили переехать в Геттинген, университетский город, где жила родная сестра Ади, Евгения Максимилиановна. У профессора Белинга была с собой большая библиотека книг по его специальности. Было решено сначала перевезти библиотеку, а затем вернуться за остальными вещами. Вернулись они поздно вечером. Шофер сказал, что ехать уже поздно, придётся переночевать и выехать рано утром.

Проснувшись утром, Белинги увидели городок в руках советской армии. Выехать было невозможно. На запад от городка стояли советские посты. Между постами было поле, затем начинался лес. Утро было серое. Потом пошёл мелкий дождь. Профессор Белинг и Адя, бросив все вещи, поползли по полю между постами. Профессору Белингу было уже около 65-ти лет. Только удалившись от постов на достаточное расстояние, они встали и вошли в лес, грязные и мокрые.

Пришлось начинать жизнь в Геттингене совершенно без вещей. Дмитрий Евстафьевич получил место заведующего биологическим музеем. Кроме того он вёл практические занятия в Университете со студентами по ихтиологии. Вскоре он стал новатором в деле создания речных биологических станций, которых не знала Германия.

Четыре года спустя, когда профессор Белинг умер, одной из станций было присвоено его имя. Аделаида Белинг получила от заведующего станции письмо, в котором он сообщал ей, что на биологической станции выделена для неё комната, которой она может пользоваться пожизненно...

---

* Zumachen – запирать.

** В этой главке речь идет об Аделаиде Максимилиановне (в девичестве Гротен) и Дмитрии Евстафьевиче Белингах. Советский период их жизни описан в главке "23. Первый урок и первая кондиция. 1907".

Но это было потом. В то время, то есть в 1945 году, Аделаида Белинг была сама самостоятельным работником. Она, как микробиолог, разработала специальный тип фильтров, при помощи которых можно было быстро установить, какие микробы находятся в воде и в воздухе. Она работала в лаборатории фабрики, которая стала строить эти фильтры. Затем она написала две книги по микробиологии на немецком языке. Они были изданы.

Передвижение беженцев в связи с окончанием войны заставило их потерять друг друга. Белинги не знали, где находятся их друзья и знакомые. Так же и Беклемишевы не знали, где находятся Наталия Сергеевна Вакар с сыном и матерью, где проф. Коваленко, где Наталья Захаровна Оскерко, где Радзиевские.

120. Дальше на запад

Советские войска стояли в трёх километрах от Бланкенбурга. Ближайшие города, Хальберштадт и Кведленбург, были ими уже заняты. Каждую ночь можно было ожидать советских гостей и в Бланкенбурге. Ясутов уже бежал на запад, бросив жену и дочь. Он угрожал инженеру Петренко, как председателю местного украинского комитета:

– Посмейте только не вывезти мою жену и дочь.

Как будто у Петренко имелись транспортные средства и не было собственной семьи. Через служащих английской комендатуры Петренко узнал, что действительно Бланкенбург будет отдан советчикам в порядке выпрямления границ. Уже уехали Клеменцы и семья Каувайтиса. Глеб считал, что надо уже уезжать и как можно скорее.

– Ах! Ты опять нервничаешь. У тебя нервы совсем никуда, – говорила Оля.

– Я, напротив, нахожу, что у нас железные нервы. Анатолий Вакар покончил с собой после двух войн, японской и германской. Разве мы перенесли меньше? А как были расстроены нервы у Владимира Вакара? Он временами совсем сходил с ума. Мы – просто бесчувственные. Без всякого нервничания я считаю, что надо уходить на запад.

Было решено взять один рюкзак и чемодан, привязать их к велосипеду и уходить пешком. Так и сделали. Все остальные вещи были брошены. Почти у выхода из Бланкенбурга встретили сестру Карла Ивановича.

– Куда вы?

– На запад.

– Так, пешком?

– Да. Что же делать?

– Попросите у Карла Ивановича грузовик на завтра и уезжайте в Гослар.

Решили рискнуть ещё одной ночью. Карл Иванович дал грузовик. Его вёл шофер, бывший врангелевец Росин. В грузовике ехали Беклемишевы, Петренко и семья Росина. Были взяты все вещи. Хотели оставить мешок с картошкой хозяевам.

– Берите, берите, она вам пригодится, – замахали руками старые немцы.

Беклемишевы расстались с ними, как с друзьями. И действительно, это были очень милые старики. Грузовик катился по дороге, мимо речки, за которой стояли советские посты. Миновали гору Брокен, на которой собирались бесы и ведьмы в Вальпургиеву ночь ("Фауст" Гете и опера Гуно). Вечером проехали Бад Гарцбург и совсем ночью прибыли в Гослар. Въехали в украинский лагерь, находившийся в руках бандеровцев.

Разместились на ночлег. Между тем легко могло произойти обострение. Росин распространился о своих делах в белой армии, а комендант лагеря воевал в рядах петлюровцев. Росин скоро уехал, а Петренко и Глеб пошли искать пристанища не только для себя, но и для беженцев, двигавшихся за ними из Бланкенбурга. На получение комнат рассчитывать было нельзя. Немецкие власти, в согласии с английскими, распорядились не давать ордеров на комнаты прибывающим после первого июня [1945 года]. Они должны были селиться в лагерях.

Петренко узнал, что в трёх километрах от города есть небольшой лагерь, где жили "остовцы", работавшие на железной дороге. Немцы называли его "кляйне Москау". Население лагеря разбежалось благодаря тому, что советские комиссии стали слишком часто его посещать.

Глеб и Петренко отправились искать лагерь. Он оказался почти пустым. Только в небольшом домике на горке оказалось два человека. Один советский пленный и техник Яркин. Как только Беклемишевы и Петренко перевезли свои вещи в лагерь, стали прибывать беженцы из Бланкенбурга. Сначала приехали семьи шоферов, бывших врангелевцев. Они останавливались в лагере только временно, так как вся колонна грузовиков переводилась в Вартенштадт. Затем стали прибывать, волна за волной, украинские крестьяне, которые бежали с Советской Украины и не хотели туда возвращаться.

Скоро небольшой лагерь так переполнился, что две семьи ночевали на дворе под тентом. Затем семьи врангелевцев уехали. Все как-то утряслись. Лагерь остался главным образом крестьянским. Из интеллигентных семейств были только Петренко, Базилевичи, Беклемишевы, Чехонина с Серёжей. Было ещё семейство электрика Шимраба из пяти человек, бывший советский лейтенант с женой, и ещё один бывший лейтенант, ходивший всегда с револьвером и имевший бандитский вид. Среди молодёжи выделялись Остапенко, прилежно учивший английский язык, и казак Орлов, занимавшийся воровством, а возможно и грабежами. Остальное лагерное население состояло из раскулаченных крестьян-украинцев. Всё это были крепкие люди, как будто перенесенные в наш век из времён Тараса Бульбы. Среди них было три семейства белорусов. Они отличались большим числом детей, от четырёх до шести. Комендантом лагеря выбрали инженера Петренко. Вскоре лагерь зачислили на довольствие английской комендатуры, и беженцы начали получать паёк.

Ещё несколько позже между ними начали распределять американские пакеты "кер"[*]. Беженцы воспрянули духом. Да и сами они не сидели сложив руки. И украинские, и белорусские крестьяне оказались великолепными химиками и настроили самогонных аппаратов. Правда, Петренко принял меры к выселению аппаратов из лагеря, дабы избежать недоразумений с английским начальством. Аппараты уехали не очень далеко. Владельцы перенесли их в ближайший овраг. Дым, поднимавшийся из оврага, указывал их местонахождение.

121. Беженская идиллия. Квакеры. Комиссия

Основной лагерный контингент почувствовал себя совсем неплохо: кормят даром, американцы шлют посылки, ещё не израсходованы кожа и консервы, добытые на складах при окончании войны. Самогон-первак, собственной марки, был в достаточном количестве. Дрова в лагерь привозили. Если их было мало, лес находился под боком. Сапожник Юрко ставил силки на диких коз, которые были не особенно дикими.

Когда пришли девушки-немки для переписи лагерного населения, перед ними не стеснялись, указывая свои деревни, откуда они были родом. На вопрос, куда вы хотите эмигрировать? – писали – в Канаду, в Австралию, в США, в Аргентину. Беженцы ещё не представляли себе, какие тучи, родившиеся на Ялтинской конференции, собирались над ними.

В лагере появился англичанин, лет тридцати, в серой форме. Он был большого роста, имел приятное лицо и серые глаза, глядевшие по детски. Это был мистер Дуглас Дин, инженер-химик по образованию и квакер по убеждению.

---

[*] Речь идет о гуманитарной американской структуре CARE (Cooperative for American remittances to Europe), которая была создана в ноябре 1945 г. Первые продовольственные пакеты являлись излишками, запасенными для военнослужащих армии США под вторжение в Японию, в формате «один пакет на десятерых солдат на день». В начале 1947-го пакеты «Десять [пайков] в одном» были на складах исчерпаны, и CARE начала формировать уже собственные продовольственные пакеты.

Он представлял собой английский квакерский "тим" [(команда, группа)], приехавший в Гослар из Англии, для обслуживания беженцев. Дуглас Дин оказался единственным мужчиной в "тиме". Остальные члены "тима" были девушки-квакерши. Всё это были очень приятные, христиански настроенные люди, с несколько наивным представлением о том, что творилось в Восточной Европе, где хозяйничали коммунисты.

Когда Петренко и Глеб разговаривали с мистером Дином, им трудно было понимать друг друга не только из-за языка (они беседовали по-немецки), но и из-за перенесения Дином английских условий на советскую почву.

– Если русскому народу не нравится Сталин, – спрашивал он, – почему он не выберет другого?

– Слушайте, – сказал Глеб, – ни вы, ни я – не политики. Что вы думаете о Винстоне Черчилле?

– О! Это гений!

– Если так, то прочтите его речь, произнесенную в Америке об "одиннадцати головорезах в Политбюро". Может быть вы больше поймёте из его речи, чем из моих объяснений, и вам станет яснее, почему в Доминиканской республике невозможно выбрать кого-нибудь взамен Трухильо, а в Советском Союзе невозможно забаллотировать Сталина.

Тем временем лето сменилось осенью. Пожелтела и опала листва канадского дуба, который рос по склонам гор. Выше по-прежнему чернели ели, или "Смереки", как их называли галичане. Осенью в лагерь зачастили комиссии. Жители лагеря уже знали, что бывшим советским гражданам угрожает принудительная отправка на родину. При новых опросах в комиссиях крестьяне меняли свои прежние показания. Но уничтожить первоначальных данных они не могли. Затем в лагере стали появляться советские военные. Первоначально население лагеря, за немногими исключениями, удирало в лес. Советский офицер ходил по пустому лагерю и обрадовался, найдя старуху, которая пекла оладьи под открытым небом.

– Ишь, из какой белой муки печёт оладьи, – сказал офицер. – Вот и уговори её ехать домой от такой муки.

Однажды приехал молодой советский лейтенант. Лагерники на этот раз не убежали, а расселись в круг. Лейтенант старался расположить их в свою пользу шутками:

– Готовьтесь, товарищи, все поедем домой. Не правда ли, красавица? – обратился он к крупной девушке 18-ти лет, – мы тебе там такого жениха найдём – вся грудь в орденах.

– Чего я туда поеду? Нас разорили, из хаты выбросили.

– Другую дадим. Что вам тут делать?

– Вы нам советских газет привезите, – сказал какой-то неизвестный в лагере субъект.

– Привезу, обязательно привезу. А вы собирайтесь, скоро за вами приедем.

Лейтенант сел в автомобиль, а серьёзный дядя, Коломенский, побывавший в советских лагерях Сибири, сгрёб неизвестного субъекта за шиворот:

– Ты откуда взялся, сукин сын? Советских газет захотел? Говори откуда взялся или душа из тебя вон.

– Да я немец. Я в Советском Союзе жил, а сейчас вон там у бауэра [(крестьянина-фермера)].

– Так ты к бауэру советских и приглашай, а сюда не лезь, если хочешь быть живым.

В белорусском лагере на другом конце Гослара разговор с советским майором был острее.

– Так что, товарищи, все поедем домой, – сказал майор.

– Ну, а я не поеду, – ответил крепко сшитый тип.

– Как не поедешь? Не поедешь – силой возьмём.

– А ты меня не пугай. Я сам начальником особого отдела был.

Этот "начальник особого отдела" был вскоре арестован за то, что до полусмерти избил лопатой немца. Когда его переводили из одной тюрьмы в другую, он застрелил немецкого полицейского и бесследно исчез. Публика в лагере нервничала. Приближался день особой контрольной комиссии с участием советского майора. Малограмотные люди, плохо знавшие географию, зазубривали места, где они "родились". Места рождения находились у Дрогобыча и Молодечно. Срочно печатались документы, подтверждающие биографии.

Один советский парень, считавший себя "пострадавшим за правду" потому, что немецкая полиция отобрала у него вещи, награбленные в камере для хранения багажа, дошёл до того, что заказал для своей жены документ об окончании института благородных девиц в Белграде имени княгини Ксении. Когда документ вызвал у всех улыбку, бедная институтка с деревенскими, как бы обрубленными, пальцами с прекрасным украинским акцентом говорила:

– Если не верите, можете спросить княгиню Ксению.

И вот настал день "страшного суда". За столом, покрытым красной материей, сидели: английский майор, советский майор, польский лейтенант, переводчик. На столе лежали результаты нескольких переписей. Перед советским майором лежали документы первой переписи. Перед столом стоял стул, на который усаживали допрашиваемого. Сзади него находился шофер советского майора. Шофер, естественно, не принимал участия в допросе, но каждый раз громко смеялся, когда под перекрестным допросом "подсудимый" путался.

– Где вы родились? – спрашивал старого Скока английский майор по-английски. Переводчик повторял вопрос по-украински.

– В Дрогобыче.

– А вы не бывали в селе Ставище под Киевом? – спрашивал советский майор.

– Нет, не бывал.

– А какие деревни вы знаете около Дрогобыча?

Увы! Старый Скок не знал ни одной деревни у Дрогобыча. Шофер советского майора громко захохотал.

– Чого вы регочете? – повернулся к нему Скок, – це ваша така культура?

Потом допрашивали крестьянку-белоруску. Бедная женщина чётко отвечала на вопросы. Она была из-под Минска, но отстаивала свое место рождения под Молодечно. Обыкновенно перед комиссией фигурировал только глава семьи, но на этот раз комиссия решила поймать белоруску. После неё в комнату потребовали её четырнадцатилетнего сына. Он прекрасно выдержал экзамен. Как его ни склоняли к Минску, он упорно отстаивал версию Молодечно.*

---

* *Репатриация была обязательной, о чем Сталин, Рузвельт и Черчилль договорились в Ялте при встрече в феврале 1945 г. Это дало повод называть в различных публикациях советских перемещенных лиц «жертвами Ялты», а Рузвельта и Черчилля – соучастниками «преступника» Сталина.*

<…>Обязательность репатриации не следует понимать так, что чуть ли не все советские граждане были возвращены в СССР вопреки их желанию. <…>Можно смело утверждать, что не менее 80% «восточников», т.е. жителей СССР в границах до 17 сентября 1939 г., в случае добровольности репатриации все равно возвратились бы в СССР. Что касается «западников», т.е. жителей Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины, то они существенно отличались от «восточников» по менталитету, морально-психологическому настрою, политическим и ценностным ориентирам, и в их среде действительно преобладали невозвращенцы. Те из них, кто оказался в зоне действий Красной Армии, были насильственно возвращены в СССР. «Западников», оказавшихся в западных зонах, англо-американцы с самого начала освободили от обязательной репатриации: они передали советским властям только тех из них, которые сами этого хотели.

Во время войны с Германией и в первые месяцы после ее окончания англо-американцы насильственно передавали Советскому Союзу «восточников»-невозвращенцев (преимущественно коллаборационистов), но с сентября-октября 1945 г. стали распространять принцип добровольности репатриации и на «восточников», окончательно следуя ему с началом холодной войны. По нашему мнению, если бы репатриация была добровольной, то численность советских граждан, не возвратившихся в СССР, составила бы не около 0,5 млн, а вероятно, вряд ли больше 1 млн человек. ***– Виктор Земсков. Репатриация перемещенных советских граждан (http://scepsis.net/)***

Комиссия не знала, что в стене сзади "судейского" стола были предварительно просверлены отверстия, и несколько пар глаз и ушей следили за всеми действиями комиссии. Советский майор решил пуститься на провокацию. Он потребовал, чтобы белоруску позвали снова.

– Вот вы говорили нам, что вы из-под Молодечно, что вы никогда не бывали в Минске, а ваш сын сознался нам, что вы из-под Минска и в самом Минске бывали.

– Не мог он этого говорить, – ответила твердо белоруска, которая не только слышала ответы сына, но и видела его перед комиссией через просверленную дыру.

Проще всего поступил казак Орлов. По его словам, он кончил польскую гимназию, хотя Орлов ни слова не знал по-польски. Всё прошло благополучно, потому что вместо Орлова перед комиссией выступало подставное лицо, его приятель – молодой поляк.

Были в комиссии и драматические моменты. Так, вместо мужа на комиссию явилась жена с малым ребёнком. Она признала, что она из-под Николаева, но заявила, что её родителей уничтожила советская власть и живой она в Советский Союз не вернется. Она в слезах ушла с ребёнком из комиссии.

Так же открыто выступил перед комиссией Сивоус. В гражданскую войну он был в рядах белой армии. Потом, скрыв эту часть своей биографии, работал шахтёром в Донбассе. Он не скрыл этого перед комиссией, но так же заявил, что живым в Советский Союз не вернётся.

Около барака, где заседала комиссия, стояла толпа. Каждый выходивший из комиссии тут же рассказывал о своих успехах или о поражении.

– Ой, засыпался, ой, засыпался, – кричал сапожник Юрко.

Комендант Петренко узнал результаты на другой день через английских квакеров: 75% населения лагеря подлежало вывозу. Большинство не ждало даже сведений от квакеров. Часть бежала в Ганновер, часть в лес, другие даже в американскую зону. Явившись в другой лагерь, человек менял всё – и фамилию, и имя, и возраст, и биографию.

– А вы куда? – спросил Петренко Сивоуса.

– А я списался с бауэром, у которого я работал пленным в первую мировую войну. Хороший человек, он охотно меня принимает. Сегодня вечером уезжаю.

Лагерь опустел. Около недели Петренко получал продовольствие на всех бежавших. Большинство из них выходили из своих тайных убежищ и получали провизию.

В ночь на первое февраля лагерь был окружён английскими солдатами. Рассказывали, что английский офицер стоявшей в Госларе части отказался участвовать в таком позорном деле, как насильная выдача советчикам бежавших от них людей. Офицера отдали под суд, а для операции прислали какую-то колониальную часть. Действительно, у солдат были какие-то зверские, малокультурные физиономии.

Жертвами налёта оказались две семьи: одна украинская пара, приехавшая за вещами и оставшаяся ночевать в лагере как раз в эту злосчастную ночь, да белорусская семья, состоявшая из матери и шести детей, они пришли ранним утром и наткнулись на англичан. Забрали мать и пять детей, старшей дочери удалось скрыться. Двое других детей, с благословения матери, удрали уже в Берлине и вернулись в Гослар на американском грузовике с неграми.

Лагерь опустел. Петренко боялся, что его совсем закроют и нашёл галичан, которые решили переехать в лагерь из отдельного барака, где они жили.

В этот период Петренко и Глеб встретились с петербургским писателем Сергеем Горным. По образованию он был горный инженер, жил в эмиграции в Берлине. Его дочь, балерина, служила в английском управлении беженцами. Её часто видели в автомобиле в обществе советских офицеров. Как говорили, она с ними часто кутила, в лагерях она считалась фигурой одиозной.*

Александр Авдеевич Оцуп (Сергей Горный)

122. Жизнь в лесу

Лагерь лежал между шоссе и железной дорогой. Сейчас же по другую сторону дороги начинался лес. Лес был кормильцем лагеря. Летом в нём поспевала лесная малина. Осенью в лесу росли грибы, в том числе белые и опёнки. Зимой лес поставлял топливо. Можно было длинной клюкой ломать сухие ветки. Иногда лагерники волокли по снегу с горы целые, сваленные ранее ели.

---

* Александр Авдеевич Оцуп, псевдоним – Сергей Горный (1882-1948).

Окончив в 1908 году с отличием Горный институт, Александр женился на молодой выпускнице Педагогических курсов Екатерине Николаевне Абрамовой (1886-1962) и вскоре переехал с ней в Екатеринослав. Здесь Александр сделал удачную деловую карьеру: стал директором Днепровского гвоздильного завода, через год – вице–председателем Общества заводчиков и фабрикантов Екатеринославской губернии, занял солидное общественное положение. Как директор, хотя и небольшого завода, он получал тысячу рублей в месяц – оклад, равный губернаторскому. В 1912-1917 гг. в Петербурге были изданы четыре книги юмористических рассказов Сергея Горного.

<…>Грянувшие революция, а затем и гражданская война, положили конец удачно складывавшейся карьере предпринимателя, начался мучительный исход семьи А. Оцупа в эмиграцию. <…>С помощью англичан в 1920 г. эвакуировался из Новороссийска на Кипр, через полтора года перебрался в Берлин, где уже обосновались мать и братья. Позже к нему присоединились жена с маленькой дочкой Валентиной, у них был свой путь в эмиграцию. Все имущество семьи было национализировано, нужно было начинать жизнь с начала. В эмиграции Александр Авдеевич зарабатывал на жизнь профессией инженера, переводчика и литератора.

<…>После окончания Второй мировой войны Горный работал переводчиком в британской зоне оккупации в Госларе. Летом 1946 года [вторая его дочь] Людмила получила визу и разрешение на работу в Швейцарии: танцевала в балетных труппах Лозанны и Женевы, вышла замуж за художника Алексея Ширяева. В июне 1947 года в Швейцарию перебрались и ее родители. Однако срок временной визы быстро подошел к концу, и в октябре 1947 года С. Горный вместе с супругой переехал к своему брату Сергею в Мадрид, рассчитывая на его помощь. – ***К.И. Финкельштейн. Повторитель прошлого. О Сергее Горном (http://kfinkelshteyn.narod.ru)***

Лес приносил много утешения. Зимой на снегу виднелись следы птиц и зайцев. Летом и осенью Беклемишевы часто гуляли с семьёй Петренко. Иногда летом Глеб и Оля отправлялись вглубь леса с велосипедом. Обратная дорога шла с горы и иногда можно было проехать шесть-семь километров, не работая. Для Оли привязывалась к раме специальная подушка.

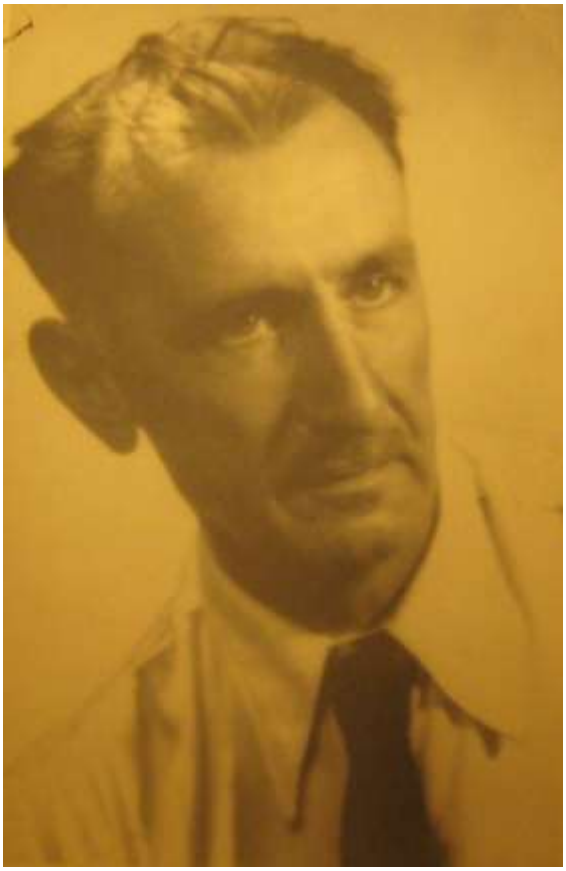
Кто-то из писателей сказал, что растительный и животный мир приносит нам в жизни массу удовольствий. Есть однако немало людей, которые не любят животных и вообще равнодушны к природе. Их восприятие мира должно быть чрезвычайно ущерблено, как у слепых или у глухих. Евгения Петровна Базилевич была награждена от природы особой способностью впитывать в себя впечатления животного и растительного мира. Она могла так рассказать о впечатлении, произведенном курицей на двух молодых петушков, что слушатели как бы сами видели сцену их встречи.

В горах Гарца были прекрасные места, лесные поляны, ручьи, бегущие по каменистому ложу. Одна лысоватая гора, видная с дороги, которая проходила у лагеря, производила при лунном освещении впечатление японской горы Фудзияма. Беклемишевы часто забывали о своём мизерном существовании, углубляясь в далёкие лесные прогулки.

Оля говорила Ирине Григорьевне Петренко:

– Вот сейчас мы жалуемся на свою судьбу. Мы не свободны. Мы не можем ехать, куда хотим. А ведь когда-нибудь придёт время, когда мы будем вспоминать об этой жизни у живой природы с благодарностью, может быть даже как о счастливом времени.

– Возможно, – сказал Глеб, – всё в мире относительно.



А.П. Беклемишев, Германия, 1947 г.

Конечно, было в лагере немало минусов. Над всеми висела, как дамоклов меч, угроза со стороны советских властей. Они далеко не примирились с тем, что сотни тысяч их рабов остались в Западной Германии.

Получение американских посылок прекратилось. Таким образом питание стало более скудным. Один галичанин-шофер сказал по этому поводу:

– Я и остался-то здесь потому, что думал, что "пачки" нам будут давать всегда, а то я уехал бы в Польшу.

Беклемишевы жили в бараке с цементным полом. В сырые дни поверх пола накоплялась вода. Оля заболела. Обратились к немецкому врачу. Врач этот имел репутацию антинаци. Он хорошо относился к иностранцам, при Гитлере сидел в тюрьме. Ему было шестьдесят лет, но он выглядел ещё очень крепким. Было известно, что он развёлся с женой и был женат на сравнительно молодой медицинской сестре.

Глеб пригласил доктора в лагерь. Будучи взволнован, Глеб хотел сказать доктору: "Доктор, помогите! Моя жена – единственный близкий мне в мире человек". Но выразить это по-немецки ему было трудно, и он сказал: "Доктор, их хабе нур айне фрай [(у меня только одна женщина)]", на что доктор заметил: "цу вениг (слишком мало)".

В следующее посещение доктора Оля чувствовала себя лучше и заметила, что доктор в хорошем настроении и лицо его сияет. Она спросила доктора о причине его хорошего настроения.

-Их хате истерн гохцайт [(Я справил свадьбу)].

-Вы выдали вашу дочку замуж?

-Нет, я сам женился.

Оказывается доктор развёлся со второй женой и женился на третьей, тоже своей медсестре, совсем молоденькой.

123. Люди возникают из небытия

Вскоре после окончания войны немцы организовали "Зухцентрале", бюро, которое разыскивало пропавших родственников и знакомых. Глеб уплатил пять марок без всяких результатов. Он знал, что где-то в Германии существуют Белинги, Наталья Сергеевна Вакар, семейство Коваленко, Радзиевские. Но как их обнаружить?

Однажды Глеб с Петренко поехали в Геттинген. Шли с вокзала по улице. На углу стояли два немца. Один из них посмотрел на Глеба и спросил по-русски:

– Простите, вы не Глеб Петрович Беклемишев?

– Да, так меня зовут.

– Вы меня не узнаёте?

Как-то неприятно признаваться, что не узнаёшь человека. Поэтому Глеб ответил политично:

– Да, конечно, я узнаю вас. Только не могу вспомнить, где мы встречались, в Шретерсбурге или в Рейнгаузене.

– Ни в одном из них. Я работал в вашей кафедре в Киеве. Я – Кособоков.

Тут только Глеб его узнал. Обменялись адресами. Кособоков обещал приехать в Гослар. И действительно через неделю он приехал в лагерь.

Он рассказал события своей жизни начиная с прихода немцев в Киев. У него были жена и дочь. Жена была родом из обрусевших немцев. Когда немцы стали производить учёт фольксдойче, Кособоковы решили не обнаруживать своих немецких корней и не делаться фольксдойче. Однако им пришлось изменить своё намерение благодаря доносу. Это было полгода спустя после зверского убийства евреев в Киеве. Кто-то донёс, что Софья Юльевна еврейка. Ей пришлось пойти в Гестапо с документами, из которых обнаружилось её немецкое происхождение.

– Так вы же должны оформить свои права как фольксдойче.

По Софье Юльевне стали фольксдойче и Ираклий Устинович и их дочь. В 1943 году их вывезли в Германию, и Кособоков стал работать в лаборатории.

До конца войны оставалось уже немного, когда Ираклий Устинович, возвращаясь домой с работы, встретил свою дочь с офицером в немецкой форме.

– Папа! – сказала дочь, – познакомься, это мой жених.

Офицер протянул руку и сказал несколько слов на чистом русском языке.

– Папа! Мы сейчас уезжаем в Дрезден. Я оттуда тебе немедленно напишу.

Они ушли, а я, рассказывал Кособоков, пришёл домой и спросил жену:

– Ты видела Люду?

– Да, – ответила она, – Люда познакомила меня с женихом и сказала, что уезжает в Дрезден.

– Я встретил их. Зачем ты её отпустила?

– Это было так неожиданно. А зачем ты её отпустил?

– Теперь ничего не поделаешь. Будем ждать письма.

Но письмо не пришло. Дочь Кособоковых приехала в Дрезден в день страшного налёта на этот город. Все розыски, предпринятые Кособоковым, ни к чему не привели. Через 8 лет родители получили письмо от дочери из С.С.С.Р. Кособоков показал Беклемишевым карточку дочери. С фотографии смотрело лицо красивой девушки двадцати лет...*

Белинги жили в Геттингене у сестры Ади, Евгении Максимилиановны. Однажды Дмитрий Евстафьевич шёл по мостовой вдоль тротуара и тащил за собой "хандваген". На его беду по улице проезжал большой грузовик. На ходу у грузовика открылась тяжёлая дверь и ударила профессора Белинга по спине. Он упал. С двумя сломанными рёбрами профессор попал в госпиталь. В госпитале соседом по койке Белинга оказался Ираклий Устинович Кособоков. Оказалось, что оба говорят по-русски и оба киевляне. Стали перебирать знакомых киевлян.

– Знали вы Радзиевских?

– Как не знать. Мы жили с ними на одной улице. А не знавали ли вы инженера Беклемишева?

– Боже мой! Да я работал в его кафедре. Более того, две недели тому назад я был у него в Госларе.

– Так он тут! А его жена?

– И она здесь. Мы втроём грибы у них в лесу собирали.

Кособоков написал Глебу, и Глеб сейчас же приехал в Гёттинген. Он познакомился с Софьей Юльевной Кособоковой, красивой, большого роста, дамой и навестил Белингов. Дмитрий Евстафьевич заведовал музеем. Адя работала как бактериолог. Стали вспоминать добрые старые времена, когда жили в Букрине летом, когда Белинг был студентом, Адя гимназисткой, а Глеб только что кончил гимназию.

Потом Адя приехала в Гослар. Глеб раздобыл ещё один велосипед, и они поехали по шоссе в горы. Адя набрала корзину грибов. Потом ходили за грибами вблизи лагеря. Встретили немку с грибами. Немка собрала серые мухоморы, Оля несла поддубовики.

– О! – вскричала немка, – зи хабен гифтиге пильзен!

– Найн, – отвечала Оля, – зи хабен гифтиге пильзен ([это вы собрали] ядовитые грибы).

Так они и не переубедили одна другую.

Вскоре один служивший в английском управлении украинец попросил Глеба заниматься по математике с его сыном. Сын Бельского Ярко учился в немецкой гимназии. Знания его были настолько высоки, что ни в каком репетиторе он не нуждался. Глеб стал с ним двигаться вперёд, обгоняя гимназический курс, а потом излагал ему начала аналитической и начертательной геометрии.

В это время Глеб решил окончить автомобильную школу и получить "фюрершайн" (право управления автомобилем). Перед этим Глеб посещал курсы в другом лагере, где один англичанин читал курс устройства и управления автомобилем. Евгения Петровна Базилевич называла этот курс: "Заочное обучение езде на заочном автомобиле по заочным дорогам".

Чтобы попасть в немецкую школу, нужно было получить разрешение от английского майора. Однако оказалось, что для получения разрешения надо принести записку от человека, который согласен нанять вас шофером по окончании школы. Глеб сел на велосипед и поехал в Ваттенштадт. Там он разыскал Карла Ивановича, получил соответствующую записку и доставил её майору. Майор выдал разрешение, и Глеб отправился к немцу, заведовавшему

---

* Как известно, Дрезден вошел в советскую зону оккупации Германии.

школой. За обучение надо было уплатить 130 марок. Немец-заведующий школой сказал:

– Вы принесли 130 марок. Это хорошо. Но вы понимаете, что от этих марок сытым не будешь. Принесите ещё американские консервы.

Глеб принёс консервы, и обучение началось. Через три недели Глеб сдал экзамен в присутствии инспектора и получил "фюрершайн". Глеб хотел ещё попрактиковаться на грузовике. Он нашёл немца, владельца грузовика. Тот готов был практиковать Глеба, но требовал для этого горючего. Глеб отправился в гостиницу "Гольденштерн" и купил там бензина. В первую же поездку с немцем (Глебу сказали, что он коммунист) Глеб обратил внимание, что у него только один тормоз.

– Послушайте, ведь по правилам должно быть два тормоза. Я вижу ножной, а где же ручной?

– Пустяки, – ответил немец, – можно ездить и с одним.

Немец оказался жуликом. После двух поездок он прекратил занятия, сославшись на ремонт автомобиля, и не вернул оставшийся бензин... Через месяц он погиб в горах Гарца вместе с сыном. Единственный тормоз испортился, и он разбился.

Не очень далеко от лагеря в лесу, в домике жила немка со слепым мужем. Беклемишевы иногда выменивали у неё куриные яйца на табак. Муж её не всегда был слепым. Во время войны он служил на заводе и командовал целой группой "остовцев". Обращался он с ними грубо и жестоко. Его не любили.

Немец любил выпить и за неимением настоящего алкоголя пил метиловый спирт. Он стал слепнуть. Когда война была окончена, группа "остовцев" пошла к бывшему своему начальнику с намерением его убить. Он вышел на крыльцо, держась за перила. Бывшие "остовцы" стояли против него. Один из них сказал: "Да ведь он слепой, Бог его уже наказал. Пойдём отсюда". И немец остался жив. Он обращался потом к врачам. Медицина оказалась бессильна, глазной нерв был мёртв... Он выходил из дому и, держась за верёвку, шёл к куче дров. Там он ощупью ставил полено и колол его топором.

124. Галичане

Комендант лагеря Петренко заполнил лагерь, опустевший после контрольной комиссии с советским майором, галичанами. Это были всё молодые люди, за двумя-тремя исключениями. Один из них был старик Ильницкий. Он во время войны работал кладовщиком на цинковом заводе, находившемся недалеко от лагеря. Оттуда он благоприобрёл немало полезных предметов, среди них пишущую машинку. Про своих галичан он говорил: "У нас нема злодиев, один господарь краде у другого". Второй пожилой галичанин, Лунев, бывший лавочник и мясник, большой пройдоха, был поставлен в лагере на работу по выдаче продуктов.

Среди галичан находились две польки. Одна из них, чёрная, крашеная, лет сорока, женившая на себе парня 22-х лет, была душой той воровской компании, которой служила ядром всей группы. Другая полька, лет 24-х, была замужем за галичанином Весёлым и отличалась хозяйственностью и добрым нравом. Весёлые были ближайшими соседями Беклемишевых. За Весёлыми в маленькой комнатке жил галичанин лет 45-ти. Все называли его "пан бюргомайстер", потому что он был бургомистром в каком-то местечке Галиции при немцах. Это звание так к нему и прилипло.

Сначала Глеб не знал его чина и когда какой-то посетитель лагеря спросил, где тут живёт бургомистр, Глеб ответил, что бургомистра надо искать в городе, где-нибудь в "Ратхаузе" [(ратуше)].

– Да нет, тут у вас есть свой бургомистр, – ответил посетитель.

Особо примечательной личностью в лагере стал сапожник Петро. Это был тщедушный молодой человек небольшого роста. Он был пьяница и вор. Когда он

крал в пьяном виде, то всегда попадался. Тогда его били. Побои он переносил стоически. Тем не менее, он был незаурядной личностью.

Когда советские войска в 1939 году заняли часть Польши и Галиции, они мобилизовали Петра и отправили его на Дальний восток. Петро умудрился удрать и через всю Сибирь и европейскую часть Советского союза вернуться в Галицию. Вернулся он как раз вовремя, чтобы оказаться под немцами. Ими он был вывезен в Германию, после войны он открыл свою сапожную мастерскую. Работал больше на немцев, брал у них авансы и надувал их нещадно. Кроме того он занимался спекуляцией, брал у всех американские папиросы под будущую муку, яблоки и другие блага, и возвращал их или их эквивалент только после того, как его били. Напившись, он пел, шумел, лез ко всем целоваться, а также покушался на кражи.

У соседа Беклемишевых, Весёлого, были в особой загородке кролики. Петро забрался ночью в крольчатник и украл крольчиху. Он положил её в портфель, но по дороге, по пьяному делу, упал на неё и задавил. Будучи в крольчатнике, Петро уронил свой гребешок, почему Весёлый безошибочно установил, кто был вор. Он заставил Петра вернуть мёртвую крольчиху, и конечно Петро получил некоторое физическое возмездие.

По этому поводу у Весёлого с "бюргомайстром" произошёл такой разговор:

– Хто ж крольчиху вкрав?

– Та хто ж, як не Петро. Вин там и расческу загубыв.

– Ты його бив?

– Ни, не бив, тильки два разы в пику (морду) дав.

Петро от таких неудач нисколько не унывал, жил он один в железном американском бараке, где помещалась и его мастерская. К нему стала ходить немка, удовлетворявшаяся гонораром в вида "буханки" хлеба. Петро жаловался: "У мене вже и хлиба нема, а вона все ходить".

У некоторых галичан были "временные жёны" – немки. Такая немка-жена ходила к "бюргомайстру", была немка-жена и у одного из главных лагерных спекулянтов, сердцееда, похожего на парикмахера. Поссорившись с ней, он немедленно заменил её другой. Впоследствии он женился на ней.

Ещё более важный спекулянт, живший сначала в польском лагере под фамилией Килбаса, и ставший теперь Кивбасой, приобрёл большую известность не только в лагере, но и в Госларе. Когда русская тёща украинского лидера, доктора Лысяка пришла в лагерь, она без обиняков спросила:

– Скажите, где здесь живёт спекулянт Колбаса? – как обычно спрашивают о докторе или адвокате.

Однажды соседи заметили, что к сапожнику Петру ходит другая молоденькая немка. Он сейчас же объяснил:

– Батько циеи [(цей?)] нимкини [(немки)] маэ гарный садок и маэ шкиру. Так що я буду маты и шкиру, и яблука. Батько хоче що б я з нею одружився (Петро считал себя завидным женихом), я кажу, що одружуся, але я так соби кажу, я другу маю.

Вдруг Петро исчез. Прошёл слух, что полиция поймала его в ближайшей деревне, в чужом курятнике. Через неделю Петро опять появился в лагере. Приключение с курятником в его рассказе выглядело так:

– Привели мене з вязници [(тюрьмы)] до английского судди. Суддя пытаэ: як цэ трапилось [(случилось)], що вас знайшли в курнику?

Я кажу: пане суддя, я э честный швець [(сапожник)]. Вы можете запытати сержанта английской армии Честера. Вин е мий замовець [(заказчик)]. Але [(Но)] я не маю машины робыти заготовки. Тому [(Поэтому)] я пишов до нимецького швеця, що мешкае [(живет)] три километри звидсиля [(отсюда)], Вы розумиете, пане суддя, я не миг користуватися [(пользоваться)] його машиною задарма. От же я принис йому пляшку [(бутылку)] горилки. И мы ии [(ее)] удвох [(вдвоем)] выпили. Було вже запізно [(поздно)], колы я йшов до лягеру. Вы знаете, що нам

заборонено ходити писля одиннадцати. Було як раз одиннадцать, коли я забачив патруль английской полиции. Тоди я сховався до курника. А тут як раз наскочила нимецка полиция и менэ схопила [(схватила)].

– Я бачу, що вы э дийсно честна людина, – каже английский суддя, – вы э вильни [(свободны)], можете идти.

– Дякую вам, – кажу я, – а хто мени поверне гроши, що я втратив, коли був у вязници? Я за ты ж день заробив бы дви сотни марок.

– "Вы маэте рацію [(право?)]", – каже суддя. О! Це був спради [(справедливый?)], розумный суддя. Вин каже: "Покличте того нимецкого полицая, що заарештував цю честну людину". Привели нимця-полицая. И суддя каже йому: "Заплатить дви сотни марок цьому честному швецю, якого вы затримали".

– Ни, кажу я, нехай ци гроши залишаются у цього полицая. Мы не нимци. Я дарую йому ци гроши.

Так в облаках славы и благородства Петро вернулся из тюрьмы. На следующий день Беклемишевы услышали какой-то равномерно повторяющийся звук.

– Кто-то выбивает тюфяк? – спросила Оля.

Глеб выглянул из дверей. Один из галичан бил Петра.

– Слухай, – приглушенно кричал Петро, – бий, але не пиднось галасу [(не подымай шум)], а то люди посбигаються.

Молодые галичане все были хорошо одеты. У них были изысканные манеры. Они целовали дамам ручки. Поэтому Глеб был крайне удивлён, когда обнаружилось, чем они занимались. А обнаружилось это случайно. Правда, уже раньше было замечено, что к лагерю по снегу вели какие-то кровавые пятна.

Затем дети наткнулись в кустах на группу, которая свежевала свинью. Дети испугались и убежали. Дело открылось, когда между промышлявшими ночью галичанами произошла ссора. Весёлый поссорился со своими друзьями. Однажды в лагерь приходил немец. Он нашёл свою курицу-пеструшку среди кур Весёлого. Весёлый уверял, что курица выросла у него из цыплёнка. Немец колебался. Условились, что завтра немец привезёт жену. Та уж не ошибётся.

После ухода немца Весёлый взял пеструшку, сел на велосипед, обменял в Госларе курицу на другую такую же пеструшку. На следующий день немка признала, что её муж ошибся – пеструшка похожа на её курицу, но это другая. Да, другая, хохолок не тот...

Но курица – это мелочи жизни. Дело было в свиньях.

Светила луна. У Весёлых было открыто окно. Весёлая проснулась от движения за окном. Через окно что-то брызнуло. Запахло эфиром. Она разбудила мужа. Он выглянул в окно и увидел при свете луны две убегавшие фигуры. Сомнений не было, их облили эфиром.

Весёлый оделся.

– Пане бюргомайстер, выходьте.

Но "бюргомайстер" не выходил. Нет уж, выходить глупо, ещё подколят.

Тогда Весёлый стал кричать:

– Пане Беклемишев, выходьте, на мене щось насыпали.

Глеб вышел. Было уже около трёх часов ночи. Было полнолуние. В спящем лагере всё было видно как днём. Рядом с Глебом стоял Весёлый. В правой руке он держал топор, левой ухватился за Глеба. Он весь дрожал мелкой дрожью. Первым долгом разбудили коменданта. Весёлый стучал в окно и кричал:

– Пане комендант, выходьте швыдче, на мене щось насыпали, и я можу заснуты.

Весёлый заставил коменданта звонить в английскую полицию. Полиция, узнав, что пока никого не убили, отказалась приехать.

Пошли к галичанину Федько, которого Весёлый узнал в одной из убегавших фигур. Федько лежал под одеялом и делал вид, что продирает глаза.

– Ты злодий, – кричал Весёлый, – на що ты пидходив до мого викна?

– Ты божевильный (сумасшедший), я весь час тут сплю.

– Ты злодий. Я тебе зарубаю сокирою [(топором)]. Може ты скажешь що ты не злодий? Це ж ты з Иваном вкрали свиню у нимця за млином.

– А не ты з Миколою вкрали свиню в недилю у кривого фермера?

Таким образом все карты были выложены на стол. Сомнений не оставалось – в лагере оперировала солидная группа свинокрадов.

Интересно было отметить, что несмотря на острую ненависть, существовавшую между поляками и галичанами, усиленную кровавыми действиями бандеровцев под Львовом, в криминальном мире была трогательная интернациональная солидарность. В украинских лагерях прятали польских преступников, которых разыскивала английская и немецкая полиция.

До прихода галичан в лагерь, в нём были только отдельные индивидуальные рыцари грабежа. Полиция арестовала казака Орлова (за ограбление магазина) и ещё Кузьмина, того самого, жена которого была "институткой" из Белграда. Кузьмин выдавал себя за югослава, но посланный к нему в тюрьму югославский офицер отрёкся от него. Суд приговорил Кузьмина к двум годам заключения, Орлова – к пяти. Им предложили на выбор – или отбывать наказание, или быть переданным Советам. Кузьмин решил сидеть в тюрьме, Орлов выбрал передачу Советам. Через год Орлов бежал и снова появился в английской зоне, в Брауншвейге. На нём был новый костюм. Физиономия была потасканная и опухшая.

125. Кооперация. Прикладное искусство

Магазины после войны стояли пустыми. Тем не менее они были открыты. В витрине одного магазина в Госларе были выставлены деревянные тарелки. На них были выжжены пляшущие эстонки в национальных костюмах и виды Ревеля. Эстонцы называли выжигание эстонским национальным искусством. Глеб имел совещание с электриком Шимрабом, открывшим в лагере мастерскую по починке часов, насчёт возможности построить выжигательный аппарат. Тридцать лет тому назад выжигательные аппараты работали на парах бензина и имели иглы из губчатой платины.

Теперь решено было сделать аппарат в виде электротрансформатора с иглами из хромистой проволоки. Первые образцы были неудовлетворительны. Только третий аппарат оказался настолько удачен, что Шимраб сделал по его образцу несколько других. Первыми начали работать Беклемишевы. За ними выжигать стали Петренко, Шимрабы, Зорины, жившие в другом лагере.

К тому времени при английском управлении образовался отдел кооперации "перемещённых лиц". Здание отеля, конфискованное у бывшего наци, передали в руки ДиПи [(displaced persons, перемещенных лиц)] для двух целей: для устройства межнационального клуба ДиПи и для организации украинских кустарных мастерских. Клуб так никогда и не организовался. В здании были поселены на втором этаже украинцы-бандуристы, только что организованной капеллы бандуристов, в нижнем этаже были помещены: мастерская по изготовлению бандур, мастерская резьбы по дереву и выжиганию и женская мастерская шитья и вышивания.

Увлекающийся квакер Дин посвятил всю свою деятельность организации капеллы бандуристов. Бандуристы стремились к тому, чтобы вытеснить из здания другие мастерские и клуб.

В это время работа по выжиганию имела сбыт через ДиПи-кооперацию. Возглавлял её инженер Тришко. Деятельность его была не особенно успешной. Глеб же сомневался в том, что он вообще инженер. Он окончил "украинскую академию" в Праге. То он носился с идеей устроить лесопильный завод во дворе отеля (для чего требуется значительно большая площадь) и покупал шестисильный мотор для лесопильной рамы, то хотел заказывать чугунную фрезу.

Вскоре Беклемишевы стали работать на немецкие магазины. Эстонцы со своей продукцией остались позади. Объяснялось это тем, что они не выходили из рамок танцующих эстонок и видов Ревеля. Беклемишевы пользовались для своих тарелок и шкатулок орнаментом украинским, русским, персидским, индусским. Кроме того они выжигали виды немецких древних церквей и ратуш. Они продавались в трёх магазинах Гослара. Хозяин одной фабрики мебели, точившей, между прочим, и деревянные тарелки, выставил в окне пять тарелок Беклемишевых под номерами. Если его спрашивали, можно ли купить тарелку, он отвечал: купить нельзя, но можно заказать. Затем он звонил по телефону в лагерь и говорил Глебу: "тарелок №2 требуется три, №4 – две".

Затем у Беклемишевых появились заказчики в соседнем Бад Гарцбурге. Один заказчик был старый немец, владелец магазина. Беклемишевы посещали его на квартире. У него жила родственница, немка из Рейнской области. Её сын погиб на подводной лодке. Она подтвердила мнение Беклемишевых о добром сердце рейнских немцев. Каждый раз она совала Оле в руки какой-нибудь подарок. Это могло быть куриное яйцо или пара яблок. Но это было трогательно. Бедная женщина не только не чувствовала вражды к иностранцам, но жалела их.

Воспользовавшись посещением Бад Гарцбурга, Беклемишевы поднимались по канатной воздушной дороге на гору. Оттуда открывался широкий вид. Виден был и Брокен, место "собрания ведьм". В это время ведьмы были выселены с Брокена. Его оккупировали советские войска.

В кооперативных мастерских работали женщины из нескольких лагерей. Туда ходила Евгения Петровна Базилевич, жена доктора Гамалея и много молодых украинок из соседнего лагеря. Евгения Петровна забавно передавала их разговоры. Молодая украинка обычно начинала рассказ в таком духе: "Приходить мий старый и каже..."

Мастерские приобрели двух новых работников. Один называл себя художником-декоратором. Это был молодой человек небольшого роста. Звали его Марком Троицким. Был он выходцем из духовной семьи, попал в немецкий плен, будучи в советской армии. Он поступил в мастерскую резьбы и выжигания. Это был прямолинейный и весёлый человек с языком несколько испорченным советскими вульгаризмами. Троицкий недавно женился на девушке, привезенной в Германию в принудительном порядке. По словам Троицкого, она была дочерью инженера. Троицкий вносил оживление в мастерскую. Он любил декламировать, внося в текст намеренные искажения. Так, он декламировал вместо:

Но был с ними юноша Марко,
Схватил он красавицу фею
И стал целовать её жарко...

Изменённый текст:

Но был с ними юноша Марко,
Схватил он красавицу фею
И стал целовать её в шею...

Вторым новым работником была Софья Ивановна, художница из Эстонии. Привёл её священник, отец Мануил. Отец Мануил был священником православной церкви, по происхождению имеретин. Он имел иконописное лицо, появившись в лагере, троекратно расцеловался с комендантом Петренко. Евгения Петровна Базилевич пела в небольшом хоре его церкви.

Беклемишевы и жена Шимраба втроём работали над триптихом для отца Мануила. Триптих представлял собою складную раму из розового бука, куда должны были быть уставлены иконы. Рама выжигалась и раскрашивалась. Таким образом, пространство между иконами покрывалось церковным орнаментом. Глеб также сделал отцу Мануилу копию Владимира Святого ([работы художника]

Васнецова) из Владимирского собора в Киеве. Отец Мануил хотел подарить эту копию другому священнику. Случайно эту копию увидели немцы, владельцы магазина. Они тотчас же попросили сделать и им Владимира Святого.

– Но это икона православной христианской религии, – предупредил их Глеб.

– Нас это интересует как "кунст" [(искусство)].

Глеб повторил копию и для них.

В связи с изготовлением триптиха отец Мануил часто бывал у Беклемишевых. Однажды он пришёл с миниатюрной девушкой, рекомендовал её как художницу и просил устроить её на работу в мастерскую. Софья Ивановна была беженкой из Ревеля. Она кончила там академию живописи. Она имела серые глаза, небольшой носик и особую причёску – волосы на затылке были зачесаны вверх. Она рассказала свою историю, наполненную трагическими событиями.

Жила она с матерью. Пережив раз приход большевиков и "добровольное" присоединение Эстонии к Советскому Союзу, мать и дочь не хотели всё это переживать вторично при отступлении немцев. Мать выехала первой, оставив Софье Ивановне адрес в Киле, по которому она должна была найти мать.

Софья Ивановна ликвидировала, как могла, вещи и выехала из Ревеля на пароходе. Был сентябрь месяц. Дул холодный ветер, по морю ходили свинцовые волны. Всем роздали спасательные жилеты. Их роздали недаром. Вскоре показался советский аэроплан. Сделав над беззащитным пароходом с беженцами круг, он сбросил бомбу. Бомба попала в корму и пароход стал тонуть. Спустили спасательные шлюпки. Несколько шлюпок перевернулось.

Софья Ивановна проплавала в холодной воде около двух часов. Терпящих бедствие подобрала немецкая канонерка. Их кое-как переодели в сухое, напоили горячим кофе и передали на следующий пароход с беженцами. Их опять догнал советский самолёт. Снова была сброшена бомба и повреждён пароход. Лётчик счёл свою миссию законченной, а пароход – тонущим, и улетел. Однако пароход, хотя и с большим креном, добрался до Киля. Мать свою Софья Ивановна не нашла. На месте дома, указанного в адресе, была груда кирпича. Софья Ивановна присоединилась к группе эстонок и попала в Дрезден.

Здесь она перенесла ужасную дрезденскую бомбардировку, которую Адя Белинг наблюдала из санитарного поезда. Был момент, когда Софья Ивановна считала свою гибель неизбежной. По обе стороны улицы, на которой она находилась, пылали дома. Горящий фосфор растекался по тротуарам и мостовой. Порыв ветра на миг разорвал дымовую завесу впереди. Мелькнула вода. Софья Ивановна, накинув пальто на голову, бросилась сквозь дым и пламя к воде. Те, кто не рискнул, погибли. Софья Ивановна прорвалась к речке и просидела на берегу её до конца бомбёжки.

Когда война кончилась, она получила от бургомистра справку, что идёт пешком на родину. Но пошла она не на восток, а на запад. По дороге она обращалась к бургомистрам городов, которые проходила, и получала у них продовольствие на три дня. Ей помогало знание немецкого языка. Так, после шести недель пути, она оказалась в Госларе. Здесь она стала работать на эстонцев, поставлявших в немецкие магазины тарелки с выжженными танцующими эстонками и видами Ревеля. Многие вещи, выставленные в витринах, были её работы.

Потом она пошла в православную церковь и встретилась с отцом Мануилом. Отец Мануил сказал, что эстонцы художницу эксплоатируют, и просил устроить её на работу в кооперацию. Софья Ивановна начала работать в мастерской резьбы и выжигания. Здесь она оказалась единственным человеком с художественным образованием. Она выжигала скачущие тройки на шкатулках и копию репинской картины "Запорожцы пишут ответ турецкому султану".

Здесь Софья Ивановна встретилась с участником капеллы бандуристов Георгием Яковлевичем Яркиным и вскоре вышла за него замуж. Софья Ивановна переселилась в украинский дом, где были мастерские и жили бандуристы. Здесь её, говорившую по-русски, встретили в штыки. Вскоре этот дом стал вообще ареной склок и ссор. Жалобы шли в английское управление. К квакерам,

обслуживавшим беженцев, поступали постоянные требования. Один галичанин, числившийся директором капеллы, обратился к квакерше, которую звали мисс Ант (это было прозвище – "тётка" [от англ. aunt]), с просьбой выдать ему новое пальто. Квакерша, которой надоели постоянные требования новых вещей, спросила: "Разве вы находите своё пальто плохим?".

– Оно для меня плохо, но я могу его отдать кому-нибудь другому, получив новое.

– Если вы сами не хотите его носить, – ответила мисс Ант, – то почему вы думаете, что кто-либо другой захочет его носить?

Ссоры в доме бандуристов шли кресчендо, и, наконец, английский майор закрыл его и всё население дома переселил в обыкновенный госларский украинский лагерь.

Интересно, что уже ранее между лагерем и населением привилегированного лагеря чувствовался некоторый "классовый" антагонизм. Когда англичане дали коменданту лагеря распоряжение послать женщин для уборки "украинского дома", комендант отправил несколько "дивчат". Они вероятно думали, что идут убирать реквизированный для англичан дом, но когда увидели, что в доме живут "свои" бандуристы, сказали: "Можуть сами вымиты, не велики пани", повернулись и ушли.

126. Литературный кружок

Зимой маленький лесной лагерь засыпало снегом. Сейчас же за лагерем на белом снегу появились птичьи и заячьи следы. Ветви елей были опушены снегом. Спускался вечер, и лагерь казался совсем отрезанным от внешнего мира. Лагерные спекулянты, владельцы относительных "богатств", имели радио. Но лагерная интеллигенция относилась к "люмпен-пролетариату" и радио не имела. Во многих лагерях коменданты использовали свою власть таким образом, что она соединялась с некоторыми экономическими преимуществами. Но комендант лесного лагеря Петренко тоже относился к "люмпен-пролетариату".

Понемногу вошло в обычай лагерной интеллигенции собираться для совместного чтения в зимние воскресные вечера. Приходили к Беклемишевым чета Базилевичей, семья Петренко, Ольга Александровна, то есть всего восемь человек. Беда была в том, что книг-то не было. Тогда выработался второй обычай – к воскресному вечеру сами писали рассказы или стихи. Произошло разделение на авторов и слушателей.

Писали, главным образом, Евгения Петровна Базилевич, Глеб Беклемишев, реже Ирина Петренко и её сын. Остальные составляли публику. Евгения Петровна Базилевич писала по-русски, иногда по-польски. Глеб – только по-русски. Писали о том, что Бог на душу положит. Раз был случай, когда тем не нашли. У Оли Беклемишевой стояли на столе гладиолусы. Решено было написать рассказы с названием "Гладиолусы". В следующий воскресный вечер рассказы под таким заглавием прочитали Евгения Петровна Базилевич и Беклемишев. Рассказы имели только общее заглавие. Они относились к разному времени, разной обстановке, и действующие лица были разного возраста и типа.

Е.П. Базилевич и Глеб читали стихи, написанные или во время, или после войны. Ирина Петренко читала стихи свои и своего убитого немцами брата.

Конечно, всё писали по наитию, не очень гоняясь за правильностью построения стиха. Писали так, как Беклемишев играл в шахматы с младшим Петренко, не заглядывая в теорию шахматной игры, не думая о том, каким гамбитом начинают они партию.

Иногда неделя оказывалась недостаточно продуктивной. Тогда читали стихи: Ирина Петренко – написанные её братом ещё в годы перед революцией, а Глеб – написанные в последний год второй мировой войны.

Лампочка горела тускло, за окном синела ночь. Свет потух. Это означало, что фазу перегрузили в лагере электрическими печами и максимальный автомат (поставленный вместо электрической пробки) выбило. Хорошо ещё, если кто-

нибудь не подопрёт его щёткой, как сделали однажды (тогда перегорит предохранитель на столбе). Опять слабым накалом загорелась лампочка, одну или две печки выключили. Глеб продолжал с места, на котором остановился:

...Стали бродягами мы безызвестными,
Стали чужими, бездомными.
И мы спасались путями чудесными,
Плыли просторами тёмными.
Листьям подобно осенним опавшим
Кружимся в мире, гонимы судьбой...
Ждём мы покоя, милости павшим,
Где отдохнём мы, родная, с тобой?
Юности грёзы промчались бесследно,
Светлого счастья разбились мечты,
Мы под забором, мы нищи, мы бедны,
Старость подходит, видишь ли ты?
Но не роняй ты слёзы напрасные,
Не поникай головой,
Были всё ж в жизни мгновенья прекрасные
Прожиты вместе с тобой.
Пусть мы несчастные, пусть мы гонимые,
Пусть нет назад нам пути,
Пусть нам закрыты селенья родимые,
Вместе мы будем идти.
В час беспощадный, в час с жизнью прощанья
Будем стоять мы с тобой,
Нет места робости, боли, отчаянья,
Не поникай головой!

Потом читала свой рассказ Евгения Петровна. Время после первой мировой войны. Беженцы живут в Польше в вагонах на железнодорожных путях. Две семьи в двух вагонах. В одном два брата, в другом девушка – увлечение старшего брата. Младший брат-комик, беззлобно подтрунивает над старшим...

Опять стихи:

На немецком кладбище
Бродя без смысла и без цели,
Я не искал родных могил...
Да, далеко от этой ели
Лежали те, кто был мне мил.
Они на кладбище далёком
Вдали от дружеской руки,
Им не заносит ненароком
Никто зелёные венки.
Кругом ограду разломали,
Сорвали старые кресты...

Воспоминания вызывают тени погибших друзей:

Тёмные грозы
Над Миром шумевшие,
Нежные розы,
Прожить не сумевшие,

В мире суровом
Надеждою жившие,
В пламени новом

Бесцельно погибшие.
Смерти ненужные,
Близких унесшие,
Свечи потухшие,
Тени прошедшие.
Часто вас вижу
Внутренним взором...

– Ты бы прочёл стихи, посвященные Добронравовым, – говорит Глебу Оля.

– Оно длинное, уже поздновато.

– А кто такие Добронравовы? – спрашивает Ирина Григорьевна.

– Это близкий товарищ Глеба [(Леонид, в стихах – Володя)] и его жена [Наталья Захаровна], но они уже разошлись. Он эвакуировался на восток, она где-то в Германии. Это рассказ о том, как он попал в 1918 году во Дворец и ему угрожал расстрел, а она выкупила жениха.*

Глеб читал:

По двору носились люди,
И матросы, и солдаты,
Все в шинелях, бескозырках,
Деревенские ребята.
У ворот два пулемёта,
Слышны залпы далеко,
Улетает дым махорки
В окна стиля Рококо...
Тут, в царицы прежней спальне,
Трибунал вершит дела,
И лежат напротив в парке
Все расстрелянных тела...
.....
В парке вырыли могилу,
Сохранил тела мороз,
Спустя годы насадили
Здесь кусты чудесных роз.
Сидя в том прекрасном парке,
Роз любуюсь алым цветом,
О крови пролитой даром
Вспоминаю я при этом.
Где Володя и Наташа,
Что когда-то без вопросов
Жизнь Володину купила
У балтийских двух матросов?
Тридцать лет прошли как миг,
Нет кудрей, исчез румянец,
Уже выглядит Володя
Точно старый иностранец.
А Наташа раздобрела
И морщинки в углах глаз,
И Володе изменила,
Даже, кажется, не раз.
Их дороги разошлися,
И забыт уж тот дворец,

Где под розами зарыты
Те, кому пришёл конец.
Где ты друг? хотел бы знать я,

* См. главку "44. Наташа покупает жениха".

Служишь на каком заводе?
Или может быть в Сибири
Вспоминаешь о свободе?
Где ты прежняя Наташа?
И в какой германской зоне?
Помнишь ли о крымском лете,
Вместе прожитом сезоне?
Вспоминаю вас обоих,
Вспоминаю парк и розы
И дворец – в тот год ужасный,
И январские морозы...

– А вы знаете, что Витя [(Виктор Константинович Петренко)] тоже был в этом дворце, он студентом был и его забрали. Еле выручили.

– Под счастливой звездой родился.

– А где же теперь эта Наташа?

– Где то в Германии. Мы её потеряли в конце войны.

Беклемишевы вышли провожать гостей. Снег казался голубоватым. Окна бараков бросали на него жёлтые полосы. На чёрном своде неба мелкой пылью обозначился Млечный путь. По шоссе проносились британские грузовики, освещая путь фарами. За шоссе дымилась свалка, поставлявшая лагерникам различные полезные предметы. В одном из бараков слышались пьяные голоса. Был день Дмитра и Михайла.

127. Письма

Пришло письмо Беклемишевым от Натальи Сергеевны. "Недавно была в Мюнхене, – писала она. – Уверена, что видела Наталью Захаровну, но поговорить с ней не могла. Я вышла на остановке трамвая и видела, как она вошла через другую площадку".

– Вот легка на помине, – воскликнула Оля, – ты только вчера читал стихи о ней. Хотелось бы её разыскать.

Прошёл месяц. В новом письме Наталья Сергеевна Вакар писала о Радзиевских, которые жили в Мюнхене. Женя и его мать работают в университете УНРРА*. У Жени и Тани дочка. "Да, наконец встретилась с Натальей Захаровной. Дала ей ваш адрес".

Через неделю пришло письмо и от самой Натальи Захаровны. Муж её [Оскерко] в [советском] плену и о нём ни слуху, ни духу. Сама она работает, шьёт платья и играет на рояле в одном ансамбле.

"Я ездила в советскую зону, вывезти свои вещи, оставленные там при моём бегстве. Зашла, на всякий случай, в отдел продовольственных карточек, чтобы проверить, знают ли там мой теперешний адрес. Спрашиваю, знают ли они адрес Наталии Оскерко, я, мол, её разыскиваю. Да, говорят, она никуда не уезжала, живёт там же, где и раньше. Как же так, говорю, мне определённо сказали, что она уехала. Нет, отвечают, она у нас продовольственные карточки получает. Значит совсем хорошо, кто-то за меня получает карточки, и я числюсь проживающей в советской зоне. Со мной ездила туда и молодая немка Ильгэ, которую я выдавала за свою племянницу. При входе советской армии в город её изнасиловали два солдата.

Недавно я туда ездила опять. На этот раз, чтобы вывезти вещи одного русского семейства. Они сами боялись ехать. Профессор сам по-немецки ни бельмеса не понимает. Я уговаривалась с его женой. Перед отъездом зашла к ним. Жены нет, только профессор. Я, между прочим, в своём окружении по-русски "не

---

* Университет для беженцев при УНРРА (United Nations Relief and Rehabilitation Administration). Американцы играли доминирующую роль в этом международном объединении. Открытие УНРРА состоялось в феврале 1946 г. – ***Из Интернета***

понимаю". Мой небольшой акцент в немецком языке объясняю тем, что я уроженка Восточной Пруссии. Так вот начали мы объясняться с профессором. Я по-немецки, а он одно немецкое слово и четыре русских. А потом хлопнул себя по ляжкам и кричит: "Ну как этой проклятой немке объяснить"! Я ничего, стою, не улыбаюсь. Тут жена пришла...

Приехала я в Тюрингию, все задания выполнила. А тут началась паника. Все вообразили, что начнётся война между советами и Западом. Все посетители советской зоны, приехавшие из зон союзников, бросились уезжать. Билетов достать нельзя. Я достала билет в мягкий вагон за американские сигареты. Тащу чемоданы в вагон, а он полон советскими офицерами. Один даже помог мне втащить чемоданы. - "Во геген зи муттер? [(Wo gehen Sie, Mutter – куда едете, мамаша?)]", спрашивает. Знал бы ты, думаю, какая я тебе муттер... "

Ещё через неделю пришёл к Беклемишевым немец.

– Вас, – говорит, – разыскивает родственница, из Голландии.

– Оля, Маша нас разыскивает, – кричит Глеб. Заполнил какой-то бланк "Зухцентрале". Дней через десять пришло письмо от Маши.*

"Наконец вас нашла. Спешила, потому что мы с Фредом скоро уезжаем в Гонконг, куда его назначила фирма. Посылаю тебе адрес Коли, который живёт теперь в Америке".

Потом пришло письмо от Николая [Платоновича] Вакара. Он бежал в Америку из Парижа в 1941 году с женой и дочерьми.

"На западном побережье живёт наша свойственница Лиза Риверс**. Она врач. Я просил её прислать вам аффидевит. Я сам ещё не могу его выписать, так как я не американский гражданин. А она в США с 1920 года и уже гражданка. Получил письмо от Серёжи Вакара [(Сергея Васильевича)]. Он бежал из Югославии и сейчас в лагере в Австрии, в Зальцбурге. Посылаю тебе его адрес"...

Так пустота земного шара стала заполняться знакомыми, друзьями и родственниками.

Лагеря, расположенные в Госларе и около него, жили своей обособленной жизнью. Однажды было получено приглашение всем лагерникам украинских лагерей – собраться на митинг в большом госларском лагере, с целью выбрать общий новый комитет. Глеб пришёл с небольшим опозданием. Собрание уже началось. За столом сидел президиум. Председательствовал доктор Лысяк, бывший член польского сейма, зал был переполнен. Часть собравшихся сидела на скамьях, многие, за неимением мест, стояли. Дым от папирос подымался волнами к низкому потолку. Только что Глеб вошёл в зал, как что-то произошло. Он увидел, как люди начали прыгать в окно. Вероятно пожар, мелькнуло у него в голове. Но огня не было видно.

– Он ранил его ножом. Прямо так и ударил, – кричал кто то.

Оказалось, что произошло столкновение между бандеровцами и мельниковцами. Один мельниковец был ранен ножом. Митинг не состоялся.

Глеб шёл обратно по узкому тротуару улицы старинного города. Навстречу ему шли три советских офицера. Они оживлённо разговаривали. Физиономии их были топорные, погоны нелепо топорщились. На Глеба они не обратили ни малейшего внимания – прошёл обыкновенный немец.

Глеб шёл дальше по Гослару. Интересный городок. Сейчас в нём всего тридцать тысяч жителей, но он имеет длинную историю. По возрасту он ровесник Киеву. Его осаждали в Тридцатилетнюю войну. Есть старая часть города с фахверковой конструкцией домов, у которых второй этаж нависает над первым. В нём есть старинные башни, есть башня "Цвингер" (тюрьма), где теперь продают

---

* Речь идет о дочери от первого брака Анатолия Модестовича Вакара – Марии (родившейся в 1907 г.) и ее муже Фреде Вальтершейде (см. главку "112. В неизвестность").

** Вероятно, это родственница жены Н.П. Вакара – поэтессы Гертруды Павловны (1904-1973), урожденной Клафтон, происходившей из семьи англичан, живших в России и вернувшихся в Англию после большевистского переворота.

пиво, а в подвале показывают орудия пыток. Перед музеем сидят на медных конях медные Фридрих Барбаросса и Вильгельм Первый. Из парка на железную дорогу смотрит Бисмарк в каске. На горе остатки фундамента древнего монастыря.

Ниже камень, сидя на котором писал Гете. Впрочем, в Германии есть немало мест, связанных с именем Гете. На одной гостинице красуется мемориальная доска, на которой написано: "В этой гостинице хотел остановиться Гете, но не остановился, потому что в ней не было свободных комнат". Другая часть города из чистеньких коттеджей с палисадниками. Это новый Гослар. У поэтессы Щепкиной-Куперник есть стихотворение посвященное Гослару. Оно и названо по имени городка, но в транскрипции "Госляр".

И вот, в 1947 году Гослар управляется англичанами. В его лагерях живут латыши, литовцы и украинцы. Бандеровцы подкалывают мельниковцев. По дорожкам парка, около пруда, в котором отражается старый Цвингер, в креслах с ручной передачей к колёсам ездят немецкие офицеры без ног. Что они должны думать о сумасшедшем фюрере?

128. Аффидевит*

Пришёл аффидевит на имя Беклемишевых, подписанный Е. Риверс. Из британской зоны в Америку пока никого не берут. Вывозят людей в Англию, но только до сорока лет, преимущественно с хорошими бицепсами. Надо всё-таки поехать – выяснить, что делать с аффидевитом. Ближайший американский консул в Гамбурге.

Отец Мануил снабжает Глеба письмом к одному из членов правления эмигрантской организации в Гамбурге. У Глеба есть и попутчик – сосед Весёлый. Поезд тянется по Германской равнине на север. Ганновер остался позади. Вот и гамбургский вокзал. В памяти Глеба он связан с анекдотом:

Приятели русского купца, Никиты Фомича, уговаривают его поехать за границу.

– Да чего я там не видал?

– Как чего? Поехали бы людей посмотреть и себя показать.

Уговорили. Поехал Никита Фомич. Через два месяца вернулся.

– Ну как? Где были? Что видели? – спрашивают приятели.

– Да везде был. В Риме был, в Лондоне, в Париже, в Берлине.

– Что же больше всего понравилось?

– Гамбург.

– Что же именно? Музеи?

– Нет, вокзал.

– Архитектуры особенной?

– Нет, пьют здорово.

– Кто же там пьёт?

– Я сам напился...

Вокзал на Глеба впечатления не произвёл, не пришлось в нём и пить.

Пошли по адресу в комитет. Он помещался в одном здании с управлением английского коменданта. В нижнем этаже была устроена выставка кустарных изделий. Один из членов организации дежурил на выставке. Так как посетителей было мало, то он мог много времени уделить Глебу.

Вещи, главным образом шкатулки, были исполнены в палехским стиле. Все они были довольно дороги, 300-400 марок.

Пока Глеб ходил по выставке, Весёлый успел познакомиться с каким-то бывалым человеком, имевшим сельди для продажи и интересовавшимся, нет ли у Весёлого золотых монет, которые он хотел бы продать. Он предложил Весёлому

---

* Имеется в виду Affidavit of Support – гостевое приглашение. Необходимо для получения гостевой визы. Приглашение должно быть написано от гражданина или постоянного жителя США. Кроме того, приглашающая сторона должна взять на себя ответственность, в том числе и материальную, за человека, которого приглашает.

познакомить его с русским эмигрантом, у которого можно переночевать. Вскоре появился и этот эмигрант. Оба они – и русский эмигрант, и галичанин-спекулянт предложили Весёлому куда-то с ними пойти. Глебом они не интересовались. Весёлый перепугался и наотрез отказался идти.

– Пойди с ними, – сказал он, когда новые знакомые ушли, – а они тебя стукнут по голове, да затащат на советский пароход.

Глеб пошёл повидать члена комитета, которому было адресовано письмо отца Мануила. Это был один из молодых людей, довольно пшютовского типа*, шнырявших в вестибюле с очень деловым видом. Он сказал, что сейчас очень занят, и пригласил Глеба придти завтра в полдень. Глеб и Весёлый ушли с намерением больше сюда не возвращаться. Ночевать решили на вокзале, где в бывшем бомбоубежище были жёсткие диваны.

Глеб успел ещё осмотреть постоянную выставку картин Беклина. Многие из них были знакомы ему по репродукциям.

Арнольд Бёклин. Автопортрет 1873 г. (Музей искусств, Гамбург)

Часть Гамбурга, по которой лежала их дорога к вокзалу, сохранилась сравнительно хорошо. Бомбардировками был разбит порт и прилегающая часть города. Под большим деревом две старухи-немки что-то вязали, сидя на скамье. Вся их одежда состояла из одних заплат... Одни немцы бросили немецкий народ в авантюру, другие за них расплачивались... Впрочем это было всегда и везде.

Проснулись рано. От жёстких диванов болели бока. Весёлый уехал с ранним поездом. Глеб отправился в консульство. Ему дали номерок, и с ним он поднялся по лестнице в зал. Консула он не увидел. В порядке очереди он попал к американке-брюнетке, с миндалевидными глазами и красными ногтями. Это напомнило ему кабардинок в ауле около Нальчика. У них тоже были крашеные ногти, но они красили их охрой.

Брюнетка скучала, и вид Беклемишева её нисколько не развеселил. Она отвечала ему по-немецки на вопросы, заданные по-немецки.

– Что делать с аффидевитом?

– Спрятать его и ждать.

– Как долго ждать?

– Этого пока никто не знает.

---

* Пшют – глуповатый, пустой, надутый франт, высокомерный и заносчивый с кем можно; фат.

Глеб пропустил уже все удобные поезда и поэтому, приехав в Ганновер вечером, должен был ждать до утра поезда на Гослар. Побродил по Ганноверу. Некоторые улицы были разбиты основательно. Проезжая часть улицы лежала между горами битого кирпича и напоминала ему вид Крещатика в 1941 году.

Когда стемнело Глеб вернулся на вокзал и спустился в бывшее бомбоубежище. Диванов здесь не было. Несколько имевшихся скамеек были заняты. Днём здесь шёл ремонт, и пол был забрызган известью. Публика расположилась на полу, на постеленных газетах. Глеб тоже постелил газету и сел на неё, прислонившись спиной к колонне. Два шуцмана в великолепных касках следили за порядком. Один молодой немец спал, раскинувшись на газете. Костюм его был не совсем в порядке. Полицейский разбудил его и сказал ему привести себя в порядок.

Вскоре Глеб заснул. Проснулся он среди ночи от пения. Пели, по крайней мере, 50-60 немцев. Один из немцев дирижировал бутылкой, временами отпивая из неё. Пели они "Стеньку Разина", но с немецкими словами. Полисмены расхаживали, не обращая на поющих внимания. Дирижёр явно разыгрывал из себя пьяного. Он пел, махал бутылкой и между куплетами орал: "Дойчлянд юбер аллес! [(Германия – превыше всего!)]".

Утром Глеб влез в вагон немецкой железной дороги. Вагон казался игрушечным и имел много боковых дверей. В лесной лагерь Глеб приехал, как в насиженное гнездо. Оля ждала его с обедом.

– Ну, какие новости?

– Собственно никаких. Аффидевит надо спрятать и ждать. Пока что в Америку берут только из американской зоны.

На следующей неделе Глеб съездил в Бад Гарцбург. Он поставлял туда выжженные тарелки. Год назад, возвращаясь из Геттингена, он попал при пересадке не в тот поезд и должен был провести ночь на вокзале в каком-то городке. После этого он дважды спрашивал, куда идёт поезд. Так и теперь, на обратном пути, войдя в поезд, он осведомился – идёт ли поезд в Гослар.

С Глебом ехал украинский художник Поляница. Слово Гослар Глеб произнёс так, как если бы первой буквой было "Х".

– А вы не говорите по-русски? – спросила его одна дама, сидевшая в купе.

– Говорю.

– Ну, как вы сказали "Хослар", я так сразу и подумала: наверно это наши хохлы едут.

Эта русская дама жила в Германии уже 26 лет, была замужем за немцем. Сын её был в германской армии. Сама она жила теперь в советской зоне и узнала, что сын раненый лежит в госпитале в британской зоне. Перешла нелегально границу, чтобы навестить сына.

– Видите, ноги мокрые, пришлось вброд переходить ручей.

139. Лагерная революция

Свинокрадам комендант Петренко явно мешал. Они написали заявление английскому коменданту, требуя назначить собрание для выбора нового коменданта. Демократия, так демократия. Собрание было назначено. Английский комендант прислал на него бывшего польского офицера. Началось оно с обвинения Петренко в различных превышениях власти. Потом открытым голосованием дали Петренко отставку.

Вторым вопросом повестки дня был выбор нового коменданта. Кого они выдвинут? Слово взяла крашеная полька. Она выдвинула кандидатуру Беклемишева. Компания галичан её поддержала. Это было глупо по двум причинам: кандидатуру Глеба выдвигали без предварительного его согласия и во-вторых, они ориентировались на него, как на более сговорчивого. В действительности же он привык действовать более бескомпромиссно, и они

попали бы в худшие условия, если бы Глеб согласился стать комендантом. Но он имел немало мотивов, чтобы не соглашаться.

Сменить спокойную работу по выжиганию тарелок и шкатулок на административную работу в лагере с компактной группой воров ему нисколько не улыбалось. Наконец, это было бы некорректно по отношению к Петренко, который вынес на себе всю тяжесть организации лагеря и защиты его населения в мрачные дни репатриации. Глеб категорически снял свою кандидатуру, и тогда оказалось, что у криминальной компании не был предусмотрен запасной кандидат.

– Та вы не можете видмовлятыся, коли вас громада обрала.

– По-вашему я не могу, а по-моему могу. Завтра вы выберете меня хирургом или шофером. А я сам лучше знаю, могу ли я резать человека или управлять автомобилем.

Когда для собрания стало ясно, что уговорить Глеба нельзя, другого кандидата не оказалось. Пришлось выбрать комендантом того же Петренко, которого двадцать минут назад сняли с этой должности.

– Чего же вы собрание собирали? – сказал им польский офицер, присланный английским комендантом открыть собрание.

Компания свинокрадов на этом не успокоилась. Через месяц выдвинули своего кандидата из галичан и выбрали его комендантом. После этого лесной лагерь просуществовал недолго. Его закрыли и переселили его население в большой лагерь за городом, ближе к границе советской зоны.

Переселение из лагеря в лагерь – трагедия для лагерника. Прожив в лагере год или два, он успел "приспособиться". У него есть огород. Иной лагерник обзавёлся курами, кроликами, а особо хозяйственный даже поросёнком. Он знает где растут малина и грибы, где можно собрать хворост. Приехал он в лагерь с ручной тележкой, а уезжать надо с грузовиком. В новом лагере он получит помещение, неприспособленное для жизни. Надо будет работать несколько дней, пока оно станет пригодным для жизни.

Второй вопрос, кто командует в лагере. Если это украинский лагерь, то в нём власть может быть в руках бандеровцев или ещё какой-нибудь организации, которая держит всех прочих в чёрном теле и даже проверяет, какие газеты они читают. Важным являлся и вопрос о месте расположения лагеря. Некоторые лагеря находились чуть не на самой границе советской зоны. Там возможны были похищения советчиками жителей лагеря. Они имели осведомителей в лагерях, и иногда в передачах советского радио можно было услышать сообщения о лагерных делах в такой форме: помощник коменданта такого-то лагеря Бойко, настоящая фамилия которого Козаков, отказался принять в лагерь Семёнова на том основании, что... и т.д.

В западных зонах ходил по рукам напечатанный на украинском языке памфлет. В нём умерший украинец попадает на небо. Его пропускают в чистилище, напоминающее контрольную комиссию, через перекрестный допрос.

– И чего вы там умираете, когда у вас на Украине рай на земле?

– Да я умер не на Украине, а в лагере, в Германии.

– А, вот вы "який птах" (птица).

В конце концов он благополучно проходит "чистку", но тут выясняется, что зачислить его душу на "довольствие" в небе нельзя, так как по небесным книгам ему полагалось прожить на земле ещё десять лет.

– Так, так, – говорит душа, – это мне и доктора говорили, что если бы не комиссии и не переселения из лагеря в лагерь, то я мог бы ещё прожить дет десять.

Тут в ангельской канцелярии начинают обсуждать вопрос, как поступить с душой, которая явилась на небо на десять лет раньше, чем полагалось. Было принято решение – вернуть бессмертную душу в её грешное тело и отправить её, по месту рождения, на советскую Украину.

Там на небе была дыра, которая вела прямо в пекло. Как только душа услышала решение, она немедленно бросилась в дыру, в ад, "так що аж смола в аду забулькотила".

– Что за оказия, – сказал один чин небесной канцелярии другому, – это уже который случай, как только заговоришь с душой про репатриацию в Советский Союз, она тотчас же в дыру, в пекло. Надо около дыры поставить архангела с мечом.

– Не поможет. Они и архангела с собой в пекло утащат. Надо заделать дыру "дротом" (проволокой)...

Теперь переселение из лагеря в лагерь предстояло всем жителям лесного лагеря. Базилевичи уехали в Ваттенштадт. Остальным был предложен большой лагерь за городом в пяти километрах от советской зоны. Он был неуютен. Поблизости не было растительности. Из него нельзя было попасть ни в кино, ни в библиотеку.

Беклемишевы и Петренко сговорились с комендантом лагеря в самом Госларе. Лагерь был тоже не из приятных. Он находился у самых бассейнов, куда сливались нечистоты города. Кроме того он был в руках бандеровцев. Комендантом его был бывший советский инженер. Часто его можно было видеть пьяным. Он сдержал своё обещание, предоставив трём семьям большой зал. Если они хотят иметь отдельные комнаты – это их дело: могут построить внутренние переборки, сделать электрическую проводку. Это можно было сделать только разрушая прежний лагерь, так как материалов никто не давал.

Так и поступили. Разобрали стены в бараках лагеря, содрали провода. Это было нелепо, так как в этот лагерь вселялись немецкие беженцы и им предстояло восстанавливать всё разрушенное прежними обитателями лагеря. Началась работа на новом месте. Беклемишевы, Лунев и Петренко поставили внутренние переборки. Комендант прислал плотников, которые прорезали в наружной стене лишнюю дверь, а Глеб в два дня построил наружный тамбур и чулан с лесенкой. За неделю строительства Глеб потерял пять кило весу.

Работа не обошлась без инцидента. Петренко, отец и сын, складывали дрова в погреб в воскресенье, за что и были избиты лагерными полицейскими – бандеровцами, следившими за моралью жильцов лагеря. Чтобы спасти их души от греха (работа в воскресенье), они подвергли их грешные тела наказанию резиновыми палками. В день Св. Дмитрия, который не празднуется православной церковью, но считается праздником у униатов, Беклемишевы производили внутреннюю побелку комнаты. Лагерный полицейский прибегал три раза, чтобы спасти Беклемишевых от грехопадения. Но Беклемишевы белили не сами, а наняли немца. Полицейский не мог вмешаться. Он не обязан следить за нравственностью немца-басурмана.

В Госларском лагере жизнь имела свои особенности. Иногда в главном бараке устраивались "забавы". "Забава" – это общие танцы и веселье, сопровождающееся солидной выпивкой. У Ирины Григорьевны Петренко было пианино. Его раздобыли ей, как пианистке, английские квакеры. Администрация лагеря всё время покушалась на пианино по известному мотиву – "пусть весь пролетариат играет". Петренко пришлось покориться, она дала пианино на "забаву". Впрочем на "забаве" никто на пианино не играл. Для музыки были наняты немцы-музыканты. Зато на пианино устроили буфет. Пиво проливалось даже внутрь инструмента, так что на следующие "забавы" Петренко давала только коробку пианино, а все струны и молоточки с трудом вынимала. Почти каждая "забава" кончалась побоищем. Начиналось с того, что какой-нибудь муж не хотел, чтобы его жена танцевала с не нравившимся ему танцором. В драке, возникшей между двумя, немедленно принимало участие все собрание. Немцы в недоумении прекращали игру.

– Ты чего не играешь? – спрашивал немца танцор, – тебе ведь деньги заплачены.

И он ударял немца по голове. Пострадавший немец разбивал скрипку на голове обидчика.

Одним из интересных обитателей лагеря был украинский художник Поляница. Он сам был из Харькова и художественное образование закончил в Советской Украине. У него была болезненная, интеллигентная жена и две дочери. Старшая дочь, взрослая, весьма романическая, и младшая, воспитанная девочка школьного возраста. Поляница был талантливым художником. Кроме того у него была ещё страсть кого-нибудь разыгрывать, кому-нибудь подражать. Ещё в Советском Союзе, приехав со своим начальством в чужой город и остановившись в гостинице, он стал изображать из себя англичанина, не говорящего по-русски. Доизображался до того, что в гостиницу пришёл агент НКВД выяснять личность англичанина.

В лагере подготовлялась выставка кустарных изделий. Прошла она успешно. Её посещали не только беженцы, но и немцы. На ней были представлены изделия беженцев: украинские вышивки, бандуры, куклы (изделия семейства Поляницы), резьба и выжигание на шкатулках и тарелках. Крестьянское население лагеря, особенно женщины, относились сначала к выставке отрицательно: "панська выдумка", это затеяли люди, которые на "забавы" не ходят, а "якись таки выставки роблять". Но потом и они потащили на выставку свои вышивки.

Художник Поляница пришёл к Беклемишевым обсудить план будущей выставки. За соседней стеной молодой Лунев обучал компанию из трёх будущих бандуристов. Они тянули изо всех сил:

Выйди коханная, працею зморена,
Хоть на хвылыночку в гай...

Пели так громко, что в соседней комнате нельзя было разговаривать. Видно только как Поляница как бы беззвучно открывает рот.

Вот, если бы знать азбуку глухонемых, подумал Глеб.

Поляница постучал в стенку и громко сказал:

– Ой же и погано вы спиваете хлопци, дуже погано.

Они и правда орали не очень музыкально. Хлопци "застыдылися", по крайней мере на время, а с художником Поляницей произошёл неприятный случай. В лагере был свой выдающийся пьяница – Мыкола. Он был вроде сапожника Петра, о котором речь шла выше. Только Петро был щуплый, поэтому его часто били, а Мыкола был посильней, поэтому иногда его боялись. Мыкола был женат на "нимкини" (немке). Она бросила для него мужа и жила в лагере с двумя детьми. Иногда Мыкола бил её. Слышно было, как он гоняется за ней с криком по лагерю.

В одном рассказе американского писателя О. Генри женщина говорит другой, что муж её бьёт. Слушательница ужасается, а первая спрашивает:

– А разве вас муж не бьёт?

– Нет.

– Не бьёт, значит не любит.

И вторая женщина старается вывести мужа из терпения, чтобы он её побил, доказал бы, что любит. Уходя из дому, она приказала мужу стирать бельё. Когда, вернувшись, она увидела, что муж покорно стирает, она заплакала*. Немецкая жена Мыколы могла быть уверена, что Мыкола её любит. Он бил её часто.

Удивительно, как много немецких жён было в лагере. Встречая женщину, неизвестно было что ей говорить: "Доброго ранку" или "Гутен морген". Что их тянуло в грязный и разгульный лагерь? Может быть, сказывался недостаток мужчин в послевоенной Германии.

Однажды вернувшись в лагерь, художник Поляница встретил Мыколу в центре лагеря, можно сказать, на главной артерии лагеря. Мыкола был в самом добродушно-пьяном настроении. Он хотел бы обнять весь мир! Но тут подвернулся художник, и Мыкола направился к нему, чтобы его обнять и

---

* О. Генри. Гарлемская трагедия, 1904 год.

поцеловать. Художник сделал тактическую ошибку. Он уклонился от поцелуя. Мыкола обозлился. Он придерживался правила: пожалуйте ручку, а не то в зубы.

– А, ось як! – и Мыкола вытащил из-за голенища нож. Поляница почувствовал себя "нияково".

Лагерное население, присутствовавшее при этой сцене, соблюдало нейтралитет. Нейтральна была даже лагерная полиция. Она следила за тем, чтобы никто не работал по воскресеньям, и этого довольно. Если чистая христианская душа переселится в рай от хорошего удара ножом, так что же? Все там будем. Художник проявил быстроту движений, вскочил в барак и запер за собой дверь.

Разочарованная публика, лишённая интересного зрелища, медленно расходилась.

130. Украинская гимназия

В Госларе была украинская гимназия. Существовала она на средства, отпускаемые немцами по указанию оккупационных властей. В описываемое время преподаватель математики уехал в Англию, и директор гимназии пригласил Глеба заменить уехавшего. Директором украинской гимназии был бывший заведующий советской школой. В гимназии поддерживался известный порядок, но преподавание в общем было не на высоком уровне. Доктор Губенко преподавал физику, Глеб начал преподавать алгебру, геометрию и арифметику (в младшем классе), до тригонометрии ещё не дошли. Все остальные преподаватели были без высшего образования и, по-видимому, и без педагогического опыта.

Вскоре директор собрался уезжать в Англию. В Англию он ехал со страхом. По его словам, он не может жить без сала. Сало он должен есть каждый день, и он сомневался, будет ли ему обеспечено ежедневное сало в Англии. Стал вопрос о выборе нового директора. На выборы приехал инспектор украинских гимназий. Кем он был поставлен в своей должности, было не совсем ясно, но его приняли как начальство.

Выбор остановился на галичанине, докторе Комаре. По-видимому он был доктором юридических наук, если вообще был доктором. У него была своя особая история. В 1932 году он уехал из Галиции в США. Обосновавшись в Филадельфии и действуя там среди иммигрантов, как частный поверенный в делах, он сколотил за шесть лет шесть тысяч долларов и с ними уехал в Галицию. Там он купил землю, но землевладельцем оставался недолго. Началась война 1939 года, и он очутился в Германии. В 1945 году, после окончания войны, он начал преподавать английский язык беженцам. Английская комендатура, ознакомившись с его преподаванием, запретила ему преподавать английский язык.

Доктор Комар был утверждён директором украинской гимназии. Физику, как уже было сказано, преподавал доктор Губенко. По его словам, он провёл шесть лет в советском лагере. Считал он себя по убеждениям украинцем-гетманцем. В это время претендент на украинскую гетманскую булаву гетманыч Данило Скоропадский, жил в Лондоне*.

В большую перемену гимназисты и гимназистки приходили в учительскую жаловаться.

– Пане доктор, Панькивский бьется, – говорила девочка с двумя косичками.

– Ах он такой-сякой, – отвечал доктор, – а ну, пойди, приведи его сюда, я ему покажу.

Понятно, что пострадавшая привести своего обидчика не могла, а доктор Губенко был доволен своим соломоновским решением.

---

* Даниил Павлович Скоропадский (1904-1957). Прапрапрадед — Иван Скоропадский был назначен Петром I гетманом после перехода Ивана Мазепы на сторону шведов. Д.П. Скоропадского отравят в Лондоне в 1957 г. Его сын Борис Данилович вернется с семьей на историческую родину в 2007-м, чтобы "восстановить историческую правду о Втором гетманате" (речь идет о недолгом правлении его деда, гетмана Павла Скоропадского в 1918 г., "под немцами").

Когда большая часть семейств, к которым принадлежали учащиеся гимназии, уехала из Германии, сначала закрылись старшие классы гимназии, а потом и вся гимназия.

Доктор Комар открыл ларёк на площади Гослара и стал торговать всякой мелочью. Глеб стал получать пособие как безработный. Ходил он за ним раз в неделю и стоял в очереди. Очередь состояла из немцев. Иностранцы были вкраплены в очередь в небольшом проценте. Однажды он познакомился с безработным немцем, специалистом по фарфору.

– Почему же вы безработный, – спросил Глеб, – разве фарфор больше не производится в Германии?

– Он-то производится, но я не специалист по производству фарфора. Я его знаток и работал, как агент по его продаже. Но сейчас вся продукция фарфора вывозится из Германии оккупационными властями, и мне нечего делать.

Вскоре в получении пособия произошли изменения. "Ауслендеры" стали получать пособие в другие дни, чем немцы. Очередь сразу потеряла свой порядок. Она состояла из поляков, имевших самый разбойный вид. Глеб стал думать, что в польской эмиграции вообще нет интеллигенции. Интеллигентных поляков он увидел позже, в лагере, помещавшемся в "Зигфрид Казерне", и в проходном лагере "Венторф".

С закрытием лесного лагеря прекратил существование и литературный кружок. Через некоторое время он возродился, но в другом составе и в другом месте. Собирался он в доме для престарелых у беженцев из Риги Камкиных. Там читались два романа Т.И. Камкиной и роман Артынова. Артынов просто описал свой роман с замужней немкой, когда он, как легко раненный, находился в госпитале. Участница кружка Л.А. Дьяконова говорила, что она знала героиню романа.

Приехала к Беклемишевым Наталья Захаровна. Изменилась мало, но у глаз предательские гусиные лапки. О втором её муже, Оскерко, увезенном в плен в Советский Союз, ни слуху, ни духу. Глеб прочёл ей стихи "Дворец и Розы", о ней и о Добронравове. Ничего не сказала. У неё счастливый характер. Она живёт сегодняшним днём. Лица, выпадающие из её поля зрения, как бы уходят в небытие.

Глеб ушёл ночевать к соседу. На другой день Наталья Захаровна уехала.

131. Уроки английского языка

В надежде, что он и Оля когда-нибудь всё же попадут в Америку, Глеб решил найти учительницу английского языка. До сих пор он учился только по самоучителю, поэтому произношение оставалось для него терра инкогнита. Оля вообще сомневалась в том, есть ли смысл ехать в Америку.

– Что мы там будем делать? Ты не настолько молод, чтобы начинать жизнь сначала. Работать физически ты не будешь способен, а какую иную работу ты можешь получить, не зная языка?

– Друг мой, – отвечал Глеб, – я человек риска. Вся наша жизнь сплошной риск. И я хочу рисковать дальше. Если мы не поедем в Америку, что мы будем делать здесь?

– Подождём несколько лет, и нас возьмут в старческий дом.

– Нет. Это не для меня. Человек занятый работой связан с другими людьми. Он участвует в каком-то коллективе, как бы едет в поезде. Сейчас мы отстали от поезда и находимся на глухой станции в бесцельном ожидании неизвестно чего. Мы отбросы жизни. Нам надо включиться в неё опять.

– Как хочешь. Поедем. Может быть мы проживём ещё два года человеческой жизнью.

– Вот, поэтому я и хочу брать уроки английского языка.

Базилевичи уехали в Америку годом позже, чем Беклемишевы. У них тоже были дискуссии на эту тему. Здесь оппозиционером выступал Михаил Кириллович. Он говорил:

– Ну, приедем мы в Америку, приедем без гроша. Ты знаешь, как там всё дорого. Приедем, умрём, а похоронить-то и не на что. И будем валяться под забором, без погребения.

Глеб нашёл учительницу, "фрауляйн" Раймер, в старческом доме святой Цецилии. Фрауляйн Раймер было девяносто лет. Всю жизнь она прожила в Париже, в Лондоне и в городах Италии, преподавая языки. Она знала французский, английский, итальянский и, конечно, свой немецкий. Жила она воспоминаниями.

– Помните, – говорила она, – когда в Париже был скандальный процесс Оскара Уайльда?*

Глеб не мог помнить этого процесса, потому что в то время ходил пешком под стол, а может быть его и не было на свете.

Каждый раз, когда Глеб приходил на урок, фрауляйн Раймер забывала, ради какого языка он пришёл и начинала говорить с ним по-французски или по-итальянски. Потом, объясняя произношение слова, она показывала, как надо сложить губы и оскалить зубы, говоря: "лук эт ми" [("смотрите на меня")].

После урока она предавалась воспоминаниям:

– Я тогда жила в Неаполе, а мой знакомый немец, живший в России, звал меня туда. Я уже имела визу и назначенный день выезда в Одессу, но мне как раз приснился страшный сон, и я подумала, что это нехорошее предзнаменование. И я пошла к русскому консулу. Я сказала ему: у меня всё готово к отъезду в Россию, но я видела страшный сон. Господин консул, что вы посоветуете мне делать?

– Я посоветую вам не ехать, – сказал консул. – В России революция (это было в 1905 году), и в Одессе неспокойно (броненосец "Потёмкин" держал Одессу под дулами своих орудий).

– Я послушалась совета консула и не поехала...

Был 1948 год. Глеб съездил в Брауншвейг со своими бумагами. Он имел теперь два "ашуранса" – один из Сиэтла, другой из Бостона**.

Лагерь в Госларе готовился к ликвидации. Сам Гослар был приятный городок, но лагерь был отвратителен и своими дикими порядками, и своим месторасположением. Художник Поляница жил в каменном доме у самых отстойников нечистот. Когда ветер дул со стороны каменного дома, в лагере нельзя было дышать. Шутя говорили, что Поляница заведует распределением канализационных запахов.

Художник Поляница пригласил гостей на именины старшей дочери. Кроме семьи самого Поляницы за столом сидели Ольга Александровна, Оля Хованская с матерью, бандурист Гончаренко и немец, знакомый именинницы. Немец был в последнюю войну инструктором по какому-то особому оружию. Гончаренко, бывший советский лейтенант, расспрашивал немца, где он бывал во вторую мировую войну. Выяснилось, что немец был в том же месте, где и Гончаренко, только по другую сторону фронта. Они обрадовались друг другу, как старые знакомые.

– Ну да, – кричал Гончаренко, – вы, значит, были при переправе через Днепр. А мы как раз стояли на противоположном берегу. Мы тогда потопили не меньше двух тысяч ваших на этой переправе.

Скоро Гончаренко стал действующим лицом в другом лагерном событии. Он посватался к Оле Хованской, служившей на лагерном медпункте при докторе Шевченко. Оля была спокойная, послушная матери, девушка. Мать собирала сведения о женихе. Большинство отзывов были отрицательными. Даже родной

---

* В 1895 г. лондонский суд Олд Бейли приговорил английского поэта и драматурга Оскара Уайльда к двум годам каторжных работ по обвинению в гомосексуализме. А на самом деле за то, что О. Уайльд выставлял напоказ "высшему свету" свою связь с юным аристократом, лордом Альфредом Дугласом. Общественная мораль эпохи королевы Виктории допускала "разврат" в невиданных дотоле масштабах, но должно было соблюдаться одно условие – видимость приличия и респектабельности. – ***Из Интернета***

** Assurance – гарантия, заверение.

брат Гончаренко находил жениха неподходящим. Хованская-мать отнеслась ко всем советам критически.

Свадьбу отпраздновали пышно. За стол село семьдесят приглашённых гостей. С третьей недели пошли скандалы. Молодые три раза расходились и снова сходились. Комендант спрашивал Гончаренко:

– Чому вы не живете с жинкою?

– Тому, що вона россиянка.

– А вы, коли одружувалися, не знали, що вона россиянка?

– Ни, не знав.

Когда они разошлись в четвёртый раз окончательно, Оля Хованская осталась с ребёнком на руках. Так мать, дочь и внук и уехали в США, где Оля Хованская стала работать в госпитале. Через два года она вышла замуж за американца, который перед свадьбой принял православие.

Беклемишевы получили несколько посылок из Америки, от Николая Вакара и от Лизы Риттер. Среди вещей в посылках были также журнал "Новоселье" и газета "Новая Заря". От газеты несло просоветским духом. Кроме статей соответствующего направления там были письма от счастливых репатриантов. В журнале "Новоселье" чисто литературные вещи были перемешаны с политическими статьями, изображавшими насильственное введение советского режима в странах восточной и средней Европы, как добровольное объединение славянства, как естественный первый шаг на пути к мирной организации человечества.

Глеб сказал Оле:

– Я открыл новый закон, равный по значению законам Ньютона.

– Какой именно?

– Просоветские симпатии русских эмигрантов прямо пропорциональны квадрату их расстояния от советских границ.

132. Брауншвейг. “Розалие Казерне”

Жизнь в Госларе подходила к концу.

– Что будем делать с Мусиком? – спрашивала Оля.

Мусик был большой белый, с пятнами, кот. Ещё в Лесном лагере к Беклемишевым приблудился хороший, умный, тигровой масти кот. Судьба его была трагична. Где-то на свалке он захватил накожную болезнь. Глеб посадил его в корзину и отвёз на велосипеде к ветеринару. Это был ветеринар из Советского Союза, это, понятно, облегчало разговор с ним. Он прописал мазь.

– Но ведь кот будет слизывать мазь.

– Ничего. Мазь всё равно будет действовать.

Мазь оказалась ртутная, и кот погиб мучительной смертью. Ветеринар прославился ещё растлением молоденькой немки, и ему пришлось бы отвечать перед судом, если бы он не уехал в Австралию.

Затем Оля приютила кота, который сбежал от своих лагерных хозяев, зверски его бивших. Кот этот переехал с Беклемишевыми в лагерь в Госларе, но здесь таинственно исчез. Были подозрения, что его похитили немцы, охотившиеся на кошачьи шкуры. Потом неизвестно откуда пришёл худой белый в пятнах кот-подросток. Оля его накормила и выпустила. Но он скоро вернулся и всем видом показывал, что он решил здесь жить. Из него вырос большой, красивый кот. Оля назвала его Мусиком.

Потом появилась бродячая трёхцветная кошка. Она окотилась тремя котятами в пристройке, которую комендант велел разобрать. Котята оказались под открытым небом. Пришлось их взять. Мать отнеслась к этому положительно и приходила их кормить.

Когда они подросли она стала приносить им то мышь, то целую крысу. Ленивый Мусик съедал за них крысу, но терпеливо выносил, когда орава малышей теребила его и не давала ему спать. Оля пристроила двух котят к семейству немцев-беженцев, одного оставила у себя. Трёхцветная бродячая

кошка не согласилась на переселение котят и два раза ночью перетаскивала их в зубах обратно. Оставленный Олей котёнок был чрезвычайно живым и игривым существом, но он простудился и погиб, видимо, от воспаления лёгких. Один из котят, отданных немцам-беженцам, забрался на мельницу напротив, и немец-мельник выбросил его на асфальт, так что он разбился насмерть.

Теперь на хозяйстве оставался только кот Мусик. Решено было везти его в Брауншвейг. Оля говорила, что она судит о человеке по его отношению к животным. Если человек жалеет животных, говорила она, значит он в душе хороший человек.

Целый караван грузовиков вёз лагерников из Гослара в Брауншвейг. Лагерь "Розалие Казерне" состоял из нескольких каменных многоэтажных зданий. Одно здание было разрушено бомбой.

Беклемишевых поселили в одной комнате с русско-немецким семейством, отделив их занавесью. Семейство это состояло из матери и двух взрослых дочерей. Отец недавно скончался в госпитале. Семья эта была из Царского Села. В Германии они попали в Берлин, где их и застал конец войны.

– Если бы вы знали, как трудно было спрятать девочек. Советские рыскали по городу и насиловали молодых женщин. Потом мы жили в западном Берлине, но всегда под страхом. Было столько похищений. Англичане сказали: мы вас предупредим, когда будет опасно. И действительно, предупредили и вывезли, но на самолёт почти ничего нельзя было взять. Так мы и приехали сюда почти что голые, – говорила Марья Карловна.

Из "Розалие Казерне" Глеб и Оля совершали длинные прогулки. Шли вдоль железной дороги до леса, потом лесом, в котором весной цвели ландыши, до речки, дальше к прудам.

Кот Мусик боялся коридоров в казармах и людей в них. Он поселился в развалинах здания, разрушенного бомбой.

В это время между западными союзниками и Советами были напряжённые отношения. Работал "воздушный мост", снабжавший западный Берлин. Трасса на восток проходила у Брауншвейга. Было видно как с равными промежутками на восток летят белые самолёты.

В лагере Глеб встретил инженера-путейца Найдененко, которого знал по Киеву. Найдененко познакомил Беклемишевых со своей женой Александрой Александровной. Найдененко жили на частной квартире. Но к ним зачастили непрошенные гости – советские военные. Найдененко, полагая, что от уговоров недалеко до похищения, счёл за благо переехать в лагерь.

Беклемишевы получили предупреждение, что в конце апреля должны быть готовы к переезду в транзитный лагерь Венторф под Гамбургом. Это был пункт, в котором находилась дверь в Америку. Здесь проходили опросы, осмотр вещей и медицинские осмотры кандидатов на допуск в США. Большую часть вещей Беклемишевы оставляли Марии Карловне с дочерьми. Настало утро отъезда. Проводить Беклемишевых встали Петренко и Зорины.

133. Лагерь Венторф

Лагерь Венторф расположен тоже в казармах. За казармами городок, лес, речка. Около лагеря большая ветряная мельница. Через поле кладбище. Рядом с кладбищем, в лесу, купол обсерватории.

Кладбище, как всегда у немцев, в образцовом порядке. За кладбищем обрыв. С него открывается вид на широкую зелёную долину. От Венторфа до Гамбурга два часа езды поездом. Часто идут дожди. Всё зеленеет.

Был месяц май. В лагере – литовцы, латыши, поляки, русские, украинцы. У всех день заполнен. Всевозможные медицинские комиссии, опросы, осмотры багажа. Разговоры сосредоточены на этих процедурах:

– Что показал рентген?

– Пока ничего, послали на большой рентген.

– Это уже нехорошо.

Одновременно с Беклемишевыми в лагере находились Волоховы и семья доктора Губенко.

– Анна Александровна психует из-за большого рентгена, – говорил Волохов про свою жену.

Беклемишевы пошли в лагерную православную церковь. Служил в ней их госларский священник отец Мануил, перед триптихом работы Беклемишевых.

– Вот видишь, – сказала Глебу Оля, – наша работа пригодилась-таки.

На заборе лагеря была надпись:

Америка, Америка, о ты – страна чудес!
И гонит нас в Америку "железный занавес".
А если бы не "занавес", железная стена,
Америка, Америка, на чёрта б нам она?

Наконец, осмотры остались сзади, предстояла запись или на пароход, или на самолёт. В это время в Германию прилетели на транспортных самолётах американские студенты. Чтобы не отправлять самолёты обратно порожняком, заполнили эмигрантами, едущими в США. Оказалось, что большинство эмигрантов боится лететь. Администрации приходилось их уговаривать, угрожая тем, что иначе им придётся ещё долго ждать места на пароходе. Беклемишевы и Губенко сразу согласились лететь.

У Беклемишевых оставалось ещё одно дело. Адя Белинг снабдила их двумя ампулами цианистого калия на случай принудительной репатриации. Теперь, когда они должны уже были лететь в Америку, от ампул надо было избавиться так, чтобы они никому не могли повредить. Глеб закопал их глубоко в глухом углу леса.

Полёт был назначен на день, совпавший с днём рождения Глеба. Это было знаменательно. Ему предстояло, как бы вновь родиться в новую жизнь, о которой он имел смутное представление. Потом отлёт отложили на один день. Отправлялись два транспортных самолёта. Губенко попали на первый, Беклемишевы – на второй. С собой можно было взять два чемодана, остальные вещи отправлялись позже, пароходом. В Гамбурге прошли новый осмотр. Посадка на самолёт. Привязали себя ремнями.

134. Прощай, Европа! [1949]

В самолёте было 60 человек, кроме команды. Почти все пассажиры были литовцы. Самолёт легко оторвался от земли и стал набирать высоту. Внизу была видна земля. Это были поля и каналы Голландии. Затем короткий перелёт над морем, и в окно показалась зелень Англии. Первая остановка была на аэродроме в Ирландии. Там Беклемишевы застали Губенко, прилетевших раньше. Они и вылетели первыми, держа курс на Ньюфаундленд. За ними поднялся и самолёт Беклемишевых.

Летели над облаками. В "окна" между облаками виднелась зыбчатая поверхность океана. Стюардесса разносила персики из консервных банок. Беклемишевым они показались амброзией. Самолёт совсем не качало. Даже Оля Беклемишева, укачивавшаяся при всех обстоятельствах и на пароходах, и на самолётах, чувствовала себя нормально. Не было также и боли в ушах, которая бывает при перемене высоты над уровнем моря. По-видимому внутреннее помещение самолёта было герметически изолировано от внешнего пространства.

День тянулся очень долго. Часы показывали десять часов вечера, а солнце стояло ещё над горизонтом. День удлинился благодаря тому, что самолёт летел на запад. Наконец стемнело. Самолёт продолжал свой полёт. Внизу показалось множество огней и самолёт пошёл на посадку. Это был аэродром Ньюфаундленда. Для пассажиров был приготовлен завтрак. Все заняли места за длинными столами в зале, залитом светом.

Вылетели ещё затемно, но вскоре начался рассвет. Летели вдоль зелёного берега, изрезанного океаном и совершенно пустынного. Среди зелени блестели бесчисленные озёра. Самолёт летел на юг. За Ньюфаундлендом пошли канадские берега. Потом внизу показался большой город. Извиваясь, через него текла речка. Между зданиями виднелись зелёные массивы и блестели водохранилища.

– Это Бостон, – сказала стюардесса.

– Вот неудача, – обратился Глеб к Оле, – мы пролетаем пункт нашего назначения. Придётся возвращаться из Нью-Йорка.

На Нью-Йоркском аэродроме стояла жара. Процедура проверки опять заняла около двух часов. После неё повели всех прилетевших к автобусам. При выходе какой-то страж обратил внимание на портфель Глеба, в котором были бинокль и фотографический аппарат. На них у Глеба были разрешения, но портфель почему-то на этот раз не был подвергнут осмотру. Другой страж остановил первого, махнув рукой и сказав:

– Оставь, это ДиПи.

Автобус бежал по шоссе, по бокам которого были двухэтажные деревянные здания и огромные рекламные щиты. Вид их, после Германии, производил какое-то неуютное впечатление.

В Нью-Йорке приехавших высадили на станции Грэнд Сентрал. Казалось, что с этого момента к Беклемишевым все потеряли интерес.

В зале ожидания за столом сидели три польки, но они отправляли куда-то только тех прибывших, которые имели особые католические значки. Губенко довольно скоро были отправлены в поезд, уходивший на запад. Они ехали в Сиэтл, в штате Вашингтон. Наконец Беклемишевы стали испытывать голод.

– Ты пошёл бы купить что-нибудь, – сказала Оля, – а то мы умрём с голоду. В этом подземном царстве дальше имеются магазины.

– Пойти не штука, но как я найду дорогу обратно? Я ведь не могу спросить, если заблужусь. Вся наука фрауляйн Раймер выскочила из моей головы.

Потом пришла молодая американка с контейнером молока в руках. Она хотела налить им молока, но они не имели кружек. Тогда американка отдала им весь контейнер, и они почувствовали себя спасёнными.

Затем появилась девушка-служащая "Травэлэр Эйд" ["Транспортная помощь"] и стала выкрикивать их фамилию. Оказалось, что Николай Вакар заплатил в "Травэлэр Эйд", чтобы эта организация нашла Беклемишевых и отправила их по железной дороге. Беклемишевы просидели на вокзале уже пять часов. Затем они провели ещё два часа в "Травэлэр Эйд", пока их препоручили огромному негру, который усадил их в поезд.

Поезд был непривычный, вагоны чрезвычайно длинные. В них стояли какие-то двойные кресла, обитые голубой материей. Поезд вырвался из-под земли, и почти сейчас же наступили сумерки. Он несся во тьму. У Глеба было чувство полной заброшенности. Он боялся, что они проедут свою станцию назначения.

Оказалось, что один из пассажиров, родившийся в США, может кое-как говорить на каком-то полуславянском наречии. От него Глеб узнал, что его остановка – последняя. Уже было 11 часов вечера, когда Беклемишевы вышли на перрон. Перрон довольно быстро опустел. Какая-то фигура выглядывала из-за колонн. В ней Глеб узнал Николая Вакара, хотя и не видел его 26 лет.*

---

* См. главку "56. Гость из Парижа" – о нелегальном приезде Николая Вакара в Киев, по-видимому в 1922-м, а нынешняя встреча, через 26 лет, – в 1948-м.

Николай Платонович Вакар

135. Без языка

Николай позвал такси, усадил Беклемишевых и повёз их в свой дом. Уже тем, как он сказал адрес шоферу, он произвёл на них большое впечатление своим английским языком. Ехали они минут сорок. Глеб был в зимнем пальто, несмотря на июньскую жару.

Дома Николай познакомил Беклемишевых с женой. Его взрослых дочерей не было с ним. Старшая, вышедшая год назад замуж, жила отдельно, а младшая была летом на Керкоде, где работала.*

Дом, в который Николай привёз Беклемишевых, он купил за год перед тем, имея минимальную наличность, с большим банковским и добавочным частным долгом. Покрывать долги Гертруда Павловна рассчитывала, сдавая комнаты студентам. Летом комнаты пустовали, так как студенты разъехались на каникулы. Это дало Вакарам возможность временно поместить Беклемишевых у себя.

Первой заботой Глеба являлось, конечно, найти работу. Но как её искать не владея языком? Во-вторых, надо было искать комнату. Положение нахлебников поневоле особенно остро переживала Оля.

---

* Гертруда Павловна Клафтон (1904-1973) родилась в Ревеле (ныне Таллин). После заключения Брест-Литовского мира семья Павла Клафтона, английского поданного, эвакуировалась из Архангельска в Европу. Гертруда заканчивала среднее образование в русской школе в Париже, из которой была выпущена в 1923-м. В 1926-м в том же Париже вышла замуж за Николая Вакара, журналиста ежедневной газеты «Последние новости». В 1927-м у них родилась Екатерина, в 1929-м – Анна. После оккупации Франции немцами семья оказалась на территории правительства Виши, откуда лишь в 1941 г. удалось выехать в США. Здесь Гертруда Вакар получила прочное признание как одна из лучших переводчиц с русского на английский – переводила труды по психологии, по иконописи и т.д. Начала время от времени печатать оригинальные стихотворения в "Новом русском слове", однако авторского сборника не издала – он вышел в Олбани лишь в 1984 г. и почти наполовину состоял из ранее никому не известных поэтических переводов, в основном с английского. Николай Вакар после эмиграции в США преподавал в Бостонском университете. В 1945 г. окончил Гарвардский университет, защитил там докторскую диссертацию по отделу славянской филологии. Преподавал русский и белорусский языки в Гарвардском и Бостонском университетах. Сотрудничал с американскими журналами "Новоселье", "Новым журналом", газетами "Новое русское слово" и "Новая заря". Опубликовал книги по русской филологии, советологии и истории Белоруссии. После выхода в отставку в 1960 г. стал профессиональным художником. Воспоминания Марка Вишняка о Н.П. Вакаре мы уже приводили.

Гертруда Павловна Вакар (Клафтон)

Недели через три приехала Наталья Сергеевна [Вакар] с сыном и матерью. Их Николай Вакар не знал и выписал по просьбе Глеба. Теперь Оля чувствовала себя ответственной и за семейство Натальи Сергеевны. Сидя на берегу "Чарльз Ривер" *, Оля проливала горькие слёзы. Глеб раздражался. Он считал, что надо переносить положение, какое бы оно ни было. Слезами горю не поможешь.

– А из-за Наты ты не плачь. Довольно, если ты будешь плакать над своим положением. Дай срок, всё как-нибудь утрясётся.

Глеб посетил несколько учреждений, по газетным объявлениям и по рекомендации. Нигде службы нельзя было получить. Кому была охота брать, хотя бы и на чертёжную работу, человека, который не понимает объяснений на английском языке. В других местах спрашивали:

– Вы американский гражданин?

– Нет.

– ...Ай эм сорри. У нас правительственные заказы. Мы не можем брать лиц, не имеющих американского гражданства.

В одну большую проектную организацию у Глеба была солидная рекомендация. Он попал к директору компании и видел, что директору хотелось его принять. Директор вызвал начальника департамента и поручил ему детально переговорить с Глебом. Глеб кое-как объяснил ему, чем он занимался раньше в своей инженерной работе.

– Видите ли, – сказал начальник департамента, – что бы вы ни делали раньше, нам придётся учить вас нашим методам. Потом уже вы станете приносить пользу. Но вы уже не молоды. Мы вас научим, и вы от нас уйдёте. Посудите сами, какой же смысл вас принимать.

---

* Чарльз (англ. Charles River) – река в штате Массачусетс. Длина реки – 129 км, однако по её течению находятся 22 населённых пункта. Чарльз берёт начало из озера Эхо в Хопкинтоне и протекает в северо-восточном направлении, впадая в Бостонскую бухту. Русло – довольно извилистое, в низовьях разделяет города Бостон и Кембридж. Одни из престижнейших университетов страны – Гарвардский, Бостонский, Брэндиса, а также Массачусетский технологический институт расположены на берегах Чарльза. – ***Из Интернета***

– Значит, вы советуете мне стать на улице с протянутой рукой? Простите, но я не последую вашему совету. Я постараюсь найти такую фирму, где я начну приносить пользу со второй недели.

Река Чарльз, с видом из Бостона на Кембридж

Однажды Глеб и Оля возвращались из города домой и по ошибке сели не в тот вагон. Когда Глеб заметил, что они едут по незнакомым местам, они вышли из вагона и пошли пешком, спрашивая встречных, в каком направлении надо идти, чтобы попасть в пригород, в котором они жили. Когда Глеб спросил одиннадцатого встречного, тот ответил, что они находятся в нужном им пригороде. Но пригород был большой, и никто не знал их улицы. Тогда один спрошенный джентльмен выкатил из гаража автомобиль, усадил в него Беклемишевых, приехал на площадь, спросил у полицейского, где требуемая улица, и привёз Беклемишевых к дому Вакаров. Глеб предложил ему плату за бензин, но джентльмен отказался.

– Тут, оказывается, есть неплохие люди, – сказал Глеб Оле.

Наталья Сергеевна поступила работницей "за всё" к американке немецкого происхождения с платой 6 долларов в неделю "на всём готовом". Американку нашла Гертруда Павловна. Через месяц Наталья Сергеевна познакомилась с евреем из России. Он рекомендовал ей поступить на фабрику. Так она и сделала.

Мать её поступила уборщицей в госпиталь, а сын носил палки для гольфа в одном из клубов. Потом он стал продавать газеты, пока не поступил в школу. Рядом с ним продавал газеты американский мальчик. Его привозил отец в дорогом новом автомобиле. Алёша спросил американского мальчика:

– Твой папа вероятно имеет много денег?

– Да.

– Зачем же ты продаёшь газеты, раз вы не нуждаетесь в деньгах?

– Чем больше денег, тем лучше, – отвечал мальчик.

Рядом с домом Вакаров жило семейство Чандлеров. Их мальчик, которому было лет шесть, продавал всё, что угодно: семена цветов, поздравительные открытки. Когда он увидел, что Глеб читает русскую газету, он принёс продавать ему номера "Нового Русского Слова" за прошлый год. Безработное состояние Глеба продолжалось уже месяц. Он записался в бюро по подысканию работы для архитекторов и инженеров. За полученную службу надо было отдать свой первый заработок за неделю. В бюро записали адрес Глеба, но сказали, покачав головой:

– С вами надо иметь терпение.

Они имели в виду его английский язык. Глеб чувствовал себя как бы глухонемым. Ему не только было трудно выразить свою мысль, но и понять слова случайно обратившегося к нему прохожего. Кроме того всё было непривычно, не по-европейски: инчи, футы и фунты, вилка штепселя имела не круглые, а прямоугольные в сечении стержни, надо было догадываться, как открывается почтовый ящик. Казалось, что всё делается не "как у людей". Такое чувство должен был бы испытывать житель Земли, попавший к марсианам.

Пока Глеб не работал, свободного времени было много. Глеб и Оля поехали к океану, вернее к заливу, который глубоко врезывался в сушу, подходя к городу. Там была ротонда с колоннами на самом берегу. К ним подошёл мальчик.

– Есть у вас никел [(десятицентовик)]?

Глеб догадался, что никел – монета и мальчик хотел бы её получить. Глеб показал ему сент и спросил:

– Это никел?

– Нет, это не никел.

Прошли два негритянки.

– Посмотри, как они замечательно одеты, – сказала Оля.

Позже она узнала, что это были дешёвые платья, продукт массового производства, продававшиеся в подвальных этажах семиэтажных магазинов.

136. Первый "Джаб" (работа)

Глеб ходил второй месяц в поисках работы. Особенно нервничала Оля. Ей никогда не приходилось жить на хлебах у чужих людей. Что должна была думать Гертруда Павловна? Они сами только становились на ноги, купили дом, долги по которому надо выплачивать. А тут муж выписал родственников, на склоне лет и без языка.

До сих пор у Глеба ничего не наклёвывалось. Он шёл в раздумье по городскому парку. К нему подошёл человек высокого роста. Глеб сам был высоким, а этот был ещё на голову выше его. Шесть футов и восемь дюймов, определил его рост Глеб. Чего он хочет? К счастью, Глеб его понял. Человек говорил, что вчера он хорошо выпил, и сегодня он хотел бы опохмелиться. Он рассчитывает, что Глеб даст ему для этой цели денег.

Какое ошибочное заключение по внешности, подумал Глеб, и объяснил человеку, что он месяц тому назад приехал из Европы и ищет работу. Верзила понял Глеба и хлопнув его по плечу, сказал:

– "Гуд лак" – хорошей удачи!

Вот, подумал Глеб, всё-таки как-то объяснились. Придя домой, Глеб застал открытку от бюро по подысканию работы для архитекторов и инженеров. В бюро ему вручили адрес проектного бюро, которое могло предложить ему работу. Учреждение это оказалось инженерной консультацией. В действительности это было целое проектное бюро. По американской системе архитектор, берущий заказ спроектировать здание (школу, госпиталь, тюрьму, театр), передаёт расчёт элементов здания (колонн, перекрытий, лестниц, фундаментов), а также вентиляции, отопления, электропроводки отдельным проектным бюро.

Когда Глеб пришёл в бюро, его встретили два директора и заведующий отделом, куда его предполагали взять. Опять затруднением являлся язык. Тогда вызвали инженера Ясенева, работавшего в этом же бюро. Инженер Ясенев учился в Киевском Политехническом Институте, который окончил Глеб, но на инженерно-строительном отделении. Первая мировая война помешала ему окончить институт, а революция забросила его в США, где он окончил технологический институт. Теперь он выполнял роль переводчика в переговорах Глеба с дирекцией.

Решено было, что Глеб начнёт работать через две недели чертёжником в бюро. Две недели надо было подождать потому, что Ясенев уходил как раз в двухнедельный отпуск, а без него в бюро никто не мог с Глебом объясниться.

Ясенев предложил заехать за Беклемишевыми и повезти их к себе, познакомить с женой. Ясеневы жили за городом в усадьбе, которую они купили лет 15 тому назад. У них был большой старый дом на большом участке земли.

Борис Александрович Ясенев пел, а Наталья Дмитриевна ему аккомпанировала. Иногда они давали концерты для американцев. На одной из афиш Глеб прочитал, что петь будет "лидер оф уайт рашианс" ...Действительно, Борис Александрович, живший в США более двадцати пяти лет, считал себя, по крайней мере в Нью Ингланд, как бы представителем русской эмиграции. С Глебом у него установились простые отношения.

Итак, после двух недель ожидания Глеб начал работать в бюро. Его затруднения имели несколько источников: первое вытекало из незнания языка, второе из того обстоятельства, что он был по образованию механиком, а все работы в бюро были строительного порядка. Если стальные конструкции были ему близки, то с железобетоном он был мало знаком. В отношении текущей чертёжной работы Глеб во всём повиновался Ясеневу, но присматриваясь одновремённо к работе других инженеров, он больше всего информации по части расчётов получал от молодых американских инженеров. Они с удовольствием демонстрировали методы расчётов, которые они освоили в американской высшей технической школе. Это привело постепенно к переходу Глеба на расчётную работу. На второй год он стал работать независимо от Ясенева.

Почти одновремённо с началом работы Глеб с Олей переехали в нанятую ими комнату. Это был старый дом в промышленном районе, так что часто ветер приносил туда дым и запах резины. Сзади дома начиналось большое кладбище, с которого фазаниха приводила своих птенцов на огород хозяина полакомиться помидорами. С точки зрения американских удобств, комната заставляла желать лучшего. Обогревалась она чугунной печкой, которая стояла посреди комнаты и отапливалась углем. Кухня была общая для хозяев и жильцов. В ванну утром образовывалась очередь.

Но Беклемишевы после лагерей были ещё не избалованы. Зато хозяйка, мрс. [(миссис)] Давенпорт, стала настоящей матерью для своих жильцов. Она была американской гражданкой английского происхождения. По профессии она была учительницей, но по возрасту уже не работала. Муж её, теперь полупарализованный, имел раньше цветоводство, но во время второй мировой войны прогорел, людям было не до цветов. У мрс. Давенпорт жило молодое американское семейство, муж, жена и маленькая дочь. Муж – Эди, работал на заводе, а в войну участвовал в налётах на Германию из Англии.

Другое семейство польское, муж, жена и годовалый сын. Отец служил на кладбище, сын, не умевший ещё ходить, разъезжал по дому на трёхколёсном велосипеде. Была ещё незамужняя девушка ирландка.

Мрс. Давенпорт проявляла такую заботливость о своих жильцах, была так предусмотрительна и тактична, что Беклемишевы сохранили о ней добрую память на весь остаток своей жизни. Беклемишевы прожили у мрс. Давенпорт год. Потом мрс. Давенпорт продала дом кладбищу на снос. Она переехала с мужем к своему женатому сыну, где муж её вскоре умер. Беклемишевы принуждены были искать новое пристанище.

До этого они съездили летом по приглашению Петренко к ним в Нью-Джерси. Петренко приехали в США позже Беклемишевых и взяли первую предложенную им работу у фермера, имевшего также небольшую механическую мастерскую. Сам Петренко работал в мастерской на станках, а Ирина Григорьевна Петренко работала в доме фермера "за всё" без гонорара, оплачивая своим трудом данную им квартиру. Сын Петренко поселился в Нью-Йорке и начал там учиться. Беклемишевы должны были сначала найти молодого Петренко в Нью-Йорке и ехать с ним в Нью-Джерси.

Путешествие их прошло не без небольших приключений. В Нью-Йорке есть поезда "сабвея" обыкновенные и экспресс. Глеб хотел спросить кого-нибудь, в какой поезд и какого направления им надо сесть. Но все люди куда-то спешили и имели озабоченный вид, так что он не решался их остановить.

Не спешили только те, кто уже сидел в вагоне. Глеб зашёл в вагон и только успел обратиться с вопросом к одному из пассажиров, как дверь вагона закрылась, и он улетел в поезде "экспресс", успев только крикнуть Оле: "Оставайся на перроне, жди меня!". Пролетев несколько станций, Глеб пересел в обратный поезд и нашёл Олю на месте.

В поезде в Нью-Джерси тоже вышла ошибка, но уже по вине молодого Петренко. Они все трое проехали нужную остановку и заехали в штат Делавер. Таким образом, они удлинили свой путь на два часа и должны были купить обратные билеты из штата Делавер.

Погостив у Петренко, Беклемишевы на обратном пути сделали остановку в Нью-Йорке, чтобы найти семью Анны Александровны, двоюродной сестры Анны Ахматовой (Горенко). Анна Александровна жила со взрослым сыном и с дочерью, из которых каждый знал 7-8 языков. Анна Александровна после замужества жила в Польше. Глеб видел её последний раз невестой в возрасте 18-ти лет в имении её отца, Александра Григорьевича, в Литках. Глеб помнил дочь её Катю подростком, и она его помнила уже в советские времена, перед тем, как ей разрешили уехать к матери в Польшу.*

Проговорили весь вечер и все трое вышли проводить Беклемишевых к ближайшему автобусу. Было уже темно. Из ближайшего бара выкатился подвыпивший негр, детина огромного роста, и схватил Анну Александровну за плечо. Глеб отбросил его руку и от неожиданности сказал ему по-русски "полегче", и негр укатился куда-то в темноту.

Поезд нёс Беклемишевых из Нью-Йорка по тому же пути, по которому они ехали год назад, чувствуя себя такими заброшенными. Прошёл всего год, и это чувство исчезло. Глеб работал, пользовался отпуском, мог ориентироваться в расписании поездов, задать самые необходимые вопросы. Словом Беклемишевы попали уже в какую-то колею.

---

* О судьбе Анны Александровны Змунчилла (по мужу Яворской), жившей в Польше, мы узнаем из впервые публикуемых здесь писем двух ее детей, адресованных А.А. Ахматовой. До 1965 г. они, по-видимому, не имели связи с родственниками, оставшимися в СССР. Только под впечатлением газетных сообщений о присуждении Анне Ахматовой почетной степени доктора филологии Оксфордского университета ее племянники решились ей написать. Привожу полные тексты обоих писем, поскольку они не только проливают свет на судьбу одной из ветвей семьи Змунчилла, но и являются выразительными человеческими документами.

Jerzy Javorski Poznań 34, ul. Nehringo 3. Познань. 7.6.65.

Дорогая тетя Аня! Вас, наверно, удивит это письмо и обращение, но так мы Вас называли в детстве и юношестве. Я – Юра – сын Ани Змунчилло-Яворской. Ходил в отпуск в Киеве на Университетскую Круглую [(на Университетской Круглой улице в Киеве жила семья сестры Инны Эразмовны - Анны Эразмовны, по мужу – Вакар – см. Весь Киев на 1910 год)]. Дружил с Вашей покойной сестрой "Тетей Юшей". [(Горенко Ия Андреевна, 1894-1922)] В 1961 году провел 4 месяца у моей сестры Катюши, кот[орая] живет там же, где живет Ваш брат Виктор. Корреспондируем с Вашим внуком [(правильно – племянником)] Андреем Горенко. <…>Я в Польше окончил 2 факультета. Женат на польке. Имеем 2 девочки, обе студентки медицины. Из моей семьи живы только я и Катюша. Родители и братья умерли. <…>Ручки Ваши целую. Юра Яворский.

<…>Второе письмо написано сестрой Юрия (Георгия, Ежи) Яворского – Екатериной:

611 Fifth Avenue New York 22. N.Y. 11 июня 1965

Дорогая родненькая моя! Вы будете, наверное, удивлены получить это письмо, т.к. Вы меня не знаете, но думаю, что слыхали о моем существовании. Я самая младшая из "детей" Ани Змунчилла-Яворской. Уже много лет я старалась написать Вам, т.к. не только по рассказам Мамы я Вас знала и любила, но и по Вашим стихам, кот[орые] мне очень дороги. <…>К моему великому горю я тут в N.Y. потеряла Маму, кот[орую] мы все дети обожали, а через 4 года самого старшего брата Константина, т[ак] ч[то] теперь здесь я одна – это не легко. С Мамой мы прожили всю жизнь в Польше, где Мама 2-ой раз вышла замуж, где и я была замужем. Во время войны мы потеряли мужей и в начале 1939 самого младшего из братьев Александра. Еще один брат в Польше с семьей – Георгий. У него 2 дочки, кот[орые] на медиц[инском] факультете. Когда кончат, мечтаю, что приедут сюда. <…>Крепко Тебя обнимаю. Любящая Тебя Катя Ольшевская. – ***Черных В.Я. О родственных связях семей Змунчилла и Горенко***

137. Тяга в Америку

Летом 1950 года приехали из Европы Радзиевские. С Евгением Ивановичем приехали жена, мать и дочь, родившаяся в Германии. Был жаркий день, все обливались потом. Евгений Иванович, учивший английский ещё в Киеве, чувствовал себя так же, как и Глеб в первый день своего приезда. Язык американцев понимать было трудно. Радзиевские ехали в штат Иллинойс, где жил их спонсор, священник-методист. Весь приход принял участие в устройстве семьи Радзиевских. Их ждала квартира, полностью меблированная. Один член коммуны взялся снабжать их первый месяц молоком, второй ещё чем-то.

Вся беда была в том, что Евгению Ивановичу была уготована роль помощника столяра. Он и занялся сначала этой работой. Потом он поехал в местный штатный университет и его приняли там на должность "риссерч ассистант". Через год он начал уже читать лекции.

Зорины приехали немного позже и обосновались в штате Нью-Джерси. Михаил Васильевич получил место чертёжника. Семейство Базилевич попало в качестве "капл" [(couple – семейная пара)] к американской паре "нуворишей" в Пенсильвании.

В это же лето Глеб получил письмо от Ярослава Белого. Он просил подать его бумаги в Гарвардский университет. Его отец умер в Германии, и Ярослав с матерью готовились к отъезду в США. Глеб пошёл в организацию "Чёрч уорлд сервис", рассказал про Белого и передал его аттестат об окончании немецкой гимназии и рекомендацию "тима" английских квакеров.

Белые, мать и сын, приехали в США, на ферму в штате Нью-Джерси, но с опозданием, приём в Гарвардский университет был уже закончен. Глеб вызвал Ярослава из Нью-Джерси. Священник из организации "Чёрч уорлд сервис" отправился с ним в Гарвард. Ярослава приняли, в виде исключения, на месяц позже общего приёма. За Ярославом приехала и его мать, Наталья Лаврентьевна. Она нашла себе место в семье интеллигентных и добросердечных американцев.

Базилевичи работали у американских "нуворишей". Сам хозяин был человеком без особых фанаберий, но его жена имела нелёгкий характер. Много раз она разносила мужа, который не имел её изысканного вкуса.

– Как ты мог купить новый автомобиль – чёрный с красным верхом. Неужели ты не понимаешь, что у солидного человека должен быть красный автомобиль с чёрным верхом.

Хозяйка владела в городе магазином подарков и антиков. В имении хозяева построили дом для продажи и имели для продажи ещё выгодный участок под газолиновую станцию. Впрочем, они готовы были продать и усадьбу. Двадцать лет тому назад они купили её за шесть тысяч, теперь она шла в семидесяти тысячах. Базилевич (муж) выполнял тяжёлую работу по корчёвке деревьев и красил всё в усадьбе. Жена выполняла всю домашнюю работу. Кофе хозяйке надо было подавать в постель. На поручение, данное хозяйкой, Евгения Петровна отвечала "Олл райт".

– Вы не можете говорить мне "Олл райт", это я могу говорить "Олл райт".

У хозяев были кот и доберман-пинчер. Хозяева не интересовались – сыты они или голодны. Кот даже прогонялся из дому и ночевал на дворе. Теперь они полностью перешли на иждивение Евгении Петровны и очень к ней привязались.

Хозяева, занятые коммерческими операциями, часто не платили вовремя Базилевичам заработанных ими денег. Иногда задолженность превышала тысячу долларов. Они выписали ещё одно семейство ДиПи, но на этот раз венгерское, состоявшее из мужа, жены и маленькой дочки. Мрс. Субо считала себя аристократкой, говорила, что у них на родине остался "Шлосс" [("замок")] и хранила два блюда Гитлера, подаренные ей проезжавшими мимо "Шлосса" американцами.

Фёдор Романович Коваленко приехал в США на два года раньше Беклемишевых. Первых три года семейство Коваленко провело в штате мормонов, в городе Солёного Озера*. Первой устроилась на работу дочь, Галина. Она стала работать на машине, которая сшивала за день 250 пар штанов из синей дерюги. Домой после работы она приходила вся синяя.

Одновремённо она поступила на вечерние бухгалтерские курсы. Окончивши курсы, она стала искать себе службу в конторе. Когда она разговаривала с нанимателями, всё было хорошо до последнего вопроса: "Ар ю мормон?" – "Нет, я не мормонка", – отвечала Галина. – "Извините, взять вас на работу мы не можем", – был постоянный ответ. Увидевши, что в штате мормонов она работу в конторе не получит никогда, Галина с одной русской дамой и её дочерью уехала в Сан Франциско и там на второй день устроилась бухгалтером в страховой компании.

Любовь Семёновна сначала работала как портниха в салоне дамских платьев, а через полтора года получила место преподавательницы русского языка в местном университете. Фёдор Романович начал службу в городском управлении, в отделе наблюдения за отопительными установками. Он делал тепловые расчёты новых установок. Вскоре он перешёл в университет на должность ассистента при гидравлической лаборатории. Там он спроектировал несколько новых установок для демонстрации гидравлических процессов. Потом ему поручили чтение курса гидравлических машин. Такой курс он читал уже в Киеве, но здесь трудности заключались в языке. Каждую лекцию ему приходилось выучивать по-английски, и всё-таки качество языка, особенно произношение, было очень низким.

– Студенты здесь очень снисходительны, – писал Фёдор Романович, – во всяком случае, они ни разу меня не побили за моё произношение.

Через три года Фёдор Романович и Любовь Семёновна переехали тоже в Сан Франциско. Фёдор Романович устроился в большой технической фирме на должность инженера, он делал расчёты напряжений в трубопроводах при их температурном расширении. Любовь Семёновна нашла работу чертёжницы, сначала в частной маленькой фирме, а потом в государственном предприятии. Галина к этому времени уже вышла замуж, и они с мужем купили дом.

В 1950 году в Новую Англию приехал инженер Сигал, с женой и взрослой дочерью. Ему сначала пришлось туго. Он начал с мытья посуды в ресторане на ночной смене. Ни жена, ни взрослая дочь не работали.

– Отчего бы Лиде не поступить в госпиталь? – сказал Глеб, – тем более, что она год была на медицинском факультете в Германии.

– Что вы, – ответила мать, – мой отец был председателем земской управы, я не могу допустить, чтобы моя дочь была прислугой в госпитале.

Некоторое время спустя Лида всё же поступила в госпиталь в качестве "нерс" [(сиделки, санитарки – от англ. nurse)]. Сигал-отец вскоре перешёл на должность лаборанта в металлургическую лабораторию технологического института. Платили там мало, и он через полгода перешёл на место конструктора на фабрику, где ему начали платить совсем прилично.

Инженер Кособоков с женой попали в город Эдмонтон в Канаде. Первое время он не мог найти себе работы, но потом поступил инженером в термический цех авиационного завода и там заслужил себе хорошую репутацию. Петренко переехали из Нью-Джерси в Нью-Йорк. Виктор Константинович поступил конструктором на завод, изготовлявший вспомогательные механизмы для самолётов. Каждый раз, когда ему предлагали другое, лучше оплачиваемое место, его удерживали на заводе, увеличивая ему жалованье.

---

* Речь идет о штате Юта, город Солёного Озера – Солт-Лейк-Сити, столица этого штата. Что касается мормонов, то у них распространено многоженство (хотя оно и было официально отменено в 1890 г.). Из остальных отличительных черт: умеренность в еде, особо подчеркивается воздержание от употребления чая, кофе, табака и спиртных напитков (не говоря уже о наркотиках!); убежденность, что дом – основная, священная ячейка общества и церкви; взимание церковной десятины – мормоны отчисляют 10% своих годовых доходов в пользу церкви. – ***Из Интернета***

Доцент Подрученко, приехав в США, должен был принять место смотрителя католического храма. Это было беспокойное место, на котором рабочий день был неограничен. Через год он перешёл на работу в очень крупную фирму, строившую водотрубные котлы. Инженер Мирошник, приехав в США, поступил на куриную ферму. Там его заставили работать по десять часов и кормили протухшим мясом. На второй день он сбежал. Вскоре он устроился в фирме, строившей мосты.

В Интернациональном Институте Глеб встретил Остапенко, который ещё в Лесном лагере в Германии начал учить английский язык. Потом он поступил в Институт в Германии. Теперь в Америке он работал днём в проектном бюро, а вечером учился в вечернем институте. Таким образом, все эмигранты, каких Глеб знал, покинувши Советский Союз, быстро приспособились к чуждой американской обстановке, начали работать, приносить пользу и продвигаться вперёд.

Пришло письмо от Сергея Вакара, обосновавшегося в Буэнос-Айресе. В Югославии он строил железные дороги, в Аргентине служил в германской фирме, строившей электромоторы. Дочь тоже где-то работала, жена смотрела за внучкой, зять работал инженером-электриком на заводе.*

Глеб познакомился с господином Гертом из Югославии, юристом по образованию.

– Мы не так начинали, – говорил он, – за что только не приходилось браться, а вы, новая эмиграция, быстро становитесь на ноги. Почему это?

– Вероятно потому, что в Советском Союзе слабые гибнут, выживают более приспособленные. По Дарвину – закон естественного отбора. Кроме того нас двадцать лет били, а за битого двух небитых дают.

Неоднократно, засыпая после трудового дня, Глеб видел один и тот же неприятный сон. Ему снилось, что он вернулся в Советский Союз. Он недоумевал, как он мог сделать такую глупость? Почему он вернулся? Он идёт в Институт, встречает знакомых и думает, как объяснить своё долгое отсутствие. У него нет ни паспорта, ни трудовой книжки. А главное – как опять отсюда удрать?

Глеб получает письмо от Фёдора Романовича, оказывается и ему снится такой же сон. Снится он и Кособокову, и Петренко. Это не индивидуальный сон, это сон групповой, связанный с перерождением психики в атмосфере советской жизни. Подобные сны снятся вероятно зайцу или лисице. Им снится, что свора гончих, с высунутыми языками, гонится за ними. Во сне они делают движения лапами. А гончие во сне бегут по пятам, и охотник с усами и кавказским носом трубит в охотничий рог.

---

* Сергей Васильевич родился в 1892 г. в Тамбове, в семье юриста, сенатора, члена 4-й Государственной думы Василия Модестовича Вакара и дочери купца (окончившей Тамбовский институт благородных девиц) Елизаветы Сергеевны Гусевой. Учился в Варшавском политехническом институте, но не окончил его (по-видимому, из-за начавшейся войны с германцем), поступил затем в Елисаветградское кавалерийское училище, был выпущен в 1915 г. Офицер 1-го гусарского Сумского полка. В гражданской войне участвовал в составе Добровольческой армии Деникина, дослужился до штабс-ротмистра. После разгрома Белого движения эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (предтечу будущей Югославии), работал чертежником в министерстве путей сообщения. В первые месяцы войны Германии против СССР вступил в сформированный в Сербии из белоэмигрантов Русский охранный корпус (РУК), воевал с югославскими партизанами, получил звание вахмистра. После капитуляции Германии уцелевшие части РУК с боями пробились из оккупированной Красной армией Словении в Австрию, где и сдались англичанам. Поэтому С.В. Вакар выдачи в СССР избежал (поскольку советским гражданином и не являлся). В 1949 г. эмигрировал в Аргентину, где проектировал детали машин на электромеханическом заводе. Умер в 1981 г. в Буэнос-Айресе. Сочинения: ряд трудов по истории русской конницы (архив Колумбийского университета), рукописные воспоминания (Бахметьевский архив в Нью-Йорке). Жена – Зинаида Викторовна, дочь – Елена. Между прочим, старшего брата Сергея – Николая, родившегося в 1889-м в том же Тамбове и работавшего юристом (получил высшее образование на юрфаке Университета св. Владимира в Киеве) на Ревдинском металлургическом заводе, в 1938 г. большевики расстреляли за просто так!

138. Квебек

Беклемишевы жили в доме женщины – доктора Лайл. Первый этаж был пуст. В нём только раз в неделю собиралась секта Розенкрейцеров*. Во втором и третьем этажах жили жильцы и сама Лайл. Ранней весной Лайл решила дом продать, а сама наняла небольшую квартиру против ботанического сада Арборитум. Лайл предложила переехать с ней нескольким жильцам: Майку, мисс Рид и Беклемишевым.

Майк говорил про себя, что он по одной линии происходит от евреев, а по другой – от американских индейцев. Он работал в большой фотографической фирме. По характеру он был простым и добрым человеком. Глебу не всегда легко было его понять. Так однажды он ругал своего "босса", говоря в то же время, что он "мюзик".

– Может быть "мюзишен" (музыкант)? – спросил Глеб.

– Нет, он "мюзик".

Оказалось, что Майк хотел сказать по-русски, что хозяин его "мужик".

Мисс Рид происходила от первых "пилигримов", приехавших в Америку на [корабле] "Мэй Фловер". Была она старушкой нечистоплотной и особым умом не блистала.

Против дома находился великолепный Арборитум. Особенно хорош он был весной, когда цвели азалии, сирень самых различных цветов, японские вишни и другие деревья. Но чтобы попасть в него, надо было перейти через артерию, по которой в обоих направлениях текли потоки автомобилей. Хорош был и недалеко лежавший "Джамейка понд" – пруд, окружённый зелёными массивами.

Приближался отпуск Глеба. Ольга Павловна и Сергей Эдуардович приглашали Беклемишевых посетить их в Квебеке. Ольгу Павловну (Лёлю Янушевскую) Глеб и Оля видели в последний раз в 1921 году в Москве, то есть в том году, когда она нелегально перешла границу Советского Союза с Финляндией. С Сергеем Эдуардовичем [Кригер-Войновским], с его отцом [Эдуардом Брониславовичем] и матерью [Александрой Николаевной], Глеб распрощался в январе 1920 года в Новороссийске. Прошло тридцать лет и каких лет!**

---

* Из всех существующих ныне религиозных групп, розенкрейцеры являются самой сложной и загадочной, но очень многое в них заимствовано из множества самых разных религий и философий. Объясняя эту странную мешанину, Уолтер Мартин в книге "Царство культов" писал: "Розенкрейцеры предлагают не только эклектическую теологическую систему, в которой перемешаны языческая мифология, иудаизм, христианство и некоторые элементы индуизма и буддизма, но и пытаются абсорбировать основные учения всех религий и синтезировать из них всеобщую религию". – ***Из Интернета***

** Сергей Эдуардович Кригер-Войновский (1895-1968), гражданский инженер, преподаватель. По окончании гимназии учился в С.-Петербургском Институт путей сообщения. После 1917 уехал в Западную Европу, в 1924 окончил Высшую техническую школу в Берлине. Работал гражданским инженером, главным образом в Германии. Опубликовал ряд работ по специальности и преподавал в одном из немецких высших учебных заведений. В 1950 переселился в Канаду, преподавал на инженерном факультете в университете Лаваль в Квебеке до ухода на пенсию в 1961. В 1933-54 опубликовал в немецких и американских журналах 25 работ по проблемам сопротивления материалов. Совместно с профессором С. Тимошенко написал и опубликовал книгу "Theory of Plates and Shells", которая вышла в двух изданиях. Действительный член Общества русских инженеров в США (1955).

Об отце Эдуарде Брониславовиче (1864-1933) – железнодорожном инженере и чиновнике в России – мы уже приводили сведения. После эмиграции из России жил в Белграде, где возглавлял Югославянский союз инженеров и промышленное общество «Техника». Затем переехал в Германию. С 1927 жил во Франции, руководил созданным А.Ф. Треповым русским строительным обществом «Котриб». Был товарищем председателя, с 1931 – председателем Федерации русских инженеров за границей. Был председателем совета Российского центрального объединения. Мемуарист, автор книги «Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции» (М., 1999). Публиковался в эмигрантской прессе. Похоронен в Берлине.

Поезд, вышедший из Бостона, бежал на север через штат Мэйн. Недалеко от границы пересадка в поезд, состоявший из одного вагона. В вагоне чиновники таможни производили осмотр вещей. Папиросы можно было провозить только в ограниченном количестве. Чиновники имели намётанный глаз. Спросив пассажира, куда, зачем и на сколько времени он едет, чиновник обычно не осматривал вещи пассажира, ехавшего издалека. Если человек жил недалеко от границы и ехал в Канаду не в первый раз, его вещи осматривались основательно.

Вторая пересадка. Поезд шёл уже по канадской территории. По обеим сторонам тянулись озёра. Беклемишевы вышли из поезда в Квебеке. Кругом слышна французская речь, но отвечают и на вопрос, сделанный по-английски. На вокзале Беклемишевых никто не встречал. Как выяснилось позже, открытка Глеба пришла в Квебек после их приезда. Глеб взял такси. Шофер остановился у трёхэтажного дома, стоявшего на широкой улице. Поднялись на третий этаж. Дверь открыла Ольга Павловна. Она обняла Глеба и заплакала.

Она и должна была плакать. Глеб был осколком того потонувшего мира, в котором протекало её детство. От этого мира почти ничего не осталось. Погибли отец и мать, старший брат. Сестра была в ссылке. Где-то жили младший брат и младшая сестра. В Германии была тётка, сестра матери, Адя Белинг, с которой Ольга Павловна поддерживала переписку. Вышел Сергей Эдуардович и все пошли в столовую.

– Я бы тебя не узнала, если бы встретила на улице.

– И не мудрено. Ты помнишь меня студентом 24-х лет. Вероятно, не совсем ясно помнишь меня в последний мой приезд в Москву в 1921 году. А с тех пор протекло тридцать лет. А я тебя узнал бы, потому что ты стала очень похожа на Марию Максимилиановну.

– Ты знаешь, что мать умерла. Адя получила письмо от Симы. Помнишь? Она служила у нас.

– Нет, я не знал. Когда Мария Максимилиановна умерла?

– Умерла она уже после войны. Попала на Арбате под автомобиль и, не приходя в сознание, умерла в госпитале.

– Что ещё Адя писала?

– Писала, что был убит на войне Вова, старший сын Люды.

– А сама Люда?

– Продолжает находиться в ссылке за грехи своего расстрелянного мужа.

– Расскажи теперь, как вы устроились?

– Ты знаешь, что после войны мы жили в Германии ещё четыре с половиной года. Жили мы в Баварских Альпах, в чудном месте. [Муж] Серёжа и [сын] Алик [(Александр)] лазили по горам. Всё это было хорошо, но никакой работы, никакой почвы под ногами. Серёжа барабанил пальцами по окну и говорил стихами:

Бежать? Но куда?
На время – не стоит труда,
А вечно бежать – невозможно...

Потом он получил предложения из двух университетов, одно из США, другое из Канады. В США надо было ждать очереди, а в Канаду можно было ехать немедленно. Вот мы и поехали в Квебек. Серёже пришлось читать лекции по-французски...

– Язык-то я знал, – сказал Сергей Эдуардович, – но пришлось привыкать к терминологии по-французски.

– Сын устроился в Монреале. Приезжает к нам на "вик энд" [(weekend – конец недели)]. Он инженер, окончил в Германии. Вы познакомитесь с ним в пятницу вечером.

– Сколько же ему теперь?

– Уже 28 лет.

– Не женился?

– Не женился. И я не хочу, чтобы он женился. Пусть женится, когда я умру.

Чувствовалось, что Ольга Павловна любила сына особой, ревнивой, материнской любовью. Она стала показывать детские фотографии сына.

– А это что за девочка? – спросил Глеб, показывая на снимок.

– Это бывшая его подруга по "киндергартен'у", дочь писателя Сергея Горного. Теперь она балерина.

– Сергея Горного я встречал в Госларе. Одно время он был переводчиком в английских комиссиях для "перемещённых особ". А дочь его работала в английской комендатуре. Её у нас не любили.

– Почему?

– Кутила с советскими офицерами. Думали, что она выбалтывает им лишнее.

– А что поделывает Адя?

– Она ведёт большую научную работу и по делам службы часто разъезжает то в Париж, то в Амстердам, то в Брюссель. Но она сильно онемечилась. Ты знаешь я не особенно люблю немцев.

– Что ты любишь их меньше, чем Адя, можно понять. В тебе в два раза меньше немецкой крови, чем в Аде. Но я не нахожу, чтобы она так уж сильно онемечилась – поёт в православной церкви, поддерживает дружеские отношения со старыми русскими друзьями.

– Как же вы пережили годы войны и послевоенные годы?

– Так вот и пережили. Приходилось круто, но я ведь фаталист, как и ты, если судить по твоим письмам.

– Я не думаю, чтобы меня можно было причислить к фаталистам. Фаталист верит в неизбежность рока, слепой судьбы. Её не изменишь, не умолишь. Судьба, мойра, была выше всего у древних греков. Ей подчинялись и боги – олимпийцы. А я считаю, что молитвой можно изменить судьбу, можно упросить Бога.

– А как вы устроились в Америке?

– Устроились как-то, как могут устроиться люди без языка. Я работаю в проектном бюро. Оля первые два года тоже работала, я чувствовал себя ещё неуверенно. Всё, конечно, казалось непривычным. Надо сказать, что в Германии всё как-то уютнее. Молодёжь воспитаннее. Но в Германии резко чувствуется национализм, и иностранец всегда будет чувствовать себя инородным телом. Здесь этого нет, скорее растворяешься в окружающей среде.

– Приобрели знакомства среди эмигрантов?

– Знакомства есть, но особой близости нет. Все новые эмигрантские знакомые относятся к нескольким специфическим типам. Одни варятся почти исключительно в своей эмигрантской среде. Некоторые из них отдаются эмигрантской "общественной работе". Другие никакой такой "работой" не занимаются, но считают себя эмигрантскими "лидерами" и ревниво относятся к конкурентам, подозреваемым в стремлении к лидерству.

Среди вновь приехавших в США эмигрантов, главным образом из Югославии, Парижа или Польши встречается тип хулителей "американской культуры". Они ведут себя, как носители высшей культуры, попавшие в среду культуры более низкой и постоянно разносят американцев. Если они попадают на фабрику и начинают очень чваниться перед окружающими их коллегами, то они быстро наживают себе врагов.

Есть ещё третий тип эмигрантов, которые, поварившись в эмигрантской среде, от неё отталкиваются. Поставив себя вне эмиграции, они начинают думать, что сами они стали неизмеримо выше её. Эмигранты превращаются для них в отбросы человечества. Они не замечают, что сами они только одна из разновидностей эмигрантского общества. Они стараются во всём подражать американцам. Но американцы разделены на различные слои, с разными привычками, с разными культурными уровнями. Зачастую подражатели из эмигрантов выбирают для подражания не лучшие, а худшие черты американских обычаев. Иногда просто берут те обычаи, которые им в данном случае выгодны, и отбрасывают те, которые противоречат их интересам.

На следующий день Сергей Эдуардович пошёл в Университет, Ольга Павловна осталась дома готовить обед, а Глеб с Олей пошли осматривать город. Квебек расположен на высоком берегу реки св. Лаврентия. Он напоминает своим расположением Киев над Днепром. Вдоль реки на высоте тянется парк. По дорожкам ездят туристы в старинных одноконных экипажах. И какой воинственный город. На каждом шагу стоят старые пушки.

Это памятники бурной истории города, когда французское население подымало восстания против англичан. Провинция Квебек – это место истории "последнего из могикан". Квебек чистый и красивый город. Вечером с балкона дома Сергея Эдуардовича и Ольги Павловны Беклемишевы в первый раз в жизни наблюдали северное сияние.

Квебек

На следующий день приехал их сын, Александр Сергеевич. Это был среднего роста молодой человек с близко посаженными, как у матери, глазами.

– Вы тёзка Пушкина, – сказал ему Глеб, – ваше имя и отчество легко запомнить.

За Кригер-Войновскими заехали их друзья и, захватив Беклемишевых, повезли на водопад. Полюбовались редким видом, сделали несколько снимков.

Несколько дней прошло в прогулках по городу и в разговорах вечером. Потом Беклемишевы поехали на пароходе до [базилики] "Сейнт Анн де Бопре". Поездка по реке была очень интересна. Гид давал объяснения дважды, по-французски и по-английски. По дороге видны были острова, мосты и водопады.

Отпуск быстро подходил к концу. Распрощавшись с друзьями юности, Глеб и Оля поехали обратно. До Монреаля их сопровождал Александр Сергеевич. Беклемишевы имели от поезда до поезда три часа. Александр Сергеевич успел показать им небольшую часть Монреаля.

139. "Арборитум"

Бостон встретил Беклемишевых неприветливо. Было душно в воздухе, стояла высокая влажность. Лицо и руки становились липкими. У Оли опять усилились головные боли. Над артерией "Арборвэй" скоплялись пары отработанного бензина. Синие, чёрные, зелёные автомобили текли непрерывной рекой. Иногда происходили столкновения, и разбитую машину уволакивал автомобиль, вооружённый краном.

Беклемишевы спасались в ботанический сад "Арборитум". Однажды они сидели в саду на скамейке. В саду было пусто. Даже удивительно было, как

сравнительно мало пользуются горожане этим чудным садом. Итак, Глеб и Оля сидели на скамейке на той именно дороге, где в мае так буйно цвела сирень. На дороге показалась пара, и он и она были не первой молодости. Они целовались посередине дороги.

– Странный всё же обычай, почему для поцелуев надо выбирать наиболее открытое для обозрения место?

– Целоваться и публично, очень, очень неприлично..., – проскандировал Глеб.

Пара исчезла за сиреневыми кустами, а Глеб стал напевать:

Поцелуй и в саду,
И у всех на виду...

Прошло минут десять, и вдруг на дорогу выбежала женская половина вышеупомянутой пары. Юбка на ней была разорвана выше колена. Она решительно направилась к скамейке, на которой сидели Оля и Глеб, и попросила позволения сесть.

– Ах! Я так испугалась, – сказала она. – Этот человек оказался нахалом. Вы видите, как он разорвал на мне юбку. Я, конечно, уже не девочка, но я этого боюсь. Поэтому я побуду с вами. Пожалуйста, не оставляйте меня.

– Это ваш знакомый?

– Да.

– Давно вы с ним познакомились?

– Сегодня.

Этот оборот дела Глебу не очень понравился. Женщина целовалась с первым встречным-поперечным. Теперь она ищет защиты. Ей надо оказать покровительство. Но если дело дойдёт до столкновения и потребуется вмешательство полиции, то роль его, Глеба, не американского гражданина и плохо говорящего по-английски человека, может быть истолкована полицией произвольно, и в его "рекорде" появится нежелательная запись.

Беклемишевы с "подзащитной" направились к воротам парка. "Герой" происшествия вышел из кустов и присоединился к ним. Он, правда, не проявлял никаких агрессивных намерений. На людной улице, по дороге к "элевэйтед"*, разговор действующих лиц трагикомедии перешёл в мирные тона, и "подзащитная" заявила, что уже больше не боится. Беклемишевы были рады такому исходу и направились домой.

Зима в этом году прошла как-то особенно быстро. Николай Вакар несколько раз говорил, что Глеб должен заговорить на службе о прибавке.

– Ты не ставь вопрос ребром. Не так, что, мол, не прибавите – я уйду. А поговори о том, что обязанности твои расширились, ты ведёшь расчёты, которых раньше не вёл. Американцы, знаешь, как смотрят на вещи? Если человек не требует прибавки, значит он сам себя не ценит. А если он себя не ценит, то с какой стати мы его ценить будем?

Глеб с этим не был согласен. Прежде всего, он владел языком всё же очень посредственно. Во-вторых, ведь и работал он не по специальности, то есть не в той области, в которой получил образование. Однажды его спросили: можете вы пойти в Сити Холл и провести там утверждение проекта? Что было делать? Он ответил: могу. Пошёл и всё же защитил проект со своим запасом слов. Наконец, он убедился, что был прав, не предъявляя требований увеличения оплаты. Ему уже три раза прибавляли и без его требований.

В эту зиму Беклемишевы познакомились с Крестовоздвиженскими и с Литвиненко. Крестовоздвиженские приехали из Нью-Йорка. Борис Павлович был инженером-электриком, а Мария Вячеславовна была художницей и писала стихи.

По какому-то случаю у Беклемишевых собрались гости. Комната у них была маленькая, потому доктор Лайд предоставила им гостиную и, отделенную от неё

---

* Это открытые участки метро, на эстакадах (elevated), в отличие от подземных (subway).

аркой, столовую. Когда уже все собрались, позвонил по телефону Литвиненко и спросил, может ли он приехать.

– Конечно.

– Только я приеду с женой и с сестрой жены.

– Хорошо, приезжайте.

Литвиненко был ещё сравнительно молодой человек. Глеб знал его только по статьям в газетах. Знал также, что он написал две книги на английском языке. До войны он был советским студентом в Ленинграде. Потом попал на советскую каторгу, где провёл пять лет. Отбыв наказание, во вторую мировую войну попал в Италию и оттуда в США.

Общество собралось довольно большое. Сестра жены Литвиненко пела под аккомпанемент гитары Ясенева. Потом пел Ясенев. Доктор Лайл была так любезна, что мыла посуду в кухне, чтобы Оля могла оставаться с гостями. Оле положительно везло на американских хозяек.

Во время "ланч-тайм'а" Глеб ходил в "коммон сквер" [(общественный сквер)]. Тут люди кормили орехами белок и хлебом голубей. Однажды Глеб заметил рядом с собой пожилого человека. Он читал "Русский Голос". Эту газету прозвали "Сталинским Голосом". Когда сосед кончил читать "Русский Голос", положил его в карман и раскрыл американскую газету, Глеб обратился к нему: "Можно посмотреть вашу газету на русском языке? ". Реакция была неожиданная – сосед встал и молча удалился из парка...

Глеб обратил внимание на группу людей, стоявшую на дорожке, подошёл к ним. В середине круга дрались два воробья. Они взлетали и падали в пыль. Бой был не на живот, а на смерть. Вдруг к ним подлетела воробьиха и что то прощебетала. "Идиоты, – вероятно сказала она, – так не долго и убить". Но они не обращали внимания. Вероятно бой шёл из-за неё...

140. Нантакет и Йорк-бич

Приближался отпуск Глеба, и надо было выбрать место, где можно было бы скромно и хорошо провести две недели. Архитектор Смит на службе Глеба советовал поехать на остров "Мартас Виньярд", а Ярослав Белый, подрабатывавший летом на острове "Нантакет", звал Глеба приехать туда на два дня и посмотреть подходящие места там. Остановиться можно будет у его хозяев. Глеб решил предпринять поездку на "Мартас Виньярд" и "Нантакет". До "Вудхол" он доехал на поезде. Там пересел на пароход. До ближайшей остановки на "Мартас Виньярд" езды было один час, до "Нантакета" – три часа. Глеб решил ехать прямо на "Нантакет". Там его встретил Ярослав. Он познакомил Глеба с хозяйкой. Хозяйка вставляла в свою английскую речь русские слова.

– Откуда вы знаете эти слова? – спросил Глеб.

– От Наташи Ясеневой.

Оказалось, что Ясеневы несколько лет подряд проводили здесь летние месяцы. День был праздничный, и к хозяевам всё время приезжали их родственники. Ясно было, что в их доме Глеба негде будет устроить на ночь.

– Я вас устрою у одного русского офицера, – сказал Ярослав.

Уже темнело, когда Ярослав повёл Глеба вверх по гористой улице. Он постучал в дверь казавшегося пустынным дома.

– Войдите, – ответил голос из темноты.

Ярослав и Глеб вошли в тёмную комнату. Потом зажёгся свет, и они увидели большого человека, голого до пояса. Он сидел в кресле, а на столе стояли бутылки и рюмки. Видно было, что ещё недавно здесь происходила попойка. Ярослав познакомил Глеба с хозяином, сказал, что просит дать Глебу ночлег, и исчез. Хозяин встал. Он оказался детиной большого роста, с хорошей ещё шевелюрой, в возрасте между 55-ю и 60-ю годами. Он был когда-то кавалерийским офицером русской армии.

Попав после революции в США, он женился на американке. Вероятно, в молодости он был красив и пользовался успехом у женщин. Американка его

покинула, а он занялся скульптурой, резал из дерева длиннолицых уродцев. Несколько уродцев стояло на столе, других он с гордостью показал Глебу в американском журнале. Расспросив Глеба, кто он и откуда, хозяин сказал:

– Что же, надо было бы, по этому случаю, выпить. Есть у вас деньги?

Глеб вытащил из кармана несколько долларов.

– Нет, это много. Довольно полтинника. Вот и я прибавлю полтинник. Теперь надо купить чего-нибудь выпить. Я раздет, мне неудобно идти. Можете вы купить? Вон светится огонёк, это винный магазин.

Глеб пошёл на огонёк. По дороге он соображал: хозяин уже на взводе. Если купить что-нибудь крепкое, он напьётся. Куплю я пива. Так он и сделал. Когда Глеб принёс пиво в "каннах" [(can – консервная банка)], хозяин сказал:

– Пиво надо покупать в бутылках, выходит дешевле.

Пробив в "каннах" по две дырки он добавил:

– Ну, давай выпьем на брудершафт.

Выпили на брудершафт. Глеб лёг спать, хозяин обещал разбудить его в четыре часа утра, к раннему пароходу. Глеб проснулся сам, умылся, но хозяин вышел проводить его до калитки. Солнце ещё не всходило. Нантакет лежал весь в белесых нежных красках.

– Ну помни, – сказал бывший кавалерист, – мой дом – твой дом.

Глеб сидел на палубе и размышлял, слезать ли ему на острове "Мартас Виньярд". Решил, что не стоит. Разведка слишком затянулась бы. Было свежо. За пароходом летели чайки. Первые лучи солнца упали на океан.

– "Мартас Виньярд" я не видел, – сказал Глеб Оле, – а "Нантакет" будет нам не по карману. Хозяйка Ярослава готова дать нам комнату бесплатно, но я не люблю одолжаться у незнакомых людей. Кроме того оттуда не близкий конец ходить на пляж, а на пляже сыпучие пески, которые ветер несёт в глаза. Сделаем рекогносцировку на север.

На север Беклемишевых повёз Николай Вакар. Ехали по штату Нью-Хемпшир, всё время сворачивая на узкие шоссе, ведущие к океану.

– Куда ты завернул, – закричал Глеб, – тут ведь было написано "прайвет уэй" [(private way – частная дорога)].

– Ну, ничего не поделаешь, тут повернуть нельзя.

Действительно, это была узкая лесная просека. Глеб думал, как Николай вывернется. Выехали на поляну. На ней не было никакого приличного дома. Стояли сараи и стол под открытым небом, за столом сидели два человека, за 60 лет, с большими животами. Перед ними стояли бутылки и стаканы. Под столом тоже стояли бутылки, много пустых бутылок. Николай вышел из автомобиля и подошёл к старикам.

– Гуд морнинг, не знаете ли, где тут живёт Эмерсон, Фрэд Эмерсон?

– Эмерсон? Фрэд? Постойте, когда вы выедете отсюда, поверните налево, потом на "рут 28" до озера, затем направо, а там опять спросите, где живёт Эмерсон.

– Тэнк у вери мач.

И Николай выехал из леса на шоссе.

Подходящую комнату Беклемишевы нашли в доме на Лонг Йорк Бич. Сзади дома начинался лес, перед домом был океан. Океан был холодный. Иногда по утрам с него на берег катились густые волны тумана. Маленькие птички стайками бегали по пляжу, подбирая какую-то пищу, которая оставалась на песке после откатившейся назад океанской волны.

Главное неудобство этого места заключалось в том, что было неизвестно, где питаться. Для человека с автомобилем эта задача разрешалась просто, но Беклемишевым приходилось отмеривать мили, чтобы пообедать.

– Нельзя ли в вашем рефрежерейторе сохранять нашу бутылку молока?

– Одну бутылку молока я могла бы там поставить, но, если я разрешу это вам, я должна разрешить хранить там молоко и другим жильцам. Тогда там места не хватит.

– Нельзя ли было бы разрешить эту проблему таким способом, – сказал Глеб, – нашего молока в айсбоксе не будет, но там будет ваша лишняя бутылка, и вы будете нам ее продавать, с надбавкой, конечно.

– О! Это можно.

Купанье в холодном океане, свежий морской бриз, лёгкая пустота в желудке (обедали Беклемишевы не каждый день), всё это было не так уж плохо. Во всяком случае и Глеб, и Оля вернулись домой более бодрыми, чем были до отпуска.

Вскоре головные боли у Оли возобновились. Глеб отправил её на исследование в Нью-Ингланд Институт, знаменитый своей диагностикой. После трёх дней исследований доктор пригласил Глеба.

– Всё у вашей жены вполне нормально. Не знаете ли вы отчего у неё эти головные боли?

– Доктор, это как раз то, что я хотел бы услышать от вас. Я ведь не медик.

– Видимо, причины в нервах.

Глеб решил переехать с "Арборуэй", пропитанного парами отработанного бензина. Жаль было, конечно, ботанического сада и Джамэйка Понд. Глеб нашёл две комнаты в Белмонте.

Хозяин – непрактикующий адвокат, лет шестидесяти. У него осталось одно лёгкое. Очень вежлив. Всё время занят работами по улучшению дома. В подвале у него мастерская. Кроме того он коллекционирует "антики". Две комнаты в квартире и "порч" [(porch – здесь, по-видимому, крытая веранда]] представляют собой настоящий музей. На лестнице стоит медная статуя Цезаря.

– Это Цезарь? – спрашивает Глеб.

– Ит из Цисса [(It is Caesar)], – отвечает Лео.

Друг друга не поняли.

Главой семьи является жена. Мэй имеет в центре города салон. Она вся поглощена своим предприятием. По происхождению – ирландка, ревностная католичка.

– Мой муж американец, – говорит она Оле, – но ирландцы лучше американцев. Вчера у меня была одна девушка. Ах! Она принадлежит к такой чудной религии.

Глеб приготовился услышать какую-нибудь совершенно необыкновенную религию.

– Да, так эта девушка католичка.

Мэй два раза водила Беклемишевых в костёл. Вероятно она втайне надеется обратить их в католичество.

– А какая религия в России? – спрашивает она, – лютеранство?

141. Возвращенец с того света

Наталья Захаровна Оскерко продолжала жить в Германии соломенной вдовой. Было немало шансов за то, чтобы она стала настоящей вдовой. Но проверить это она не могла. Однажды к ней пришла открытка с советской маркой. Начиналась она обращением: Майне либе фрау!.., а далее сообщалось, что её супруг жив и надеется скоро увидеть её. Однако, прошёл целый год, и супруг не появился. Через год снова пришла открытка, примерно такого же содержания. И снова больше ни звука. Отвечать Наталья Захаровна не могла, так как адреса отправителя на открытке не было.

Пролетел ещё один год. И вдруг, в один прекрасный день у дома, где жила Наталья Захаровна, появился худой чёрный человек в немецкой грязной и изношенной шинели. Это был Оскерко. Он успешно прошёл две отборочные комиссии, отправившие его к родным пенатам. Оскерко пришлось уложить в больницу.

Из больницы он вышел в общем поправившимся, за исключением болезни желудка, которую он нажил, будучи пленным. Эта болезнь была, по-видимому, пожизненной. Германское правительство назначило Оскерко пенсию. Оскерко, получив кусок земли в лесу, принялся за постройку дома, а Наталия Захаровна развела кур и кроликов.

Их новыми знакомыми стали Вахман, муж и жена. Это семейство образовалось уже в Германии. У мужа за границей осталась жена, а у жены – муж. Елизавета Ивановна была хороший человек, и не её вина, что от родителей она получила тяжёлый характер. Муж говорил про неё: Елизавета Ивановна хороший человек, но жить с ней тяжело. Елизавета Ивановна писала стихи и была не лишена юмора. Про дом Оскерко она говорила: "И чего только в этом доме нет! И водопровода нет, и освещения нет, и уборной нет!". Муж Елизаветы Ивановны служил ночным сторожем.

В 1955 году материальное положение обоих семейств улучшилось. Германское правительство установило закон, по которому немцы-учителя могли получать пенсию, независимо от того, где они были учителями. По этому закону и Наталья Захаровна и Елизавета Ивановна стали получать приличную пенсию по их учительскому стажу в Советском Союзе. Они даже съездили в Италию, побывали в Венеции и на Лидо.

Семейство Теософовых, так же живших в Германии, тоже устроилось неплохо. Муж получал пенсию по своей работе в Германии. Приёмная дочь их училась, а Зинаида Васильевна часто ездила в Париж, где у неё были родственники.

Беклемишевы находили по газетам и журналам всё больше людей, которых они знали в далёкие годы. Иногда они узнавали о людях, когда они уже умерли. Так, из книги Криптона "Осада Ленинграда" они узнали о смерти, во время осады, металлурга, инженера Берга, с которым (и с его женой) проводили отпуск в Новом Афоне в 1931 году.

О болезни и смерти оперной артистки Воронец-Монтвид, с которой Глеб познакомился в 1918 году у милейших Николая Александровича и Надежды Дмитриевны Петровых, Глеб тоже узнал из газет.*

---

* *Один из примеров того, как никому не известные и бедные артисты "просыпаются знаменитыми", – карьера лирического сопрано Екатерины Воронец (Монтвид). Антрепренер Киевской оперы Юрий Давыдов, знаток и энтузиаст своего дела, специально разъезжал по разным городам в поисках талантов. В Харьковском музыкальном училище ему показали миловидную молодую женщину в потертой одежде и стоптанных башмаках. Она жила впроголодь с мужем-студентом и выглядела далеко не примадонной. Но когда она начала петь, Давыдов тут же предложил ей контракт, который Екатерина не раздумывая подписала. В Киеве с молодой певицей приготовили партию Лизы в "Пиковой даме". Дебютировав в 1908 году, солистка сразу завоевала киевского зрителя! Триумф был оглушительным. И затем ее звонкий, теплый голос еще долго покорял киевлян партиями Татьяны в "Евгении Онегине" и Чио-Чио-Сан, Тамары в "Демоне" и Тоски, Оксаны в "Черевичках" и Аиды… Рассказывали, что в пении Екатерины Воронец отчетливо слышался украинский выговор, но это звучало так обаятельно, что только придавало ее исполнению дополнительные чары. –* ***Андрей Манчук. Свет оперных звезд. Вашъ Кіевъ***

Екатерина Дмитриевна Воронец, урожд. Монтвид, родилась в 1884 г. в Харькове, умерла в 1955-м в Ленинграде.

Е.Д. Воронец-Монтвид, фото Н.А. Петрова

В "Новом Журнале" Беклемишевы прочли стихотворение Николая Бернера.

– Постой, Оля, не мой ли товарищ это по гимназии? Ну да, и Николай и поэт.

Глеб написал ему письмо. Оказался, он самый. Жил он в Австрии в лагере [для перемещенных лиц]. Его книжка стихов была оценена в двадцатых годах в Советском Союзе, как "поэзия умирающего дворянства". Для "перевоспитания" его послали на пять лет в Соловки.*

Потом в Австрии нашёлся Владимир Фёдорович Горовиц с женой. О них тоже узнали из газет.

---

* Ежеквартальный литературно-публицистический журнал русского зарубежья. «Новый Журнал» (Нью-Йорк) был основан в 1942 г. известными писателями Марком Алдановым и Михаилом Цетлиным (поэт Амари) при участии Ивана Бунина. Николай Федорович Бернер родился в 1890 г. в Киеве, умрет-в 1969-м под Орлеаном во Франции.

В разделе "Портреты" здесь – статья Андрея Устинова "Две жизни Николая Бернера". Первая жизнь этого персонажа – активное участие в дореволюционной и пореволюционной литературной жизни Киева и Москвы в кругу В. Ходасевича, М. Кузмина, В. Брюсова и других известных поэтов. В стихотворении "Италия" (1915) он по-своему проводит характерную для тех времен силовую линию от севера к югу тогдашнего художественного пространства (лишенного, по мнению автора статьи, поэтических признаков "итальянского текста").<…> Уже в 1925 году, после недолгого соседства по знаменитому "Дому Герцена" с Осипом Мандельштамом, Бернер был арестован.<…>

И в условиях островного "особого назначения" он не оставляет литературной работы. На "материке" его стихи вышли в журнале "Гиперборей", создатели которого выступили с такой эстетической позиции: "Отказываясь от публики, мы не можем отказаться от дружбы, от атмосферы живого, хотя и в узких рамках замкнутого, писательского дела". Конечной станцией "первой жизни" для Бернера стал в 1934 году Воронеж (с возобновлением знакомства с Мандельштамом). Новым пунктом уже следующей жизни стал Зальцбург, лагерь для перемещенных лиц (со своим издательством "Колумб", выпускавшим одноименный журнал и поэтические книги). Так что здесь есть возможность донести до читателя переживания пространства смерти, в котором остались близкие люди.

<…>Из Зальцбурга Бернер переезжает в Мюнхен, где продолжает публиковаться под псевдонимом Николай Божидар, затем во Францию. Жизнь остается полной лишений из-за отсутствия практической хватки. Умер в доме престарелых на юге Франции. К очерку о жизни и творчестве прилагаются письма и несколько заметок. "Русская история не показывается просто, гордо и величаво, – намечает он отправные пути для литературы сегодняшнего дня, – а всегда с чисто "маниловской" слащавостью, а ведь наша родная история – это непочатая целина творческого видения еще не до конца разгаданных эпох. А еще столь свежие события вчерашнего дня были огромны и страшны, и творцами событий этих все-таки были люди, а не просто "комплекс" каких-то механических рычагов, приводимых в движение только чудовищной силой бездушных и слепых закономерностей". ***– Александр Люсый. Пламень, ставший неподвижным. "Знамя", 2003, №10 (Обзор – Лица: Биографический альманах. Вып. 9. /Редакторы-составители М.М. Павлова и А.В. Лавров. – СПб., Феникс, 2002)***

– Да ведь я с ним ещё на балах танцевала. Он и у нас бывал, к брату приходил. А танцевал он прекрасно.

Они оба болели, то по очереди, то оба вместе. Позже Владимир Фёдорович, после получения германского гражданства, стал получать учительскую пенсию, и положение их улучшилось.

Потом Глебу бросились в глаза несколько рассказов, появившихся в газетах за подписью П. Тутковский. Глебу-гимназисту преподавал естествознание Павел Апполинариевич Тутковский. Он прекрасно его помнил: в очках и с бородой. Преподавал он талантливо. Он был университетским профессором, и в гимназии преподавал случайно, только один год. У него был сын, Павлуша. Не он ли?

Оказался он. Много лет прожил в Париже. Писал книги по-французски, играл на рояле, занимался композицией. Теперь в США. Жена его архитектор.*

До чего тесен мир. И какие мощные протуберанцы выбросили из российского ядра такую массу людей и раскидали по свету.

142. Шеффели. Марбельхэднэк

Стук в дверь.

– Можно к вам?

---

* Отец – Павел Апполонович Тутковский (1858-1930), геолог и географ, в 1882 г. окончил естественный факультет Университета им. Святого Владимира в Киеве, в 1913 г. в качестве приват-доцента прочел в университете первую лекцию ”Задачи и пределы географии”, в 1914 г. был назначен уже ординарным профессором по кафедре географии и этнографии. Был женат на Елене Дмитриевне Згорской, умершей в 1892-м.

Их сын Павел родился в 1889 г. Из дворян Киевской губернии (значит, и папенька был таковым, но скрывал сие в советское время). Воспитывался теткой Е.Д. Тресковой, женой московского купца. В детстве учился игре на скрипке и рояле, окончил Варшавскую консерваторию. Прервал учебу в Киевском университете для прохождения в Италии класса дирижирования и композиции. Окончил юридический факультет Московского университета, служил помощником адвоката. Во время I мировой войны поступил вольноопределяющимся в Финляндскую артиллерийскую бригаду (1915 г.). В 1916 г. прошел курс Военно-юридической академии в С.-Петербурге, служил военным следователем в Тарнопольском соединенном военном суде. На фронте воевал в Отдельном тяжелом артиллерийском дивизионе, исполнял обязанности старшего офицера и командира. В 1916 г. был награжден золотым Георгиевским оружием за бой под Конюками. Дослужился до чина капитана. После революции был помощником начальника юридического отдела Военного министерства Украины при гетмане П. Скоропадском. В Гражданскую войну занимал должности военного прокурора Астраханского казачьего войска, затем помощника военного прокурора Екатеринославского военно-окружного суда, с 1920 – следователя Севастопольского Военно-морского суда. В 1920-м болел тифом, в том же году эвакуировался с армией генерала П.Н. Врангеля в Константинополь, затем жил в Белграде. Работал представителем французской торговой фирмы. Один из учредителей и член правления Союза русских писателей и журналистов в Югославии (до 1926 г.), член Союза комбатантов, Союза военных юристов. Работал над романом «Марионетки неведомого» (опубликован в 1932 г. в Париже), писал романсы. С 1928 г. жил в Париже. Работал пианистом в русском ночном кабаре на Монмартре. В 1931 г. руководил оркестром в кинематографе Л. Сирочкина, играл в ресторанах, кабаре. Одно время был директором русского ресторана в Париже. Член Объединения русских адвокатов во Франции, с 1928 г. выступал на вечерах в Союзе. Оказывал материальную помощь литераторам-эмигрантам, участвовал в благотворительных концертах в пользу Комитета помощи русским писателям и ученым (1929). Выступал как пианист в Тургеневском артистическом обществе, на авторских музыкальных вечерах (1935, 1945). В 1939 г. (в 50 лет!) был призван во французскую армию. В годы оккупации Парижа создал оркестр «Баян», с которым выступал в кинотеатрах и в театре Шартра (департамент Эр и Луар). В послевоенные годы служил в Управлении универсальными магазинами, практиковал как адвокат. Автор романсов, сочинений для оркестра (входили в репертуар Парижского симфонического оркестра), выступал как дирижер своих произведений. Опубликовал шестнадцать романов на русском языке, сотрудничал с газетами и журналами. В 1955 г. эмигрировал в США, поступил счетоводом в центральное управление и склады универсальных магазинов "Мей компани". Умер в Лос-Анджелесе в 1959-м. Первая жена (с 1913 г., Киев) двоюродная сестра Тутковская Алиса Николаевна, с 1917 г. в разводе. Ребенок от первого брака умер вскоре после рождения. Вторая жена с 1921 г. (Сербия), Екатерина Константиновна Решко, архитектор. – ***Из Интернета***

Незнакомые лица. Говорят по-русски.

– Нам ваш адрес дала Софья Ивановна. Художница. Знаете такую? Она во Флориде.

– Ну, конечно знаем.

– Меня зовут Роман Данилович, а жену Ниной Александровной.

Оба рижане. Роман Данилович [Шеффель] – полурусский-полунемец. Нина Александровна – русская. Роман Данилович служил в Риге представителем английской фирмы, продававшей сталь. Он принял германское подданство и при занятии Балтики Советами "репатриировался" в Германию. Здесь его мобилизовали и определили шофером военной машины. В качестве шофера он исколесил Украину и побывал в Крыму. Оттуда проделал обратный путь в Германию. После войны попал в лагерь немецких пленных.*

Выйдя из лагеря, встретил Нину Александровну, женился, и вот они теперь в США. Роман Данилович хорошо владеет английским языком. Работают они оба у богатого старика, как "капл", он садовником, Нина Александровна кормит старика и его сестру. Старик зиму проводит во Флориде, лето в Марбельхэднэке, и там и здесь у него дома. Роман Данилович смотрит на эту работу только как на трамплин. Он осмотрится и затеет какой-нибудь "бизнес".

– Да вы приезжайте к нам. Посмотрите. Может быть отпуск там проведёте.

Повёз Беклемишевых Николай Вакар. Поехала и [его жена] Гертруда Павловна.

Сам Марблхэд ничем особым не достопримечателен, хотя, впрочем, он оспаривает у Сэйлема звание "отца американского флота". Но зато у Сэйлема есть другая причина быть знаменитым. 250 лет тому назад в нём были повешены "сэйлемские ведьмы". Их реабилитировали уже на нашей памяти. Отсюда видно, насколько быстрее действует Советский Союз – он реабилитирует казнённых гораздо скорее. Для реабилитации Тухачевского, Якира, Уборевича и других ему понадобилось только 22 года. В этом он Америку перегнал.

Марбельхэднэк отделен от Марблхэда дамбой. Без дамбы он был бы островом. Между островом и берегом бухта, в которой стоит масса парусных лодок. На Марбельхэднэке нет магазинов, стоят только коттеджи, окружённые садами. В море вдаётся скала.

– Ну, как вам нравится здесь? – спросила Нина Александровна.

– Здесь чудесно.

– А мы присмотрели вам домик для отпуска. У соседей. Идём я вас познакомлю.

Сосед, владелец усадьбы с тремя домами, владелец "риэл естэйт" и чугунно-литейного завода в Сэйлеме. Жена его обходится без прислуги. У них четверо мальчиков.

– Пойдем, я покажу вам квартиру, – говорит она.

Квартира из четырёх комнат. Внизу ещё большая кухня-столовая и ванна. Постельное бельё, столовое бельё, посуда – всё на месте.

– Мы собираемся прожить две недели, – говорит Глеб. – Сколько мы должны платить в неделю?

– Да ничего. Дом всё равно пустует.

---

* В Интернете содержится, мягко говоря, несколько другая информация о роде деятельности Р.Д. Шеффеля на Украине. Он, оказывается, служил в казачьих формированиях спецслужб 3-го рейха, а именно в Абвергруппе АГ-106 (сначала действовала в Виннице, а с июня 1943-го по апрель 1944-го вела контрразведку в Крыму против партизан, подпольщиков и советских разведчиков), куда входила и т.н. "морская разведка Шеффеля". В АГ-106 служили: зондерфюрер Крупинский Адольф Иосифович, заместитель начальника Абвергруппы, начальник русско-казачьей группы, белоэмигрант; обер-ефрейтор Абвера Шеффель Роман Данилович, начальник морской группы, белоэмигрант; зондерфюрер абвера Филиппов Константин Викторович, белоэмигрант; переводчик Полторацкий Николай Петрович, белоэмигрант; зондерфюрер Абвера Тюрин Иван, белоэмигрант, чин РОВС; опросчик Хмыров Юрий Леонидович, бывший лейтенант РККА. – ***Вадим Махно. Казачьи войска 3-го рейха. Справочник военного коллаборационизма во 2-й мировой войне. Севастополь, 2012.***

– На таких условиях я не согласен. Я не хочу одолжения. Я хочу нанять квартиру, если, конечно, она мне по карману.

– Где вы отдыхали прошлым летом?

– В Йорк Бич, в Мэйне.

– Сколько вы там платили?

– Двадцать долларов в неделю.

– Согласны вы платить и мне ту же сумму?

– Конечно. Но как быть здесь с продуктами? Тут ведь нет магазинов.

– Роман два раза в неделю ездит в Марблхэд на машине, – вмешалась Нина Александровна, обращаясь к Оле, – вы будете ездить с ним.

Так состоялся наём домика для отпускного времени. Эти две недели Беклемишевы прожили в отдельном домике просто барами. Ходили на скалу, откуда открывался великолепный вид на океан. На воде качались буйки, отмечавшие места, где опущены ловушки для "лобстеров". Иногда приходил катер, который опоражнивал эти ловушки. А то приходили катера рыбаков. За ними тянулись стаи белых и серых чаек. Некоторые из них присаживались на корму катера.

Марблхед, штат Массачусетс

Иногда Беклемишевых навещали знакомые. Приезжала Наталья Сергеевна [Вакар] с матерью. У сына её теперь был автомобиль. Проездом из Канады на Нантакет приехали Сергей Эдуардович и Александр Сергеевич [Кригер-Войновские]. Ольга Павловна скоропостижно умерла в этом году.

Сидели над океаном под скалой. Сергей Эдуардович как-то писал Глебу, что у них в университете открывается механическое отделение, и университет мог бы предложить Глебу профессорское место на новом отделении. Глеб тогда отказался и объяснил причины. Во-первых, он не мог бы читать лекции на французском языке, во-вторых, в университете предполагали нагрузить нового профессора дисциплинами широчайшего диапазона, от деталей машин до термодинамики и паровых котлов.

– Как же вам работается теперь?

– Откровенно говоря, я чувствую себя прекрасно, – отвечал Глеб. Вы представляете себе основную разницу. Вы знаете, что задача инженера многовариантна. Заприте десять инженеров в десять разных комнат и дайте им одно и то же задание. Получится десять разных вариантов. Одни лучше справятся с задачей, другие хуже. Относительно некоторых вы скажете: "оба лучше", то есть не будете знать, кому отдать предпочтение. В Советском Союзе исходят из предпосылки, что истина одна, поэтому и правильное решение задачи одно. Раз

так, все остальные решения неверны. В таком случае только один исполнитель проекта должен быть признан, а все другие – только авторы неправильных решений. Почему же они дали неверные решения? Вероятнее всего, они знали правильное решение, но дали "ложное" решение сознательно. Следовательно они вредители и как таковые должны быть наказаны. Поэтому все проекты, все стройки, изучаются в соответствующих отделах НКВД при помощи приглашённых экспертов. Каждое несогласие эксперта с вариантом автора трактуется, как намеренная ошибка автора. Вы понимаете, какую атмосферу работы это создаёт? И как легко дышится в американских проектных бюро, где этой атмосферы нет.

Шеффели возили Беклемишевых по окрестностям. Заезжали в Глостер и в Рокпорт. Однажды вечером проехали через Магнолию. Она расположена на полуострове. С трёх сторон был океан.

143. Флорида

Годы бежали удивительно быстро. Уже несколько лет, как Глеб втянулся в новую интересную работу по правительственным заказам. И снова подходил отпуск. Софья Ивановна и Шеффели звали во Флориду.

– Как ты смотришь на небольшую прогулку во Флориду? – спросил Олю Глеб.

– Отчего же нет?

Глеб взял круговой, семейный билет. В Нью-Йорке пересадка. Условились встретиться на вокзале с К.В. Деникиной, с которой Беклемишевы были знакомы только по письмам и по фотографии.*

Оля первая узнала Ксению Васильевну.

– Я вас такой и представляла, – сказала Ксения Васильевна Оле. – А вас я представляла иным, – сказала Глебу.

Побеседовали около часу. Негр-носильщик сказал, что скоро начнётся посадка. Пошли по коридорам, лестницам, подъёмникам.

Проехали мимо Вашингтона. Дальше начало чувствоваться влияние Юга. В Джорджии росли деревья, с которых спускался мох в виде водорослей. Вон бродят розовые фламинго. Железная дорога проходит по каким-то задворкам. Постоянно видны свалки отслуживших службу автомобилей. Потом дорога пошла вдоль океана. Это уже Флорида.

Вышли на небольшой станции. В конце перрона Беклемишевы увидели Яркиных. И Георгий Яковлевич, и Софья Ивановна мало изменились, только приобрели загар.

---

* Ксения Васильевна Деникина (1892-1973) родилась в семье податного инспектора Василия Ивановича Чижа. Другом семьи Василия Чижа был молодой офицер, будущий лидер Белого движения Антон Деникин, который был старше Ксении на 20 лет. Он присутствовал на крестинах маленькой Ксении Чиж, дарил ей детские подарки, потом следил за её прилежной учёбой в институте, а во время Первой мировой войны, в 1916 году, уже будучи генералом, сделал 24-х летней девушке Ксении Чиж предложение. Революционные события 1917 года отсрочили дату женитьбы. Ксения Чиж стала женой генерала Деникина только после его бегства на Дон из Быховской тюрьмы, перед развертыванием сил Белого движения в начале Гражданской войны. Они поженились только в начале 1918 года. – ***Из Интернета***

Антон Деникин с женой и дочерью Мариной, США, 1947 г.

Автомобилем правила Софья Ивановна, Георгий Яковлевич не имел "лайсенса" ([license] – права управления автомобилем). Сначала поехали к Яркиным. Они нанимали домик у старухи, имевшей тридцать домов. Рядом с домом росли диковинные деревья, которых Беклемишевы раньше никогда не видали. Георгий Яковлевич знал их, он ведь был теперь садовником. Разъезжал на автомобиле (Софья Ивановна – шофером) по садам богачей, приезжающих в свои имения только зимой, поливал цветы, стриг траву, сажал деревья.

Софья Ивановна угостила Беклемишевых обедом. На веранде, защищенной сеткой, летал маленький попугайчик. Он садился Софье Ивановне на плечо и что-то ей щебетал, но больше сидел у зеркала и любовался собой (попугайчик был женского пола).

– А теперь поедем на наш участок, – сказала Софья Ивановна, – мы заплатили 1200 долларов за пять акров, а теперь нам предлагают тысячу за один акр.

Участок прилегал к леску. Месяц назад здесь был пожар. Сгорело несколько деревьев и пальметта на участке Яркиных. Они строили дом своими силами из цементных блоков. Дом имел уже стены и крышу. Шеффели писали Беклемишевым, что Яркины "строят себе мавзолей", потому что работа по постройке дома чересчур для них тяжела.

– А вот этот участок рядом принадлежит Шеффелям, – указала пальцем Софья Ивановна. – Теперь поедем к дому, где мы приготовили вам квартиру.

Это был одноэтажный дом из четырёх двухкомнатных квартир, в двух шагах от океана. В доме было всё необходимое, посуда и бельё. Кругом росли кокосовые пальмы и неизвестные деревья. С одного дерева на другое перелетали красные кардиналы. На проволоке сидела птица-имитатор, "работавшая" то под иволгу, то под соловья.

– Эта квартира в сезон идёт за 125 долларов в неделю, – сказала Софья Ивановна.

– А как она идёт сейчас? – спросил Глеб.

– Об этом вы поговорите с графом.

Владельцем дома был польский граф-эмигрант. Пошли к океану. Пляж тянулся ровной стрелой. Параллельно пляжу шло шоссе, а между ними зелёная полоса газона, из которой торчали стержни душа. После купанья можно смыть солёную воду пресной. С равными интервалами стояли скамейки.

В Делрей Бич было пустынно. В июне месяце здесь можно встретить только местных аборигенов. В первый же день какой-то мальчик продал Глебу за 50 центов раковину, которые в лавках продавались по 5 центов.

– Это естественно, – сказала Софья Ивановна, – не забывайте, что вы здесь "проклятые янки" и надуть вас даже похвально.

На пляже познакомились с доктором. Ему было пятьдесят лет. Каждое утро он пробегал по пляжу пять миль (по его словам).

На следующий день Беклемишевых повезли к графу. Граф жил в доме на участке земли, где разводил всякие экзотические растения – манго, японскую вишню, какой-то сорт дерева с Мадагаскара и безпустотный бамбук. Графиня пригласила Беклемишевых обедать. Взрослый сын графа, воевавший в Корее, работал в саду.

– Скажите, – спросил Глеб графа, – сколько я вам должен за квартиру в вашем доме у океана?

– Заплатите за воду, электричество и бельё.

– Но я спрашиваю о самой квартире.

– Что же я могу с вас взять? Вы эмигранты и я эмигрант.

Говорили по-английски. Глеб не мог говорить по-польски, граф не говорил по-русски. Оля, имевшая в юности польских подруг, на третий день кое-что вспомнила и заговорила с графиней по-польски.

Через три дня приехали Шеффели. Они бросили своего старика и жили теперь в Стюарте. Роман Данилович служил у молодого миллионера. Миллионер разъезжал по свету. То он был в Калифорнии, то во Флориде, то в Европе.

Шеффели повезли Беклемишевых на юг. Осмотрели форт Лаудердэл, количеством каналов напоминавший Венецию, потом поехали в Майами Бич и в Майами. Осмотрели новый аквариум с массой разноцветных рыб, гигантскими черепахами, акулами и с какими-то родственниками черноморских дельфинов, высоко прыгавшими из воды, чтобы получить свою порцию рыбы.

С юга Шеффели поехали на север. Сделали остановку в Пальм Бич. Здесь они познакомили Беклемишевых со скрипачкой Софьей Абрамовной. Муж её был участником хора Жарова и находился в это время в Австралии.*

– Вот, вы спрашиваете, как я очутилась во Флориде? Был один человек, которого мы спасли от Гитлера. Мы вовремя выписали его в Америку. Он тяжело работал, а деньги откладывал. Потом он купил землю и подарил нам пять акров в сорока милях от Нью-Йорка. Что же делать? Пришлось строить в лесу дом. Очень удобный дом. И мы хорошо его обставили. Но теперь муж уехал с хором Жарова в Австралию, а я боюсь одна жить в доме. Пришлось поехать в Пальм Бич.

Черноволосая и смуглолицая Софья Абрамовна походила на Кармен, конечно, на Кармен, какою бы она стала после сорока лет, если бы её не заколол Дон Хозе.

---

* Сегодня в России о Донском казачьем хоре Сергея Алексеевича Жарова знают лишь немногие. Парадоксально, но факт – не только люди далекие от музыки, но и подавляющее большинство любителей хорового пения в России, к сожалению, зачастую даже не слышали о существовании самого известного в мире русского хора. Созданный в тяжелейших условиях военного лагеря Чилингир в Турции в 1921 году, ставший легендарным, хор за почти шестидесятилетнюю историю своего существования объехал весь мир, выступал на самых знаменитых концертных площадках, пел перед королями, императорами и президентами, и неизменно пользовался огромным и заслуженным успехом. Высокую оценку исполнительскому мастерству хора давали не только русские эмигранты, для которых чудесное пение хора служило напоминанием о безвозвратно потерянной родине и было отдушиной в их нелегкой жизни, но и маститые музыкальные критики и корифеи хорового искусства. Выдающийся русский композитор С.В. Рахманинов очень любил хор и неоднократно поддерживал Жарова в его новаторских аранжировках и неожиданных прочтениях известных произведений. Ф.И. Шаляпин, будучи сам великолепным знатоком и исполнителем русской песни, отдавал должное певческому мастерству казаков. Специально для хора делали аранжировки и писали произведения такие корифеи музыкального искусства, как К.Н. Шведов и А.Т. Гречанинов и другие известные композиторы. – ***Из Интернета***

– Мы могли бы уехать в Австралию, – продолжала Софья Абрамовна. – У меня в Австралии двоюродный брат. Он очень разбогател там. Сначала он писал мне, когда мы приехали в США: "Я вам пришлю денег на устройство в США". Для меня несколько тысяч долларов не составляют никакой разницы, у нас было уже два случая, когда наши знакомые ехали из Австралии в США, и я писала двоюродному брату: если ты хочешь, ты можешь послать нам деньги с господином Могилевским и потом с господином Шварцманом. Но он отвечал: "Как я могу посылать такие деньги с неизвестным мне человеком?".

Потом у двоюродного брата умерла жена, и он стал звать нас к себе: "Зачем вам работать в этом проклятом Нью-Йорке, когда вы можете жить у меня и ничего не делать". Ну, мы решили не ехать. Чего нам ехать за семь миль киселя хлебать? И я написала тогда два письма, одно двоюродному брату в Австралию, а другое моей близкой подруге – в Калифорнию. В письме подруге я обрисовала двоюродного брата: деньги предлагает, но не присылает. Зовёт в Австралию жить у него, чтобы я занималась у него домашним хозяйством. Что мне дороже – скрипка или домашнее хозяйство? Пусть оно сгорит. И я, знаете, перепутала конверты. И письмо к моей подруге попало к двоюродному брату, а письмо к двоюродному брату попало к подруге. Ну, двоюродный брат рассердился. К тому же он женился второй раз и женился неудачно. Он мне написал: "Если бы вы приехали, то я бы не женился. Из-за того, что вы отказались приехать, я женился". И вот теперь я имею эту болячку.

Поужинав у Софьи Абрамовны, Шеффели с Беклемишевыми поехали дальше. Ночевали в бунгало, выстроенном Шеффелем на миллионерской земле, у них был чёрный с подпалинами доберман-пинчер.

– Имели мы с ним хлопоты, – рассказывал Роман Данилович. – Той был на дворе, а мы уехали. Приехал наш миллионер и хотел войти в дом. Той видит – чужой, предупредительно зарычал. Тот – никаких, прёт в дом. Той и схватил его за мягкое место. Тут и мы приехали. Нина залила укус йодом, да и укус-то не больно большой. Но хозяин всё сокрушался: как же так, что он не узнал хозяина. Я ведь хозяин дома, а он не пускает.

Роман Данилович показал результаты своей работы. Тянулись ряды посаженных им деревьев манго. Дальше за дорогой шла чужая земля. На ней росли хризантемы, которые освещались сетью электрических лампочек. Не особенно далеко от дома был вырыт пруд. На нём плавали дикие утки, которые вели себя, как домашние. Было два выводка молодых утят.

– Однажды я заметил, что утята стали исчезать, – говорил Роман Данилович. – Что за притча? Стал я осматривать пруд и вижу, какое-то бревно лежит. Присмотрелся – аллигатор. Их теперь запрещено убивать, но я этого всё-таки пристрелил.

Потом Шеффели повезли Беклемишевых к Некрасовым. Некрасовы жили в ранчо на берегу канала или реки, не поймёшь, что оно такое. Дом был окружён садом с лимонными деревьями, деревьями манго, бананами. Некрасовы приехали в США из Франции, поселились в Нью-Йорке, потом переехали во Флориду. Некрасов организовал мастерскую, где выдавливались тарелки из красной меди. Они посыпались цветным стеклом, обжигались в печи и расходились по Америке. Мастерская находилась в двух милях от жилого дома.

В гостиной на стене висел портрет госпожи Некрасовой. Она была очень красива. В Америке госпожа Некрасова стала жертвой автомобильной катастрофы, в которой столкнулось пять автомобилей. Она очень пострадала, но Флорида сделала чудо, госпожа Некрасова совсем поправилась в ранчо над рекой.

Шеффели отвезли Беклемишевых обратно в Делрей Бич. Тогда ими занялись Яркины. Сначала они повезли их в место, где была имитирована дикая Африка. Поезд из открытых вагончиков вёз посетителей в "Африку", у ворот стоял "африканец" в соответствующем наряде и со щитом. За несколько долларов в день он изображал дикаря. На полянах между деревьями паслись зебры и антилопы гну, бродили длинноногие страусы.

Потом публику пересаживали на моторную лодку и везли её к острову, на котором жили маленькие обезьянки. На деревьях ближе к входу сидели разноцветные попугаи.

На следующий день Яркины повезли Беклемишевых к дяде Яркина. Его дядя был певцом в хоре Жарова, но уже ушёл на покой. Теперь во Флориде управлял большим домом, с квартирами богатых американцев и канадцев, приезжавших во Флориду зимой. Он был женат. Жена его служила в "Риэл Истейт", при помощи которого дядя Яркина купил уже два дома. Он показал Беклемишевым дом, которым он управлял и в котором временно жил. При доме был большой плавательный бассейн.

– Во Флориде приятно побывать, – сказал Глеб, – но я не хотел бы в ней жить.

– Почему?

– Она не располагает к труду. Кроме того население её слишком резко делится на миллионеров и на персонал, обслуживающий миллионеров. К первым я не могу принадлежать, а ко вторым – не хочу.

Подходил конец отпуска. Поезд двинулся. Перрон с махавшими руками Яркиными и Шеффелями поплыл назад.

144. Прошлое отодвигается

Время бежало, и эмигрантский мир, связанный какими-то нитями с Беклемишевыми, участвовал в двух процессах: с одной стороны, его члены приспосабливались к новой обстановке и пускали корни в чужую почву, с другой стороны, они старились и слабели. В этих процессах участвовали и сами Беклемишевы.

Некоторые из эмигрантов жили в Америке уже 8 лет, другие 10, а то и 17, как Вакары. Самые старые члены семейств уже умерли. Так, умерла Елизавета Карповна Петренко и мать Радзиевского. Ольга Павловна Воинова не в счёт, она умерла ещё не старой. Оправдывались стихи Георгия Иванова:

Мы вымираем по порядку,
Кто по утру, кто вечерком.
И на кладбищенскую грядку
Ложимся ровненько, рядком...

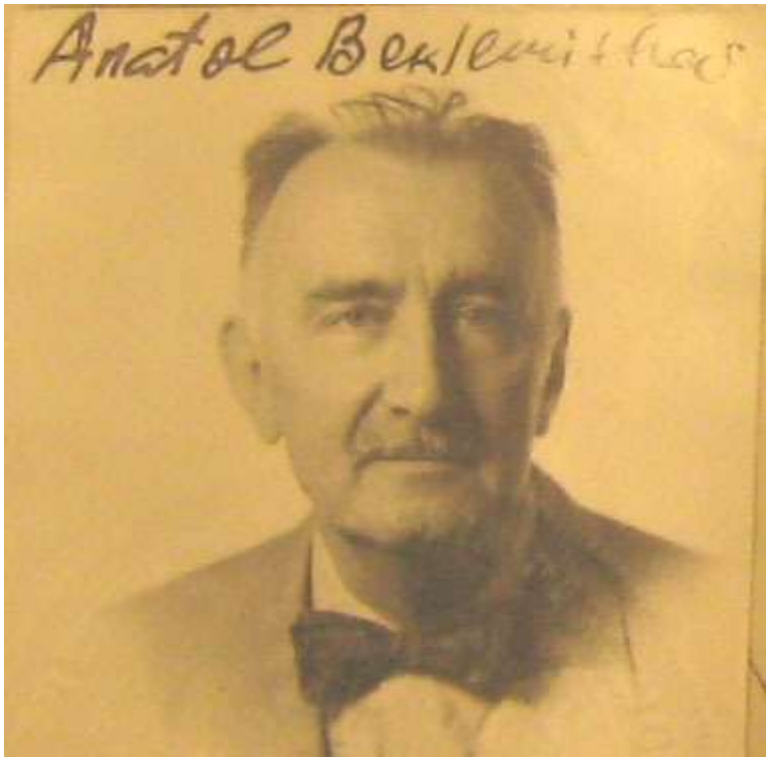
Глеб тоже не миновал госпиталей. Диагностика в госпитале не стояла на высоте. Он перенёс тяжёлую операцию и через полгода попал в другой госпиталь, где другой врач спас ему жизнь. Спустя четырнадцать месяцев после операции Глеб начал опять работать, но "парт тайм" [(неполный день)].

Наиболее благополучно сложились обстоятельства у Е. Радзиевского. Он был зачислен штатным "ассистант профессор" университета, написал книгу по-английски и летом работал консультантом в американской фирме, куда летал на самолёте. Радзиевский построил дом, заказав его подрядчику по своим чертежам и сметам, и переехал в него с женой и дочерью.

Преуспевал и Кособоков в Канаде. Он стал авторитетом в термическом цехе завода аэропланов, подготовил к печати книгу о термической обработке металлов и тоже построил себе дом. В канадском журнале поместили статью о его деятельности с его портретом.

Петренко преуспевал в своей области. Он специализировался на вспомогательных механизмах для самолётов, и на заводе его ценили и хорошо оплачивали. Плохо было то, что Ирина Григорьевна стала плохо видеть.

Яркины достроили свой дом во Флориде и переехали в него. Шеффель продолжал служить у своего миллионера, а Нина Александровна открыла ресторан.



А.П. Беклемишев, фото на свидетельстве о натурализации в США, 1955 г.

Базилевичи купили домик, перешли на пенсию и подрабатывали в пределах, разрешённых законом. В свободное время Евгения Петровна писала рассказы, которые печатались в газете, а муж её красил и перекрашивал в своём доме все части его, которые только можно было красить.

Инженер Остапенко получил степень магистра и степень доктора. Ярослав Билинский так же был уже доктором философии и начал преподавать в женском колледже.

– Ну, там его уже женят, – говорила Оля.

145. Магнолия

Это место Беклемишевы увидели первый раз, когда ещё ездили с Шеффелями по побережью из Марбельхэднэк. Оно им понравилось, и они проводили в нём отпуск в течение пяти лет, до и после Флориды. Поправляться после операции Глеб поехал снова в Магнолию. Там Беклемишевы познакомились с симпатичной четой Гинцев. Гинц был много лет в эмиграции в Харбине. В США он был профессором в Берклей, а затем работал в Вашингтоне. Эмилия Львовна делила своё время между Вашингтоном и Берклеем, где жил сын.

На следующее лето Беклемишевы снова провели два месяца в Магнолии. Глеб должен был поставить себя на ноги, чтобы опять начать работать. Магнолия была когда-то модным и дорогим курортом. За последние годы она опустела, сохранив свои выгодные климатические качества. Богатые туристы концентрировались в большом отеле, около которого всегда стояли кадиллаки.

Беклемишевы всегда, кроме первого года, останавливались в одном и том же турист-хаузе, хозяином которого был средних лет плотный человек, сын еврея, эмигрировавшего из России. Отец ещё говорил по-русски, сын уже не говорил. У хозяина в Бостоне были дома и бюро, поставлявшее певцов, певиц и докладчиков-лекторов. Он приезжал летом в Магнолию с женой и двумя усыновлёнными мальчиками.

Как-то раз, когда хозяин вёз Глеба в Магнолию, они заговорили о "Войне и Мире". Фильм "Война и Мир" появился тогда на экранах*. Когда Глеб сказал, что картина поставлена по роману Льва Толстого, хозяин спросил: "Это тот, которого убили в Мексике?". Он смешал Льва Толстого со Львом Троцким.

С лёгкой руки Беклемишевых в турист-хаузе стали останавливаться русские эмигранты. Они приезжали из Бостона и Нью-Йорка на день, два, на две и на пять недель. Они заполняли более половины турист-хауза. За два месяца Беклемишевы перевидали в Магнолии больше людей, чем за год у себя дома. Приезжали Петренко и Дудины из Нью-Йорка, Крестовоздвиженские, Бутов, Наталья Сергеевна Вакар, Николай Вакар, Радзиевские. Приезжали и знакомые американцы и американки. Пианистка Ирина Смитс три года учила русский язык. Она имела большой запас слов, но могла иногда сказать что-нибудь комическое. Так, увидев однажды, что Оля готовит борщ, она сказала: "Я знаю – это борщ. С чем вы его делаете, с барабаном или с телегой?". Оля догадалась – это значило: с бараниной или с телятиной.

Приехал к Беклемишевым американский инженер Бим Ленд с женой-итальянкой. Приезжал с женой и один из директоров бюро, где работал Глеб. Это было вдвойне приятно: директор был очень интеллигентным и симпатичным человеком и, во-вторых, это означало, что директор рассчитывает продолжать с Глебом работать и не считает его немедленным кандидатом на кладбище.

В окрестностях были хорошие места для прогулок. Ходили или в лес, или на скалы, названные компанией "Скалы Лонгфелло", потому что они упоминаются в одном из стихотворений Лонгфелло. Чаще сидели на камнях, расположенных в одном квартале от турист-хауза и выдающихся в океан. Над ними всегда пролетали чайки. С них в океан спускались "фрог мен" [(frogmen – аквалангисты)] в чёрных костюмах и с кислородными баллонами за спиной. Океан был холодным, и жители турист-хауза купались в "свиминг пул" [(в бассейне)], который был арендован хозяином в этом году у сгоревшей гостиницы. Это было большим удобством.

У многих знакомых были автомобили. Крестовоздвиженские, Петренко, Ирина Смитс возили Беклемишевых в Глостер, в Рокпорт, в заповедник в Нью-Хемпшире. Вечером Глеб и Оля ходили смотреть на заход солнца или на луну.

– Что день грядущий нам готовит, мы не знаем, но, как сказал Георгий Иванов:

Этот вечер голубой
Ещё наше владение...

Летом в Магнолии встречались и старые знакомые, и возникали новые знакомства. Тут были люди из Петербурга, Москвы, Киева, Харькова. Их пути лежали через Белград, через Берлин, Париж, Прагу, Харбин. Однажды Глеб сидел на скалах с одним пожилым эмигрантом, прожившим двадцать лет в Югославии.

– Не страдаете вы ностальгией? – спросил он.

– Абсолютно нет. Если речь идёт о местах, в которых прошла молодость, то мне их не хватает. Я вспоминаю холмы и перелески Подольской губернии, сосновые леса и берега Днепра у Киева, южное побережье Крыма, Северный Кавказ и Закавказье и его черноморское побережье... Но я никогда не скучаю по человеческой среде. Я хорошо знаю, что той среды, которая мне была близка, в природе не существует, а от позднейшей среды я сознательно бежал.

– А что вы разумеете под близкой средой, дореволюционную русскую интеллигенцию?

---

* В 1956 г. в США был выпущен фильм «Война и мир», с Одри Хепберн в роли Наташи Ростовой. Фильм шел в советском прокате. Несколько своеобразная трактовка образов классического романа и обильная «клюква» в сценах, изображавших русскую жизнь, стали главным побудительным мотивом для руководства СССР, выделившего большие деньги на достойную для романа Л. Толстого экранизацию. – ***Из Интернета***

– Если хотите, да. Среда эта, совершенно исчезнувшая, имела особенные черты. В Америке существует такое идиоматическое выражение: "Ай хэв батерфляйс ин май стомак" ("я имею бабочек в желудке"). Это означает, что человек имеет затруднения, чувствует себя не совсем в порядке. Российское государство, или, если хотите, российское общество, имело в своём желудке бабочек. Российские интеллигенты, отдельно взятые – очень милые люди, были бабочками. Они, сломя голову, летели на огонь революции, опалили в нём свои крылья и, исковерканные, скрюченные, упали к подножью факела. Их больше нет.

– А что же там есть?

– Как вам объяснить. Я начну издалека. Не помню точно, в каком году это было, кажется в конце прошлого столетия, к Южному Полюсу через снежные поля, через торосы и трещины в ледяных массивах, двигались с двух сторон две экспедиции: норвежца Амундсена и англичанина Скотта. Амундсен обогнал Скотта. Огорчённый Скотт на обратном пути умер. Скотт пользовался в экспедиции лошадьми, навьюченными провизией. Лошади не были приспособлены к снеговым полям, к бездорожью Антарктики. Амундсен ехал на собаках. Он вёз гораздо меньше провизии. Сами собаки служили провиантом. По мере того, как поклажи становилось меньше, съедали и собак. Экспедицию можно было бы организовать ещё рациональнее, если бы Амундсен мог постепенно съедать и участников экспедиции. Потребность в провизии уменьшилась бы, а одни члены экспедиции подкармливали бы собой других. Но Амундсен убивать людей не мог.

Целью его был Южный Полюс, средством служили собаки. Полюс открывался не для них. Они должны были умирать для кого-то другого, для целей, с которыми они ничего общего не имели, для славы Амундсена, для будущих поколений людей, которые извлекут из полярного материка уголь, железную руду или уран.

Но что было невозможно для Амундсена, то было доступно Ленину и Сталину. Они могли убивать людей. Целью был полюс коммунизма. Средством были люди, которых гнали к полюсу. Люди должны были умирать в беге с тяжёлым грузом к полюсу коммунизма, который ни они, ни дети их, брошенные в армию беспризорных, никогда не увидят, даже если допустить, что коммунизм мог бы принести людям счастье.

Ни Амундсен не спрашивал лаек, хотят ли они бежать по льду к Южному Полюсу, ни Ленин и Сталин не спрашивали желания людей. Они гнали их бичами. Была одна разница: от лаек не требовали выражения энтузиазма. Люди, впряженные Лениным и Сталиным в нарты, должны были кричать "ура".

Вы спрашиваете – скучаю ли я по упряжке? Откровенно говоря – нет, не скучаю.

146. Письмо Фёдору Романовичу

Вечером Глеб и Оля сидели вместе. Думали они о прошлом, о друзьях, погибших и рассеянных по миру. Глеб медленно прочёл две строки Георгия Иванова:

Холодно... В сумерках этой страны
Гибнут друзья, торжествуют враги...

Сколько их погибло? Янушевские, Линно, Владимир Викторович Вакар... Не будем считать. А другие разбросаны по материкам. Больше всего мне хотелось бы, чтобы с нами были Адя Белинг и Фёдор Романович [Коваленко]. Оказались мы в руках идиотов, которые хотели перестроить мир, каждый по своим планам, но руками миллионов людей, посланных на смерть.

Рассказать обо всех мировых дураках,
Что судьбу человечества держат в руках?
Рассказать обо всех мертвецах – подлецах,
Что уходят в историю в светлых венцах?

Для чего?...

Напишу-ка я Фёдору Романовичу [в Сан Франциско].

И Глеб сел писать. После приветствий он продолжал:

«Вы помните, как в нашем детстве по дворам ходил старый шарманщик с попугаем или обезьянкой. За медный пятак бедная птица или обезьянка вытаскивала свёрнутую картинку. Мне запомнилась одна. Она изображала жизнь человека. Вот он родился, потом идёт в школу с книжками, дальше он с девушкой в белом платье, женится, сидит за столом отцом семейства. Дальше от кульминации его жизнь катится вниз. Всё это происходит в одной стране, в одном городе.

Человек, изображённый на картинке, вероятно, начал службу коллежским регистратором, а закончил её статским советником, в лучшем случае – действительным статским советником.

Насколько разнообразнее была картина жизни человека нашего времени. Началась бы она одинаково, но потом человек – студент, человек – юнкер, человек – подопытное животное в экспериментальной лаборатории Ленина-Сталина, человек – арестант, может быть, человек – доходяга, человек – беженец в Германии или Австрии. Человек – эмигрант в Германии, Франции, в США, в Канаде, в Аргентине или Австралии. Чем только он не занимается, в какие ситуации не попадает. Картина стала значительно разнообразнее.

Подходя к концу картины, вытянутой на мою долю обезьянкой шарманщика, я ни на что не пеняю. Я не говорю: "Ах! Если бы можно было начать жить сначала!". Как поётся в песне:

Если б Волга-матушка да вспять побежала,
Если б можно молодцу жить начать сначала...

Ничего не хочу переделывать. Мне, впрочем, везло. Я скажу так, как сказала одна английская леди, дожившая до ста лет. А сказала она так, как будто вышла из кино: "А всё же было интересно".

Да, несмотря на то, что в человеческой жизни есть много тёмного, что часто торжествуют негодяи и прохвосты, всё же было интересно.

Человек, и как активный участник жизни, и как зритель, меняется в течение жизни. Сначала ему кажется, что жизнь легко перестроить по рациональному плану, и что человек имеет для этого достаточно ума и сил. К концу жизни от этого убеждения ничего не остаётся, и он говорит, как сказал к концу жизни [писатель-эмигрант Михаил] Осоргин: "Менять одно рабство на другое – этому не стоило отдавать жизнь"*. А человек только то и делает, что меняет шило на швайку**.

В молодости, а иногда и в средних летах, человек любит всё "великое". Ему нужны "великая родина", "великая победа" и "великая революция". Все эти "великости", именно "великость", а не "величие", зависят только от масштаба. Наша планета сама только какой-нибудь электрон в атоме супер-мира. Что на ней может быть великим? Величие может быть, действительно, в чувстве, в жертве, в любви, но оно не поддаётся измерению метром.

Некий писатель, настоятель Кентерберийский Джонсон, в одной из своих книг взял территорию России при Николае 2-ом, вычел из неё территорию России при Иоанне 3-ем, разделил разницу на число прошедших лет и на 365 дней и

---

* *Революция последовательна и едина, и Февраль [1917-го] немыслим без Октября. Был неизбежен и был нужен полный социальный переворот, и совершиться он мог только в жестоких и кровавых формах. Я это знаю и принимаю фатально, как судьбу. Но чувство не могло никогда оправдать возврата к организованному насилию, к полному отказу от того, что смягчало в наших глазах жестокость минут переворота, – отказу от установления гражданской свободы<...>. Менять рабство на новое рабство – этому не стоило отдавать жизнь.* – ***Михаил Осоргин. Времена. Париж, 1955***

** Швайка – большое шило, с помощью которого плетут лапти, южное, новгородское (Даль).

умилился. Россия росла в среднем со скоростью стольких-то квадратных километров в день.

Почему он не проделал такой же расчёт с Британской империей, начиная от Ричарда Львиное Сердце и кончая королевой Викторией? Или с Римской империей, начиная с похищения сабинянок и кончая императором Веспасианом, или другим, когда Риму были подчинены Галлия, Иберийский полуостров, Британские острова, Греция, Египет, Палестина и Север Африки?

Если бы мне было поручено вручить пальмовую ветвь автору, написавшему самую идиотскую книгу, я отдал бы ветвь достопочтенному патеру Джонсону.

Мы скоро скажем "Финита ля комедиа". Не за горами время, когда Хрущёв "со товарищи" не будет представлять для нас никакой опасности. (Я думаю, что и он от нас не очень отстанет). Как сказал Георгий Иванов:

Всё на свете не беда,
Всё на свете ерунда,
Всё на свете прекратится –
И, всего верней, проститься,
Дорогие господа,
С этим миром навсегда...

А всё же были в жизни неплохие дни. Разве плохо было плыть студентом на лодке от Киева до Херсона, когда старый мир ещё не колебался под ногами.

Хорошо было и ходить по киевским садам весною, когда цветут каштаны и поют над Днепром соловьи, и смотреть на мир четырьмя, а не двумя глазами, так сказать стереоскопически.

Хорошо было в советские времена забраться куда-нибудь к чёрту на кулички, в горы Кавказа, и знать, что тебя не достанут, по крайней мере в течение месяца.

Даже в лагере, после войны, бывали хорошие дни, в горах Гарца, у звенящего ручья, под хвоей елей, под синим небом.

Оглядываясь назад, я вижу свою жизнь разделенной на четыре периода. Первый идёт вплоть до окончания Института и до октябрьского переворота. Я помню его как период студенческой жизни, период материальной необеспеченности, но полной независимости и бытовой свободы.

Второй – период, когда тебя всяческими скорпионами гонят на перестройку мира. При полной зависимости, ты должен чувствовать максимум энтузиазма. Ура! Мы погибнем в пользу поколений, которые в 22-ом веке насладятся всеми преимуществами коммунизма. Третий период – лагеря в Германии. Полная зависимость, но без требования энтузиазма. Уже легче. Четвёртый период – опять бытовая свобода плюс политическая свобода. Но пара в котле осталось уже немного. Стрелка манометра идёт к нулю.

Жизнь могла бы быть много лучше, если бы не было людей, жаждущих великих дел, великих битв. На великие дела хорошо смотреть из императорской ложи, со скамей амфитеатра, наполненных любопытной и глупой толпой. Гораздо хуже гладиаторам, выполняющим приказ императора.

А. Браиловский так писал о жизни:

Жизнь пробежала, как в романе...
Проснулся: холод... тишина...
Деревья в снеговом тумане,
Над ними мёртвая луна.
Часы нечаянно нащупал...
Блеснул холодный циферблат...
Не видно стрелок...
Ближе к уху:
– Стоят...
Так может быть остановилось

Земное странствие души...

Но сердце билось, билось, билось,
Я слышал стук его в тиши...*

Вы подумайте только, сколько миллионов лет потребовалось, чтобы на каком-то шарике Солнечной системы из возникшей органической жизни в виде амёбы развилась такая сложная органическая конструкция, как человек.

Этому сложному организму, с мозгами, способными мыслить, отведено 60-80 лет жизни, один миг в жизни планеты, и то "мировые дураки" её урезывают, используя человека, как материал при постройке своих карточных домиков.

На наших глазах рождается новый, не очень понятный нам мир, который тоже займётся самоуничтожением. А наш мир растворяется в воздухе. Догорают последние его головешки. По Георгию Иванову:

Невероятно до смешного,
Был целый мир – и нет его...
Вдруг – ни похода ледяного,
Ни капитана Иванова,
Ну, абсолютно, ничего!

Днём около дома носятся мальчики лет 7-8-ми. Они оглушительно воют и стреляют из игрушечных пистолетов. В войну, вероятно, играют и в Пекине, и в окрестностях Москвы. Лет через 15 они начнут играть в настоящую войну. Думаю, что этой игры мы уже, к счастью, не увидим.

Мы ведь видели достаточно. На наш век хватит.

В последнем письме вы писали об удивительном техническом прогрессе нашего века. И действительно, люди запускают в пространство астероиды, вращающиеся вокруг солнца. Были они мальчиками, сидели на берегу реки и пускали по поверхности реки плоские камушки. Камушки подпрыгивали три-четыре раза и тонули.

Мальчики выросли и стали швырять в бездонное пространство двухтонные камни за миллионы миль. Какая радость.

Наши предки не имели электричества. Добывая сознание у пленных врагов, они пользовались простой жаровней с углем. Теперь при пытках можно поджаривать пятки на электрической плите. Разве это не прогресс?

И ещё вопрос. Представьте себе, что техника и наука дойдут до того, что построят "машину времени" Герберта Уэльса. Я не знал бы, куда на ней ехать, назад в средневековье или вперёд в царство коммунизма, построенного по планам Ленина-Сталина-Хрущёва? Куда бы вы поехали?».

---

* Александр Браиловский. Дорогою свободной. Книга стихов. Издательство "Орфей", Нью-Йорк, 1955

Александр Браиловский (1884, Ростов-на-Дону – 1958, Лос-Анджелес). В 1905 году принимал участие в неких «событиях», в результате которых был приговорен к повешению. Повешение, как водится, заменили каторгой, на 15 лет поэт отправился в Акатуй, но и там Браиловский продолжал то бунтовать… то писать письма Валерию Брюсову. Через год Браиловский сбежал, покидая Россию навсегда. Первая его книга оригинальных стихотворений («Полынь») вышла в 1913 году в Париже, вторая и последняя, не считая переводов и фельетонов – «Дорогой свободной» – в Нью-Йорке в 1955. В 1917 году эмигрировал в Америку, иначе говоря, стал одним из немногих людей, для которых «дореволюционная» эмиграция плавно перешла в «послереволюционную». – ***http://www.vekperevoda.com***

147. Письмо второе

«Вы спрашиваете, как меня принимали у К. Чудно, почти так любезно, как американские капиталисты принимали Микояна? Второй ваш вопрос был о ностальгии. Представьте себе никакой ностальгии до сих пор не чувствую. О! Конечно, я хотел бы повидать места, где протекла молодость, увидеть деревья, которые я посадил мальчиком в Подольской губернии, снова увидеть берега Днепра, Ирпеня, Роси, Десны, Крымское побережье, солнечную Абхазию, подняться к Храму Воздуха в Кисловодске, проехать из Теберды в Домбайскую поляну, но только, как турист.

Я не могу без отвращения думать о тех человеческих отношениях, которые характерны для тамошнего общества. Разве нет в нём хороших людей? Сколько угодно. Но общество это устроено так, что всегда эти хорошие люди являются страдающей стороной. Всегда торжествует несправедливость, наглое хамство насильника, донос, подхалимство. Ими отравлен воздух. Вы должны молчать, не можете возмущаться, когда на ваших глазах гибнут невинные люди.

Наконец, возьмите обыкновенный быт. Вы идёте на службу, встречаете ряд людей. Многие из них ваши сослуживцы, хорошие знакомые, друзья. От них ничего не зависит. Если завтра вы будете гибнуть на их глазах, они должны будут молчать, так же как и вы будете молчать, если их будут незаслуженно поносить или если они исчезнут так, как будто их никогда не было.

Кругом них движется особая порода людей, щупальца огромной, слепой и бессердечной машины, которая называется партией. Органы длинных конечностей этой машины не могут не выполнять определённых функций по поставке машине человеческих жертв, иначе они сами за это ответят. Логика простая: на советской ниве должны быть плевелы. Их надо вырывать. Если вы их не вырываете, значит вы не бдительны. И низовые партийцы стараются доказать свою бдительность.

Рядовой человек ходит на работе, как олень в лесу. Нервы и мускулы его напряжены. Он оглядывается кругом, откуда ждать опасности, вылетит ли из чащи кабан или прыгнет с дерева рысь? С отвращением идёт он на работу, как гладиатор на арену.

Но и дома не лучше. За ним следят злые глаза дворника, состоящего секретным агентом, управдома, жаждущего продать комнату, которую вы освободите.

И вот ныне, в чужой стране, со скромным знанием языка, я еду на работу с удовольствием. Прежде всего я не боюсь, что меня предадут суду, если я опоздаю. На службе от меня требуют только одного – чтобы я приносил пользу делу. Это всё. Я не вижу никаких погонял. Я не чувствую тайных врагов. Наоборот, я постоянно встречаю доброжелательное отношение. На каждом заданном мною вопросе меня не стараются изловить, а наоборот стараются помочь мне. Когда после болезни врач запретил мне работать больше шести часов в день, для меня сделали исключение – позволили мне работать сокращённый день. Когда после болезни я не мог ездить на службу, мне позволили брать работу на дом. После моего жизненного опыта, доказавшего, что "человек человеку – волк", я просто не могу понять, почему люди взяли меня безъязычного, поставили на ноги и окружили простым человеческим отношением, вернули мне, отнятое ранее, чувство собственного достоинства.

Недавно я прочёл о случае с матросом, который не умел плавать. Огромная волна смыла его с палубы корабля. Он считал себя погибшим. Но другой вал подхватил его и выбросил на палубу.

Так и я смотрю на свою судьбу. Я болтался на поверхности бурного океана. Волна вынесла меня на американский берег. Солнце высушило одежду. Я вошёл в прибрежное селение и очутился в новом обществе людей, напоминавших своим добродушием и человечностью общество моей юности.

А вы спрашиваете меня о ностальгии. Нет, я не знаю, что такое ностальгия».

А.П. Беклемишев (Касьян Прошин)

1959 г.

Болею Божиею, 25 сего мая, в 3 часа дня
после тяжкой болезни скончался
АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ
БЕКЛЕМИШЕВ
(КАСЬЯН ПРОШИН)
о чем извещают
убитая горем ЖЕНА и близкие.
Отпевание покойного состоится завтра, 27 мая в 10 час. утра в бостонском Св.-Троицком Каф. Соборе, 165 Парк Драйв.

Н. П. Вакар с семьей
ИЗВЕЩАЕТ О КОНЧИНЕ ДОРОГОГО БРАТА
АНАТОЛИЯ ПЕТРОВИЧА
БЕКЛЕМИШЕВА
ПОСЛЕДОВАВШЕЙ, 25 СЕГО МАЯ, В Г. БОСТОНЕ.

28/5-59

РЕДАКЦИЯ НОВОГО РУССКОГО СЛОВА
с глубоким прискорбием извещает о кончине
ДОЛГОЛЕТНЕГО СОТРУДНИКА ГАЗЕТЫ
АНАТОЛИЯ ПЕТРОВИЧА
БЕКЛЕМИШЕВА
(КАСЬЯНА ПРОШИНА)
и выражает соболезнование
СЕМЬЕ ПОКОЙНОГО.

27/5-1959